

ISSN 2541-8297

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ФАКТ

2018 № 10

Federal State Budget Institution of Science
A.M. GORKY INSTITUTE OF WORLD LITERATURE
RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
“LITERARY HERITAGE”

LITERARY FACT

Academic journal

Published since 2016

2018. No. 10

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ им. А.М. ГОРЬКОГО
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
«ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДСТВО»

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ФАКТ

Научный журнал

Издается с 2016 г.

2018. № 10

Основан в 2016 г. Выходит 4 номера в год

Редакция

Олег Анатольевич Коростелев (главный редактор)
Сергей Игоревич Панов (заместитель главного редактора)
Владислав Александрович Резвый (выпускающий редактор)
Елена Валерьевна Глухова, Михаил Викторович Строганов (редакторы)

Редколлегия

Константин Маркович Азадовский, Германская академия языка и литературы
(Дармштадт, Германия / Санкт-Петербург)
Алексей Юрьевич Балакин, Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН
(Санкт-Петербург)
Николай Алексеевич Богомолов, МГУ им. М.В. Ломоносова (Москва)
Наталья Васильевна Корниенко, ИМЛИ РАН (Москва)
Вячеслав Анатольевич Кошелев, Арзамасский филиал Нижегородского
гос. университета им. Н.И. Лобачевского (Арзамас / Великий Новгород)
Александр Васильевич Лавров, Институт русской литературы
(Пушкинский Дом) РАН, (Санкт-Петербург)
Игорь Евгеньевич Лоцилов, Институт филологии СО РАН (Новосибирск, Россия)
Дарья Сергеевна Московская, ИМЛИ РАН (Москва)
Вадим Владимирович Полонский, ИМЛИ РАН (Москва)
Федор Борисович Поляков, Институт славистики Венского университета (Австрия)
Олег Анатольевич Проскурин, университет Эмори (Атланта, Джорджия, США)
Абрам Ильич Рейтблат, ИД «Новое литературное обозрение» (Москва)
Михаил Викторович Строганов, Российский гос. университет дизайна
и технологии им. А.Н. Косыгина (Москва / Тверь)
Андрей Львович Топорков, ИМЛИ РАН (Москва, Россия)
Марина Ивановна Щербакова, ИМЛИ РАН (Москва, Россия)

Международный редсовет

Стефано Гардзонио, Пизанский университет (Пиза, Италия)
Андрей Леонидович Зорин, Оксфордский университет (Великобритания) / Московская
высшая школа социальных и экономических наук (Москва)
Дмитрий Павлович Ивинский, МГУ им. М.В. Ломоносова (Москва)
Павел Михайлович Лавринец, Вильнюсский университет (Вильнюс, Литва)
Джон Малмстад, Гарвардский университет (Бостон, США)
Геннадий Владимирович Обатнин, университет Хельсинки (Финляндия)
Леа Лембитовна Пильд, Тартуский университет (Тарту, Эстония)
Даниела Рицци, университет Ca' Foscari (Венеция, Италия)
Александр Федорович Строев, Университет Новая Сорбонна–Париж 3
(Париж, Франция)
Роман Давидович Тименчик, Еврейский университет (Иерусалим, Израиль)
Лазарь Соломонович Флейшман, Стэнфордский университет (Пало-Алто, США)
Манфред Шруба, Миланский университет (Милан, Италия)

Founded in 2016. Quarterly edition

Editors

Oleg Korostelev (Editor-in-chief)
Sergei Panov (Deputy Editor-in-chief)
Vladislav Rezvyi (Executive Editor)
Elena Glukhova, Mikhail Stroganov (Editors)

Editorial Board

Konstantin Azadovsky, German Academy for Language and Literature
(Darmstadt, Germany / Saint-Petersburg, Russia)
Alexei Balakin, Institute of Russian Literature (the Pushkin House) of the RAS
(Saint-Petersburg, Russia)
Nikolay Bogomolov, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)
Natalia Kornienko, Institute of World Literature of the RAS (Moscow, Russia)
Vyacheslav Koshelev, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Arzamas
branch (Arzamas / Veliky Novgorod, Russia)
Alexander Lavrov, Institute of Russian Literature (the Pushkin House) of the RAS
(Saint-Petersburg, Russia)
Igor' Loshchilov, Institute of Philology, Siberian Branch of the RAS
(Novosibirsk, Russia)
Darya Moskovskaya, Institute of World Literature of the RAS (Moscow, Russia)
Vadim Polonsky, Institute of World Literature of the RAS (Moscow, Russia)
Fyodor Polyakov, Institute of Slavic Studies, University of Vienna
(Vienna, Austria)
Oleg Proskurin, Emory University (Atlanta, GA, USA)
Abram Reitblat, “Novoe literaturnoe obozrenie” Publishing House (Moscow, Russia)
Mikhail Stroganov, Kosygin Russian State University of Design and Technology
(Moscow / Tver', Russia)
Andrei Toporkov, Institute of World Literature of the RAS (Moscow, Russia)
Marina Shcherbakova, Institute of World Literature of the RAS (Moscow, Russia)

International Editorial Council

Stefano Garzonio, University of Pisa (Pisa, Italy)
Andrey Zorin, Oxford University (Great Britain), Moscow School of Social and
Economic Sciences (Moscow, Russia)
Dmitry Ivinsky, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)
Pavel Lavrinets, Vilnius University (Vilnius, Lithuania)
John Malmstad, Harvard University (Boston, MA, USA)
Gennady Obatnin, University of Helsinki (Finland)
Lea Pild, University of Tartu (Tartu, Estonia)
Daniela Rizzi, University Ca' Foscari (Venice, Italy)
Alexander Stroeov, New Sorbonne University – Paris 3 (Paris, France)
Roman Timenchik, Hebrew University of Jerusalem (Jerusalem, Israel)
Lazar Fleishman, Stanford University (Palo Alto, CA, USA)
Manfred Schrubba, Milan University (Milan, Italy)

Содержание

ИЗ ТВОРЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ

В.В. Нехотин, В.А. Резвый. Шарль Бодлер в поздних переводах Арсения Альвинга 8

МЕМОАРИ. ПИСЬМА. ДНЕВНИКИ

Н.А. Богомолов, А.Л. Соболев. Письма А.А. Кондратьева к В.Я. Брюсову 38

А.И. Рейтблат. Наблюдательный Наблюдатель:
Н.И. Греч и III отделение 108

БИОГРАФИЯ И АВТОБИОГРАФИЯ В КУЛЬТУРЕ СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА

Е.В. Глухова. От составителя 165

И.Б. Делекторская. Мифотворчество Андрея Белого
в «Одной из обителей царства теней» 166

Р.Д. Дэвис, М.В. Козьменко. Неизвестное письмо Леонида Андреева
к Максиму Горькому 173

Д. Оболенска. История из писем и воспоминаний.
Константин Лигский – «дорнахский антропософ» 184

Л.В. Павлова. Профессор провинциального университета:
Об одном эпизоде из жизни Вячеслава Иванова 196

В.В. Петров. «Воспоминания странного человека, Андрея Белого»
как дневник состояний сознания 210

Д.О. Торшилов. Лирическая автобиография: Анализ Андреем Белым собственных
стихов по кривой Баранова-Рема 236

Е.Е. Чугунова-Полсон. «Бог при создании закутал его сердце в темные ткани»:
Концепт неоготического в блоковых дневниках и записных книжках 253

А. Шмитт. Медитативный опыт Андрея Белого как ключ к его историософской
концепции «Самосознающей души» 267

С.Н. ДУРЫЛИН — ИСТОРИК ЛИТЕРАТУРЫ

С.П. От составителя 293

Г.В. Нефедьев. С.Н. Дурьлин и Метнеры:
К истории творческих взаимоотношений 294

И.В. Мотеюнайте. С.Н. Дурьлин о «Шерамуре» Н.С. Лескова 307

С.И. Панов. Неизданная статья С.Н. Дурьлина о стихотворении П.А. Вяземского
«Орфографическое замечание» 321

СТАТЬИ. ЗАМЕТКИ. СООБЩЕНИЯ

Ю.А. Рыкунина. Человек будущего, устрица и гермафродит:
Две заметки к истории декадентства 355

Р.Д. Тименчик. Заметки комментатора. 7. К иконографии
Осипа Манделштама 368

А.А. Бабиков. Письмо В.В. Набокова к Е.А. Малоземовой 385

ВОПРОСЫ ТЕКСТОЛОГИИ

И.А. Виноградов. Новые датировки пятидесяти писем Н.В. Гоголя 393

ИЗ ИСТОРИИ НАУЧНОЙ ЖИЗНИ

А.М. Конечный. «Тема Петербурга-Ленинграда для меня жизненная»:
Письма В.Н. Топорова к А.М. Конечному 428

ЛИТЕРАТУРНЫЕ СПРАВОЧНИКИ И СЛОВАРИ

Факты жизни — факты литературы? Обсуждаем «Летопись жизни и творчества
Александра Сергеевича Грибоедова. 1790—1829». Сост. Н.А. Тархова.
М.: Минувшее, 2017. 608 с. Составитель М.В. Строганов 439

Contents

FROM LITERARY HERITAGE

<i>Vladimir Nekhotin, Vladislav Rezvy.</i> Arseny Alving's late translations from Charles Baudelaire	8
---	---

MEMOIRS. LETTERS. DIARIES

<i>Nikolay Bogomolov, Alexander Sobolev.</i> Alexander Kondratiev's letters to Valery Bryusov.....	38
<i>Abram Reitblat.</i> An observant Observer: Nikolay Grech and the Third Section	108

BIOGRAPHY AND AUTOBIOGRAPHY IN THE CULTURE OF THE SILVER AGE

<i>Elena Glukhova.</i> Compiler's note	165
<i>Ioanna Delektorskaya.</i> Andrei Bely's myth-making in his book "An Habitation in the Kingdom of Shadows"	166
<i>Richard Davies, Mikhail Kozmenko.</i> An unknown letter from Leonid Andreev to Maxim Gorky.....	173
<i>Diana Obolenska.</i> A story from letters and memoirs. Konstantin Ligsy — "anthroposophist of Dornach"	184
<i>Larisa Pavlova.</i> Professor of a provincial university: On one episode from Vyacheslav Ivanov's life.....	196
<i>Valery Petroff.</i> "Memories of a Strange Man, Andrei Bely" as a diary of states of consciousness.....	210
<i>Dmitry Torshilov.</i> Lyrical autobiography: Andrei Bely's analysis of his poems by means of the Baranov-Rem curve	236
<i>Elena Tchougounova-Paulson.</i> "God, when creating, wrapped his heart in dark fabrics": Neo-Gothic concept in Blok's diaries and notebooks	253
<i>Angelika Schmitt.</i> Andrei Bely's experience of meditation as a key to his historiosophical conception of "self-conscious soul"	267

SERGEY DURYLIN AS A LITERARY HISTORIAN

<i>S.P.</i> Compiler's note.....	293
<i>Georgy Nefediev.</i> S.N. Durylin and the Metners: Personal and literary relations	294
<i>Ilona Motejunaite.</i> Sergey Durylin on Nikolay Leskov's "Sheramur".....	307
<i>Sergey Panov.</i> S.N. Durylin's unpublished article about P.A. Vyazemsky's poem "A Remark on Orthography"	321

ARTICLES. NOTES. MATERIALS

<i>Yulia Rykunina.</i> Man of the future, oyster and hermaphrodite: Two notes on the history of Decadence	355
<i>Roman Timenchik.</i> Notes of a commentator. 7. On Osip Mandelstam's iconography.....	368
<i>Andrei Babikov.</i> Vladimir Nabokov's letter to Elizaveta Malozemova	385

TEXTUAL CRITICISM ISSUES

<i>Igor Vinogradov.</i> New dating of N.V. Gogol's fifty letters.....	393
---	-----

FROM THE HISTORY OF ACADEMIC LIFE

<i>Albin Konechny.</i> "Petersburg-Leningrad is a vital topic for me": V.N. Toporov's letters to A.M. Konechny	428
---	-----

LITERARY GUIDES AND DICTIONARIES

Facts of life — facts of literature? Discussing "Chronicle of A.S. Griboyedov's Life and Work. 1790–1829". Comp. by N.A. Tarkhova. Moscow, Minushee Publ., 2017. 608 p. Comp. by M.V. Stroganov	439
---	-----

ИЗ ТВОРЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ

DOI 10.22455/2541-8297-2018-10-8-37

УДК 821.161.1

Шарль Бодлер в поздних переводах Арсения Альвинга

© 2018, В.В. Нехотин, В.А. Резвый

Аннотация: Впервые публикуются статья А.А. Смирнова-Альвинга (1885–1942) «Шарль Бодлэр» (1930) и его поздние переводы тринадцати стихотворений из «Цветов зла»; приведены также ранние переводы этих стихотворений из малодоступного издания (1908).

Ключевые слова: Шарль Бодлер, Арсений Альвинг, французская поэзия XIX века в русских переводах.

Информация об авторах: Владимир Владимирович Нехотин, с.н.с., ИМЛИ РАН, Москва, Россия. E-mail: nehotin@gmail.com

Владислав Александрович Резвый, сотрудник отдела «Литературное наследство», ИМЛИ РАН, Москва, Россия. E-mail: telemachus1981@gmail.com

Цитирование: *Нехотин В.В., Резвый В.А.* Шарль Бодлер в поздних переводах Арсения Альвинга // *Литературный факт.* 2018. № 10. С. 8–37.

Долгое время остававшаяся неразысканной¹ подборка из «маленькой статьи и нескольких стихотворений Бодлэра в переводе высокограмотного переводчика — Арсения Альвинга», как рекомендовал его в апреле 1930 г. для несостоявшейся публикации в «Новом мире» А.В. Луначарский, отложилась в домашнем архиве московского профессора Б.С. Каплана. Нынешний владелец унаследовал ее в числе бумаг Н.М. Подгоричани (второй жены А.А. Смирнова-Альвинга)², хранившихся у его дяди Е.Я. Черняка (1904–1975)³. У Б.С. Каплана сохранился

¹ См.: *Богомолов Н.А.* Из истории русского бодлерианства: Три заметки // *Богомолов Н.А.* Вокруг «серебряного века»: Статьи и материалы. М., 2010. С. 554.

² См. о ней: *Подгоричани Н., гр.* Четки из ладана; Шахматные стихи. М., 2015. С. 327–333.

³ Значительная часть собрания Е.Я. Черняка разошлась в последние годы его жизни, как, например, находившийся в 1980-х в собрании П.С. Романова альбом А.А. Кондратьева с автографами И.Ф. Анненского и Н.С. Гумилева (еще раньше от-

также машинописный сборник стихотворений Альвинга (345 л.; судя по сбоям в нумерации, несколько листов утеряно) с датировками от 1910 до 1941 г.

Подборка состоит из трех частей: рукописного автографа «7 Стихотворений Бодлэра (в переводе Арсения Альвинга)» на обеих сторонах одного листа и датой «3/ХІІ 38»; неозаглавленной и недатированной машинописи на 14 листах с рукописной правкой, включающей заметку «Шарль Бодлэр» и переводы семи стихотворений; наконец, позднейшей неавторизованной машинописи на 12 листах, озаглавленной «ШАРЛЬ БОДЛЕР. из цикла “Цветы зла” в переводе А. Альвинга» и включающей те же заметку (здесь датированную: «3 декабря 1938 г.») и переводы. В отличие от ранней редакции заметки, здесь бессистемно перемежаются написания «Бодлэр» и «Бодлер», встречаются смысловые несообразности, не вписаны слова на латинице (количество которых заметно уменьшилось). В целом этот список носит очевидные следы осмысленной адаптации под изменившиеся издательские стандарты, однако явно не считается, что позволяет не воспроизводить его полностью, ограничившись лишь указаниями на существенные разночтения с ранней редакцией.

15 стихотворений, поименованных Альвингом в отдельном перечне, очевидно, реально были переведены им заново. Тексты шести переводов известны по машинописи⁴ из собрания Льва Владимировича Горнунга, одного из ближайших друзей Альвинга, сохранившего большую часть его личного архива. На первом листе машинописи заглавие: «Арсений Альвинг / 10 переводов из “Fleurs du Mal” / Ch. Baudelaire’a. 1924 г.». 2 листа (последних?) и, соответственно, 2 перевода утрачены. Первые 2 из 8 сохранившихся переводов — «Бездна» и «Часы» — вошли в подборку, готовившуюся для «Нового мира»; тексты стихотворения «Бездна» идентичны, варианты ранней редакции перевода «Часов» даны в подстрочных примечаниях.

После двух подборок для сравнения приводятся переводы тех же стихотворений из издания: «Бодлер Ш. Цветы зла. Пер. Альвинга. Изд. “Гелиос”. СПб. 1908. Ц. 1 руб. 25 коп. Тип. “Сириус”»⁵, действитель-

туда был вырезан и продан отдельно автограф А.А. Блока) или подаренные Нине Подгоричани 27 мая 1928 г. (дата по дневниковой записи Л.В. Горнунга указана Т.Ф. Нешумовой) «два ее портрета (масло и рисунок) работы Валентина Яковлева», выполненные в 1919 г. в колчаковском Омске: портрет маслом работы В.А. Яковлева (1887–1919) утрачен уже давно, рисунок на ярком сине-зеленом картоне сохранился у Е.Я. Черняка по меньшей мере до конца 1940-х.

⁴ Отдел рукописных фондов Государственного литературного музея (ОРФ ГЛМ). Ф. 397 (Горнунг Л.В.). Оп. 2. Ед. хр. 317. 8 л.

⁵ <Боднарский Б.С.> Справочный указатель книг и журналов, арестованных с 17-го октября 1905 года: Вып. 1: По 1-е мая 1908 г. М., 1908. С. 6. Выдержки из постановлений об аресте не приведены, книга помечена индексом «ц» (цензура); другие встречающиеся в этом указателе сокращения: «п» — полиция, «с» — суд.

но редкого⁶, хотя недоступность его всё же преувеличена⁷. На форзаце библиотечного переплета экземпляра РГБ (шифр Э-1169, инв. номер 69–34) запись: «Запрещена к обращению (см. Справочн. указ. вып. I по 1/V.1908. Стр. 6.)». Прежние шифры этого экземпляра: U-0/471 (т.н. «нулевой шкаф», отечественный аналог l'Enfer), C/102 (МК ГБЛ; дата передачи в фонд Музея книги не зафиксирована). Как любезно указал Л.В. Бессмертных, значительно позже (лишь «29/XII-49 г.») экземпляр был возвращен из МК в Отдел 13 (спецхран, ныне ЛОП ФБ), где спустя 20 лет («10/I-69 г.») прошел обработку, получив нынешний шифр хранения в составе фонда «Э» («Эротика»). Отличительная особенность экземпляра РГБ — проставленная карандашом стандартная римская нумерация стихотворений.

Очевидную задачу сопоставления переводов Альвинга как друг с другом, так и с оригинальными текстами Бодлера оставляем коллегам.

7 Стихотворений Бодлера
(в переводе Арсения Альвинга)

		количество строк
1.	Отречение Св. Петра	— 32
2.	Авель и Каин	— 32
3.	Вино тряпичников	— 32
4.	Бездна	— 14
5.	Жалобы Икара	— 16
6.	Непокорный	— 14
7.	Часы	— 24
		164 строки

⁶ Нам известен еще один экземпляр в московском частном собрании; экземпляр РНБ (шифр хранения 38.78.9.115) de visu не просматривался.

⁷ Ср.: «...перевод “Цветов зла” Альвинга мало доступен. Он определенно существует, на него указывают Н.И. Балашов и И.С. Поступальский, но, как рассказывает Е. Витковский, эти литературоведы книгу Бодлера на самом деле не видели, не видел ее и сам Е. Витковский. Альвинг (Арсений Алексеевич Смирнов (1885–1942)) был репрессирован в 1934 году, и его публикации подверглись уничтожению. Отдельного тома его трудов не существует. Сборник 1908 года ... и нам увидеть не удалось» (Тимашева О.В. Реплики и комментарии к модели «русского Бодлера» // Соловьевские исследования. 2016. Вып. 1(49). С. 144). Насколько известно, срок, который Альвинг отбывал в Бамлаге (с марта 1934 по декабрь 1936 г.), к изъятию его немногочисленных книжных публикаций не привел; обратное водворение издания 1908 г. в спецхран произошло спустя почти восемь лет после смерти Альвинга, рациональные мотивы этого неизвестны.

Кроме того предлагаю вниманию редакции Антологии⁸ перечень еще пятнадцати стихотворений Ш. Бодлэра, которые, по моему разумению хорошо характеризуют творчество поэта.

1.	Падаль —	48 строк
2.	Волосы —	35
3.	Маленькие старушки —	84
4.	Пляска Смерти —	45
5.	Сплин —	14
6.	Балкон —	30
7.	De profundis —	14
8.	Рыжей нищенке —	56
9.	Молитва сатане —	6
10.	Амур и череп —	20
11.	Альбагрос —	16
12.	Смерть любовников —	14
13.	Две добрые сестрицы —	14
14.	Я не забыл —	10
15.	Lola —	4
		425 строк

З/ХП 38

Альвинг [подпись]

ШАРЛЬ БОДЛЭР

Имя Шарля Бодлэра (Charles Baudelaire⁹) (1821–1867), крупного французского поэта и вообще одного из величайших европейских по-

⁸ Судя по количеству перечисленных стихотворений, нельзя исключить, что замысел этой неустановленной «Антологии» мог восходить еще к проекту издательства «Academia», на провал которого Альвинг сетовал в июле 1931 г. (см.: *Богомолов Н.А.* Из истории русского бодлерианства. С. 553). Следует учесть, что скрупулезные подсчеты количества строк вообще характерны для беловых текстов Альвинга, см, например, его «Пояснительно-учетный материал (на 6-ти листах) к рукописям стихотворений Арсения Альвинга» (РГАЛИ. Ф. 21. Оп. 1. Ед.хр. 6).

⁹ В поздней редакции «Charles Baudelaire» опущено.

этов XIX века, стало известным русским читателям, по переводам его стихотворений, в 70-х годах прошлого столетия.

Первым переводить Бодлера на русский язык начал Курочкин, популярный переводчик Беранже¹⁰. Далее стихотворения поэта переводили: Урусов¹¹, Якубович-Мельшин («П.Я.»¹²)¹³, Бальмонт, Брюсов, Сологуб, Анненский, Панов, Эллис, Альвинг и др. Переводы стихотворений французского поэта печатались в различных русских¹⁴ журналах и отдельными пьесами, и группами, и целыми циклами в виде приложений к сборникам оригинальных стихотворений тех, или иных переводчиков (Мельшин, Анненский)¹⁵ и, наконец, самостоятельными книгами (переводы «Цветов зла» Мельшина, Эллиса и Альвинга. 1895–1909 г.г.¹⁶). Последний по времени перевод «Цветов зла» — Мельшина — (1909 г.) включает в себе 100 стихотворений, т.е. две трети пьес, имеющих во французском подлиннике¹⁷. Полностью (151 стихотворение) “Les Fleurs du Mal”¹⁸ были переведены и выпущены отдельными книгами трижды: Пановым (в 1907 г.)¹⁹, Эллисом (в 1908 г.)²⁰ и Альвингом (в том же году)²¹.

Причем за перевод отдела “Révolte” (протест, бунт)²² все три сборника (другие переводчики не касались названного отдела) по настоянию духовной цензуры были конфискованы и преданы ауто-де-фе, а переводчики присуждены к «церковному покаянию»²³. Не везло этой прекрасной

¹⁰ В действительности первые переводы Бодлера на русский принадлежат Николаю Степановичу Курочкину (1830–1884), старшему брату переводчика Беранже В.С. Курочкина. См.: *Бодлер Ш. Цветы зла: по авторскому проекту третьего издания* / Изд. подгот. Н.И. Балашов, И.С. Поступальский. М., 1970. С. 238, 339–340, 376–377, 445.

¹¹ Князь Александр Иванович Урусов (1843–1900).

¹² В поздней редакции «П.Я.» опущено.

¹³ Петр Филиппович Якубович (псевдонимы: Л. Мельшин, П.Я. и др.; 1860–1911). См.: *Поступальский И.С.* Материалы к библиографии русских переводов стихотворений Шарля Бодлера в неперіодической печати // *Бодлер Ш. Цветы зла: по авторскому проекту третьего издания*. С. 460–466.

¹⁴ В поздней редакции слово «русских» опущено.

¹⁵ *Якубович П. (Л. Мельшин)*. Стихотворения. 3-е изд., вновь доп. Т. II. СПб., 1906; *Ник. Т.-о.* Тихие песни: С приложением сборника стихотворных переводов «Парнасцы и проклятые». СПб., 1904; 2-е изд. (посмертное). Пб., 1923.

¹⁶ *Бодлер Ш.* Стихотворения / [Пер. П. Якубовича]. М., 1895.

¹⁷ Цветы зла: С 2 портретами и характеристикой автора / Пер. П. Якубовича-Мельшина. СПб., 1909.

¹⁸ В поздней редакции «Цветы зла» вместо “Les Fleurs du Mal”.

¹⁹ *Бодлер Ш.* Цветы зла: Полный перевод с французского издания 1900 г., с биографией-характеристикой Шарля Бодлера А.А. Панова. В 2 т. СПб., 1907.

²⁰ *Бодлер Ш.* Цветы зла / Пер. Эллиса, вступ. ст. Теофила Готье; предисл. В.Я. Брюсова. М., 1908.

²¹ *Бодлер Ш.* Цветы зла: Пер. Арсения Альвинга. СПб., 1908.

²² В переводе Альвинга 1908 г. — «Протест», в переводе Эллиса — «Мятеж».

²³ В библиографической справке, составленной хорошо информированным Д.С. Усовым, указано лишь, что «Полный перевод “Цветов зла” Бодлера, выполненный А., был конфискован духовной цензурой за “кощунство” и “богохульство”»

книге ни в России, ни на ее родине²⁴ — во Франции, где еще в 1857 году тотчас по выходу 1-го издания (состоявшего из 116 стихотворений — Остальные 35²⁵ были присоединены поэтом позже и вошли во второе издание, 1861-го года, которое и явилось прототипом для всех последующих). “Les Fleurs du Mal”²⁶ были строго осуждены правительством Наполеона III-го, в лице Парижской «полиции нравов» и квалифицированы, как произведение, «противное религии и нравственности». Автор и издатель были оштрафованы, а часть стихотворений из издания — вырезана. Любопытно отметить, что, несмотря на ряд переизданий и на включение «Цветов зла» в полное собрание сочинений Ш. Бодлера, Французская республика только в наши дни, в 1929 году, официально реабилитировала эту, наделавшую столько шума семьдесят четыре года назад, книгу²⁷. Сурово отнеслось к стихам своего поэта и большинство тогдашнего французского общества. Совершенно иначе встречены были “Fleurs du Mal” литературными кругами²⁸. Виктор Гюго, например, отвечая из своего изгнания взволнованному и расстроенному Бодлеру — писал: «Я получил Ваше благородное письмо и Вашу чудесную книгу. Искусство беспредельно, как небесная лазурь. Вы только что доказали это. Ваши “Цветы зла” блестят, как звезды. Продолжайте. Я кричу изо всех сил “браво” Вашему отважному духу. Позвольте же мне кончить эти несколько строк поздравлением. Вы получили одну из редких наград, какие может дать существующее французское правительство — Вы осуж-

(Писатели современной эпохи: Биобиблиогр. словарь. Т. 2. М., 1995. С. 25); относительно «ауто-де-фе» (так в обеих редакциях) см.: «Автор сожженного цензурой в 1908 г. перевода Бодлера (“Цветы зла”, изд. Гелиос). Отзыв о переводе — Семен Рубанович: “Весы”, 1908 г. № 6, стр. 69–71. ... Статья об А.А. в Словаре ГАХН — Д. Усова (т. II. М. 1928 г.)»; «автор сожженной по постановлению цензуры книги переводов Бодлера» (*Архиппов Е.Я.* Рассыпанный стеклярус: Соч. и письма / Сост., подгот. текста, коммент., вступ. ст. Т.Ф. Нешумовой. В 2 т. М., 2016. Т. I. С. 206, 390).

²⁴ В поздней редакции «Родине» с прописной буквы.

²⁵ В действительности в первом издании (1857) 100 стихотворений, во втором (1861) — 127 (считая нумерованное “Au Lecteur”); «116» получается при механическом вычитании из обозначенного в третьем издании (1868) количества стихотворений (151, не считая “Préface”) тридцати пяти, добавленных во второе издание по сравнению с первым (без учета ни изъятых из второго издания стихотворений, ни брюссельских “Les Épaves” 1866 г.). Очевидно, что реально Альвинг пользовался стандартным посмертным “édition définitive”.

²⁶ В поздней редакции «Цветы зла» вместо “Les Fleurs du Mal”.

²⁷ В 1929 г. министром юстиции Луи Барту был инициирован пересмотр судебного решения 1857 г., тогда, однако, незавершенный; формально оно было отменено лишь в 1949 г. Оставшееся неизменным в обеих редакциях «семьдесят четыре года назад» подтверждает, что текст написан Альвингом не позднее 1930 г., вопреки позднейшей датировке второго списка.

²⁸ В поздней редакции: «Совершенно иначе встретили “Цветы зла” литературные круги».

дены во имя того, что оно зовет своей моралью и своим правосудием. Это лучший венок для Вас. Жму Вашу руку, поэт!»²⁹.

“*Fleurs du Mal*” разделены на шесть отделов: “*Spleen et Idéal*” («Сплин и идеал» 107 пьес), “*Tableaux parisiens*” («Картины Парижа» 20 пьес), “*Le Vin*” («Вино» 5 пьес), “*Les Fleurs du mal*” («Цветы зла» 10 пьес), “*Révolte*” («Бунт» 3 пьесы) и “*La Mort*” («Смерть» 6 пьес)³⁰. Книге предпослана обстоятельная и блестящая вступительная статья Теофиля Готье³¹, которому, в пламенных выражениях и посвящен весь сборник. («Истинному поэту, необыкновенному чародею французской литературы, моему дорогому и уважаемому учителю и другу Теофилю Готье, с чувством глубокого смирения посвящаю я эти болезненные цветы. Ш.Б.»³²). Статья Готье вошла и в 4-х томное “*Œuvres complètes*” (полное собрание сочинений) Бодлэра (Paris. 1886)³³.

Литературное наследие Ш. Бодлэра исчерпывается «Цветами зла», «Маленькими поэмами в прозе» (“*Les petits poèmes en prose*”), «Искусственными обителями блаженства» (“*Les Paradis artificiels*”), перевод. на русск. яз. Лихтенштадт³⁴, и дневником «Мое обнаженное сердце» (“*Mon cœur mis à nu*”), перевод. на русск. яз. Эллисом³⁵ и чудесными переводами на французский язык Эдгара По³⁶. К перечисленному мож-

²⁹ Письмо от 30 августа 1857 г., в некоторых изданиях датированное и 30 апреля, см., например: “J’ai reçu votre noble lettre et votre beau livre. L’art est comme l’azur, c’est le champ infini : vous venez de le prouver. Vos *Fleurs du Mal* rayonnent et éblouissent comme des étoiles. Je crie bravo de toutes mes forces à votre vigoureux esprit. Permettez-moi de finir ces quelques lignes par une félicitation. Une des rares décorations que le régime actuel peut accorder, vous venez de la recevoir. Ce qu’il appelle sa justice vous a condamné au nom de ce qu’il appelle sa morale; c’est là une couronne de plus. Je vous serre la main, poète. Victor Hugo. Hauteville-House, 30 avril 1857” (*Hugo V. Correspondance*. T. II (années 1849–1866). Paris, MDCCCCL. P. 272).

³⁰ В поздней редакции: «“Цветы зла” разделены на шесть отделов: “Сплин и идеал” (107 пьес), “Картины Парижа” (20 пьес), “Вино” (5 пьес), “Цветы зла” (10 пьес), “Бунт” (3 пьесы) и “Смерть” (6 пьес)».

³¹ *Gautier Th.* Charles Baudelaire // Baudelaire Ch. *Les Fleurs du Mal: Précédées d'une notice par Théophile Gautier*. Paris, 1868. P. 1–75.

³² Альвинг воспроизводит собственный перевод посвящения (*Бодлэр Ш.* Цветы зла: Пер. Альвинга. С. [3]), за исключением отсутствующей в издании 1908 г. запятой после «Теофилю Готье».

³³ В поздней редакции «Париж, 1886 г.». Семитомное собрание сочинений “*Œuvres complètes*” (три последних тома занимают переводы из Эдгара По) было выпущено еще в 1868–1870 гг. издательством “*Michel Lévy frères*”, третье издание «Цветов зла» оформлено как первый том собрания (см.: *Bibliothèque Nationale*. Charles Baudelaire: Exposition organisée pour le centenaire des *Fleurs du Mal*. Paris, 1957. P. 111); повторено парижским издательством “*Calmann-Lévy*” в 1885–1896 гг.

³⁴ *Бодлэр Ш.* Искания рая / Пер. В.[О.] Лихтенштадта. СПб., 1908.

³⁵ *Бодлэр Ш.* Мое обнаженное сердце / Пер. Эллис. М., 1907.

³⁶ В поздней редакции здесь несчитанный текст (выпало слово «исчерпывается»), французских названий нет, русские сокращения раскрыты: «Литературное наследие Ш. Бодлэра “Цветами зла”, “Маленькими поэмами в прозе”, “Искусственными обителями блаженства”, переведено на русский язык Лихтенштадт, и дневни-

но прибавить еще интереснейшую и обширную переписку поэта с его друзьями. Это наследие не очень велико в количественном отношении, но в качественном — его удельный вес весьма значителен. В прозе (все, предназначавшиеся к опубликованию, стихотворения собраны поэтом исключительно в сборнике «Цветы зла») Бодлер такой же изумительный мастер и стилист, как и в поэзии; читая его «поэмы в прозе» совершенно забываешь отсутствие в них элементов³⁷ эвфонии, присущих стиху.

Ключом к раскрытию смысловой ценности творчества Бодлера могут служить следующие строки из его «Плана предисловия ко второму изданию “Цветов зла”»: «Одни говорили мне, что мои стихи могут принести зло; это не доставило мне никакой радости. Другие, добродушные люди, — что они могут принести добро; и последнее несколько меня не огорчило. Опасения одних и надежды других меня одинаково удивили и еще лишний раз доказали мне, что наш век утратил все классические понятия в области литературы. Несмотря на содействие, оказываемое некоторыми известными педантами прирожденной человеческой глупости, я ни за что не поверю, что моя родина в состоянии с такой быстротой подвигаться по пути прогресса. Этот мир покрыт столь толстым слоем пошлости, что презрение к нему со стороны каждого умного человека неизбежно приобретает силу страсти. Тем не менее имеются такие юродивые черепахи, на которых даже яд слова не оказывает никакого действия»³⁸.

Всей мощью таланта, всей огненной лавиной словесного оформления своей поэзии обрушивается автор «Цветов зла» на эту пошлость. В умении высмотреть, констатировать и художественно-творчески заклеить ее, эту пошлость, «толстым слоем покрывшую мир» и черпает художник темы своих, нелегких для поверхностного восприятия, своеобразных и мрачно-прекрасных стихотворений. Как старое, потускневшее, но подлинное золото, сверкают изумительные «злые» цветы его книги, а сам он, как редкостный садовник, лелеет их корни, блюдет их пышный, впечатляющий расцвет.

ком “Мое обнаженное сердце”, переведено на русский язык Эллисом и чудесными переводами на французский язык Эдгара По».

³⁷ В поздней редакции «элемента».

³⁸ Здесь Альвинг почти дословно воспроизводит перевод Эллиса (*Бодлер Ш. Цветы зла: Перевод Эллиса. С. VII–VIII; то же: Бодлер Ш. Цветы зла и Стихотворения в прозе в переводе Эллиса. Томск, 1993. С. 6*), лишь удалено «эти» перед «мои стихи», «блаженные черепахи» (в оригинале “carapaces heureuses”, см.: *Projets d'une preface pour la seconde edition des Fleurs du mal: Première version // Baudelaire Ch. Œuvres posthumes. Paris, 1908. P. 12*) изменено на «юродивые черепахи», к «яду» прибавлено отсутствующее в оригинале и у Эллиса «слова». В позднейшей редакции — вероятная описка «и последнее меня несколько огорчило», «Родина» с прописной буквы.

Конечно, Бодлэр пессимист, конечно, отрава его слов, при известной близорукости, может быть учтена, как сильно-действующее средство, но ведь часто подобные средства бывают и спасительно-единственными, могущими поддержать (а может быть и воскресить) усталый, одряхлевший организм...

Мрачный колорит Бодлэровской поэзии это не кокетливый траур неглубокого вдовства, а подлинная философская скорбь по утраченной радости жизни. Источники этой скорби однородны с теми, которыми питались творчества таких больших мировых скорбников, как Байрон, Leopardi, Мюссе, Эспренсэда³⁹, но пил Бодлэр «из собственного стакана». И хрусталь этого сосуда был отлично и тонко гранен.

Конечно, ни известное⁴⁰ манерничанье, ни экзотика, ни упадочничество⁴¹ (недальновидные литературоведы считают Бодлэра родоначальником «декадентства») определяют сущность и амплитуду творчества автора «Цветов зла». Смысловые корни этого творчества уходят глубоко в ту историческую почву реакционной эпохи, которая отмечает своим знаком весь период, непосредственно примыкающий к дате 48 года, года неудавшейся революции во Франции — событию, так приметно деформировавшему настроение всей Европы.

Изображая пресыщенность и порочность быта современного ему буржуазного общества, с одной стороны и всю нищету, тяжесть и жалкое существование рабочего класса, с другой — поэт никогда не делил, в этом отношении, ни своих личных, ни творческих симпатий. Они всецело были не на стороне правящего, а на стороне угнетенного класса⁴². Угнетенные, обездоленные, бесправные всегда находили в лице Бодлэра своего апологета. Рабочие французской столицы, жители ее глухих окраин бесперебойно пользовались особым, пристальным вниманием поэта. В этом смысле совершенно достаточно будет сослаться на ряд таких стихотворений, как «Вино тряпичников» (“Le vin de chiffonniers”) или «Смерть бедняков» (“La mort des pauvres”)⁴³. Недаром Бодлэр так ценил и любил певца рабочих Пьера Дюпона⁴⁴, бок о бок с которым он пытался защищать, в свое время, июньские баррикады.

³⁹ Хосе де Эспронсэда (José de Espronceda; 1808–1842).

⁴⁰ В поздней редакции слова «известное» нет.

⁴¹ В поздней редакции «упадничество».

⁴² В поздней редакции нечитанный пропуск слов: «Они всецело были на стороне правящего, а на стороне угнетенного класса».

⁴³ В поздней редакции французские названия опущены.

⁴⁴ Pierre Dupont (1821–1870); см.: *Baudelaire Ch. Notice sur Pierre Dupont // Dupont P. Chants et chansons (poésie et musique)*. T. 1. Paris, 1851. P. 1–8; *Baudelaire Ch. Pierre Dupont // Œuvres complètes de Charles Baudelaire*. T. III: *L'Art romantique*. Paris, 1885. P. 191–206; *Baudelaire Ch. Réflexions sur quelques-uns de mes contemporains*. VIII. Pierre Dupont // *Ibid.* P. 376–385.

Не только с карандашом изысканного эстета, но и с острым скальпелем хирурга-анатома (пусть снявшего с дверей своего дома дощечку с обозначением приемных часов и мрачно углубившегося, в конце концов, в лабораторные исследования) подходил писатель и к явлениям обступавшей его жизни. Тем ценнее и содержательнее, может быть, становилось его творчество, тем больше напоминает оно нам творчество нашего Достоевского, «поэта нашей совести»⁴⁵, как назвал однажды автора «Карамазовых» один из проникновеннейших русских критиков конца прошлого и начала текущего столетия — Иннокентий Анненский.

Социальная значимость творчества Ш. Бодлэра — огромна, она не только не потускнела в наши дни обще-мировой социалистической перестройки — наоборот, ее лучи сверкают ярче, мудрее, ослепительнее и становятся для нас более понятными и приманчивыми.

Вниманию читателей предлагаются переводы⁴⁶ семи стихотворений Ш. Бодлэра из книги его «Цветы зла»⁴⁷: «Отречение святого Петра» (“Le Reniement de Saint Pierre”) из отдела “Révolte”, «Авель и Каин» (“Abel et Caïn”), отсюда же, «Вино тряпичников» (“Le vin de chiffonniers”) из отдела “Le vin”, «Бездна» (“Le gouffre”), «Жалобы Икара» (“Les plaintes d'un Icare”), «Непокорный» (“Le rebelle”) и «Часы» (“L'horloge”). Все четыре последние пьесы из отдела “Spleen et Idéal”. Стихотворения «Отречение святого Петра» и «Авель и Каин» — инкриминировались царской⁴⁸ цензурой и навлекали обычно, при⁴⁹ своем опубликовании в России, кару на переводчиков по линии статьи, наказующей за «распространение кощунственных и богохульственных идей».

Арсений Альвинг

⁴⁵ Из статьи «Иуда, новый символ. 1. Обаяние Достоевского» (Анненский И. Книги отражений. М., 1979. С. 147).

⁴⁶ Здесь авторская сноска «Переводы сделаны Арсением Альвингом», в поздней редакции отсутствующая.

⁴⁷ В поздней редакции: «из книги его “Цветов зла” (переводы А. Альвинга)», далее сразу следует «Четыре последние пьесы...».

⁴⁸ «Царской» вписано от руки поверх густо зачеркнутого слова.

⁴⁹ Весь последующий текст написан от руки.

ОТРЕЧЕНИЕ св. ПЕТРА⁵⁰.

Чем занят бог, когда горячая волна
 Проклятий и хулы восходит к серафимам.
 Под грохот богохульств, в покое нерушимом
 Он спит, отяжелев от мяса и вина.

Казненных жертв мольбы, и вопли, и стенанья,
 Его, как сладкая симфония, пьянят,
 Когда он видит кровь, его глаза горят
 И небеса полны кровавого желанья.

О, бедный Иисус, ты помнишь сад ночной,
 Оливы гнулись там и ты склонил колена
 Перед⁵¹ тем, кто хохотал, когда пришла измена,
 Когда ты распят был безумной толпой⁵².

Когда божественность оплевана устами
 Всей этой своры слуг и стражников была,
 Когда за складками бледневшего чела
 Дух человечности таился под шипами.

Когда ты изнемог и на кресте поник,
 И руки распростер, и призывал к прощенью...
 Какою был тогда незабываемой мишенью
 Для их насмешек твой окровавленный лик!

Тогда припомнил ты, иль нет, восторг столицы,
 Что брошен был тебе, свершившему обет?
 Свой триумфальный путь припомнил ты, иль нет —⁵³
 И вайи, и цветы у ног твоей ослицы?

⁵⁰ Здесь и ниже воспроизводятся особенности написания прописных и строчных букв. Перед заглавием машинописная помета, по всей видимости, предназначенная для редактора: «Стр. 327 франц. текста “Цветов зла”». Как и аналогичные пометы при следующих стихотворениях, она отсылает к страницам второго дефинитивного издания (*Œuvres complètes de Charles Baudelaire. Édition définitive augmentée d'un grand nombre de poèmes nouveaux. T. I: Les Fleurs du Mal. Précédées d'une notice par Théophile Gautier. Deuxième édition. Paris: Michel Lévy frères, 1869*). В поздней редакции переводов такие пометы отсутствуют.

⁵¹ Скорее всего, описка вместо «Пред», перешедшая, однако, и в позднюю редакцию.

⁵² В поздней редакции явная описка «толпою».

⁵³ В поздней редакции тире в конце строки отсутствует.

А помнишь ли, когда, кощунством возмущен,
На жадных торгашей ты в храме поднял руку?..
Ведь⁵⁴ может быть уже, идя на крест, на муку,
Ты был мучительным сомнением узвлён?..⁵⁵

Довольно! я уйду из мира, не раскаясь!
Из мира, где дела разлучены с мечтой...
Пред острием меча я не скажу: стой!
Ты прав был, мудрый Петр, от бога отрекаясь!

АВЕЛЬ и КАИН⁵⁶.

1.

Род Авеля, ты сыт и пьян,
К тебе сам бог настроен нежно;

Род Каина, в грязи от ран
Ты вымираешь неизбежно.

Род Авеля, твой фимиам
На небе ангелов пленяет;

Род Каина, твоим мольбам
Никто у бога не внимает.

Род Авеля, твой сев хорош
И скот откормлен бесподобно;

Род Каина, в желудке дрожь
Ты не уймешь, как пес голодный.

Род Авеля, он, твой очаг,
Неугасим, прямой и строгий;

Род Каина, ты дрогнешь, как
Шакал в заброшенной берлоге.

⁵⁴ «Ведь» вписано от руки возле зачеркнутого «А» машинописи.

⁵⁵ С рукописными правками в строке, в машинописи выглядевшей как «Ведь был сомнением тревожным узвлён?..».

⁵⁶ Перед стихотворением машинописная помета: «Стр. 329 франц. текста “Цветов зла”». В поздней редакции без разночтений.

Род Авеля, люби, плодись,
Храни сокровища, копи их;

Род Каина, повоздержись.
И это вынеси на выях!

Род Авеля, ты точно клоп.
Кто на земле тебя не знает?

Род Каина, ряд тяжелых троп
Тебя бессильем угнетает.

2.

Род Авеля, твой гнойный прах
Для удобрения пригодится.

Род Каина, за труд, за страх
Тебе судьба воздаст сторицей.

Род Авеля, какой позор:
Меч выбила из рук дубина!

Род Каина, с небесных гор
Низвергни бога-властелина!

ВИНО ТРЯПИЧНИКОВ⁵⁷.

Как часто в пламени пунцовом фонарей,
В предместьях города, где грязь, где все тусклей,
Где тоньше ветра свист, где люд живет рабочий.
Где лабиринт лачуг, где скрытый бунт клокочет,

Как часто видим мы тряпичника с мешком.
Качая головой, с рассеянным смешком,
Бредет он как поэт, мечтами мир врачаю,
И соглядатаев вокруг себя не чуя.

Он властелин теперь! Законы издает.
Он добр, он милостив, он свергнет злобы гнет.
Он жадно опьянен своей фиктивной властью...
А небосклон над ним раскрыт свинцовой пастью.

⁵⁷ Перед стихотворением машинописная помета: «Стр. 297 франц. текста “Цветов зла”».

О вы, тряпичники, под бременем труда
Сломившие свои нелегкие года —
Вы неразборчивы и все вам пригодится,
Вся, вся блевотина чудовищной столицы!

И вот, пропитаны парами кабачков,
Идете вы с гурьбой таких же бедняков.
Поникли их усы, как старые знамена...
И вам мерещатся: и площадь, и колонны,

И радостной толпы неукротимый вой,
И солнце, и цветы, и барабанный бой.
И воздух розовый, весенний и манящий!..
Так вы спасаетесь от жизни настоящей.

И это все вино!.. Как золотой Пактол⁵⁸,
Оно для нас струит дыханье лоз и смол,
Дарами грез своих волнуя и пленяя,
Свирепей⁵⁹ деспотов вселенной управляя.

Жалея пасынков безжалостной судьбы,
Желая им помочь, дать силы для борьбы,
Бог сон им ниспослал и даровал терпенье,
А человек вино придумал для забвенья!

БЕЗДНА (сонет)⁶⁰.

Паскаль таил в себе водоворот мучений.
Увы! Пучина все — слова, дела, мечты.
Я до корней волос в провалах пустоты,
Мне ветер леденит дрожащие колени.

Вверху, внизу, везде — обманчивые тени,
Молчанье ужаса, глубины темноты,
А по ночам еще, о господи, и ты
Даруешь мне кошмар, не зная сожалений.

⁵⁸ В обеих редакциях авторское примечание Альвинга: «Мифическая река в Лидии (Греция), струившая золото».

⁵⁹ «Свирепей» вписано от руки поверх тщательно затертого слова.

⁶⁰ Перед стихотворением машинописная помета: «Стр. 237 Фран. текста Ш. Бодлэр “Цветы зла”». В поздней редакции без разночтений.

Я снов своих боюсь, как страшных пропастей,
Сознание томит неведомость путей
И нету ужаса, который бы превысил.

Ту неизведанность, что за любым окном.
Ах, нет, я не могу не думать об одном:
Мне никогда не быть вне Бытия, вне Чисел!

ЖАЛОБЫ ИКАРА⁶¹.

В холодных объятьях гетер
Привольно и сладостно вам;
Моим же разбитым рукам
Не ведать заоблачных сфер.

Пусть небо ночное — агат,
Пусть звезды на нем — глубоки,
Мои же пустые зрачки
Лишь память о солнце хранят.

Я долго и тщетно желал
Обнять бесконечность умом, —
И вот опален я огнем
И кто-то мне крылья сломал.

Бесплодно растратив свой дар,
Служа красоте, я зачах
И мне не прославить свой прах
Как ты это сделал, Икар!

⁶¹ Перед стихотворением машинописная помета: «Стр. 238 франц. текста “Цветов зла”». В поздней редакции без разночтений.

НЕПОКОРНЫЙ

(сонет)⁶²

Наметив жертву, хищный небожитель
 На грешника спускается стремглав
 И говорит: «Я ангел твой хранитель
 И я хочу, чтоб ты смирил свой нрав!»⁶³

Отверженным открыв свою обитель,
 Им пламенно всего себя отдав,⁶⁴
 Щади других, как завещал спаситель,
 Храни, в душе, любви чистейший сплав!

Ищи в самозабвении блаженство —
 Вот истинное в боге совершенство!»
 И ангел, уподобясь палачу,

И доходя почти до иступленья,
 Побоями внедряет поученье,
 Но отвечает грешник: «не хочу!»⁶⁵

⁶² Перед стихотворением машинописная помета «Стр. 229 франц. текста “Цветов зла”».

⁶³ Слова «ангел», «хранитель», «И я», «чтоб ты смирил свой нрав!» вписаны от руки поверх затертых. Вдоль всего стихотворения — зачеркнутые вертикальные обозначения рифмовки (карандашом): «жмжм → жжм жжм» (слева) и «abab abab ccd eed» (справа).

⁶⁴ Далее до конца стихотворения — рукописный текст, заменивший зачеркнутое в машинописи: «Храни, в душе, как повелел спаситель, / Как завещал, как повелел спаситель! / Цени любви священнейший экстаз, / Следи, чтоб твой светильник не погас — / Вот истинное, в боге, наслажденье!» / И ангел, уподобясь палачу, / Побоями внедряет поученье, / Но отвечает грешник: “не хочу!”».

⁶⁵ В поздней редакции стихотворение дано в двух альтернативных вариантах, приводимых здесь полностью: «Первый вариант. Наметив жертву, хищный небожитель / На грешника спускается стремглав / И говорит: “Я ангел твой хранитель / И я хочу, чтоб ты смирил свой нрав! / Отверженным открыв свою обитель, / Им пламенно всего себя отдав, / Храни, в душе, как повелел спаситель, Как завещал, как повелел спаситель! / Цени любви священнейший экстаз, / Следи, чтоб твой светильник не погас / Вот истинное, в боге, наслажденье!” / И ангел, уподобясь палачу, / Побоями внедряет поученье, / Но отвечает грешник: “не хочу!”»; «Второй вариант. Наметив жертву, хищный небожитель / На грешника спускается стремглав / И говорит: “Я ангел твой хранитель / И я хочу, чтоб ты смирил свой нрав! / Отверженным открыв свою обитель, / Им пламенно всего себя отдав, / Щади других, как завещал спаситель, / Храни, в душе, любви чистейший сплав! / Ищи в самозабвении блаженство — / Вот истинное в боге совершенство!” / И ангел уподобясь палачу, / И доходя почти до иступленья, / Побоями внедряет поученье, / Но отвечает грешник: “не хочу!”».

ЧАСЫ⁶⁶.

Часы. Зловещий бог, слепой, нелицемерный,
 Рука его грозит: Опомнись! Не забудь!
 Вопьется, как в мишень, в твою большую грудь,
 Скорбь безысходная и ужас непомерный.

Сильфидой нежною, за пустоту кулис,
 С подмостков праздничных исчезнет Наслажденье,
 Его ворует миг, его дробит мгновенье,⁶⁷
 Как декорация, проваливаясь вниз.

Три тысячи шестьсот ударов беспощадны.
 Опомнись! Не забудь! Секунды шелестят
 И говорит Теперь: Я не вернусь назад,
 Я жизнь твою, слепец, выкачиваю жадно.⁶⁸

Remember! Оглянись! Про смерть не забывай!
 На разных языках хриплю я медной глоткой.
 Мот! Esto mémor! Срок перед тобой короткий,
 Минуты ни одной бесцельно не теряй!⁶⁹

Опомнись! Не забудь! Игрок искусный Время.
 Ток водяных часов становится быстрее,
 Твой День убавился, а Ночь, увы, длинней
 И бездна ждет тебя жаднейшая меж всеми.

Послушай, старый трус — он, этот час, пробьет,
 Когда Раскаянье (заступник твой обычный)
 Стыд, Добродетель, Долг и Случай — крикнут зычно:
 Умри! Давным давно тебя могила ждет! —⁷⁰

⁶⁶ Перед стихотворением машинописная помета: «Стр. 245 франц. текста “Цветов зла”». В поздней редакции без разночтений (пробелы, оставленные для иноязычных слов, остались незаполненными).

⁶⁷ В редакции 1924 г.: «Его проглатывает каждое мгновенье» (нарушена цезура).

⁶⁸ В редакции 1924 г.: «Я жизнь твою сосу, своею помпой жадной».

⁶⁹ Строфа в редакции 1924 г.: «Remember! Esto memor! Мот! Не забывай! / На разных языках хриплю я медной глоткой, / Немного их, минут, и этот путь — короткий, / Из каждой золото прилежно добывай» (в первой строке нарушена цезура).

⁷⁰ Строфа в редакции 1924 г.: «Послушай старый трус — он близок, этот час, / Когда Раскаянье (заступник твой обычный) / Стыд, Добродетель, Случай — все воскликнут зычно: / Умри! Тебя ведь Смерть и так уж зажала!» (в третьей строке нарушена цезура).

Арсений Альвинг
10 переводов из «Fleurs du Mal»
Ch. Baudelaire'a 1924 г.

АМУР И ЧЕРЕП

Амур на череп сел людской,
Как на законный трон,
Усевшись там, смешной игрой
Тотчас прельстился он.

Он из него стал выдувать
Рой мыльных пузырей
И в воздух начал их пускать,
Чтоб с миром слить скорей.

Вот он летит, сверкает он,
Достигнул высоты,
Но лопнул вдруг, развеян сон,
Рассеяны мечты.

И стонет череп, свет кляня,
Пока пузырь летит:
«Ведь это мука для меня!
Когда ж он прекратит

Свою игру, убийца злой?
Меня он губит вновь:
Мозг выдувает бедный мой
И выпускает кровь».

LOLA DE VALENCE
(К картине Эдуарда Манэ)

Средь пышной столь красы, глазам доступной всем,
Я ощущаю сам: мое желанье зыбко,
Но, *Lóla de Valence*, одна твоя улыбка —
Алмаз и розовый и черный вместе с тем.

ДВЕ ДОБРЫЕ СЕСТРИЦЫ (Сонет)

Разврат и Смерть две нежные сестры.
Всегда в труде, хотя они бездетны;
Их поцелуи щедры и заметны,
Их ласки бодры, знойны и остры.

И очагов ненадобны костры
Тебе, поэт, чьи грезы безответны,
Тебе, гетера, чьи уста запретны;
Вам гроб, притон — лекарства от хандры.

Альков и склеп, они в родстве от века
И им в душе смятенной человека
Ответствуют восторги и хулы.

И вот, Разврат тлетворными руками
Меня возьмет, а Смерть с ее венками
Меж кипарисов выглянет из мглы.

СМЕРТЬ ЛЮБОВНИКОВ (Сонет)

Постели и диваны, как могилы,
Мы нежным ароматом напоим:
Иных небес цветы нам будут милы,
Мы ложе смерти ими окружим.

Отдав друг другу жар последней силы,
В два факела сердца мы превратим,
Что будут меркнуть отсветом двойным
Одно в другом, блаженны и унылы.

Чтоб с этим странно-голубым лучом
И розовым в тот вечер расставанья
Истаять в заглуженности рыданья.

И Ангел радостный к нам низойдет потом
И оживит улыбкой упованья
Двух душ-зеркал померкшие сиянья.

МОЛИТВА САТАНЕ⁷¹

Хвала тебе и слава, Сатана,
И в небесах и там, где глубина
Безмолвная в мечтах тебя хранит.
Ты богом был, но Ад сломал твой щит;
Всё ж древом знанья дух мой осени,
Чтоб близь тебя он отдохнул в тени.

* * *

Я не забыл наш белый тихий дом
Близь города, ни рощицу кругом,
В которой статуи классических богов
Белели наготой среди негустых кустов.
А солнце — неба округленный глаз,
Сноп лучей нацеливший на нас,
Там за окном привыкши пламенеть,
Какую пеструю набрасывало сеть
На тихий наш обед со скатертью простой,
На саржу занавеси светлой, но густой.

Варианты переводов (1908)

ОТРЕЧЕНИЕ СВ. ПЕТРА⁷²

Бог, окруженный сонмом ангелов, мечтает...
Ему так хорошо, уж Он во власти сна,
И как тиран, напившийся вина,
Под грохот богохульств Он тихо засыпает.

⁷¹ «Кода» к стихотворению “Les Litanies de Satan” (в переводе Альвинга 1908 г. — «Акафист Сатане»).

⁷² *Бодлэр Ш.* Цветы зла: Пер. Арсения Альвинга. С. 241–242. Здесь и ниже воспроизводятся особенности написания прописных и строчных букв, унифицируемые лишь в заголовках (меньшая часть которых в оригинале полностью набрана прописными литерами, как, например, в случае с «Вином тряпичников» — небрежность, не характерная для продукции типографии «Сириус» и свидетельствующая, видимо, о заказном характере издания и спешке, в которой оно готовилось).

Казненных мучеников вопли и рыдания
Его, как музыка, ласкают и пьянят;
Когда Он видит кровь, глаза Его горят,
И небеса полны кровавого желанья.

О Иисус, Ты не забыл ту ночь сомнений и печали
В саду!.. Ты так наивно умолял
Того, Кто в небесах надменно хохотал,
Когда Тебя безумцы распинали!

Когда Тебе в лицо плевала
Толпа обжор, солдат и беглецов,
Когда вся эта свора наглецов
Твой кроткий Лик шипами увенчала, —

Когда измученный Ты на кресте висел,
И пот кровавый с бледного чела струился, —
Когда народ так над Тобой глумился,
И каждый на тебя со злобою глядел, —

Ты вспомнил ли те дни восторга и надежды,
Когда Ты подъезжал к ликующей столице,
К Иерусалиму, на простой ослице,
И толпа Тебе бросала вербы и одежды, —

Или когда победно-вдохновен,
Ты торгашей изгнал из храма с омерзеньем,
Когда учил?.. Не раньше ли душа наполнилась сомненьем?
Не прежде ли, чем бок железом был пронзен?

— Довольно, я уйду, я все перестрадав,
Уйду из Мира обновленный
И упаду на меч окровавленный!
О Петр! отречись, ты был прав!

АВЕЛЬ И КАИН⁷³

I.

Потомки Авеля, вы ешьте, спите, упивайтесь, —
Господь к вам милостив, Он к вам благоволит, —

⁷³ Там же. С. 243–244.

А вы, потомки Каина, — страдайте, унижайтесь, —
И пусть ваш стон отчаяньем звучит.

Потомки Авеля, — от вас всегда во время
Все жертвы: их примет в небе ваш Отец, —
А вы, потомки Каина, — отверженное племя,
Мученьям вашим будет ли конец?

Потомки Авеля, — смотрите: и посевы,
И скот у вас всегда богаты и пышны, —
Потомки Каина, — найдете пищу где вы? —
Вы, как собаки, вечно голодны.

Потомки Авеля, — утробы ваши грейте
У очага, в семье и на досуге, —
Потомки Каина, — и думать вы не смейте
О доле, о тепле, дрожа в своей лачуге.

Потомки Авеля, — любите, размножайтесь,
Детей родите, радуйтесь на них, —
Потомки Каина, — всегда остерегайтесь,
Сердца горят у вас, но голод страшен их.

Потомки Авеля, — как гады пресмыкаясь,
Вы верите в могущество Творца;
Потомки Каина, — в грязи всегда валяясь,
Вы гибнете, несчетно, без конца...

II.

Потомки Авеля, — телами удобрите
Вы грунт земли и вскормите его;
Потомки Каина, — быть может завершите
Все дело ваше, верьте все в него!

Потомки Авеля, — вы в свой позор взгляните —
Меч жалким плугом побежден!
Потомки Каина, — на небо поднимитесь,
И Бог, — пусть вами будет сброшен он!

ВИНО ТРЯПИЧНИКОВ⁷⁴

При тусклом красном свете фонарей
В предместьи грязном голоса людей
Звучат во мгле туманной, замирая,
Бушует ветер, стекла разбивая.

И вот, по улицам тряпичник, пробираясь,
Идет, на тумбы и заборы натываясь;
Он смел теперь, он не боится никого, —
Откроет всем он тайны сердца своего.

Теперь он властелин, и клятвы всем дает
Создать законы правды, свергнув злобы гнет;
Он силою своей фиктивной опьянен;
И смотрит на него туманный небосклон.

Он, утомленный жизнью и годами,
Заботой о семье и тяжкими трудами,
Согнутый весь, — несет мешок большой
Со всяким мусором и разною трухой.

И выпив с верными и добрыми друзьями,
Седьми отставными усачами, —
(Теперь у них усы беспомощно висят)
Болтает с ними он, глаза его блестят.

И им мерещатся знамена, барабаны, —
Увы, — пред ними только винные стаканы!
Им чудятся везде кровавые забавы,
Родной народ в сиянии⁷⁵ вечной славы!

И льется в горло им вино струей блестящей,
И жизни нет для них тяжелой настоящей, —
Она исчезла! Небо их щадит, —
В сердцах тепло, и взор огнем горит.

Чтоб убаюкать грусть, смягчить для них страданья,
Для них, что мрут, безвестные в молчаньи, —
Господь придумал сон, а человек — вино;
Дитя прелестное, ты Солнцем рождено!

⁷⁴ Там же. С. 211–212.

⁷⁵ Вероятная опечатка вместо «сияньи».

БЕЗДНА⁷⁶

Паскаль таил в себе водоворот мучений;
Увы! пучина все — дела, слова, мечты;
И цепенею я от вечной пустоты
В бездонности тоски и ужаса сомнений.

Вверху, внизу, везде — начало без конца,
Как царство мертвого, сурового молчанья, —
И вот на фоне тьмы, — ночей без окончания, —
Бог чертит нам кошмар бездумного лица.

Как пропасти без дна, я снов боюсь всегда:
К ней вечно манит страх, но поведет куда?
Из каждого окна смеется Бесконечность;

Мой дух объят огнем безумного желанья
Исчезнуть навсегда и потушить страданья;
Но нет! — мне никогда не погрузиться в Вечность!

ЖАЛОБЫ ИКАРА⁷⁷

Любовники пошлых, презренных гетер —
Те счастливы, сыты всегда, —
А я... — неужель никогда
Не узнаю заоблачных сфер?

Сверканьем я звезд ослеплен,
Тех звезд, что на небе горят, —
Глаза мои плохо глядят,
И видят один небосклон.

Увы! я напрасно желал
Обнять Бесконечность умом, —
Сожжен я каким-то огнем,
И кто-то мне крылья сломал!

Любил Красоту я всегда,
Всей силою страсти своей,
Но, знаю, — в могиле моей
Не вспомнят меня никогда!

⁷⁶ Там же. С. 155.

⁷⁷ Там же. С. 156.

НЕПОКОРНЫЙ⁷⁸

С неба опустился Ангел грозный, злой,
Как орел, и грешника поймал.
— «Будешь верить ты? — Я, Ангел добрый твой, —
Я тебе велю!» — ему он так сказал.

— «Без гримас любить ты должен всей душой:
Бедных, злых, несчастных и калек,
Чтобы мог Христу соткать ковер святой
Ты из той любви, несчастный человек!

Вот она, любовь! — пока ты жив, — спеши
И отдай Творцу всю страсть твоей души,
Пусть она к Нему любовью вся пылает!»

Кулаками Ангел человека бьет,
Учит он его, терзает и клянет,
Тот же: «не хочу!» упорно повторяет.

ЧАСЫ⁷⁹

Часы — зловещий бог, могучий и бесстрастный;
Рука его грозит: «опомнись, не забудь!»
Вопьется Скорбь тебе в твою больную грудь,
И Страх в нее войдет безумный и ужасный.

Как призрак светлых духов, Радость исчезает;
Проходит чад и гибнет наслажденье,
Его ворует каждое мгновенье,
И человек томится, жаждет и страдает.

Три тысячи шестьсот ударов мелких в час!
Секунды шепчут нам: «о сердце, ты забыло?»
И говорит Теперь: «я превращаюсь в Было,
Я Жизнь выкачиваю медленно из вас!»

«Remember! Esto mémor! Помни! Не забудь!» —
На разных языках кричу я медной глоткой;
Минут не много, — этот путь короткий, —
Из каждой золото добудьте как-нибудь!
Ужели ты забыл, что Время беспощадно?
Оно, как опытный игрок, — таков закон!

⁷⁸ Там же. С. 147.

⁷⁹ Там же. С. 163–164.

День стал короче, ночь — как страшный сон, —
И мы стоим над бездной вечно-жадной.

И Случай, что всегда тебя спасал,
Раскаянье (последний твой приют!) —
Тебя к себе внезапно призовут
И скажут: «о, умри, презренный, час настал!»

АМУР И ЧЕРЕП **(Старинная виньетка)⁸⁰**

Амур на череп сел людской,
Как будто то был трон;
Усевшись там, смешной игрой
Тотчас занялся он, —

Он из него стал выдувать
Рой мыльных пузырей,
И в воздух начал их пускать,
Чтоб с Миром слить скорей.

Вот он летит, блестящий шар, —
Достигнул высоты...
Но лопнул вдруг, — остался пар, —
Рассеялись мечты...

И стонет череп, свет кляня,
Когда пузырь летит:
«Ведь это мука для меня!
— Когда он прекратит

Свою игру? — убийца злой,
Меня он губит вновь, —
Мозг выдувает бедный мой
И выливает кровь!»

⁸⁰ Там же. С. 236–237.

ЛОЛА ДЕ ВАЛЕНЦО⁸¹
(К картине Эдуарда Манэ)

Друзья, среди всех красот, конечно, не могли
Вы устоять, — желанье вас смущает;
Но Лола де Валенцо ярче всех сверкает, —
Она блестит, как перлы всей земли.

ДВЕ СЕСТРЫ⁸²

Разврат и Смерть — две нежные сестры,
Всегда в труде, и нет у них детей,
Их поцелуи жгучи и остры,
Они здоровы в нищете своей.

Поэту, — враг семьи он, очага, —
Любимцу Ада, куртизанке модной —
Укажут путь они, — их красота нага, —
К притону и к могиле темной и холодной.

Попеременно сестры предлагают нам
Гроб и постель с отравною проклятья,
Покой небытия и жаркие объятья.

Когда, Разврат, ты приберешь меня к рукам?
Иль Смерть, соперница, с тобою в обаяньи,
Средь мирт погасит все мои страданья?

СМЕРТЬ ЛЮБОВНИКОВ⁸³

Мы надушим постели свои ароматом,
На подобье могил мы диваны поставим с тобой.
И в дыханьи цветов опьяненно-богатом,
Мы уьемся небесной мечтой...

⁸¹ Там же. С. 170.

⁸² Там же. С. 228.

⁸³ Там же. С. 251.

И последним лобзаньем любви согреть,
Как два цветоча ярких, сердца загорятся огнем,
И в объятья⁸⁴ Вечность нас примет немая,
Нераздельных и слитных во всем.

И во мгле настроений неясных, мистически-странных
Нам забрезжит иной ослепительный свет;
И прощаясь, замрем мы в рыданиях желанных.

И потом тихий ангел, врата открывая,
Озарит наши души сияньем планет,
И они заблестят в лучезарности вечного Рая.

МОЛЕНИЕ⁸⁵

Хвала тебе и слава в вышних, где ты царил когда-то, Сатана!
Хвала тебе в Аду, где в вечном царстве сна,
Низвергнутый, ты замолчал, тая свои мечтанья.
О, сделай так, чтобы когда-нибудь моя душа по деревом всезнанья,
Вблизи тебя, могла бы отдохнуть в тот миг, когда чело твое коснется
Побегов дерева, и новый храм из их ветвей над ними заплетется!

* * *⁸⁶

Я не забыл наш белый тихий дом
Близ города, — ни рощицу кругом,
В которой статуи классических богов
Сверкали белизной среди густых кустов;
А солнце вечером, когда оно пылало
И в окнах сноп лучистый ярко отражало, —
Казалось глазом неба, что на нас глядел,
На ужин скромный наш, и ярко пламенел
На скатерти простой и скромной,
На занавеси саржевой и темной.

⁸⁴ Вероятная опечатка: «объятия».

⁸⁵ Там же. С. 248.

⁸⁶ Там же. С. 199.

Литература

Архиппов Е.Я. Рассыпанный стеклярус: Соч. и письма: В 2 т. / Сост., подгот. текста, коммент., вступ. ст. Т.Ф. Нешумовой. Т. 1. М.: Водолей, 2016. 656 с.

Богомолов Н.А. Вокруг «серебряного века»: Статьи и материалы. М.: Новое литературное обозрение, 2010. 720 с.

Бодлер Ш. Цветы зла / По авторскому проекту 3-го изд.; Изд. подгот. Н.И. Балашов, И.С. Поступальский. М.: Наука, 1970. 480 с.

Подгоричани Н., гр. Четки из ладана; Шахматные стихи / Сост. А. Кентлера, В. Нехотина. М.: Мосты культуры; Иерусалим: Гешарим, 2015. 430 с.

Тимашева О.В. Реплики и комментарии к модели «русского Бодлера» // Соловьевские исследования. 2016. Вып. 1(49). С. 137–155.

References

Arkhipov E.Ia. *Rassypannyi stekliarus: Soch. i pis'ma: V 2 t. T. 1.* [Scattered bugle beads: Works and letters, in 2 vols. Vol. 1], comp., ed., comment., intro. by T.F. Neshumova. Moscow, Vodolei Publ., 2016. 656 p. (In Russ.)

Baudelaire Ch. *Tsvety zla, po avtorskomu proektu 3-go izd.* [The flowers of evil, based on the author's project of the 3d ed.], ed. by N.I. Balashov, I.S. Postupal'skii. Moscow, Nauka Publ., 1970. 480 p. (In Russ.)

Bogomolov N.A. *Vokrug "serebrianoogo veka": Stat'i i materialy* [Around the "Silver Age": Articles and materials]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2010. 720 p. (In Russ.)

Podgorichani N., gr. *Chetki iz ladana; Shakhmatnye stikhi* [Beads of incense; Chess poems], comp. by A. Kentler, V. Nekhotin. Moscow, Mosty kul'tury Publ., Jerusalem, Gesharim Publ., 2015. 430 p. (In Russ.)

Timasheva O.V. *Repliki i kommentarii k modeli "russkogo Bodlera"* [Notes and comments on the model of the "Russian Baudelaire"]. *Solov'evskie issledovaniia* [Solovyov studies], 2016, iss. 1 (49), pp. 137–155. (In Russ.)

Arseny Alving's late translations from Charles Baudelaire

© 2018, Vladimir Nekhotin, Vladislav Rezvy

Abstract: For the first time, an article “Charles Baudelaire” (1930) by A.A. Smirnov-Alving (1885–1942) and his late translations of thirteen poems from “The Flowers of Evil” are published. Early translations of the same poems from an almost inaccessible publication (1908) are also presented.

Keywords: Charles Baudelaire, Arseny Alving, 19th century French poetry in Russian translations.

Information about the authors: Vladimir Nekhotin, senior research associate, Institute of World Literature, Moscow, Russia. E-mail: nehotin@gmail.com

Vladislav Rezvy, “Literary heritage” Department associate, Institute of World Literature, Moscow, Russia. E-mail: telemachus1981@gmail.com

Citation: Nekhotin Vladimir, Rezvy Vladislav. Arseny Alving's late translations from Charles Baudelaire. *Literary fact*, 2018, no. 10, pp. 8–37.

МЕМОУАРЫ. ПИСЬМА. ДНЕВНИКИ

DOI 10.22455/2541-8297-2018-10-38-107

УДК 821.161.1

Письма А.А. Кондратьева к В.Я. Брюсову

© 2018, Н.А. Богомолов, А.Л. Соболев

Аннотация: Впервые публикуется полный корпус писем Александра Алексеевича Кондратьева (1876–1967) к В.Я. Брюсову. Его значение выходит далеко за пределы материального памятника взаимоотношений двух поэтов, представляя собой весьма насыщенный материал по истории русского модернизма в целом. Десятки упоминаемых лиц и эпизодов литературной жизни снабжены подробным комментарием, инкорпорирующим печатаемые документы в культурный контекст эпохи. В отсутствии встречных посланий (они, по всей вероятности, утрачены вместе с обширным кондратьевским архивом), эти письма имеют первостатейное значение и для реконструкции биографии Брюсова.

Ключевые слова: В.Я. Брюсов, А.А. Кондратьев, история символизма, переписка, «Весы», «Русская мысль», неомифологические сочинения, модернистский эпистолярый.

Информация об авторах: Николай Алексеевич Богомолов, д.ф.н, профессор МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия. E-mail: nab50@mail.ru

Александр Львович Соболев, независимый исследователь, Москва, Россия. E-mail: trirodov@gmail.com

Цитирование: *Богомолов Н.А., Соболев А.Л.* Письма А.А. Кондратьева к В.Я. Брюсову // Литературный факт. 2018. № 10. С. 38–107.

Вряд ли скромный чиновник и столь же скромный писатель Александр Кондратьев мог предвидеть, какой популярностью станут пользоваться его книги в конце XX и начале XXI в. В 1990 г. старейший журнал русского зарубежья напечатал его повесть «Сны», остававшуюся под спудом долгие годы¹, а небольшое издательство в штате Коннектикут — сборник посмертных стихов². В 1993 г. проза Кондратьева была через

¹ *Кондратьев А.* Сны / Публ. В. Крейда // Новый журнал. 1990. № 179.

² *Кондратьев А.* Закат: Посмертный сборник стихотворений / Под ред. и с коммент. В. Крейда. <Orange, Conn.>, 1990. 200 экз.

76 лет напечатана на родине³, и с тех пор его стихи и проза регулярно печатаются, вплоть до совсем недавно изданных двух двухтомников⁴.

Но не стоит забывать, что настоящее возвращение Кондратьева началось не со стихов и не с прозы, а с писем. Пятьдесят лет тому назад Г.П. Струве опубликовал часть тех писем, которые были в его распоряжении⁵, затем последовали письма к А.А. Блоку⁶, Амфитеатовым⁷, Б.А. Садовскому⁸, В.И. Иванову⁹, Б.В. Беру¹⁰, И.Ф. Анненскому¹¹. Обзор писем Кондратьева, хранящихся в Петербургской РНБ (часто с цитированием текста полностью) дан в известной работе В.Н. Топорова¹². Эти публикации отнюдь не случайны.

Даже при том, что мы обладаем письмами лишь в одну сторону, общение Кондратьева с видными литераторами своей эпохи не может быть забыто. Не стремившийся быть в центре литературной борьбы, он, тем не менее, весьма интересовался ее событиями, расспрашивал тех, кого мог, и сам охотно делился теми сведениями, которые попадали ему в руки. Из его написанных четким почерком чиновника строчек мы узнаем о круге Мережковских и журнале «Новый путь», где он был близким сотрудником, о Гумилеве и поэтических объединениях 1910-х гг., о журналах и их издателях. Совсем пустых писем (кроме почти официальных поздравлений с праздниками) он не пишет. И сейчас, когда становится очевидным, что даже самые непримечательные на первый взгляд события могут и должны быть учтены и вписаны в жизненные реестры самых разных писателей, сообщения Кондратьева оказываются важны не толь-

³ Кондратьев А. Сны / Под ред. О. Седова. СПб., 1993.

⁴ Кондратьев А.А. Собр. соч.: В 2 т. / Сост. Е. Витковский, А. Степанов. М., 2018; Голова Медузы: Избранные рассказы. М., 2016; Улыбка Ашеры. Избранные рассказы. М., 2016.

⁵ Струве Г. Александр Кондратьев по неизданным письмам // Istituto Universitario Orientale: Annali. Sezione Slava. Napoli, 1969. Vol. XII. Дополнения по материалам архива Струве см.: Из писем А.А. Кондратьева периода эмиграции (1952–1960) / Вступ. ст., подгот. текста и коммент. М.В. Скороходова // Русская литература. 2016. № 3. С. 243–269.

⁶ Литературное наследство. Т. 92, кн. 1. М., 1980. С. 552–562. Публ. Р.Д. Тименчика.

⁷ Новый журнал. 1990. Кн. 181. С. 139–172; 1990. Кн. 182. С. 106–130. Публ. и подгот. текста В. Крейда.

⁸ De visu. 1994. № 1/2 (14). С. 3–39. Публ., подгот. текста С.В. Шумихина; предисл. и примеч. Н.А. Богомолова и С.В. Шумихина.

⁹ Новое литературное обозрение. 1994. № 10. С. 107–113. Публ. Н.А. Богомолова.

¹⁰ «Напиши мне про свои розы...»: Письма А.А. Кондратьева Б.В. Беру / Подгот. к публ., вступ. ст. М.А. Перепелкина // Performance (Самара). 2006. № 4 (25). С. 8–17.

¹¹ Сарычева К.В. Письма к учителю: К истории отношений И. Анненского и А. Кондратьева // Литературный факт. 2017. № 4. С. 53–67.

¹² Топоров В.Н. Неомифологизм в русской литературе начала XX века: Роман А.А. Кондратьева «На берегах Ярыни». <Trento, 1990>.

ко сами по себе, но еще и потому, что создают тот самый «воздух эпохи», о котором писал Вл. Ходасевич.

И понятно, что при таком отношении к эпистолярному наследию начала века письма Кондратьева к Брюсову будут важнейшим источником разнообразных сведений. Тот, кто будет составлять летописи жизни и творчества писателей XX в., комментировать издания их книг, разыскивать для любых целей различные сведения о культурной жизни Петербурга 1900–1910 гг., непременно заглянет в эти письма и, даже если не найдет искомого, лишний раз помянет брюсовского корреспондента добрым словом.

В кратком виде свои отношения с Брюсовым Кондратьев изобразил в письме к своему заочному другу, издателю журнала «Оккультизм и йога» доктору А.М. Асееву от 3 мая 1954 г.: «На тему борьбы христианства с язычеством, кроме Мережковского, писал романы (не менее интересно) и Валерий Брюсов. Он, встретившись со мною у Вячеслава Иванова, пригласил меня сотрудничать в “Весакх”. Хотя я и выписывал уже этот журнал, он стал мне присылать и второй даровой экземпляр (в течение нескольких лет, кажется, до самой революции, пока издавался этот журнал, не помню хорошенько, до какого года). В. Брюсов хотя и служил у большевиков в каком-то литературном учреждении, но тайно продолжал быть правым. Его жена уехала тотчас после захвата власти большевиками на свою родину — в Чехию. К Брюсову большевики приставили секретаршу (кажется, еврейку). Она, по-видимому, шпионила и приглядывала за ним. Он неожиданно умер в Москве (не знаю, от какой болезни), а его архив и переписка оказались в руках у большевиков. Когда последние познакомились кое с чем из его архива, то немедленно отменили распоряжение назвать именем Брюсова некоторых литературных учреждений <так!>. Брюсов ко мне очень хорошо относился. Присылал мне все свои книги, а в письме ко мне незадолго до своей смерти поместил фразу: “Ваш русский язык — лучший из существующих”. С Блоком я тоже был знаком с первого дня моего поступления в Университет»¹³.

И в гораздо более раннем письме к Г.П. Струве (30 апреля 1932) Кондратьев рассказывал: «Из дневников и воспоминаний умерших писателей меня более всего интересуют неизвестные мне Брюсовские. При жизни он очень был ко мне расположен. Несмотря на то, что я никогда о нем при жизни не писал, он немедленно приглашал меня во все редакции, к которым имел отношение (познакомил меня и с Петром Бернгар-

¹³ Из писем А.А. Кондратьева периода эмиграции. С. 263. Частично вошло в публикацию Г.П. Струве. См. также воспоминания «Знакомство с В.Я. Брюсовым» (За свободу! 1926. № 281, 5 дек. С. 6; перепеч.: Валерий Брюсов глазами современников. СПб., 2018. С. 158–162).

довичем). В письмах своих называл “Улыбку Ашеры” лучшей русской прозой из современных, защищал (вслух) меня от напавшего на меня иудейского кагала (у Ф. Сологуба), издававшегося надо мною за мое конституционно-монархическое credo. Он, приехав из Москвы, неожиданно вошел в комнату и спросил: “что за шум?”. А когда критики, издатели, писатели и журналисты и их родня, перебивая друг друга, стали с негодованием говорить, что вот мол какой позор: в наше время и человек вдруг исповедует конституционную монархию... А Брюсов: “А по мне так и конституции никакой не нужно”. Минута молчания, а затем все заговорили поспешно на разные темы. За это мужество я его и любил. В похвалы его я не слишком верил, т<ак> к<ак> В.Я. был не человек, а черный маг. Об нем я мог бы рассказать довольно много. На сторону революции его сманил Максим Горький. Брюсов хотел его и большевиков надуть, но оказался не в силах, да и смерть неожиданно подошла»¹⁴.

Может показаться, что, при заметных невооруженным глазом ошибках в изложении биографии старшего поэта, все сведения Кондратьева походят на досужее сочинительство. Однако не так всё просто. Конечно, живший в глуши и без регулярного поступления литературы Кондратьев не мог уследить за всем, но всё же память цепко удерживала прочитанное. Если разбирать только что приведенные примеры, то надо сказать, что сведения о найденных после смерти документах, компрометирующих Брюсова, были опубликованы в газетной хронике: «Газеты сообщали о разборе архивов В. Брюсова и о том, что будто бы найдены его дневники, относящиеся к молодым годам. На самом деле дневники велись до последнего дня и содержат самые резкие суждения как о сов. власти вообще, так и о некоторых высоких особах в частности. Всё это попало в руки властям, которые стараются замаять неприятное и вполне неожиданное для них происшествие. Особенно искусно провел Брюсов чету Каменевых, т.к. через них когда-то попал в коммунистическую партию. В связи с найденными бумагами, компрометирующими Брюсова как коммуниста, пришлось закрыть “Институт имени Брюсова”»¹⁵. И через два года слегка варьированное сообщение повторилось: «В Москве обсуждается вопрос об учреждении высшего литературного учебного заведения по типу упраздненного “Института имени Брюсова”. В свое время брюсовский институт был закрыт после того, как Брюсов умер, а советская власть добралась до его дневников, писанных в годы коммунизма. Снять имя Брюсова с вывески Института было бы конфузно. Поэтому решили закрыть всё учреждение. С тех же пор наиболее видные

¹⁴ Струве Г.П. Цит. соч. С. 31. Петр Бернгардович — Струве, отец Г.П.

¹⁵ И<велич> <Берберова Н.Н.>. Хроника советской литературы // Последние новости. 1925. № 1632, 20 авг. С. 3.

ответственные советские критики прекратили прославление Брюсова как певца революции»¹⁶.

Остальные фантастические элементы легко объясняются ситуацией. Судя по всему, Кондратьев знал, что вдова Брюсова сделает всё, чтобы сберечь его репутацию, всё равно перед кем — большевиками или любой иной властью, поэтому он отправил ее на родину, а вместо нее посадил молоденькую секретаршу (уж не Адалис ли имелась в виду?). Брюсовский институт (ВЛХИ) и на деле был закрыт, так что фантазировать пришлось немного.

О серьезном интересе к жизни и творчеству Брюсова свидетельствует некрологическая статья, напечатанная Кондратьевым вскоре после его смерти. В ней практически нет серьезных ошибок (хотя писалась она, повторимся, без какого бы то ни было справочного материала), а некоторые суждения пронизательны. Так, неизбрание Брюсова в академики он связал с тем, что его «недолюбливал и президент Академии в. кн. Константин Константинович, поэт весьма приличный, но значительно уступавший Валерию Яковлевичу в силе таланта»¹⁷. Недавно опубликованные письма К.Р. к А.А. Шахматову показывают, с каким озлоблением доброжелательный и хорошо воспитанный член императорской фамилии относился к брюсовской поэзии¹⁸. Кажется, и мотивы советской деятельности Брюсова были им уловлены достаточно верно. Во всяком случае, несравненно лучше знавший Брюсова Вл. Ходасевич придерживался очень сходного мнения. Вот что говорил Кондратьев: «Валерий Брюсов был слишком большим любителем истории, чтобы не соблазниться возможностью, ничем, как будто, не рискуя, увидеть все перипетии революции вплоть до ожидавшегося им императора-солдата, вроде какого-нибудь Максимиана (III век по Р.Х.), на что он намекал мне в последнем из писем своих, в феврале 1918 года. <...> И он соблазнился»¹⁹.

Всё остальное или слишком известно, чтобы его повторять в специализированном историко-литературном журнале, или же история отношений двух писателей выстраивается по публикуемым письмам. Конечно, здесь есть лакуны, однако вряд ли они когда-либо смогут быть заполнены. Дело в том, что архив А.А. Кондратьева сохранился лишь в очень ма-

¹⁶ <Б.п.> Литературная хроника // Возрождение. 1927. № 751, 23 июня. С. 3.

¹⁷ Кондратьев Ал. Валерий Брюсов // Вольнское слово. 1924. № 773, 13 нояб. С. 1. Приносим искреннюю благодарность Е.М. Васильеву, предоставившему нам возможность ознакомиться с данным номером газеты, отсутствующим в крупнейших библиотеках.

¹⁸ См.: Письма Великому князю Константину Константиновича к А.А. Шахматову. Публ. Т.Г. Ивановой // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1997 год. СПб., 2002. С. 225, 227.

¹⁹ Кондратьев Ал. Валерий Брюсов // Вольнское слово. 1924. № 774, 15 нояб. С. 2. Упомянутое письмо нам неизвестно и, скорее всего, безвозвратно утрачено.

лой степени. Стремительно покидая Петроград (см. письмо 90), он мог взять с собою лишь минимальное количество бумаг. За годы деревенского житья их снова сколько-то накопилось, но, уходя пешком от советской армии, Кондратьев опять оставил архив в оккупированной стране, где никому до его бумаг не было дела. Скитания военного времени также не располагали к сохранению архива. Лишь с переездом в США примерно за 10 лет сформировался небольшой фонд бумаг. К нему получил доступ поэт и литературовед, редактор «Нового журнала» В. Крейд, кое-что из этих бумаг издавший. У него остались ксерокопии, оригиналы же хранились у внука поэта Никиты Львовича Андреева (1936–2004)²⁰. В настоящее время ксерокопии приобретены Амхерстским центром русской культуры²¹, оригиналы же, насколько мы знаем, находятся в частных руках.

Печатаемые нами письма хранятся: НИОР РГБ. Ф. 386. Карт. 90, Ед. хр. 5–11. Точные координаты указаны в примечаниях. Ответные письма (кроме одного неотправленного и одного опубликованного Кондратьевым) неизвестны и, видимо, пропали.

Публикаторы выражают сердечную благодарность помогавшим им во время работы: Е.М. Васильеву, Е.В. Ивановой, А.В. Лаврову, М.М. Павловой, П.Е. Побережкиной, Н.Н. Соболевой, Р.Д. Тименчику.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

ЛН — Литературное наследство (с указанием тома).

Письма к Амфитеатровым 1 — Кондратьев А. Письма к Амфитеатровым. Публ. и подгот. текста В. Крейда // Новый журнал (Нью-Йорк). 1990. Кн. 181. С. 139–172.

Письма к Амфитеатровым 2 — Кондратьев А. Письма к Амфитеатровым. Публ. и подгот. текста В. Крейда // Новый журнал (Нью-Йорк). 1990. Кн. 182. С. 106–130.

Письма к Беру — «Напиши мне про свои розы...»: Письма А.А. Кондратьева Б.В. Беру. Подгот. к публ., вступ. ст. М.А. Перепелкина // Performance (Самара). 2006. № 4 (25). С. 8–17.

Письма к Никольскому — Письма А.А. Кондратьева к Б.В. Никольскому // ГАРФ. Ф. 588. Оп. 1. Ед. хр. 366.

²⁰ Его записи о семейной жизни и о деде см.: Александр Кондратьев: Исследования, материалы, публикации. Ровно, 2010. Вып. 2.

²¹ Они составляют 14 единиц хранения: <https://www.amherst.edu/system/files/media/0655/Kreyd%252520papers%252520holdings.pdf> (дата обращения: 3.12.2018).

Письма к Садовскому — Кондратьев А.А. Письма Б.А. Садовскому. Публ., подгот. текста С.В. Шумихина; предисл. и примеч. Н.А. Богомолова и С.В. Шумихина // *De visu*. 1994. № 1/2 (14). С. 3–39.

Письма к Струве — Струве Глеб. Александр Кондратьев по неизданным письмам // *Istituto Universitario Orientale: Annali. Sezione Slava*. Napoli, 1969. Vol. XII.

Топоров — Топоров В.Н. Неомифологизм в русской литературе начала XX века: Роман А.А. Кондратьева «На берегах Ярыни». <Trento, 1990>.

1.

28 марта 1906. С.-Петербург.

28 марта

Глубокоуважаемый Валерий Яковлевич.

Благодарю Вас за письмо и ту любезную услугу, которую Вы мне хотели оказать. Литературные Приложения Слова мне знакомы. Я за ними слежу, а раньше даже получал эту газету¹. «Никто» мой бывший директор и учитель, заставивший меня полюбить эллинскую красоту². Любезность Ваша меня крайне смутила, и мне ничего другого не остается сделать, как послать Вам с наддранием (собственноручным) мою рецензию на «Венок», которая должна была служить ответом на Вашу о стихах А.К.³ Статья эта должна была появиться в Слове и, кажется, была уже сдана в набор. (У Вячеслава Иванова я Вас о ней предупредил⁴). Написана она была наскоро, под влиянием некоторого чувства мести, за которое я теперь принужден себя наказать... Перцов вернулся из Москвы раньше чем следует и статью эту мне вернул, говоря что ему ее печатать неудобно, т.к. Вы сотрудник «Слова»⁵.

Вслед за тем, не знаю, случайно или нет, секретарем газеты мне были возвращены 3 рассказа, предназначенные П.В. Быковым для печати⁶.

Сердечно к Вам расположенный и почитающий первым

Ал. Кондратьев

PS. Сегодня ходил в Почтамт жаловаться на неполучение «Весов». Кроме них я не получил посланных мне по почте двух книг Станислава Гуайты⁷. Досадно...

А.К.

==

НИОР РГБ. Ф. 386. Карт. 90. Ед. хр. 5. Л. 1–2.

Конверт. П.ш.: СПб (29.3.06); Москва (29.3.06).

К письму приложена надорванная рукопись ненапечатанной рецензии Кондратьева:

Валерий Брюсов. Στέφανος. Венок.

Стихи 1903–1905 г. ц. 2 рубля

Новая, посвященная Вячеславу Иванову, книга стихотворений В.Я. Брюсова делится на восемь частей, причем последних три («Слава Толпе», «Духи огня» и «Конь блед») заключают в себе всего по одному стихотворению.

Начинается сборник «Вечеровыми песнями», где трудно узнать прежнего Брюсова, бодрого, подчас искусственного и дерзкого. Тут царствуют грусть, тишина и сумерки; чувствуются, как это ни странно, осень и утомление. «Целит вечернее безволие мечту смятенную мою. Лучей дневных не надо более, всю тусклость мига признаю»⁸, говорит автор в одной из таких песен. Сюда же отнесены им стихи, являющиеся результатом поездки в Финляндию. Серая страна мхов и гранита хорошо отразилась в них со всею своею скукою, которая чувствуется даже в строках, говорящих о любви.

Впрочем и в других местах, когда произведения талантливого поэта принимают личный характер, они становятся бесцветными. Наоборот, там, где он эклектик, Брюсов делается сильным, интересным, а язык его приобретает порою все свойства классических произведений Жуковского (напр. «Ахиллес у алтаря»).

Отдел «Правда вечная кумиров» посвящен богам и героям древности. Неприятное впечатление своим сходством с грубыми школьными виршами на ту же тему производят здесь «Адам и Ева»⁹. Заканчивается эта часть книги красивым и звучным стихотворением «Орфей и аргонавты».

Следующий отдел: «Из ада изведенные», с не вполне точным эпиграфом из ассирийского эпоса¹⁰, трактует о половом экстазе, выводящем души из ада и тьмы повседневности. Нельзя не отметить тут стихов: «Жрице Луны», «Антоний» и «Мгновения».

В отделе «Повседневность» помещено, пожалуй, лучшее в сборнике стихотворение «Гребцы триремы», рисующее думы прикованных к скамьям невольников, обреченных вечно бороздить веслами морскую равнину, даже не зная, кого они везут и с кем сражается их корабль...

Отдел «Современность» открывается блестящим стихотворением «Кинжал», являющимся как бы продолжением лермонтовскому: «Отделкой золотой блистает мой кинжал». Эта часть книги полна стихотворениями на политические темы, в тютчевском духе, имеющими прямое отношение к событиям последних двух лет...

Получив хорошее литературное образование и не переставая работать над развитием своего таланта, Брюсов, за десять лет поэтической деятельности, успел составить себе довольно обширный круг почитателей. Почитатели эти, наверно, простят ему маленькие погрешности в рифме, вроде: «виски» — «зрячки», «души» — «послушны», «голоса» — «глаза», «посмеялась» — «малость»¹¹ и раскупят эту книгу, как раскупили три из предыдущих, тем более, что внешний вид сборника очень изящен, как и все вообще издания фирмы «Скорпион».

Ал-др К-в.

<На полях первого листа дописано карандашом:> Исправления в тексте сделаны очень давно, что видно по чернилам. Статья была написана наскоро и очевидно их требовала...

Последнее время статья эта валялась у меня в столе и печатать ее я не собирался, т.к. убедился в ее ничтожности.

¹ В утраченном письме Брюсова, судя по ответу, содержалось приглашение участвовать в издании «Понедельники» (литературные приложения к газете «Слово»), возглавлявшемся П.П. Перцовым (в самой газете Кондратьев печатался и ранее). Брюсов активно публиковался там в феврале-мае 1906 г. (2 июля 1906 г. на № 19 издание прекратилось) и неоднократно рекомендовал Перцову привлекать различных авторов. О влиятельности его свидетельствует оговорка в письме к К. Чуковскому от 4 марта 1906 г.: «В “Слове” у меня сейчас нет своей “руки”, ибо П.П. Перцов уехал в Ниццу» (Переписка В.Я. Брюсова и К.И. Чуковского / Вступ. заметка, публ. и коммент. А.В. Лаврова // Контекст: Историко-литературные и теоретические исследования. 2008. М., 2009. С. 290; сведения были ложными — Перцов в это время во Францию не уезжал). Рекомендация Брюсова первоначально оказалась нестакти. Перцов отвечал: «Спасибо за Кондратьева и Саводника. Но стихи первого при сем “почтительнейше возвращаю”; знаете ли Вы, что после рассказа “Людоеды” (№ 2) я получил до десяти негодующих писем за нарушение обывательской стыдливости (самый горячий отклик на литерат<урное> произведение, какой мне только приходилось наблюдать)» (Письмо П.П. Перцова к Брюсову от 3 апреля 1906 г. // НИОР РГБ. Ф. 386. Карт. 98. Ед. хр. 13. Л. 12 об.; рассказ «Людоеды» напечатан: Понедельники газеты «Слово». 1906. № 2, 12 февр. С. 1–2; цитата из «Братьев Карамазовых», вероятно, в комментарии не нуждается). Позже Кондратьев опубликовал там прозаический фрагмент «Фамирид: (Древнегреческий миф)» (Понедельники газеты «Слово». 1906. № 13, 15 мая. С. 2), посвященный И.Ф. Анненскому. Получив печатаемое письмо, Брюсов писал Перцову: «Оказалось, что, посылая Вам стихи Кондратьева, я совершил акт великого великодушия, но право нечаянно. В ответ на мое сообщение о том, что я послал его стихи в “Слово”, Кондратьев написал мне покаянное письмо

и приложил к нему ту свою статью обо мне, которую Вы отвергли. Всё хорошо, что хорошо кончается. Но Кондратьев всё же поэт настоящий и я его Вам опять и опять рекомендую» (Десять писем Валерия Брюсова к П.П. Перцову. Предисл. Г. Лелевича // Печать и революция. 1926. № 7. С. 45; письмо от 5 апреля 1906).

² Вероятно, Брюсов упоминал в письме факт активного участия И.Ф. Анненского в этом же издании: его восемь стихотворений, одно стихотворение в прозе и одна статья печатались там тоже с февраля по май 1906 г. А. Червяков связывает близкое сотрудничество Анненского в «Понедельниках» с благожелательным тоном его рецензии на книгу Перцова «Венеция» (СПб. 1905); см.: *Анненский И.Ф.* Учено-комитетские рецензии 1904–1906 годов. Иваново, 2001. С. 163. Предварительный очерк отношений Кондратьева и Анненского см.: *Анненский И.Ф.* Письма. Т. 1: 1879–1905 / Сост. и коммент. А.И. Червякова. СПб., 2007. С. 181–182. Письма Кондратьева к Анненскому напечатаны: *Сарычева К.В.* Письма к учителю: к истории отношений И. Анненского и А. Кондратьева // Литературный факт. 2017. № 4. С. 53–67.

³ Рецензия Брюсова (не слишком доброжелательная) на дебютную книгу Кондратьева (Стихотворения А.К. СПб., 1905) напечатана: Весы. 1905. № 7. С. 53–56. По ее поводу Кондратьев писал Б.В. Беру 24 августа 1905 г.: «В Москве Брюсов написал про меня обидную, но верную в общем рецензию, где указал на мою банальность, бесстыльность и пошлость. Мою богиню Истар назвал кафешантанной хористкой, начитавшейся Максима Горького...» (*Письма к Беру*. С. 12).

⁴ Брюсов был в Петербурге во второй половине января 1906 г. В частности, он присутствовал на «средах» у Вяч. Иванова 18 января, где был и Кондратьев (ЛН. Т. 92, кн. 3. С. 236) и 26 января (*Богомолов Н.А.* Вячеслав Иванов в 1903–1907 годах: Документальные хроники. М., 2009. С. 157); сведений об участии Кондратьева во второй из них у нас не имеется.

⁵ Перцов был в Москве в конце января — начале февраля 1906 г. и тогда же пригласил Брюсова к близкому участию в «Понедельниках» (что делало особенно неудобным публикацию там кондратьевской рецензии), ср. в его письме к жене: «Вчера вечером был у Брюсова. Хотя мы давно не выдались, но встретились по-старому. Он только очень недоумевал, и даже, кажется, немного обиделся, почему я у него так долго не был (я сказал, что здесь уже две недели). <...> Впрочем, сейчас он был у меня и я его пригласил в литерат<урные> обозреватели “Слова”» (*Письмо от 4 февраля 1906 г.* // РГАЛИ. Ф. 1796. Оп. 1. Ед. хр. 68. Л. 5 об., 6 об.).

⁶ Несмотря на то, что сопроводительные письма Кондратьева к Петру Васильевичу Быкову (1843–1930) в основном сохранились (РНБ. Ф. 118. № 476; ИРЛИ. Ф. 273. Оп. 1. № 284), мы не знаем доподлинно, о каких рассказах идет речь.

⁷ Станислас (Станислав) Гуайта (1861–1897) — французский поэт-окультист. 2 января 1906 г. Кондратьев писал В. Беру: «Спасибо за присланный Тобой список книг. В.Л. Поляков также прислал мне из Парижа 3 печатных каталога редких и нередких книг по разным “измам”. Но, увы, как их приобрести и получить!? Жюлья Буи и Станислава Гуайту я через него уже заказал. Обещал прислать с оказией. Но риск велик...» (*Письма к Беру*. С. 13). Об интересе Кондратьева к оккультным проблемам см. в его позднем автобиографическом письме к Е.А. Ляцкому (*Ляцков А.В.* Символисты и другие: Статьи. Разыскания. Публикации. М., 2015. С. 546–547).

⁸ Первые строки стихотворения «Целение».

⁹ Общеизвестное, кажется, стихотворение, начинающееся «Адам Еву прижал к древу» (Кондратьев напомним его в письме № 2) на удивление скудно зафиксировано в печатных источниках, но см., напр.: *Билль-Белоцерковский В.* Избранные произведения. Т. 2. М., 1976. С. 66. По предположению Р.Д. Тименчика, высказанному в частном письме, отзыв Кондратьева мог быть вызван тем, что он усмотрел в стихах Брюсова состязание со своим стихотворением «Адам», помещенном в первой книге стихов (ср. в письме: «Под влиянием некоторого чувства мести»).

¹⁰ Раздел открывается эпиграфом: «В страну без возврата, в жилище мертвых устремилась богиня Истар — вывести души из ада, чтоб они вновь ели и жили»

с пометой «Из ассирийского эпоса». Об ассирийских темах в русской поэзии см. серию работ В.В. Емельянова; об образе Иштар у Брюсова и Кондратьева см.: *Емельянов В. Богиня Иштар в русской поэзии начала XX века // Девятая международная летняя школа по русской литературе: Статьи и материалы. Цвелодубово Ленинградской обл., 2013. С. 49–51.*

¹¹ Первая рифмопара из стихотворения «Портрет» («Черты твои — детские, скромные...»), посмеялась/малость и души/послушны — из стихотворения «Из ада изведенные» («Астарта! Астарта! и ты посмеялась...»), голоса/глаза — из стихотворения «Жрице луны» («По твоей улыбке сонной...»).

2.

11 апреля 1906. С.-Петербург.

11 апреля 1906 г.

Как ни грустно, но следует признаться, глубокоуважаемый Валерий Яковлевич, что я лишь 7 апреля, получив Ваше письмо, узнал о существовании ассонансов. Я обращал и раньше внимание на то, что некоторые поэты умышленно употребляют не вполне точные рифмы, но названия этих созвучий не знал. Спасибо за науку¹.

В точности школьной песни об «Адаме и Еве» не помню. Память подсказывает мне только первую строку: «Адам Еву прижал к древу»...²

Стихов за последнее время писать почти не могу... Не подойдет ли случайно прилагательное? Написано, как Вы можете разглядеть, урывками. Спасибо, еще раз, за добрые заботы обо мне. «Слово» не представляет еще из себя такой знаменитой редакции, куда бы следовало стремиться во что бы то ни стало...

Искренне Вас уважающий и любящий

Ал. Кондратьев

Спб. Галерная ул. д. 48 кв. 18.

Ей

Темноликая, тихой улыбкою
Ты мне душу ласкаешь мою.
О, прости меня, если ошибкою
Я не так Тебе песни пою...
Ты рассыпала щедро узорами
Светляков золотые огни;
Благосклонными, вещими взорами
На открывшего душу взгляни!..
Черносиними звездными тканями
Ты вселенной окутала сон.

Одинокий, с простертыми дланями
Я взываю к Царице Времен.
Ты смеешься очами бездонными,
Неисчетные жизни тая.
Да прольется над девами сонными
Бесконечная благодать Твоя!
Будь щедр к ним, о Матерь Великая,
Сея радостно в мир бытие,
И прими меня вновь, Темноликая,
В благодатное лоно Твое!

Ал. Кондратьев³.

P.S. Перед тем как удрать из Европы⁴, постараюсь Вас еще раз увидеть. Вяч. Иванов считает прилагаемое стихотворение гимном Изиде, я же думаю, что это мое собственное божество, Прекрасная Дама, которой под разными именами поклонялись древние народы.

А. К.

==

НИОР РГБ. Ф. 386. Карт. 90. Ед. хр. 5. Л. 6–7.
Конверт. П.ш.: СПб (нрзб); Москва (нрзб).

¹ О стиховедческих познаниях Кондратьева см.: *Богомолов Н.А.* Русская литература первой трети XX века. Томск, 1999. С. 495–501.

² См. примеч. 9 к п. 1.

³ Напечатано: *Весы*. 1907. № 11. С. 18. Вошло в состав сборника «Черная Венера» (СПб., 1909).

⁴ О путешествии Кондратьева на Восток см. п. 4 и коммент. к нему.

3.

Конец марта или апрель 1906. С.-Петербург.

Глубокоуважаемый Валерий Яковлевич.

Ровно ничего не имею против помещения своего стихотворения в осенних номерах Вашего журнала¹. По некоторым соображениям это для меня будет даже приятнее. Жалею, что не могу прислать Вам других подходящих стихов. Занят в настоящее время несколькими работами. Одна — о безвременно умершем поэте В.Л. Полякове². Он гораздо талантливее Ореуса, и скончался, подготовив к печати свой первый сборник. Родственники предприняли издание... Туда не войдут вовсе

политические стихотворения, характер которых может повредить успеху книги... Дело в том, что это был еврей, не желающий менять религии и в то же время бывший желанным гостем в «Христианском Содружестве Молодежи»³; знакомства с ним искали православные епископы⁴. На Казанской площади, в день 18 октября⁵, он один из последних ушел с места столкновения двух манифестирующих процессий, где стоял под выстрелами людей, несших красные флаги... Не разглашайте об этом, т.к. во втором издании его книги будет много вещей полных горького яда, способного отравить душевное спокойствие критиков наших толстых журналов⁶. Вот например его гимназическое стихотворение:

ЭПИТАФИЯ.

(На гроб радикала).

Он с колыбели посвятил
 Себя идейному страданию
 И даже азбуку зубрил
 По запрещенному изданию.
 Других изданий не читал
 И кончил вечер жизни бурной
 Как непреклонный радикал
 В объятьях девы нецензурной...

В первое же издание его стихов войдут чисто лирические вещи⁷. А т.к. к книге будет приложен портрет автора с чисто семитической физиономией, то критики расхвалят это первое издание, хотя там встретят одну лишь поэзию без всякого упоминания о потоках крови, палачах, кандалах, виселицах, Риманах, Дурново⁸ и т.п. источниках вдохновения...

Вот стихотворение, которое, вероятно, не войдет в первое издание:

ИТОГ

Осталось: пол-Сахалина,
 Вождей преступных имена,
 Их непонятная гордыня,
 И, как залог народных сил,
 Неоскверненная святыня
 Бесславно преданных могил...
 Пою героев безымянных!
 Равнин Манчжурии туманных,
 Ее привычных им снегов,

Они покинуть не хотели,
И безыскусственных крестов
Не заметут ее метели.

Вот его стихотворение К Вечности. (печатать его я не имею пока права).

Я чту незлобие твое;
Мое дыханье так условно!
Я умираю, в том виновно, —
Мне изменивши, бытие.
А ты презрительно, спокойно
Приемлешь мой последний день;
Ужель не встречу я достойно
Тобою посланную тень?
Пускай в лесу трепещут звери
И пресмыкаются в пыли:
Я отворю ей молча двери,
Я поклонюсь ей до земли.

Покидаю, по всей вероятности, квартиру, а потому письма, в случае если Вы будете мне их писать, прошу адресовать так: СПб. Фонтанка 117. Управление Железных Дорог. Юридическая Часть. Александру Кондратьеву.

На этот же адрес я выписываю один экземпляр «Весов», другой Вы были любезны посылать мне на квартиру. Я смело могу обойтись без этого второго экземпляра, т.к. он мне служил для того чтобы давать на прочтение многочисленным знакомым, а для себя иметь чистый №...

Когда Вы переезжаете на дачу⁹ и куда в таком случае направлять письма?

Жму руку

Ал. Кондратьев

<На полях:> Видел старшего брата Леонида Семенова¹⁰. Кажется, что последнего выпустят в день амнистии, ожидаемой на 26 апреля¹¹.

Мой почтительный привет Иоанне Матвеевне.

А.К.

==

НИОР РГБ. Ф. 386. Карг. 90. Ед. хр. 5. Л. 9–10 об.

Конверт утрачен.

Письмо не могло быть написано ранее 22 марта 1906 г., когда Кондратьев писал Б.В. Беру: «Сегодня утром я получил известие о скоропостижной смерти В.Л. Полякова» (*Письма к Беру*. С. 14), и позже 26 апреля того же года, которое упоминается в качестве предстоящей даты.

¹ Стихи Кондратьева в 1906 г. в «Весах» не печатались.

² Виктор Лазаревич Поляков (1881–1906) покончил жизнь самоубийством в Париже 14 марта. О нем см.: *Иванова Е.В., Скворцова Н.В.* Поляков Виктор Лазаревич // Русские писатели 1800–1917: Биографический словарь. Т. 5. М., 2007. С. 64–65. Подробное описание одной из бесед о Полякове и судьбе его стихов см. в письме Кондратьева к Б.В. Никольскому от 31 марта 1906 г. (*Письма к Никольскому*. Л. 22–23). См. также примеч. 3 к п. 29.

³ Имеется в виду «Христианское содружество учащейся молодежи», действовавшее в Санкт-Петербурге в 1900–1910-х гг. (см., в частности: *Кремлевский П.М.* Задачи Христианского содружества учащейся молодежи. СПб., 1912). О нем см.: *Сафронова А.А.* Просветительская деятельность «Христианского содружества учащейся молодежи» в Санкт-Петербурге (1903–1916 годы) // Свет Христов просвещает всех. Альманах Свято-Филаретовского православно-христианского института. М., 2016. Вып. 17. С. 25–42.

⁴ Ср. в написанном Кондратьевым некрологе: «Он мечтал даже по окончании университета поступить в Духовную Академию, но не желал при этом отречься от веры отцов» (*Кондратьев А.А.* Рано ушедший // *Беседа*. 1907. № 4. С. 240–241).

⁵ Московское обострение народных волнений сентября 1905 г. дошло до столицы с некоторым опозданием; в Петербурге стачки прошли 3–6 и 12 октября; 18 числа состоялась обширная забастовка, сопровождавшаяся митингами и демонстрациями по всему городу; на Казанской площади митинг проходил весь день, завершившись схваткой между участниками революционных и монархических демонстраций (см.: *История рабочих Ленинграда*. Т. 1: 1703 — февраль 1917. Л., 1972. С. 288–289; *Шустер У.А.* Петербургские рабочие в 1905–1907 гг. Л., 1976. С. 157).

⁶ Стихи Полякова вышли единственным изданием: *Поляков В.* Стихотворения. СПб., 1909. См. также п. 29 и коммент. к нему.

⁷ Замысел издания Полякова был пересмотрен, все три приведенные Кондратьевым стихотворения в него вошли.

⁸ Риман Николай Карлович (1864 — 1917 или 1938) — командир батальона лейб-гвардии Семеновского полка, принимавший участие в подавлении революции 1905 г.; Дурново Петр Николаевич (1845–1915) — министр внутренних дел.

⁹ Летом 1906 г. Брюсов не уезжал на дачу, а провел полтора месяца в Швеции. В составленной им самим хронологической канве о 1906 г. говорится также: «Осень в Ашукине (немного)» (НИОР РГБ. Ф. 386. Карг. 143. Ед. хр. 18).

¹⁰ Семенов Рафаил Дмитриевич (1879–1919) — поэт, студент юридического факультета Петербургского университета.

¹¹ Л. Семенов был арестован в декабре 1905 или январе 1906 г. Слухи о его грядущем освобождении оказались ложными: он был отпущен из тюрьмы только 12 декабря 1906 г. (см.: *Леонид Семенов. Хронологическая канва* // Семенов Л. Стихотворения. Проза / Изд. подгот. В.С. Баевский. М., 2007. С. 557). Амнистия ожидалась 26 апреля по поводу начала думской сессии.

4.

Середина июля 1906. Ближний Восток.

Дорогой Валерий Яковлевич.

После долгих поисков я отыскал домик Аганатис переселившейся сюда из Сидона¹. Сама она старая ведьма, но дочка или внучка у нее не дурны. Ворота были заперты, но сквозь дыру в заборе я проник во двор. Тем не менее меня постигла неудача... Хвастаться не хочу.

Вам преданный А.К.

P.S. Не даром вчера зловеще сверкала над морем Ашера².

==

НИОР РГБ. Ф. 386. Карт. 90. Ед. хр. 5. Л. 11.

Открытка. П.ш.: Москва (19.7.06).

Написана из неизвестной точки большого путешествия, предпринятого Кондратьевым летом 1906 г. Собираясь в поездку, 22 марта 1906 г. он писал Б.В. Беру:

Я мечтаю о том, чтобы сесть в Тавриде на спину дым извергающего морского дракона и пересечь Эвксинское море, направляясь к берегам обильной башнями Византии. Оттуда хочу я проплыть вдоль берегов мимо Трои, славной Гомером Смирны, древних Тира, Сидона, Берита и других городов Финикии в порт Joppen <sic>. Там я намерен сойти на твердую землю и промотаться недели две около мест, где стояли Содом и Гоморра. Если боги помогут, то побываю и там, где стоит гроб Адониса, где был похоронен сошедший на землю Сын Иеговы, там, где, прячась в зеленых тенистых садах, белеет чудный Дамаск...

Затем я мечтаю о славной своим маяком Александрии, где в подземельях мечети покоится сам он, сын Зевса-Аммона и македонянки. Не знаю, поеду ли я в знойный Каир... Дальше, пусть повлекут меня волны на резвой галере в землю богов Олимпа, к любимому Девой Палладой Акрополю... Там проживу я с неделю, а после вернусь обратно в холодную Скифию (*Письма к Беру*. С. 14).

Документирована эта поездка весьма скудно, известно лишь, что в конце июля Кондратьев был в Египте, см. письма к И.И. Ясинскому (РНБ. Ф. 901. № 391. Л. 1) и Б.В. Никольскому 28 июля из Каира (*Письма к Никольскому*. Л. 24об); см. также пометы под стихотворениями, вошедшими в цикл «Звезда морей» книги «Черная Венера» (СПб., 1909). Об иерусалимской художественной школе «Bezalel» Кондратьев написал статью (Весы. 1906, № 8. С. 77–79); ср. перепечатку, осуществленную

Р.Д. Тименчиком с ценным комментарием (Окна: Еженедельное приложение к газете «Вести» (Тель-Авив). 1994, 10 февр.).

¹ Кондратьев намекает на поэму (согласно авторскому определению «финикийский рассказ») Брюсова «Аганатис», включенную в сборник «Tertia vigilia» (М., 1900); в переработанном виде она станет называться «Аганат»; действие ее происходит в Сидоне, городе в Ливане на побережье Средиземного моря. Об исторических корнях поэмы см.: *Емельянов В.* Цит. соч. С. 45–51.

² Намек на строки Брюсова из этой же поэмы: «Я знаю, божественная, — / Ты отблеск Ашеры, / Богини похоти и страстных ночей» (*Брюсов В.* Tertia vigilia. М., 1900. С. 67).

5.

3 сентября 1906. С.-Петербург.

3 сентября 06 г.

Глубокоуважаемый Валерий Яковлевич.

Посылаю заметку об Алексее Толстом или, вернее, о новом издании его сочинений¹. Если заметка эта не может появиться в последней книжке Весов за 1906 г. или в 1-ой за 1907 г. не откажите передать ее С.А. Соколову² или переслать мне, как Вам будет менее неудобно. Если напечатаете, не откажите прислать мне на память оттиск или корректурный лист. Предпочитаю видеть строки эти напечатанными в «Весах» бесплатно, чем в каком-либо «Товарище»³ за гонорар.

Если Вы передумали печатать мои стихи, не откажите известить⁴.

Вас уважающий
Александр Кондратьев.

Адрес:

домашний: СПб. Галерная улица д. 48 кв. 14

Александру Алексеевичу Кондратьеву.

служебный: СПб. Фонтанка 117. Управление Железных дорог. Юридическая Часть. Ал. Ал. Кондратьеву.

==

НИОР РГБ. Ф. 386. Карт. 90. Ед. хр. 5. Л. 12–13.

Конверт утрачен.

¹ Заметка Кондратьева «Новое издание сочинений гр. А. Толстого» напечатана: *Весы*. 1907. № 1. С. 75–76.

² Подразумевается — для напечатания в конкурирующем журнале «Перевал».

³ «Товарищ» — «политическая, литературная и экономическая газета», выходящая с января 1906 по декабрь 1907 г. (далее — «Наш век»).

⁴ Речь идет о той же публикации стихотворений, разрешение на отсрочку которой до конца 1906 г. Кондратьев давал в п. 3. Ближайшее его стихотворение было напечатано в ноябре 1907 г., см. примеч. 3 к п. 2.

6.

Сентябрь — октябрь 1906. С.-Петербург.

«Мой властный гордый брат»¹

Многоуважаемый Валерий Яковлевич. Несколько недель тому назад Вы от меня получили предназначаемую мною для Весов заметку о новом издании сочинений Алексея Толстого². Я очень просил Вас вернуть мне эту заметку, в случае если бы она Вам показалась неподходящей. Хотя ответа от Вас я и не получал, но по некоторым признакам заключил, что письмо мое Вами прочтено. Заметки же своей обратно также не получил. Прилагая касающееся Каролины Павловой (которою Вы одно время интересовались) стихотворение Вам, по всей вероятности, неизвестное, прошу Вас, уважаемый Валерий Яковлевич, взять на себя труд внести в заметку мою (конечно, если она сохранена для печати), в том ее месте, где перечисляются ошибки Корнея Чуковского, дополнение или примечание, что Алексей Толстой не писал эпиграмм³.

Простите, что так Вас затрудняю; если одного стихотворения Соболевского Вам мало, постараюсь для полного Вашего удовлетворения отыскать и прислать еще.

Вас любящий Ал. Кондратьев.

СПБ. Галерная д. 48 кв. 14

PS. Уведомьте, ради Бога, если заметка не пойдет, чтобы я ее мог напечатать в другом месте.

В ДРЕЗДЕНЕ.

Забыв о милой Каролине,
О прелести ее стихов,
Я уезжал вчера in's Grüne
Послушать вешних соловьев.

А бывшие в собрание лица
Единогласно говорят

Что этак воеет лишь волчица
 Когда ей волк чинит волчат.

Соболевский⁴.

==

НИОР РГБ. Ф. 386. Карт. 90. Ед. хр. 5. Л. 14–15.
 Конверт утрачен.

¹ Из стихотворения Кондратьева «Вельзевул» («Пусть Михаилом горд в веках Иегова...»); сборник «Черная Венера».

² См. примеч. 1 к п. 5.

³ Возможно, под влиянием этой просьбы в текст рецензии внесен абзац: «Кроме того, лицу, которое будет редактировать новое собрание сочинений, стоит проверить, действительно ли перу А.К. Толстого принадлежат приписываемые ему сомнительные стихотворения, одно из которых попало даже в перечень Быкова» (Весы. 1907. № 1. С. 76).

⁴ Это стихотворение впервые было напечатано П.И. Бартеневым под заглавием «На чтение К.К. Павловой в Обществе Любителей Российской словесности в мае 1866 г.» (Русский архив. 1904. № 6. С. 308) в смягченном виде (стр. 7–8: «Что этак воеет лишь волчица, / когда берут у ней волчат») и с тех пор многократно перепечатывалось без изменений. Впервые опубликовано в оригинальном варианте (с разъяснением коллизии): *Панов С. Соболевскиана // Новое литературное обозрение. 1993. № 2. С. 234.*

7.

7 или 8 декабря 1906. С.-Петербург.

Благодарю за волнение. Деньги получил¹.

А.К.

Мой адрес:

СПб. Галерная ул. д. 48 кв. 14.

==

НИОР РГБ. Ф. 386. Карт. 90. Ед. хр. 5. Л. 16.

Открытка с фрагментом греческого орнамента. П.ш.: СПб (8.12.06); Москва (9.12.06).

¹ Вероятно, гонорар за публикацию в № 1 «Весов» за 1907 г. (см. примеч. 1 к п. 5).

8.

Конец декабря 1906 (?)

Дорогой Валерий Яковлевич

Поздравляю с Новым годом. Шлю мои лучшие Вам пожелания.

Вам преданный

Ал. Кондратьев

==

НИОР РГБ. Ф. 386. Карт. 90. Ед. хр. 5. Л. 17.

Открытка с изображением статуи Венеры. Не прошла почту.

Датируется по местоположению в архивной папке.

9.

20/21 февраля 1907. С.-Петербург.

СПБ. Галерная 48 кв. 18

20/21 февр. Ночь.

Многоуважаемый Валерий Яковлевич.

Благодарю за любезную присылку № Весов и, со своей стороны, посылаю сразу полдюжины стихотворений. Все они довольно плохи, но, что делать, за последнее время не могу ни писать вновь, ни исправлять старого. Тем не менее я несколько не удивлюсь если Вы даже и отберете что-нибудь для Весов. По совести говоря, Вам ведь случалось печатать и более слабые вещи...

Что касается до прозы, то хочется привести в более приличный вид (немного сократить) один небольшой мифологический рассказ, но никак не могу собраться...

В первой половине марта рассчитываю посетить Москву и заглянуть в редакцию «Весов», чтобы справиться о судьбе посланного.

Шлю мой почтительный привет Иоанне Матвеевне и жму Вашу руку.

Ал. Кондратьев.

ЗАКЛИНАНИЕ¹.

Тихо в подвале. Вдоль свода кирпичного
Отблески пляшут огня.
Веяньем холода страх непривычного
Обдал тебя и меня.

Брошены в уголья травы душистые.
Пламень дрожит голубой.
Силы нездешние, силы нечистые
Мы закладываем с тобой.

Тесен наш круг. Вся полна ожидания,
Ты мне прижалась к плечу.
Обнял тебя я. Слова заклинания
Строго и властно шепчу...

Слышится трепет гудения струнного,
Тихий таинственный стук.
Ждем мы видений, меча двоелунного
Не выпуская из рук.

Ахнула ты, содрогаясь и путая
Нить непонятную слов.
— Ларвов тела безобразно раздутые
К нам поползли из углов.

Следом, колеблясь как травы болотные,
Духи иные стеклись.
Формы людские и формы животные
В них своенравно слились...

Поднял я перстень с звездой златокованой
Пятиконечной звездой.
— «Духи, скажите, что нам уготовано
В жизни суровой судьбой!

Что нам сулит непреложно грядущее?
Горя иль радости дни?»
Ждем мы с тоскою... Молчанье гнетущее.
Не отвечают они.

Грозно сгущаясь, толпа безобразная
Всё прибывает из мглы.
Шепчутся головы мертвенно грязные,
Уст их кривятся углы

Тянутся цепкие руки мохнатые...
Вот они вновь поползли,
Крови и мыслей исчадья проклятые...
Близко... Коли их! Коли!..

А.К.

ГОРНЫЕ КАРЛИКИ².

Я спою им про Грааль,
То-то будет им веселье!
В. Брюсов.

Он нам пел про Грааль, и мы все хохотали
Мы от смеха катались пред ним.
И ушел он от нас, полон гордой печали,
Ненасытную скорбью томим.

Он не знал, что известно нам светлое чудо,
Что знакома нам повесть была
Про священный Грааль, про кристалл изумруда,
С Люциферова павший чела.

С наших высей он в гневе ушел без возврата.
Не коснется до алчущих губ
Чаша с пурпурной кровью Того, кто когда-то
Был потомком Тебе, Belzeboub!..

А.К.

АРИАДНА³.

Остров Наксос ликует. Летят с берегов
Восклицанья: «Гимен Гименей!»
Это празднует Вахх, сын владыки богов,
Брачный пир с Ариадной своей.

Слышны звонкие хоры. Менады вопят:
«J-o-o, J-o-o, Дионис!»
Потупля горящий желанием взгляд
С ними отроки в пляске сплелись.

Боги, люди и звери стеклися на пир.
Слышен хохот и возгласы игр.
Здесь с пантерою резвится юный сатир,
Там к вакханке ласкается тигр.

Словно кровь красноватое льется вино.
К плоским чашам припали уста.
Пляшет толстый силен. Не прельщает давно
Его линий нагих красота.

Посреди хоровода, беспечен и юн,
И как нежная дева румян,
Обнял ласково Вакх, внемля музыке струн,
Ариадны белеющий стан.

Под ногами четы расцветают цветы.
Сбросил барсову шкуру он прочь.
И отводит глаза от его наготы
Пазифаи стыдливая дочь...

Надвигается вечер. С чела виноград
Снял рукою прекрасною бог.
С тихой счастья улыбкой взглянул на закат
И в ногах у супруги прилег.

Тени гуще. Храня небожителя сон
Смолкли хоры и музыка лир.
Слышен сдавленный смех. Опыянен и влюблен,
Манит шепотом нимфу сатир.

Солнце в море садится, румянцем горя.
Тихо спит утомленный жених.
И с печалью в очах дочь Миноса царя
Оглядела вакханок своих.

«Вы от счастья устали», чуть шепчет она.
«Где ты счастье промчавшихся лет!»
«Я бессмертна, я светлого бога жена,
Но в душе моей радости нет.»

«Где ты юноша статный ахейской страны,
От меня получивший кинжал,
Ты, чьи руки от братниной крови красны,
Ты, кто ими меня обнимал?!

По волнам потемневшим к родимой земле
С черным парусом мчится ладья.
Вслед за ней посылаю я вздохи во мгле,
В ней уносится радость моя!»

А.К.

* * *

Ты помнишь, на черном зловещем баране⁴
Ты к нам прискакала, нагая,
Белея как призрак в полночном тумане,
Испуганно слезы роняя?

Ты помнишь как ярко огни запылали,
Как в пляске завились инкубы,
Как гости склоняясь, «лицо» целовали
В холодные бледные губы?

Ты помнишь кропили нас кровью козленка...
Горячие, алые брызги...
Как плакал в толпе кто-то долго и звонко
Под общие крики и взвизги?

Когтями нечистые вырыли яму,
И влагой она засветилась.
Под дикую песню, где славили «Даму»,
Ты помнишь, туда погрузилась?

Ты помнишь как очи потупивши долу,
В клубах кантариды и нарда,
Полна содрогания, шла ты к престолу
Принять поцелуй «Леонарда».

Как в трепете сладко-томительной муки,
Тебе неизвестной дотолле,
Ты, гордо раскинув прекрасные руки,
Простерлась на страшном престоле?

А.К.

ПРИЗНАНИЕ НИМФЫ⁵.

Мохнатый фавн с бесстыдными глазами
 Меня увлек.
Он говорил: в лесу между кустами
 Есть уголок.
Там нежен мох. Отрадно будет ложе
 Обоим нам!

А я в ответ: а делать будем что же
С тобой мы там?
Но не смутясь, с улыбкою ответил
Мне полубог:
О, дочь полей, зачем твой лик так светел,
А взор так строг?
Ужели ты досель не приносила
Киприде дань?
И в этот миг рука его схватила
Хитона ткань.
— Я жрец лесной богини златотронной,
Звезды морей.
Твоя судьба быть в жертву принесенной
Сегодня ей!..
Взмолилась я, обвив его руками:
Не будь жесток!
Но он сверкал зелеными глазами
И в чашу влек...

А.К.

«В ДОМЕ ОТЦА МОЕГО ОБИТЕЛЕЙ МНОГО...»⁶

Иоанна 14,2

Мы ждем Тебя. Из недр ущелий диких,
Из тьмы пещер, из топей и трясин
Несется крик и малых и великих:
О, низойди, сойди к нам, Властелин!

Из тесных нор, где прячась друг от друга
Забились мы, летят к Тебе мольбы,
Не молкнет вопль: сойди с святого круга
Спаси наш род от тягостей судьбы!

Войди в леса, лазурью осиянный,
Своим явлением алчных разгони,
Явись средь нас, о сладкий, о желанный,
И на ползущих ласково взгляни!
Мы ждем Тебя, бессильно простирая
Корявых лап усталую ладонь...
Ты низойдешь! Застонет мгла немая
И запоеет Твой благостный огонь...

А. Кондратьев.

СКОРБЬ НИНКАГАЛЛЫ⁷.

(Реставрация ассиро-вавилонского мифа).

В безднах глубоких Аралу,
В царстве подвластном Нергаллу,
Мертвые, мрачны и голы,
Дремлют, занявши престолы,
Скорбными снами томимы,
Дети земли — рефаимы...
Нет из Аралу дороги.
Пылью покрыты пороги;
Тело обвеяно прахом.
Темные духи со страхом
Смотрят на хмурые лики.
Спят исполины владыки...
Словно летучие мыши,
Кинув глубокие ниши,
Те, чья тоска беспредельна,
Носятся души бесцельно.
О, если б было забвеньё
В области мрака и тленья!..
К плачу и жалобам глухи,
Мрачные адские духи
Скрытую пологом пыли
Тяжкую дверь заградили.
Строги подземные боги.
Нет из Аралу дороги!..
Скорбные носятся души...
Свесив мохнатые уши,
Ткнув подбородок в колени,
Смотрит на мертвые тени
Взором недвижимым, устало,
Эришкигаль-Нинкагалла.
Все они ей надоели.
Венчик на рожках газели
Светится пламенем синим
— «Где он теперь?.. По пустыням
Носится с ветром привольно.
Может ли знать он как больно
Мне без него, одинокой?!
Где он, супруг мой жестокий?..
Много в подсолнечных странах

Жен в яркоцветных тюрбанах,
Много и дев темнокожих.
Утром купаются в росах
Синего неба богини.
Многие любят донине
Бога сражений Нергала.
Сам он любил их немало...
Помню. Явившись впервые
С яростным воплем на выю,
Мне наступил он ногою,
За косу взял и другою
Дланью занес беспощадно
Меч надо мной кровожадный...
Как испугалась тогда я,
Как о пощаде, рыдая,
Я умоляла Нергала,
Как я любить обещала
Бога убийства и сечи!..
Помню. На круглые плечи,
На распростертое тело
Он загляделся несмело.
После... растроган мольбами,
Поднял меня и губами
Жаркими лба мне коснулся.
В сердце железном проснулся
Трепет любви у владыки...
И распаленный и дикий
Тут же, во прахе, женою
Сделал меня и со мною
Власть разделил над Аралу.
Боги небес Нинкагаллу,
Прежде враждебную, словом
Мира почтили. Суровым
Ану был послан подарок
— Факел венчальный. Как ярк
Пламень его был багряный!..
Бог безудержный и рьяный
Пыл своих сеч беспощадных
В тесных объятиях жадных
Мне подарил. Но Нергала
Яростней я обнимала...
Где ты пора содроганий,
Вздохов, укусов, рыданий?!.

Все перемененно земное.
Время настало иное.
Ныне Нергал мой далеко
Бросил меня он жестоко
И, позабыв про супругу,
Новую выбрал подругу.
Им я покинута!.. Горе!!!»
Вспыхнуло пламя во взоре;
Ревность лицо исказила.
Когти богиня вонзила
В темные круглые щеки.
Крови бессмертной потоки
Львиную грудь оросили.
Стоны тоски огласили
Царства Аралу долины...
Тихо цари исполины,
Слыша те стоны печали,
Мертвые лица подъяли...
Вздрыгнули, страхом томимы,
Демоны козней «маскимы».
Полны негомо испуга,
Души, толкая друг друга,
Прятаться в узкие щели
К нишам своим полетели.
Серый, беззубый и гадкий,
Замер, трясясь в лихорадке,
Идпа у трона царицы.
Гений чумы чернолицый,
Злобный Намтару к престолу
Мерзкой, опущенной долу,
В страхе припал головою.
Знал он как страшен порою
Гнев Нинкагаллы, подобный
Буре порывисто злобной...
Видя смущенные лица,
Вопли печали царица
Вздохами скорбно сменила
И прошептала уныло:
«О, если б было забвеньё
В области мрака и тленья!»

Ал. Кондратьев.

Девы с хвостами змеиными⁸
«Те, у кого поперек»,
 Девы без ног
С душами хищными, львиными.

Темного ада создания
Света не любят оне.
 Там, в глубине,
Вечное их обитание.

Слышишь их нежное пение,
Слышишь их страстный призыв?
 Тел их извив
Много сулит наслаждения.

Белыми станами гибкими
Томно друг к другу склонясь,
 Странно смеясь,
Плавают девы с улыбками.

В бездны Аралу отверстия,
Бедер изгибом дразня,
 Тянут меня
Нежно зовут розоперстые...

Свивши хвосты змеевидные
Кружатся плавно оне
 Манят вдвойне
Уст их улыбки бесстыдные...

Ближе, ко мне черноокие,
«Вы, у кого поперек».
 Я изнемог
Вас ожидая, жестокие!

Ал. Кондратьев.

ИЗ ПУТЕВОГО АЛЬБОМА⁹.

Фригии чудной долины,
Пепельно синие горы,
Камни, луга и маслины
Видят счастливые взоры

Прячутся в дымке туманной
Иды священной отроги.
Волны чередой неустанной
Берег целуют отлогий...

По морю тихо плыву я.
Там за туманной горою
Очи мои, торжествуя,
Узрят счастливую Троию.

Живы былые преданья.
Место данайского стана,
Трои холмов очерганья
Тихо встают из тумана

Вечного полны недуга
Плещутся волны, белее,
Там где оплакивал друга
Сын благородный Пелея.

Дремлют прибрежные склоны,
Вечному внемля прибою.
В небе, над синей волною,
Гордо плывут гальционы.

ТИАМАТ¹⁰.

С яростным ревом бегут на берег морские драконы;
 Мокрые лижет пески их пенистый белый язык.
 Море вздыхает, томясь, летят его злобные стоны;
 Мстительных полон угроз детей его бешеный крик...

Яффа 1906 г.

По склонам гор клубятся облака¹¹.
 Покрыты лесом гордые вершины.
 Стояли царства здесь. Но вот уже века
 Они рукой судьбы обращены в руины.

Цибела властная царила прежде тут.
 На рыжих львах она катилась в колеснице
 С улыбкой гордою, где волны в берег бьют
 Где машут крыльями, крича, морские птицы.

Темнозеленый лес одел отроги гор.
 То сосны Атиса, то Кипариса зелень.
 Их тени легкие мой вещей видит взор
 В тумане утреннем из каменных расселин

Привет вам, призраки, пленявшие собой
 Века минувшие! Привет Тебе, о Рея,
 На льве плывущая по тверди голубой,
 Где чайки белые тоскливо стонут рея!..

У берегов Сирии. 1906 г.

ИЗ ПУТЕВОГО АЛЬБОМА¹².

С неба могучий Мардук глядит на морскую равнину.
 Блещет на властной руке его ослепительный щит.
 Вся серебрясь Тиамат ему улыбнулась как сыну
 И властелину небес нежно и кротко шипит:

— «Милый, забудь про войну. Взгляни на томленье природы,
 Мирно, от браней устав, хочет вздохнуть бытие.
 Словно венчальный хитон мои расстилаются воды.
 Тихо спускайся ко мне! Сладостно лоно мое...

Ал. Кондратьев.

==

НИОР РГБ. Ф. 386. Карт. 90. Ед. хр. 6. Л. 1–16.

Конверт утрачен.

Вероятно, часть стихотворений, ныне хранящихся вместе с этим письмом, изначально прилагалась к письму, адресованному М.Ф. Ликиардопуло (№ 13).

¹ В «Весях» (как и последующие стихотворения) не появлялось. Вошло в книгу Кондратьева «Черная Венера» (СПб., 1909). В той же архивной единице хранится еще один автограф этого стихотворения (без названия).

² Публикация не обнаружена. Эпиграф — из стихотворения Брюсова «In hac laskinatum valle» («Весь долгий путь свершив, по высям и низинам...»). *Про священный Грааль, про кристалл изумруда, / С Люциферова павший чела* — подразумевается легенда о происхождении изумруда, сообщающая, что он выпал из короны Люцифера в момент изгнания его из рая (см., напр.: *Artaud-Hausmann L.C.E. Le Tournai poétique de la Wartburg: poème allemand du troisième siècle. Paris, 1865. P. 276. Belzeboub* — один из злых духов, иногда отождествляемый с дьяволом).

³ Впервые: Белые ночи: Петербургский альманах. СПб., 1907. С. 184–186. Вошло в книгу «Черная Венера».

⁴ Впервые: Перевал. 1907. № 8/9. С. 59. Вошло в книгу «Черная Венера».

⁵ Впервые: Беседа. 1907. № 7. С. 5–6. Вошло в книгу «Черная Венера».

⁶ Вошло в книгу «Черная Венера».

⁷ Вошло в книгу «Черная Венера».

⁸ Впервые: Меч. 1936. № 30, 26 июля. С. 5, в рубрике «Из старых тетрадей», под загл. «Ассирийское видение», без последней строфы; варианты: ст. 2: «Лик их красив и жесток»; ст. 9–10: «Нежно их сладкое пение, / Манит их властный призыв»; ст. 15–16: «Реют, смеясь, / Девы с двойными улыбками».

⁹ Вошло в книгу «Черная Венера».

¹⁰ Вошло в книгу «Черная Венера».

¹¹ Вошло в книгу «Черная Венера».

¹² Вошло в книгу «Черная Венера».

10.

21 августа 1907. С.-Петербург.

21 августа 07.

Милостивый Государь, Валерий Яковлевич.

Хотя Вы и усвоили относительно меня за последнее время привычку не отвечать на письма, тем не менее я, чувствуя совесть свою относительно Вас совершенно спокойной, считаю себя в праве обратиться к Вам с предложением, которое отнюдь не носит однако характера просьбы.

Дело в том, что у меня накопилось печатного беллетристического материала (повестей и рассказов) на две небольших книжки или на одну

объемистую. Этой осенью или зимою я хотел бы увидеть их изданными. В «Гриф» я их не предлагал. Не верите — допросите под присягою С.А. Соколова. В «Оры» или «Шиповник» мне, откровенно говоря, не хотелось бы обращаться. Слишком уж я не подхожу к тому и другому книгоиздательству.

Вы не считаете меня, по-видимому, полной бездарностью, человеком подлаживающимся под вкусы толпы или способным подражать модным писателям.

Доказательства этого я вижу, между прочим, в том, что редакция «Весов» пригласила меня (Вашими и в то же время собственными своими устами) в число своих сотрудников и до сих пор не вычеркивает оттуда...

Следовательно, серьезных затруднений издать томик моих рассказов, если Вы не питаете ко мне особых личных чувств, я не вижу.

Вот почему я и обратился к Вам, как единственному мне знакомому представителю «Скорпиона», с описанным выше предложением.

Список предполагаемых для печати вещей с примерным разделением их на две книжки я прилагаю¹. Это разделение, в случае согласия Вашего на издание, отнюдь Вас смущать не должно.

С совершенным почтением

Александр Кондратьев.

Адрес: СПб. Фонтанка 117. Управление Жел. Дорог. Юридическая Часть. А.А. Кондратьеву.

I Темные Боги:

- 1) В царстве мертвых (Беседа²)
- 2) Пирифой (Повесть, почтальон последняя книжка³)
- 3) Шепот Ночи (Беседа⁴)
- 4) Сапфо у Гадеса (Слово⁵)
- 5) В Пещере (Перевал⁶)
- 6) В объятых тумана (Перевал⁷)
- 7) Домовой (Отечество⁸)
- 8) Зимняя сказка (Россия-Амфитеатрова⁹)
- 9) Нимфа Лара (Прометей¹⁰).

II Белый Козел:

- 1) Белый Козел (Новый путь¹¹)
- 2) Фамирин — повесть (экстракт ее — в Слове¹²)
- 3) Иксион — (Гриф¹³)
- 4) Афродита Заступница (Золотое Руно¹⁴)
- 5) Лебеди Аполлона («Звезда»¹⁵)

б) Последнее Искушение (Пасх<альный> рассказ в Амф<итеатровской> России¹⁶)

7) Орфей (Золотое Руно¹⁷)

Кроме того не напечатанные рассказы: Слезы Селемна, Три фрагмента и Царь Содома¹⁸.

==

НИОР РГБ. Ф. 386. Карт. 90. Ед. хр. 6. Л. 17–18 об.

Конверт утрачен.

¹ План этот не воплотился. В ближайшие годы у Кондратьева вышло две книги рассказов: «Белый козел» (СПб., 1908), чей состав примерно совпадает с предложенным ниже, и «Улыбка Ашеры» (СПб., 1911), которая, в свою очередь, похожа составом на сборник, названный здесь «Темные боги». Обе книги напечатаны без издательских марок на средства автора.

² Беседа. 1903. № 12. Стб. 809–811 (под заглавием «В царстве теней»).

³ Почтальон. 1902. № 12. Стб. 707–741.

⁴ Беседа. 1903. № 7. Стб. 361–362.

⁵ Понедельники газеты «Слово». 1906. № 3, 19 февр. С. 2–3; перепеч.: Звуки жизни: Лит.-худ. альм. совр. писателей. <СПб., 1909>. С. 47–51.

⁶ Перевал. 1907. № 6. С. 4–13.

⁷ Перевал. 1907. № 2. С. 31–33.

⁸ Отечество. 1903. № 2. С. 33–38; перепеч.: Нева. 1906. № 1. С. 86–91.

⁹ Россия. 1901. № 714, 23 апр. С. 2–3.

¹⁰ Прометей. 1906. № 1. С. 10–12 (подп.: «А.К.»; под заглавием «Из преданий Таргара»).

¹¹ Новый путь. 1903. № 10. С. 12–18.

¹² Понедельники газеты «Слово». 1906. № 13, 15 мая. С. 2; полностью: Золотое руно. 1908. № 1. С. 44–53.

¹³ Альманах «Гриф». М., 1904. С. 117–119.

¹⁴ Золотое руно. 1906. № 7/9. С. 120а–120б.

¹⁵ Звезда. 1901. № 46. С. 6–8 (под заглавием «Лебеди Аполлона (Осенняя сказка)»).

¹⁶ Россия. 1901. № 694, 1 апр. С. 4.

¹⁷ Золотое руно. 1906. № 3. С. 60–62.

¹⁸ Рассказ «Слезы Селемна» напечатан: Голос Москвы. 1907. № 241, 18 окт. С. 3; вошел в сборник «Белый козел». «Царь Содома» (рукопись сохранилась в архиве Брюсова: НИОР РГБ. Ф. 386. Карт. 90. Ед. хр. 7. Л. 10–11 об.) напечатан под названием «Царь Шедома»: Аполлон. 1910. № 9. II паг. С. 13–18; включен в книгу «Улыбка Ашеры». Что имеется в виду под «Тремя фрагментами», не установлено.

11.

3 октября 1907. С.-Петербург.

3 октября

Многоуважаемый Валерий Яковлевич.

Получил из «Голоса Москвы» предложение сотрудничать¹. В полученной мною телеграмме имеется указание, что предложением этим я обязан Вам. Считаю долгом своим принести Вам свою сердечную признательность. Очень хотелось бы иметь возможность отплатить Вам в будущем подобною же услугой.

Редакция «Голоса Москвы» не прислала своего адреса², почему я счел возможным вновь обратиться к Вашей любезности и просить Вас передать туда этот рассказ³.

Я не посылал его ранее в «Весы», т.к. там уже около двух лет лежат принятые к напечатанию два стихотворения⁴.

Когда у меня вылежатся написанные летом и осенью рассказы, я их пришлю. Не знаю, нуждается ли «Голос Москвы» в стихах. У меня есть несколько штук, по моему мнению, пригодных к печати.

На чье имя адресовать в Голос Москвы? Как зовут г-на Тимофеева, если ему?⁵

Простите за кучу вопросов и за просьбу передать рассказ.

Жму крепко руку.

Ал. Кондратьев.

СПБ. Фонтанка 117. Управление Жел. Дорог. Юрилич. Часть. Или: Петерб. Сторона. Широкая улица д. 10 кв. 8.

==

НИОР РГБ. Ф. 386. Карт. 90. Ед. хр. 6. Л. 19–20.

Конверт утрачен.

¹ Ежедневная московская газета (1906–1915). С июня 1907 г. Брюсов был привлечен В.П. Рябушинским для приглашения к участию в газете писателей-модернистов (см. обзор откликов: Переписка <Брюсова> с С.А. Поляковым (1899–1921) / Вступ. ст. и коммент. Н.В. Котрелева; публ. Н.В. Котрелева, Л.К. Кувановой и И.П. Якир // *ЛН*. Т. 98, кн. 2. М., 1994. С. 118). В письме Брюсова к Блоку от 5 октября 1907 г. Кондратьев вместе с Б.А. Садовским назван среди уже участвующих в ней (см.: Переписка Блока с В.Я. Брюсовым (1903–1919) / Вступ. ст. З.Г. Минц и Ю.П. Благоволиной; публ. и коммент. Ю.П. Благоволиной // *ЛН*. Т. 92, кн. 1. М., 1980. С. 501).

² Ни в киосках, ни у газетчиков № Голоса Москвы я не мог приобрести, т.к. его там не было. (*Примеч. автора.*)

³ Речь идет, вероятно, о рассказе «Что случилось потом» (Голос Москвы. 1907. № 233, 4 окт. С. 2). Позже в той же газете был напечатан рассказ Кондратьева «Слезы Селемна» (см. примеч. 18 к п. 10).

⁴ Одно из них — «Ей» («Темноликая, тихой улыбкою...»); см. примеч. 1 к п. 14), второе неизвестно.

⁵ Этот сотрудник упоминается в мемуарах Б. Садовского: «В Москве начала выходить газета “Голос Москвы”. Брюсов устроил меня туда. Заведовал литературным отделом А.А. Тимофеев, молодой блондин с длинными усами, милейший и обязательнейший редактор» (*Садовской Б. Записки*. Публ. С.В. Шумихина // Российский архив. Т. 1. М., 1991. С. 157). Он же — мимолетный персонаж дневника Л. Рындиной (см.: *Богомолов Н. Вокруг «серебряного века»: Статьи и материалы*. М., 2010. С. 385, 625), знакомый Н. Петровской (Валерий Брюсов. Нина Петровская. Переписка. 1904–1913 / Вступ. статьи, подгот. текста и коммент. Н.А. Богомолова и А.В. Лаврова. М., 2004. С. 272) и автор первого портретного очерка о Ходасевиче (*Тимофеев А. Литературные портреты*. II. Ходасевич // Руль. 1908. № 87, 23 апр. С. 2). Инициалы его раскрыты не удалось: ни его письмо к Садовскому (РГАЛИ. Ф. 464. Оп. 1. Ед. хр. 130), ни письма к Брюсову (см. ниже), ни адресные книги не дают к этому ключа. В 1915 г. С.В. Киссин считал его покойным (см.: *Киссин С. (Мун).* Легкое бремя. Стихи и проза. Переписка с В.Ф. Ходасевичем / Изд. подгот. И. Андреева. М., 1999. С. 240–241; в аннотированном именном указателе к этому изданию он представлен с годами жизни: 1880–1910). 4 октября 1907 г. А. Тимофеев писал Брюсову: «Спешу Вам сообщить, что мы получили согласие от Кондратьева, который уже выслал нам свой рассказ» (НИОР РГБ. Ф. 386. Карг. 104. Ед. хр. 46. Л. 1).

12.

12 октября 1907. С.-Петербург.

12 окт. 07 г.

Многоуважаемый Валерий Яковлевич.

Как мне ни прискорбно, но принужден потревожить Вас новым письмом. Вы были любезны отрекомендовать меня в «Голос Москвы», но не написали, кто заведует там литературным отделом и на чье имя следует направлять материал (если на имя г. Тимофеева — благоволите сообщить его имя и отчество¹). Я хотел в скором времени послать туда рассказ из деревенской мифологии, но т.к. он состоит из нескольких глав и не может поместиться в одном №, то я желал бы знать стоит ли его туда посылать...²

Очень извиняюсь за причиненное Вам письмом и просьбой ответить беспокойство. Но знайте, что настанет время, когда Вам придется самому обратиться, если не ко мне, то к кому-либо другому из младших и менее известных чем Вы с подобной же просьбой.

Примите уверение в совершенном почтении и сердечном к Вам расположении.

Александр Кондратьев.

Мой почтительный привет Иоанне Матвеевне.

==

НИОР РГБ. Ф. 386. Карт. 90. Ед. хр. 6. Л. 21.
Открытка. П. ш.: Москва (13.10.1907).

¹ См. примеч. 5 к п. 11.

² Вероятно, этот план не был осуществлен.

13. К М.Ф. ЛИКИАРДОПУЛО

17 октября 1907. С.-Петербург.

17 октября 07 г.

Милостивый Государь Михаил Федорович.

Посылаю в редакцию Весов целый ворох стихов и рассказ. Очень прошу, если не подойдет, не уничтожать (в особенности рассказа «Скорби Нинкагаллы»¹, т.к. очень ленив и не люблю переписывать). Два из прилагаемых стихотворений («Ей» и «Закливание» — Тихо в подвале...) насколько я мог понять из прежних писем В.Я. Брюсова предназначались к напечатанию осенью 1906 г.²

Очень прошу сообщить, в какие дни и часы бывает открыта редакция, дабы я, в случае приезда в Москву, мог получить то, что Вам непригодно.

Примите уверение в совершенном почтении и преданности.

Ал. Кондратьев.

СПБ. Петерб. Стор. Широкая ул. л. 10 кв. 8.

==

НИОР РГБ. Ф. 386. Карт. 90. Ед. хр. 6. Л. 24–25.
Конверт утрачен.

¹ Известно крупное стихотворение Кондратьева «Скорбь Нинкагаллы» (см. выше), но не рассказ под этим названием. Не исключено, что имеется в виду рассказ «Семицветный пояс Иштар» (см. примеч. 1 к п. 32).

² Вероятно, к письму прилагалось несколько автографов, ныне присоединенных к письму № 9 (в частности, к нему приложено ст-ние «Закливание», см. примеч. 1). Автограф ст-ния «Ей», отправленный вторично (см. первый экземпляр при п. 2), не сохранился.

А.А. Кондратьев. 1900-е. РГБ

14.

28 октября 1907. С.-Петербург.

28 окт.

Благодарю Вас, дорогой Валерий Яковлевич, за приятное сообщение¹.
Искренно Вас уважающий Ал. Кондратьев.

СПб. Петр. Стор.
Широкая ул. 10 кв. 8.

==

НИОР РГБ. Ф. 386. Карт. 90. Ед. хр. 6. Л. 22.

Открытка с изображением барельефа. П. ш.: Москва (нрзб).

¹ Возможно, в несохранившемся письме сообщалось о публикации стихотворения «Ей» («Темноликая, тихой улыбкою...») в ноябрьском номере «Весов».

15.

10 декабря 1907. С.-Петербург.

10 декабря 07 г.

Глубокоуважаемый Валерий Яковлевич.

Очень благодарю Вас за любезно присланную мне Вашу прекрасную книгу¹. Она доставила мне большую радость. Дружескою же надписью на ней я горжусь. Скорблю, что из книги выпущено много ранних прекрасных стихов, которые я так любил...

Искренно уважающий и благодарный Ал. Кондратьев.

==

НИОР РГБ. Ф. 386. Карт. 90. Ед. хр. 6. Л. 23.

Открытка с изображением египетских статуй. П. ш.: СПб (10.12.07); Москва (нрзб).

¹ Вероятно, речь идет о первом выпуске трехтомного собрания стихотворений Брюсова «Пути и перепутья». Датированная 1908 г., книга вышла, судя по появлению первых рецензий, не позже декабря 1907 г.

16.

20–21 марта 1908. С.-Петербург.

20/21 марта 08

Многоуважаемый Валерий Яковлевич.

На субботу и воскресенье еду в Москву. Хотелось бы Вас увидеть. Если Вы ничего против этого не имеете, не откажите дать соответствующие указания штату домашней прислуги. Не намерен отнять у Вас более 10–15 м<инут>. Дела и просьб никаких не имею. Просто хочу повидать.

Ваш Александр Кондратьев.

<Притиска:> Иоанне Матвеевне — привет.

А.К.

==

НИОР РГБ. Ф. 386. Карт. 90. Ед. хр. 7. Л. 1.

Открытка. П. ш.: Москва (22.3.08).

17.

4 апреля 1908. С.-Петербург.

4 апреля 08 г.

Многоуважаемый Валерий Яковлевич.

Вероятно с Вами что-нибудь случилось, т.к. сегодня ночью очень долго Вас видел во сне, без всякой на то уважительной причины¹. Или Вы, быть может, вспоминали обо мне, думали, что не дурно было бы пересмотреть имеющиеся в недрах редакционных столов мои стихи (одно халдейское про дев со змеинными хвостами я прислал М.Ф. Ликиардопуло в измененной вторичной редакции²) и сообщить о том, что ни одно для напечатания в *Весах* не годится?..

Из маленьких петербургских литературных новостей неизвестных газетам отмечу: князь Георгий Гагарин. Стихи. СПб. 1908 г. — 200 экземпляров³. Он, т.е. автор, интересен тем, что у него есть много неизвестных публике материалов, касающихся биографии Тютчева. Собирал их, намереваясь писать книгу; но, кажется, никогда не напишет⁴.

К кому следует обращаться с заявлением о желании издать в *Скорпионе* вторую книжку рассказов «Семицветный пояс Иштар», куда вошел бы печатающийся в *Золотом Руне* «Фамирид», «В Пещере» из *Передела* и некоторые другие вещи?⁵ Я бы согласился на самые удобные для издательства условия, ибо не корыстолюбив.

Барбэз д'Оревилль и Вильэ де Лиль-Адан вещи весьма интересные⁶. Я с ними немного знаком, а вот римские поэты времен упадка меня интересуют еще больше⁷. Что это, «*Poetae Minores*» в издании Гарнье⁸ или что другое?

Вас искренно почитающий
Ал. Кондратьев.

СПБ. Пет. Стор.
Широкая д. 10 кв. 8

==

НИОР РГБ. Ф. 386. Карт. 90. Ед. хр. 7. Л. 2–3.
Конверт. П. ш.: Москва (6.4.08).

¹ Ср. в автобиографическом письме к Е.А. Ляцкому: «Валерий Яковлевич Брюсов снится мне обычно перед болезнью кого-либо из членов моей семьи» (*Лавров А.В.* Цит. соч. С. 550). Ср. в позднем (от 1 декабря 1932 г.) письме к А.В. Амфитеатрову: «Мне иногда снится Валерий Яковлевич Брюсов. Всякий раз — перед болезнью де-

тей. Так было и при жизни покойного писателя, который всегда относился ко мне *очень хорошо*» (*Письма к Амфитеатровым 1*. С. 169). Эта примета повторена полгода спустя в письме тому же адресату: «У меня наблюдалось и, кажется, до недавнего времени странное совпадение: присниться В.Я. Брюсов — дети мои или захворали или должны захворать» (письмо от 9 апреля 1933 г. // *Письма к Амфитеатровым 2*. С. 111).

² Подразумевается стихотворение «Девы с хвостами змеиными...» (см. п. 9 и примеч. к нему). В «Весак» оно не появилось. Письмо к Ликиардопуло публикуется за № 13.

³ Георгий Сергеевич Гагарин (ум. 1915) — поэт, автор сборников «Стихи» (СПб., 1908) и «Стихотворения. Второй сборник» (Пг., 1914). 8 ноября 1907 г. Кондратьев, приглашая в гости Блока, обещал: «Хотел быть князь Гагарин и еще человека два» (Письма А.А. Кондратьева к Блоку (1903–1912) / Предисл., публ. и коммент. Р.Д. Тищенко // *ЛН*. Т. 92, кн. 1. М., 1980. С. 560). Ср. отзыв о нем в письмах В. Бери: «В Поповке, по Никол-аевской» ж«елезной» д«ороге», где я проживаю, меня навесил Г.С. Гагарин. Очень симпатичный человек» (Письмо от 15 августа 1903 г. // *Письма к Бери*. С. 11); «Гагарин изредка меня навешает. Я его — несколько реже. Он — хороший, уравновешенный и доброжелательный» (Письмо от 2 января 1906 г. // Там же. С. 13). См. также подробный отзыв о нем в п. 31 и 77.

⁴ О его тютчеведческих штудиях см.: Об издании «Полного собрания сочинений» Тютчева (1912): Письмо Г.С. Гагарина П.В. Быкову 14 ноября 1912 г. / Публ. А.А. Николаева // *ЛН*. Т. 97, кн. 2. М., 1989. С. 534–541.

⁵ О проекте издания прозы Кондратьева см. примеч. 3 к п. 61. Хотя книга в 1908 г. была объявлена готовящейся к печати (см.: *Топоров*. С. 133), в свет она так и не вышла.

⁶ Вероятно, в несохранившемся письме речь шла о книжных новинках, к одной из которых Брюсов имел непосредственное отношение: *Вилье де Лиль-Адан*. Жестокие рассказы / Пер. Б. Рунт; под ред. и с предисл. В. Брюсова. М.: Польза, [1908]; *Барбе д'Оревилль*. Лики дьявола / Пер. Александры Чеботаревской; ст. Максимилиана Волошина; ил. Фелисиена Ропса. СПб., [1908].

⁷ Возможно, Кондратьев откликается на появление в скорпионовских каталогах в качестве готовящейся к печати книги Брюсова «Augea Roma. Золотой Рим. Очерки литературы и жизни времен Константина Великого и антология римских поэтов IV в. по Р.Х.». В свет книга не вышла.

⁸ Имеется в виду издание: Poetae minores. Traduction nouvelle par M. Cabaret-Dupaty. Paris, Garnier Frères, [1870] и др. Переиздается до наших дней.

18.

Около 12 апреля 1908. С.-Петербург.

Глубокоуважаемый Валерий Яковлевич.

Считаю приятным долгом приветствовать Вас по случаю Праздника, как главу направления, к которому я причисляю и себя. Радуюсь, что Судьба дала мне случай познакомиться с Вами, т.к. о знакомстве этом я мечтал с гимназических лет. В литературной жизни своей хотел бы и стараюсь быть столь же независимым как Вы. Жму руку. А.К.

<Притиска:>

СПб. Пет. Стор.

Широкая д. 10 кв. 8

Ал. Кондратьев

==

НИОР РГБ. Ф. 386. Карт. 90. Ед. хр. 7. Л. 4.

Открытка. П. ш.: Москва. 13.4 (год срезан).

Датируется 1908 г., поскольку именно в этот год Пасха приходилась на 13 апреля.

19.

27 апреля 1908. С.-Петербург.

27 апреля 08 г.

Утро дня свадьбы.

Глубокоуважаемый Валерий Яковлевич.

Сердечно благодарю за поздравление и письмо. Боюсь, как бы поздравление это не оказалось преждевременным, т.к. у моей невесты¹ существует дурная привычка убежать перед самым венцом от свадьбы и женихов. Надеюсь, что в данном случае этого не произойдет, хотя будущее неизвестно никому...

Что касается до С.А. Полякова, то я давно знаю, что он не иудей, иначе не стал бы поднимать вопроса об издании своей книжки.

Говоря об иудеях, я подразумевал многочисленные петербургские издательства (вроде Шиповника²), отнюдь не оправдывающие своих претенциозных названий.

За последние годы мне случалось иногда печататься в иудейских изданиях, но это происходило лишь тогда, когда представители последних сами ко мне обращались.

Я же из чувства личного достоинства к заведомым иудеям с предложением своих услуг не обращаюсь. Отсюда, отчасти, происходит полная моя неизвестность в петербургских редакционных кругах, где вершителями судеб сидят зачастую издательские родственники, ничего кроме популярных брошюр по социальным вопросам не читавшие и невольно тяготеющие к единоплеменникам своим, Дмитрию Цензору и Якову Годину³.

Так как в вопросах искусства для меня <нет> эллина и иудея, лучшим доказательством чего была моя сердечная дружба с В.Л. Поляковым, искренно любившим, хотя и скрывавшим это, свой народ, я поддерживаю с писателями израильянами хорошие отношения.

Не люблю только, когда они злоупотребляют подобно Осипу Дымову, Айзману⁴ и другим тенденциозными злободневными темами...

Вчера происходили выборы в президиум легализованного кружка Случевского. Решено было в видах внешней политики избрать в президенты престарелого Черниговца⁵. В товарищи его избран был Ф. Сологуб, которому все равно предстояло бы фактическое председательство и первенство. Но он отказался от занятия какого-либо должностного поста под тем предлогом, что членами кружка не состоят Кузмин, Городецкий и Ремизов, кстати не заявлявшие даже о том желания⁶. Блок и В. Иванов там числятся⁷. Истинной причиной я считаю болезненное самолюбие Сологуба, не прощающего первенства даже условного никому.

Жму руку

Ал. Кондратьев.

==

НИОР РГБ. Ф. 386. Карт. 90. Ед. хр. 7. Л. 5–6 об.
Конверт. П. ш.: СПб (нрзб), Москва (28.4.08).

¹ Жена Кондратьева — Елена Павловна (урожд. Красовская; 1874–1944).

² Владельцем издательства «Шиповник» был Соломон Юльевич Копельман (1881–1944).

³ Дмитрий Михайлович Цензор (1877–1947) и Яков Владимирович (Вульфович) Годин (1887–1954) — поэты. У первого в 1907 и 1908 г. вышли 2 книги стихов, «Старое гетто» и «Крылья Икара», у второго дебютный сборник появился лишь в 1912 г., но его имя было связано с нашумевшим скандалом осени 1906 г. (подробнее см.: *Азадовский К.М.* Серебряный век: Имена и события. СПб., 2015. С. 221–233; впервые: Новое литературное обозрение. 1994. № 10. С. 116–121). Их имена Кондратьев был склонен упоминать вместе. См., напр., в значительно более позднем письме к Б.В. Никольскому: «Теперь большой спрос на патриотические стихи, и разные Янкели Годины и Дмитрий Цензоры опошляют (даже без злого умысла) в своих поэтических произведениях идею отечества. Почти каждое стихотворение на военную тему кончается у присяжных стихотворцев наших прогрессивных изданий пацифическим вздохом по поводу ужасов войны, а также надеждою на всеобщее разоружение после нее» (Письмо от 3 октября 1914 г. // *Письма к Никольскому.* Л. 80об). Ср. также в письме от 2 января 1906 г. (*Письма к Беру.* С. 13).

⁴ Осип Дымов (Иосиф Исидорович Перельман; 1878–1959) — прозаик, драматург, пользовавшийся в конце 1900-х гг. большой популярностью. Впоследствии перешел на идиш, оставил мемуары (Вспомнилось, захотелось рассказать... Из мемуарного и эпистолярного наследия: в 2 т. / Пер. с идиша М. Лемстера, общ. ред., вступ. ст. и коммент. В. Хазана. Jerusalem, 2011). Давид Яковлевич Айзман (1869–1922) — прозаик и драматург.

⁵ Поэт Федор Владимирович Черниговец-Вишневецкий (1838–1916) недолго пробыв председателем кружка «Вечера Случевского», отказавшись от этого статуса 19 марта 1909 г. Накануне следующего голосования Кондратьев писал Блоку: «Спешу Вас также уведомить, что на ближайшем собрании Кружка Случевского будет происходить избрание председателя кружка взамен отказавшегося Черниговца-Вишневецкого, и поэтому следовало бы сговориться, а Вам явиться и подать свой голос. Мне кажется, что при избрании Сологуба, Кружок получил бы несколько иную физиономию, что устранило бы все препятствия для Вас быть действительным, а не

номинальным только его членом» (Письмо от 6 апреля 1909 г. // Письма А.А. Кондратьева к Блоку (1903–1912). С. 560).

⁶ Об этой же коллизии свидетельствовал присутствовавший на заседании Ф.Ф. Фидлер: «Поэтические “Вечера Случевского” — легализованы. По требованию градоначальника президентом был избран отсутствовавший Черниговец-Вишневецкий (как самый старший, к тому же — юбиляр: 50-летие писательской деятельности), его помощниками — я и Сологуб; секретарями — Уманов-Каплуновский (так сказать, полицейская часть), И.И. Соколов (ведение альбома) и Кильштет (хозяйственная часть). Когда кандидатуры обсуждались перед голосованием, Сологуб не возражал против своей кандидатуры. Когда же голосование закончилось, он поблагодарил за оказанную ему честь и заявил, что не может ее принять, то есть не может стать вице-президентом общества, в которое не приняты “его ближайшие литературные соратники — Кузмин и Ремизов.” Сколько ни пытались его переубедить, — бесполезно. Вместо него был избран Вентцель (Бенедикт)» (Фидлер Ф. Из мира литераторов: характеры и суждения. Изд. подгот. К. Азадовский. М., 2008. С. 484; запись от 27 апреля 1907 г.).

⁷ Вяч. Иванов и Блок были избраны в действительные члены кружка Случевского одновременно, на вечере у В.М. Грибовского 19 февраля 1906 г. (Фидлер Ф. Из мира литераторов. С. 431).

20.

16 декабря 1908. С.-Петербург.

16 декабря 08 г.

Глубокоуважаемый Валерий Яковлевич.

Давно не имел возможности прочесть в *Весах* что-либо из своих произведений и желая доставить себе это удовольствие, прибегаю к Вашему содействию и посылаю копию вероятно потерянного, но когда-то предназначенного к напечатанию в нашем «*Mercure de France*»¹ стихотворения.

Кроме того посылаю для той же цели рассказ «Царь Содомы»² и конверт с наклеенной на него маркой для обратной отсылки рукописи, в случае ее непригодности.

Стихотворение мне хотелось бы увидеть напечатанным возможно скорее, т.к. в начале 1909 г. (вероятно в январе) я рассчитываю выпустить второй томик своих стихов³. Так как кн-во «Скорпион» на мое предложение ничего не ответило, «Гриф» уклонился, а к жидам идти не поклон не хочу, то издавать придется самому.

От души желаю Вам успеха и славы

Александр Кондратьев.

PS. В одну из Ваших заметок в *Весах* вкралась небольшая неточность. Говоря о П. Потемкине, Вы сообщили читателям, что он взял приз на конкурсе Золотого Руна⁴.

Заклинание.

Тихо в подвале. Вдоль свода кирпичного
Отблески пляшут огня.
Веяньем холода страх непривычного
Обдал тебя и меня.

Брошены в уголья травы душистые.
Пламень дрожит голубой.
Силы нездешние, силы нечистые
Мы заклинаем с тобой.

Тесен наш круг. Вся полна ожидания,
Ты мне прижалась к плечу.
Обнял я стан твой; слова заклинания
Строго и властно шепчу.

Кончил... Чу! Трепет гудения струнного
Тихий таинственный стук.
Ждем мы видений, меча двоелунного
Не выпуская из рук.

Ахнула ты, содрогаясь и путая
Нить непонятную слов.
Ларвов тела безобразно раздутые
К нам поползли из углов.

Следом, колеблясь как травы болотные,
Духи иные стеклись.
Формы людские и формы животные
В них своенравно слились.

Поднял я перстень с звездой златокованой
Пятиконечной звездой.
— «Духи, скажите, что нам уготовано
В жизни суровой судьбой?»

Что нам сулит непреложно грядущее,
Горя иль радости дни?»
Ждем мы с тоскою... Молчанье гнетущее.
Не отвечают они.

Грозно сгущаясь, толпа безобразная
Все прибывает из мглы.
Шепчутся головы мертвенно-грязные,
Уст их кривятся углы.

Тянутся цепкие руки мохнатые...
 Вот они вновь поползли,
 Крови и мыслей исчадья проклятые...
 Блиско... Коли их, коли!..

Ал. Кондратьев.

==

НИОР РГБ. Ф. 386. Карт. 90. Ед. хр. 7. Л. 7–8 об.
 Конверт. П. ш.: СПб (16.12.08); Москва. 17.12.08.

¹ «Весы» с первого номера подразумевали французский журнал “Mercure de France” в качестве одного из главных ориентиров; ср. в редакционной заметке: «“Весы” желают создать в России — критический журнал. Внешними образцами они избирают такие издания, как английский Athenaeum, французский Mercure de France, немецкое Literarische Echo, итальянский Marzocco» (*Весы <Брюсов В.Я.>*. К читателям // *Весы*. 1904. № 1. С. III; заглавие приводится по оглавлению номера).

² См. примеч. 18 к п. 10.

³ «Черная Венера», вторая книга стихов Кондратьева, вышла в свет в начале марта 1909 г. (см.: Книжная летопись главного управления по делам печати. 1909. № 11, 14 марта. Перечень в алфавитном порядке книг, поступивших с 4-го по 11-е марта 1909 г. С. 10). О судьбе приложенного стихотворения (которое в результате сохранилось в архиве Брюсова в трех экземплярах) см. примеч. 1 к п. 9.

⁴ Кондратьев имеет ввиду статью Брюсова «Дебютанты», в которой, среди прочего, рецензируется книга П. Потемкина «Смешная любовь» и мимоходом упоминается, что «стихотворение Потемкина было премировано на конкурсе “Золотого Руна”» (*Брюсов В. Среди стихов. 1894–1924. Манифесты. Статьи. Рецензии / Сост. Н.А. Богомолов и Н.В. Котрелев. М., 1990. С. 260; впервые: Весы. 1908. № 3. С. 77–81*). Подразумевается объявленный журналом «Золотое руно» конкурс на лучшее изображение дьявола. В действительности Потемкин хоть и участвовал в состязании со стихотворением «Дьявол», но призового места не занял. Кондратьев же, напротив, получил вторую премию за сонет «Пусть Михаилом горд в веках Игова...» (см.: *Золотое руно. 1907. № 1. С. 29, 33*).

21.

11 января 1909. С.-Петербург.

11 янв<аря> 09 г.

Дорогой Валерий Яковлевич.

Сердечно тронут Вашим полным дружеского расположения письмом и памятью обо мне. Я, со своей стороны, думаю о Вас более чем часто, а Ваш портрет (жалкая бумажонка — приложение к Беседе¹) висит у меня на стене среди изображений богов (других писателей совсем не висит) украшенный цветными перьями и бусами. Одно из стихотворений (которое написал два дня тому назад и которое мне нравится) посвятил Вам

и за две минуты до получения Вашего письма послал в Золотое Руно². Я Вас сердечно люблю (верьте этому, не смотря ни на что) и, в случае надобности, сумею доказать это.

Жму крепко руку и желаю Вам по случаю Нов<ого> Года не славы и успеха, а счастья.

Вас любящий Ал. Кондратьев.

<Прписка:> В случае непригодности рукописей, не уничтожайте их, пожалуйста. Пришло за ними в редакцию кого-нибудь.

==

НИОР РГБ. Ф. 386. Карт. 90. Ед. хр. 8. Л. 1.

Открытка с видом Венеции. П. ш.: СПб (11.1.09).

¹ Портрет Брюсова, согласно объявлению на обложке, прилагался к июльскому номеру «Беседы» за 1907 г.; впрочем, в комплекте РГБ он отсутствует.

² В 1909 г. Кондратьев в журнале «Золотое руно» не печатался. Вероятно, речь идет о стихотворении «Парис — Ахиллесу» («Неподвижны ветви пиний...»), вошедшем в сборник «Черная Венера» с посвящением Брюсову и датой «1909».

22.

12 февраля 1909 <?>. С.-Петербург.

СПб. Петерб. Стор.

Бармалеева, д. 20. кв. 10.

Глубокоуважаемый Валерий Яковлевич.

Приношу сердечную благодарность мою за экземпляр Елены Спартанской, Вами любезно мне присланный¹. Крайне ценю внимание Ваше ко мне и доброту. Со своей стороны шлю лишь обещанье доставить Вам мою вторую книжку стихов (крохотная), которая выйдет (как мне обещают) к концу февраля... А ведь Верхарн не стоит того, чтобы Вы его переводили...

Искренно любящий Вас Ал. Кондратьев.

А карточку Вашу Вы мне все-таки пришлите! Пожалуйста! Колдовать над нею не буду. Честное слово!

==

НИОР РГБ. Ф. 386. Карт. 90. Ед. хр. 8. Л. 8.

Открытка с изображением статуи из Лувра. Штампы нрзб. (12.2.?).

Письмо не могло быть написано ранее третьей декады января 1909 г., когда упомянутая книга вышла из печати.

¹ Подразумевается книга: *Верхари Э. Елена Спартанская: Трагедия в 4 д.* / Авториз. пер. В. Брюсова. М.: Скорпион, 1909.

23.

19 марта 1909. С.-Петербург.

Пет. Стор.

Бармалеева 20, кв. 10

СПБ

Это адрес моей квартиры, а пишу со службы.

19 марта 09 г.

Глубокоуважаемый Валерий Яковлевич.

Приношу сердечную благодарность мою за «Все напевы»¹. Рассыпаться в похвалах достоинствам этой книги не стану. Вы сами знаете ее цену, а кроме того целый ряд критиков и рецензентов прославит ее во всех журналах и газетах. Скажу только, что если в ней и чувствуется душевная усталость, все-таки Вы и теперь много сильнее и выше всех остальных нам современных поэтов и стихотворцев. Тот же кого Вы именуете в Вашем сборнике «равным» в настоящее время годится Вам лишь в царедворцы². С Вами происходит теперь какой-то перелом. Последний том не лучше второго. В нем больше, быть может, передающихся читателю настроений, но он уступает ему в силе и яркости образов. Последний Ваш том искреннее, душевнее всех остальных. В нем много грусти, и грусть эта передалась также и мне. Отдохните. Попробуйте съездить проветриться на море, куда-нибудь подальше. Но поезжайте непременно один, и да будут музы к Вам благосклонны. Я Вас сердечно люблю и нескладное, полное помарок письмо мое вполне искренно.

Если же по каким-либо соображениям Вам уехать нельзя, если Вы решили предаться жизненной прозе и борьбе, если Вы хотите попробовать на свой риск и страх затеять свой собственный журнал (а желание это я издаю читаю в Вашей душе), то знайте, что я сочту за честь работать там совершенно бесплатно до тех пор пока Ваш журнал не окрепнет³.

Я душевно жалею, что Вы, находясь в Петербурге не почтили меня своим посещением⁴. Я бы мог доставить Вам случай посмотреть на одну из иллюстраций к переживаемой нами главе русской истории, иллюстрацию, именуемую заседанием Гос. Думы.

Бог даст, до свиданья. Сердечно желаю Вам счастья.

Любящий Вас Ал. Кондратьев.

PS. А за портрет — благодарю.

==

НИОР РГБ. Ф. 386. Карт. 90. Ед. хр. 8. Л. 2 — 3 об.

На почтовой бумаге Таврического дворца.

¹ Третья часть собрания стихов Брюсова, вышедшего под общим заглавием «Пути и перепутья» (М., 1909).

² Подразумевается вошедшее в том стихотворение «Равному. Ответ на его послание» («Нет, не бойся слов враждебных...»), адресованное К.Д. Бальмонту.

³ Во втором номере «Весов» за 1909 г. Брюсов опубликовал «Письмо в редакцию», датированное 1 марта и адресованное конкретно С.А. Полякову, где заявил: «С января 1909 г. обстоятельства личной моей жизни и разные предпринятые мной работы заставляют меня несколько видоизменить мои отношения к “Весам”. Надеюсь быть по-прежнему деятельным сотрудником “Весов”, я, вероятно, не буду иметь возможности содействовать журналу как-либо иначе» (С. 89). Однако предположения о том, что он собирался издавать журнал самостоятельно, документально не подтверждены.

⁴ Брюсов был в Санкт-Петербурге в начале марта 1909 г.: 6 марта его встретил у Вяч. Иванова С.П. Каблуков (см. запись в дневнике последнего: РНБ. Ф. 322. Ед. хр. 3. Л. 82–83), 11-го его чествовали у того же Вяч. Иванова (подробности в письме М.М. Замятниной к Е.П. Иолшиной от 12 марта 1909 г. // НИОР РГБ. Ф. 109. Карт. 19. Ед. хр. 55. Л. 5). В ретроспективной дневниковой записи Брюсов конспектировал основные события поездки: «Поездка в Петербург. Две недели в Петербурге. Посещение Бенуа. У Маковского переговоры о “Аполлоне”. Гр. А. Толстой. “Салон” и лекция Макса Волошина. Вечера с Вяч. Ивановым. Его лекция. Не был у Сологуба, который обиделся» (*Брюсов В.* Дневники. Автобиографическая проза. Письма. М., 2002. С. 161).

24.

Вторая половина апреля 1909. С.-Петербург.

Глубокоуважаемый и дорогой Валерий Яковлевич.

Полагая, что Вас может интересовать положение закона об авторском праве, посылаю Вам оттиск законопроекта¹, с просьбою не говорить, от кого Вы его получили. Спасибо за письмо и за выраженное в нем намерение относ<ительно> Рус<ской> Мысли². Заранее предупреждаю, что как бы ни был суров или жесток приговор, (Ваш собственный, а не редакционный, как некогда в *Весак*³) он отнюдь не поколеблет моей к Вам при-

язни. И на Лернера, разделавшего меня недавно в Образовании, я отнюдь не сержусь. Лишь кое в чем с ним не согласен⁴. У меня есть хороший знакомый, тоже знаток Державина, Пушкина, Катулла и, отчасти Фета и мн<огих> друг<их> поэтов — Борис Владимирович Никольский⁵. Так он куда строже и презрительнее ко мне отнесся в письме по поводу Черной Венеры⁶. Но это отнюдь не мешает мне его ценить и любить...

Почти каждое мое письмо к Вам, глубокоуважаемый Валерий Яковлевич, кончается или начинается какую-нибудь просьбой. В настоящем случае я заинтересован, как бы мне получить обратно из Весов моего «Царя Содома», т.к. он, по-видимому не будет напечатан. Но я не знаю, у Вас он находится или нет⁷. Мне бы хотелось прислать в редакцию моего брата Виктора, живущего в Москве. (Большой Гнездииковский пер. мебл. комн. Альгамбра⁸ Викт. Ал. Кондратьев⁹), не знаю только отдадут ему или нет.

В настоящее время в Петербурге гостит и несколько раз был у меня молодой профессор Лилльского У<ниверсите>та (по кафедре русской литературы) г-н Андрэ Лирондель (Lirondelle)¹⁰. Хорошо говорит по-русски. Пишет большое сочинение об Алексее Толстом, которым специально интересуется¹¹. Прочел о нем почти все. Я ему сказал, что о Толстом есть книга у Вас (хотя я, к стыду своему, с ней не знаком)¹². Он всюду ее старался купить, но не мог. Не оказалось Вашей книги и в Публичной Библиотеке. Стасюлевич за сведениями, касающимися биографии Толстого, направил его в редакцию Русских Ведомостей и к Гершензону¹³, т.к. Лирондель едет в Москву, куда он командирован своим У<ниверсите>том на открытие памятника Гоголю¹⁴. Я рекомендовал ему обратиться к Вам, т.к. он по-видимому интересуется и современной литературой, лучше будет, если сведения о ней он получит также и от Вас. Будьте добры, не откажите его принять если он появится. Француз симпатичный и серьезный. Жаль будет если литературные направленцы левого лагеря заберут его в свои руки...

Жму крепко ваши.

Ал. Кондратьев.

СПб. Пет. Стор, Бармалеева 20 кв 10.

==

НИОР РГБ. Ф. 386. Карт. 90. Ед. хр. 8. Л. 6–7 об.

Датируется по упоминанию предстоящей поездки А. Лиронделя.

¹ Речь идет о ведомственном издании, нам неизвестном.

² В несохранившемся письме, вероятно, содержалось намерение отрецензировать свежевыведшую книгу Кондратьева «Черная Венера». См. примеч. 3 к п. 20. Не исключено, впрочем, что речь шла о происходивших в марте 1909 г. безрезультатных переговоров Брюсова с редакцией «Русской мысли» о возможной его работе в журнале.

³ «Весь» отзывались о книгах Кондратьева дважды: Б. Садовской рецензировал «Сатирессу» (1907. № 3. С. 84–85), а С. Соловьев — вторую книгу стихов (1909. № 5. С. 76–81).

⁴ Рецензия Лернера напечатана: Образование. 1909. № 4а <так!>. Отд. III. С. 85–87. Кондратьев писал Лернеру 15 апреля 1909 г.: «Прочел в Образовании вторую Вашу рецензию о Черной Венере. Вижу в ней прежде всего доказательство крайне ценного для меня внимания Вашего и спешу принести за нее благодарность. С некоторыми указаниями и упреками Вашими я безусловно согласен, некоторые хотел бы оспорить. Вполне согласен: в душу мифов я не проникаю и истолкованием их не занимаюсь, но сведения, напр., об аравийских куртизанках я почерпал не только из Библии (“Пред тобою……”) и других вспомогательных пособий. Я утверждаю, что наравне с произношением чаща существует столь же народное чаща; произносить же “судно” я избегаю и говорю “судно”... К сожалению, я не имею под руками апрельской книги “Образования”, а потому не могу продолжить моих возражений. С Вашей стороны, дорогой Николай Осипович, было бы весьма добрым поступком прислать мне отгиск Вашей рецензии, я сохранил бы ее в память Вашего доброго и нелицеприятного двойного ко мне внимания» (Письмо от 15 апреля 1909 г. // РГАЛИ. Ф. 300. Оп. 1. Ед. хр. 186. Л. 4).

⁵ Борис Владимирович Никольский (1870–1919) — юрист, критик и поэт; университетский наставник, старший друг и покровитель Кондратьева. Письма Кондратьева к нему (ныне подготавливаемые нами к печати) вкупе с записями в обширном дневнике Никольского составляют центральный источник для биографии писателя. В одной из поздних статей, вспоминая о своих занятиях Пушкиным, Кондратьев писал: «В то время я настолько уже был знаком с произведениями великого поэта, что мог без особых промахов поддерживать разговор с таким пушкинианцем, как расстрелянный впоследствии большевиками проф. Б.В. Никольский, на тему, когда и на какой почтовой станции мог быть написан какой-нибудь путевой стихотворный набросок, или даже спорить с ним, какое значение имели буквы А.М.Д. на щите “Бедного Рыцаря”» (Кондратьев Ал. К 125-и летию со дня рождения А.С. Пушкина // Воляинское слово. 1924. № 712, 7 июня. С. 2).

⁶ Письма Никольского к Кондратьеву нам неизвестны.

⁷ См. примеч. 18 к п. 10.

⁸ Адрес меблированных комнат «Альгамбра» — Большой Гнездииковский пер., д. 7.

⁹ Виктор Алексеевич Кондратьев, о котором сведения у нас практически отсутствуют, был единокровным младшим братом А.А.

¹⁰ Лирондель Андре (Lirondelle; 1879–1952) — французский ученый-русист, крупный библиограф, преподаватель университета в Лилле, затем в Клермон-Ферране, с 1930 г. ректор Академии в Лионе. Современник и compatriot вспоминал один из его долгосрочных приездов в Россию: «В Санкт-Петербурге в 1911 году мы встретились впервые. Мы, трое французов, работали бок о бок каждый день в том или другом отделе Публичной библиотеки, то в отделе печатных изданий, то в отделе рукописей. Старший из нас — Андре Лирондель, преподаватель русского языка и литературы в лийском университете; младший — Пьер Паскаль, второкурсник Ecole normale supérieure (Педагогического университета). И наконец, я — секретарь Школы восточных языков, который по возрасту оказался между ними. Мы поклонялись разным богам: поэту Алексею Толстому, моралисту и дипломату Жозефу Местру, романисту Ивану Гончарову» (восп. А. Мазона цит. по: Решетникова И.Л. Русско-французские культурные связи: И.С. Зильберштейн и А. Мазон // И.С. Зильберштейн. Штрихи к портрету. М., 2006.

С. 167). В Москве он был в конце апреля — начале мая 1909 г. (не ранее середины апреля, поскольку на эти дни он уговаривался с И.Ф. Анненским о визите в школу, см.: *Анненский И.Ф.* Письма. Т. II: 1906–1909. СПб., 2009. С. 297–298; публ. А. Червякова), посетив, в частности, Брюсова (вероятно, по рекомендации Кондратьева). В свою очередь Брюсов направил его к П.И. Бартеневу с сопроводительным письмом: «Позвольте представить Вам г. Андрэ Лиронделя, профессора Лилльского университета, прекрасного знатока русского языка и русской литературы. Г. Лирондель работает в настоящее время над изучением поэзии и жизни гр. А.К. Толстого и надеется, что Вы не откажетесь помочь ему своими просвещенными советами» (письмо от 2 мая 1909 г. цит. по: *Лавров А.В.* Русские символисты. Этюды и разыскания. М., 2007. С. 150).

¹¹ Итогом его занятия стала книга: *Lirondelle A. Le poète Alexis Tolstoï, l'homme et l'œuvrte.* Paris, 1912. Ожидая экземпляр, отправленный ему автором по почте, Кондратьев сетовал: «Теперь страдаю от иностранной цензуры, задержавшей, для прочтения, вероятно, адресованную мне только что вышедшую книгу на франц-<узском> языке об Алексее К.Толстом. Жду не дождусь, когда я ее получу» (письмо к Б.А. Садовскому от 20 декабря 1912 г. // *Письма к Садовскому.* С. 9). Несколько дней спустя экземпляр был доставлен: «Получил на днях от своего знакомого профессора Лиронделя из Лилля толстенное исследование об Ал.К. Толстом. Много неизданных мест из переписки и неизвестные произведения эпохи юности...» (*Письма к Никольскому.* Л. 58). 1 января 1913 г. он писал А.И. Тинякову: «Относительно Ал. Толстого вышла на днях за границей исчерпывающая почти всё написанное о нем *как о поэте* монография на франц-<узском> языке. Приходите, я Вам покажу — любопытно. Пишу о ней теперь рецензии» (РНБ. Ф. 774. № 20. Л. 1). Кондратьев рецензировал книгу дважды: Исследование французского ученого о гр. А.К.Толстом // *День.* 1913. № 166, 24 июня. С. 4 («Книга в 677 страниц крупного формата представляет собой самую полную биографию Алексея Толстого как поэта и исчерпывающее по своей всесторонности исследование о его творчестве. Для того, чтобы написать эту книгу, французский ученый, не чуждый, впрочем, и петербургскому университету, который он посещал в качестве вольнослушателя в течение 1898–1899 гг., не только изучил все появившиеся до сих пор произведения писателя и всю литературу о нем, но пересмотрел все наши казенные архивы, музеи и частные собрания» и т.д.); Французская книга о русском поэте // *Русская мысль.* 1913. № 3. Паг. III. С. 15–20 («Книга с этим заглавием представляет результат нескольких лет вдумчивой работы талантливого молодого профессора лилльского университета» и т.д.; в последней рецензии цитируется сочувственный отзыв Брюсова).

¹² Кондратьев ошибся: у Брюсова нет книги, посвященной А. Толстому. 6 июля 1907 г. Н.О. Лернер писал Брюсову: «Пришлите мне <...> Ваши книги об Ал. Толстом и Тютчеве, не откажите». Брюсов отвечал ему: «Простите, что не высылаю Вам моих “книг” о Тютчеве и А. Толстом. Это не книги, а листки, по 200 строк каждый, не представляющие никакого интереса. Высокая цена их зависит от того, что к ним приложены дорогие портреты, гелиографуры с редких оригиналов. Издатель же столь скуп, что еле-еле уступает авторам текста по 1 экземпляру» (цит. по тексту издания, находящегося в печати). Речь шла об оттисках из книги «Портреты русских писателей» (М.: Изд. Кнебеля, 1906. С. нenum.).

¹³ Эта встреча состоялась: 1 мая 1909 г. М.О. Гершензон писал родным: «Вчера вечером приходил знакомиться изящный француз, недурно говорящий по-русски: проф. Лирондель, читающий русскую литературу в Лилле, в университете» (НИОР РГБ. Ф. 746. Карт. 20. Ед. хр. 11. Л. 2 об.).

¹⁴ Торжественно отмечавшиеся «Гоголевские дни» в Москве начались 20 марта 1909 г.; памятник был открыт в полдень 26 апреля 1909 г. Свидетель отдельно отметил присутствие Лиронделя на торжествах: «Были иностранцы, представители университетов. Из французов Мельхиор де Вогюз, Лирондель» (*Зайцев Б.* Собрание сочинений. Т. 6 (доп.). М., 1999. С. 67).

25.

Около 17 мая 1909. С.-Петербург.

Глубокоуважаемый и дорогой Валерий Яковлевич.

Простите, что так долго не благодарил Вас за добрые ко мне внимание и память. Предложением Вашим я воспользуюсь как только улучу свободное время. Думская работа поглощает иногда и праздники. Кроме того прибавились кое-какие семейные обстоятельства. У меня есть не переписанный еще материал который, улучив свободное время, приведу в порядок и пришлю по назначению¹. Жму крепко руку. Удалось чрез Мейендорфа внести поправку в законопроект об авторском праве².

Любящий Вас сердечно Ал. Кондратьев.

Еще раз спасибо за внимание и память.

==

НИОР РГБ. Ф. 386. Карт. 90. Ед. хр. 8. Л. 4.

Открытка с фрагментом картины Боттичелли. П.ш.: Москва. 18 мая 1909.

Датируется по почтовому штемпелю.

¹ Не вполне понятно, о чем идет речь. В «Весах» (куда можно было бы ожидать приглашения) тексты Кондратьева не появлялись до закрытия журнала.

² Барон Александр Феликсович Мейендорф (1869–1964) — юрист и политик, на тот момент — товарищ председателя Государственной Думы. Подразумевается многолетняя дискуссия об авторском праве, закончившаяся принятием закона 15 марта 1911 г. Краткий обзор парламентской полемики см.: *Канторович Я.А.* Авторское право на литературные, музыкальные, художественные и фотографические произведения. СПб., 1911. С. 68–104.

26.

25 мая 1909. С.-Петербург.

25 мая

СПБ. Пет. Стор.

Бармалева 20 кв. 10

Глубокоуважаемый и дорогой Валерий Яковлевич.

Прочел недавно в Русской Мысли Вашу рецензию о книге моей¹ и прошу Вас принять сердечную благодарность мою за внимание и благожелательное отношение к Вашему покорнейшему слуге. Относительно меня Вы поступили гораздо сердечнее нежели некоторые из тех, кто

с давних пор называли себя моими друзьями. Буду надеяться, что случай поможет мне в свою очередь в будущем быть Вам полезным... Увы, поправка Мейендорфа, касающаяся авторского права, провалилась вслед за Милюковской и теперь лишь очень храбрый, не боящийся суда человек возьмется издать литературное наследство Щербины...² Вас любящий Ал. Кондратьев.

<Примечание:> Лирондель³ выражал в своем письме ко мне удовольствие, что ему удалось познакомиться с Вами. И написал мне о Вас много теплых слов.

Он пишет о подаренном ему фотографическом снимке с Репинского портрета. Очевидно, он ошибается⁴.

==

НИОР РГБ. Ф. 386. Карт. 90. Ед. хр. 8. Л. 5.

Год определен по содержанию.

¹ Рецензия Брюсова на книгу стихов Кондратьева «Черная Венера» напечатана: Русская мысль. 1909. № 5. Отд. III. С. 113.

² Лидер кадетской партии Павел Николаевич Милюков (1859–1943) в своих поправках настаивал на смягчении закона, наделяющего наследников автора полными многолетними правами на его сочинения (см., в частности, его выступление на 56 заседании третьего созыва Государственной думы 11 февраля 1911 г.: Государственная Дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. 1911 г. Сессия четвертая. Ч. II. СПб., 1911. Стб. 1696–1705). Для Кондратьева, много лет занимавшегося изучением наследия поэта Николая Федоровича Щербины (1821–1869), это было весьма чувствительно. Этой же весной, посылая Б.В. Никольскому проект данного закона, он присовокуплял: «Прилагаю оттиск законопроекта об авторском праве. В общем собрании еще не разбирался. Г-да <А.Г.> Гасман и <О.Я.> Пергамент приняли к сердцу материальные интересы пишущих мемуары заграничных революционеров и их наследников и г-д Хаимовичей (право воспроизводить художественные произведения в лучших их частях на коробках и жестянках) и совсем упустили, между прочим, из виду случай выморочного состояния авторского права, когда, напр<имер>, наследники отсутствуют или не желают вступать в свои права, произведения же писателя не издаются. Пример — сочинения Щербины. Трудно также что-нибудь вывести из ст. 53 относительно к фотографии и п. 1 ст. 54 при сопоставлении со ст. 53. Обругайте их, Борис Владимирович, при случае!» (Письма к Никольскому. Л. 172–173 об.).

³ См. примеч. 10 к п. 24.

⁴ Вероятно, Лирондель приписал кисти И.Е. Репина известный портрет Брюсова работы М.А. Врубеля (1906).

27.

29/30 августа 1909. С.-Петербург.

Дорогой Валерий Яковлевич.

Мне весьма было приятно и лестно, что Вы вспомнили обо мне в далеких краях¹. Я тоже чуть-чуть не уехал по примеру прежних лет и нынешней осенью, т.к. мне представлялся удобный случай посмотреть Британский Музей. Но поездке моей помешал слишком поздний отпуск и семейные обстоятельства. Петербург оплакивает кончину О.Н. Чюминой, которой я никогда не видел и видеть не желал...² Отвечаю на Ваше письмо я так поздно потому, что лишь сегодня нашел его на городской квартире своей, куда заехал после девятидневного отсутствия. Свои вакации я провожу в дачной местности под названием Поповка (не в честь б<ывшего> режиссера Моск<овского> Малого Театра Ник. Ал. Попова³, хотя он там живет уже несколько лет). Каждый день идет дождь. Я не делаю ничего. Лениюсь и никак не мог до сих пор приняться за переписку рассказов своих. Один из них, «Голова Медузы»⁴, я очень хочу переписать поскорее. Познакомился здесь с одной из учениц покойного Алексея Бобринского по части античных танцев⁵. Хорошо знает мифологию. Из литераторов летом не видел никого; получил только парочку писем от Сологуба...⁶ Боюсь, чтобы обилие служебных занятий не заставило меня сойти со сцены наподобие Миропольского... Правда ли, что Вам удавалось добиваться при его помощи удачных опытов на сеансах?⁷ Если Вам случайно попадетя у парижских букинистов французский перевод Мелеагра или его хрестоматии (Στέφανος)⁸ вспомните обо мне и приобретите.

Может быть в сентябре уеду недели на две на Вольту⁹.

В Александринском Театре ставят Ифигению в Авлиде в переводе Иннокентия Анненского¹⁰.

Сердечно желаю Вам отдохнуть за границей.

Пишу и боюсь, что это письмо Вас не застанет в Париже¹¹. Сохранили ли Вы добрые отношения с Русскою Мыслью¹²?

За счет Вашего покорного слуги и верного поклонника Вашего Александра Кондратьева.

29/30 августа

СПб. Петерб. Стор., Бармалеева ул. 20 кв. 10.

==

НИОР РГБ. Ф. 386. Карт. 90. Ед. хр. 8. Л. 9.

Открытка. Штатпы неразборчивы.

Год определен по упоминанию смерти О.Н. Чюминой.

¹ Август 1909 г. Брюсов с женой и сестрой провел в Берлине, Дрездене, Праге и Швейцарии.

² Поэтесса Ольга Николаевна Чюмина (1858–1909) умерла 24 марта после тяжелой болезни.

³ Николай Александрович Попов (1871–1949) был режиссером Малого театра в 1907–1910 гг.

⁴ Напечатан: Русская мысль. 1911. № 3. Отд. I. С. 150–156. О его допечатной судьбе см. п. 33.

⁵ Имеется в виду основатель «школы античной пластики» граф Алексей Алексеевич Бобринский (1864–1909). Из лиц, близко стоявших к литературе, его ученицей была Л.Д. Рындина (см. воспоминания о нем: *Рындина Л.* Ушедшее // Мосты (Мюнхен). 1961. № 8. С. 304).

⁶ Неизвестны не только письма Сологуба к Кондратьеву, но и обратные, относящиеся к 1909 г.

⁷ Ланг (псевд. Миропольский) Александр Александрович (1872–1917). Значительные подробности о спиритических занятиях Ланга содержатся в воспоминаниях знавшего его А. Шемшурина (см.: *Соболев А.Л.* Летейская библиотека. Т. 2. М., 2013. С. 405–407). Ланг был постоянным партнером Брюсова в спиритических сеансах; ср., например, сделанную его рукой стенограмму одного из них в брюсовской записной книжке: НИОР РГБ. Ф. 386. Карт. 2. Ед. хр. 6. Л. 37–38. Записи Брюсова о спиритических сеансах с участием Ланга см.: НИОР РГБ. Ф. 386. Карт. 53. Ед. хр. 29. Ср. также: *Богомолов Н.А.* Русская литература начала XX века и оккультизм. М., 1999 (по указ.).

⁸ Мелеагр Гадарский (ок. 130 — ок. 70/60 до н. э.) — древнегреческий поэт. Составленная им антология эпиграмм называлась «Στέφανος» («Венок»); это название было заимствовано Брюсовым для сборника стихов 1906 г.

⁹ На Волыни Кондратьев жил в имении своей тещи Е.Н. Красовской, близ села Дорогобуж.

¹⁰ Драма Еврипида «Ифигения в Авлиде» в переводе И.Ф. Анненского была впервые представлена в Александринском театре 25 сентября 1909 г.

¹¹ В Париже Брюсов намеревался быть в начале сентября (по крайней мере, просил мать в письме от 1 сентября отвечать ему уже туда), а фактически оказался только в середине того же месяца (см.: Переписка с К.Д. Бальмонтом // *ЛН*. Т. 98. Кн. 1. С. 210; коммент. А.А. Нинова и Р.Л. Шербакова). Об этом пребывании см.: *Лавров А.В.* Русские символисты: Этюды и разыскания. М., 2007. С. 143–153.

¹² Отношения Брюсова с журналом «Русская мысль» не только сохранились, но готовы были упрочиться: в следующем году он возглавил его литературно-критический отдел.

28.

26 января 1910. С.-Петербург.

26 января

СПБ. Петерб. Стор., Бармалева ул. 20 кв. 10

Глубокоуважаемый и дорогой Валерий Яковлевич.

Обращаюсь с почтительною, хотя (сам сознаю) и с несколько бесцеремонною просьбою. Очень у Вас интересный очерк о Пентадии напечатан в Р<усской> М<ысли>¹. Неужели у Вас не осталось хотя бы самой

завалящей корректуры этого очерка (я уже не смею мечтать об оттиске). Бью челом Вам переписанным мною с рукописи стихотворением Алексея Толстого (вернее черновиком, забракованным для сборника)². Если Алексеей Толстой Вас интересует могу выслать еще кое-что. Хотя должен предупредить, что появление этих отрывков стихов в печати меня поставит в неловкое положение перед наследниками поэта, запретившими мне печатать что-либо без их разрешения и лишь на этом условии открывшими мне доступ к его бумагам (или, вернее, небольшому количеству бумаг).

В Обществе ревнителей художеств<енного> слова (так теперь, кажется, стала называться Академия Поэтов) ждут Вас не дождутся³. Если Вы хотите, я познакомлю Вас с одним любителем Тютчева, который сам слишком ленив, чтобы использовать имеющиеся у него биографические сведения⁴.

Мне хотелось бы поменяться книжками с Борисом Садовским. Нельзя ли устроить это при Вашем посредстве?⁵

Работаю понемногу над биографией Ал. Толстого. Не попадалось ли Вам что-нибудь о нем в Румянц<евском> Музее в рукописи. Если там что-либо есть, поручу списать живущему в Москве брату.

От души желаю Вам всего лучшего

Ваш Ал. Кондратьев.

Мой служебный адрес: СПб. Канцелярия Государственной Думы.
Пом<ощнику> делопроизводителя Ал. Ал. Кондратьеву.

Неизданное стихотворение Алексея Толстого
Из «Крымских очерков» (№5)

Войдем сюда; здесь меж руин
Живет знакомый мне равнин;
Во дни прошедшие, бывало,
Видал я часто старика;
Для поздних лет он бодр не мало,
И перелистывать рука
Старинных хартий не устала.
Когда вдали ревут валы,
И дикий кот, мяуча, бродит,
Талмуда враг и Кабаллы,
Всю ночь в молитве он проводит;
Душистей нет его вина,
Его улыбка добродушна,
И, слышал я, его жена
Тиха, прекрасна и послушна;

Но недоверчив и ревнив
 Седой равнин
 Он примет странника радушно
 Но не покажет им супруг
 Своей чудесной половины
 Ни за янтарь, ни за жемчуг,
 Ни за звенящие цехины.

Верно: А. Кондратьев.

==

НИОР РГБ. Ф. 386. Карт. 90. Ед. хр. 8. Л. 10–12.

Год по содержанию.

¹ Брюсов В. Пентадий (Страница из истории римской поэзии) // Русская мысль. 1910. № 1. Отд. I. С. 206–214.

² Впервые напечатано самим Кондратьевым в его книге (Граф А.К. Толстой. Материалы для истории жизни и творчества. СПб., 1912, С. 39–40) по автографу из архива Академии наук.

³ «Общество ревнителей художественного слова» действительно выросло из собиравшейся на «башне» Вяч. Иванова весной 1909 г. «Поэтической академии». Несколькими неделями раньше Вяч. Иванов писал Брюсову: «“Общество ревнителей художественного слова” ждет тебя; тобою гордится как *своим*. Настоящий состав Совета, который ведет “Общество”, его задачи и работы: ты, Зелинский (кооптированный на место И.Ф. Анненского), Блок, Кузмин и я. <...> Твоего курса ждем с огромным интересом» (Переписка с Вячеславом Ивановым 1903–1923 / Предисл. и публ. С.С. Гречишкина, Н.В. Котрелева, А.В. Лаврова // ЛН. Т. 85. С. 523; письмо от 3 января 1910 г.). Несмотря на обещание, данное Е.А. Зноско-Боровскому (см.: Там же. С. 524), Брюсов в работе общества участия не принимал.

⁴ См. примеч. 3 и 4 к п. 17.

⁵ Об истории знакомства Кондратьева с Б.А. Садовским см.: *Письма к Садовскому*. С. 3–4.

29.

9 февраля 1910. С.-Петербург.

9 февраля

Дорогой Валерий Яковлевич.

К сожалению, в редактировании книги стихов В.Л. Полякова я участия не принимал¹. Ее редактировал один опытный в этом деле человек, сердечно любивший покойного В.Л. и не пожелавший из любви к нему выставлять своего имени². Книгу, тем не менее, тем или иным путем

я Вам постараюсь доставить. Если не удастся — извещу. Она заслуживает того, чтобы быть прочитанной и отмеченной³. (Не так, конечно, как сделал это Блок, при жизни как будто побаивавшийся Полякова и не очень любивший его⁴).

В моем утраченном Вами письме заключалась просьба выслать, если имеется лишний оттиск или завалившаяся корректура, очерк Ваш о римском поэте Пентадии⁵.

Вы пишете мне приятные вещи о биографии Толстого. Ее написать нельзя, пока я не прочту скрываемые до сих пор наследниками письма: 1) Алексея Толстого к Матери, 2) Письма А.А. Перовского к А.К.Т. Кроме того мне неизвестны письма А.К.Т. к Н.М. Жемчужникову, хранящиеся под спудом в Публичной Библиотеке⁶. Иначе можно написать ни на чем серьезном не основанные фразы вроде Розановских о происхождении А.К.Т. от А.А. Перовского⁷. Вам, Валерий Яковлевич, много пришлось поработать над биографией К.К. Павловой. Сохранились ли ее мемуары о литературных кружках Москвы (и Петербурга?) хотя бы в рукописи? Если сохранились, то где? Читали ли Вы их? Нет ли там чего об А.К.Т.⁸

Зелинский недавно читал в кружке Ревнителей Худож<ественного> Слова доклад об изяществе речи. После его ухода слушать Вяч. Иванова осталась только половина присутствующих⁹. Жаль, что Вы не едете! Очень бы много народу набилось...

В Аполлон, по Вашему совету, предложил 2 рассказа. Взяли 1 (написанный, по секрету, лет 8 тому назад)¹⁰.

Жму крепко руку и шлю лучшие мои пожелания

Ваш Ал. Кондратьев.

В виду предстоящей перемены квартиры прошу не отказать в направлении писем (и, если можно Пентадия) в Канцелярию Госуд<арственной> Думы А.А. Кондратьеву.

PS. А пришлете мне Пентадия или К. Павлову — Вам еще пришлось стихов А. Толстого. Только сообщите первую строку того стихотв<орения>, которое я Вам уже послал.

==

НИОР РГБ. Ф. 386. Карт. 90. Ед. хр. 8. Л. 13–14 об.

На почтовом бланке «Таврический дворец».

¹ См. примеч. 2 к п. 3.

² Редактором сборника Полякова был Б.В. Никольский, ему же принадлежит предисловие к книге.

³ Брюсов получил экземпляр книги (неизвестно — при содействии ли Кондратьева) и рецензировал ее вместе с посмертным сборником стихов Ю. Сидорова:

Русская мысль. 1910. № 10. Отд. II. С. 321–323. В поздних воспоминаниях о Полякове Кондратьев писал: «Не знаю, каким образом тотчас же узнал об этой книге В.Я. Брюсов, приславший мне письмо с просьбой раздобыть для него экземпляр, что мне и удалось скоро устроить...» (*Кондратьев А.* Из литературных воспоминаний. Виктор Лазаревич Поляков // Последние известия (Ревель). 1927. № 47, 19 февр. С. 3).

⁴ Об отношениях Блока и Полякова см. предисловие Р.Д. Тименчика к публикации писем Кондратьева к Блоку (*ЛН*. Т. 92, кн. 1. С. 553). Блок вспоминал о нем в статье «Противоречия»: «С этим печальным, строгим, насмешливым, умным и удивительно привлекательным юношей я встречался по несколько лет до его смерти у одного из наших общих литературных приятелей. Он много молчал, а когда говорил, это было (или казалось нам тогда) очень остро и метко. В Полякове дремала, кажется, настоящая злоба; какие-то искры подлинного, поэтического, неведомо на что направленного, восторга вспыхивали на его красивом и нежном лице. Впрочем, он был страшно скрытен и не любил, когда замечали движения его души. Кроме того, все, что дремало в нем, было подернуто глубокой усталостью — не знаю, старческой или нет; скорее — в этой усталости было предчувствие смерти, о которой он так много говорит в стихах» и т.д. (*Блок А.А.* Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. Т. 8: Проза. (1908–1916). М., 2010. С. 114–115).

⁵ Письмо (№ 28 по нашей нумерации) было не утрачено, а оставлено без ответа.

⁶ Письма А.К. Толстого к матери в печати не появлялись и, вероятно, утрачены; из писем Перовского были напечатаны лишь отрывки в 1937 г.; письма к Жемчужникову вскоре были опубликованы (*Русская мысль*. 1915. № 11. Отд. II. С. 116–127; имя публикатора не указано).

⁷ Эта легенда была весьма устойчивой, ср., напр., звучащий крайне убедительно рассказ в очерке П.П. Гнедича (*Гнедич П.П.* Последние орлы (Силуэты конца XIX века) // Исторический вестник. 1911. № 1. С. 72–73), где сведения эти передаются со ссылкой на рассказ И. Гончарова. Решительно опровергал эту гипотезу М. Жемчужников в заметке «Легенда о происхождении графа Алексея Константиновича Толстого» (Новое время. 1911. № 12820, 19 нояб. Лит. прилож. С. 6). Кондратьев рассматривал этот вопрос в статье «О происхождении Алексея Толстого» (Речь. 1910. № 266, 28 сент. С. 2), с подробного анализа этой истории начинает он и свою книгу о Толстом (С. 3–5). Розанов пишет об этом, ссылаясь на наблюдение (не на знание) П. Перцова, слегка зашифровав его имя: «Известный писатель П.П. П-цов обратил мое внимание, что, судя по автобиографии, написанной гр. А.К. Толстым, автором “Иоанна Дамаскина” и “Князя Серебряного”, он произошел от супружеских отношений брата и сестры (“мой дядя по матери” — в автобиографии). Перечтя, я увидел, что это правдоподобно: поэт нигде не упоминает даже имени своего “фамильного” отца, как бы он не был его натуральным отцом. В длинном теплом сыновнем рассказе везде фигурирует мать и “дядя по матери”, причем к обоим видна горячая его нежность. Оба безраздельно его воспитывали, а “дядя по матери” оставил ему потом все состояние. Нельзя усомниться, если это было так, в глубоко счастливым натуральном супружестве, которое мы должны рассматривать как священную тайну с древнейшим корнем под собой. Это, может быть, отразилось в замечательно религиозном характере сына, и притом редкого изящества, что отмечено во всей России» (*Розанов В.* Магическая страница у Гоголя // Весы. 1909. № 8. С. 43).

⁸ Мемуары К. Павловой напечатаны задолго до этого момента: *Павлова К.К.* Мои воспоминания // Русский архив. 1875. № 10. С. 222–240; Брюсов републиковал их в подготовленном им двухтомном собрании сочинений Павловой (*Павлова К.* Собрание сочинений. Т. 2. М., 1915. С. 269–312). Они касаются лишь юности автора, Толстой там не упоминается.

⁹ У нас нет точных сведений о дате и названии упомянутого доклада Зелинского (ближайшее подходящее по времени заседание состоялось 28 января; повестка отложилась в архиве Вяч. Иванова: НИОР РГБ. Ф. 109. Карт. 50. Ед. хр. 13); ср. попутное упоминание в мемуарах В. Пяста: «Помню также доклад Фаддея Францевича Зелин-

ского о передаче русским стихом античных размеров и чтение его своих переводов Софокла, а также и опытов других размеров, например, “голиямба” <...>» (*Пяст В. Встречи*. М., 1997. С. 106; здесь явная aberrация, поскольку Пяст относит к осени 1909 доклад, состоявшийся в декабре 1911, см. коммент. Р.Д. Тименчика: Там же. С. 316; тем досаднее отсутствие сведений о выступлении 1909 г.).

¹⁰ Вероятно, рассказы «Царь Содом» («Царь Шедома»), «На неведомом острове» (принятые, см. примеч. 6 к п. 31) и «Голова Медузы» (отвергнутый, см. п. 32).

30.

10 февраля 1910. С.-Петербург.

10 февраля

Глубокоуважаемый Валерий Яковлевич.

Только теперь удалось переговорить с редактором книги В.Л. Полякова. Он обещал сказать Поляковым, чтобы те выслали ее Вам. По крайней мере он сказал: «Она будет выслана». Вероятно через несколько дней Вы ее получите¹.

Вам преданный Александр Кондратьев.

СПБ. Канцелярия Гос<ударственной> Думы.

==

НИОР РГБ. Ф. 386. Карт. 90. Ед. хр. 8. Л. 15.

Открытка. Штампы: СПб (10.2.10); Москва (12.2.10).

¹ См. примеч. 3 к п. 29.

31.

Весна 1910. С.-Петербург.

Канцелярия Гос<ударственной> Думы

Дорогой Валерий Яковлевич.

Я давно не писал Вам, хотя порою очень хотелось написать. Мне хотелось сообщить Вам адрес лица кое-что знающего о Тютчеве. Теперь мне известно, где он живет. Пишите ст. *Ракке* Балтийской ж.д., имение «*Ассику*» князю Георгию Сергеевичу Гагарину (автор небольшой книжки стихов, вышедшей в 1909 г.)¹. Он говорил мне, что знает кое-что о Тютчеве Вам неизвестное. Человек очень любезный; сам о нем никогда не

напишет, а материалами кое-какими обладает. Я полагаю, что в сообщении сведений он Вам не откажет. Лучше будет, если Вы напишете ему этим же летом.

В Петербурге появилось в последнее время несколько молодых людей (типа «архивных юношей»), усиленно интересующихся Тютчевым. Эти молодые люди того и гляди высосут у кн. Гагарина его сведения.

Мне поручено некоей старой дамой Софьей Петровной Хитрово² предложить в какую-либо приличную редакцию собрание писем от разных лиц к А.К. Толстому. Письма эти нигде не были напечатаны и могут представлять некоторый интерес для биографов. Тут есть письма Ив. Тургенева, Полонского, Фета, Погодина, Серова, Некрасова, Костомарова (одно длинное), Каткова (2), Ал.П. Бобринского, Щербины (1), кн. Ив. Гагарина (иезуит), гр. Уварова, Деянова, Ф.М. Толстого (длинное полемическое), гр. А.А. Толстой, Шеда <sic> Ферроти (Фиркс), Ульрици, Б. Ауербаха, Дан. Юма (спирита), Клары фон Глюмер, Miss Lucy Bates, гр. Коцебу и длинное письмо о раскольниках неизв<естного> автора³.

Я познакомился с этими письмами. Они сданы были сперва в В<естник> Евр<опы>, но там отложили их печатанье ad calendas graecas⁴. Я думаю, что не отсутствие интереса в них в том было виновато, а некоторые другие посторонние свойства соображения...

Не пожелает ли напечатать эти письма Русская Мысль или какой-либо другой (платящий) журнал?

Собираюсь издать второй томик рассказов, но меня останавливает мысль, что можно было бы напечатать предварительно в журналах еще 2–3 штуки⁵. Часть принята уже в Аполлон, но неизвестно когда там появится⁶.

Если в корзинке под столом у Вас валяется черновик какого-либо Вашего стихотворения, то Вы, извлекиши его оттуда и прислав мне, доставили бы Вашему покорному слуге большую (и искреннюю) радость.

Скоро переезжаю на дачу.

Мой служебный адрес: СПб. Таврический Дворец. Канцелярия Гос. Думы А.А. Кондратьеву.

Душевно Вам преданный Ал. Кондратьев.

==

НИОР РГБ. Ф. 386. Карт. 90. Ед. хр. 8. Л. 16 — 17.

На почтовом бланке «Таврический дворец».

Письмо не могло быть написано ранее 1909 г., поскольку содержит упоминание вышедшей в этом году книги, и позднее 22 сентября 1910 г., когда умерла С.П. Хитрово (см. п. 33). Городской обратный адрес и намерение переехать на дачу позволяет отнести письмо к весенним месяцам.

¹ О Гагарине см. примеч. 3 к п. 17.

² Софья Петровна Хитрово (урожд.: Бахметьева; 1848–1910) — приемная дочь А.К. Толстого (племянница его жены); важное лицо в биографии В.С. Соловьева (см.: *Лосев А.Ф.* Владимир Соловьев и его время. М., 2000. С. 51–55). Кондратьев в жизнеописании Толстого неоднократно ссылается на сообщенные ему сведения. Знакомство ее с Кондратьевым началось не позднее 1907 г., поскольку уже в этом году он щедро делится с П.В. Быковым полученными от нее сведениями (см. письмо от 11 февраля 1907 г.: РНБ. Ф. 118. № 476. Л. 6–7 об. и от 13 февраля того же года: ИРЛИ. Ф. 273. Оп. 1. № 284. Л. 1об.–2).

³ Вероятно, эти материалы (по крайней мере, в существенной части) утрачены. Архив С.П. Хитрово в качестве отдельного комплекса нам неизвестен; в многочисленных собраниях бумаг А.К. Толстого этих документов нет. В реестрах эпистолярия хорошо изученных лиц (каковы среди перечисленных Некрасов и Тургенев) письма к А.К. Толстому не значатся. Среди упомянутых корреспондентов, возможно, нуждаются в комментариях имена композитора Александра Николаевича Серова (1820–1871), графа Алексея Павловича Бобринского (1826–1894), князя Ивана Сергеевича Гагарина (1814–1882), композитора и музыкального критика Феофила Матвеевича Толстого (1809–1881), матери поэта Анны Алексеевны (урожд. Перовской; 1796–1856), публициста барона Федора Ивановича Фиркса (псевд.: D.K. Schédo-Ferroti; 1812–1872), философа Германа Ульрици (1806–1884), немецкого писателя Бертольда Ауэрбаха (1812–1882), знаменитого медиума Дэниела Хьюма (1833–1886), писательницы Клары фон Глюмер (1825–1906), писателя (отнюдь не графа) Вильгельма Августовича Коцебу (1813–1887). Имя Lucie Bates нами не опознано. О судьбе архива Толстого см.: *Стафеев Г.И.* Сердце полно вдохновения. Жизнь и творчество А.К. Толстого. Тула, 1973. С. 92–95.

⁴ «До греческих календ» (*лат.*), т.е. навсегда. В «Вестник Европы» письма были отправлены по настоятельной просьбе самой Хитрово: «Несмотря на то, что вы мне уже писали, что вы не хотите больше печатать писем, я все-таки решаюсь послать вам список писем к моему дяде. — Мне не хочется печатать что-нибудь касающееся до него в каком-либо журнале, кроме “Вестника Европы”, и потому решаюсь подвергнуться вашему гневу и опять спросить вас, не хотите ли вы их напечатать в вашем журнале? Многие мне пишут и говорят с интересом о письмах к моей тете, графине С.А. Толстой. Я считаю эти письма как намеченные тропинки для серьезных биографов, и некоторые уже заявили мне благодарность» (Письмо к М.М. Стасюлевику от 18 февраля 1908 г., цит. по: *Кузьмина И.А.* С.А. Толстая, С.П. Хитрово и Фет: К истории отношений // Русская литература. 2005. № 1. С. 136).

⁵ Из этого плана вырос сборник «Улыбка Ашеры» (СПб., 1911).

⁶ За все годы существования «Аполлона» там, помимо упомянутого «Царя Шеона», был напечатан рассказ «На неведомом острове» (1910. № 7. Пар. II. С. 3–22).

32.

6 сентября 1910. С.-Петербург.

СПб. Сергиевская 61 кв. 26

6 сентября

Глубокоуважаемый и дорогой Валерий Яковлевич.

Большое Вам спасибо за доброе письмо и лестное предложение. В Русской Мысли я не только ничего не печатал, но, насколько помню, и не посылал туда никогда ничего, т.к. считал это бесполезною тратою

времени... Не писал я Вам и не благодарил Вас потому, что живу еще на даче, а письмо попало на городскую квартиру, откуда мне на днях привезла его жена. Что касается до рассказов моих, то один (о нисхождении Иштар в ад и гнева богини Нинкагаллы) я, как излишне «экзотичный», в Русскую Мысль не пошлю¹. У меня есть другой рассказ (небольшой) на тему из греческой мифологии (о Посейдоне и прекрасной девице по имени Горгона-Медуза — «Голова Медузы»²). Рассказ этот отдан был в Аполлон, там в первой инстанции его забраковал М.А. Кузмин, но рассматривавший его затем С.К. Маковский мне его не вернул и сказав, что рассказ ему нравится, изъявил желание его напечатать, под условием, что я исправлю в некоторых местах «излишние ритмичности» языка. Я не вполне согласен с мнением Вяч. Иванова (которое разделяет, очевидно, Маковский) о необходимости исключать всякую ритмичность из прозы; возьму на днях этот рассказ из редакции Аполлона и отошлю Вам. Понравится он — напечатаете; не понравится — верните; я переговорю с Маковским, исправлю, что следует и напечатаю в Аполлоне. Хотя быть напечатанным у Вас мне приятнее. Остальные рассказы у меня или не закончены, или не отделаны, или по характеру не подходят к Русской Мысли. В редакцию Аполлона отправлюсь завтра же. Шлю Вам лучшие мои пожелания и еще раз благодарю за добрую память о мне. Ал. Кондратьев.

Ст. Поповка Никол. жел. д.; Подобедовка. Большой просп.

==

НИОР РГБ. Ф. 386. Карт. 90. Ед. хр. 9. Л. 23.

Закрытка. П.ш.: Москва (нрзб).

Год устанавливается по упоминанию рассказа «Голова Медузы», который будет принят «Русской Мыслью» в октябре 1910 г.

¹ Подразумевается рассказ «Семицветный пояс Иштар» (Кондратьев А.А. Собр. соч.: В 2 т. / Сост. Е. Витковский, А. Степанов. М., 2018. Т. 2: Филин Персефоны. С. 398–408).

² См. примеч. 1 к п. 33.

33.

29 сентября 1910. С.-Петербург.

СПБ. Сергиевская 61 кв. 26

29 сент. 1910

Глубокоуважаемый и дорогой Валерий Яковлевич.

Так как беллетристические произведения, над которыми я в свободное время работаю, еще не готовы (кроме лени моей в том виноваты

Публичная Библиотека и отсутствие вспомогательных пособий о Карфагене), то я беру на себя смелость направить Вам один только рассказ мой «Голова Медузы», в том виде как я его получил из Редакции Аполлона. Я стер только в тексте одно исправление зеленым карандашом и надпись «Нет!» в заголовке (что означает забракование рукописи М. Кузьминым <sic>, а м.б. и Маковским; хотя последний и говорил мне весною о несогласии своем с М.А.К. и желании напечатать рассказ с некоторыми исправлениями...)¹

Если рассказ покажется Вам непригодным для Р.М., то благоволите меня известить, куда и когда я могу прислать за получением рукописи моего живущего в Москве брата.

В Петербурге умерла старуха С.П. Хитрово, племянница жены Алексея Толстого, хорошо помнившая литературный мир шестидесятых и семидесятых годов². Ее любил когда-то Владимир Соловьев, посвящавший ей стихи, в которых называл ее Царицей...³ Трудно себе представить как неохотно показывала она переписку Толстого. Все напечатанное в В<естнике> Евр<опы> страдает безжалостными пропусками, касающимися семейных и родственных отношений поэта⁴.

Шлю сердечный привет мой Иоанне Матвеевне, если она меня помнит. Не забывайте меня, если будете в Петербурге.

Вам преданный Ал. Кондратьев.

==

НИОР РГБ. Ф. 386. Карг. 90. Ед. хр. 8. Л. 18–18 об.

¹ 8 октября 1910 г. Брюсов писал П.Б. Струве: «Получил рассказ А. Кондратьева “Голова Медузы”, который хотел бы принять. Рассказ написан хорошо, в очень выдержанном стиле. Но он из числа рассказов “экзотических”, и, памятуя о “глупом читателе”, надо будет поместить его в такое время и в таком окружении, чтобы никакого соблазна он не произвел. В этом духе написал Кондратьеву» (Литературный архив. Материалы по истории литературы и общественного движения. 5. М.–Л., 1960. С. 292–293; публ. А.Н. Михайловой). Рассказ был напечатан несколько месяцев спустя (см. примеч. 4 к п. 27).

² См. примеч. 2 к п. 31.

³ Вопреки мнению Кондратьева, ни в одном из многочисленных стихотворений, посвященных С.П. Хитрово, Соловьев не называет ее царицей — и, напротив, наиболее известные стихотворения, где героиня уподобляется царице (прежде всего: «Вся в лазури сегодня явилась...» и «У царицы моей есть высокий дворец...»), не имеют персональных посвящений.

⁴ Подразумевается публикация: Письма к графине С.А. Толстой Ив. Серг. Тургенева, Влад. Соловьева, Ф. Достоевского, Шеншина-Фета, гр. В. Соллогуба, Я.П. Полонского и др. // Вестник Европы. 1908. № 1. С. 206–240 (вступительная заметка подписана «Г. Х-о»). Возможно, Кондратьев припоминал и более старую работу: Из дружеской переписки гр. А.К. Толстого. Письма княгини Каролины Витгенштейн. 1868–1875 гг. // Вестник Европы. 1906. № 1. С. 154–174 (вступительная заметка подписана «С.Х.»).

34.

7 октября 1910. С.-Петербург.

7 окт. 1910 г.

Глубокоуважаемый и дорогой Валерий Яковлевич.

Сердечно благодарю Вас за новый знак внимания Вашего к моей смиренной особе¹. Несколько раз тщетно перелистывал я Авзония², дабы поблагодарить Вас цитатой оттуда, но, вероятно, благодаря плохому знанию языка, не мог найти подходящей, которую можно было бы привести без натяжки.

Решил не задерживать долее письма и отложить цитату до следующего раза. Интересны и хорошо сделаны, спора нет, рисунки итальянского художника, но рассказы Ваши заслуживают все-таки лучших иллюстраций³. У Вас красота форм многообразнее нежели в рисунках, где слишком часто встречается одно и то же довольно хорошо исполненное женское тело. Ваши женские образы все разные, а там нет...

.....
Очень большой ушат помоев вылила недавно на мою голову «Земщина» за статью «О происхождении Алексея Толстого»⁴. Вряд ли Вас когда-либо ругали такими скверными словами...

Что касается до издания нового томика моих рассказов, то я жду у моря погоды, иначе говоря, приезда из-за границы одного из родственников, который обещал мне некоторую ссуду на издание книги⁵. Хотел ее назвать по имени одного из рассказов: «Семь бесовок»⁶, но боюсь, что такое заглавие будет слишком кричащим...

Названия новых книг Ваших, готовящихся к выходу в свет, привели меня в некоторый радостный трепет⁷.

Закончил в течение лета свою работу об Алексее Толстом⁸. Но переписывать еще не начинал. Все жду нельзя ли чего еще прибавить, а с другой стороны страшно: вдруг кто-нибудь упредит и напечатает все те новые для публики сведения, которые я с таким трудом собирал и переписывал по разным архивам...

Будьте здоровы и счастливы. Еще раз благодарю Вас за «Земную Ось».

Ваш душевно Ал. Кондратьев.

СПб. Сергиевская 61 кв. 26

==

НИОР РГБ. Ф. 386. Карт. 90. Ед. хр. 8. Л. 19–20 об.

На бланке «Таврический дворец».

¹ Судя по следующим словам, Кондратьев получил в подарок экземпляр книги Брюсова «Земная ось. Рассказы и драматические сцены. 1901–1907» (Изд. 2-е, доп. М., 1910).

² Авзоний (Авсоний; ок. 310 — ок. 394) — древнеримский поэт. Брюсов занимался изучением его биографии и переводил его стихи (см.: Великий ритор. Жизнь и сочинения Децима Магна Авсония // Русская мысль. 1911. № 3. Пар. II. С. 1–48), о чем Кондратьеву наверняка было известно.

³ «Земная ось» была проиллюстрирована графикой Альберто Мартини (1876–1954). Подробнее см.: Brjusov Valerij. L'asse terrestre / A cura di Nikolaj V. Kotrelev. [Roma: Voland, 1995].

⁴ См. также в письме к Е.А. Ляцкому от 10 октября 1910 г.: «Ах, как меня недавно (29 сент<ября>) изругали в Земщине за статью об Алексее Толстом, помещенную в Речи (28 сент<ября>). Такими нехорошими словами обругали, что мне потом неловко в зеркало было на себя посмотреть» (ИРЛИ. Ф. 163. Оп. 2. № 244. Л. 4). Имеется в виду статья, где, в частности, говорилось: «Вчера в день тридцатипятилетней годовщины великого певца русской страны графа Алексея Константиновича Толстого “Речь” поместила статью какого-то Ал. Кондратьева “О происхождении Алексея Толстого”».

Русское общество давно уже перестало удивляться и возмущаться тому, что пишут грязные перья Гессенов, Милюковых и их субалтернов из “Речи” о русской истории, русских писателях и русских идеалах. Всем ведомо, что такие органы как “Речь”, “Биржевка” и проч. для того именно и созданы на еврейско-инородческие деньги, чтобы топтать в грязь все русское.

Но “прогрессистам” приходилось лишь безнадежно говорить: что ж — свобода! — и терпеливо ожидать, что, наконец, на разнузданность еврейской печати будет обращено внимание и будут изданы законы о печати, которые положат предел этой разнузданности.

Но, думается, что относительно статьи Ал. Кондратьева должен уже идти вопрос даже и не о законах, а просто о необходимости для некоторых левых писателей палки и нагайки в качестве наилучшего критического отзыва о их писаниях» (*Н. Т-ков*. Грязные перья // Земщина. 1910. № 431, 29 сент. С. 2).

⁵ О второй книге рассказов Кондратьева см. примеч. 1 к п. 10. Имя родственника нам неизвестно.

⁶ Этот план не осуществился.

⁷ Во втором издании книги «Земная ось» объявлены готовящимися к печати сборник материалов для биографии Тютчева «Околдованный поэт» (не вышел), книга статей «Далекие и близкие», очерк античной жизни и литературы «Aurea Roma» (не вышел), а также несколько книг переводов.

⁸ Подразумевается книга Кондратьева «Граф А.К. Толстой. Материалы для истории жизни и творчества» (СПб., 1912).

35.

9 октября 1910. С.-Петербург.

Сергиевская 61 кв. 26

СПБ

9 октября 1910 г.

Глубокоуважаемый и дорогой Валерий Яковлевич.

Получил сегодня Ваше письмо с приятным для меня сообщением о «Голове Медузы»¹. Конечно, я согласен ждать до того времени, когда Вы сочтете наименее неудобным напечатать рассказ. Я не собирался

печатать его в ближайшем сборнике и не имел в виду посылать его в какую-либо другую редакцию.

Вчера в беседе с одним сослуживцем, не чуждым литературе и состоящим членом Академии Поэтов, я разговорился о Вас. Собеседник мой высказал мысль, меня очень порадовавшую. Он признал, что из всех *видных* представителей современной нашей литературы лишь Вы один вели себя прилично во время революции, не заигрывая с ней, не ища дешевой популярности у толпы и не соблазняясь жирными гонорами еврейских тенденциозных изданий².

От себя прибавлю, что примеру Вашему следовали и некоторые из Ваших учеников, напр., Сергей Соловьев и Гумилев. Дай Вам Бог и впредь устоять от искушений, т.к. пост Вы занимаете очень опасный³.

Жму крепко руку и желаю удачи и счастья.

Ваш Ал. Кондратьев.

==

НИОР РГБ. Ф. 386. Карт. 90. Ед. хр. 8. Л. 21–22.

¹ См. примеч. 1 к п. 33.

² Собеседник Кондратьева нам неизвестен.

³ Подразумевается заведование литературно-критическим отделом либеральной «Русской мысли».

(Окончание следует)

Литература

Два письма А.А. Кондратьева к В.И. Иванову / Публ. Н.А. Богомолова // Новое литературное обозрение. 1994. № 10. С. 107–113.

Из писем А.А. Кондратьева периода эмиграции (1952–1960) / Вступ. ст., подгот. текста и коммент. М.В. Скороходова // Русская литература. 2016. № 3. С. 243–269.

Кондратьев А. Письма к Амфитеатровым. Публ. и подгот. текста В. Крейда // Новый журнал. 1990. Кн. 181. С. 139–172.

Кондратьев А. Письма к Амфитеатровым. Публ. и подгот. текста В. Крейда // Новый журнал. 1990. Кн. 182. С. 106–130.

Кондратьев А. Письма Б.А. Садовскому / Публ., подгот. текста С.В. Шумихина; предисл. и примеч. Н.А. Богомолова и С.В. Шумихина // De visu. 1994. № 1/2 (14). С. 3–39.

«Напиши мне про свои розы...»: Письма А.А. Кондратьева Б.В. Беру / Подгот. к публ., вступ. ст. М.А. Перепелкина // Performance (Самара). 2006. № 4 (25). С. 8–17.

Письма А.А. Кондратьева к Блоку / Предисл., публ. и коммент. Р.Д. Тименчика // Литературное наследство. Т. 92: Александр Блок: Новые материалы и исследования. Кн. 1. М.: Наука, 1980. С. 552–562.

Письма Великого князя Константина Константиновича к А.А. Шахматову. Публ. Т.Г. Ивановой // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1997 год. СПб.: Дмитрий Буланин, 2002. С. 206–237.

Сарычева К.В. Письма к учителю: К истории отношений И. Анненского и А. Кондратьева // Литературный факт. 2017. № 4. С. 53–67.

References

Dva pis'ma A.A. Kondrat'eva k V.I. Ivanovu [A.A. Kondratiev's two letters to V.I. Ivanov], publ. by N.A. Bogomolov. *Novoe literaturnoe obozrenie*, 1994, no. 10, pp. 107–113. (In Russ.)

Iz pisem A.A. Kondrat'eva perioda emigratsii (1952–1960) [From A.A. Kondratiev's letters of émigré period (1952–1960)], intro., ed. i comment. by M.V. Skorokhodov. *Russkaia literatura*, 2016, no. 3, pp. 243–269. (In Russ.)

Kondrat'ev A. Pis'ma B.A. Sadovskomu [Letters to B.A. Sadovskoy], publ., ed. by S.V. Shumikhin, intro. and notes by N.A. Bogomolov and S.V. Shumikhin. *De visu*, 1994, no. 1/2 (14), pp. 3–39. (In Russ.)

Kondrat'ev A. Pis'ma k Amfiteatrovym [Letters to Amfiteatrov family], publ. and ed. by V. Kreyd. *Novyi zhurnal*, 1990, iss. 181, pp. 139–172. (In Russ.)

Kondrat'ev A. Pis'ma k Amfiteatrovym [Letters to Amfiteatrov family], publ. and ed. by V. Kreyd. *Novyi zhurnal*, 1990, iss. 182, pp. 106–130. (In Russ.)

“Napishi mne pro svoi rozy...”: Pis'ma A.A. Kondrat'eva B.V. Beru [“Write me about your roses...”: A.A. Kondratiev's letters to B.V. Ber], ed., intro. by M.A. Perepelkin. *Performance*, 2006, no. 4 (25), pp. 8–17. (In Russ.)

Pis'ma A.A. Kondrat'eva k Bloku [A.A. Kondratiev's letters to Blok], intro., publ. and comment. by R.D. Timenchik. *Literaturnoe nasledstvo. T. 92: Aleksandr Blok: Novye materialy i issledovaniia. Kn. 1* [Literary heritage. Vol. 92: Alexander Blok: New materials and studies. Book 1]. Moscow, Nauka Publ., 1980, pp. 552–562. (In Russ.)

Pis'ma Velikogo kniazia Konstantina Konstantinovicha k A.A. Shakhmatovu [Grand Duke Konstantin Konstantinovich's letters to A.A. Shakhmatov], publ. by T.G. Ivanova. *Ezhegodnik Rukopisnogo otdela Pushkinskogo Doma na 1997 god* [Pushkin House Manuscript Department Annual for 1997]. St. Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 2002, pp. 206–237. (In Russ.)

Sarycheva K.V. Pis'ma k uchiteliu: K istorii otnoshenii I. Annenskogo i A. Kondrat'eva [Letters to the teacher: On the literary relationship of Innokenty Annensky and Alexander Kondratiev]. *Literaturnyi fakt*, 2017, no. 4, pp. 53–67. (In Russ.)

Alexander Kondratiev's letters to Valery Bryusov

© 2018, Nikolay Bogomolov, Alexander Sobolev

Abstract: For the first time all Alexander Alexeevich Kondratiev's letters to Valery Bryusov are published. A reflection of relationships between two poets, they are far more valuable, representing a very rich material on the history of Russian modernism in general. Persons and literary events mentioned are provided with extensive comments which incorporate these documents into the cultural context of the epoch. Considering the absence of response letters (which are presumably lost with the rest of Kondratiev's papers), these letters are of paramount importance for the reconstruction of Bryusov's biography.

Keywords: Valery Brusov, Alexander Kondratiev, history of symbolism, correspondence, “Vesy”, “Russkaya Mysl”, epistolary modernism, neomythological writings.

Information about the authors: Nikolay Bogomolov, Doctor Hab., Professor, Moscow State University, Moscow, Russia. E-mail: nab50@mail.ru

Alexander Sobolev, independent researcher, Moscow, Russia.

E-mail: trirodov@gmail.com

Citation: Bogomolov Nikolay, Sobolev Alexander. Alexander Kondratyev's letters to Valery Bryusov. *Literary fact*, 2018, no. 10, pp. 38–107.

Наблюдательный Наблюдатель: Н.И. Греч и III отделение

© 2018, А.И. Рейтблат

Аннотация: Давно известно, что журналист, писатель и филолог Н.И. Греч оказывал услуги III отделению, но обычно всё сводилось к информации о подготовке и публикации им за рубежом статей и брошюр, направленных против иностранных критиков российского правительства и российских порядков. Однако хранящиеся в архиве III отделения записки, подписанные псевдонимом Наблюдатель и атрибутируемые в настоящей статье Гречу, демонстрируют, что его контакты с этим учреждением были гораздо более интенсивными и многообразными.

Ключевые слова: Н.И. Греч, III отделение, М.Я. фон Фок, «Секретная газета».

Информация об авторе: Абрам Ильич Рейтблат, канд. пед. наук, «Новое литературное обозрение» / Российская государственная библиотека искусств, Москва, Россия. E-mail: reitblat@nlo.magazine.ru

Цитирование: *Рейтблат А.И.* Наблюдательный Наблюдатель: Н.И. Греч и III отделение // Литературный факт. 2018. № 10. С. 108–164.

Широко известно о сотрудничестве с III отделением Ф.В. Булгарина¹, гораздо скромнее представлена в научной литературе информация о контактах известного журналиста, писателя, филолога и педагога Николая Ивановича Греча (1787–1867)² с этим учреждением³.

¹ См.: *Лемке М.* Николаевские жандармы и литература 1826–1855 гг. СПб., 1909. С. 229–358; Видок Фиглярин: письма и агентурные записки Ф.В. Булгарина в III отделение / Изд. подгот. А.И. Рейтблат. М., 1998.

² О нем см.: *А. Е<льниц>кий.* Греч Николай Иванович // Русский биографический словарь. М., 1997. Т. «Гоголь — Гюне». С. 437–444; *Карпов А.А.* Н.И. Греч // Русские писатели. 1800–1917: Биографич. словарь. М., 1992. Т. 2. С. 18–21; *Соловьев Д.В.* Н.И. Греч. Его жизнь и литературно-журнальная деятельность // Филологические записки. 1916. № 1–6; 1917. № 1; *Иванов-Разумник.* Н.И. Греч и его «Записки» // Греч Н.И. Записки о моей жизни. М.; Л., 1930. С. 9–32.

³ См., например: *Лемке М.К.* Указ. соч. С. 143–152, 189–193; *Порох И.В.* Еще раз по поводу записки о «Донесении Следственной комиссии» // В сердцах отечества сынов: декабристы в Сибири. Иркутск, 1975. С. 226–230; *Оржеховский И.В.* Самодержавие против революционной России (1826–1880 гг.). М., 1982 (по указ.);

С 1812 г. он издавал журнал «Сын Отечества», а с 1825 г. совместно с Ф.В. Булгариным — газету «Северная пчела». Греч был широко известен в литературных кругах и имел прочную литературную репутацию. И.Н. Лобойко вспоминал, что «журнал Греча “Сын Отечества” со времени <начала> его издания в октябре в 1812 году до 1825 г. был первенствующим русским журналом. Сочинитель, которого статья была в нем напечатана, мог уже считать на авторскую известность и внимание книгопродавцев. <...> Каждое сочинение находило в сем журнале свой приговор. Овладев критикой, Греч присвоил себе суд и расправу над всеми писателями и сделался их грозным судьей. Он никогда не боялся возражений и антикритик и всегда торжествовал над ними силою своей остроумной и насмешливой диалектики. <...> Все, что только было нового в современной жизни России, в ее предприятиях и успехах, в мореплавании, географических открытиях, тем более в литературе, появлялось в то же время в “Сыне Отечества”. И потому журнал этот пребудет самым обильным и самым достоверным источником для истории просвещения и словесности русской в достопамятнейшем ее периоде с 1812 по 1825 год. Журнал этот отличался не только новостью, но и смелостью. То, чего бы нигде печатать не посмели, находило в “Сыне Отечества” радушный прием. <...> Я никого не знал в Петербурге, кто бы мог пленять и забавлять умом и характером, как Греч. <...> Его острословия расходились по всему городу, и беда тому, на кого они устремлялись»⁴.

Греч проявил себя также как педагог и специалист по грамматике, автор книг «Пространная русская грамматика» (Т. 1. СПб., 1827), «Практическая русская грамматика» (СПб., 1827), «Начальные правила русской грамматики» (СПб., 1828), которые были довольно популярны и использовались в школьном преподавании. Кроме того, он первым стал публиковать годовые обзоры отечественной литературы⁵, получившие впоследствии широкое распространение, первым выпустил историю русской литературы⁶; выступал он и в качестве прозаика, опубликовав несколько книг путевых записок, а также романы «Поездка в Германию» (СПб., 1831) и «Черная женщина» (СПб., 1834).

Рейтблат А.И. Писатели и III отделение // Рейтблат А.И. Как Пушкин вышел в гений. М., 2001. С. 140.

⁴ *Лобойко И.Н.* Мои воспоминания. Мои записки / Вступ. статья, подгот. текста и коммент. А.И. Рейтблата. М., 2013. С. 144–145. Об остроумии Греча см. также: *Терпигоров Н.Н.* Н.И. Греч // Русская старина. 1870. № 7. С. 92–93; *Голицын Н.С.* Заметки из воспоминаний // Там же. 1890. № 6. С. 706–707.

⁵ См.: Обозрение русской литературы 1814 года // Сын Отечества. 1815. № 1–4; Обозрение русской литературы 1815 и 1816 годов // Сын Отечества. 1817. № 1–2; О произведениях русской словесности в 1817 году // Сын Отечества. 1818. № 1.

⁶ Греч Н.И. Опыт краткой истории русской литературы. СПб., 1822.

То, что Греч оказывал услуги III отделению, известно давно, но обычно всё сводилось к информации о подготовке и публикации им за рубежом статей и брошюр, направленных против иностранных критиков российского правительства и российских порядков⁷. Единственное исключение — статья И.В. Пороха с указанием на одну записку Греча, написанную по заказу III отделения⁸. Однако хранящиеся в архиве III отделения документы демонстрируют, что контакты Греча с этим учреждением были гораздо более интенсивными и многообразными и являются колоритным и выразительным примером сотрудничества литератора с III отделением.

В период царствования Александра I Греч был известен как либерал⁹. Впрочем, и в ту эпоху к нему относились настороженно. Слуга К.Ф. Рылеева рассказывал впоследствии, что Греч, который часто бывал у Рылеева, «имел привычку заглядывать в работы. Поэтому при входе его в комнаты писанные бумаги всегда перевертывались белой стороной»¹⁰. Д.Н. Свербеев вспоминал о событиях 1818 г.: «Узнав потом Греча довольно коротко по неблагоприятным о нем отзывам всего петербургского общества, я скоро уверился, что он, служа и нашим, и вашим, т.е. будучи либералом в кругу литературном и тайным агентом тайной полиции, не преминул сообщить кому следует о существовании вывезенной мной из Москвы тетрадки <товарища с рассуждениями об освобождении крестьян>»¹¹.

В 1824 г. из-за причастности к публикации книги пастора И. Госнера Греч попал под суд и лишился должности преподавателя (он был оправдан только в 1828 г.)¹². После восстания декабристов он стал всячески демонстрировать лояльность. По собственному признанию, он уже «на другой день после петербургской вспышки (т.е. после 14 декабря 1825 г. — *А.Р.*) написал <...> записку о причинах этого возмущения и между прочим сказал, что тому способствовало удаление многих способных людей, в том

⁷ См., например: *Иванов-Разумник*. Указ. соч. С. 19–23 (коммент. его же и Д.М. Пинеса: Там же. С. 782–784); *Абакумов О.Ю.* «...Чтоб нравственная зараза не проникла в наши пределы»: из истории борьбы III отделения с европейским влиянием в России (1830-е — начало 1860-х гг.). Саратов, 2008. С. 68, 80–82, 159, а также упомянутую выше книгу М.К. Лемке.

⁸ *Порох И.В.* Указ. соч.

⁹ См., например: *Рыбаков И.Ф.* Тайная полиция в «Семеновские дни» 1820 г. // *Былое*. 1925. № 2. С. 84–85; *Пассек Т.П.* Воспоминания // *Русская старина*. 1878. № 2. С. 211, 214–215.

¹⁰ Цит. по: *Литературное наследство*. Т. 59: Декабристы-литераторы. I. М., 1954. С. 255.

¹¹ *Свербеев Д.Н.* Записки. М., 1899. Т. 1. С. 247.

¹² См.: *Греч Н.И.* Записки о моей жизни. М.; Л., 1930. С. 575–591.

числе М.Я. фон Фока»¹³ (с М.Я. Фоком Греч был знаком с 1812 г., когда тот возглавил Особенную канцелярию Министерства полиции). Записку эту Греч подал военному генерал-губернатору П.В. Кутузову для поднесения царю, но так как вскоре было создано III отделение, то записка поступила туда. Как писал Греч, «таким образом она попала в руки фон Фоку, который узнал из нее мою искреннюю дружбу и уважение к нему, бывшему тогда в немилости и всеми оставленному. Это сблизило нас еще более и доставило мне случай делать, при посредстве фон Фока, много добра и еще более предупреждать зла»¹⁴.

Записку эту в архивном фонде III отделения в ГАРФ нам отыскать не удалось, но там есть другая записка Греча на ту же тему, написанная 7 июня 1826 г., после публикации доклада следственной комиссии по делу декабристов и за месяц до издания указа (3 июля) о создании III отделения. Записка эта была опубликована Б. Модзалевским по копии, сохранившейся в архиве журнала «Русская старина», причем подписи под текстом не было, и Б. Модзалевский предположительно атрибутировал ее М.Я. Фоку¹⁵. Однако автограф написан рукой Греча, содержит в конце подпись, а в начале обращение к Фоку: «Вы требуете у меня, почтеннейший М.Я., отчета в мыслях и ощущениях, возбужденных во мне чтением Доклада Следственной Комиссии. Привыкнув с удовольствием вам повиноваться, я исполню желание ваше <...>». Текст носит черновой характер, содержит зачеркивания и исправления; в архиве III отделения сохранилась и сделанная М.Я. Фоком, с небольшими изменениями, копия¹⁶.

В своей записке Греч писал, что «несчастливая <...> шайка нынешних заговорщиков составляла скопище, неведомое народу, чуждое ему и ненавистное» и что главные их черты — «невежество и распаленное воображение». Греч предлагал «невежеству противопоставить просвещение, основательное, обширное. Если б заговорщики читали с пользою историю, то видели бы, что средства, избранные ими, сколь преступны, столь же и недостаточны; они видели бы, что при помощи горсти обманутых солдат (обманутых именно потому, что они боялись изменить присяге) нельзя произвести мятежи, против воли и желания целого народа; что начинщики всех мятежей сами становились первою жертвою народной ярости; что за всяким ниспровержением общественного порядка

¹³ Там же. С. 711–712.

¹⁴ Там же. С. 712.

¹⁵ См.: Модзалевский Б. Записка о «Донесении следственной комиссии» // Декабристы: неизданные материалы и статьи. М., 1925. С. 44–50.

¹⁶ См.: Порох И.В. Указ. соч. Статья включает текст записки. О переписывании и редактировании Фоком записок Ф.В. Булгарина см.: Рейтлат А.И. Булгарин и III отделение // Видок Филлярин.... С. 16–19.

следовало безначалие, а за безначалием деспотизм ужаснейший». Греч утверждал, что «основательное, строгое, сообразное с целию народное воспитание может на будущее время отвратить повторение подобных заблуждений». Мысль эта оказалась важной и актуальной для Николая I, он уделял обучению и воспитанию большое внимание (тут можно указать и на заказанные Пушкину и Булгарину записки о воспитании, и на созданные по его указанию многочисленные учебные заведения, дающие, как правило, прикладное, профессиональное образование, и на комплекс мер по контролю за преподаванием истории, философии и литературы).

Что касается «распаленного воображения», Греч предлагал успокаивать его развлечениями. Подобно Булгарину¹⁷, он указывал на необходимость дать выход социальной активности в литературе и театре. По поводу декабристов-литераторов он писал, что «не стихи и статьи виноваты в их заблуждении, а невозможность, при стеснительных и нелепых мерах цензуры, заниматься литературою невинною, невозможность пользоваться удовольствиями театральных зрелищ».

Лучшее же средство к ликвидации предпосылок создания тайных союзов Греч видел в укреплении авторитета правительства на основе кодификации законодательства, гласности судопроизводства, контроля над губернаторами, уменьшения налогового бремени и т.д. Особо отметим, что Греч приветствовал «великодушную гласность» в процессе над декабристами. Сформулированное Гречем в записке кредо во многом перекликается со взглядами Булгарина¹⁸.

Более подробно свои мысли о необходимости гласности для «направления общественного мнения» Греч изложил в другой записке, поданной властям 31 марта 1826 г., которая заслуживает того, чтобы привести ее целиком:

Журналы и ведомости во всех просвещенных землях признаются лучшим средством к направлению общего мнения, к искоренению вредных вестей и слухов, и к распространению полезных мыслей. У нас, кажется, еще не пользовались сим средством. В официальных журналах печатают статьи совершенно официальные, акты, приказы и проч., а издатели частных журналов не смеют сказать что-либо, кроме пустяков и повторения иностранных вестей. Впрочем, если бы и стали что-либо печатать в официальных газетах, то публика не стала бы тому верить. Между тем направление общего мнения и у нас кажется необходимым. У нас нет явной, законной оппозиции, но существует какая-то неутолимая страсть находить дурным всё, что ни делает пра-

¹⁷ См., напр.: Видок Фиглярин... С. 47–49, 110–111.

¹⁸ См.: *Рейтблат А.И.* Булгарин и III отделение. С. 20–21.

вительство, чернить и унижать его меры и из самого добра высасывать зло. Это происходит по большей части не от злонамеренности, а от смешного самолюбия некоторых людей: хвалить кого-нибудь, отдавать кому-нибудь преимущество кажется им унижать самих себя, а бранить, охуждать, осмеивать министра значит давать знать, что мы гораздо его умнее и что если б нас посадили на его место, то благоденствие России было бы обеспечено навеки. Вред, приносимый таким вралем (который нередко бывает притом человек образованный, остроумный и красноречивый), состоит преимущественно в том, что он увлекает за собою толпу слушателей, которые ленятся сами думать и верят его решительному голосу. От сего распространяются у нас вести и слухи нелепые, нередко вредные и опасные. Для уничтожения и предупреждения оных, кажется, надлежало бы взяться за партикулярные журналы и предоставить издателю оных судить и писать о предметах общего в публике разговора: правительству должно только смотреть, чтоб автор подобных статей не преступал предписываемых ему границ, но внутри оных надлежит ему позволить действовать свободно и произвольно. Каждая такая статья должна быть подписана сочинителем, чтоб публика видела, что она сочинена не в каком-либо департаменте. Можно позволить печатать и возражения на сии статьи с наблюдением надлежащей меры. Все сие будет очевидно способствовать направлению и очищению общего мнения и уничтожению вредных слухов. Исполнение сей меры кажется удобнее всего начать в нынешнее время, когда общее благо, правосудие, исполнение законов соделались целию всех мер правительства, когда благородная гласность в самом щекотливом деле¹⁹ прекратила все вредные об оном слухи и остановила все преувеличения. Если б сии благонамеренные представления были приняты, то издатели «Северной пчелы» нашли бы себя сверх достоинства очастливленными, сделавшись орудиями великодушного и правосудного правительства в искоренении лжи и мрака и в распространении света и истины²⁰.

Сохранилась также написанная рукой Греча небольшая записка на французском языке об обстоятельствах ареста Пестеля (она датируется 16 июня 1826 г.)²¹. Услуги Греча были оценены. В марте 1828 г. Бенкендорф ходатайствовал перед министром народного просвещения А.С. Шишковым о приеме Греча на службу членом Главного правления училищ²², в 1830 г., уже перед другим министром народного просвеще-

¹⁹ Имеется в виду суд над декабристами (примечание мое. — А.Р.).

²⁰ Автограф: ГАРФ. Ф. 109. СА. Оп. 1. Ед. хр. 1881.

²¹ См.: ГАРФ. Ф. 109. СА. Оп. 1. Ед. хр. 4. Л. 7.

²² См.: ГАРФ. Ф. 109. 1 эксп. 1826. Ед. хр. 118. Л. 3.

ния, К.А. Ливеном, — о поднесении императору издания французского перевода курса грамматики русского языка, подготовленного Гречем²³.

В конце апреля 1828 г., с началом Русско-турецкой войны, Николай I отправился на театр боевых действий, а Бенкендорф сопровождал его. III отделение с мая еженедельно посылало им рукописную «Секретную газету» со сведениями о событиях и слухах в Петербурге, состоявшую в значительной части из текстов Ф.В. Булгарина, переписанных (а иногда и отредактированных) Фоком²⁴. Когда в июле Булгарин уехал из Петербурга в Прибалтику, в «Секретной газете» стали регулярно помещаться «Письма Наблюдателя к другу»²⁵. В научной литературе нам известно лишь одно указание на автора этих «Писем...», сделанное в диссертации американским исследователем Дональдом Тумимом, который считает, что они написаны Булгариным²⁶. Однако в этих текстах встречаются упоминания тех или иных петербургских событий, театральных постановок и т.д., а Булгарин, как мы указали выше, в это время был не в Петербурге. Мы полагаем, что «Письма...» с высокой степенью уверенности можно атрибутировать Гречу. В пользу этого приведем следующие аргументы.

«Письма...» написаны весьма литературно, пером опытного журналиста, число которых в Петербурге было тогда очень невелико. Автор их обладает широким кругозором, хорошо осведомлен о событиях за рубежом и о петербургских слухах. Он на «ты» с неназванным адресатом (по всей видимости, Фоком), а по стилю письма очень напоминают цитировавшиеся выше записки 1826 г. Очень похожа на начало записки от 7 июня и вступительная фраза: «Во исполнение данного мною тебе обещания начинаю переписку нашу <...>». Хотя в «Письмах...» затрагиваются разные темы, много места уделено тому, что было особенно важно для Греча: воспитанию юношества и гласности в прессе. Автор хорошо знает сотрудников Министерства народного просвещения и подробно характеризует ситуацию в нем (он даже осведомлен о том, что товарищ министра народного просвещения Д.Н. Блудов не владеет немецким языком), пишет об изгнании профессора Харьковского университета И. Шада из России в 1816 г., о Петербургском университете, Владимирском училище в Петербурге, кадетских корпусах, Царскосельском лицее и т.д.

²³ См.: ГАРФ, Ф. 109. 1 эксп. 1830. Ед. хр. 138. Л. 11.

²⁴ См.: Видок Фиглярин... С. 272–340.

²⁵ См.: ГАРФ, Ф. 109. СА. Оп. 3. Ед. хр. 3195. Л. 216–220, 223–226 об., 233–237, 256–259, 263–267 об., 275–280, 291–293 об., 340–342 об., 388–389 об., 398–402 об.; Оп. 1. Ед. хр. 2501. Л. 3–4.

²⁶ См.: *Thumim D.A.* In the Spirit of the Government: Faddei Bulgarin and the Formation of the «Middle Class» in Russia, 1789–1859: A Thesis Presented in Partial Fulfillment of the Requirements for the Degree of Doctor of Philosophy in the Subject of History. Cambridge, MA, 1995. P. 149–151.

Наблюдатель с негодованием отмечает, как в Петербурге боятся критики российских порядков в зарубежных изданиях, как строга цензура. Он даже утверждает, что «наше правительство отчасти само виновато непомерному распространению <...> вестей и вздоров. Нет никакого направления общему мнению, кроме коротеньких, наскоро писанных реляций. <...> Люди имеют чувства и воображение, на которые должно действовать <...>».

Характерно, что автор пару раз подчеркивает роль издаваемой Гречем и Булгариным «Северной пчелы» в руководстве общественным мнением (например: «Два коротеньких письмаца, напечатанные в “Пчеле” в июле месяце сего года, обрадовали и оживили всех, были переведены на все языки, напечатаны во всех иностранных газетах и дали благоприятный оборот общему мнению и в России, и в Европе») и хорошо осведомлен в том, что происходит в газете, в то время как другие издания, печатавшие вести с театра военных действий («Русский инвалид», «С.-Петербургские ведомости»), он даже не упоминает.

Наблюдатель в нескольких записках дает отзывы о стиле реляций с фронта (в одних случаях с похвалой, в других критически), что естественно для Греча — филолога и редактора газеты в одном лице.

Ряд положений «Писем Наблюдателя...» чуть ли не дословно совпадает с высказываниями записки Греча, поданной 7 июня 1826 г. Там Греч писал о том, что важнейшими средствами к укреплению позиций правительства являются «1-е. Исправление законодательной части изданием Уложений Гражданского и Уголовного. 2-е. Исправление судопроизводства дарованием оному гласности, выбором и употреблением достойных людей <...>»²⁷. Наблюдатель же пишет, что «составление Уложения есть дело великое, но оно останется втуне без двух условий. Первое условие есть истребление пагубной канцелярской тайны <...> Второе условие есть образование чиновников гражданских <...>». Кроме того, в записке 7 июня 1826 г. восхвалялась «великодушная гласность», и Наблюдатель считает гласность важным средством к пресечению слухов и, кроме того, использует тот же оборот «направление общественного мнения», что и Греч в записке 7 марта 1828 г.

И, наконец, еще несколько важных частных доводов в пользу авторства Греча. Наблюдатель информирован о том, что саксен-ваймарская принцесса Августа говорила петербургскому пастору Ф. Рейнботу, а известно, что Греч был хорошо знаком с ним. Автор записок с ностальгией вспоминает, что «в 1812, 1813 и 1814 годах было позволено печатать всё патриотическое: много вздору написано, но этот вздор был полезен. Слабые люди,

²⁷ Модзалевский Б. Записка о «Донесении следственной комиссии». С. 49. Текст уточнен по автографу: ГАРФ. Ф. 109. СА. Оп. 1. Ед. хр. 4.

имеющие надобность в коноводах, читали, успокаивались, веря печатному, а время уходило, и дела шли своим чередом». Это время было знаковым для Греча: он в 1812 г. создал журнал «Сын Отечества», который имел патриотическую направленность, был очень популярен и принес Гречу известность. Наблюдатель пишет: «On se m'agache [вырывают у меня из рук (*фр.*)], чтоб увидеть, угостить Гумбольта», приехавшего в Петербург, а Греч вспоминал, что познакомился и сблизился с ним в то время. У Наблюдателя можно встретить немецкое слово «нихтбештимтзагеры», а оно отнюдь не принадлежало к числу ходовых в России в то время. Но как раз Греч нередко использовал его, например в путевых очерках 1817 г. и в письме Булгарину 1845 г.²⁸ Наблюдатель резко негативно отзывался о начальнике одного из отделений Медицинского департамента Г.Е. Евдокимове, а Греч считал нужным сделать его прототипом одного из отрицательных героев своего романа «Поездка в Германию» (1831). Если учесть также, что Наблюдатель говорит о своей нелюбви к полякам и к стихам, а Греч неоднократно высказывался в таком духе²⁹, я полагаю, что можно считать «Письма Наблюдателя к другу» 1828 г. написанными Гречем. Кроме того, ему можно атрибутировать и аналогичные по проблематике, стилю и тону записки без названия, написанные в апреле-июне 1829 г. во время поездки Николая I в Польшу для коронации и тоже характеризующие петербургские слухи и толки³⁰ (Булгарин в это время отсутствовал в столице, поскольку уехал в отпуск в свое имение под Дерптом).

Греч оказывал III отделению и другие услуги. В 1830 г. он подготовил для III отделения проект воззвания к народу по случаю холеры³¹. В «Северной пчеле» он время от времени печатал статьи, которые получал из III отделения, постоянно консультировался с III отделением в сложных случаях и нередко получал там поддержку. Как писал он в мемуарах, при Николае I «при каком-нибудь доносе, промахе или недоразумении идешь к фон Фоку или к Дубельту или прямо к Бенкендорфу и к Орлову, объяснишь дело, оправдаешься или получишь замечание; тем и кончится»³².

В литературной среде было, по-видимому, известно о тесной связи Греча (как и его друга Булгарина) с III отделением. По крайней мере,

²⁸ См.: *Греч Н.И.* Поездка во Францию, Германию и Швейцарию, в 1817 году // Греч Н.И. Сочинения. СПб., 1838. Ч. 4. С. 126; *Рейтблат А.И.* Фаддей Венедиктович Булгарин: идеолог, журналист, консультант секретной полиции: статьи и материалы. М., 2016. С. 419.

²⁹ См., например: *Греч Н.И.* Записки о моей жизни. С. 679–680; Письмо Греча Булгарину от 22 декабря 1856 г. // *Рейтблат А.И.* Фаддей Венедиктович Булгарин... С. 480.

³⁰ См.: ГАРФ. Ф. 109. СА. Оп. 3. Ед. хр. 3196. Л. 72–73, 76–77 об., 84–85 об., 88–89 об., 100–102 об.

³¹ См.: ГАРФ. Ф. 109. СА. Оп. 1. Ед. хр. 1097.

³² *Греч Н.И.* Записки о моей жизни. С. 588.

Пушкин, узнав о смерти директора канцелярии III отделения, иронически писал П.А. Вяземскому 3 сентября 1831 г.: «Ф. Фок умер, того и гляди поступит на его место Н.И. Греч»³³. (Это не помешало ему, впрочем, в конце того же года обратиться к Гречу с предложением стать его соредактором в проектируемой Пушкиным политической газете³⁴.)

В марте 1832 г., когда III отделению понадобилась характеристика писателя В.Н. Олина, ее запросили у Греча (раньше такие записки писал Булгарин, но в то время он постоянно жил в своем имении под Дерптом, и III отделение не пользовалось его услугами). Греч с готовностью выполнил поручение. В письме управляющему III отделением А.Н. Мордвинову от 6 марта он писал: «Во исполнение приказания Его Высокопревосходительства Александра Христофоровича [Бенкендорфа], объявленного мне Вашим Превосходительством в письме от вчерашнего числа, честь имею представить при сем, что знаю об упомянутом в оном человеке», — и далее сообщал о «крайней безнравственности» Олина: разного рода литературных проделках и мошенничествах, обмане подписчиков, книгопродавцев и т.п.³⁵

21 января 1837 г. Бенкендорф писал Гречу:

Милостивый государь Николай Иванович!

Я имел счастье обратить Всемилостивейшее внимание Его Императорского Величества на многолетние полезные труды Ваши и благонамеренное направление литературных сочинений, Вами издаваемых, и, вместе с тем, всеподданнейше доводил до Высочайшего сведения о постоянном усердии вашем, готовности к составлению и изданию поручаемых вам от меня статей и о той пользе, какую приносят ваши занятия.

Государь Император, удостоив с благоволением принять таковое всеподданнейшее мое представление, Высочайше повелеть мне соизволил объявить вам особенное Монаршее удовольствие за полезные ваши труды. Причем Его Величество изволил надеяться, что и на предбудущее время вы с тем же усердием будете продолжать занятия ваши, тесно соединенные и с пользами просвещения, и с намерениями правительства³⁶.

³³ Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: В 16 т. М.: Л., 1941. Т. 14. С. 220.

³⁴ См.: Пиксанов Н.К. Несостоявшаяся газета Пушкина «Дневник» (1831–1832) // Пушкин и его современники. СПб., 1907. Вып. 5. С. 52–59; Переписка Н.И. Греча и Ф.В. Булгарина // Рейтлат А.И. Фаддей Венедиктович Булгарин... С. 340–352.

³⁵ ГАРФ. Ф. 109. 1 эксп. 1832. Ед. хр. 211. Л. 2.

³⁶ Цит по: Греч Н.И. Записки о моей жизни. С. 19–20. Автограф хранится в ИРЛИ (Ф. 590. Ед. хр. 33).

С 1837 по 1840-е гг. Греч часто ездил за границу, публикуя в «Северной пчеле» путевые письма (потом они выходили отдельными изданиями³⁷). Вполне вероятно, что при этом он выполнял правительственные поручения, собирая разного рода информацию. По крайней мере, за рубежом его считали русским агентом, и однажды в Париже в 1844 г. кто-то разнес по разным лицам его визитные карточки с надписью на французском языке «Великий русский шпион» (в другой версии — «Первый шпион его императорского величества»)³⁸.

Во времена Дубельта (т.е. с 1839 г.) основной формой сотрудничества Греча с III отделением стала контрпропаганда за рубежом, опровержение «клевет» иностранцев на Россию.

30 августа 1840 г. он обратился к Бенкендорфу со следующим предложением:

Лживые и оскорбительные статьи о России, печатающиеся в германских газетах, производят весьма невыгодное впечатление на публику заграничную. Не встречая возражений, они принимаются многими читателями за сущую истину и вторгаются в область истории, как мы видим во многих вновь изданных книгах, где самые нелепые лжи и клеветы, вымышленные злодеями России и спокойствия рода человеческого, приняты за истинные, несомненные события. Статьи, печатающиеся в “Journal de Francfort”, не производят действия на германскую публику, сверх того они касаются только до внешних дел России, а клеветники более всего стараются очернить внутренние дела и меры нашего правительства. Во время проезда моего чрез Франкфурт в июле 1837 года составил я, на французском языке, и напечатал в “Journal de Francfort” возражение на ложный и нелепый рассказ о небывалом процессе гусарского юнкера Ангеля, помещенный в парижских газетах. Это возражение было принято со вниманием и прекратило все вздорные толки о сем деле.

Ныне имею я желание принять на себя опровержение всех лживых статей, помещаемых о России, преимущественно в аугсбургской “Allgemeine Zeitung”, и печатать оные с подписью моего имени, чтоб уничтожить подозрение, будто какой-нибудь иностранный наемник

³⁷ См.: 28 дней за границею, или Действительная поездка в Германию. СПб., 1837; Путевые письма из Англии, Германии и Франции. СПб., 1839. Ч. 1–2; Письма с дороги по Германии, Швейцарии и Италии. СПб., 1843. Т. 1–3; Парижские письма с заметками о Дании, Германии, Голландии и Бельгии. СПб., 1847.

³⁸ См.: Остафьевский архив. СПб., 1899. Т. 4. С. 274; *Темнест Р.* Философ-наблюдатель маркиз де Кюстин и грамматист Николай Греч // Символ (Париж). 1989. № 21. С. 210; *Мильчина В.А.* Комментарии // Кюстин А. де. Россия в 1839 году. М., 1996. Т. 1. С. 443–444; Записки графа М.Д. Бутурлина // Русский архив. 1901. № 12. С. 443; *В.Б. [Бурнашев В.П.]* Четверги у Н.И. Греча // Заря. 1871. № 4. С. 28. См. также намеки на связи Греча с полицией в кн.: *König H. N.* Gretsche und die russische Lettatur in Deutschland. Gnanu, 1840.

говорит в пользу России из корыстолюбия. В пример моих возражений представляю при сем опровержение одной статьи «Гамбургского телеграфа». Я полагаю, что статьи сии должны быть сочиняемы не строгим официальным тоном, основываясь, впрочем, на истине и документах, они могут быть писаны слогом простым и при случае насмешливым.

Если же усердное предложение мое будет принято и одобрено, то для исполнения его смею представить следующие средства и пособия:

1. Статьи мои, предварительно рассмотренные и одобренные, буду я посылать лично от самого себя в аугсбургскую «Allgemeine Zeitung».

2. Для того, чтоб иметь материалы для опровержения, прошу я выдавать мне удерживаемые почтовою цензурою нумера газет и журналов. Я обязуюсь хранить оные у себя как секрет, поверенный мне правительством, никому не сообщать и по миновании надобности возвращать, кому приказано будет.

3. Переводом сих статей на немецкий язык изъявил готовность заняться г. коллежский советник Ф.И. Смит, автор «Истории польского восстания». Я принимаю на себя сей труд охотно без всякого возмездия и в успехе правды буду находить лучшую себе награду. Но г. Смит, человек недостаточный, должен получать за труд свой некоторую плату. Сотрудничество его для меня тем удобнее, что он, в звании цензора при почте, и без того читает все запрещенные газеты.

Я твердо уверен, что статьи, согретыя правдою и честью, написанные чисто по-немецки и подписанные известным именем, отвечающим за свои мнения и показания, принесут существенную пользу и вскоре заставят молчать дерзких клеветников³⁹.

Бенкендорф дал Гречу разрешение получать на почтамте задерживаемые цензурой иностранные газеты и обещал оплачивать труд переводчика. Он писал Гречу в ответ 7 сентября 1840 г.: «Сделав некоторые замечания в первой представленной Вами статье, имею честь покорнейше просить Вас, милостивый государь, чтобы и на будущее время все статьи, кои Вы предположите отправлять в иностранные журналы, доставляемы были ко мне, для предварительного рассмотрения»⁴⁰. От Бенкендорфа эти статьи поступали к царю, осуществлявшему их редактуру.

В 1843 г. после выхода книги маркиза де Кюстина «La Russie en 1839» Греч написал в качестве ее опровержения брошюру и в письме Дубельту от 31 июля просил у Ш отделения одобрить это намерение⁴¹. Дубельт ознакомил Бенкендорфа с текстом опровержения, и тот сделал

³⁹ ГАРФ. Ф. 109. 1 эксп. 1840. Ед. хр. 195. Л. 26–28.

⁴⁰ Там же. Л. 4.

⁴¹ См.: Лемке М. Указ. соч. С. 143–145.

ряд постраничных замечаний, после чего Гречу дали позволение на публикацию брошюры (с учетом замечаний). Она вышла на немецком и французском языках.

В письме Гречу от 25 сентября Дубельт передал следующие соображения Бенкендорфа: «...было бы весьма хорошо, если бы и другие литераторы, не по влиянию нашего правительства, а сами по себе следили бы за подобными статьями и опровергали оные. Приискивать же таких писателей и иметь их под своим влиянием неприлично достоинству нашего правительства, которое не менее того всегда с благодарностию обратит внимание на писателей, трудящихся по собственной воле на пользу оно-го, но не может и не должно вмешиваться в это дело, дабы не показать, что правительство имеет надобность в защитниках»⁴².

Информация о том, что Греч написал опровержение по поручению правительства, просочилась в немецкую прессу, что вызвало строгий выговор Гречу со стороны Бенкендорфа⁴³. Тем не менее III отделение было довольно брошюрой Греча⁴⁴. В обществе же репутация Греча была серьезно подорвана. Характерно в этом плане следующее высказывание А.И. Тургенева в письме П.А. Вяземскому 5 (17) сентября 1843 г. из Парижа: «На улице встретил Греча. Сперва не вспомнил, кто он, и оттого подал руку. Он успел сказать мне, что собирается из Гейдельберга в Италию, но что детям вздумалось предпочесть Париж, и он привез их сюда. Русские думают, что это не совсем так, а что он здесь по *особым поручениям* для русских же; впрочем, о ком этого не думают!»⁴⁵

В 1848 г., когда в Германии началась революция, Греч договорился с Луи Шнейдером, что тот будет присылать оттуда письма о событиях в стране. Опубликовать их в «Северной пчеле» было нельзя по цензурным причинам, но Греч передавал их в III отделение для информации. Этот канал получения сведений был одобрен III отделением, и через Министерство иностранных дел Шнейдеру стали выплачивать по 50 талеров в месяц, а он в течение ряда лет присылал письма (по 1854 г. — через Греча, а в дальнейшем непосредственно в III отделение)⁴⁶.

⁴² Там же. С. 147.

⁴³ См. письмо Дубельта Гречу от 18 ноября: *Лемке Н.К.* Указ. соч. С. 150–151.

⁴⁴ Подробнее об опровержении Гречем книги Кюстина см.: *Лемке Н.К.* Указ. соч. С. 143–152; *Темпест Р.* Указ. соч. С. 149–211; Сношения Греча с Дубельтом // Древняя и новая Россия. 1878. № 6. С. 264–265; Письма Л.В. Дубельта к Н.И. Гречу // Голос минувшего. 1922. № 2. С. 194–197; [Дело III отделения «По письму Греча о сочинении маркиза де Кюстина о России»] // ГАРФ. Ф. 109. 1 эксп. 1843. Ед. хр. 162; [Письмо Л.В. Дубельта Н.В. Гречу от 26 августа 1843 г.] // ИРЛИ. Ф. 590. Ед. хр. 75. Л. 4–5.

⁴⁵ Остафьевский архив. СПб., 1899. Т. 4. С. 268.

⁴⁶ ГАРФ. Ф. 109. 1 эксп. 1848. Ед. хр. 126. Л. 1, 2, 12.

В марте того же 1848 г. Греч подал в III отделение записку о положении дел в Польше и о возможных мерах по предотвращению возможных волнений⁴⁷.

Итак, мы видим, что в Николаевскую эпоху Греч, как и его коллега по журнально-издательским делам Ф.В. Булгарин, был тесно связан с III отделением.

Он не только согласовывал с III отделением тексты статей, вызывающих сомнения в цензурно-политическом плане, и помещал в газете полученные оттуда статьи, что было неизбежно для журналиста в николаевскую эпоху, но и передавал туда материалы, связанные с его работой журналиста и содержащие полезную для III отделения информацию: письма читателей и присылаемые статьи, которые не могли быть опубликованы по цензурным условиям. Кроме того, он поставлял в III отделение записки аналитического характера и сводки слухов и толков в Петербурге, а также публиковал за рубежом статьи и книги, направленные против зарубежных критиков русских порядков, в защиту российского правительства.

Тем самым в течение многих лет в одной из самых популярных и читаемых русских газет III отделение успешно реализовывало политику «направления» общественного мнения, а за рубежом в какой-то степени противостояло критике русского правительства.

Ниже печатаются атрибутируемые нами Н.И. Гречу «Письма Наблюдателя к другу» 1828 г., а также аналогичные записки 1829 г., заголовки которым даны М.Я. фон Фоком. Благодарю В.А. Мильчину за помощь в прочтении и переводе французских фраз в тексте.

⁴⁷ Записка опубликована в: Видок Фиглярин... С. 555–556.

Письмо Наблюдателя к другу¹

Во исполнение данного мною тебе обещания начинаю переписку нашу, которая будет состоять из наблюдения в отечестве и из отчетов в том, что вижу, слышу, чувствую и мыслю.

Война с турками идет весьма успешно². В восемь недель совершенно то, что, бывало, делалось в два, три года, а наши армии стоят ныне на том пункте, с которого началась четвертая кампания в 1810 году³. Сие должно приписать сколько храбрости войск, искусству предводителей, благоразумию плана, столько же и личному присутствию там Государя⁴. Без Него не было бы и половины сих успехов. Запорожцы и некрасовцы не сдались бы никому, кроме русского Царя, главы Церкви, общей нашей матери⁵. И как благородно Он принял их! Какая великодушная доверенность. Здесь боялись сей доверенности Государя, утверждая, что козакам сим верить не должно. Пустое опасение! Я скорее поверю запорожцу, нежели англичанину. Люди полуобразованные, полудикие скорее почувствуют цену доверенности, нежели полированные дипломаты. Опасения другого рода основательнее: говорят, что Государь слишком вдается в опасности при осадах и в сражениях. Это правда: Он увлекается своею храбростию; Он хочет показать войскам, что сам для славы и пользы отечества готов жертвовать тем, чего у них требует. Но пусть Он в сии минуты вспомнит и о нас. Пусть вспомнит, какие завоевания и победы ожидают Его в кабинете. Наши взяточники стоят турок: война с турками есть наружная язва, которую можно лечить смело, имея к тому средства; безнравственность наших чиновников, дикость, в коей растет поколение нынешнее, есть внутренний недуг гораздо опаснейший, он

¹ Письмо включено в «Секретную газету» № 20 от 6 июля 1828 г.

² Россия объявила войну Турции 14 (26) апреля 1828 г.

³ Речь идет о Русско-турецкой войне 1806–1812 гг. В 1808 г. военные действия не велись, поэтому Греч называет кампанию 1810 г. четвертой.

⁴ Император выехал из Петербурга к действующей армии 25 апреля 1828 г.

⁵ «...добровольно покорилась часть Запорожской Сечи, издревле перешедшей во владение турецкое и обитавшей на правом берегу устьев Дуная. Кошевой атаман, начальник Сечи Иосиф Гладкий, имевший от султана достоинство двухбунчужного паши, его предместники, оба писаря, все атаманы и есаул с двумя бунчуками, тремя знаменами, церковной утварью, двумя священниками, дарованными от султанов привилегиями и грамотами, войсковой канцелярией, тысячей казаков и их семействами перешли на нашу границу. <...> Отрекаясь от власти турков, они во многом содействовали успешной переправе нашей через Дунай и открыли нам удобства к очищению всей страны <...>» (Лукьянович Н. Описание турецкой войны 1828 и 1829 годов. СПб., 1844. Ч. 1. С. 96–97). Некрасовцы — потомки донских казаков-старообрядцев, ушедших под предводительством Игната Некрасова в 1808 г., после подавления восстания Кондрата Булавина, на Кубань, а позднее в Турцию. Там они были освобождены от податей и повинностей с обязательством воевать против России, если это будет необходимо. С началом Русско-турецкой войны перешли на сторону России.

нечувствительно может добраться до сердца. Для чего не могу сказать Ему вслух: Государь! береги Себя для нас и для Своей славы. Между тем сим опасением, сею нетерпеливостию выражается общее чувство любви и доверенности к Государю. *Все* смотрят на Него с восторгом и надеждою. Каждый видит в нем своего хранителя и защитника. Всяк чтит в Нем человека благородного и праводушного; всяк смотрит на Него как на родного и боится одной мысли о Его потере.

Одно происшествие нынешней войны произвело здесь неприятное впечатление: это неудачный штурм Браиловский⁶. Не быв на месте, не имея подробных сведений, не могу судить об основательности господствующих на сей счет мнений. Может быть, и можно было обойтись без сей потери; может быть, надлежало бы обождать действие мин; но дело сделано, и Провидение устроило оное к лучшему, ибо может быть, что в случае удачи штурма мы потеряли бы вдвое более людей. Да поди толкуй с людьми! Обвиняют запальчивость Великого Князя М<ихаила> П<авловича>⁷, но он не один был тут. Некоторые люди, дальновиднее других, находят, что значительная потеря под Браиловым, как и всё в свете, будет иметь и хорошие следствия: русские кровью своею покупают триумфы: если б крепости сдавались без бою, то можно б было в чужих краях обвинить нас в употреблении подкупов или чего другого. И то надобно сказать: если б правительство вздумало скрыть потерю, объявить, что турок погибло 10000, а у нас ранены два казака и лошадь, то восторгам не было бы конца — на одну неделю. Но я нахожу, что сия самая откровенность, сие праводушие приличны правительству сильному и твердому. Правда всё переживет. Тем смешнее трусливость некоторых субальтернов⁸. Государь и брат Его стоят под ядрами врагов; тысячи бросаются бесстрашно на смерть, и это всем известно. А здесь боятся шутовских статей в иностранных журналах. Поверишь ли, что здешнее

⁶ В «Прибавлениях» к «Северной пчеле» за 17 и 19 июня сообщалось о штурме крепости Браилов 3 июня, в ходе которого погибли два генерала и более шестисот солдат. Позднее Булгарин писал, что «незначашее, по-видимому, но важное в существе своем событие сделало штурм неуспешным. Из трех мин одна взорвана ранее предположенного времени, другая осталась без действия. Таким образом штурмующие не могли проникнуть в крепость условленными путями, но, увлеченные мужеством, они бросились на стены и без сомнения проникнули бы во внутренность города, если бы начальство, дорожа кровию русскою, не повелело бы отступить. Сей штурм, неудачный в исполнении, имел благополучное последствие. Турки, приведенные в ужас неустрашимостию наших воинов и успехом осадных работ, сдали крепость» (Ф. Б<улгарин>. Картина Турецкой войны 1828 года // Северная пчела. 1828, № 134., 8 нояб.). Браилов был взят 17 июня.

⁷ Великий князь Михаил Павлович (1798–1849) — младший брат Николая I, генерал-фельдцейхмейстер, генерал-инспектор по инженерной части с 1825 г. Командовал войсками, осаждавшими Браилов.

⁸ Субалтерн (от *лат.* sub — под и alter — другой) — подчиненный.

Управление Министерства иностранных дел⁹ задержало на одной неделе *пять номеров* “*Journal des débats*”¹⁰! И жалко и смешно! Сверх того это и вредно. Что могло быть в них? Разглагольствия какого-нибудь парадного шута в *Chambre des Députés*¹¹. А публика наша, которой недосуг рассчитывать расстояния, толкует: «Верно, сделалось что-нибудь худое! Верно, дали знать в Париж по телеграфу о какой-нибудь беде в армии». Иностранцы, имеющие случай читать сии запрещенные листы у своих министров¹², видят, что в них ничего нет, смеются над глупою трусостью нашего министерства, т.е. его представителей!

От Министерства иностранных дел перейдем ко внутреннему¹³. Государь назначил на сие место генерал-адъютанта Закревского¹⁴, человека умного, честного, деятельного, доброго. От него можно многого ожидать и надеяться. Между тем дебют его не понравился публике, и не без причины. Он бросился, как лютый зверь, на некоторые департаменты и обругал чиновников без разбору. Хорошо ли это? Я согласен, что управляющий Медицинским департаментом¹⁵ человек глупый и негодный, что один из его начальников отделений пьяница¹⁶, а другой лентяй, баловень Ланского¹⁷, женатый на его побочной дочери¹⁸, но если это так, то выпроводи их, предай суду, накажи, а не брани без разбору,

⁹ По-видимому, Греч называет так Канцелярию Министерства иностранных дел.

¹⁰ “*Journal des débats politiques et littéraires*” (1789–1944) — одна из основных парижских газет того времени.

¹¹ Палате депутатов (*фр.*).

¹² Министр — здесь: посол, дипломатический представитель одного государства в другом.

¹³ То есть к Министерству внутренних дел.

¹⁴ Граф (с 1856 г.) Арсений Андреевич Закревский (1783–1865) — генерал-адъютант, министр внутренних дел в 1828–1831 гг.

¹⁵ Иосиф Павлович Коржевский (1769–1843) — действительный статский советник, управляющий Медицинским департаментом Министерства внутренних дел в 1825–1829 гг.

¹⁶ Коллежский советник Гаврила Алексеевич Юлин.

¹⁷ Василий Сергеевич Ланской (1754–1831) — председатель комиссии по приятию прошений в 1815–1825 гг., министр внутренних дел в 1825–1828 гг., член Государственного совета с 1815 г.

¹⁸ Имеется в виду Григорий Евдокимович Евдокимов (1787–1863) — надворный советник, начальник 3-го отделения Медицинского департамента Министерства внутренних дел. Булгарин писал о нем в «Секретной газете» от 9 мая 1828 г.: «Некто, начальник отделения в Медицинском департаменте, Евдокимов, женатый на побочной дочери В.С. Ланского, занимавший для жалования два отделения и получивший в короткое время множество отличий по службе, до такой степени оказался нерадивым и не знающим своего дела, что Закревский решился было посадить его на гаубвахту, но после простил» (Видок Фиглярин: письма и агентурные записки Ф.В. Булгарина в III отделение / Изд. подгот. А.И. Рейтблат. М., 1998. С. 273). В январе 1829 г. Евдокимов был отстранен от должности, а Коржевский вообще отставлен от службы. Греч вывел Евдокимова в романе «Поездка в Германию» (В 2 ч. СПб., 1831) как Евдокима Романовича, который управлял отделением департамента из воронежских вотчин своего отца и «вошел в знатную родню» (Ч. 1. С. 113–114).

по доносу одного негодяя¹⁹, который добивается места начальника отделения и вкрался чрез полковника Жуковского²⁰ в кабинет министра. Еще замечают, что генерал Закревский слишком занимается мелочами, именно в ученых заведениях. В Ботаническом саду он не спросил, какие там редкие растения, как производится постройка, а заботился только о том, чтоб дорожки были усыпаны песком. В Медицинской академии рассуждал о помойных ямах, а в Статистическом отделении²¹ о пятне на таблице, которое произведено в наводнение 7 ноября²². Это лишает начальника доверенности и уважения подчиненных. К тому же это напоминает ненавистного Аракчеева, который делал зло по номерам и обманывал Государя таблицами, исправно начертанными. Опрятность, чистота, наружный порядок нужны, необходимы, но они должны быть последствием внутреннего порядка и благоустройства, а не наружною прикраскою внутренней бедности, болезни, пустоты и деспотизма.

Другой новый министр есть князь Ливен²³, человек честный, благо-разумный, истинно благонамеренный. От него ожидают многого, зная, что он сделал для Дерптского университета. Но какая разница! В Дерпте он нашел всё готовым, нашел людей умных, ученых, благонамеренных и должен был только поддерживать их, без всяких усиленных или чрезвычайных средств. Но что найдет он в Министерстве просвещения: это бугор, нанесенный разными наводнениями и составленный из слоев различной земли, кроме только плодородной или золотосодержащей. Нижний слой составляют инвалиды времен Завадовского и Разумовско-го²⁴, ничтожеством снискавшие безопасность от последовавших бурь; за ними следуют запоздалые мистики; потом приятели Шишкова²⁵, т.е. морские офицеры и трезвые и пьяные члены Российской академии²⁶.

¹⁹ По-видимому, имеется в виду коллежский советник Иван Андреевич Фелькнер (1776–1833). См.: Видок Фиглярин... С. 323–324.

²⁰ Григорий Владимирович Жуковский (1781–1841) — полковник (с 1821 г.) в 1-м учебном карабинерном полку.

²¹ Имеются в виду Медико-хирургическая академия, находившаяся (как и все медицинские учреждения) в подчинении Министерства внутренних дел, и Статистическое отделение Департамента полиции исполнительной Министерства внутренних дел.

²² Речь идет о самом сильном наводнении за всю историю Санкт-Петербурга, которое произошло 7 ноября 1824 г.

²³ Князь Карл Андреевич Ливен (1766–1844) — попечитель Дерптского учебного округа в 1817–1828 гг., министр народного просвещения в 1828–1833 гг.

²⁴ Граф Петр Васильевич Завадовский (1739–1812) возглавлял Министерство народного просвещения в 1802–1810 гг., а граф Алексей Кириллович Разумовский (1748–1822) — в 1810–1816 гг.

²⁵ Александр Семенович Шишков (1754–1841) — адмирал, министр народного просвещения в 1824–1828 гг., президент Российской академии (1813–1841), писатель и языковед.

²⁶ Императорская Российская академия являлась государственным учреждением и подчинялась Министерству народного просвещения.

Народ прекрасный! Удивительно ли, что А.А. Перовский²⁷ скоро два года бьется с Ученым комитетом²⁸ и не может составить азбуки! Еще удивительнее будет, если он с сими людьми успеет что-нибудь сделать. Если князь Ливен останется при Соколовых, Красовских, Шихматовых, Толмачевых²⁹ и т.п., то недалеко уедет.

Но я заболтался; пора перестать. Есть у меня еще несколько маленьких анекдотов, но я их берегу на будущее время.

2-е Письмо Наблюдателя к другу³⁰

Здесь случилось несколько смертных случаев, которым не надлежало бы случаться при обыкновенном ходе вещей. Несколько человек потонуло, купаясь на берегах Крестовского острова, которые ежегодно поглощают по несколько жертв. В нынешнем году был в числе их один отличный молодой человек, кончивший курс учения в университете кандидат Клопов, единственный сын почтенных родителей. Для чего бы, кажется, не построить на островах нескольких купален, как при полках, и пускать туда за малую цену? Много слез и бедствий было бы этим остановлено. Еще, кажется, не худо было бы осмотреть прибрежные места Невы и там, где на дне находятся обрывы или ямы, поставить черные флаги с предостерегательною надписью: «*Здесь тонут*».

Из числа других смертных случаев поразителен был один: молодой каретник Джаксон, англичанин, родившийся и воспитанный в России, человек честный, трудолюбивый, образованный, но небогатый, работал на тайного советника Бакунина³¹, который задолжал ему несколько ты-

²⁷ Граф Алексей Алексеевич Перовский (1787–1836) — попечитель Харьковского учебного округа (1825–1830), писатель.

²⁸ Имеется в виду Ученый комитет при Главном правлении училищ, входившем в состав Министерства народного просвещения.

²⁹ Петр Иванович Соколов (1764–1835) — непрменный секретарь Российской академии с 1802 г. до смерти, языковед и лексикограф. Князь Платон Александрович Ширинский-Шихматов (1790–1853) — директор канцелярии Министерства народного просвещения, в 1842–1850 гг. — товарищ министра народного просвещения, с 1850 г. и до смерти — министр народного просвещения. Александр Иванович Красовский (1780–1857) — цензор Главного цензурного комитета в 1826–1828 гг. Яков Васильевич Толмачев (1779–1873) — филолог. С 1814 г. служил в Министерстве народного просвещения секретарем А.К. Разумовского. С 1816 г. ординарный профессор Главного педагогического института (с 1819 г. — Петербургский университет) по кафедре русской словесности. С 1826 г. состоял также членом Комитета для рассмотрения учебных пособий, созданного при Министерстве народного просвещения. В 1832 г. по представлению попечителя учебного округа был уволен как «лишенный педагогических способностей».

³⁰ Письмо включено в «Секретную газету» № 21 от 11 июля 1828 г.

³¹ Имеется в виду Михаил Михайлович Бакунин (1765–1837) — голицевский (1802–1808) и петербургский (1808–1816) губернатор, сенатор (1808), в отставке с 1827 г.

сяч рублей. За несколько дней пред сим Джаксон приходит к Бакунину с просьбою об уплате и вместо денег получает ругательства и оскорбления со стороны его превосходительства. Разочарованный, разобиженный, не видя средств ни к получению денег, ни к удовлетворению нанесенной ему обиды, он впадает в горячку. Чрез четыре дни беременная жена с тремя детьми лишилась супруга и с ним всего в мире!

Теперь расскажу тебе не о смертном, а о живом случае. За несколько лет пред сим (до 1816 года) был в Харьковском университете профессор некто Шад³², человек умный, ученый и трудолюбивый: он был отменно уважаем и любим всеми студентами, и действительно того заслуживал. Он сам любил Россию и Александра³³; доказательством сему служит прекраснейшая речь, произнесенная им при торжестве мира в 1814 году³⁴. Он издал здесь в России несколько сочинений на латинском языке³⁵, за которые удостоился награды Императорской фамилии и дружбы многих почтенных особ, в числе коих был покойный митрополит Амвросий³⁶, ведший с ним до конца своей жизни ученую переписку. Сия любовь к нему русских возбудила зависть и злобу некоторых его товарищей, и преимущественно профессора Дегурова (что прежде был Monsieur Degours, а ныне действительный статский советник и ректор С.Петербургского университета)³⁷, который, переменив французское имя свое на русское, вздумал подтвердить права свои на российское гражданство усердными доносами. Он выписал из сочинений Шада, напечатанных с одобрения цензуры, несколько отдельных фраз, перевел их как хотел на французский язык и по оным обвинил Шада в безбожии, разврате и возмутительных умыслах. Донос сей представлен был в Комитет министров, и там определено было выслать Шада в 24 часа за границу.

³² Иоганн Баптист (Иван Егорович) Шад (1758–1834) — профессор нравственных и политических наук в Харьковском университете (1804–1816).

³³ Имеется в виду Император Александр I.

³⁴ Имеется в виду речь «Возвращение свободы Европе» (*De libertate Europae vindicata*. Charkov, 1814), произнесенная 25 декабря 1814 г.

³⁵ См.: *Schad J.B.* Institutiones philosophiae universariae in usum auditorium suorum. T. 1. Logica pura et applicata. Charkov, 1812; *Idem.* Dissertatio de existentia supremi numenis. Charkov, 1812; *Idem.* Deutsch Chrestomatie. Prosaischer Theil. Charkov, 1813; *Idem.* Institutiones juris naturae. Charkov, 1814; *Idem.* De immorality animorum. Charkov, 1815; *Idem.* De viris illustribus urbis Romae. Charkov, 1815; *Idem.* Dissertatio de libertate mentis humanae. Charkov, 1815.

³⁶ Амвросий (в миру Андрей Иванович Подобедов; 1742–1818) — митрополит Новгородский и Санкт-Петербургский (1801–1818); автор «Руководства к чтению Священного Писания Ветхого и Нового Завета» (М., 1779), которое многократно переиздавалось.

³⁷ Антон Антонович Дегуров (Дюгур; 1766–1849) — французский историк; экстраординарный профессор всемирной истории, географии и статистики Харьковско-го университета с 1807 г., ординарный с 1809 г. (в 1810–1812 гг. — декан отделения словесных наук); профессор всеобщей истории и французской словесности Петербургского университета с 1819 г., ректор (1825–1836).

Он не только не был судим, но даже не был спрошен. Его схватили с малолетним сыном, привезли на прусскую границу и там бросили³⁸. Жена его с дочерью осталась в Харькове. Она хлопотала было о муже, успела получить на дорогу 300 червонцев, но прожила их в России, умерла, а дочь пропала без вести.

Шад, опомнившись от первого испуга, напечатал из Кенигсберга в Иенских или Галлских Ведомостях вызов к врагам своим, обманувшим российское правительство, и требовал, чтоб они явно обвинили и изобличили его в каком-нибудь проступке. Сие осталось без ответа. Шад старался получить место в Германии, но не успел: его бегали как прокаженного³⁹. Ему советовали описать свои похождения в России, изобличить врагов своих, книгопродавцы обещали ему за сие богатую плату, но он не мог на то решиться. Прошлого года узнал он о приезде в Веймар попечителя Харьковского университета А.А. Перовского и бросился к нему с просьбою об исходатайствовании ему, на 70-м году от роду, какого-либо вознаграждения за прежнюю службу и невинно претерпённые гонения. Перовский принял его весьма благосклонно, обещал ему свое покровительство и взялся повезти его сына с собою в С.Петербург, чтоб он сам, при пособии г. Перовского, мог выхлопотать что-нибудь отцу. Сын его, бывший учителем Веймарской гимназии, бросил место, чтоб исходатайствовать оправдание и удовлетворение отцу и отыскать пропавшую сестру свою. Перовский имел при сем добром деле в виду то, что молодой Шад может быть употреблен гувернером и учителем при малолетнем графе Толстом, сыне его сестры⁴⁰, путешествовавшей с ним вместе. Шад с удовольствием за сие взялся; но по приезде в Россию Перовский переменялся в обращении своем, и Шад решился подать прошение на Высочайшее имя, которое поступило в Комитет министров, где воспоследовал отказ.

³⁸ А.А. Дегуров послал в Министерство народного просвещения два доноса на Шада, и в итоге в ноябре 1816 г. Комитет министров постановил уволить Шада и выслать его из России на родину, в Германию. Мнение это было утверждено императором, и 8 декабря Шад был выслан, а сочинения его уничтожены. См.: *Багалей Д.И.* Удаление профессора И.Е. Шада из Харьковского университета. Харьков, 1899; *Панибратцев А.В.* Взлет и падение И.Б. Шада, или О превратностях судьбы одного немецкого фиктеанца на русской почве // История философии. М., 1999. Вып. 4. С. 106–124.

³⁹ Шад поместил свое письмо в “*Jenaer allgemeine Litteraturzeitung*” (1817. № 58). В 1818 и 1820 гг. Шад посылал в Петербург просьбы об оправдании, но хлопоты были безрезультатными. Только после заявления русского посланника, что он выслан лишь из-за его философских взглядов, Шад смог получить место приват-доцента в Берлинском университете. В 1827 г. он обращался к министру народного просвещения А.С. Шишкову с просьбой о пенсии, но получил отказ.

⁴⁰ Имеются в виду будущий писатель Алексей Константинович Толстой (1817–1875) и его мать Анна Алексеевна Толстая (внебрачная дочь графа А.К. Разумовского; 1796–1857).

К довершению бедствий молодого Шада, Перовский объявил ему, что он ему не нужен. Теперь он брошен, на мостовой Петербурга! Одно имел он утешение: узнал, что сестра его жива, что она была призрена каким-то добрым человеком, получила порядочное воспитание и теперь служит гувернанткой у какого-то помещика в Путивльском уезде. Получив, чрез 11 лет, сведение об отце и брате, она писала к сему последнему, что имеет единственное желание увидиться с отцом и усладить дочернею любовью последние дни его жизни. Шад решил кормиться уроками и постараться скопить столько денег, чтоб можно было ему привезти сюда сестру и с нею поехать к отцу.

Я узнал всю сию историю от моего доктора, он видел молодого Шада у приятеля своего аптекаря, живущего у Воскресенского моста, к коему Шад ежедневно ходит учить детей, не за деньги, но за *обед*.

Думали ль те, которые гнали отца Шада из личных видов, что они несканзано вредили правительству, ибо всякая несправедливость есть для Государства пятно, которого скоро не смоешь!

3-е Письмо Наблюдателя к другу⁴¹

Вчера получено здесь известие из Тифлиса о действиях наших войск в Малой Азии. Храбрый и искусный граф Эриванский взял приступом Карс⁴² и, как видно, движется на Эрзрум. Как то это отзовется в ушах Султана⁴³? Известие неофициальное и здесь еще не обнародовано, а потому не все знают об оном, но все, которые узнали, отдают совершенную справедливость как полководцу, так и Тому, кто выбрал его на сие место. Разумеется, что и этот случай не избежит критики. Толкуют: не может быть, чтоб потеря состояла из 35 убитых и 220 раненых. А почему нет? Хорошо направленные выстрелы артиллерии без труда и вреда себе велят толпы неприятелей; из бегущих падает 10, а из нападающих один. Впрочем, мне кажется, не худо было бы всякий раз поименно давать отчет в реляциях, кто из офицеров ранен и кто убит. Так делают в Англии. Это я говорю не для того, чтоб почитать наши реляции лживыми: отнюдь нет! Но для публики нужно удостоверение. Есть латинская пословица: «Свет хочет, чтоб его обманывали, итак, станем обманывать»⁴⁴. Посло-

⁴¹ Письмо включено в «Секретную газету» № 23 от 18 июля 1828 г.

⁴² Командир Отдельного Кавказского корпуса (с 1827 г.) генерал от инфантерии Иван Федорович Паскевич (1782–1856), граф Эриванский с 15 (27) марта 1828 г., взял турецкую крепость Карс 23 июня (5 июля) 1828 г.

⁴³ Махмуд II (1784–1839) — турецкий султан в 1808–1839 гг.

⁴⁴ “Mundus vult decipi, ergo decipiatu” (*лат.*) — выражение, приписываемое Ж.О. де Ту в книге “Historia sui temporis” («История своего времени»; 1604–1620) папскому легату Караффе (впоследствии папе Павлу IV).

вица, достойная веков варварства! Свет этого хочет потому, что его приучили к обманам и лжи. Попытаемся приучить его к правде. Будем чисты и правдивы для Бога, для самых себя и для добрых людей; постараемся сделать нашими словами, намерениями и делами, чтоб на нашей стороне была *la majorité*⁴⁵ добрых и чистых людей. Утешительно будет видеть оппозицию, составленную из лжецов, плутов, взяточников и трусов!

Что сказать тебе нового? Прекрасный, но неуклюжий для жизни дом княгини Лобановой на Исакиевской площади продан с публичного торгу, сказывают, за миллион пять тысяч рублей Военному министерству⁴⁶: там будут помещаться департаменты Комиссариатский, Провиантский, Военно-медицинский и проч. Честь военному министру⁴⁷ за приобретение сего дома, ибо, как я слышал, нужно заплатить наличными деньгами только половину, а другая переводится в ломбард, между тем как дом стал постройкою в 2 м<иллиона> 700 т<ысяч> рублей. Хорошо, да могло бы быть лучше! Для чего бы Министерству просвещения не купить сего дома, для помещения университета? Департаменты Военного министерства могут быть и на Литейной, и в Коломне, но достойнейшим украшением царской площади был бы университет, как, например, в Берлине дворец принца Гейнриха⁴⁸. Сказывают, что граф Виельгорский⁴⁹ предлагал сие в Главном правлении училищ, но глас его умолк в пустыне. Рунич, темнобурой памяти, истратил миллион триста тысяч рублей и настроил разных конур под именем университета⁵⁰, который теперь рассеян, как после Вавилонского смешения языков: одна часть в Двенадцати коллегиях⁵¹, другая в 7-й линии, третья в Семеновском полку. Может ли тут быть порядок, надзор, устройство? И еще великое дело, чтоб университет был подле дворца. У нас гром не грянет, мужик не перекрестится. Одна мысль: «Государь с часу на час может заехать в университет»

⁴⁵ Большая часть (*фр.*).

⁴⁶ Речь идет о доходном доме А.Я. Лобанова-Ростовского, возведенном в 1817–1820 гг. по проекту О. Монферрана (сейчас напротив Исаакиевского собора). Поскольку делами доходного дома ведала супруга князя Клеопатра Ильинична (урожд. Безбородко; 1791–1840), Греч называет дом ее домом. В 1828 г. здание было куплено в казну за 1 005 000 руб. ассигнациями.

⁴⁷ Граф (с 1826 г.) Александр Иванович Чернышев (1786–1857) — военный министр в 1827–1852 гг.

⁴⁸ Фридрих Генрих Людвиг Прусский (1726–1802) — прусский принц, полководец. Дворец для него был построен в 1748–1753 гг. в центре Берлина на улице Унтер-ден-Линден, 6. В 1809 г. был передан Берлинскому университету.

⁴⁹ Граф Михаил Юрьевич Виельгорский (1788–1856) — егермейстер, член Главного правления училищ и заведующий училищами, состоящими в Петербурге.

⁵⁰ Дмитрий Павлович Рунич (1780–1860) — попечитель Петербургского учебного округа в 1821–1826 гг. В июне 1826 г. был уволен, подвергнут следствию и предан суду за беспорядки в отчетности при постройке нового здания Петербургского университета.

⁵¹ Имеется в виду здание на Университетской набережной Васильевского острова в Петербурге, построенное в 1722–1742 гг. для размещения петровских коллегий.

удерживала бы и попечителя, и профессоров, и студентов, и сторожей на своих местах. Досадно и больно, когда подумаешь, что наши господа министры и подминистры⁵² думают только о подписи бумаг, о том, как схватить ленту или аренду⁵³, как наступить на ногу другому, как не сказаться дома не только от посетителей, но и от деловых людей, а дела предоставляют одному Государю. Он сжалился над Остзейскими провинциями⁵⁴ и приказал послать туда хороших учителей русского языка; Он приказал выбрать 25 лучших студентов для отправления их в чужие края и образования из них профессоров⁵⁵. Сии повеления исполнены. Сам товарищ министра⁵⁶ экзаменовал их. При сем экзамене, поверишь ли, отличились студенты с.петербургские против виленских и московских. Из этого отнюдь не следует, чтоб университет здешний был хорош (в нем действительно хороши только части математических и естественных наук), но видно, что успели испортить Московский и Виленский и что при хорошем надзоре, попечении и поощрении С.Петербургский вскоре бы возвысился. Здешние студенты лучше потому, что учились сначала в хороших пансионах и пообтерлись в столице. Поверишь ли ты, что у нас в С.Петербурге, во Владимирском народном училище⁵⁷, есть учитель (фамилия его Михайлов⁵⁸), которому мало найдешь подобных в свете, класс его устроен как орган, и порядок единственный, успехи удивительные! И его никто не знает! Нет у него ни креста, ни отличного чина; но, правда, есть кусок хлеба, ибо родители воспитываемых им детей, особенно купцы, населяющие ту сторону города, не дают ему нуждаться.

Здесь, сказывают, учреждается Комитет для устройства протестантских консисторий⁵⁹, и для того выписывается епископ из Пруссии. Дай

⁵² Т.е. лица, занимавшие пост товарища министра.

⁵³ Аренда (в данном значении) — одна из форм награждения (пожалование на определенный срок имения, доход с которого шел награждаемому) высокопоставленных военных и гражданских лиц.

⁵⁴ Имеются в виду Курляндская, Лифляндская и Эстляндская губернии.

⁵⁵ В начале 1828 г. Николай распорядился послать лучших студентов на два года в Дерпт, а потом в европейские университеты. Занятия студентов Профессорского института в Дерпте начались в середине 1828 г., а в 1832 г. они закончили учебу. Потом многие были отправлены за рубеж, например, М.С. Куторга занимался в Париже, Берлине, Гейдельберге, Мюнхене.

⁵⁶ Дмитрий Николаевич Блудов (1785–1864) — в 1826–1832 гг. товарищ министра народного просвещения, одновременно управляющий (с 1828 г. главноуправляющий) духовными делами иностранных вероисповеданий, позднее министр внутренних дел (1832–1837), министр юстиции (1837–1839).

⁵⁷ Владимирское уездное училище получило свое название по расположенной неподалеку Владимирской церкви.

⁵⁸ Титулярный советник Федор Михайлов.

⁵⁹ Работа этого комитета затянулась. Устав Евангелическо-Лютеранской церкви в России был утвержден императором только 28 декабря 1832 г. По нему была создана Генеральная евангелическо-лютеранская консистория.

Бог, чтоб выбор пал на умного и благонамеренного человека, а не на какого-нибудь ханжу и лицемера. Ты спросишь у меня: да разве эта часть в расстройстве? Не знаю и не слыхал. Здешние лютеранские и реформатские пасторы суть люди честные, поведения примерного, выбраны и любимы прихожанами; на них никогда не было жалоб; порядок они наблюдают; церкви их наполнены слушателями; божественную службу исправляют с благочестием и усердием: так, саксен-ваймарская принцесса Августа⁶⁰, изъявляя сожаление пастору Рейнботу⁶¹, что не может до отъезда своего быть в церкви, сказала ему, что она никогда так не была назидаема (*édifiée*) в Веймаре, как в его церкви. И действие сих пасторов на прихожан достойно внимания: между протестантами здесь, по соразмерности, совершается менее преступлений и беспорядков, нежели между другими иноверьцами. К чему же сие переобразование? Того хотят несколько лиц, чтоб запустить свои лапы: тогда родятся вновь распри и гонения, доносы и преследования. Что скажут остзейские духовные, имеющие свои права, подтвержденные Высочайшею властью? Впрочем, сей комитет может быть и полезен, если только люди в оном будут порядочные, не мистики. Позвольте здешним протестантским пасторам выбрать *из среды своей* духовных членов сего комитета и исключите мистиков, а вместо их посадите людей знающих и благонамеренных из светских лютеран. Вообще толку в этом не будет: Блудов не знает немецкого языка и не имеет понятия о духовных делах; он слишком горд, чтоб у кого-нибудь спроситься. Карташевский⁶² есть стрелка часовая, которую движет мистическое колесо. А под конец кто от этого пострадает? Государь, от имени коего эти люди хотят действовать: они устроят от него сердца миллионов протестантских его подданных, которые Его искренно любят и ждут от Него всех благ.

À propos⁶³, расскажу тебе интересный анекдот. В одном обществе говорили о Браиловском штурме. «Поздравьте нас, — сказал бывший при том финляндский капитан Грипенберг, — мы имели случай доказать усердную свою службу России: под Браиловым ранено шесть свитских

⁶⁰ Августа Мария Луиза Катерина Саксен-Веймар-Эйзенахская (1811–1890) — с 1829 г. супруга прусского принца Вильгельма. С воцарением Вильгельма в 1861 г. стала королевой Пруссии.

⁶¹ Фридрих Тимофей фон Рейнбот (1781–1837) — пастор в С.-Петербургской лютеранской церкви Св. Анны с 1813 г., генерал-суперинтендант евангелическо-лютеранской консистории в С.-Петербурге. Греч был знаком с ним и писал в воспоминаниях: «Его <Пестеля> приобщал тогдашний пастор (и суперинтендант) Рейнбот, живший в то время подле меня, на Черной речке. <...> Рейнбот впоследствии рассказывал мне о последнем своем свидании с Пестелем» (*Греч Н.И.* Записки о моей жизни. М.; Л., 1930. С. 441).

⁶² Григорий Иванович Карташевский (1777–1840) — директор Департамента духовных дел иностранных вероисповеданий (1824–1829), сенатор с 1839 г.

⁶³ Кстати (*фр.*).

офицеров, трое из них финляндцы! Как мы счастливы!» Говорили ль бы они так, если б у Финляндии отняты были ее права и законы? Те, которые советуют гнуть в дугу подвластные нам области, суть или неблагонамеренные, или глупцы. Польша живой пример. Это кость в горле, которую проглотить трудно, а выплюнуть жаль.

4-е Письмо Наблюдателя к другу⁶⁴

24 июля 1828

Я ныне не могу сообщить тебе ничего достоверного о военных действиях. Вот десятый день, что у нас не обнародовали ничего официального. Зная Государя, зная особ, Его окружающих, зная состояние нашей армии, я совершенно спокоен; но многоголовая наша публика! Вчера был я в Итальянском театре⁶⁵ и наслушался толков. Предваряю тебя, что нет ни одного, что называется, ни одного против Государя и правительства, но все жалуются на образ действия и обнародование действий. Не известно ничего положительного, и потому всякой предлагает свои умствования и догадки. Говорят: убит флигель-адъютант Реад⁶⁶ подле графа Дибича⁶⁷, неподалеку от Государя, который сам командовал в сем деле, следственно был в такой же опасности. Боже мой! Да зачем не пишут о сих делах? Есть слухи, что сдалась Силистрия⁶⁸. Правда ли? Видно, что неправда, ибо нет официальных известий, а курьер приехал. Это досадно и мучительно. Вот какие опасения волнуют публику. В этом нет ничего предосудительного, но для чего бы не предупредить сего? Для чего бы не публиковать по прибытии каждого курьера: «В армии все обстоит благополучно. Главная квартира там-то. Государь здоров». Нелепые толки и слухи сии необычайно усилятся, когда гвардия придет на место действия. Матушки, тетушки, бабушки, сестрицы поднимут вой; я уже заранее затыкаю уши.

Впрочем, вся Россия (кроме, может быть, военных, которые горят желанием заслужить милость Царскую), вся Россия желает, чтоб сия кампания была первая и последняя. Все желают мира, как для выгод своих,

⁶⁴ Письмо включено в «Секретную газету» № 25 от 25 июля 1828 г.

⁶⁵ Имеется в виду итальянская оперная труппа, которая выступала в Петербурге в 1827–1831 гг.

⁶⁶ Евгений Андреевич Реад (1795–1828) — полковник (1826). В 1828 г. во время Русско-турецкой войны сопровождал Николая I в поездках по театру боевых действий, 8 июля 1828 г. погиб в сражении при Шумле.

⁶⁷ Граф (с 1827 г.) Иван Иванович Дибич (1785–1831) — генерал-фельдмаршал, начальник Главного штаба, в 1828 г. находился при действующей армии без определенной должности, но фактически руководил боевыми действиями, в 1829 г. — командующий армией на Балканах.

⁶⁸ Силистрия была взята только 18 июня 1829 г.

так и для возвращения Государя. Он сделался предметом общих надежд и упований. Все уверены, что по благополучном обеспечении мира извне Он займется внутренним благоустройством, юстицию, юстицию! Там-то наши Солиманы, Мустафы и Измаил-паши⁶⁹!

Еще одно замечание. Ныне представляется случай благородным образом польстить народному самолюбию поляков, этих храбрых, тщеславных, но несчастных шутов, и очень дешевым образом. Известно, что под Варною погиб польский король⁷⁰ со всем своим войском. Славное было бы дело, если б, по взятии Варны, Król Polski Mikołaj⁷¹ 1⁷² воздвиг памятник храброму, но несчастному витязю и его сподвижникам. Это произвело бы в поляках величайший восторг и привлекло бы Государю сердца многих стародавних панов.

Возвратимся к нашей юстиции. В одном английском журнале, по случаю опасения, что Россия сею войною чрезвычайно усилится, замечено было очень умно, что приобретение какой-нибудь турецкой области не так значительно увеличит ее могущество, как распространение внутреннего ее благосостояния. Вот где наша беда!

Ах, если б Государь воротился! Если б Он мог снова заняться тем, что начал так удачно. Великое дело составления Законов идет успешно. Надеемся чрез малое число лет иметь полное Русское уложение⁷³. Труд великий и бессмертный. Победы Наполеона остаются в книгах и изглаживаются другими. Завоевания его растаяли. Но Code Napoléon⁷⁴ живет и дарует истинное бессмертие творцу своему! При каждом решении какого-либо дела, при оправдании невинного, при освобождении преследованного вздох благодарности, и без наименования виновника, излетает из груди праведного страдальца; и сей вздох слышат Бог и потомство. Страстно любя Государя как одного из благороднейших людей в Его Империи, горю желанием Ему сей славы. Да не устрасит Его вопль толпы

⁶⁹ Названы турецкие военачальники.

⁷⁰ В рукописи оставлено место, чтобы вписать имя, однако это не было сделано. Имелся в виду Владислав III Варненчик (1424–1444) — король польский с 1434 г. и венгерский с 1440 г., который, участвуя в походе против турок, погиб в битве под Варной.

⁷¹ Правильно: Król Polski Mikołaj.

⁷² Польский король Николай I (*польск.*). Являясь российским императором, Николай I одновременно был польским королем. Правда, коронация в Варшаве состоялась только в 1829 г.

⁷³ Рескриптом от 31 января 1826 г. было создано II отделение Собственной его императорского величества канцелярии, задачей которого было составление Полного собрания законов Российской империи. Эта работа была завершена в 1830 г.

⁷⁴ Кодекс Наполеона (*фр.*). Разработан и принят в 1804 г. по инициативе первого консула Французской республики Наполеона Бонапарта. Кодекс отвергал сословные различия и привилегии, закреплял неприкосновенность частной собственности, секуляризацию семейных отношений и т.д. В дальнейшем он целиком или в переработанном виде был введен в действие во многих странах мира.

диких, чуждающихся света и желающих возвращения мрака, в котором они грабили и обогащались.

Wer den Besten seiner Zeit genug gethan,
Der hat gelebt für alle Zeiten⁷⁵.

Составление Уложения есть дело великое, но оно останется втуне без двух условий. Первое условие есть истребление пагубной канцелярской тайны. Ныне судят и решают дела во тьме, не внемля оправданиям и жалобам, которые обыкновенно попадают в руки тех, на коих они подаются. Невероятные дела происходят в этом отношении — и где? — в Государственном совете. Мне известны многие таковые дела.

Второе условие есть образование чиновников гражданских и просто народное воспитание. Это пункт, на котором поневоле помешаться. Досадно и больно слышать, когда Государя нашего выставляют врагом просвещения! Этим Он обязан милым своим министрам и попечителям, Шишкову, Новосильцову⁷⁶ и т.п. Не только в мире, но и на войне просвещение берет верх. Бывают случаи, в которых может быть полезен безграмотный Мадатов, но умные и *ученые* Дибич, Меншиков, Сухтелен, Грейг⁷⁷ полезны везде и всегда. Люди из всего могут сделать злоупотребление, и вследствие того, что разбойник зарезал проезжего ножом, должно ли истребить тульские заводы потому, что и там делают ножи. Нет! Учредитель Инженерного училища, Школы подпрапорщиков⁷⁸ (которая пред прочими корпусами то же, что Англия пред Турци-

⁷⁵ «Лишь тот для будущего жил, кто много / Свершил для современников своих» (пер. Л. Гинзбурга) — слова из «Пролога» к драматической поэме Ф. Шиллера «Валленштейн» (1800).

⁷⁶ Николай Николаевич Новосильцов (1761–1836) — российский комиссар при правительстве Царства Польского в 1815–1831 гг., попечитель Виленского учебного округа в 1824–1832 гг., доверенное лицо великого князя Константина Павловича; председатель Государственного совета и Комитета министров с 1832 г.

⁷⁷ Князь Валериан Григорьевич Мадатов (Мадатян; 1782–1829) — генерал-лейтенант. Одержал над турками две победы (около Правод и под Шумлой). Князь Александр Сергеевич Меншиков (1787–1869) с 1827 г. занимался преобразованием Морского министерства; в 1828 г. фактически возглавил флот; начальник Главного морского штаба с 1829 г.; морской министр в 1836–1856 гг. Граф Павел Петрович Сухтелен (1788–1833) — генерал-адъютант и генерал-лейтенант с 1828 г.; генерал-квартирмейстер Главного штаба с 1826 г., в войну с Персией — начальник штаба Отдельного Кавказского корпуса; позднее оренбургский генерал-губернатор. Алексей Самуилович Грейг (1775–1845) — адмирал (1828); генерал, состоящий при Особе Его Величества (1829); в 1816–1833 гг. командующий Черноморским флотом; в 1840–1845 гг. президент Вольного экономического общества.

⁷⁸ По инициативе великого князя Николая Павловича, занимавшего с 1817 г. пост генерал-инспектора по инженерной части, в 1819 г. Инженерное училище было преобразовано в высшее учебное заведение — Главное инженерное училище, а в 1823 г. создана Школа гвардейских подпрапорщиков и юнкеров, которая находилась в его ведении.

ею), чититель Карамзина, благотворитель его семейства⁷⁹, покровитель Пушкина — не есть враг просвещения! Пустые на счет сего слухи исчезнут, когда Ему Самому можно будет заняться сим предметом. Ныне, в рядах Второй армии, образуются из молодых офицеров и юнкеров, а может быть и из рядовых, генералы, которые в свое время возобновят славный победами век Александра I и Николая I. Ныне же, под очами того же Государя, я уверен, другие юноши станут готовиться в судьи, правители и распорядители государства и утвердят внутреннее величие Империи, без которого она со всеми победами есть *гроб поваленный* (Ein übertünchter Sarg).

5-е Письмо Наблюдателя⁸⁰

31 июля <1828>

Со дня на день ждут курьера из армии. После реляции о подступлении под Шумлу⁸¹, написанной умно, ясно, отчетливо, мы ничего не получали. Но добрые люди, за недостатком официальных известий, сочиняют партикулярные. Есть слухи о том, что Паскевич разбил сераскира Анатолийского⁸², что под Шумлою истреблен целый гусарский полк, Александрийский или Принца Оранского, вестовщики не знают⁸³. Кончив прибавление к реляциям, начинают критику самых реляций. Спрашивают: куда девался главнокомандующий армиею граф Витгенштейн⁸⁴? О нем нет нигде ни слова. Видно, говорят фрондёры, он надоел своими советами. Сожаление, изъявленное о смерти полковника Реада, было справедливое и уместное⁸⁵, но для чего воздыхают о нем одном, между тем как о смерти двух храбрых генералов, павших под Браиловым⁸⁶, упомянуто было сухо и холодно? Это происходит от различия

⁷⁹ Во время болезни Карамзину в 1826 г. был предоставлен фрегат «Елена» для поездки на лечение в Италию и назначена пенсия в 50 тыс. рублей в год, с тем чтобы после его смерти она выплачивалась его жене, а после ее смерти детям (сыновьям до поступления всех на службу, а дочерям до замужества последней из них).

⁸⁰ Письмо включено в «Секретную газету» № 27 от 1 августа 1828 г.

⁸¹ К Шумле русская армия подошла 8 июля 1828 г.

⁸² Сераскир — наименование командующего войсками. Имеется в виду Гуссейн-ага паша, находившийся в Шумле с 40-тысячным отрядом.

⁸³ По-видимому, речь идет о боевых действиях 28 июня под Базарджиком, в которых оба названных полка понесли значительные потери.

⁸⁴ Фельдмаршалу графу Петру Христиановичу Витгенштейну (1768–1842) было вверено начальство над войсками на Дунайском театре военных действий, но реально ими руководил начальник Главного штаба И.И. Дибич.

⁸⁵ В Прибавлении к № 88 «Северной пчелы» за 24 июля была помещена реляция «Известия из действующей армии, с 2 по 9 июля», в которой говорилось, в частности: «...чувствительна потеря храброго флигель-адъютанта полковника Реада, убитого ядром в грудь».

⁸⁶ Под Браиловым погибли генерал-майоры Федор Карлович Тимрот (1779–1828) и барон Иван Павлович Людинсгаузен-Вольф (Петер Йоганн Пауль

в редакции реляций: видно, что они пишутся не одним пером, не одним духом. Нетрудно узнать, по смыслу и выражению, сочиненные под руководством самого Государя.

Здесь, в С.Петербурге, все тихо и спокойно. Слишком даже тихо. Государь увез с Собою все увеселения. Театр тащится медленною ступою. Публичных увеселений нет, да никто их и не ищет. Французскую здешнюю труппу умножают хорошими сюжетами⁸⁷. Сюда прибыл старик Клозель, актер «Одеона»⁸⁸, renommé, — говорят французы, — par sa beaute, son talent et sa bêtise⁸⁹. О нем рассказывают презабавный анекдот. Он приехал на пароходе из Любека. В таможене требовали с него декларации о том, что он везет с собою. Клозель представил на письме и в натуре карманное издание Мольера. На другой день объявили ему, что он должен заплатить 45 рублей штрафа за то, что утаил в декларации, сколько фунтов весят эти книги. Он заплатил штраф, с замечанием: «Un drôle de pays, où le génie est apprécié d'après son poids! Ma foi, je n'ai jamais cru que l'on puisse peser Molière à la livre!»⁹⁰ Вот еще один к множеству глупых и досадных анекдотов о нашей таможене. Другие глупости не так досадны: они остаются у нас, а таможенные нелепости идут за границу с первым путешественником и приводят в посмеяние русских и их правительство. В самом деле, забавна земля в Европе: «Secretary of State»⁹¹ переводят «губернским секретарем», а книги пропускают по весу! Занимая начальства подобными делами, крадут у него время, сбивают его внимание, а под шумок пропускают контрабанду!

Достоин замечания следующий подвиг нового министра просвещения. В так называемом Щукином доме, где находится Департамент народного просвещения, многие квартиры занимают чиновниками оного в флигеле, идущем на Садовую улицу, насупротив Гостинного двора и Ассигнационного банка⁹². Не знаю, кто-то вздумал вразумить департамент, что выгодно будет отдать эти квартиры под наем русского трактира или кабака (что все равно), а чиновникам дать квартирные деньги, которые составят часть наемной суммы. Тотчас явился охотник-трактирщик, и дело слажено. В бельэтаже дома, принадлежащего

Вильгельм; 1783–1828).

⁸⁷ В театре слово «сюжет» употребляли тогда в значении «актер».

⁸⁸ «Одеон» — парижский театр, созданный в 1782 г.

⁸⁹ Прославившийся своей красотой, своим талантом и своей глупостью (фр.).

⁹⁰ «Чудна страна, где оценивают гения исходя из его веса! Право слово, я никогда не верил, что можно исчислять вес Мольера в фунтах» (фр.).

⁹¹ Государственный секретарь (англ.).

⁹² Государственный ассигнационный банк существовал в 1768–1843 гг. для выпуска ассигнаций и обмена их на звонкую монету.

Министерству просвещения, посреди Петербурга, открывается герберг⁹³ или так называемая *растеряция*, с песенниками, девками и прочими хорами и балетами. Но вдруг возникает оппозиция — не от товарища ли министра? не от Главного ли правления училищ? Нет! Человек 60 гостиннодворских бородачей подают просьбу о неводворении в Просвещении сего храма Бахусова, ибо тогда сидельцы их, по соседству с сим новым храмом, сопьются с кругу, будут иметь еще случай и место красть, закладывать и продавать за вино товары. Забавно и интересно будет смотреть на борьбу Просвещения с полициею.

С каким нетерпением ожидаем мы известий из армии! Дай Бог нашему Государю порядочно поколотить турок, принудить их к миру, зажать рот английским лордам-лавочникам и французским белым якобинцам⁹⁴, и венским нихтбештимтзагерам⁹⁵, которые так и глядят, чтоб урвать себе клочок из чужой добычи! Дай Бог Ему кончить войну нынешнего кампании и приехать на зиму к нам навсегда. Добрые, усердные, преданные Ему истинно россияне примут Его с восторгом, благодарностию и надеждою. Завопиют наши Мехметы, Измаилы, кадии, янычары, улемы⁹⁶ и дервиши! Взять Ему дубину Петра Великого да образумить и этих турок! Дай Бог Государю преодолеть врагов внутренних, как внешних: Он стоит этого торжества своим правосудием, любовию к добру и благородным сердцем!

Прибавление к 4-му Письму Наблюдателя⁹⁷

Помнишь ли, как у нас убоялись учреждения жандармерии⁹⁸, как называли сие заведение опасным, вредным и ненавистным? Слава богу,

⁹³ Герберги (от нем. «die Herberge» — «постоялый двор») — «трактирные дома с квартирами и с постелями», получившие распространение в России во второй половине XVIII в. На смену им в начале XIX в. пришли рестораны.

⁹⁴ Белыми якобинцами во Франции называли монархистов-радикалов, которые якобы были готовы развязать террор против своих противников. Выражение ввел в оборот Ж. Кузен в памфлете «Белые якобинцы и красные якобинцы» (1797). См.: *Душенко К.В.* Красное и белое: из истории политического языка. М., 2018. С. 27–29.

⁹⁵ Греч так пояснял это слово: «*Нихтбештимтзагер*, или немецкая *немогуз-найка* — известное выражение Суворова» (*Греч Н.И.* Сочинения. СПб., 1838. Ч. 4. С. 126).

⁹⁶ Кадии — мусульманские судьи, янычары — регулярная пехота Османской империи, улемы — авторитетные знатоки ислама.

⁹⁷ Прибавление включено в «Секретную газету» № 27 от 1 августа 1828 г. и, таким образом, было послано в армию вместе с 5-м Письмом Наблюдателя.

⁹⁸ Имеется в виду учреждение в июле 1826 г. III отделения Собственной его императорского величества канцелярии, главный начальник которого А.Х. Бенкендорф являлся одновременно и шефом жандармов (в 1827 г. жандармы были объединены в Отдельный корпус жандармов).

ныне образумились, по крайней мере во многих местах. Мне случилось на сих днях говорить с одним давнишним приятелем, вологодским помещиком, которому тамошний губернатор⁹⁹ делает честь разными притеснениями. У них находится жандармский подполковник Дейер, родом швейцарец, человек благородного сердца и твердого характера. Один взгляд его, в точном смысле сего слова, приводит в трепет подьячих. Разумеется, что и там не все мерзости прекратились, ибо око человека честного не проникало еще в вертепы ябеды и крючков, но мерзостей сих было бы вдесятеро более без сего надзора. Сердечно радуюсь за вологжан, радуюсь за Государя, которому удалось найти честного человека и поставить его на место. Больно прибавить: опять и этот человек не русский. Разве мы не из того же общего теста? Из того, и может быть из лучшего! Да месили нас плохо.

В том же обществе, где собралось несколько провинциалов, один крымский помещик, приехавший сюда по делу, прочитал в одесской газете¹⁰⁰ воззвание графа Витгенштейна к промышленникам, в коем он приглашает их везти в армию припасы, обещая всякое пособие и защиту. «Вот вам пожива! — сказал один помещик северный: — сын мой пишет, что в армии все очень дорого». «Слуга покорный, — отвечал мой полутатарин; ни за что не пошлю в армию провизии. Послали было некоторые, да и наказаны. Теперь их просят в газетах, да и калачом не заманишь. Там так дерут с маркитантов, что вконец разоришься. А прошед все мытарства, становись в строй, да чтобы шалаши и палатки были по форме, на одном возу тащи съестное, а на другом раскрашенные жердочки. Покорнейше благодарим! Пусть жиды этим занимаются». Не знаю, правда ли это, но я сообщаю тебе эту boutade¹⁰¹, чтоб показать, как иногда желание наружного порядка вредит внутреннему достоинству вещи. Впрочем, может быть, это и неправда. Может быть, поколотили одного маркитанта за неопрятность, и все развизжались.

В прошедших Сенатских газетах произвел здесь сильное впечатление указ, коим отданы под суд строители чумного квартала в Одессе¹⁰². Нет сомнения, что дело это требует рассмотрения, а виновные подлежат

⁹⁹ Этот пост занимал в 1821–1834 гг. журналист и прозаик Николай Петрович Брусиллов (1782–1849).

¹⁰⁰ Имеется в виду газета «Одесский вестник», выходившая с 1828 г.

¹⁰¹ Выходку (*фр.*).

¹⁰² В «Санктпетербургских сенатских ведомостях» (1828. № 29, 21 июля. С. 1060–1061) был опубликован указ «О перестройке в городе Одессе чумного квартала на счет виновных в непрочной застройке оного инженер-генерал-майора Потье, майора Гаю и капитана Морозова и проч.» от 18 июля. При этом Морозов и Гаю были отданы под военный суд. Инженер-майор Юст Валентинович Гаюи (1793–1843) — кристаллограф, архитектор, член-корреспондент Академии наук с 1828 г. Насколько можно судить по имеющимся данным, он был уволен со службы, но продолжал жить в Одессе и пользовался покровительством М.С. Воронцова.

строгому наказанию. Желательно однако, чтоб сие исследование произведено было с величайшею осмотрительностию и чтобы подсудимым даны были все средства к оправданию. Мне заподлинно известно, что граф Воронцов¹⁰³ имеет личную злобу на майора Гаю и давно уже в душе поклялся погубить его. Причина сей ненависти есть шутка Гаю, который, года за три пред сим, взяв рисунок монумента дюку де Ришелье¹⁰⁴, превратил его в карикатуру: свиток в руке его сделал клистиром, а на голову ему поставил кадушку, в каких носят мороженое. Граф узнал это, рассердился и начал притеснять его. Боюсь, что он успеет погубить невинного. Но если Гаю действительно виноват — поделом вору и мука! Государь! очи всех на Тя уповают!

6-е Письмо Наблюдателя¹⁰⁵

6 августа <1828>

Ты не поверишь, какую радость причинило здесь известие о прибытии Государя в Одессу¹⁰⁶. Мысль о том, что Он находится в безопасности, радует и успокаивает всех, ибо всяк и каждый видит в Нем своего защитника и благотворителя. Не все в том признаются, но в душе своей, конечно, мало людей, которые не были бы в том уверены. Жаль, что цари не могут сами вникать во многое; жаль, что не всегда выборы их бывают удачны. Одно из самых странных назначений у нас было определение генерала Демидова в директоры корпусов¹⁰⁷. Говорят, что он человек честный. Может быть, но что он человек глупый, вздорный, невежа, суевер и шут — это не подлежит никакому сомнению. Все подчиненные ему кадеты знают его слабости и смеются над ним. В лагере он несколько раз не мог войти в свою палатку, потому что на пороге положены были накрест две соломинки. Входя в комнату, он высматривает где-нибудь на стене пятно и бросается туда и тычет в него пальцем: попадет в пятно — знак хороший, и он остается; не попадет — худой знак, и он как можно скорее уходит. Он явно проповедует кадетам невежество, говоря:

¹⁰³ Граф Михаил Семенович Воронцов (1782–1856) — новороссийский и бессарабский генерал-губернатор (1823–1854).

¹⁰⁴ Герцог Арман Эммануэль дю Плесси Ришельё (Эммануил Осипович де Ришелье; 1766–1822) после революции во Франции поступил на русскую службу и в 1805–1814 гг. занимал должность генерал-губернатора Новороссийского края. В Одессе в 1828 г. ему был поставлен памятник работы И.П. Мартоса.

¹⁰⁵ Письмо включено в «Секретную газету» № 28 от 8 августа 1828 г.

¹⁰⁶ Николай I прибыл в Одессу 27 июля 1828 г. на фрегате «Флора».

¹⁰⁷ Николай Иванович Демидов (1773–1833) — генерал-лейтенант, генерал-адъютант, сенатор (1826). В декабре 1826 г. он был назначен главным директором Пажеского и всех кадетских корпусов, Дворянского полка, Военно-сиротского дома и Царскосельского лицея.

«Учитесь ружью и молитесь Богу, прочее вздор!» Шалунам и дуракам это по сердцу, а в юношах с талантом и умом это зарождаёт опасное презрение к начальству и либеральные, т.е. мятежные идеи. Кадеты, коим нужно в воскресенье идти на развод, не учатся ничему в течение недели, кроме ружья, и это самое большее. Конечно, для прапорщика не нужно больших наук, но эти прапорщики будут со временем генералами. Учить ружью молодых людей, готовящихся к военной службе, непременно нужно, но это должно быть для них игроушкою, а не главным занятием. Вот, например, в Морском корпусе кадеты учатся ружью ежедневно с 11 до 12 часов утра, и довольно. Когда идти на развод, то учатся еще в субботу вечером. Это не отвлекает их от наук. Вообще воспитание в Морском корпусе, порученное почтенному Крузенштерну¹⁰⁸, под ведением Самого Государя, лучше, нежели во всех других корпусах. Не угаснет, а еще более возблистает слава русского флота!

Еще очень соблазнительны и вредны церковные комедии Демидова. Он ужасно зверствует в церкви, пред кадетами; приобщаясь с своими слугами, он на каждого из них сперва подует, потом поцелует его и т.д. А кадетам это очень забавно! Он непременно хочет, чтоб лютеране и католики учились Закону¹⁰⁹ по греко-российскому катехизису. К чему это поведет? Сие намерение его причиною неудачного покушения его ввести лютеранский катехизис на русском языке. Для сего относился он к главноуправляющему духовными делами и просил его принять меры к изданию сего катехизиса в русском переводе, ибо ныне де все кадеты из немцев суть безбожники. Блулов спрашивал об этом мнения пасторов. Они отвечали, что сие издание отнюдь не будет противно правилам их Церкви, но что тому есть два препятствия. 1-е, что греко-российское духовенство примет сию новизну с неудовольствием, ибо оно должно иметь по всей справедливости монополию в катехизисах на русском языке, а от лютеранского русского катехизиса могут родиться новые ереси в народе; 2-е, что кадеты из немцев от этого совершенно забудут свой природный язык, ибо ныне только и учатся по-немецки для того, чтоб как-нибудь понимать пастора. Блулов, кажется, понял важность сих доводов. Не знаю, что он отвечал Демидову. Лучший ему ответ был бы: заставляйте немцев-кадетов учиться немецкому языку или, по крайней мере, старайтесь, чтобы его не забывали кадеты, умеющие говорить по-немецки при вступлении своем в корпус. Казна платит тысячи учителям немецкого и французского языков в корпусах; адрес-календари набиты их именами;

¹⁰⁸ Иван Федорович Крузенштерн (Адам Иоганн фон Крузенштерн; 1770–1846) — мореплаватель, адмирал; директор Морского кадетского корпуса (1827–1842).

¹⁰⁹ Имеется в виду предмет Закон Божий.

ежегодно дают им чины и кресты за отличное усердие к службе, а заставь кадет высшего класса прочитать страницу по-немецки или по-французски и перевести кое-как на русский язык. Из десяти едва ли найдется один, да и этот, конечно, выучился дома, а не в корпусе. Ты скажешь: на что им эти языки? Положим, что они не нужны, но тогда не держите учителей, не говорите, что учат языкам в корпусе. В казне останутся деньги и кресты, а кадеты выиграют время для других занятий. Но думают ли об этом директоры? Нимало. У них забота состоит: в чистоте (наружной!), в ученье ружью и в экономии.

Царскосельский лицей существует только по имени: он мало-помалу превратился в военно-сиротское отделение. Воспитанники не имеют никаких книг, кроме учебных, не смеют ничем заниматься в свободное от классов время; не смеют даже оставаться в своих комнатах, а должны гулять кучею или провождать время в праздности в общей зале. От этого в их комнатах чисто, да зато и в головах не будет ни пылинки. Не спорю, что им в прежнее время давали много воли, что некоторых из них избаловали; но зато и какую пользу принесло сие заведение. Двенадцать человек из лицея служат в Канцелярии Государя, во всех министерствах, во многих высших частях лучшие чиновники суть лицейские воспитанники. Барон Корф, князь Горчаков, Вольховский, Саврасов, Ломоносов, два Комовских, трое Безаков, Малиновский, Маслов¹¹⁰ и много, много еще молодых отличных людей служат доказательством, что прежний лицей был, конечно, первый из наших институтов. Когда говорят о лицее, то враги его всегда вспоминают о 14-м декабря. Да помилуйте! Сколько там было лицейских? Один Пущин, да сумасшедший Кюхельбекер. И так за этих двух вырожденков и за шалости Пушкина предать анафеме все заведение? А сколько там было из корпусов Пажеского, Сухопутного, Морского? Что из этого следует? Может быть, что при нынешнем положении лицея не выпустят из него ни Пущина, ни Кюхельбекера. Это *может быть*, но достоверно то, что не будет и тех отличных людей, о которых я говорил выше.

Полно об этом. Расскажу тебе забавные похождения по другой части. В новейшее время сделано много хорошего по части таможенной. Контрабанда почти совсем истреблена, уверяют. Но зато какое капральство¹¹¹!

¹¹⁰ Упомянуты Модест Андреевич Корф (1800–1876), Александр Михайлович Горчаков (1798–1883), Владимир Дмитриевич Вольховский (1798–1841), Петр Федорович Саврасов (1799–1830), Сергей Григорьевич Ломоносов (1799–1857), Сергей Дмитриевич Комовский (1798–1880), Василий Дмитриевич Комовский (1803–1851), Константин Павлович Безак (1803–1845), Александр Павлович Безак (1800–1868), Николай Павлович Безак (1804–1879), Иван Васильевич Малиновский (1796–1873) и Дмитрий Николаевич Маслов (1796–1856), из них В. Комовский, А. Безак и Н. Безак окончили не лицей, а благородный пансион при лицее.

¹¹¹ Т.е. военные порядки и военный дух в обыденной жизни.

Какой деспотизм! Особенно делают много мерзостей в Кронштате. Женщины подвергаются всякого рода оскорблениям. Одна новоприезжая иностранка, дородная и толстая, возбудила подозрение досмотрщиков, ее насильно раздели — она лишилась чувств. Один английский матрос, упав с марса, переломил себе ногу. Его положили на тюфяк и понесли на берег, в лазарет. Досмотрщики стащили его с тюфяка, бросили страдальца на мостовую, между тем как распарывали тюфяк для осмотра. Черное белье¹¹² женское осматривается не в комнате, не на пароходе, а на бастионе: нарочно расстилают все вещи поодиночке; для этого собирается толпа любопытных, и при всякой нечистой рубаше поднимается хохот, а бедные женщины и девицы плачут. Не одни иностранки, и русские дамы, приезжающие в Кронштат, подвергаются сему оскорблению. Недели за две пред сим управляющий таможенным округом, действительный статский советник Вирст¹¹³, провожал на пароходе из Кронштата свою племянницу, дочь умершего генерала Рашета¹¹⁴. Лакей нес за нею черное белье в узле. Досмотрщик остановил его и хотел развязать узел. Девица побледнела. Вирст сказал досмотрщику, что он досмотрел сей узел, что это черное белье и что он отвечает. Его, разумеется, пропустили, но Кронштатская таможня, зная недружбу между Бибиковым¹¹⁵ и Вирстом, донесла первому из них, что Вирст воспрепятствовал досмотрщикам досмотреть вещи какой-то женщины, шедшей на пароход. Бибиков официально спросил о том Вирста, и Вирст, как прямой немец, написал к нему, как было дело, и описал во всей истине гнусные поступки Кронштатской таможни с женщинами. Это, конечно, безделки, но сколько производят ропоту. Вспомни, сколько подобная мера произвела и усилила народной ненависти к Наполеону — и это у него делалось женщинами же, а не сторожами, как у нас. Хотят усовершенствовать таможни, но *le méch est toujours l'ennemi du bien*¹¹⁶. И теперь, что ты думаешь, не надувают Канкрин¹¹⁷ и Бибикова! Здешний директор таможни Тимирязев¹¹⁸, знаменитый своею капральностью, определил в старшие корабельные смо-

¹¹² Т.е. грязное белье.

¹¹³ Федор (Фердинанд) Христианович Вирст (1762–1831) — начальник Петербургского таможенного округа; правовед.

¹¹⁴ Эммануэль (Эммануил) Яковлевич Рашет (1784–1825) — генерал-майор (1820). Дочь его — Каролина (Розалия) Эммануиловна Рашет (1811–1889).

¹¹⁵ Дмитрий Гаврилович Бибиков (1792–1870) — директор Департамента внешней торговли (1824–1835), впоследствии министр внутренних дел (1852–1855).

¹¹⁶ Лучшее всегда враг хорошего (*фр.*).

¹¹⁷ Граф (с 1829 г.) Егор Францевич Канкрин (1774–1845) — министр финансов (1823–1844).

¹¹⁸ Аркадий Семенович Тимирязев (?–1867) — управляющий Кронштадтской таможней, позднее начальник Петербургского таможенного округа; отец ботаника К.А. Тимирязева.

трители своего родственника 14-го класса Храповицкого¹¹⁹, величайшего в мире болвана. Для этого вытеснен был прежний смотритель, заслуженный подполковник и отличнейший чиновник¹²⁰, по свидетельству самого Бибикова. С Храповицким будет то же, что с Кронштейном¹²¹: когда насосется, тогда отстают.

В Сенате произвели много хохоту две бумаги Закревского. Одною, по Департаменту государственного хозяйства и публичных зданий, он представил об уничтожении рыболовных снастей на низовьях Волги, близ Астрахани, ибо оными чрезвычайно истребляется рыба, се qui est encoze à prouver¹²²; другою, по Хозяйственному департаменту, он представил о допущении сих снастей в рыбных ловлях, принадлежащих Астраханскому приказу общественного призрения; разницы между сими бумагами две недели. Сии снасти дозволены уральским казакам генералом Эмануелем¹²³, а князю Куракину¹²⁴ Сенатом. Всем же прочим запрещены. Какое равенство пред законом!

Выписка из 7-го Письма Наблюдателя¹²⁵

Здесь господствует во всех присутственных местах, во всех начальствах военных и гражданских ужасная суматоха и хлопотня по случаю выдачи свидетельств о Знаке отличия беспорочной службы¹²⁶. Учреждение сего знака была мера благоразумная, великая и весьма полезная. Но дополнение, по коему надлежит *вновь* представлять аттестат по службе, по мнению многих затруднило получение одного до крайности и без всякой пользы. Кажется, что для сего достаточно было требовать формулярных списков, подкрепленных надлежащими документами. Но теперь должно, по истечении нескольких десятков лет, представлять новые

¹¹⁹ Михаил Алексеевич Храповицкий — коллежский регистратор, экзекутор Петербургской таможни.

¹²⁰ Имеется в виду Александр Кириллович Максимов.

¹²¹ Густав Васильевич Кронштейн — коллежский ассессор, в 1828 г. чиновник по особым поручениям Департамента внешней торговли.

¹²² что еще нужно доказать (*фр.*).

¹²³ Георгий Арсеньевич Эмануэль (1775—1837) — генерал от кавалерии с 25 июня 1828 г.; командующий войсками на Кавказской линии и начальник Кавказской области.

¹²⁴ Князь Александр Борисович Куракин (1752—1818) — дипломат, член Государственного совета (1810), сенатор. В 1796 г. ему в день коронации Павла I были пожалованы богатые рыбные ловли в Астраханской губернии.

¹²⁵ Выписка включена в «Секретную газету» № 29 от 15 августа 1828 г.

¹²⁶ Знак отличия беспорочной службы представлял собой квадратную сквозную пряжку из золоченого серебра с изображением дубового венка, в середине которого римскими цифрами указывалось число лет службы в классных чинах. Назначался за 15, 20, 25, 30 и т.д. лет. Препятствием к получению знака служили просрочки отпуска, аресты, штрафы и т.п.

свидетельства из мест, кои отчасти упразднены, в коих дела истреблены пожарами или поступили неизвестно куда, в коих архивариусы давно умерли, а их оплошность лишает людей достойных заслуженной, по закону, награды. Неудобство и притеснительность сей меры очевидны по следующим причинам:

1) Оная отягощает особенно старцев, находящихся в службе издавна. Человек, служащий только пятнадцать лет, легче найдет свидетельства, нежели тот, коему следует сей знак за 40 лет службы.

2) Мера сия бесполезна, ибо если чиновник имеет уже аттестат достаточный, данный ему при оставлении какого-либо места, то команда, выдавшая оный, ныне не даст другого, противного, а только подтвердит первый. Если же у него аттестат недостаточен, то не о чем спрашивать много: это только подает повод к подлогам.

3) Не те только люди лишаются права на получение Знака отличия, кои не заслужили оного, но и те, кои по давности лет, по чужой вине или по другим каким-либо обстоятельствам не могли представить *новых* свидетельств к прежним.

По мнению многих, надлежало бы изменить сие следующим образом: Знак отличия беспорочной службы выдается чиновнику на основании формулярного списка, коего *каждое* показание должно быть подкреплено официальным свидетельством того места, в коем он служил; только там требуются новые свидетельства, где прежде не было никаких. Но за службу в течение последних десяти лет до времени издания Манифеста о Знаке отличия беспорочной службы, т.е. с 22 августа 1817 года, и после издания оного требуются дополнительные свидетельства, как оные отбираются ныне.

Сим средством успокоятся старики, сократится переписка, обременительная и бесполезная, и закон будет в полной мере исполняться на будущее время, что, кажется, и было целию оного, то есть чиновники будут поощрены трудиться для приобретения сего знака. Конечно, при сем случае человек пять в империи получают знаки не по всему стро-гому смыслу закона, но зато украсятся им и *сотни* достойных людей, кои при нынешних обстоятельствах, лишась от *чужой* вины заслуженного награждения, только увеличат толпу недовольных, а может быть и крикунов.

Выписка из письма Наблюдателя¹²⁷

Я взял из книжной лавки книгу «*Mélanges par Malte-Brun*»¹²⁸ и, перечитывая, нашел, что в ней недостает нескольких листочков. Отправив ее обратно к книгопродавцу с требованием другого, цельного экземпляра, я получил в ответ, что недостающие листки вырезаны ценсурой. Прекрасное исполнение благодетельного закона! В Ценсурном уставе отнюдь не говорится о праве вырезать листки, как смеют делать сие? Лучше запрети всю книгу. Мне любопытно было знать, что вырезала из сей книги ценсура. По оглавлению я узнал, что это статья о Суворове. Что в ней могло быть предосудительного? Малтебрун не мог унижать его талантов и успехов, он, конечно, говорил о его варварстве и бесчеловечии? И почему запрещать говорить о сем? Это известно всей России. Известно всему свету, что Александр I ввел человеколюбие, милосердие, пощаду в ведение войн; что Николай I довершает сие великое дело преобразования не одной России, но и всего человечества. Суворов принадлежит истории. Пусть о нем говорят, что хотят. Ошибаются — можно опровергнуть. Но заглушать сии суждения — значит признаваться, что мы их находим справедливыми. Еще вырезано несколько листков из «*Mémoires d'une Contemporaine*»¹²⁹! — Мера варварская, папская¹³⁰! Не позволяйте всей книги; тогда можно сказать: ее здесь не получали. Но вырезать листы есть признаться в слабости. Между тем сие возбуждает еще большее любопытство: листки сии будут привезены сюда тайком; их будут читать с жадностию и комментировать!

Вот новое доказательство, что главное дело не в составлении законов, а в исполнении.

¹²⁷ Выписка включена в «Секретную газету» № 29 от 15 августа 1828 г. (вместе с предыдущей).

¹²⁸ См.: *Mélanges scientifiques et littéraires de Malte-Brun, ou choix de ses principaux articles sur la littérature, la géographie et l'histoire, recueillis. Par J. Nacet. Paris, 1828. Vol. 1–3.* Конрад Мальт-Брен (подлинное имя и фамилия Малте Брун Конрад; 1775–1826) — датско-французский географ и журналист.

¹²⁹ См.: *Mémoires d'une contemporaine ou souvenirs d'une femme sur les principaux personnages de la République, du Consulat, de l'Empire etc. Paris, 1827–1828. 8 t.* Автор книги — Ида Сен-Эльм (Ida Saint-Elme; 1778–1845).

¹³⁰ Цензура Ватикана отличалась жесткостью критериев. С 1559 по 1848 г. издавался постоянно пополнявшийся «Индекс запрещенных книг», содержавший список публикаций, которые были запрещены к чтению католикам под угрозой отлучения. В случае «исправления» книги она исключалась из списка. Только в 1966 г. индекс утратил юридический статус.

Выписка из письма Наблюдателя¹³¹

Посылаю тебе реляции. Полученная из-под Шумлы от 26 августа не очень утешительна. Мы простояли там с 9 июля, ничего не сделали, были несколько раз биты — турками! — и теперь ретируемся. Наша публика, непривычная к таким полуудачам, приписывает это влиянию немцев в нашей армии. Я не могу судить об этом; передаю тебе только то, что слышу. Теперь перестали жаловаться, что Государь сам действует, ибо видят, что без Него дела шли плохо. К Нему все чувствуют величайшую доверенность. Два генерала особенно пользуются уважением и любовью публики: Меншиков и Паскевич. Несчастная рана первого крайне опечалила всех, и русских и иностранцев; все принимали в его судьбе живейшее участие и все истинно порадовались добрым вестям о его здоровье. Награда, данная ему Государем¹³², принята была с восторгом: каждому казалось, что награжден он сам. Удивительно, какую важность приобретает награда от того лица, которому дается! Паскевич идет вперед и бьет турок прямо по-русски. Вспомним, что в 1807 году Гудович не мог ничего сделать против Карса и Ахалцыка; что даже штурм на Ахалхалак был тогда отбит¹³³. В сравнении с действиями Дунайской армии должно взять в уважение то обстоятельство, что там действуют в турецком войске ренегаты¹³⁴: немцы, англичане, итальянцы, а против Паскевича дерутся чистые турки, храбрые, но глупые и бестолковые.

Ждем известий о Варне. Маменьки, сестрицы, супруги горюют и плачут по своих любезных. Папеньки приосанились. «Что-то мой Степушко!» — говорит один. «Et mon Serge!»¹³⁵ — восклицает другой. — Молодцы, да и только». Не удивляйся, что я так много пишу тебе о войне: у нас это в обыкновенном порядке вещей. Дамы знают подробно течение Дуная и направление Балкана¹³⁶.

Жомини, да Жомини — а о шляпках ни полслова!¹³⁷

¹³¹ Выписка включена в «Секретную газету» № 34 от 12 сентября 1828 г.

¹³² При осаде Варны Меншиков был ранен ядром в обе ноги. За действия при осаде 27 августа награжден орденом Александра Невского.

¹³³ Греч вспоминает события Русско-турецкой войны 1806–1812 гг. Граф (с 1797 г.) Иван Васильевич Гудович (1741–1820) — генерал-фельдмаршал (1807), главнокомандующий войсками в Грузии и Дагестане (1806–1809).

¹³⁴ Здесь: христиане, перешедшие в мусульманство.

¹³⁵ «И мой Серж!» (*фр.*).

¹³⁶ Балканы (ныне Стара Планина) — крупнейшая горная система (хребет) в Болгарии, пересекающая всю страну с запада на восток, разделяя ее на Северную и Южную Болгарию.

¹³⁷ Иронически трагестированная цитата «Жомини да Жомини! / А об водке ни полслова» из стихотворения Дениса Давыдова «Песня старого гусара» (1819). Антуан Анри Жомини (1779–1869) — швейцарский офицер, с 1813 г. состоял на русской военной службе в чине генерала от инфантерии; военный историк и теоретик.

Выписка из письма Наблюдателя¹³⁸

Не знаю еще, чем кончилось старание Министерства просвещения о распространении трактиров в Петербурге. Знаю только, что один содержатель дает 16540 р. за наем флигеля в доме, где помещались чиновники Департамента просвещения. Против сего восстали гостинодворцы, но Просвещение одержало над ними верх. Теперь возникла другая оппозиция, и, вероятно, сильнее. Пажеский корпус противится заведению сего трактира, основываясь на правиле, по коему трактиры, кабаки и подобные институты не могут быть заводимы близ казарм и военных училищ. Министерство просвещения доказывает необходимость в сем месте трактира тем, что подобный существовал несколько лет близ Пажеского корпуса у Чернышева мосту в доме Копьева¹³⁹, который идет теперь в ломку. Увидим, кто одержит верх.

Достоин замечания, что в числе комнат, отдаваемых под трактир, находится устроенная при Екатерине II зала Главного правления училищ. Там, на мраморной доске, золотыми буквами написано: «И се виноград, его же насади десница Твоя!»¹⁴⁰ Прекрасная надпись для трактира!

Выписка из сообщений Наблюдателя¹⁴¹

Последнюю реляцию подтвердилась весть об истреблении части гвардии Егерского полка, о смерти почтенного Фрейтага, любезного Н.Д. Дурново¹⁴². Можно вообразить себе, какое действие произведено всем этим! Гартонг, Саргер, Буссе¹⁴³ оставили семейства, равно как и другие падшие офицеры сего полка; имели многих родственников, друзей, знакомых. Фамилия Дурновых в отчаянии. Негодование всех обращено

¹³⁸ Выписка включена в «Секретную газету» № 34 от 12 сентября 1828 г. (вместе с предыдущей).

¹³⁹ Имеется в виду трехэтажный дом генерал-майора Петра Матвеевича Копьева (1772–1858).

¹⁴⁰ Ср.: «Боже сил, обратися убо, и призри с небесе и виждь, и посети виноград сей, / И соверши и, его же насади десница Твоя, и на сына человеческого, его же укрепил еси Себе» (Пс. 79:15–16).

¹⁴¹ Выписка включена в «Секретную газету» № 37 от 3 октября 1828 г.

¹⁴² 10 сентября в ходе разведки под Варной отряд русской армии подвергся внезапному нападению противника, и весь гвардейский Егерский полк был истреблен, погибли 450 человек. 18 сентября во время атаки на турецкие позиции под Варной 1-я бригада 19-й пехотной дивизии понесла большие потери и отступила. Погибли более 2000 солдат, 100 офицеров, а также командир бригады генерал-майор (1828) Николай Дмитриевич Дурново (1792–1828). Иван Федорович Фрейтаг (?–16.09.1828) — генерал-майор (1826).

¹⁴³ Павел Васильевич Гартонг (ок. 1782 — 1828) — генерал-майор (1826), командир лейб-гвардии Егерского полка; барон Иван Иванович Саргер (?–1828) и Василий Иванович Буссе (Вильгельм; ?–1828) — полковники того же полка.

на Головина¹⁴⁴, которого и прежде ненавидели офицеры и проклинали солдаты за его суровость и бесчеловечие. Не зная подробностей дела, нельзя произнести своего суждения. Потеря сия чувствительна тем, что мы знали бедных жертв, знали коротко, многих из них любили. Но если взять вообще, то, конечно, это не важная и не решительная беда. Если б эти полковые командиры и офицеры были Ивановы, Петровы, Андреевы и т.п., то сказали бы те самые, которые теперь выходят из себя: «Потеря велика, да что делать? На войне то ли еще бывает?» Дух общественный, доверенность к Государю, желание мира, но мира прочного, славного, от сих случаев не ослабли. Есть исключения, но где их нет? Женщины рвутся и плачут; мужчины толкуют и негодуют на Головина, на Сухозанета, на Берха¹⁴⁵, но сие в духе самом покорном и преданном Государю. Сей дух еще более был бы виден, если б у нас приняли на себя труд направлять его. Но посмотри, как у нас пишут реляции. В иной вовсе толку нет. О потере Егерского полку сказано темно, холодно и неудовлетворительно. Зачем не описать подробно? Зачем не исчислить имен убитых и раненых? И можно ли сказать, говоря об офицерах гвардейских, «убито до десяти»? Во-первых, они стоили бы, чтоб их пересчитали. Во-вторых, теперь у нас толкуют, что убито гораздо более. Для довершения сих милых толков на почте задержали по номеру “*Journal des Débats*», газет берлинских и гамбургских. Вследствие этого сочинили уже, что 8 т<ысяч> чел<овек> турок из отряда Омир-Вриони¹⁴⁶ пробились сквозь корпус Принца Виртембергского¹⁴⁷ и вошли в Варну. А как это не могло быть без чрезвычайной потери, то распространяются слухи неприятнейшие. Чем прекратить их? Гласностию и прекращением полумер. Ропот обращается на генерала Берха, которого обвиняют в том, что он обманул графа Дибича и Государя, завел их в западню, из которой вылезть нельзя, не потеряв чести. Некоторые жалуются на полицию, что она позволяет толковать. Да как запретить это? Наши отцы, братья, дети несут жизнь свою в жертву. Дай Бог, чтоб жертва сия была не тщетная.

Нет надежды на окончание войны нынешнею кампаниею. Дай Бог нам сил изготовиться к следующей и тогда нанести решительный удар

¹⁴⁴ Евгений Александрович Головин (1782–1858) — генерал-лейтенант (1826), генерал-адъютант (1825). Руководил атакой 18 сентября под Варной.

¹⁴⁵ Иван Онуфриевич Сухозанет (1788–1861) — военный инженер, генерал-адъютант (1825), генерал-лейтенант (1826). Под Шумлой находился в должности начальника штаба Гвардейского корпуса, командуя вместе с тем и отдельным отрядом. Федор Федорович Берг (Берх; 1794–1874) — генерал-майор свиты (1828); генерал-квартирмейстер Второй армии во время Русско-турецкой войны 1828–1829 гг.

¹⁴⁶ Омер Вриони (1789–1836) — турецкий военачальник во время Русско-турецкой войны 1828–1829 гг., паша Негропонта.

¹⁴⁷ Генерал от инфантерии герцог Евгений Вюртембергский (1788–1857) командовал 7-м пехотным корпусом.

неистовым варварам, не имеющим понятия о правах войны и мира, злодеям, которые, как разбойники, засели в прекраснейшем углу Европы и бесчестят ее своим присутствием. Тогда утешатся и возвеселятся души Петра, Екатерины, Миниха, Румянцева¹⁴⁸, Суворова и наших друзей, павших под знаменами Александра и Николая.

Avant la nouvelle de la prise de Varna¹⁴⁹ **Сообщение Наблюдателя¹⁵⁰**

9 октября <1828>

Мы ожили. Варна, сколько слышно, сдается. Дай Бог, чтоб капитуляция прибыла сюда скорее, для заграждения уст нечестивых! Благомыслящие люди начинают видеть, что сия осада, имеющая мало себе подобных в истории, ведена была по расчету родительского сердца Государева; что можно было, как говорится, *брюскировать*¹⁵¹ дело, пожертвовав несколькими тысячами человек; но при Варне командует не генерал, обязанный посылать своему правительству завоеванные знамена, пушки и ключи, а Государь, чувствующий всю важность священного своего звания, всю цену жизни своих подданных, всю тяжесть ответа, который он должен дать пред тем Главнокомандующим, для которого реляции пишутся в сердцах царей. Мысль великая и умилительная! Залог спокойствия света и блаженства России! Но для чего мысль сия не родится во многих головах? Для чего многие еще приписывают нынешние дела совсем иным причинам и предсказывают по ним несбыточные вещи? Этих зловещих воронов можно разделить на два разные клана: первые суть знатные особы, *la canaille des salons*¹⁵², которые, чувствуя презрение к роду человеческому, ставя свои тесные головы превыше всего в мире, порицают все, что делает правительство, пред которым они за крестишко готовы делать величайшие подлости. За ними идет легион повторителей, подражателей. Эти-то люди огорчали нас в 1812 году, эти люди построили, сами того не зная, многих фанфаронов 14 декабря, эти люди несут вздор и теперь. Поверишь ли, выдумали, что Государь послал

¹⁴⁸ Граф Христофор Антонович Миних (Бурхард Кристоф фон Мюнних; 1683–1767) — российский генерал-фельдмаршал немецкого происхождения, главнокомандующий русскими войсками в Русско-турецкой войне 1735–1739 гг. Граф Петр Александрович Румянцев (1725–1796) — генерал-фельдмаршал, успешным командованием обеспечил победу России в Русско-турецкой войне 1768–1774 гг.

¹⁴⁹ До получения известий о взятии Варны (*фр.*).

¹⁵⁰ Записка включена в «Секретную газету» № 38 от 11 октября 1828 г.

¹⁵¹ Неожиданно напасть (*воен., устар., от фр. brusquer*).

¹⁵² Салонные каналы (*фр.*).

просить генерала Ермолова¹⁵³ принять команду над армиею! Выдумали еще хуже, что Государь послал фельдъегеря за Аракчеевым. От этой последней вести, которую разглашали и А.И. Татищев¹⁵⁴, и Н.И. Демидов, волосы стали дыбом у всех честных людей. Что мы сделали Государю, говорят многие, что Он хочет отдать нас опять во власть этого человека? Теперь этот слух утихает, и умы успокаиваются. Другой класс крикунов состоит из близоруких патриотов *genforçés*¹⁵⁵, которые, помня век Екатерининский, хотят ныне того же; не лучшего хотят они, но только чтоб теперь поступали по тогдашней манере. Эти, впрочем благонамеренные, толковщики умолкнут при первой пушке с крепости, которою известят их о взятии Варны. Эти добрые люди забыли старинные неудачи, промахи, потери; помнят одну только славу, которая переживает бедствия. Так в 1770 году говорили о Румянцове: «Куда ему за Минихом! Да что он сделает без рогаток¹⁵⁶? Надобно знать турок!» — Так будут говорить через 50 лет.

Теперь я начну фрондировать. Наше правительство отчасти само виновато непомерному распространению сих вестей и вздоров. Нет никакого направления общему мнению, кроме коротеньких, наскоро писанных реляций. Правдивость оных подтверждается последствиями, но не все головы устроены логически и математически. Люди имеют чувства и воображение, на которые должно действовать; в некоторых еще есть спящие чувства, которые должно разбудить. Для чего нам не сообщают подробностей из армии? Два коротенькие письмеца, напечатанные в «Пчеле» в июле месяце сего года¹⁵⁷, обрадовали и оживили всех, были переведены на все языки, напечатаны во всех иностранных газетах и дали благоприятный оборот общему мнению и в России, и в Европе. Мы, например, в Петербурге знаем, что Государь, съезжая на берег, посещает госпитали, утешает раненых и больных, раздает кресты, деньги и другие награды. Но знает ли об этом Россия? Знают ли тысячи родителей, коих дети несут радостно жизнь свою за возлюбленного Государя? У нас то хорошо, что правительство не мешает врать изустно. Что за чепуху порют! И от этого она рассеивается по воздуху, а не стучается в тесных комнатах и в тесных головах. Первая радостная весть разбивает последние ее остатки. Но эта мера

¹⁵³ Алексей Петрович Ермолов (1777–1861) — генерал от инфантерии (1818). С 1816 г. — командир Отдельного Грузинского (позже Кавказского) корпуса, с 1819 г. — также главнокомандующий в Грузии. С 1827 г. в отставке.

¹⁵⁴ Граф Александр Иванович Татищев (1763–1833) — генерал от инфантерии (1823), военный министр (1823–1827).

¹⁵⁵ Усиленных (*фр.*), т.е. сверхпатриотов, суперпатриотов.

¹⁵⁶ Рогатка — легкое оборонительное заграждение из перекрещенных и связанных между собой деревянных бруса и кольев.

¹⁵⁷ См.: Из лагеря под Базарджиком, 29 июня 1828 // Северная пчела. 1828. № 84, 14 июля; Письмо офицера // Там же. 1828. № 91, 21 июля.

только отрицательная; надобны средства положительные. В 1812, 1813 и 1814 годах было позволено печатать все патриотическое: много вздору написано, но этот вздор был полезен. Слабые люди, имеющие надобность в коноводах, читали, успокаивались, веря печатному, а время уходило, и дела шли своим чередом. Ты знаешь, какой я враг стихов; но и стихи в сих случаях полезны. А у нас не вышло в свет ни одного стихотворения на случай нынешней войны, ценсура не позволяет. Я помню, какое действие производили оды Державина в войну с турками и шведами¹⁵⁸.

Говорят, что правительство должно быть скромно. Скромность, конечно, есть добродетель, но добродетель частных лиц, особенно женщин. И миролюбие есть добродетель; помнишь ли слова Суворова о каком-то камергере: «Славный генерал! миролюбивый генерал!» То же скажем и о скромности. Правительство должно быть твердо, сильно, постоянно, правосудно, откровенно (наше таково и есть), но притом громко; оно должно показывать, что чувствует свое достоинство.

В одном случае все у нас согласны. Все видят, что присутствие Государя нужно в армии, и никто о том не фрондирует. Еще радуются, что он живет на корабле, вне выстрелов. В этом нет разногласия, ибо все, все его любят и уважают, все видят в нем залог счастья России. Скажи самому иступленному оратору нашей дурацкой оппозиции: «Говорят, что Государь не очень здоров», — он побледнеет, перекрестится и скажет: «Сохрани Боже!».

Сообщено¹⁵⁹

10 октября <1828>

Ура! наша взяла. Непрístupная, непобедимая Варна, турецкий Гибралтар¹⁶⁰, в наших руках, и без кровопролития. Умолкните, глупые и дерзкие врали! Возрадуйтесь, отцы, матери, жены, братья, друзья наших воинов! Царь ваш, неустрашимый и чадолобивый, твердый и крепкий, ведет нас к торжествам, но шадит кровь своих любезных подданных. Взятием Варны заграждены уста наших недоученных и переученных политиков, прекращены нелепые толки французских журналистов, ко-

¹⁵⁸ См.: *Державин Г.Р.* Ода на высочайшее в С.Петербург прибытие к торжеству о мире с королем шведским императрицы Екатерины II, 1790 года августа 15 дня. СПб., 1790; *Он же.* Песнь лирическая Россу по взятии Измаила. СПб., 1791. Имеются в виду Русско-шведская война 1788–1790 гг. и Русско-турецкая война 1787–1791 гг.

¹⁵⁹ Записка включена в «Секретную газету» № 38 от 11 октября 1828 г., наряду с приведенной выше.

¹⁶⁰ Гибралтарская крепость, построенная на скале, почти со всех сторон окруженной морем, считалась непрístupной. С 1704 г. принадлежала Англии, в 1779–1784 г. выдержала блокаду испанской и французской армий.

торые впрямь и вкось толкуют о чужих делах. Действие сего известия, скромность, с которою оно возведено в реляции, превосходят всякое описание. Шампанское льется за дружескими столами и в публичных местах. Я проходил вчера мимо конторы «Северной пчелы»: толпы народные ждут реляции. Все берут ее в руки с восторгом и без страха: все уверены, что найдут в ней известия о новой славе России и не увидят вести о погибели близких сердцу. Англичане косятся. Блокада Дарданелл им не по нутру. За что гnevаются? Они могут преспокойно возить в Царьград и перочинные ножики, и жилеты, и *drag des dames*¹⁶¹. А хлеб и прочее постарается поставить туда Андрей Иванович Абакумов¹⁶².

Извини, что пишу без толку. Голова кружится. Если бы я при сих событиях сохранил хладнокровие, то не стоил бы быть подданным нашего вселюбезнейшего Николая Павловича!

Письмо Наблюдателя¹⁶³

1 ноября <1828>

Я писал уже тебе о кончине Государыни М<арии> Ф<еодоровны>¹⁶⁴, погрузившей всех нас в глубочайшую печаль. Знатные и простые люди, богатые и бедные, русские и иностранцы равно Ее оплакивают. Разумеется, что и из этого есть несколько исключений; что есть люди, которые и в Ней не находят того, что Она была. Но в народе и большой публике смерть Ее причинила справедливое сетование о потере благотворительницы многих тысяч людей, но не погасила надежды на продолжение Ее добрых дел. Все обрадовались, узнав, что Государь Сам принял на Себя попечение о Ее заведениях¹⁶⁵, ибо все боятся филантропии министерской. Но в тесных кругах некоторых сборищ (*coteries*), особенно в знати, прокрадываются странные толки. Говорят с боязнию, что М<ария> Ф<еодоровна> унесла с собою согласие Царской фамилии, что К<онстантин> П<ав-

¹⁶¹ Драдедам (*фр.*) — шерстяная ткань полотняного плетения с ворсом.

¹⁶² А.И. Абакумов (1772–1841) — генерал-провиантмейстер Главного штаба в 1816–1827 гг., с 1828 г. главноуправляющий продовольственной частью действующей армии.

¹⁶³ Письмо написано после прекращения «Секретной газеты».

¹⁶⁴ Мария Федоровна (1759–1828) — императрица, супруга Павла I, дочь герцога Вюртембергского Фридриха-Евгения, умерла 24 октября. Активно занималась благотворительностью, с 1797 г. была главной начальницей над воспитательными домами.

¹⁶⁵ После смерти Марии Федоровны Николай I образовал для управления благотворительными и сиротскими заведениями IV отделение Собственной его императорского величества канцелярии (Ведомство императрицы Марии).

лович>¹⁶⁶ повиновался Государю только из уважения к Ней, что он теперь совершенно отстанет от Императорского Дома, что за холодностью последует разрыв, что, по известной привязанности М<ихаила> П<авловича> к К<онстантину> П<авловичу>, и он отступит от Государя и т.п. Никто почти не верит сим толкам и предвещаниям, но крайне сокрушаются, видя их распространение. Государь имеет надобность в совершенной, безусловной доверенности народа, а эти толки ее ослабляют. Но что делать? Рот людям не завяжешь, да и то хорошо, что говорят. Иной молчит да пакостит. Другое опасение не так важно, оно даже смешно. Шитые придворные шуты тревожатся тем, что ныне уничтожится и последний остаток этикета при Дворе, который поддерживала еще покойная Государыня, любившая пышность и церемонии. Слабость этих людей доходит до того, что они предсказывают падение, расстройство, унижение России от послабления церемоний и этикета! Дай Бог, чтоб не было другой беды!

Слухи о том, что Аракчеев вновь вступит в службу, продолжаютя. Для чего не могу я вслух кричать Государю: «Отец наш! не бери его, если спокойствие миллионов Тебе дорого. Не верь его хвалителям. Любящие истинно свое отечество не станут хвалить человека, который по смерти своей наложницы бросил с горя все дела¹⁶⁷ и опять восчувствовал силу заниматься ими, когда умер его благодетель. Государь! не бери Аракчеева! Россия трепещет от этой мысли! Она любит Тебя, не давай поводу врагам Твоим к возмущению народа против Твоей благотворной *донины* власти.

Гвардия ноет в Тульчине¹⁶⁸. Государевы воспитанники отличаются. Ты знаешь, как славно действовали саперы, почти все воспитанные в Инженерном училище. И из подпрапорщиков многие отличились храбростию и пали славною смертию за Государя и Отечество. В Инженерном училище начертаны на белых мраморных досках золотыми буквами имена воспитанников, отличавшихся науками и поведением. Желательно было бы, чтоб на *черной* мраморной доске изображены были имена тех воспитанников, кои жизнь свою принесли в дар благодетелю Царю.

¹⁶⁶ Великий князь Константин Павлович (1779–1831) — сын Павла I и Марии Федоровны, брат Александра I и Николая I; наместник Царства Польского в 1826–1830 гг.

¹⁶⁷ Любовница Аракчеева крестьянка Настасья Федоровна Минкина из-за ее жестокости была в 1825 г. убита дворовыми. После этого Аракчеев отошел от дел.

¹⁶⁸ В Тульчине находился штаб Второй армии.

Рассуждения в среднем, просвещенном классе

30 апреля 1829

Государь с Государынею, Наследником¹⁶⁹ и Великим Князем Михаилом Павловичем отправились отсюда в Варшаву¹⁷⁰. Дай Бог им счастья! Наши русские, и площадные и гостинные, не понимают важности сей поездки, считая Польшу наравне с Царством Казанским¹⁷¹. Некоторые даже насмеяются над этою коронациею, говоря, что она вовсе могла бы быть оставлена. Прекрасные понятия! Итак, слово Государево ничто! Итак, присяга, данная Александром I и Николаем I, была одни слова! Все люди, видящие далее своего носа, находят, что сие и необходимо, и в нынешних обстоятельствах весьма полезно. Поляки еще *не смеют* предаваться совершенной радости, но все, знающие Государя, уверены, что он своею правотою, прямодушием и благонамеренностию приобретет сердца их. Только бы этим пустомелям не зажимать рта: дайте им говорить и писать, что они хотят — право, беды не будет. Молчание и размышление поляка гораздо вреднее его пустомельства.

И у нас толкуют без толку. Особенно занимает всех странная участь Д.В. Дашкова¹⁷². Жаль, что этот умный, знающий, благородный человек не мог еще найти места по своим достоинствам и способностям. Жалуются на его спесь, но этот недостаток у нас иногда бывает и необходим. Будь только ласков и снисходителен ко всем, тотчас засядут к тебе за пазуху, и бог знает кто. Блудов едет лечиться — с богом, желаем ему укрепиться во всех отношениях; а между тем мы уверены, что Дашков отправит его дела гораздо успешнее. Ему поможет, между прочим, и хорошее знание немецкого языка, на сем poste необходимое.

Выбор Ф.Н. Энгеля на место А.А. Закревского похваляется всеми; только всех изумило, что не товарищ исправляет должность министра в его отсутствие¹⁷³. Он де неспособен — так к чему было делать его товарищем?

¹⁶⁹ Имеется в виду великий князь Александр Николаевич, будущий император Александр II.

¹⁷⁰ 25 апреля 1829 г. Николай I отправился в Варшаву на коронацию.

¹⁷¹ В 1552 г. Иван Грозный взял штурмом Казань, и Казанское ханство было присоединено к России, а титулатура русского царя пополнилась наименованием «Царь казанский».

¹⁷² Дмитрий Васильевич Дашков (1788–1839) — литератор, один из основателей литературного общества «Арзамас»; с 1826 г. — статс-секретарь, товарищ министра внутренних дел, с 1829 г. — товарищ министра юстиции, в 1832–1839 гг. — министр юстиции. 24 апреля 1829 г. ему было поручено временно исполнять обязанности главноуправляющего духовными делами иностранных исповеданий.

¹⁷³ Федор Иванович Энгель (1766–1837) — тайный советник, сенатор (1820), член Государственного совета (1828). Во время отсутствия министра внутренних дел

Князь Ливен перемыкает бумаги входящие и исходящие; велит себе представлять о починке какой-нибудь двери в 20 р. в университетском carcere, хотя, бывши куратором, сам о том у министра не спрашивался. А просвещение киснет, сохнет и съезживается.

9 мая откроется экспозиция отечественных мануфактурных изделий¹⁷⁴. Жалуют, что Государя нет здесь: говорят, что сия выставка будет блистательная.

Voici, en somme, ce que me rapportent mes gazettiers de police¹⁷⁵

Le 7 Mai¹⁷⁶ <1829>

Все спокойно, тихо и благополучно. Ожидание того, что будет, сковало все прочие мысли и чувства. Спокойное стояние гвардии на границах также причиняет тишину в беседах, ибо это настоящая наша армия петербургская. Ждут известий из Варшавы¹⁷⁷, но с любопытством спокойным и всем довольным.

В этой тиши науки, искусства и литература обращают на себя внимание нашей публики. *On se m'aggrache¹⁷⁸*, чтоб увидеть, угостить Гумбольта¹⁷⁹. Его учтивость, приветливость и придворный тон нравятся здешней публике. Спасибо Канкрину! Путешествие Гумбольта на Урал если и не произведет больших результатов, то будет весьма полезно. И в Сибири,

Закревского несколько раз замещал его. Пост товарища министра внутренних дел занимал в это время Николай Петрович Новосильцов (1789–1856).

¹⁷⁴ Речь идет о выставке российских изделий, которая открылась 15 мая в Биржевом пакгаузе и проходила по 6 июня. В «Северной пчеле» ей были посвящены две статьи: «Выставка российских изделий» (№ 65, 30 мая. Б.п.) и «О выставке российских изделий» (№ 69, 8 июня. Подп.: А. Ж...ский <Жадовский>).

¹⁷⁵ Вот, в самом общем виде, что мне сообщают мои полицейские осведомители (*фр.*).

¹⁷⁶ 7 мая (*фр.*).

¹⁷⁷ 12(24) мая должна была состояться коронация Николая I в качестве короля Царства Польского.

¹⁷⁸ Вырывают у меня из рук (*фр.*).

¹⁷⁹ Барон Фридрих Вильгельм Генрих Александр фон Гумбольдт (1769–1859) — немецкий географ, натуралист и путешественник. Министр финансов Канкрин пригласил его посетить уральские рудные месторождения и высказать свое мнение по ряду вопросов. В Петербург Гумбольдт приехал 1 мая 1829 г., откуда 8 мая через Москву отправился на Урал, а 13 ноября вернулся в Петербург. Греч познакомился с Гумбольдтом во время его пребывания в Петербурге и встречался с ним впоследствии, см.: *Греч Н.* Путевые письма из Англии, Германии и Франции. СПб., 1839. Ч. 2. С. 220–223.

к счастью и чести России, он найдет в генерал-губернаторе Вельяминове¹⁸⁰ человека образованного и благомыслящего. Это не Капцевич¹⁸¹!

Ожидают выставки отечественных произведений. Она будет блистательна, как сказывают. Лучше бы однако ж было, если б не сии образчики были в публике, а грузы вятской юфты¹⁸² и прочие отечественные неблистательные изделия, разоренные нынешнею таможною системою. Если какие фабрики заслуживают охранения и поощрения, то это те, кои ведутся в России с незапамятных времен, кои начались, когда не было ни министров финансов, ни политической экономии. Впрочем, выставка полезна и приятна русскому патриотизму.

Вышел 12-й том «Истории» Карамзина. Блудов хорошо сделал, что не кончил его¹⁸³. Его предисловие не нравится. Один известный остряк сказал об этом предисловии: «Это *приблудок* к Карамзину». Впрочем, и 12-й том «Истории» уступает предыдущим. Увы, с 10-го талант Карамзина начал упадать.

Что еще нового? Спор наших меласистов и шоберлехнеристов¹⁸⁴. Муж сей последней выехал с оперою «Дезертир»¹⁸⁵, которая, при всей своей учености, не понравилась публике. Через два дня после того дирекция дала концерт, в котором обе певицы пели одна за другою. Мелас одержала победу. Это Ульмское побоище¹⁸⁶.

¹⁸⁰ Иван Александрович Вельяминов (1771–1837) — генерал от инфантерии, генерал-губернатор Западной Сибири (1827–1834), литератор (первым перевел на русский язык «Отелло» У. Шекспира), член Российской академии с 1835 г.

¹⁸¹ Петр Михайлович Капцевич (1772–1840) — генерал от артиллерии; генерал-губернатор Западной Сибири в 1822–1827 гг., предшественник И.А. Вельяминова на этом посту.

¹⁸² Юфта (юфть) — выделанная кожа специфического дубления из шкур крупного рогатого скота.

¹⁸³ Карамзин довел свой труд почти до конца, но всё же не завершил его. По черновикам последний том подготовили к печати Д.Н. Блудов и К.С. Сербинович.

¹⁸⁴ Т.е. поклонников Мелас и Шоберлехнер. Певицы Тереза Мелас и Софья Филипповна Шоберлехнер (урожд. Даль-Окка; 1807–1863) входили в петербургскую итальянскую оперную труппу.

¹⁸⁵ Франц Шоберлехнер (1797–1843) — немецкий композитор и пианист. Его опера «Дезертир из любви» (“Il disertore per amore”) была поставлена итальянской труппой 30 апреля 1829 г. и провалилась (по свидетельству рецензии в «Северной пчеле», опубликованной в № 56 от 9 мая с подписью Паскале Капуцци).

¹⁸⁶ В битве под Ульмом (16–19 октября 1805 г.) армия Наполеона окружила австрийскую армию под командованием фельдмаршал-лейтенанта К. Мака. Мак сдался в плен с 20-тысячным войском, 10 тысяч были убиты или ранены.

**Voici ce que mes confidants
me rapportent sur les bruits et raisonnemens
dans les classes moyennes et parmi les littérateurs**¹⁸⁷

Мы обрадованы известием о благополучном прибытии Государя в Варшаву¹⁸⁸. Жаль, что официальные известия о сем приятном случае слишком сухи и холодны. По партикулярным известиям знаем мы, что поляки приняли своего Царя с восторгом. Мы не очень любим этот народ, но признаемся, что, по нашему мнению, с ними доньше поступали не так, как должно; надеемся, что прямодушие, честность и добрая вера Николая I все поправят. Русские императоры как бы стыдились быть королями польскими, и все это делалось по секрету, по-австрийски. Для чего бы явно и торжественно сего не исполнить? Привязать к себе несколько миллионов бывших врагов, иметь зажженный фитиль в крют-камере¹⁸⁹ Австрии и Пруссии дело не последнее. Хорошо, что Пруссия ныне с нами соединена святыми узами¹⁹⁰. Но кто ручается за будущее? Поляки настоящие дети. Дайте им волю болтать и хвастать: они более и не захотят. Оставьте у них Белого Орла¹⁹¹. Галиция будет ими взята в неделю¹⁹².

Конечно, если послушать наших московских и замосковских политиков, то поляки изменники, которых должно держать в руках; не надобно давать им законов: они должны жить по милости России, и т.п. Какой вздор XVIII века! Если б Петр I мог в свое время приобрести Польшу, он стал бы трактовать ее по-европейски. Истинная польза *России* того требует. К чему превращать Польшу в Ирландию, в Ломбардо-Венецию России¹⁹³. Придется потом раскаиваться, так же, как ныне английские министры в подлом малодушии признались, что нужда заставляет их быть человеколюбивыми.

¹⁸⁷ Вот что сообщают мои доверенные лица о слухах и рассуждениях в средних классах и среди литераторов (*фр.*). Записка послана в середине мая 1829 г.

¹⁸⁸ Николай I прибыл в Варшаву 9 (21) мая.

¹⁸⁹ Крютт-камера — помещение для хранения пороха на военном парусном корабле.

¹⁹⁰ Супругой Николая I была Александра Федоровна — урожденная принцесса Фридерика Луиза Шарлотта Вильгельмина Прусская.

¹⁹¹ Белый орел — символ Польши с конца XIV в., изображенный на ее гербе. Присутствует также на ордене Белого орла, основанном в 1795 г. С 1815 по 1831 г. орден Белого орла считался наградой Царства Польского, в 1831 г. был включен в число российских орденов.

¹⁹² После трех разделов Речи Посполитой в 1772–1795 гг. часть Галиции досталась Российской империи (с 1815 г. в составе Царства Польского), а другая часть — Австрийской империи.

¹⁹³ Ирландия в это время принадлежала Англии, а Ломбардо-Венецианское королевство — Австрии. Население этих завоеванных стран вело национально-освободительную борьбу.

Здесь распространились слухи о предстоящей войне с Англиею. Сие явствует из заграничных газет. Публика приняла сие известие с благо-родным равнодушием. «Так что ж? — говорят все. — Милости просим». Какая разница с разрывом 1807 года¹⁹⁴! Тогда мы были несчастные илоты Англии; думали, что без ее стальных игрушек, сукон и ситцу нам и дышать нельзя. Теперь мы свободны. Флот наш заставит уважать себя. Говорят, что он не устоит против английского? Но устоит ли Англия против Европы, когда сия не Корсиканским наездником¹⁹⁵, а великодушными монархами будет ведена на брань? Правое дело всегда одерживает верх; но — на Бога надейся, а сам не плошай.

В то время, когда манчестерские работники разбивают свои фабрики¹⁹⁶ — у нас открывается удивительная экспозиция произведений отечественных мануфактур. Вот наша свобода от цепей Англии! Если она объявит нам войну, то еще возвысит производительную силу народа, и то, что мы потеряем в торговле европейской, можем сторицею выиграть в Азии. Наполеон возвысил нас на суше. Веллингтон¹⁹⁷ даст случай утвердиться на море.

Говорят, что и Австрия морщится. Известие о разрыве с нею принято будет не только спокойно, но и с восторгом.

Жаль, что нам не дают никаких известий из армии.

Voici le résumé des rapports de nos agents dans les classes moyennes et parmi les littérateurs¹⁹⁸

21 Mai <1829>

Вчера узнали здесь о короновании Государя в Варшаве. Хорошо, что и это кончено. Трудно понять, что наши русские так досаждают на это титуло, от которого ни Петр I, ни Екатерина II никак бы не отказались! Никто не критиковал Наполеона, когда он, после французской императорской короны, возложил на себя королевскую итальянскую¹⁹⁹. Противоположная партия идет еще далее: ей странно видеть, что Государь возложил на

¹⁹⁴ В 1807 г. Россия присоединилась к введенной Наполеоном в 1806 г. континентальной блокаде, которая воспрещала вести торговые, почтовые и иные отношения с Англией.

¹⁹⁵ Имеется в виду Наполеон.

¹⁹⁶ Имеются в виду участники стихийных протестов против внедрения машин (луддиты) в 1811–1820 гг. в Англии.

¹⁹⁷ Герцог Артур Уэлсли Веллингтон (1769–1852) — фельдмаршал, главнокомандующий английской армией в 1827–1828 гг., премьер-министр Англии в 1828–1830 гг.

¹⁹⁸ Вот резюме сообщений наших агентов в средних классах и среди литераторов (*фр.*).

¹⁹⁹ В 1805 г. Итальянская республика была преобразована в королевство. На церемонии коронации 26 мая 1805 г. Наполеон I, вопреки сложившейся ранее традиции

себя вторично корону всероссийскую, а не польскую. Она видит в этом продолжение прежних полумер, по коим Королевство Польское в России есть только Царство, наряду с Казанским, Сибирским²⁰⁰ и проч. Для чего бы, кажется, не поступить прямо, откровенно, назвав себя и в России королем польским? — Странное дело, что, по остаткам влияния меттерниховской политики²⁰¹, у нас более бояться слов, нежели дел. Польшу признать на словах королевством нельзя, а на деле и Выборгская губерния у нас отдельное царство: туда нельзя послать русской книги без таможенной печати!²⁰² Но, как бы то ни было, слава Богу, что и это кончилось.

Жаль, что известия из Варшавы так сухи и неинтересны. Если б знали, какое дурное, пагубное для правительства впечатление производят *внутри России* непрерывные известия о разводах и вахтпарадах. Мы, столичные жители, знаем, что это отнюдь не занятие Государя, а только отдых по окончании многотрудной работы нескольких часов, а по газетам кажется, что Он только и делает, что присутствует на парадах и ученьях. К несчастью, еще помнят стихи на это, писанные злоумышленниками 14 декабря²⁰³. К чему бы, кажется, не писать, как во Франции: Сегодня были у государя с докладом такой и такой министр. Сегодня Государь был в Морском, в Горном корпусе, в Университетском пансионе, в такой-то больнице и т.п. Говорят: Государь не терпит лесты. Да что тут за лесть! Пишите просто, что он делает, и этого довольно для утешения России и устрашения зломыслящих.

Здесь все заняты выставкою отечественных мануфактур. Зрелище в самом деле приятное и восхитительное! Плоды его будут весьма чувствительны. Ай да *Патюшка*²⁰⁴! Помирил русских с собою поневоле.

возложения короны на голову короля кардиналом, вырвал корону из его рук и надел на себя. При этом он сказал: «Бог мне дал корону. Беда тому, кто ее тронет».

²⁰⁰ В полную титулатуру российского императора входили такие элементы, как «Царь Казанский», «Царь Астраханский», «Царь Сибирский» и т.д., хотя соответствующие государства были давно завоеваны и прекратили свое существование в качестве отдельных территориально-административных единиц. Сибирское ханство — государство в Западной Сибири, образовавшееся в конце XV в. после распада Золотой Орды. Было постепенно покорено в конце XVI в.

²⁰¹ Т.е. политики канцлера Австрийской империи в 1821–1848 гг. князя Клеменса Венцеля Лотара Меттерниха (1773–1859).

²⁰² Выборгская губерния была в 1812 г. включена в состав Великого княжества Финляндского, входившего в Российскую империю на правах автономии, в частности между Великим княжеством Финляндским и остальной частью империи существовала таможенная граница.

²⁰³ Греч имеет в виду агитационные стихотворения А.А. Бестужева и К.Ф. Рылеева «Царь наш — немец русский...» (1823), где говорилось: «Царствует он где же? / Всякий день в манеже», и «Вдоль Фонтанки реки...» (182?), где шла речь про гвардейские полки: «Их и учат, их и мучат, / Ни свет, ни заря <...> Для потехи царя».

²⁰⁴ Греч имеет в виду Канкрин, который говорил с немецким акцентом и любил обращение «батюшка», произнося его как «патюшка».

Здесь роздана реляция от 6 мая из-под Силистрии²⁰⁵. Она произвела очень хорошее впечатление. Гр<аф> Дибич написал ее просто, ясно и отчетливо. Даже некоторые странности в выражениях полезны: они показывают, что бумага писана самим главнокомандующим, а не каким-нибудь дипломатическим вьюном.

Voici le résumé des rapports de nos affidés dans les classes moyennes et parmi les littérateurs²⁰⁶

16 Juin²⁰⁷ <1829>

Слава богу, победа ознаменовала начало нынешней кампании!²⁰⁸ Известие о сем произвело здесь великую радость, и все крикуны повернули *овер-умта*²⁰⁹, как говорят моряки. Ожидают самых благоприятных последствий. Старики толкуют о том, что дóлжно воспользоваться сим случаем для заключения мира, а младшее поколение вопиет, что теперь-то и дóлжно продолжать войну. «Да будет воля Государя, которого Бог внушит на лучшее!» — говорят благоразумные.

Геройский подвиг капитана Казарского принят здесь со всеобщим восторгом. Истинно царская ему и команде его награда произвела также общее удовольствие в публике²¹⁰. Взятие «Рафаиля»²¹¹, разумеется, принято с прискорбием, но всем понравилась благородная откровенность, с которою правительство объявило о сем несчастном случае. Все моряки в чрезвычайном негодовании на Грейга, за то что он, находясь сам на безопасной дистанции, посылает молодых на жертву. Теперь возобновились толки о том, что Грейг человек де умный, распорядительный, хороший и большой теоретик, но в деле нерешителен и трус: когда свищут ядра, он сам начинает посвистывать, и тут не добьешься у него толку. Но такие слухи и рассуждения всегда раздаются при неудаче генерала:

²⁰⁵ Реляция, в которой речь шла о начале осады крепости Силистрия в ходе Русско-турецкой войны, включена в Прибавление к № 61 «Северной пчелы» за 21 мая.

²⁰⁶ Вот резкое сообщение наших секретных агентов в средних классах и среди литераторов (*фр.*).

²⁰⁷ 16 июня (*фр.*).

²⁰⁸ Речь идет о разгроме турецкой армии 30 мая под Шумлой.

²⁰⁹ Оверштаг — поворот парусного судна, при котором его нос какое-то время повернут в сторону, откуда дует ветер.

²¹⁰ Александр Иванович Казарский (1797–1833) — капитан-лейтенант, командир 18-пушечного брига «Меркурий», который 14 мая 1829 г. под его командованием одержал победу в бою с двумя турецкими линейными кораблями, имевшими десятикратное превосходство в количестве орудий. Казарский был награжден орденом Святого Георгия IV класса, произведен в капитаны второго ранга и назначен флигель-адъютантом.

²¹¹ 36-пушечный фрегат «Рафаил» 11 мая 1829 г. встретился с турецкой эскадрой из пятнадцати судов, попытался скрыться, но оказался окружен и сдался без боя.

тут возбуждаются личности, зависть, которые во время успехов молчали. И на это скажем: Он лучше рассудит.

Raisonnemens et propos qu'on entend répéter par des gens de bien dans les classes moyennes et éclairées²¹²

Англия жалуется на блокаду Дарданелл и Египта, которая причиняет вред их торговле, основанной на том, чтобы помогать врагам России. Отчего же Россия молчала, когда должна была провозить вина сухим путем из Франции, терпеть блокаду Зунда, разорение Копенгагена и корсарство на всех морях во время Континентальной системы? Англия говорила: мы должны вредить врагу нашему и всем его союзникам, это право войны, право народов! А теперь Россия, из вежливости к даме Англии, должна позволять ей подвозить припасы, оружие, продавать суда для вреда России и для обогащения Англии. Чудная философия! Была бы Франция, Швеция и Пруссия в союзе с Россией, а прочие не страшны. Английский флот в Черном море — большая диверсия, правда, но зато легко может стать, что он и останется навсегда в Черном море. Три брандера²¹³ и три такие молодцы, как Козарский, и дерево английского флота не защитит Черного моря! Австрию можно убить бумажною войною.

Замечательно: чем нежнее, чем искреннее, чем великодушнее Россия в своих поступках, тем более восстает против нее Англия и Австрия. Всегда одно и то же. В несправедливых завоеваниях России эти державы молчали, а в праведной войне вопиют и устрашают Европу нашествием варваров! На чем основывается эта дерзость иностранных держав? Не на слабости России, но на слабости наших мер. Россия сильна и смела в поле, но не в кабинете. Иностранцы страшат нас внутренними смятениями, и в Англии пишут, что если б Наполеон воевал не с народом, не позволял грабить, а созвал попов и объявил вольность мужикам, то Россия пала бы. Не пала бы, но было бы много беды. Итак, вот наша слабая сторона, вот пята Ахиллесова! От нас зависит уничтожить навеки эти опасения и слабейшую сторону сделать крепчайшею, но богатые аристократы, советами своими, отвращают от начала великого дела. Начать это великое дело непременно надобно, и правительству, а не частным людям²¹⁴. Нельзя научиться плавать, не войдя в воду. Только не надобно

²¹² Рассуждения и толки благонамеренных людей средних классов и просвещенных (*фр.*). Записка составлена, по-видимому, вскоре после предыдущей. 16 июля Николай I вернулся в Петербург, и необходимость в посылке ему подобных записок отпала.

²¹³ Брандер — судно с горючими веществами, предназначенное для поджога или подрыва неприятельских кораблей.

²¹⁴ Греч имеет в виду уничтожение крепостного права.

бросаться прямо в глубину, чтоб не утонуть, а начать помаленьку и потихоньку. Тогда обезоружатся вместе и внешние враги и внутренние, то есть и собственные наши якобинцы не будут иметь надежды и опоры на этом пороховом магазине!

Литература

Абакумов О.Ю. «...Чтоб нравственная зараза не проникла в наши пределы»: Из истории борьбы III отделения с европейским влиянием в России (1830-е — начало 1860-х гг.). Саратов: Научная книга, 2008. 213 с.

Видок Фиглярин: письма и агентурные записки Ф.В. Булгарина в III отделение / Изд. подгот. А.И. Рейтблат. М.: Новое литературное обозрение, 1998. 704 с.

Карпов А.А. Н.И. Греч // Русские писатели. 1800–1917: Биографич. словарь. Т. 2. М.: Большая российская энциклопедия, 1992. С. 18–21.

Кюстин А. де. Россия в 1839 году: В 2 т. Т. 1 / Пер. В. Мильчиной и И. Стаф; коммент. В. Мильчиной и А. Осповата. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1996. 528 с.

Лобойко И.Н. Мои воспоминания. Мои записки / Вступ. статья, подгот. текста и коммент. А.И. Рейтблата. М.: Новое литературное обозрение, 2013. 328 с.

Панибратцев А.В. Взлет и падение И.Б. Шада, или О превратностях судьбы одного немецкого фиктеанца на русской почве // История философии. Вып. 4. М., 1999. С. 106–124.

Рейтблат А.И. Как Пушкин вышел в гении: Историко-социологические очерки. М.: Новое литературное обозрение, 2001. 336 с.

Рейтблат А.И. Фаддей Венедиктович Булгарин: Идеолог, журналист, консультант секретной полиции: Статьи и материалы. М.: Новое литературное обозрение, 2016. 632 с.

Темпест Р. Философ-наблюдатель маркиз де Кюстин и грамматист Николай Греч // Символ (Париж). 1989. № 21. С. 195–211.

References

Abakumov O.Iu. “...*Chtob nravstvennaia zaraza ne pronikla v nashi predely*”: *Iz istorii bor'by III otdeleniia s evropeiskim vlianiem v Rossii (1830-e — nachalo 1860-kh gg.)* [“...To prevent moral contagion from infiltrating our borders”: From the history of the Third Section's struggle with European influence in Russia (1830s — early 1860s)]. Saratov, Nauchnaia kniga Publ., 2008. 213 p. (In Russ.)

Custine A. de. *Rossiiia v 1839 godu: V 2 t. T. 1* [Russia in 1839: In 2 vols. Vol. 1], transl. by V. Mil'china and I. Staf, comment. by V. Mil'china and A. Ospovat. Moscow, Sabashnikovs Publ., 1996. 528 p. (In Russ.)

Karpov A.A. N.I. Grech. *Russkie pisateli. 1800–1917: Biografich. slovar'.* T. 2 [Russian writers. 1800–1917: Biographical dictionary. Vol. 2]. Moscow, Bol'shaia rossiiskaia entsiklopediia Publ, 1992, pp. 18–21. (In Russ.)

Loboiko I.N. *Moi vospominaniia. Moi zapiski* [My memoirs. My notes], intro., ed and comment. by A.I. Reitblat. Moscow, Nvoe literaturnoe obozrenie Publ., 2013. 328 p. (In Russ.)

Panibrattsev A.V. Vzlet i padenie I.B. Shada, ili O prevratnostiakh sud'by odnogo nemetskogo fikhteantsa na russkoi pochve [The rise and fall of I.B. Shad, or On the vicissitudes of a German Fichtean's fate on Russian soil]. *Istoriia filosofii* [History of philosophy], iss. 4. Moscow, 1999, pp. 106–124. (In Russ.)

Reitblat A.I. *Faddei Venediktovich Bulgarin: Ideolog, zhurnalist, konsul'tant sekretnoi politzii: Stat'i i materialy* [Faddey Venediktovich Bulgarin: Ideologist, journalist, secret police consultant: Articles and materials]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ, 2016. 632 p. (In Russ.)

Reitblat A.I. *Kak Pushkin vyshel v genii: Istoriko-sotsiologicheskie ocherki* [How Pushkin became a genius: Historical and sociological essays]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2001. 336 p. (In Russ.)

Tempest R. Filosof-nabliudatel' markiz de Kiustin i grammatist Nikolai Grech [Philosopher-observer Marquis de Custine and grammarian Nikolai Grech]. *Simvol*, 1989, no. 21, pp. 195–211. (In Russ.)

Vidok Figlyarin: pis'ma i agenturnye zapiski F.V. Bulgarina v III otdelenie [Vidok Figlyarin: F.V. Bulgarin's letters and agent notes for the Third Section], comp. by A.I. Reitblat. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 1998. 704 p. (In Russ.)

An observant Observer: Nikolay Grech and the Third Section

© 2018, Abram Reitblat

Abstract: It has long been known that the journalist, writer and philologist Nikolay Grech rendered services to the Third Section, but usually it came down to information about him preparing and publishing abroad the articles and brochures directed against foreign critics of the Russian government and Russian orders. However, several notes in the Third Section archives, signed by the pseudonym Observer and attributed to Grech in the present article, demonstrate that his contacts with the institution were much more intensive and diverse.

Keywords: Nikolay Grech, Third Section, Maxim von Fock, “Secret Newspaper”.

Information about the author: Abram Reitblat, PhD, “Novoe Literaturnoe Obozrenie” / Russian State Art Library, Moscow, Russia. E-mail: reitblat@nlo.magazine.ru

Citation: Reitblat Abram. An observant Observer: Nikolay Grech and the Third Section. *Literary fact*, 2018, no. 10, pp. 108–164.

БИОГРАФИЯ И АВТОБИОГРАФИЯ В КУЛЬТУРЕ СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА

От составителя

Изучение историко-культурного контекста русской литературы конца XIX — начала XX вв. в последние десятилетия опирается на интенсивное освоение эго-документальных свидетельств эпохи — эпистолярных, мемуарных, автобиографических. Эго-документ становится совершенно особенной областью исторического свидетельства, позволяющего заглянуть в лабораторию творческих замыслов писателя. К настоящему времени в научный оборот введен обширный корпус ранее неизвестных материалов автобиографического характера.

Существует несколько школ по изучению эго-документа в историческом аспекте: нидерландская, берлинская, французская; в области литературоведческих дисциплин наиболее авторитетной представляется польская эго-документальная школа. Думается, правомерно утверждать, что в российском литературоведении также давно сложилась солидная исследовательская школа эго-документа, во главе которой стоят ведущие ученые.

В ИМЛИ РАН уже давно ведутся активные исследования эго-документальных свидетельств эпохи модернизма. Отдел русской литературы конца XIX — начала XX вв. подготовил и 24–26 октября 2018 г. провел конференцию «Биография и автобиография в культуре Серебряного века». На конференции были представлены доклады, значительно расширяющие источниковую базу, приводящие сведения о рецепции литературных и общественных событий, о духовных исканиях, определявших культурный фон эпохи. Несомненную ценность представляли доклады, опирающиеся на абсолютно новые эго-документальные свидетельства, что позволит в дальнейшем подготовить и ввести в научный оборот неизвестные автобиографические материалы как ведущих, так и малоизвестных поэтов и прозаиков эпохи (Андрея Белого, Эллиса, Г.И. Чулкова, Л.Н. Андреева, Э.К. Метнера и др.). Предлагаем читателю тематический блок статей, подготовленных учеными из России, Польши, Германии, Великобритании и основанный на результатах научно-исследовательской работы конференции.

Елена Глухова

DOI 10.22455/2541-8297-2018-10-166-172
УДК 812.161.1

Мифотворчество Андрея Белого в «Одной из обителей царства теней»

© 2018, И.Б. Делекторская

Аннотация: В статье рассматривается мифологическая составляющая книги Андрея Белого «Одна из обителей царства теней» (Л., 1925), взятая в контексте биографии писателя. На основании анализа текста книги и ее заглавия делается вывод о том, что, повествуя о своем путешествии в Германию, жизни в Берлине и возвращении в Советскую Россию, Белый выстраивает структурно сложный автобиографический миф, в основе которого лежат как мотивы древнеегипетской и древнегреческой мифологии, о чем прямо заявлено в книге, так и присутствующие в ней по умолчанию отсылки к сочинениям Дж. Свифта и Данте Алигьери.

Ключевые слова: Андрей Белый, «Одна из обителей царства теней», Берлин, эмиграция, автобиография, мифотворчество, Дж. Свифт, Данте Алигьери.

Информация об авторе: Иоанна Борисовна Делекторская, к.ф.н., старший научный сотрудник, Государственный музей А.С. Пушкина (Мемориальная квартира Андрея Белого), Москва, Россия.

E-mail: i_delektorskaia@mail.ru

Цитирование: *Делекторская И.Б.* Мифотворчество Андрея Белого в «Одной из обителей царства теней» // Литературный факт. 2018. № 10. С. 166–172.

Текст «Одной из обителей царства теней», книги о путешествии в Германию, жизни в Берлине и возвращении в Советскую Россию, был написан Андреем Белым в марте 1924 г., менее чем через полгода после того, как он вернулся на родину¹. Публикации² предшествовали две лек-

¹ В Германии Белый жил с ноября 1921 по октябрь 1923 г. (см.: Андрей Белый. Хронологическая канва жизни и творчества / Сост. А.В. Лавров // Андрей Белый: Проблемы творчества: Статьи, воспоминания, публикации. Сб. / Сост. С.С. Лесневский, А.А. Михайлов. М.: Сов. писатель, 1986).

² *Андрей Белый.* Одна из обителей царства теней. Л.: Гос. изд-во, 1925. Далее при цитировании этого издания в основном тексте или тексте сносок указываются лишь номера страниц.

ции с тем же названием: 14 января 1924 г. в Москве, в Государственном театре им. Вс. Мейерхольда, и через месяц, 14 февраля — в Ленинграде, в зале Певческой капеллы. Выступая с лекциями о положении дел в Германии, Белый не был первопроходцем. За год с небольшим до него, в декабре 1922 г. в Политехническом музее В.В. Маяковский рассказывал публике о своих берлинских впечатлениях. Конспект его доклада «Что делает Берлин?», сделанный П.В. Незнамовым, был опубликован в 1923 г. в журнале «Зрелища» (1923. № 9)³. Но если доклад Маяковского был строго выдержан в жанре политинформации, о чем свидетельствует уже его заглавие, то выступления Андрея Белого (насколько мы можем судить о них по тексту впоследствии опубликованной книги), опять-таки начиная с заглавия, выходили далеко за рамки указанного жанра.

В.Ф. Ходасевич однажды не без сарказма заметил, что «автобиография Белого есть такая же “серия небывших событий”, как его автобиографические романы»⁴. С этим утверждением можно спорить, можно соглашаться, но в случае с «Одной из обителей царства теней» Белый сам подчеркивает и предупреждает читателя о том, что намерен заняться мифотворчеством: «Я пройду мимо личностей и постараюсь провести перед вами свой “миф”, или сказ о Берлине: сожму в фигуральные образы эту обитель тяжелого “царства теней”» (С. 10). Цель данного исследования — кратко обрисовать особенности мифологических построений Андрея Белого, составляющих важную часть книги его берлинских впечатлений.

Приходится признать, что, создавая свой «миф», Белый использует довольно ограниченный набор собственно мифологических клише: это Тартар (С. 68) или «царство теней древних греков» (С. 7), «подземный мир» (или опять-таки «царство теней») из древнеегипетской мифологии (С. 7, 60), «страшный суд Озириса» — эсхатологический гибрид, совмещающий образность древнеегипетских верований и авраамических религий (С. 7, 60), «страж порога» Цербер (С. 17) и египетский «песьеголовый» бог-покровитель мертвых Анубис (С. 60). Вот, собственно, и всё. Но жонглирует перечисленными образами Белый с лихостью, которой могли бы позавидовать отъявленные постмодернисты.

Правда, список заимствований из копилки или, говоря современным языком, базы данных мировой культуры на этом не заканчивается. Начало книги восходит к традиции романа-путешествия, причем не столько

³ См.: *Маяковский В.В.* Доклад «Что делает Берлин?». Около 20 декабря 1920 года // *Маяковский В.В.* Полное собрание сочинений: В 13 т. Т. 12: Статьи, заметки и выступления. Ноябрь 1917–1930. М., 1959. С. 462–464.

⁴ *Ходасевич В.Ф.* Андрей Белый // Ходасевич В.Ф. Колеблемый треножник: Избранное / Сост. и подгот. текста В.Г. Перельмутера; коммент. Е.М. Бенья. М., 1991. С. 312.

к ее истокам — не к «Одиссее», как, вероятно, следовало бы ожидать, — сколько к сатирико-фантастической тетралогии Дж. Свифта о путешествиях Гулливера.

У Белого автобиографический герой, «некто», предусмотрительно лишенный автором имени, ибо, как повторяет Белый вслед за Цицероном, «имена ненавистны»⁵, по дороге в Берлин вынужденно посещает две страны, хотя и существующие в реальности, но при этом явно напоминающие фантастические страны из произведений Свифта. Герой попадает сначала в страну безглазых буржуа Латвию, затем в Литву, населенную внешне обычными, но лингвистически деформированными людьми — «-асами» и «-исами», и в этой стране с ним, а точнее с его именем происходит еще одна метаморфоза: «некто» временно ассимилируется и превращается в «нектаса».

На пути в каждой из двух стран герою встречаются стражи порога, оказывающиеся при ближайшем рассмотрении вовсе не страшными и даже вызывающими симпатию. Первый является в образе латвийского полицейского, к которому обращена гневная реплика выдворяемого из страны «некто»: «Так-то в Риге встречают русских писателей» (С. 17; заметим, что, утратив имя, автобиографический персонаж не лишается профессии). В ответ латвийский Цербер, «великолепнейшее существо», как пишет Белый, «не расстреляло “некто” величием взгляда, а скромно стрельнуло глазами в свои лакированные сапоги, стыдливо повесив над ними свой нос, говоривший красноречиво: “Не я, а — они!” И — тут стало ясно: “Они” суть безглазые граждане города Риги» (С. 17).

Если рижский страж порога у Белого, судя по всему, единственный житель латвийской столицы, обладающий зрением, то в Ковно ему, а точнее «нектасу», приходится объясняться с цербером из немецкого консульства, намеренно лишаящим себя зрения, закрывающим глаза, чтобы поиграть с героем в бюрократические жмурки⁶.

В конце концов «нектас» благополучно покидает Литву, снова превращается в «некто», а затем, уже в Берлине, по ходу повествования как бы растворяется и уступает место авторскому «я».

⁵ «Я буду говорить о "некто": nomina sunt odiosa» (С. 13).

⁶ «Произошла грациознейшая игра в жмурки, когда он <"нектас" — И.Д.> явился за получением визы в немецкое консульство, где все знали, что "нектас" поедет надолго в Берлин; тем не менее "нектас" был спрошен чиновником с весьма строгим видом, себе завязавшим глаза: — "Итак вы возвращаетесь через два месяца в Ковно?" И "нектас" возрыгнув в глазную повязку чиновника, отвечал: "я вернусь скоро в Ковно". И с той поры в консульстве в продолжение двух почти лет продолжалась, вероятно, игра: игра в жмурки: чиновник из Ковно выкрикивал: "А где "нектас"?" И "нектас" с берлинского Victoria-Luisen Strasse откликнулся чиновнику в Ковно: "Ау, здесь я, в Ковно!" И, может быть, по сию пору этот чиновник вызывает из Ковно: "Ау, где вы, "нектас"?" И "нектас" уже из Москвы — отвечает ему: "Ау, — я в Ковно!"» (С. 23–24).

Вожденный же Берлин у Белого — это вовсе не часть Германии, а своего рода остров, побратим свифтовской Лапуты, ненавидимый соседями остров мертвых слепых «фокстротопоклонников», живущих в ожидании страшного суда Озириса и подчиненных могуществу звероподобного «негра». «Островная» природа Берлина открывается герою-автору не сразу, а лишь тогда, когда он оказывается за его пределами, в Цоссене: «Тут я увидел другую Германию, живую и бодрую, но полную неукротимой ненависти к “Берлину”, в котором я месяцами жил; тот Берлин — не Германия» (С. 63).

Со страниц книги автор говорит о себе в первом и в третьем лице, прячется за безликим обозначением «некто». Но кем же в действительности видит он себя в создаваемой им странной системе весьма, в сущности, зыбких координат? Чтобы разобраться в этом, обратимся к заглавию сочинения Андрея Белого. На первый взгляд очевидно, что «царство теней» — это не раз упоминаемые Белым древнегреческий Таргар и древнеегипетское царство мертвых. Однако оба этих потусторонних мира, как известно, недискретны. Деление же на сегменты, «обители» — характерная особенность ада «Божественной комедии». Гипотезу о том, что книга Белого имеет непосредственное отношение к дантовской традиции, подтверждает структура «Одной из обителей царства теней». Белый последовательно описывает преддверье ада (Латвию и Литву), сам ад, точнее лишь одну из его «обителей», Берлин, и, наконец, рай — Советскую Россию.

Как и у Данте, у автобиографического героя Андрея Белого в аду есть сопровождающий. Правда, у Белого это отнюдь не Вергилий, а «песьеголовый человечек», карликовый Анубис, который появляется ненадолго, лишь для того, чтобы устроить герою экскурсию по значным местам ада, и предлагает он услуги гида не одному лишь осматривающему ад писателю, а всем желающим: «В моменты закрытия ресторанов по улицам мрачного буро-серого города валят толпы фокстротопоклонников, фокстротопоклонниц <...> и делается на сердце уныло и жутко; тогда из складок теней начинает мелькать по Берлину таинственный теневой человечек, с котелком, точно приросшим к голове, придающим последней какую-то звероподобную форму; вам кажется, что это тот самый песьеголовый человек, который встречает вас на древних фресках Египта; там он неизменно сопровождает усопшего в царство теней, на страшный суд к Озирису; тут он, схватив вас под руку, обдаёт вас коньячными испарениями рта и выхрипывает вам в ухо: “Я отведу вас в 'Nachtlocal'”. “Nachtlocal” — ночные плясуньи, ежедневно меняющие свои места и преследуемые полицией; если вы последуете за песьеголовым человеком, — перед вами откроется грация ночного Берлина:

полуприличных и неприличных плясулен, игорных притонов, вплоть до курилен опиума <...>» (С. 59–60).

Если «серо-бурый, с коричнево-серыми и зловещими тенями атмосферы, его обволакивающей» Берлин рисуется Белому «фоном картины, изображающей царство теней древних греков, или мрачной обителью подземного мира Египта, где строгий Озирис чинил над усопшими страшный свой суд» (С. 7), то Москва — это столица социалистического рая, населенного светлыми и сильными, устремленными в будущее праведными душами: «Берлинский делец <...> не выстрадал новых <...> творческих дум, не терял <...> всего, чтобы всё приобрести по-иному, как русский, разгуливавший по разгромленным тротуарам Москвы, почти в рубище, без покроя, почти без покровов, но с крепкой душой, закаленной страданьем, с надеждой взирающей на всходящую жизнь» (С. 67); «<...> не ходят — куда-то восходят в Москве; а берлинец совсем не восходит, не ходит — нисходит; и нисхождение это <...> переполняет Берлин атмосферой царства теней и подземными, душными, ядовитыми газами» (С. 72–73).

Белый повествует о своем путешествии, выступая в роли нового Данте, и рассказ его предназначен для глаз и ушей обитателей советского рая, где, помимо всего прочего, полным ходом идет процесс сотворения нового мира. Книга заканчивается словами: «Мое первое впечатление от Москвы — впечатление источника жизни; и первый глоток этой жизни есть радость себя ощущать не в унылом, чужом, упдающем городе, а в кипящей, творящей <...> сумятице, чувствуя, что сумятица — творческая лаборатория будущих, может быть, в мире невиданных форм» (С. 73).

В реальности, к сожалению, всё выглядело совсем не так радужно. Публичные лекции Белого о его берлинских впечатлениях стали, по меткому слову его друга и литературного секретаря П.Н. Зайцева, «пробным камнем и своеобразным экзаменом Андрея Белого перед новой аудиторией», экзаменом «на идеологическую зрелость»⁷. Экзамен этот дался Белому тяжело. Тот же Зайцев, присутствовавший 14 января 1924 г. на лекции в театре им. Вс. Мейерхольда, говорит: «Выдержал ли Андрей Белый этот свой экзамен, прошел ли он эту своеобразную “чистку”? Боюсь сказать положительно... Кажется, нет»⁸. Если перевести слова Зайцева на язык образов «Одной из обителей царства теней», то получится, что лекция нового Данта о путешествии в ад стала одновременно его оправдательной речью на Страшном Суде.

⁷ Зайцев П.Н. Последние десять лет жизни Андрея Белого // Зайцев П.Н. Воспоминания / Сост. М.Л. Спивак; вступ. ст. Дж. Малмстада. М., 2008. С. 55.

⁸ Там же. С. 57.

Среди слушателей ленинградского варианта этой лекции был студент филологического факультета Ленинградского университета, а впоследствии крупнейший специалист по русскому символизму Д.Е. Максимов. У него, как и у П.Н. Зайцева, от услышанного осталось тягостное впечатление. Максиму, в частности, запомнилась одна из полученных лектором записок со словами «Когда я вас слушаю, мне стыдно за человека»⁹. Белый, — вспоминает Максимов, — «не сумел скрыть своих чувств от публики. Он казался растерянным, разоруженным, почти жалким. <...> В его фигуре появилось что-то беспомощное. Он пытался как-то ответить на записку — что именно, я не запомнил, да, наверно, и трудно было запомнить его полувнятные слова. В памяти сохранилось лишь замешательство Белого и то, что, обрывая заключительные сбивчивые фразы своего ответа, он предложил своему неназванному оппоненту зайти после лекции к нему в артистическую — объясниться...»¹⁰ И хотя формально «вердикт» виртуального советского «страшного суда» оказался положительным (Белому было позволено жить и работать в России, его книги издавались внушительными тиражами¹¹), трудно даже представить, каких внутренних усилий стоила писателю адаптация к условиям жизни в показательно воспетом им социалистическом раю.

Литература

Андрей Белый. Хронологическая канва жизни и творчества / Сост. А.В. Лавров // Андрей Белый: Проблемы творчества: Статьи, воспоминания, публикации. Сб. / Сост. С.С. Лесневский, А.А. Михайлов. М.: Советский писатель, 1986. С. 773–805.

Зайцев П.Н. Последние десять лет жизни Андрея Белого // Зайцев П.Н. Воспоминания / Сост. М.Л. Спивак; вступ. ст. Дж. Малмстада. М.: Новое литературное обозрение, 2008. С. 39–192.

Максимов Д.Е. О том, как я видел и слышал Андрея Белого. Зарисовки издали // Андрей Белый: Проблемы творчества: Статьи, воспоминания, публикации. Сб. / Сост. С.С. Лесневский, А.А. Михайлов. М.: Советский писатель, 1986. С. 615–636.

Ходасевич В.Ф. Андрей Белый // Ходасевич В.Ф. Колеблемый треножник: Избранное / Сост. и подгот. текста В.Г. Перельмутера; коммент. Е.М. Бенья. М.: Советский писатель, 1991. С. 295–312.

⁹ Максимов Д.Е. О том, как я видел и слышал Андрея Белого. Зарисовки издали // Андрей Белый: Проблемы творчества: Статьи, воспоминания, публикации. С. 626.

¹⁰ Там же. С. 626–627. Д.Е. Максимов пишет, что записка «была, по-видимому, без подписи», однако, по свидетельству Д.М. Магомедовой (Москва, ИМЛИ, РГГУ), в личной беседе он сообщил ей, что автором записки являлась А.А. Ахматова. Благодаря глубокоуважаемую Дину Махмудовну за эту ценнейшую информацию.

¹¹ Так, тираж «Одной из обителей царства теней» составил 5000 экземпляров.

References

Andrei Belyi. Khronologicheskaiia kanva zhizni i tvorchestva [Andrei Bely. Chronology of life and work], comp. by A.V. Lavrov. *Andrei Belyi: Problemy tvorchestva: Stat'i, vospominaniia, publikatsii. Sb.* [Andrei Bely: Problems of creative work: Articles, memoirs, publications. A collection], comp. by S.S. Lesnevsky, A.A. Mikhaylov. Moscow, Sovetskii pisatel' Publ., 1986, pp. 773–805. (In Russ.)

Khodasevich V.F. Andrei Belyi. *Koleblemyi trenozhnik: Izbrannoe* [A shaken tripod: Selected works], comp. and ed. by V.G. Perelmutter; comment. by E.M. Ben'. Moscow, Sovetskii pisatel' Publ., 1991, pp. 295–312 (In Russ.)

Maksimov D.E. O tom, kak ia videl i slyshal Andreia Belogo. Zarisovki izdali [How I saw and listened to Andrei Bely. Sketches from afar]. *Andrei Belyi: Problemy tvorchestva: Stat'i, vospominaniia, publikatsii. Sb.* [Andrei Bely: Problems of creative work: Articles, memoirs, publications. A collection], comp. by S.S. Lesnevsky, A.A. Mikhaylov. Moscow, Sovetskii pisatel' Publ., 1986, pp. 615–636. (In Russ.)

Zaitsev P.N. Poslednie desiat' let zhizni Andreia Belogo [The last ten years of Andrei Bely's life]. Zaitsev P.N. *Vospominaniia* [Memoirs], comp. by M.L. Spivak, intro. by J. Malmstad. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2008, pp. 39–192. (In Russ.)

Andrei Bely's myth-making in his book “An Habitation in the Kingdom of Shadows”

© 2018, Ioanna Delektorskaya

Abstract: The article discusses the mythological component of the book by Andrei Bely “An Habitation in the Kingdom of Shadows”, taken in the context of Bely's biography. The results, based on the analysis of the text and title of the book, show that in the book about his journey to Germany Andrei Bely, after living in Berlin and returning to Soviet Russia, builds a complicated autobiographical myth, based not only on some motives of Ancient Egyptian and Ancient Greek mythology, but also on Swift's and Dante Alighieri's traditions.

Keywords: Andrei Bely, “An Habitation in the Kingdom of Shadows”, Berlin, emigration, autobiography, myth-making, J. Swift, Dante Alighieri.

Information about the author: Ioanna Delektorskaya, PhD, senior research associate, Pushkin State Museum (Andrei Bely Memorial Apartment), Moscow, Russia. E-mail: i_delektorskaia@mail.ru

Citation: Delektorskaya Ioanna. Andrei Bely's myth-making in his book “An Habitation in the Kingdom of Shadows”. *Literary fact*, 2018, no. 10, pp. 166–172.

DOI 10.22455/2541-8297-2018-10-173-183
УДК 812.161.1

Неизвестное письмо Леонида Андреева к Максиму Горькому

© 2018, Р.Д. Дэвис, М.В. Козьменко

Аннотация: Публикация вводит в научный оборот ранее неизвестное письмо начинающего литератора к уже прославленному писателю. Его можно датировать первой или самым началом второй декады декабря 1899 г. Ранее считалось, что переписка между двумя крупнейшими фигурами в русской литературе начала XX в. в полной мере воспроизведена в 72-м томе известной серии «Литературное наследство» (1965). Именно на этом внушительном эпистолярном фундаменте (181 письмо за 1899–1916 гг.) зиждились наиболее интересные и глубокие анализы непростых взаимоотношений двух писателей. Относительно самого раннего этапа этой дружбы-вражды разногласий между исследователями было меньше всего: почти все сходились на том, что Горький смог разглядеть талант начинающего литератора уже на страницах его первого беллетристического выступления — пасхального рассказа «Баргамот и Гараська», опубликованного 5 апреля 1898 г., и сразу же стал поддерживать Андреева: советами более опытного писателя, ходатайствами о публикации его новых опусов в журналах, вовлечением в московскую литературную среду (буквально: в кружок «Среда»), наконец — организацией издания первого сборника рассказов в 1901 г. Настоящее, впервые публикуемое письмо заставляет по-новому взглянуть на самый ранний период поисков Андреевым своего места в литературе. Наиболее поразительным в нем является признание себя неким литературным двойником Горького — при минимальном наличии прямых стилистических и мировоззренческих переключек со старшим товарищем по литературе. Из упомянутых в письме якобы многочисленных опытов à la Горький в рукописях почти ничего не осталось: видимо, избавление от «горьковского» искусства действительно было радикальным, и Андрееву оно удалось. Не менее важно, что перед нами — новый, но один из типичных, экзистенциально-откровенных, «распахнутых» леонидандреевских эго-документов, в котором содержится ряд интересных нюансов к уже известным фактам и сюжетам его бытия, реально-биографического и ментального.

Ключевые слова: Максим Горький, Леонид Андреев, русская литература начала XX в., эпистолярный.

Информация об авторах: Ричард Дональд Дэвис, магистр филологии, ведущий Русский архивом в Лидсе. Брозертонская библиотека, Лидский университет, Лидс, Великобритания. E-mail: r.d.davies@leeds.ac.uk

Михаил Васильевич Козьменко, к.ф.н, ведущий научный сотрудник, ИМЛИ РАН, Москва, Россия. E-mail: uzium@mail.ru

Цитирование: Дэвис Р.Д., Козьменко М.В. Неизвестное письмо Леонида Андреева к Максиму Горькому // Литературный факт. 2018. № 10. С. 173–183.

О взаимоотношениях Леонида Андреева и Максима Горького написано уже достаточно много, хотя оценки тех или иных эпизодов (особенно в эпоху начавшихся расхождений — приблизительно с 1907 г.) существенно разнятся¹. Однако относительно самого раннего этапа их отношений разногласий меньше всего. Почти все сходятся в том, что Горький смог разглядеть талант начинающего литератора уже на страницах его первого беллетристического выступления в газете «Курьер» — пасхального рассказа «Баргамот и Гараська», опубликованного 5 апреля 1898 г., и сразу же стал поддерживать Андреева: советами более опытного писателя, ходатайствами о публикации его новых опусов в журналах, вовлечением в московскую литературную среду (буквально: в кружок «Среда»), наконец — организацией издания первого сборника рассказов в 1901 г.

Предлагаемое читателю неопубликованное письмо Андреева к Горькому кое-что добавляет к картине первых месяцев их знакомства (пока еще заочного).

Время написания письма определяется достаточно однозначно — первая или самое начало второй декады декабря 1899 г. На это (помимо других мелких хронологических помет) указывает фраза, относящаяся к самому последнему этапу жизни адресанта: «<...> я написал маленький рассказ (выйдет в К<урьер> числа 14–20) и рождественский». Речь идет о рассказах «Большой шлем» и «Ангелочек», появившихся в «Курьере» соответственно 14 и 25 декабря 1899 г., а указанные в первом случае даты — «числа 14–20» — без уточнения месяца свидетельствуют, что сообщение это относится именно к декабрю: «Большой шлем» написан 19 ноября и уже готовится к публикации в редакции.

Письмо обнаружено в рабочей тетради писателя. Это, скорее всего, черновик, который был необходим для подробного, очень важного и серьезного письма к уже знаменитому писателю. В архиве Горького такое письмо отсутствует, однако это не означает, что оно не было ему отослано. В конце 1913 г. Горький писал А.В. Амфитеатрову: «<...> Андреев — человек прежде всего чрезвычайно талантливый и потому очень легко может написать “искреннее” и “экспансивное” письмо. Таковых и я имел немало, но счел за благо предать их огню, жалеючи будущего биографа Леонида — да не запутается в противоречиях непримиримых оный

¹ Ср., например: *Муратова К.Д.* Максим Горький и Леонид Андреев // Лит. наследство. Т. 72. М., 1965. С. 9–56 (далее — ЛН72); *Басинский П.В.* Горький. М., 2005. С. 252–307. (Жизнь замечат. людей); *Быков Д.Л.* Был ли Горький? М., 2008. С. 154–157; *Кен Л.Н., Рогов Л.Э.* Жизнь Леонида Андреева, рассказанная им самим и его современниками. СПб., 2010. С. 81–82, 95–97, 115–119, 123–125, 139–140, 179–189, 196–199, 218, 287–290; *Боева Г.Н.* Творчество Леонида Андреева и эпоха модерна. СПб., 2016. С. 356–393.

биограф»². Возможно, что в число преданных огню попало и настоящее письмо. Безусловно, Горького должна была покоробить избыточная исповедальность послания от знакомого лишь по нескольким сочинениям адресанта, особенно фрагмент, в котором Андреев признается, что в какой-то момент почувствовал себя фактически двойником Горького-писателя: «<...> всё, что я мог бы и главное хотел бы когда-нибудь сказать, Горький уже сказал, и сказал так, как я никогда не в состоянии был бы сделать. Одним словом, я обвинил вас в похищении моего платья и с горем увидел, что на воре оно сидит как вылитое <так!>».

Еще одно косвенное подтверждение тому, что письмо было отправлено адресату, содержится в другом андреевском письме Горькому, написанному через год, 18 декабря 1900 г. (это первое сохранившееся послание Андреева в их взаимной переписке). Говоря о своей жажде разговора с Горьким, он восклицает: «И накопело и наболело. Всё те же вопросы, которые вы затронули в “Читателе”»³. В публикуемом письме также констатируется: «Встал тут передо мною во всей своей силе вопрос, поставленный вами в “Читателе” <...>» — и вполне правдоподобно, что оборот «*всё те же* вопросы» из письма 1900 г. отсылает именно к этому, знакомому получателю (и одному из самых важных) фрагменту.

Для понимания роли письма напомним контекст, в который оно вписывается, т.е. существеннейшие моменты начала знакомства двух писателей. В очерке об Андрееве Горький отмечает, что весной 1898 г., будучи под впечатлением от «Баргамота и Гараськи», «<...> написал автору письмо по поводу рассказа и получил от Л. Андреева забавный ответ; оригинальным почерком, полупечатными буквами он писал веселые, смешные слова, и среди них особенно подчеркнуто выделился незатейливый, но скептический афоризм:

“Сытому быть великодушным столь же приятно, как пить кофе после обеда”.

С этого началось мое заочное знакомство с Леонидом Николаевичем Андреевым. Летом я прочитал еще несколько маленьких рассказов его и фельетонов Джемса Линча, наблюдая, как быстро и смело развивается своеобразный талант нового писателя»⁴.

У Андреева несколько иная версия, в дневнике он пишет: «В начале апреля передано приглашение от “Горького” участвовать в “Нижегородском листке”. На Страстной неделе <начало апреля. —Р.Д., М.К.> переда-

² Горький М. Полн. собр. соч. Письма: В 24 т. Т. 11. М., 2004. С. 65.

³ ЛН72. С. 78.

⁴ Горький М. Полн. собр. соч. Худож. произведения: В 25 т. М., 1973. Т. 16. С. 313–314.

но мне письмо, адресованное к Ашешову, сотруднику “Курьера”, такого содержания:

“Николай Петрович! Во-первых — здравствуйте — а во-вторых — будьте столь великодушны, сообщите мне адрес Леонида Андреева (так я подписываюсь), печатающего у вас такие славные рассказы. Пожалуйста! Ему, Андрееву, это, наверное, будет очень полезно. Свидетельствую почтение.

А. Пешков. (М. Горький)”

Я ответил Горькому сам. В среду на Страстной *телеграмма*:

“Немедленно пришлите хороший рассказ Миролубову, Ялта. Буду Москве субботу — М. Горький”. Но Горького я не видал — он был от поезда до поезда⁵.

Это первое письмо Андреева, написанное сразу же после получения письма Ашешову, не сохранилось. Возможно, именно его по памяти цитирует в мемуарном очерке Горький. Сохранилось очень деловое, «учительское» письмо Горького от 20–25 апреля, в котором повторяется приглашение высылать ему готовые произведения для устройства в разные журналы⁶. Судя по первой строке публикуемого письма, в которой Андреев оправдывается в долгом молчании из-за отсутствия готовых рассказов для «Жизни» и других журналов, оно является ответом на это горьковское послание. Следующее письмо от Горького датировано 2–4 апреля 1900 г. и не содержит никаких следов реакции на страстное письмо-исповедь начинающего литератора: если Горький и получил его, то сделал вид, что не заметил крайностей и резкостей послания.

Автограф письма хранится в Русском архиве в Лидсе (MS 606/A.4. Л. 6об.–10об. 5 л.). Зачеркнутые автором фрагменты даются в квадратных скобках, конъектуры публикаторов — в угловых.

⁵ Андреев Л.Н. Дневник. 1897–1901 гг. М.: ИМЛИ РАН, 2009. С. 191–192; ср.: ЛН72. С. 63–64.

⁶ В письме к Андрееву, датированном 20–25 апреля 1899 г., Горький пишет: «Если у вас, Леонид Николаевич, есть что-либо готовое, то, пожалуйста, присылайте ко мне, — я постараюсь, буде окажется возможным, пристроить ваши вещи в “Журнал для всех” и в “Жизнь”. Могу также в “Мир Божий”» (*Горький М.* Полн. собр. соч. Письма: В 24 т. Т. 1. М., 1997. С. 327).

Пешкову (Горькому)

М<ногоуважаемый> А<лексей> М<аксимович!>

До сих пор я не имел достаточных оснований к тому, чтобы воспользоваться вашей любезностью и дать что-нибудь для «Жизни» или для другого толстого журнала, попасть в который составляет ближайшую цель моих литер<атурных> вождений. По этой же причине я не хотел писать к Вам, желая, чтобы не одно голое письмо, но и литерат<урный> труд представительствовал за меня. Но теперь я вижу, что мне таким образом придется долго еще молчать, а желание хоть немного поговорить с Вами так сильно во мне, что побеждает наконец известную совесть, какую испытываешь, отрывая занятого человека от его хорошего дела и занимая его собою.

Должен сказать, что никого и ничего я так не любил, как литературу. Возможно, что в этом отношении я дохожу до крайности: я с искренним недоумением смотрю на людей, которые не пишут и живут, стараюсь представить себе, что же они в таком случае делают, и никак не могу. Спят, едят, танцуют, влюбляются... Но ведь всё это только условие и материал для писанья, а если они не пишут, зачем петь, спать и влюбляться? И я искренне жалею их и не могу поверить, чтобы и я когда-нибудь был таким. Но к сожалению, я им был; налицо слишком много данных, вынесенных мною из того временного, но ужасного состояния. Одной из этих данных является водка; другую — болезнь сердца и третьей — рой дьявольски черных сомнений в себе, в своей силе, в своем праве писать, т.е. учить. С 16 лет (сейчас мне 28) я искал — что, определить трудно. Начал я с вопроса о цели существования и, конечно, пошел самым кривым путем. Люди и книги не помогали мне, я призвал на помощь судьбу: однажды я лег под поезд вдоль рельс, полагая, что если цели в жизни нет, то поддувало будет низкое, и я умру⁷; если оно окажется высоким — я должен, значит, для «чего-то» жить. Оно оказалось высоким; жизнь сохранилась, но «чего-то» так и не явилось. Тогда я решил, что нужно искать женщину, а она уже и укажет мне цель. Искал

⁷ Судя по всему, об этом эпизоде Андреев приблизительно теми же словами поведал Горькому позже. В его мемуарном очерке о писателе читаем: «Он <...> рассказал о том, как, однажды, будучи подростком, бросился под товарный поезд, но, к счастью, угодил вдоль рельс <...>» (*Горький М.* Полн. собр. соч. Худож. произведения: В 25 т. Т. 16. М., 1973. С. 315). Горький, для которого в детстве «лежание» между рельсов под проходящим поездом, скорее всего, было просто одним из рискованных развлечений, отнесен к романтическому пафосу Андреева со скепсисом, отметив: «Забава эта почти безопасна, если топка локомотива достаточно высоко поднята и если поезд идет на подъем, а не под уклон <...>» (Там же).

я долго и тщательно; но сколько ни находил я женщин, ни одна из них, оказалось, и не думала о том, зачем она живет, и единственной задачей, которую они рекомендовали, было — бросить пить водку, так как пил я ее очень много, напившись, скандалил, дрался с городскими и своими друзьями и каждый раз ночевал в участке. Жизнь без смысла становилась невозможной, и в 1894 г. я стрелялся⁸, но в высшей степени неудачно: жизнь осталась, и была всё та же, но к ней еще присоединилась скверная и мучительная болезнь сердца. Вот уже пять лет, благодаря ей, я чувствую себя как под дулом пистолета и жмурюсь от страха, хотя пистолет может быть и не заряжен [вовсе]. Вечное и художественное созерцание смерти сделало меня трусом — и я уже не рискнусь окончательно разделаться с постылой жизнью (раз, впрочем, пьяный, резался⁹, но очень глупо, хотя и приобрел катар желудка). В это время вопрос о цели существования был мною потерян, но на смену ему явился другой, более жизненный, но так же трудно разрешимый благодаря массе всосанной отовсюду лжи. Это был вопрос о [нравственности] том, что хорошо и что дурно. Каждый день я решал его по-новому, [но] и делал попытки поступать так, как я [хочу] нахожу нравственным, но они не удавались. Напр<имер>, я не мог красть, и это очень огорчало меня. Дольше всего я пребывал в состоянии нищезанятия¹⁰. Под конец во мне поселилось несколько господ с диаметрально противоположными нравственными и социальными взглядами¹¹, и уживались довольно мирно, так как поступать я продолжал не по разуму, а по привычке. Но бывали случаи, когда язычник вступал в потасовку с христианином, а анархист тузил социал-демократа. [Но] Каковы бы, однако, они ни были, эти беспо-

⁸ В автобиографической заметке писатель сообщил: «В 1894 г. в январе я неудачно стрелялся; последствием неудачного выстрела было церковное покаяние, наложенное на меня начальством, и болезнь сердца не опасная, но упрямая и надоедливая» (Леонид Андреев (Автобиографические материалы) // Русская литература XX века (1890–1910) / Под ред. проф. С.А. Венгерова. М., 1915. Ч. 2. С. 242).

⁹ Эта попытка самоубийства, совершенная Андреевым весной 1892 г., была следствием усугубившегося кризиса в отношениях с возлюбленной, Зинаидой Николаевной Сибилевой: «Здесь в Петербурге начались неприятности с Зинаидой» — и я в конце концов в субботу на масляной совершил попытку на самоубийство. В оправдание неудачи приведу то, что совершил я ее пьяный до бессознательности, затем — очень неудобным оружием, ножом, и наконец — меня удержали от второй попытки ударить себя. Потом был несколько дней в больнице <...>» («Дневник» Леонида Андреева / Публ. Н.П. Генераловой // Литературный архив: Материалы по истории русской литературы и общественной мысли. СПб., 1994. С. 257).

¹⁰ Вероятнее всего, речь идет об увлечении Андреева и его университетских друзей философией Фридриха Ницше в период около 1895–1896 гг., что позже будет частично отражено в «Рассказе о Сергее Петровиче» (1900).

¹¹ Важная для Андреева тема двойничества, «множественности “я”» наиболее ярко выразилась в рассказе «Нас двое» (Андреев Л.Н. Полн. собр. соч.: В 23 т. Т. 1. М., 2007. С. 261–272; далее при ссылке на это изд. — ПСС23), близком по времени к данному письму (датирован 28 января 1899 г.).

койные господа, они сходились в одном: в ненависти к тому, что есть. Если я до сих пор не научился еще любить, то ненавидеть приходилось. Но жалкое, мертворожденное то было чувство! Не как враг ненавидел я действительность, а как раб ее, исподтишка, с оглядкой и страхом. И сколько тут пришлось лгать — даже во сне бывало лжешь, так как видишь людей, не какими их знаешь, а какими пожелаешь. И это было, кажется, самое ужасное, что мне пришлось испытать. Отчаяннейшее презрение к себе, ненависть к миру, сознание одиночества и жажда и страх смерти — вот тот дьявольский концерт, от которого я находил спасение в одной водке. Напившись, я или лгал, но не чувствуя и не сознавая лжи, или говорил правду и делал правду — и тогда люди меня, как бешеного, отвозили всё в тот же участок. Крепкая сеть условной лжи, которая опутывает всех, а особенно тех, кто называется порядочными людьми, связывала и меня — я давал уроки, делал визиты, учился, наконец, кончив учиться, [приобретал] ловил клиентов, и писал, но только для <себя>. Писал я тогда вещи поистине страховидные. Один из моих героев в своем отрицании сущего дошел до того, что не признавал самих физиологических процессов, находя ложь и в них¹². Любимейшею моею мечтою того недавнего времени — вас и ваших героев я тогда не знал еще совсем — было обратиться в «хитровца»¹³. Но не хватало характера, а главное — желудок и сердце не выносили водки. Напешься — а потом два дня издыхаешь под ледяными компрессами. А без водки такой разрыв с действительным труден. Посудите же теперь, с какою любовью встретил я Вашего Челкаша и компанию, всех этих «бывших» людей, принадлежать к которым я почел бы и почитаю сейчас за честь для себя, раз для «настоящих» ничего, кроме вечной и трусливой лжи, не остается. Давно еще помнится, когда я писал еще дневник, я изображал в нем наслаждение человека, выведенного на торговую казнь, с которого снято всё: одежда, стыд и ложь — и который под плетью чувствует себя свободным, как царь. Кажется, и на мою долю выпала нелегкая задача быть не ходовым «пятакком», а семишником¹⁴.

При этих условиях я вступил в литературу, т.е. напечатал первый рассказ «Бар<гамот> и Г<араська>». Вышло всё это совершенно случайно, по заказу¹⁵. Заказное в рассказе было у меня и умиление — это

¹² Рассказ с подобным сюжетом неизвестен.

¹³ Хитровец — босьяк, житель Хитровки, знаменитого в Москве района скопления ночлежных домов, который располагался вблизи улицы Солянка.

¹⁴ Монета в две копейки (*разг.*).

¹⁵ Рассказ «Баргамот и Гараська», от даты публикации которого писатель вел отчет своего литературного пути, был заказан редактором «Курьера» для пасхального номера, который вышел 5 апреля 1898 г. (см.: ПСС23. Т. 1. С. 717). Ранее Андреев печатал в «Курьере» только судебные отчеты.

трогательно-лживое пробуждение чего-то человеческого в сонной душе Баргамота и обращение милейшего Гараськи на путь добродетели и трезвости. Этому событию уже минуло полтора года. Я продолжал писать, но бессознательно. Бессознательно я приноровлялся к готовым формам рассказов, бессознательно [приноровлял] подгонял содержание к спросу и все больше старался пройти по части умиления. Свое, т.е. ненависть к сложившимся формам жизни, — продолжало копошиться во мне, но по странному случаю, продолжало находить выражение в пьянстве, а в мои писанья едва проскользало. Связи не было между тем, что пишу и что думаю. Тут, нынешнею весною, Ваше хорошее письмо¹⁶, как раз предостерегающее от лжи, и предложение послать что-нибудь в «Ж<урнал> для всех». Застало оно меня совсем спившимся[, и уже]. Месяца три я не брался за перо, и совсем уже было окочурился, когда бросил пить. (Не пьян я и теперь, да и потребности нет.)

В начале лета я ожил и стал работать. К этому времени относятся два рассказа «У окна» (в Курьере)¹⁷ и «Петька на даче» (в «Ж<урнале> для всех»)¹⁸. Но тут на дороге стали мне — Вы. Я вздумал сразу прочесть всё Вами написанное — и когда прочел, то [поду<мал>] решил: всё, что я [мог бы и] главное хотел бы когда-нибудь сказать, Горький уже сказал, и сказал так, как я никогда не в состоянии был бы сделать. Одним словом, я обвинил Вас в похищении моего платья и с горем увидел, что на воре оно сидит как вылитое <так!>. Можно, я думаю, признаться, что я почувствовал к Вам и зависть и даже, пожалуй, злобу, выражаемую словами: не будь его, глядишь бы, я всё это написал. (В то же время, конечно, и приятно было, что вот я и Горький и т.д.) Помимо комичного, в изобилии находящегося в этом неожиданном открытии, было и действительно горькое. Понял я, что говорить хотелось мне то же, что и Вам, а мне и средств нету. Писать же по-другому и говорить другое я почувствовал себя в полной невозможности. Одним словом, я потерял себя. И вот с июля месяца я проделывал такие вещи: описывал бывших людей, [об<орванцев>] босяков — и так как видел я их в действительности только мельком, то выходила у меня чепуха, которую я рвал; начинал я писать свое — и тоже рвал, так как не было оборванцев. За эти два-три месяца я начал около 15 вещей, и все они были то издали похожи на Горького (о том, каково могло быть сходство, судите сами), то опять на вечно умиляющегося Андреева, опротивевшего мне до чертиков. Встал тут передо мною во всей своей силе вопрос, поставленный

¹⁶ См. примеч. 6.

¹⁷ Рассказ «У окна» был опубликован в «Курьере» 3 августа 1899 г. (№ 212).

¹⁸ Рассказ «Петька на даче», написанный в июле 1899 г. (см.: ПСС23. Т. 1. С. 740), появился в девятом номере «Журнала для всех».

Вами в «Читателе»¹⁹ — и ответ на него был отрицательный. «Как вы все мелки, как жалки, как вас много!» — вот страшные поистине слова. И были, признаться, минуты, когда [у меня] я начал подумывать о смерти, так как жить без цели, как прежде, я уже не в силах, а литература, единственная цель и смысл моей жизни, отпадала. Не стану в подробностях передавать Вам этого довольно мучительного процесса, хорошо Вам знакомого, если не по себе, то по другим. Кончилось тем, что я как будто нашел себя. Явилась мысль очень простая, но очень [утешительная] радостная: ведь есть же у меня люди, порядки и вещи, которые я ненавижу? Есть же и люди и вещи, которые я люблю? Кто же мешает мне, раз у меня есть хоть крохотная способность владеть словом, сделать то, без чего я чувствовал [я] себя несчастным: т.е. говорить *мою* правду? Мою — какова бы она ни была?

И не знаю — но мне кажется, что только с этого момента я почувствовал в себе писателя. Это, конечно, не значит, что как и сел я с этим новым решением, так и написал хорошую вещь — ведь правду говорить очень трудно. И даже так вышло, что первая написанная мною после этого вещь (оконченная) была отчаянно фальшива²⁰. И вторая вещь, стоившая мне отчаянного труда — роман в 6–7000 строк — вышла совершенно неудачною²¹. Готовил я его для Вас, но, как видите, вотще. Кончилось дело тем, что я написал маленький рассказ (выйдет в *Курьере* числа 14–20)²² и рождественский²³. И вот и всё, что я сделал за это время, вонне. Внутри, я думаю, я сделал больше. Я нашел себя. Это не помешает тому, чтобы я еще долго лгал, — но зато я знаю теперь, чего я хочу.

Изложил всё это я потому, что мне не хотелось, чтобы Вы думали обо мне как о рабе ленивом и лукавом. Еще более, чем прежде, хочется мне попасть в большую литературу, и тем дороже Ваше в этом отношении содействие. Но — буду откровенен вполне — я очень боюсь выступить с плохой (в художественном отношении) вещью. Не потому, чтобы

¹⁹ Вероятно, имеется в виду вопрос, который в рассказе Горького «Читатель» (1898) задает повествователю (по профессии литератору) его странный, inferнальный собеседник: «А ты умеешь любить людей?» (*Горький М.* Полн. собр. соч. Худож. произведения: В 25 т. Т. 4. М., 1969. С. 127).

²⁰ Предположительно речь может идти о рассказе «Дело прошлое», написанном в сентябре 1899 г. и не публиковавшемся при жизни автора (см.: *ИСС23*. Т. 1. С. 289–301).

²¹ Имеется в виду «рассказ» (на самом деле — по объему и структуре — повесть) «Держите вора!», над которым Андреев работал с декабря 1898 по конец октября 1899 г. При жизни автора не публиковался (см.: *ИСС23*. Т. 1. С. 302–367).

²² Речь идет о рассказе «Большой шлем», опубликованном в «Курьере» 14 декабря 1899 г. (№ 345).

²³ Имеется в виду рассказ «Ангелочек», законченный в ноябре 1899 г. и опубликованный в рождественском номере «Курьера» (25 декабря 1899 г.).

я искал славы и удовлетворения своему самолюбию, — хотя и это соображение имеет место — но просто из желания занять более или менее прочную позицию, дающую возможность говорить свое.

Литература

Басинский П.В. Горький. М.: Молодая гвардия, 2005. 464 с.

Боева Г.Н. Творчество Леонида Андреева и эпоха модерна. СПб.: Петрополис, 2016. 520 с.

Быков Д.Л. Был ли Горький? М.: Астрель; АСТ, 2008. 348 с.

«Дневник» Леонида Андреева / Публ. Н.П. Генераловой // Литературный архив: Материалы по истории русской литературы и общественной мысли. СПб.: Наука, 1994. С. 247–294.

Кен Л.Н., Рогов Л.Э. Жизнь Леонида Андреева, рассказанная им самим и его современниками. СПб.: ИПК Коста, 2010. 450 с.

Муратова К.Д. Максим Горький и Леонид Андреев // Литературное наследство. Т. 72: Горький и Леонид Андреев: Неизданная переписка. М.: Наука, 1965. С. 9–60.

References

Basinskii P.V. *Gor'kii* [Gorky]. Moscow, Molodaia gvardiia Publ., 2005. 464 p. (In Russ.)

Boeva G.N. *Tvorchestvo Leonida Andreeva i epokha moderna* [Leonid Andreev's works and the era of Modernism]. St. Petersburg, Petropolis Publ., 2016. 520 p. (In Russ.)

Bykov D.L. *Byl li Gor'kii?* [Was there Gorky?] Moscow, Astrel' Publ., AST Publ., 2008. 348 p. (In Russ.)

“Dnevnik” Leonida Andreeva [Leonid Andreev's “diary”], publ. by N.P. Generalova. *Literaturnyi arkhiv: Materialy po istorii russkoi literatury i obshchestvennoi mysli* [Literary archives: Materials on the history of Russian literature and social thought]. St. Petersburg, Nauka Publ., 1994, pp. 247–294. (In Russ.)

Ken L.N., Rogov L.E. *Zhizn' Leonida Andreeva, rasskazannaia im samim i ego sovremennikami* [The life of Leonid Andreev told by himself and his contemporaries]. St. Petersburg, IPK Kosta Publ., 2010. 450 p. (In Russ.)

Muratova K.D. *Maksim Gor'kii i Leonid Andreev* [Maxim Gorky and Leonid Andreev]. *Literaturnoe nasledstvo. T. 72: Gor'kii i Leonid Andreev: Neizdannaiia perepiska* [Literary heritage. Vol. 72: Gorky and Leonid Andreev: Unpublished correspondence]. Moscow, Nauka Publ., 1965, pp. 9–60. (In Russ.)

An unknown letter from Leonid Andreev to Maxim Gorky

© 2018, Richard Davies, Mikhail Kozmenko

Abstract: This publication makes available for the first time a previously unknown letter by a novice writer to one who was already famous. It can be dated to early or mid-December 1899. It had previously been thought that the correspondence between two central figures in early-20th-century Russian literature had been comprehensively published in volume 72 of the well-known series “Literary Heritage” (1965). This imposing corpus of 181 letters written between 1899 and 1916 formed the basis for perceptive and penetrating analyses of the two writers' complex relationship. The earliest stage of the writers' love-hate relationship had given rise to the fewest disagreements among researchers: they nearly all agreed that Gorky had immediately spotted the novice writer's talent on reading “Bargamot and Garas'ka”, the first story Andreev published in the newspaper “Kur'er”, at Easter 1898, and that this had prompted him to offer Andreev his advice, as the more experienced writer, and to help him publish his new works in magazines, to introduce him to Moscow literary circles (the “Wednesday” group), and ultimately to organise the publication of his first collection of stories in 1901. The letter being published here for the first time forces us to re-examine the very earliest period of Andreev's search for a place in literature. The most striking part of the letter is his self-definition as Gorky's literary double, despite an almost complete absence in his works of any direct stylistic, let alone philosophical, echoes of his elder literary comrade. Hardly anything has survived among Andreev's papers of the numerous experiments à la Gorky he mentions in his letter: he evidently took radical steps to put the temptation of Gorky behind him, and he succeeded in doing so. No less significant is that we have here a new, if typical, existentially frank, “wide-open” Andreevan ego-document, which contains several interesting nuances to add to the known facts and concerns of both his outer biography and his inner life.

Keywords: Maxim Gorky, Leonid Andreev, Early-20th-century Russian literature, correspondence.

Information about the authors: Richard Donald Davies, MA (Cantab), archivist of the Leeds Russian Archive, Brotherton Library, University of Leeds, Leeds, Great Britain. E-mail: r.d.davies@leeds.ac.uk

Mikhail Kozmenko, Candidate of Philological Sciences, Senior Researcher, Russian Academy of Sciences A. M. Gorky Institute of World Literature, Moscow, Russia. E-mail: uzium@mail.ru

Citation: Davies Richard, Kozmenko Mikhail. An unknown letter from Leonid Andreev to Maxim Gorky. *Literary fact*, 2018, no. 10, pp. 173–183.

DOI 10.22455/2541-8297-2018-10-184-195
УДК 812.161.1

История из писем и воспоминаний. Константин Лигский — «дорнахский антропософ» *

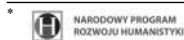
© 2018, Д. Оболенска

Аннотация: Статья посвящена Константину Лигскому, ставшему после революции 1917 г. известным коммунистическим деятелем. Анализируется период 1914–1916 гг., когда Лигский вступил в Антропософское общество и работал на строительстве Гетеанума в Дорнахе. Скучная информация, содержащаяся в письмах и воспоминаниях людей, знакомых и друживших с Лигским, позволяет выстроить короткую историю о «дорнахском антропософе», как называл его Андрей Белый.

Ключевые слова: Константин Лигский, антропософия, Дорнах, витражи.

Информация об авторе: Диана Оболенска, д.ф.н., профессор, Гданьский университет, Польша. E-mail: diana.obolenska@ug.edu.pl

Цитирование: *Оболенска Д.* История из писем и воспоминаний. Константин Лигский — «дорнахский антропософ» // Литературный факт. 2018. № 10. С. 184–195.

* Научный труд финансово поддержан проектом «Национальной программы развития гуманитарных наук» Министерства науки и высшего образования Республики Польша: Польская культура и западная эзотерическая философия 1890–1939 гг. (0186/NPRN4/H2b/83/2016). К изданию готовятся четыре тома научных работ по теме «Польская культура и западная эзотерическая философия 1890–1939 гг.». В состав темы войдет и история польской антропософии, впервые так детально исследованная польскими учеными.

В известном письме к помощнику прокурора РСФСР Рубену Павловичу Катаняну Андрей Белый писал: «Что отношение к Октябрьской революции у большинства русских антропософов на Западе и у нас было положительным доказывает ряд примеров, из которых приведу лишь несколько: а) дорнахский антропософ, с которым вместе работал я по резной скульптуре в 1915–1916 годах, Константин Андреевич Лигский, с момента революции бросает работу, является в Россию, становится членом Коммунистической партии с 1918-го года, ведет видную работу в Ленинградском Отделе Управления; и до смерти остается верным советским работником (консул в Варшаве, Токио, Афинах <...>»¹.

Историю «дорнахского антропософа» Константина Андреевича Лигского (1885–1936) можно было бы реконструировать по письмам и воспоминаниям других антропософов или близких ему людей. Из малых элементов человеческой памяти, зафиксированных в эпистолярной форме, складывается общая картина личности Лигского, принимавшего участие во всех важных событиях начала XX в. Антропософский этап в жизни нашего героя имел иное пространство существования по сравнению с другими, известными «пространствами» — Андрея Белого, Маргариты Сабашниковой-Волошиной или Аси Тургеневой. Определение «иное» относится к набору тех конститутивных признаков, которые чаще всего определяли путь русских антропософов первого поколения: встреча с Рудольфом Штейнером, работа на постройке Гетеанума, вступление в Антропософское общество и в дальнейшем сложная антропософская работа при Штейнере или после возвращения в Россию.

По свидетельству Андрея Белого, Лигский в 1917 г. «с момента революции бросает работу <антропософскую — Д.О.>, является в Россию». Вместе с тем антропософская идея не была для него отвлеченным началом, но уходит внутрь его размышлений; занимая государственные должности, он неоднократно помогал бывшим коллегам-антропософам. Согласно воспоминаниям Маргариты Сабашниковой, в январе 1921 г. Лигский, будучи уполномоченным Народного комиссариата иностранных дел в Петрограде, пристроил ее там на работу: «Эта зима была хороша с января. Благодаря Лигскому я имела комнату в Наркоминделе и обеды из интернациональной гостиницы, служила в библиотеке, немного начала работать у Татлина, <...> и мне эта зима много дала. А главное, что было хорошо, и из-за чего я осталась в Петрограде, это кружок людей <антропософский — Д.О.>, интересующихся нашей

¹ Андрей Белый, Григорий Санников: Переписка 1928–1933 / Сост., предисл. и коммент. Д.Г. Санникова. М., 2009. С. 186.

наукой, с которыми я занималась»². Однако Сабашникова жаловалась М. Волошину в сентябре того же года, что после отъезда Лигского в Польшу, на место заведующего консульским отделом в Варшаве, у нее сразу же возникли проблемы на новом месте работы: «Я бы сейчас могла осуществить свои художественные мысли, потому что нашла путь ученья <антропософии — Д.О.> или нащупала и могла бы планомерно работать, но начну этот сезон без места (Лигский уехал в Варшаву консулом и меня сейчас же всего лишили <...>»³.

В период службы в консульском отделе в Варшаве Лигский был, безусловно, осведомлен о действующих польских и русских антропософских кружках. Русский антропософский кружок в Варшаве с конца 1920-х гг. возглавлял Александр Поццо, знакомый Лигского еще по дорнахскому периоду. Историю появления Поццо в Варшаве описывает в воспоминаниях Леон Мантейфель⁴. Осенью 1928 г. в Дорнах приезжает председатель варшавского антропософского кружка и обращается к Екатерине Ильиной (заведующей «Русским Домом» в Дорнахе) с просьбой перевести некоторые работы Штейнера на русский язык. Просьбу эту Ильина передала Наталье Тургеневой-Поццо, жене Александра Поццо. Во время разговора было решено, что Поццо зимой поедет в Варшаву и будет помогать в антропософской работе. Так и случилось, а пребывание Поццо в Варшаве продлилось семь лет. Лекции он читал по-русски, так как не знал польского языка. В кружке работали над драмами-мистериями Штейнера в переводе Николая Белоцветова. Благодаря Поццо к варшавским антропософам присоединились мать Наталии и Аси Тургеневых — София Кампиони⁵ и дочь Александра Поццо — Мария, которая будет вести эвритмические занятия вплоть до 1939 г.

Встречался ли Лигский, официально или неофициально, со знакомыми антропософами в Варшаве — неизвестно. Однако мысль о том, что это возможно, подтверждается обращением к некоторым воспоминаниям и письмам его современников.

² *Волошин М.А.* Собрание сочинений / Под ред. В.П. Купченко, А.В. Лаврова. Т. 11: Переписка с Маргаритой Сабашниковой. Кн. 2: 1906–1924. М., 2015. С. 711. О том, что в трудную минуту Лигский не забывал друзей, Сабашникова пишет и в «Зеленой змее» (*Сабашникова-Волошина М.* Зеленая змея: История одной жизни / Пер. М. Жемчужниковой. М., 1993); см. также воспоминания А.В. Амфитеатрова (*Амфитеатров А.В.* Жизнь человека, неудобного для себя и для многих / Сост., подгот. текста и коммент. А.И. Рейтблата. М., 2004).

³ *Волошин М.А.* Собрание сочинений / Под ред. В.П. Купченко, А.В. Лаврова. Т. 11: Переписка с Маргаритой Сабашниковой. Кн. 2: 1906–1924. С. 712.

⁴ *Manteuffel L.* Aleksander Pozzo. Машинопись // Собрание Ванды Хжановской.

⁵ См. также: *Юнгрен М.* Наталия Поццо и Варвара Кампиони: две сестры Аси Тургеневой // *Арабески Андрея Белого. Жизненный путь, духовные искания, поэтика* / Ред. К. Ичин, М. Спивак. Белград; М., 2017.

Многоговорящее определение Андрея Белого «дорнахский антропософ» постулирует более или менее известные факты участия Лигского в антропософском движении. В этом определении заключены два основных фактора, повлиявших на путь Лигского в антропософии. Во-первых, в Дорнах он приехал, как свидетельствуют воспоминания Андрея Белого, в 1914 г. («Июль 1914 года: <...> к Ильиной⁶ переселился и К.А. Лигский <...>»)⁷, а антропософом стал позже, в январе 1915 г., после личной встречи с Рудольфом Штейнером («Январь 1915 года: К.А. Лигский знакомится с доктором и готов вступить в А.О.»)⁸. Во-вторых, он принадлежал к первому поколению русских антропософов, лично знавших доктора.

Очень вероятно, что увлечение Лигского антропософией развивалось под влиянием Маргариты Сабашниковой, во всяком случае, знакомство и беседы с ней послужили для него определенным толчком к изучению антропософии. Сабашникова, как известно, долгое время была «гарантом» для русских антропософов, и именно через нее проходили заявления желающих присоединиться к движению. Вот как об этом вспоминает Н.К. Бальмонт: «Маргариту друзья звали Марго. Марго в Штутгарте двадцать пять лет прожила безвыездно. Я ей написала большое письмо, за много-много лет. Мы с ней очень дружили, когда она жила в Петербурге, в Петрограде. К ней туда приехал из-за границы ее друг, Лигский, он во время 1905 года бежал в Германию»⁹. По другим сведениям, побег за границу был совершен Лигским в 1910 г. с Нерчинской каторги¹⁰, куда его сослали за революционную деятельность в конце 1906 г.¹¹ Будущий «дорнахский антропософ» посетил Штутгарт, скорее всего, в 1902 г., после того как покинул юридический факультет Московского университета; по возвращении Лигский поступил в военно-медицинскую академию

⁶ Екатерина Александровна Ильина — антропософка, с 1913 по 1922 г. принимала участие в постройке первого Гетеанума; переводчица лекций и работ Рудольфа Штейнера.

⁷ Андрей Белый и антропософия. Публ. Дж. Малмстада // Минувшее: Исторический альм. 6. Париж, 1988. С. 404.

⁸ Андрей Белый и антропософия. Публ. Дж. Малмстада // Минувшее: Исторический альм. 8. Париж, 1989. С. 425.

⁹ *Айдинян С.* В ореоле памяти: Константин Бальмонт. Шуя: Изд. Музея К.Д. Бальмонта, 2005. URL: <http://aidinian.org.ru/knigi/st-ajdinyan-balmont-v-oreole-ramyati> (дата обращения: 19.04.2017).

¹⁰ *Старр Л.* Умер Костя Лигский // Каторга и ссылка. 1931. Кн. 8/9. Этому тяжелому периоду Лигский посвятил такие произведения, как “Via dolorosa” (Энергия. Сб. II. СПб., 1914), «Ты одинок» (Современник. 1911. № 9), «У гроба Сазонова» под псевдонимом Вчерашний Зерентуец (Былое. 1910. № 13).

¹¹ См. примечания к письму Андрея Белого Иванову-Разумнику 17 июля 1920 г.: Андрей Белый и Иванов-Разумник: Переписка / Публ., вступ. статья и коммент. А.В. Лаврова и Дж. Малмстада; Подгот. текста Т.В. Павловой, А.В. Лаврова и Дж. Малмстада. СПб., 1998. С. 211.

в Петербурге (1903), которую не окончил по причине ее закрытия. Тогда же он вновь уехал на полгода в Европу¹². Пребывая с 1910 г. за границей, он сблизился с масоном Михаилом Осоргиным, а потом с Александром Амфитеатовым, оставившим воспоминания о Лигском: «Характер Константина Андреевича был не из легких. Образования и воспитания он был тюремно-каторжного, нрава соответственно угрюмого и подозрительного. Лопатин¹³ шутя называл его “неоближенным медвежонком”. Надо было пуд соли с ним съесть, чтобы из-под грубой, тяжеловесной внешней оболочки выглянул настоящий Лигский: душа добрая, но выбитая бурей из равновесия и жестоко израненная, глубокая по чувству при недостатке умственной силы и знания, страстная до пылкости в исканиях удовлетворенности житейской, философской, религиозной, эстетической. <...> Я думаю, что, вопреки зубрежке материалистических авторитетов и социалистической “службе”, Лигский, иногда резкий атеист на словах, втайне если не был религиозен, то очень скучал без религии и желал бы ее найти»¹⁴.

Несмотря на то, что фамилия Лигского упоминается в письмах и воспоминаниях Андрея Белого, Амфитеатрова¹⁵, Сабашниковой, Бориса Пильняка¹⁶, личность этого интересного человека вырисовывается как бы обаятая туманом¹⁷. И если относительно периода его жизни, связанного с политической деятельностью до и после пребывания в Дорнахе, фактов достаточно много, то детали его антропософской биографии весьма скудны. Мало информации сохранилось и в обширном антропософском архиве в Дорнахе (Goetheanum Archiv, Rudolf Steiner Archiv). Фамилия «дорнахского антропософа»¹⁸ не появляется и в расширенном биографическом интернет-архиве Гетеанума. Возможно причиной тому может быть личность самого Лигского.

Польская исследовательница, знаток театрального искусства Малгожата Лыько, описывая эвритмические постановки Рудольфа Штейнера, очень четко характеризует одну из черт его личности: «Одиночество

¹² Кан Г.С. Наталья Климова. Жизнь и судьба. СПб., 2012.

¹³ Герман Александрович Лопатин — переводчик, революционер, член совета Первого интернационала.

¹⁴ Амфитеатов А.В. Повесть о добром большевике // Сегодня. 1931. № 183, 5 июля. URL: http://az.lib.ru/a/amfiteatrow_a_w/text_1931_povest_o_dobrom_bolshevike.shtml (дата обращения: 19.04.2017).

¹⁵ Переписка М. Горького с А.В. Амфитеатовым: Лит. наследство. Т. 95: Горький и русская журналистика начала XX века: Неизданная переписка. М., 1988.

¹⁶ Переписка Б. Пильняка с Е. Спальвиным: «...Потому что в мире, ночами под луною — всегда человеку одиноко». Неизвестные письма из Архива внешней политики Российской Федерации. Публ., предисл. и коммент. Е. Гусевой // Знамя. 2015. № 6.

¹⁷ См. также письма самого К. Лигского: ИРЛИ Ф. 377. Оп. 6. Ед. хр. 2152.

¹⁸ См.: <http://www.biographie.kulturimpuls.org>

Рудольфа Штейнера было особым, существенным, было отдельностью, обусловленной миссией строительства альтернативной цивилизации, опирающейся на христианскую посвятельную школу; это было одиночество человека, призывающего полноту бытия, человека посвященного, и в то же время открытое для другого человека и осуществляющееся в диалоге с другим»¹⁹. Привожу эту цитату только потому, что характеристика вполне может относиться и к личности Лигского. И дело здесь не в мистическом посвящении, а в экзистенциальном одиночестве, которое влекло человека к поиску тех, с кем можно было бы разделить непроницаемую действительность, согреть ищущую душу каторжника. Не случайно Андрей Белый отчетливо разделяет период обычной антропософской работы Лигского и затем его приверженность антропософии после личного разговора с Штейнером. Последний факт является значимым биографическим событием для первого поколения русских антропософов, связавших свою судьбу лично с Штейнером и только потом с антропософией как духовной школой²⁰.

В Дорнахе, снимая комнатку у Ильиной по соседству с Андреем Белым, Лигский трудится на постройке Гетеанума (первоначально Johannesbau). Гетеанум строили сами антропософы и симпатизировавшие ему, которых было около 150 человек различных национальностей и профессий. Основываясь на эстетических размышлениях И.-В. Гёте, Ф. Шиллера, а позже и Ницше, Штейнер предпринимает попытку создания нового антропософского направления в искусстве, понимаемого как практическое развитие человеческих способностей, направленных на развитие самосознания, а в перспективе — на преобразование духовной и материальной действительности. В этом ключе идеи Штейнера соединялись со взглядами Вл. Соловьева²¹, описывавшего человеческую силу творчества как силу создания и возвышения смысла бытия. Одним из центральных моментов реализации учения Штейнера стало здание Гетеанума, в котором воплотились его восприятие идеи метаморфозы Гёте и начало органической архитектуры²². Кроме того, замысел Гетеанума в практическом смысле представлял основные этапы антропософского посвящения.

¹⁹ *Leyko M.* Teatr w krainie utopii. Monte Verità, Mathildenhöhe, Hellerau, Goetheanum, Bauhaus, Słwo/obraz, terytoria. Gdańsk, 2012. S. 161. Перевод мой — Д.О.

²⁰ См. интереснейшие архивные материалы: Антропософский архив Л.А. Новикова в собрании Отдела рукописей ИМЛИ РАН / Ред. колл. Д. Оболенска, М. Rzeżuska, Д. Московская, М. Федоров. Gdańsk; Moskwa, 2017.

²¹ См.: *Гурвич Е.Б.* Владимир Соловьев и Рудольф Штейнер. М., 1993; *Бонецкая Н.К.* Русская софиология и антропософия // Вопросы философии. 1995. № 7; *Белый А.* Воспоминания о Штейнере // Собрание сочинений. Т. 7. М., 2000.

²² См.: Архитектура и антропософия / Сост. А. Соколиной. М., 2010.

В начале XX столетия лекции Штейнера вместе с русскими слушали также будущие польские антропософы. Среди них одной из первых была Ядвига Седлецка, посещавшая лекции доктора с 1907 г.; благодаря ее энтузиазму и бесконечным письмам к друзьям вскоре к слушателям присоединяется и Тадеуш Рихтер. В 1910 г. членом немецкого кружка становится польская художница Люна Дрекслер (Luna Drexler, 1882–1933). Все эти люди сыграли значительную роль в истории антропософского движения в Польше.

Гетеанум был запланирован как архитектурный комплекс, помимо центрального здания появилось еще двенадцать построек²³, в большинстве своем спроектированных Штейнером. Отдельные здания появились гораздо раньше, чем закончилось строительство первого Гетеанума; среди этих построек была и оконченная в 1914 г. стекольная мастерская, называемая Стеклянным домом (Glashaus)²⁴. Здесь над цветными витражами для Большого зала Гетеанума работали Т. Рихтер, жена Рихтера Анна Май, Ф. Седлецки²⁵, жена Седлецкого Ядвига Седлецка, братья фон Май²⁶, К. Лигский, будущая жена Лигского Гертруда фон Орт²⁷, Ася Тургенева, Эмма Столле²⁸ и др.

Сначала Лигский выполнял черновые работы по железу и дереву, потом перешел в стекольную мастерскую, возглавляемую польским антропософом Тадеушем Рихтером²⁹. Андрей Белый пишет: «То же случилось с “Л” [Лигским], начавшего с железа (черной работы) и ставшего спецом по стеклам; увидев стекла его, доктор сказал: “Вы талантливый человек”»³⁰. Лигский, работая в Стекольной мастерской, исполнил боко-

²³ Glashaus, Heizhaus, Haus Duldeck, три здания Eurythmiehäuser, Verlagshaus, Eurythmeum, а также жилые постройки.

²⁴ Детальное раскрытие архитектоники комплекса Гетеанума в Дорнахе: *Wiśniewska-Paź B. Społeczny wymiar obiektu Goetheanum w Dornach i jego sensy edukacyjne*. Wrocław, 2002.

²⁵ Франтишек Седлецки (Franciszek Siedlecki, 1867–1934) — живописец, гравер, в 1914–1919 гг. вместе с женой Ядвигой Седлецкой (Jadwiga Siedlecka, 1877–1952), эвритмисткой, работал над витражами первого Гетеанума.

²⁶ Вало фон Май (Walo von May, 1879–1928) связал свою жизнь с мюнхенской высшей школой искусств, его младший брат Ганс фон Май (Hans von May, 1883–1949) — поэт. Оба работали в Стекольной мастерской.

²⁷ Гертруда фон Орт (Gertrud von Orth) — художница, эвритмистка, жена К. Лигского, также работала по стеклам при постройке первого Гетеанума. После смерти сына Эразма в 1920-х гг. вернулась в Штутгарт, где работала над эвритмией.

²⁸ Эмма Столле (Emma Stolle, 1871–1956) — эвритмистка, в Дорнахе до 1956 г. Также работала над витражами Гетеанума.

²⁹ Тадеуш Рихтер (Tadeusz Rychter, 1870 — ок. 1943) — польский антропософ, в 1914–1920 гг. работал на постройке Гетеанума с женой Анной Май (Anna May, 1864–1954), по поручению Р. Штейнера заведовал Стекольной мастерской.

³⁰ Белый А. Воспоминания о Штейнере. С. 480.

вые стекла красного витража по рисункам Т. Рихтера и Ф. Седлецкого³¹, зеленое окно северного витража по рисунку Рихтера, центральное фиолетовое окно северного витража по рисунку Рихтера; боковые стекла вырезали Седлецкие³².

Работа была тяжелой и очень ответственной. Цветные стекла размером 3,70 метра на 70 сантиметров помещались на соответствующие стеллажи. Наносился заранее приготовленный и согласованный с Штейнером рисунок, и начиналась резьба по стеклу. Резной аппарат напоминал бормашину: снималось определенное количество пластов стекла и тем самым задавалась необходимая глубина, чтобы рисунок получил оттеночную перспективу. Случалось, что дорогостоящие стекла лопались под сильным нажимом, и приходилось начинать сначала.

Трудно однозначно ответить, как Лигский попал в стекольную мастерскую. Возможно, этому содействовало его увлечение живописью³³ или кратковременная учеба в Академии художеств в Риме в 1910 г., которую Лигский должен был оставить за неимением средств. А.В. Амфитеатров вспоминал: «Этого чудака мучительно тянуло ко всем искусствам, и ко всем он как будто обнаруживал некоторые способности и на всех одинаково срывался. Лигский решительно не мог видеть или слышать, что кто-либо делает нечто красивое, без того чтобы немедленно не попробовать самому: не осилю ли и я? Не по зависти, не по ревности к чужому таланту — нет, этой злой черты я никогда в нем не замечал»³⁴. Но не исключено, что супруги Седлецкие, работавшие тогда в стекольной мастерской³⁵, стали частыми посетителями дома Ильиной и там близко познакомились с Лигским.

Вместе с тем многонациональное антропософское общество в полной мере отразило разногласия, а порой и открытую неприязнь, возникавшие среди людей на фоне событий Первой мировой войны. Штейнер в это время читал специальные лекции для строителей Гетеанума³⁶,

³¹ Франтишка Седлецкого, уже известного художника и теоретика искусства, пригласил в Дорнах Тадеуш Рихтер.

³² См.: *Steiner R. Die Goetheanum — Fenster. Sprache des Lichtes. Entwürfe and Studien.* Dornach: Steiner Verlag, 1996.

³³ См. также: Избранные стихи русских поэтов / Обл. работы К.А. Лигского. Серия сборников по периодам. Период третий. СПб.: тип. М. Стасюлевича, 1914. Вып. 1. (К. Фофанов — В. Брюсов). VI, 130 с.; Вып. 2. (А. Блок — М. Шагинян). VI, 314 с.

³⁴ *Амфитеатров А.В.* Повесть о добром большевике.

³⁵ Андрей Белый и антропософия. Публ. Дж. Малмстада // *Минувшее: Исторический альм.* 8. Париж, 1989. С. 410.

³⁶ См., напр.: *Zeitgeschichtliche Betrachtungen. Das Karma der Unwahrhaftigkeit — Erster Teil (GA 173)* — 13 лекций, прошедших в Дорнахе и Базеле 4–31.12.1916. Современный перевод: *Штайнер Р.* Карма неправдивости. Окультиные средства массового воздействия и скрытые причины Первой мировой войны / Пер. Р. Джанибеяна, Л. Истомина. М.; Ереван, 2015.

посвященные как антропософскому искусству, так и напряженной повседневной действительности. В стекольной мастерской также стали возникать недоразумения, Седлецкий явно критиковал стилистические проекты Штейнера³⁷. Вероятно, в Дорнах его привело чувство любопытства к разрабатываемой тогда новой технике работы по стеклу. Как устоявшийся художник он не мог согласиться с отдельными художественными разработками Штейнера. Разногласия между мировоззрением Седлецкого и антропософскими идеями привело к его выходу из Антропософского общества³⁸. В 1919 г. Седлецкий покидает Дорнах. Смягчение наступит после известия о поджоге и полном уничтожении первого Гетеанума в ночь с 31 декабря 1922 на 1 января 1923 г. Седлецкий, в 1923 г. будучи уже в Варшаве, писал: «Пришло к нам грустное сообщение — наши витражи в Дорнахе, над которыми мы работали столько лет, — уничтожены!! Они сгорели вместе со всем зданием в новогоднюю ночь. <...> Говорят, что перед смертью они выглядели красиво — как пишут в газетах, они разгорелись великолепным светом — раскрыли всё свое цветное и художественное великолепие и с грохотом провалились в ничто»³⁹.

Имя Лигского не возникало в связи с этой историей, и поэтому его отношение к напряженной ситуации в мастерской нам не известно. Странно, что даже когда он с отдачей работает над стеклами витражей в Дорнахе, воспоминания о нем скудны. Ася Тургенева, работавшая вместе с ним в стекольной мастерской, не упоминает «дорнахского антропософа» в своей книге⁴⁰. Насколько Лигский вошел в антропософию, будучи еще в Дорнахе, — неизвестно; можно лишь предположить, что как личность горячая и действующая вошел с головой, что в полной мере подтверждают слова Андрея Белого, преданного антропософа: «Август 1914 года: <...> я выходил в общую кухню (нашу и Ильиной) и присутствовал при сборище русских <...>, во время этих разговоров я близко сошелся с К.А. Лигским»⁴¹. Страстно увлекавшийся Андрей Белый и открывший свой характер Лигский могли сойтись только на почве антропософии, детально исследуемой и горячо воспринимаемой обоими.

³⁷ *Белый А.* Воспоминания о Штейнере. С. 475.

³⁸ Однако свою жену Седлецкий будет поддерживать в антропософской работе. Ядвига Седлецкая была председателем первого польского антропософского кружка, образованного в 1913 году в Варшаве.

³⁹ F. Siedlecki, list do Stefana Markowskiego, Warszawa, 13.I.1923 // Zakład Zbiorów Specjalnych, IS PAN, sygn. 1311. Цит. по: *Leyko M.* Teatr w krainie utopii. S. 195. Перевод мой — Д.О.

⁴⁰ *Тургенева А.* Воспоминания о Рудольфе Штейнере и строительстве первого Гетеанума. М., 2002.

⁴¹ Андрей Белый и антропософия. Публ. Дж. Малмстада // Минувшее: Исторический альм. 6. Париж, 1988. С. 415.

Но Лигский не оставил воспоминаний, что тоже, наверное, симптоматично. Остались витражи (по сути копии, поскольку большинство из них сгорело при пожаре Гетеанума), воспоминания и письма, в которых проявляется антропософская история Константина Андреевича. В 1917 г. он вернулся на родину, чтобы начать работу в русле новых политических событий, сотрудничая с советской властью и занимая ответственный пост в Петроградском совете.

Литература

Айдинян С. В ореоле памяти: Константин Бальмонт. Шуя: Изд. Музея К.Д. Бальмонта, 2005. URL: <http://aidinian.org.ru/knigi/st-ajdinyan-balmont-v-oreole-ramyati> (дата обращения: 19.04.2017).

Амфитеатров А.В. Жизнь человека, неудобного для себя и для многих / Сост., подгот. текста и коммент. А.И. Рейтблата. М.: Новое литературное обозрение, 2004.

Андрей Белый и антропософия. Публ. Дж. Малмстада // Минувшее: Исторический альм. 6. Париж: Atheneum, 1988. С. 337–448.

Андрей Белый и антропософия. Публ. Дж. Малмстада // Минувшее: Исторический альм. 8. Париж: Atheneum, 1989. С. 409–471.

Андрей Белый и Иванов-Разумник: Переписка / Публ., вступ. статья и коммент. А.В. Лаврова и Дж. Малмстада; Подгот. текста Т.В. Павловой, А.В. Лаврова и Дж. Малмстада. СПб.: Atheneum; Феникс, 1998. 736 с.

Андрей Белый, Григорий Санников: Переписка 1928–1933 / Сост., предисл. и коммент. Д.Г. Санникова. М.: Прогресс-Плеяда, 2009. 263 с.

Антропософский архив Л.А. Новикова в собрании Отдела рукописей ИМЛИ РАН / Ред. колл. Д. Оболенска, М. Rzeczycka, Д. Московская, М. Федоров. Gdańsk; Moskwa: Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego, 2017.

Архитектура и антропософия / Сост. А. Соколиной. М.: КМК, 2010. 268 с.

Белый А. Воспоминания о Штейнере // Собрание сочинений. Т. 7. М.: Республика, 2000. 719 с.

Бонецкая Н.К. Русская софиология и антропософия // Вопросы философии. 1995. № 7.

Волошин М.А. Собрание сочинений. Т. 11: Переписка с Маргаритой Сабашниковой. Кн. 2: 1906–1924. М.: Эллис Лак, 2015.

Гурвич Е.Б. Владимир Соловьев и Рудольф Штейнер. М.: Мартис, 1993.

Кан Г.С. Наталья Климова. Жизнь и судьба. СПб.: Изд-во им. Н. Новикова, 2012.

Лит. наследство. Т. 95: Горький и русская журналистика начала XX века: Неизданная переписка. М.: Наука, 1988. 1079 с.

«...Потому что в мире, ночами под луною — всегда человеку одиноко». Известные письма из Архива внешней политики Российской Федерации. Публ., предисл. и коммент. Е. Гусевой // Знамя. 2015. № 6.

Тургенева А. Воспоминания о Рудольфе Штейнере и строительстве первого Гетеанума. М.: Новалис, 2002.

Юнгрен М. Наталия Поццо и Варвара Кампиони: две сестры Аси Тургеневой // Арабески Андрея Белого. Жизненный путь, духовные искания, поэтика / Ред. К. Ичин, М. Спивак. Белград; М., 2017.

Leyko M. Teatr w krainie utopii. Monte Verità, Mathildenhöhe, Hellerau, Goetheanum, Bauhaus, Słwo/obraz, terytoria. Gdańsk, 2012.

Wiśniewska-Paź B. Społeczny wymiar obiektu Goetheanum w Dornach i jego sensy edukacyjne. Wrocław: Wydawnictwo Instytutu Socjologii Uniwersytetu Wrocławskiego, 2002.

References

Aidinian S. *V oreole pamiati: Konstantin Bal'mont* [In the aureole of memory: Konstantin Balmont]. Shuya, Balmont Museum Publ., 2005. Available at: <http://aidinian.org.ru/knigi/st-ajdinyan-balmont-v-oreole-pamyati> (accessed 19.04.2017). (In Russ.)

Amfiteatrov A.V. *Zhizn' cheloveka, neudobnogo dia sebja i dia mnogikh* [The life of a man who is uncomfortable for himself and for many], comp., ed. and comment. by A.I. Reitblat. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2004. (In Russ.)

Andrei Belyi i antroposofia [Andrei Bely and anthroposophy], publ. by J. Malmstad. *Minushee: Istoricheskii al'm.* 6 [The past: Historical almanac. 6]. Paris, Atheneum Publ., 1988, pp. 337–448. (In Russ.)

Andrei Belyi i antroposofia [Andrei Bely and anthroposophy], publ. by J. Malmstad. *Minushee: Istoricheskii al'm.* 8 [The past: Historical almanac. 8]. Paris, Atheneum Publ., 1989, pp. 409–471. (In Russ.)

Andrei Belyi i Ivanov-Razumnik: Perepiska [Andrei Bely and Ivanov-Razumnik: Correspondence], publ., intro. and comment. by A.V. Lavrov and J. Malmstad, ed. by T.V. Pavlova, A.V. Lavrov and J. Malmstad. St. Petersburg, Atheneum Publ., Feniks Publ., 1998. 736 p. (In Russ.)

Andrei Belyi, Grigorii Sannikov: Perepiska 1928–1933 [Andrei Bely, Grigory Sannikov: Correspondence 1928–1933], comp., intro. and comment. by D.G. Sannikov. Moscow, Progress-Pleiada Publ., 2009. 263 p. (In Russ.)

Antroposofskii arkhiv L.A. Novikova v sobranii Otdela rukopisei IMLI RAN [L.A. Novikov's anthroposophical archive in the Institute of Russian Literature Manuscript Department], ed. by D. Oboleńska, M. Rzczycka, D. Moskovskaia, M. Fedorov. Gdańsk, Moskwa, Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego, 2017. (In Russ.)

Arkhitektura i antroposofia [Architecture and anthroposophy], comp. by A. Sokolina. Moscow, KMK, 2010. 268 p. (In Russ.)

Belyi A. Vospominaniia o Shteinere [Memories of Steiner]. *Sobranie sochinenii. T. 7* [Collected works. Vol. 7]. Moscow, Respublika Publ., 2000. 719 p. (In Russ.)

Bonetskaia N.K. Russkaia sofologiia i antroposofia [Russian sophiology and anthroposophy]. *Voprosy filosofii*, 1995, no. 7. (In Russ.)

Gurvich E.B. *Vladimir Solov'ev i Rudolf Shteiner* [Vladimir Soloviev and Rudolf Steiner]. Moscow, Martis Publ., 1993. (In Russ.)

Jungren M. Nataliia Potstvo i Varvara Kampioni: dve sestry Asi Turgenevoi [Natalia Pozzo and Varvara Campioni: two sisters of Asya Turgeneva]. *Arabeski Andreia Belogo. Zhiznennyi put', dukhovnye iskaniia, poetika* [Andrei Bely's arabesques. Life path, spiritual quest, poetics], ed. by K. Ichin, M. Spivak. Belgrad, Moscow, 2017. (In Russ.)

Kan G.S. *Natal'ia Klimova. Zhizn' i sud'ba* [Natalia Klimova. Life and fate]. St. Petersburg, Izd-vo im. N. Novikova Publ., 2012. (In Russ.)

Leyko M. *Teatr w krainie utopii. Monte Verità, Mathildenhöhe, Hellerau, Goetheanum, Bauhaus, Słwo/obraz, terytoria*. Gdańsk, 2012.

Lit. nasledstvo. T. 95: Gor'kii i russkaia zhurnalistika nachala XX veka: Neizdannaiia perepiska [Literary heritage. Vol. 95: Gorky and Russian journalism of the early 20th century: Unpublished correspondence]. Moscow, Nauka Publ., 1988. 1079 p. (In Russ.)

“...Potomu chto v mire, nochami pod lunoiu — vseгда cheloveku odinoko”. Neizvestnye pis'ma iz Arkhiva vneshnei politiki Rossiiskoi Federatsii [“...Because in the world, at nights under the moon — a man is always lonely”. Unknown letters from the Russian Foreign Policy Archive], publ., intro. and comment. by E. Guseva. *Znamia*, 2015, no. 6. (In Russ.)

Turgeneva A. *Vospominaniia o Rudol'fe Shteinere i stroitel'stve pervogo Geteanuma* [Memoirs of Rudolf Steiner and the construction of the first Goetheanum]. Moscow, Novalis Publ., 2002. (In Russ.)

Voloshin M.A. *Sobranie sochinenii. T. 11: Perepiska s Margaritoi Sabashnikovoi. Kn. 2: 1906–1924* [Collected works. Vol. 11: Correspondence with Margarita Sabashnikova. Book 2: 1906–1924]. Moscow, Ellis Lak Publ., 2015. (In Russ.)

Wiśniewska-Paź B. *Spoleczny wymiar obiektu Goetheanum w Dornach i jego sensy edukacyjne*. Wrocław, Wydawnictwo Instytutu Socjologii Uniwersytetu Wrocławskiego, 2002.

A story from letters and memoirs. Konstantin Ligsky — “anthroposophist of Dornach”

© 2018, Diana Oboleńska

Abstract: The article treats about Konstantin Ligsky, a well-known activist of the new communist regime in Russia after the 1917 revolution. In the research perspective, however, the analysis was subjected to the years 1914–1916, when Ligsky joined the Anthroposophical Society and worked on the construction of the Goetheanum in Dornach. The scant information, contained in the letters and memoirs of people who knew and became friends with Ligsky, allow to build a short story of “anthroposophist of Dornach”, as he was called by Andrei Bely.

Keywords: Konstanty Ligski, Anthroposophy, Dornach, stained glass.

Information about the author: Diana Oboleńska, Doctor Hab, Professor, University of Gdańsk, Poland. E-mail: diana.obolenska@ug.edu.pl

Citation: Oboleńska Diana. A story from letters and memoirs. Konstantin Ligsky — “anthroposophist of Dornach”. *Literary fact*, 2018, no. 10, pp. 184–192.

DOI 10.22455/2541-8297-2018-10-196-209
УДК 812.161.1

Профессор провинциального университета: об одном эпизоде из жизни Вячеслава Иванова*

© 2018, Л.В. Павлова

Аннотация: Статья отражает результаты разысканий в фондах Государственного архива Смоленской области, предпринятых с целью уточнения информации о сотрудничестве Вячеслава Ивановича Иванова со Смоленским университетом. В ходе разысканий было установлено, что в начальный период организации университета в Смоленске Вяч. Иванов был принят на должность профессора. В научный оборот вводятся не публиковавшиеся ранее архивные материалы, в частности заявление Вяч. Иванова о предоставлении ему кафедры греческой литературы с приложением списка научных трудов.

Ключевые слова: Вячеслав Иванов, профессор, Смоленский университет.

Информация об авторе: Лариса Викторовна Павлова, доктор филологических наук, профессор, Смоленский государственный университет, Россия. E-mail: pavlar@inbox.ru

Цитирование: *Павлова Л.В.* Профессор провинциального университета: об одном эпизоде из жизни Вячеслава Иванова // Литературный факт. 2018. № 10. С. 196–209.

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта «Словарь+сайт поэтического языка Вячеслава Иванова» (№16-34-00006-ОГН).

В ноябре 2018 г. Смоленскому государственному университету исполнилось 100 лет¹. Потребность в университете осознавалась смолянами уже в первые годы XX в. Надеждам на перевод в Смоленск старинного Юрьевского университета, позднее — Варшавского университета не суждено было сбыться, и до поры до времени приходилось довольствоваться женским епархиальным училищем, Алферовской учительской семинарией, Учительским институтом и смоленской секцией общества любителей древности, своего рода филиалом Московского археологического института. Некогда сам П.А. Столыпин не поддержал ходатайство Смоленской городской думы о создании университета².

После революции мечта об университете в Смоленске обрела второе дыхание, за ее реализацию взялись с решимостью и энтузиазмом, соответствующими духу эпохи. Организаторов не смутило то, что университетской традиции в городе не было, что край не располагал достаточными профессорско-преподавательскими силами. Близость Москвы породила идею «вахтового» преподавания, или, по словам недоброжелателей, «гастролей» известных профессоров столичных учебных заведений. Для реализации этой идеи была достигнута договоренность с руководством Народного комиссариата путей сообщения о выделении специального вагона, предназначенного для доставки преподавателей в Смоленск и обратно в Москву.

Договоренность о «профессорском» вагоне постоянно нарушалась, судя по многочисленным письмам-претензиям ректората университета, однако в конечном итоге штат удалось пополнить хорошими, а порой и высококлассными специалистами. Менее чем через год с момента создания университета сложилось, по словам одного из его основателей А.П. Чаплина, «ядро профессуры»³: М.А. Рейснер, ученый-юрист, социопсихолог, историк, в прошлом — преподаватель Санкт-Петербургского университета, впоследствии профессор Московского университета; Г.С. Гурвич, один из разработчиков проекта первой советской конституции, юрист, впоследствии профессор Московского университета; В.К. Серёжников, философ, впоследствии декан факультета общественных наук МГУ, затем директор Ленинградского университета, директор Исторического музея; Н.М. Никольский, востоковед, филолог, историк религии, библиист, позднее — академик АН БССР, член-кор-

¹ История создания университета подробно реконструирована в трудах смоленских историков (см., например: *Кодин Е.В., Артеменков М.Н., Каиль М.В.* Смоленский государственный университет. История основания в документах. 1918 // *Известия Смоленского государственного университета.* 2015. № 3 (31). С. 318–334).

² *Журналы Смоленской городской думы.* Смоленск, 1907. С. 8.

³ *Чаплин А.П.* Имени Октябрьской революции // *За власть Советов: сб. воспоминаний.* М., 1977. С. 122.

респондент АН СССР; литературовед Н.Л. Бродский, впоследствии возглавлял отдел русской литературы Института мировой литературы РАН; П.С. Коган, литературный критик, литературовед, переводчик, позднее профессор МГУ, президент Государственной академии художественных наук; В.Л. Львов-Рогачевский, литературовед и известный литературный критик; историк А.М. Васютинский, впоследствии профессор МГУ; В.Н. Перцев, в дальнейшем член-корреспондент АН БССР; историк и правовед Д.П. Кончаловский; историк, публицист, литературный критик И.М. Херасков.

Некоторые ученые, приглашенные принять участие в организации университета и преподавании, предпочли переездам туда-сюда, пусть и в «профессорском» вагоне, оседлую жизнь и перебрались в Смоленск на постоянное жительство (В.К. Серёжников, Г.С. Гурвич, Д.П. Кончаловский, Н.М. Никольский, В.Н. Перцев, И.М. Херасков). Провинциальному университету, несмотря на понятные трудности периода гражданской войны, было чем привлечь столичных профессоров. Безусловно, речь не идет об интенсивной научной жизни, о ее высоком уровне и благоприятных обстоятельствах для исследований. Привлекали возможностью приработка, пусть и небольшого, но столь необходимого. Еще более существенным фактором были приличные бытовые удобства: жилье в двухэтажном флигеле прямо во дворе университета, расположившегося в здании женского епархиального училища; пайки, бесплатные обеды. Едва ли не главное — с продуктами в Смоленске было легче, чем в послереволюционной Москве. Вспоминая события лета 1919 г. в книге «От гуманизма к Христу», вышедшей в Париже в 1971 г., Д.П. Кончаловский пишет: «<...> мы, профессора, благоденствовали; каждый день два раза мы собирались в столовой к обеду и ужину, некоторые вместе с женами и детьми. Некоторые из нас чувствовали себя тем более хорошо, что перед тем пережили полуголодную зиму в Москве»⁴.

Правда, не все приглашенные лекторы с благодарностью вспоминают пребывание в Смоленском университете. С.М. Волконский, соблазненный впечатляющими посулами, был глубоко разочарован: «Столовать меня не столовали, я ходил на базар и готовил себе сам. Когда надо было уезжать, извозчиков не было; случайно встретился на улице с одним из моих слушателей, который сообщил, что в половине одиннадцатого всегда стоит лошадь у дверей университета, специально чтобы отвозить профессоров на вокзал. Оставалось двадцать минут; на квартире были мои вещи, мешок с картофелем, лукошко с грибами. Побежал за ними; но как тащить? Случайно у сторожихи гостил какой-то ямщик; был из

⁴ Кончаловский Д.П. От гуманизма к Христу. Воспоминания, письма и записи. Paris: Librairie des cinq continents, 1971. С. 165.

добрых, согласился помочь... Вот как принимают, обставляют и провожают губернские наркомпросы приглашаемых из столицы лекторов»⁵.

И все же «губернские наркомпросы» очень старались укрепить штат университета, привлекая к сотрудничеству крупных специалистов. Протоколы заседаний ученого совета 1918–1919 гг. наполнены формулировками типа: «О приглашении (следует фамилия — Л.П.) профессором на эпизодический курс истории социалистических партий в России и за рубежом», «О приглашении (следует фамилия — Л.П.) профессором на эпизодический курс истории Интернационала», «О приглашении (следует фамилия — Л.П.) профессором на кафедру». Попутно отметим, что протоколы свидетельствуют не только о пополнении профессорско-преподавательского состава: «Проф. В.К. Серёжников предлагает разрешить вопрос о том, продолжать ли считать профессорами Университета не подающих о себе никаких вестей впродолжении (так — Л.П.) нескольких месяцев профессорах Крачковском, Житихиеве и Мареке (так — Л.П.). Проф. Н.М. Никольский предлагает считать проф. Марека состоящим в числе профессоров Университета до сих пор ввиду обстоятельства форс-мажор — попадания его в плен»⁶.

Идет гражданская война, но университет в Смоленске создается, штат укрепляется.

23 августа 1919 г. в канцелярию Смоленского государственного университета имени Октябрьской революции поступило письмо: «Предлагаю предоставить мне кафедру греческой литературы⁷. Прилагаю список моих работ, относящихся к филологии и истории литературы». Дата — 14 июля 1919 г., внизу страницы указан адрес (Москва, Б. Афанасьевский пер. 4, кв. 3) и телефон (5-24-36). Подпись — Вячеслав Иванович Иванов⁸. К письму приложен список работ, в который Иванов включил около двадцати публикаций по античной литературе, снабдив их библиографическими ссылками и краткими комментариями. Например, «Эллинская религия страдающего бога. Опыт религиозно-исторической характеристики Дионисова культа. (Том первый, содержащий общий очерк религии Диониса и состоящий из статей, напечатанных в журналах “Новый Путь” за 1904 г. и “Вопросы Жизни” за 1905 г., закончен печатанием, но в свет еще не вышел; том второй, рассчитанный на два

⁵ Волконский С.М. Мои воспоминания: В 2 т. М.: Искусство, 1992. Т. 2: Родина. URL: <http://litresp.ru/chitat/ru/%D0%92/volkonskij-sergej-mihajlovich/godina-vospominaniya> (дата обращения 11.04.2018).

⁶ ГАСО. Ф. Р-139. Оп. 1. Д. 11. Л. 3.

⁷ О существовании такой кафедры в Смоленском университете в 1919 г. нам ничего не известно, но в перечне учебных курсов есть курс античной литературы (см. Приложение 1).

⁸ ГАСО. Ф. Р-139. Оп. 1. Д. 13. Л. 3 об., 4.

выпуска и содержащий исследования отдельных проблем Дионисовой религии*⁹ и научный аппарат, находится в печати)». Список публикаций «по предмету» дополнен кратким, без пояснений, перечнем статей по западной литературе, переводов и статей о русской словесности¹⁰ (см. Приложение 2).

5 сентября 1919 г., согласно протоколу № 1 заседания научно-учебной ассоциации Смоленского государственного университета, профессор В.К. Серёжников «от имени Президиума Совета Университета» внес предложение пригласить Иванова Вячеслава Ивановича «профессором по кафедре античной литературы». Решение единогласное — «принять» (см. Приложение 3). Так Вячеслав Иванов стал профессором Смоленского университета.

У нас нет точного ответа на вопрос, как Иванов мог узнать об этой вакансии и почему заинтересовался ею. Есть несколько предположений.

Возможный источник сведений об университете в Смоленске — тогдашний ректор Виктор Константинович Серёжников. Исследователями реконструированы основные вехи жизни Иванова в Советской России в годы, предшествующие отъезду в 1924 г. в Италию. Известно, что Иванов сотрудничал с «культурно-просветительскими органами советской власти, сосредоточенными в Народном комиссариате просвещения <...>, возглавляемом А.В. Луначарским, с которым Иванов был знаком с 1906 г. <...> В сотрудничестве Вяч. Иванова в органах советской власти играли роль не только факторы материального характера, но и известная близость эстетических взглядов Иванова к идеям, пропагандируемым Наркомпросом», — пишет Роберт Бёрд¹¹. О «близости эстетических взглядов Иванова к идеям Наркомпроса» можно судить и по самохарактеристике из письма Надежде Константиновне Крупской: «Моя деятельность с октября 1918 г. в различных отделах Наркомпроса у всех на глазах. Я, как

⁹ Под * в левом нижнем углу страницы написано: «О “страстях” и “очищениях”. — О происхождении Д. религии. — О Д. орфическом. — О булаках. — О пра-Дионисе и Дионисовой престольнице. — О дионисийской обрядовой символике. — О пророческих ипостасях Диониса. — О фиасах менад. — О Д. и Аполлоне».

¹⁰ «Из работ по истории западных литератур и русской словесности см. “Цыганы” Пушкина (“По Звездам”, стр. 134 — 188 = Пушкин, изд. Венгерова, Ч. II), “Гете на рубеже двух столетий” (Ист. Запад. Лит. под ред. Ф. Батюшкова, Ч. I, стр. 113 — 156), “Байрон и идея анархии” (“По Звездам”, стр. 123 — 146 = О поэме Байрона «Остров» в III ч. Соч. Байрона под ред. Венгерова), статьи о Шиллере, Байроне, Шекспире и Сервантесе, Л. Толстом, Достоевском в сборниках статей “По Звездам”, “Борозды и Межи”, “Родное и Вселенское”. В “Памятниках Мировой Литературы” (изд. Сабашниковых) приготовлены к печати “Лири Новалиса” в переложении Вячеслава Иванова и ряд переводов из греческих лириков, появились избранные сонеты в томе “Петрарка”».

¹¹ Бёрд Р. Вяч. Иванов и советская власть (1919—1929). Незвестные материалы // Новое литературное обозрение. Булгаринский номер / Сост. и ред. А.И. Рейт-блат. 1999. № 40. С. 305—306.

писатель и мыслитель сложившийся, долгая жизнь которого ушла на выработку миросозерцания целостного, — органического, безусловно независимого и, надеюсь, самобытного, полагаю смысл своей культурно-общественной работы именно в независимости своего подхода к духовно-культурным проблемам революции (политикою в собственном значении этого слова я вообще не занимаюсь). <...> Пятнадцать лет работаю я в литературе и науке как последовательный поборник соборной, коллективистической эстетики, морали, жизни»¹².

Одним из вновь образованных советских институтов был Государственный институт декламации, позднее — Государственный институт слова, высшее учебное заведение, где готовили актеров-чтецов, повышали ораторскую квалификацию преподавателей, юристов, лекторов, всех желающих. Вячеслав Иванов преподавал в этом институте предмет «Стихование. (Метрика и ритмика, эвфония и строфика)», читал курсы лекций «Хоровое начало в искусстве», «О формо-содержании в поэтическом творчестве», а также руководил кружком поэзии, собиравшимся по воскресеньям¹³. И, конечно, был знаком с директором Института — Василием Константиновичем Серёжниковым¹⁴, родным братом первого ректора Смоленского университета Виктора Константиновича Серёжникова, на приглашение которого принять профессорскую должность мог откликнуться летом 1919 г.

Другой возможный источник приглашения Вячеслава Иванова в Смоленск — уже упоминавшийся среди организаторов университета Петр Семенович Коган (1872–1932), историк литературы, переводчик, критик. Иванов познакомился с ним в начале 1919 г. в Бюро по организации 1-го Всероссийского съезда по рабоче-крестьянскому театру, которое Коган возглавлял. Творчество Иванова Коган, безусловно, знал, не мог обойти его своим вниманием в литературно-критических статьях. Он причислял Иванова к «старым поэтам», которые «в большинстве своем остались чужды тому духу дисциплины и коллективизма, под знаком которого разворачивается революция»; считал, что в произведениях Иванова «чувствуется мистическая потребность населить мир вещими видениями и пророчествами <...>», отмечал «тихое нетревожащее со-

¹² Цит. по.: Бёрд Р. Вяч. Иванов и советская власть (1919–1929). С. 310.

¹³ Состоялось 17 воскресных встреч (с 29 февраля по 1 августа 1920 г.). Высказывания Вяч. Иванова во время заседаний записаны и частично опубликованы (Литературное наследство. Т. 92: Александр Блок: Новые материалы и исследования. Кн. 3. М.: Наука, 1982. С. 496–498).

¹⁴ Серёжников В.К. 10 лет работы на культуру живого слова. М., 1923. С. 1–52.

чувствие к какому-то отвлеченно-постигаемому человечеству и олимпийское равнодушие к бурным потрясениям сегодняшнего дня»¹⁵.

Если Когана как критика марксистской направленности не устраивала творческая позиция Иванова, то человеческие отношения между ними в процессе просветительской и организаторской деятельности, по-видимому, сложились. «Нередко вспоминаю я с теплым чувством нашу совместную работу и постоянное общение, когда я увидел Вас и полюбил», — писал Иванов позднее¹⁶.

Коган неоднократно проявлял участие в судьбе Иванова, возможно, сообщил и о вакансии в Смоленском университете, где сам в то время преподавал.

Как бы то ни было, с 5 сентября 1919 г. штат Смоленского университета увеличился еще на одного профессора — выдающегося филолога и поэта Вячеслава Ивановича Иванова. Но, кажется, только на бумаге. По-видимому, в Смоленске Иванов так и не побывал: в университетском архиве не удалось обнаружить никаких сведений о его пребывании в стенах университета. В фондах Государственного архива Смоленской области найдены только документы, представленные выше — письмо Иванова с просьбой предоставить кафедру и списком трудов, а также протокол, где зафиксировано принятие Иванова в штат университета. О том, что «Иванов был избран профессором Смоленского университета, но к преподаванию не приступил», упоминает и Роберт Бёрд со ссылкой на мнение Н.В. Котрелева¹⁷.

И все же от звания профессора Смоленского университета Вячеслав Иванов не отказался. После смерти жены в августе 1920 г., уезжая с дочерью и сыном из Москвы «на Северный Кавказ для ведения культурной работы по указанию местных Отделов научного образования», Иванов имел при себе мандат: «Сим удостоверяется, что тов. Вячеслав Иванович Иванов, член Центральной литературной коллегии и Заведующий Академическим подотделом и Литературной студией Лито Народного комиссариата по просвещению, проф<ессор> Смоленск<ого> университет<ета> командирован Коллегией народного комиссариата по просвещению в Кубанскую область». Кубанскому отделу народного образования рекомендовалось «использовать тов. Иванова по соглашению с ним, как крупную культурную силу»; «всем революционным, железнодорожным и военным властям предлагается оказывать тов. Иванову всяческое содействие»¹⁸.

¹⁵ Коган П.С. Русская литература в годы Октябрьской революции // Красная новь. 1921. № 3. С. 237–238.

¹⁶ Бёрд Р. Вяч. Иванов и советская власть (1919–1929). С. 316.

¹⁷ Там же. С. 327.

¹⁸ Там же. С. 314.

В начале 90-х годов прошлого века мой учитель профессор В.С. Бавевский очень осторожно заговорил о расширении темы моего кандидатского научного исследования, посвященного Сергею Городецкому. «Может быть, Вячеслав Иванов? Но будет трудно...» После задумчивой паузы: «Вы знаете, что Иванову предлагали место профессора в нашем университете? Году в 18-ом...» Теперь мы знаем точно: профессорство в Смоленском университете — факт биографии Вячеслава Иванова.

Литература

Бёрд Р. Вяч. Иванов и советская власть (1919–1929). Неизвестные материалы // Новое литературное обозрение. Булгаринский номер / Сост. и ред. А.И. Рейтблат. 1999. № 40. С. 305–332.

Волконский С.М. Мои воспоминания: В 2 т. Т. 2: Родина. М.: Искусство, 1992. 382 с. URL: <http://litresp.ru/chitat/ru/%D0%92/volkonskij-sergej-mihajlovich/rodina-vospominaniya> (дата обращения: 11.04.2018).

Кодин Е.В., Артеменков М.Н., Каиль М.В. Смоленский государственный университет. История основания в документах. 1918 // Известия Смоленского государственного университета. 2015. № 3 (31). С. 318–334.

Кончаловский Д.П. От гуманизма к Христу. Воспоминания, письма и записи. Paris: Librarie des cinq continents, 1971. 348 с.

Литературное наследство. Т. 92: Александр Блок: Новые материалы и исследования. Кн. 3. М.: Наука, 1982. 862 с.

References

Bird R. Vyach. Ivanov i sovetskaia vlast' (1919–1929). Neizvestnye materialy [Vyach. Ivanov and the Soviet regime (1919–1929). Unknown materials]. *Novoe literaturnoe obozrenie. Bulgarinskii nomer* [New literary review. Bulgarin issue], comp. and ed. by A.I. Reitblat, 1999, no. 40, pp. 305–332. (In Russ.)

Volkonskii S. M. *Moi vospominaniia: V 2 t. Vol. 2: Rodina* [My memoirs: In 2 vols. Vol. 2: Motherland]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1992. 382 p. Available at: <http://litresp.ru/chitat/ru/%D0%92/volkonskij-sergej-mihajlovich/rodina-vospominaniya> (accessed: 11.04.2018). (In Russ.)

Kodin E.V., Artemenkov M.N., Kail' M.V. *Smolenskii gosudarstvennyi universitet. Istorii osnovaniia v dokumentakh. 1918* [Smolensk State University. History of founding in documents. 1918]. *Izvestiya Smolenskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2015, no. 3 (31), pp. 318–334. (In Russ.)

Konchalovskii D.P. *Ot gumanizma k Khristu. Vospominaniya, pis'ma i zapisi* [From humanism to Christ. Memoirs, letters and notes]. Paris, Librarie des cinq continents, 1971. 348 p. (In Russ.)

Literaturnoe nasledstvo. T. 92: Aleksandr Blok: Novye materialy i issledovaniia. Kn. 3 [Literary heritage. Vol. 92: Alexander Blok: New materials and studies. Book 3]. Moscow, Nauka Publ., 1982. 862 p. (In Russ.)

Professor of a provincial university: on one episode from Vyacheslav Ivanov's life

© 2018, Larisa Pavlova

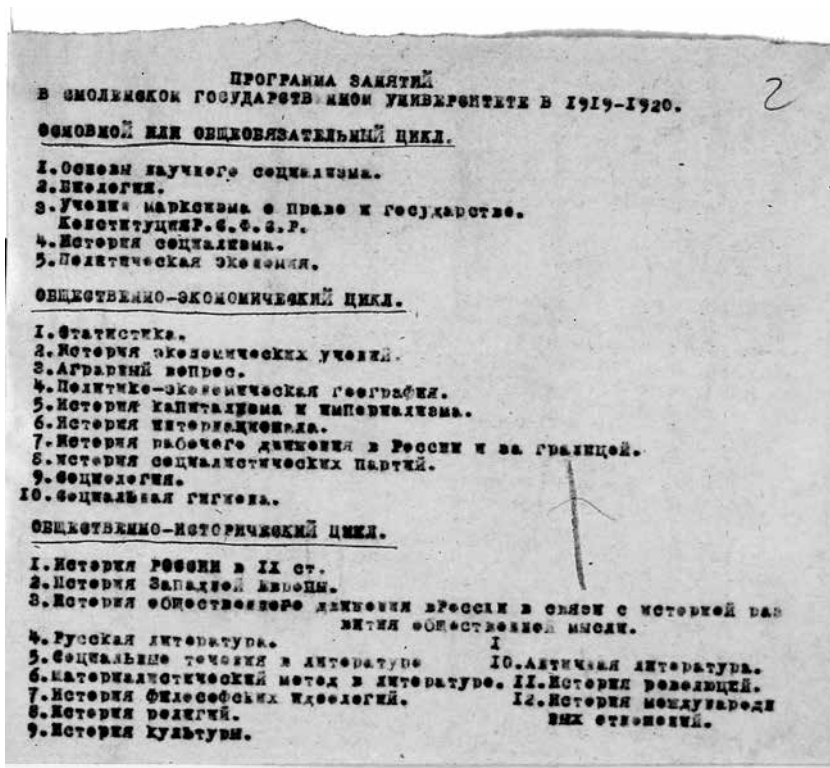
Abstract: The article reflects the results of searches in Smolensk Region State Archive funds, undertaken in order to clarify information about Vyacheslav Ivanovich Ivanov's cooperation with the University of Smolensk. During the search it was found that in the initial period of the organization of the university in Smolensk Vyach. Ivanov was hired as a professor. Not previously published archival materials are introduced into scientific circulation, in particular the statement by Vyach. Ivanov on granting him the department of Greek literature with the application of a list of scientific papers.

Keywords: Vyacheslav Ivanov, professor, Smolensk University.

Information about the author: Larisa Pavlova, Doctor of Philology, Professor, Smolensk State University, Russia. E-mail: pavlar@inbox.ru

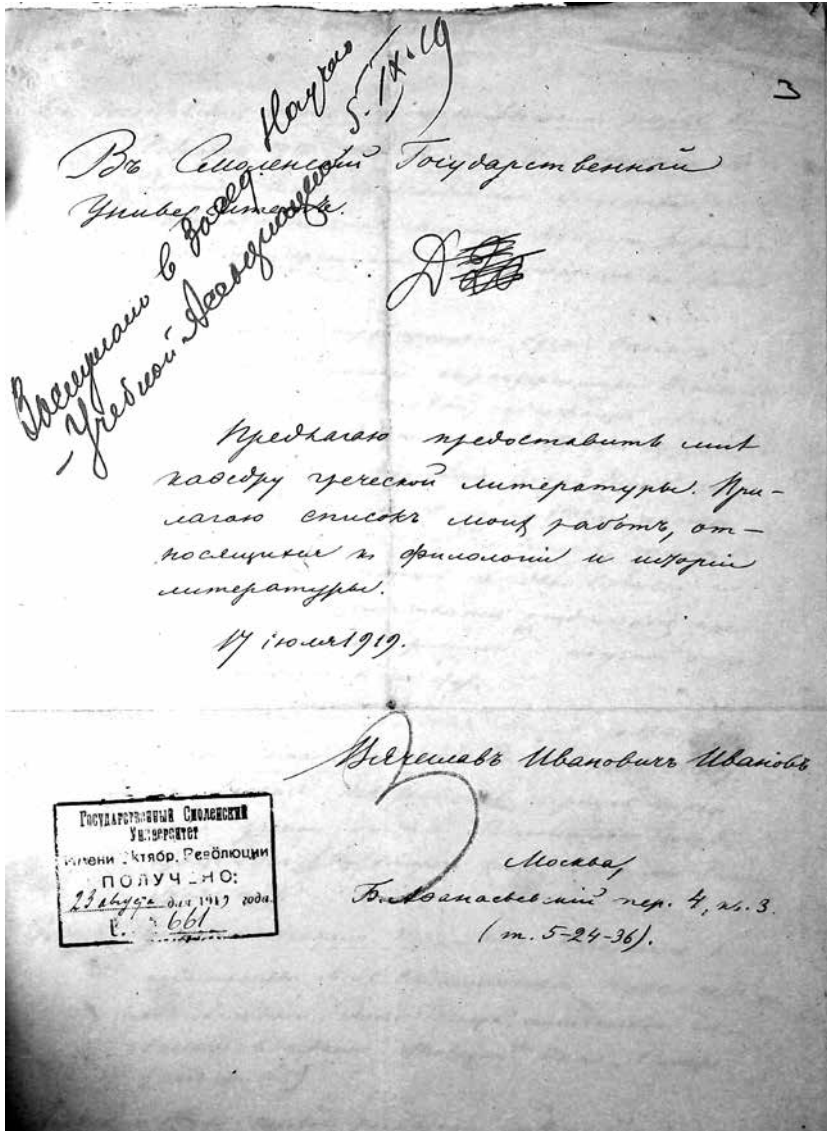
Citation: Pavlova Larisa. Professor of a provincial university: on one episode from Vyacheslav Ivanov's life. *Literary fact*, 2018, no. 10, pp. 196–209.

Приложение 1

Учебные курсы в программе Смоленского университета
(1919–1920 уч. г.)¹⁹¹⁹ ГАСО. Ф. Р-139. Оп. 1. Д. 11. Л. 1 об.-2.

Приложение 2

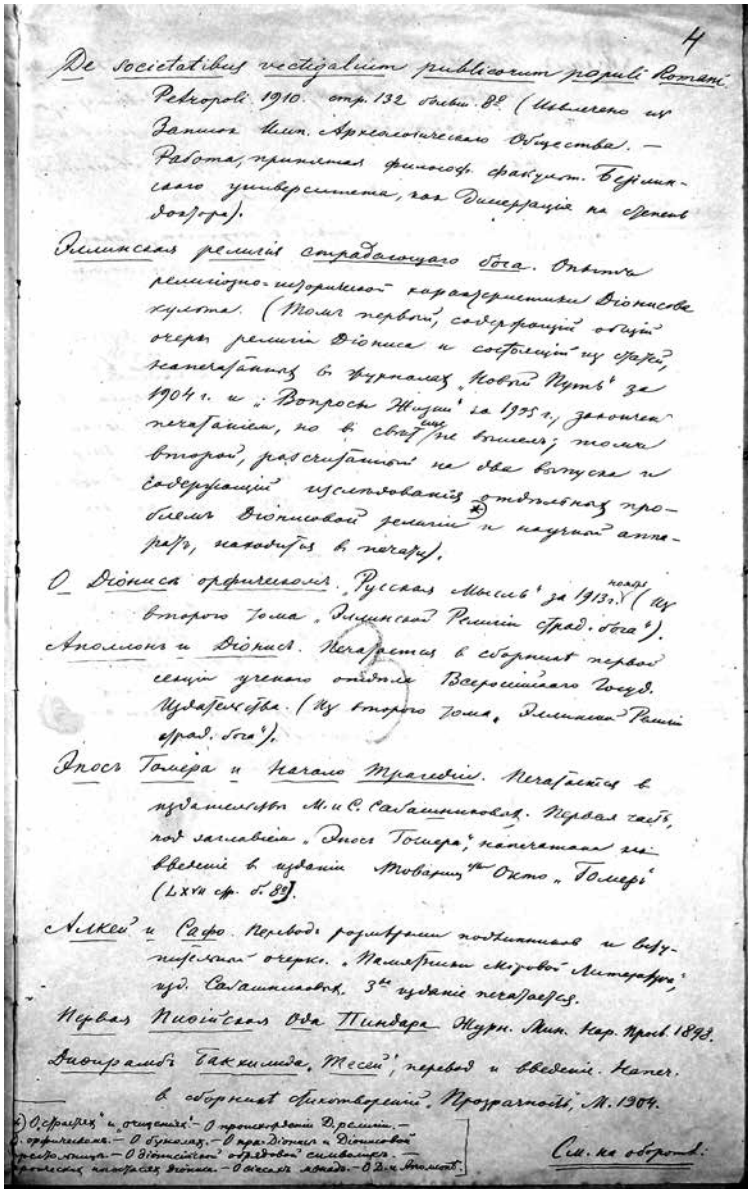
Заявление Вяч. Иванова о предоставлении ему кафедры
в Смоленском университете²⁰

²⁰ ГАСО. Ф. Р-139. Оп. 1. Д. 13. Л. 3.

Приложение 2а

Список трудов, приложенный Вяч. Ивановым к заявлению
о предоставлении ему кафедры в Смоленском университете²¹

²¹ ГАСО. Ф. Р-139. Оп. 1. Д. 13. Л. 4, 4 об.

Приложение 2а
(продолжение)

Джамель, трагедии. Перевод драматурга под редакцией
Исхакиевы в „Миссиях Мировой литературы“
изд. Саламанского. Но с-дез переведены
трагедии: „Аллахман“, „Козоруб“, „Восемь“,
„Перси“ и „Силь против Силь“.

О существе трагедии. Статьи в сборниках „Бородина
и Медри“. Срв. с англ. язык. Версия росс. в
сборнике „По звездам“.

Из работ по истории западных мифологий и русских
словесности см. „Мифология Пушкина“ („По
Звездам“, стр. 143-188 = Пушкин, изд. Венгера, т. II),
„Сте на рубеже двух столетий“ (Кр. Запад,
Мит. под ред. В. Батоминова, т. I, стр. 113-153), Байрон
и „идеи анархии“ („По звездам“, стр. 123-142 = „О поэте
Байрона Осипов“ в т. 7. Соч. Байрона, под ред.
Венгера), статьи о Шинкел, Байрон, Меллер
и Сервантес, А. Толстой, Достоевский в
сборниках статей: „По звездам“, „Бородина и
Медри“, „Родное и Вселенное“. И „Миссия
Мировой литературы“ (изд. Саламанского) приобщены
к печати „Мира Новакиса в переложении Вел.
Квакова“ и ряд переводов из цикла
лириков; поэзия и проза в том же „Петраке“.

DOI 10.22455/2541-8297-2018-10-210-235
УДК 812.161.1

«Воспоминания странного человека, Андрея Белого» как дневник состояний сознания

© 2018, В.В. Петров

Аннотация: В статье рассматриваются особенности автобиографических практик Андрея Белого в «Воспоминаниях странного человека» (1918–19) и других публикациях, позднее в том или ином виде вошедших в «Записки чудака» (1922). Показано, что отличием указанных сочинений от «обычных» автобиографических и мемуарных текстов является сознательное игнорирование автором бытовых подробностей и сосредоточенность на реконструкции своих духовных странствий, на выделении и анализе экстатических моментов мистических озарений, конститутивных для процесса становления его самосознющего «Я». Это-документы при этом служат средством объективации «состояний сознания», вытеснения травматического опыта посредством его переноса из плана экзистенциальных переживаний в план речевых актов (иллокутивных или перформативных), облегчающих самоидентификацию, саморефлексию и, в конечном итоге, творческое пересоздание себя.

Ключевые слова: Андрей Белый, «Воспоминания странного человека, Андрея Белого», «Записки чудака», У. Вордсворт, spots of time, Ф.М. Достоевский, Ф. Ницше, платоновский анамнесис, пиковые переживания, Абрахам Маслоу, океаническое чувство, миги духовного пробуждения, телеология, В. Вундт, Р. Штейнер, внутренняя и внешняя биография, актуальное и возможное, автобиография.

Информация об авторе: Валерий Валентинович Петров, д.ф.н., г.н.с., директор Центра античной и средневековой философии и науки Института философии РАН, Москва, Россия. E-mail: campas.iph@gmail.com

Цитирование: *Петров В.В.* «Воспоминания странного человека, Андрея Белого» как дневник состояний сознания // Литературный факт. 2018. № 10. С. 210–235.

В настоящей статье рассматривается группа текстов, отчасти автобиографических, отчасти мемуарных, отчасти художественных, которые печатались под титулами «Воспоминания странного человека, Андрея Белого» (февраль-октябрь 1918), «“Я”. Эпопея. Часть I» (январь 1919), «“Я” (сумасшедшее)» (январь 1919), «Записки чудака» (январь-сентябрь 1922)¹. Если не принимать во внимание «“Я” (сумасшедшее)» — текст, стоящий особняком, — можно сказать, что речь идет о редакциях и фрагментах «Записках чудака», в отношении которых «Воспоминания» представляют собой прототекст, а «“Я”. Эпопея» — его часть.

Работа над «Записками чудака» началась в 1918 г. Особый интерес представляет репрезентация Белым поворотных моментов своей духовной жизни в наиболее ранней редакции «Записок чудака», названной «Воспоминания странного человека, Андрея Белого» (далее ВСЧ). В этом прототексте Белый в отчетливой форме проговаривает вещи, которые оказались отредактированы или нивелированы до состояния неразличимости в позднейших «Записках чудака». Поэтому наше основное внимание сосредоточено на ВСЧ. Вторым по значимости текстом для нас является «“Я”. Эпопея», представляющая собой первые две трети «Записок чудака» и опубликованная за два года до выхода в свет полного текста. Текстуально между «Эпопеей» и «Записками» расхождений нет, но принципиальным является различие в титулах сочинений. Программный и концептуальный заголовок «“Я”. Эпопея» обнажает основную интенцию Белого: создать многотомное повествование о становлении собственного «Я», понимаемого как «самосознающая душа». (Этот «личностный» проект останется незавершенным, но получит продолжение в форме теоретического трактата об истории становления «общечеловеческой» самосознающей души.) Эпопея «Я» была замыслена как многотомное повествование, о чем Белый рассказывал уже осенью 1916 г. — немедленно после возвращения из Дорнаха в Россию. Сохранился фрагмент датированного 20 сентября 1916 г. письма Лидии Ивановой к Вяч. Иванову, который жил тогда в Сочи, где она упоминает о визите Андрея Белого:

Звонок, и являются Потца² и Андр. Белый. Им нужно было призываться, и они после 20-ти дней путешествия прикатили. Андрея Б. отправили в Румынию, но он в уж (?) Киеве (?) чем-то заболел, и его на время отпустили на 1 месяц, кажется, а потом отправят, если он не устроится каким-нибудь писарем или что-нибудь вроде. <...> Он <...> собирается писать 9-ти томный роман, очень интересный, судя по

¹ Указаны предполагаемые даты создания (не публикации) текстов.

² А.М. Поццо, муж Натальи Тургеневой, сестры Аси Тургеневой.

(тому,) что говорил о нем, и говорил слова, вроде Гоголя, что он изображал всё отрицательное и не давал никакого кафарсиса и по евтому (sic!) случаю хочет вернуться к своему молодому настроению и изображать положительное³.

В «“Я”. Эпопее» Белый, в частности, описывает экстатические моменты, миги духовного пробуждения, которые он переживал сначала в имении Серебряный Колодезь, а затем в Христиании, Льяне, Лейпциге и других местах. Указанные моменты имеют у Белого жесткую привязку к месту и времени, более того, эти события рождения подлинного «Я» являются порождениями конкретных места и времени.

Состояния духовного пробуждения, которые Белый описывает в эпопее «Я», имеют некоторое сходство с «местами времени» (“spots of time”), описанными у Вордсворта, который имел схожие устремления. Зимой 1798–99 гг. Вордсворт начал писать автобиографическую поэму «Прелюдия, или Возрастание ума поэта» (Prelude, or Growth of a Poet’s Mind), посвященную своим детству и юности. В начальной редакции описывались события (преимущество травматического свойства), произошедшие, когда поэту было от 5 до 12 лет (зрелище повешенного, утопленника, переживание смерти отца). Эти впечатления сопровождаются в «Прелюдии» размышлениями. Припоминание и постижение подобных формативных для духовного взросления «точек времени», по Вордсворту, сообщают «глубочайшее знание» (profoundest knowledge) настоящего, пробуждают поэтическое воображение. Вернувшись к поэме в 1804–1805 гг., Вордсворт расширил хронологический охват, добавив события, относящиеся к пребыванию в Кембридже, революционной Франции, Лондоне⁴. Относительно «мест времени» Вордсворт пишет: «В нашем бытии есть места времени, которые в своем отчетливом превосходстве обладают обновляющей силой, <...> неизъяснимым образом питающей и восстанавливающей наш ум. Сей действительный дух в основном таится в тех отрезках нашей жизни, в которых нас посещало глубочайшее ощущение того, что ум наш — господин и хозяин, а внешнее чувство — лишь покорный слуга его воли»:

There are in our existence *spots of time*,
That with distinct pre-eminence retain

³ Переписка Андрея Белого и Вячеслава Иванова (1904–1920) / Вступ. статья, подгот. текста и коммент. Н.А. Богомолова и Дж. Малмстада // Русская литература. 2015, № 2. С. 34.

⁴ *Wheeler H.* The Prelude Books I and II by William Wordsworth. London, 1988. P. 8–9.

A renovating⁵ virtue, whence <...>
<...> our minds
 Are nourished and invisibly repaired <...>
 This efficacious spirit chiefly lurks
 Among those passages of life in which
 We have had deepest feeling that the mind
 Is lord and master, and that outward sense
 Is but the obedient servant of her will⁶.

“Spots of time” Вордсворта схожи с экстатическими моментами Белого в том, что оба поэта выделяют подобные мгновения как важнейшие для своего духовного пути⁷. Однако, в отличие от Вордсворта, Белый рассматривает эти моменты не как «точки, наделенные обновляющей силой для духа, возвратившегося к ним посредством воспоминания», а как миги душевных экстазов, миги рождения самосознания, конститутивные и этапные для развития его «Я».

В ВСЧ и «“Я”. Эпопея» Белый сосредоточен не на бытописании и даже не на фиксации своей эмоционально-душевной жизни или размышлениях о прочитанных книгах, но на истории своего духовного развития и странствий. Подобный опыт зачастую принципиально не может быть выражен средствами традиционного нарратива, в виде хронологически упорядоченной последовательности событий, а потому автор прибегает к неконвенциональным формам, соединяя черты дневника, мемуаров, художественного вымысла, теоретической рефлексии и пр. В ряде случаев наиболее адекватную форму для передачи душевного смятения и жизненного кризиса Белый находит в экспрессионистских по форме фантазмагориях.

Само название «Воспоминания странного человека» концептуально: это хроника мигов духовного пробуждения. Белый понимает эти «миги» как пробуждения в «Я» воспоминаний о своей духовной прародине, о бытии «Я» еще прежде рождения в здешнем мире:

⁵ Термин “renovating” замещает “fructifying” и “vivifying” ранних редакций «Прелюдии».

⁶ *Wordsworth W.* The Prelude of 1805. Book. 11, 258–273 // *Wordsworth W.* Ed. by Stephen Gill. Oxford, 2010. P. 491; *Вордсворт У.* Прелюдия, или Становление сознания поэта. 1805 / Изд. подгот. А.Н. Горбунов, Е.В. Халтрин-Халтурина, Т. Стамова. М., 2017. С. 243–244.

⁷ *Bishop J.* Wordsworth and the “Spots of Time” // *English Literary History*. 1959. Vol. 26. № 1. P. 45–46; *Davis J.P.* “The Spots of Time”: Wordsworth’s Poetic Debt to Coleridge // *Colby Quarterly*. 1992. Vol. 28. № 2. P. 65–84; *Stoddard E.W.* The spots of time: Wordsworth’s semiology of the self // *Romanticism Past and Present: An Interdisciplinary Journal*. 1985. Vol. 9. № 2. P. 1–24; *Nichols A.* The revolutionary “I”: Wordsworth and the politics of self-presentation. London, 1998.

Я мог бы отчасти лишь выразить истину происшествия, перевернувшего всё: *возвращение первых сознательных мигов, как мигов воспоминания о до-рожденной действительности* (ВСЧ <XI>, 32).

Таким образом, «воспоминания» в заглавии «Воспоминаний» нужно понимать не в обыденном смысле, но по аналогии с «анамнесисом» Платона — как моменты припоминания душой своей прежней, довременной жизни. Упав в земное бытие, душа забыла о своей истинной природе, а священные миги суть мгновения «припоминания» о духовной прародине⁸.

Миги припоминаний у Белого жестко привязаны к географическим локациям. Соответственно существительные «место» и «момент/миг» образуют устойчивую пару:

Я хочу описать одно *место*. И — один *момент* времени. Это *место* мне стало родным; я к нему иногда обращаю свой взор; воспоминание строит мне образы; вижу явственно: образы, восстающие здесь мне, из этого *места*, — значительней всех, восстававших мне в жизни. *Момент*, пережитый мной здесь, может быть, — значительнейший из *моментов*, когда-либо посланных человечеству <...>: объявление мировой, небывалой войны. *Место*, близкое мне, <...> есть холм; он зелеными склонами мягко сбегает в долину (ВСЧ I, 1).

Как уже сказано, события, которые выделяет Белый, — это не казусы внешней жизни и не приключившиеся с ним истории. Это миги внутренней жизни, мгновения духовного перерождения, которые, тем не менее, всегда четко привязаны к географическим локациям. Поскольку эти моменты отмечают «путь посвящения» (ВСЧ XIII, 40), Белый именует их «священнейшими»:

Два, три *мига* — огромны в событиях моей жизни; мне блещут, как молнии, освещая года: таким *мигом* мне помнится Берген (ВСЧ III, 6).

После *духовного перерождения* нашего, бывшего в Христианин и продолжившегося в Бергене... (ВСЧ III, 7^c).

<...> После огромных событий, свершившихся в нашей *внутренней жизни*. О событиях этих говорить очень трудно; не всё понимаю я в них; всё же я попытаюсь здесь описать их, как факты переживаний сознания; произошли они в Христианин; и — главным образом в Бер-

⁸ См.: *Петров В.В.* Фридрих Ницше и вечное возвращение // Мера вещей: Человек в истории европейской мысли / Под общ. ред. Г.В. Вдовиной. М., 2015. С. 67–71 (раздел «Учение об “анамнесисе” как синтез платоновской и евангельской доктрин»).

гене; подготовлялись в Москве, в Монреале, в Каире; и — продолжились в Дорнахе (ВСЧ III, 9).

Пять недель протекли мимолетно. Невероятную работу тогда совершили мы с Нэлли; итоги работы нам высекли ослепительный миг христианийского цикла; душевные силы, поимые размышлением, открыли: и прогемел, нам ответствуя, Берген (ВСЧ III, 17⁹).

Воспоминания о *священнейших мигах* моих (Христиания, Берген и Дорнах) <...> После смерти моей из растресканных створок сухой оболочки (из тела) в «миры» побежит длинный стебель; и листья на нем будут мне измерением пребывания моего в сферах: Солнца, Луны и Меркурия (Записки чудака 1922, 81).

Примечательно, что Белый воспринимает эти «пиковые переживания» как «предчувствия» того, что произойдет с ним в будущем, т.е. интерпретирует их в духе высказывания П.Б. Шелли о «прошлом, отбрасывающем тени на настоящее»⁹. В то же время в перспективе этих событий он воспринимает последующие, которые телеологически и «задним числом» проясняют оставшийся в прошлом «миг». Направление равораживания событий в духовной жизни противоположно вектору времени физического мира:

Впоследствии, научившись уже различать **целесообразности** от **закона причины** и действия, вижу: **внутри моей личности**, определяемой прошлым, складывается вопреки всем причинам, <...> другая действительность, где **событие, объясняющее события биографической жизни, всегда наступает потом**; событие биографической жизни проносится *воспоминаньем* о факте, которого нет: *факт потом... наступает*, во мне объясняя всё то, что таилось вне суммы готовых предложенных мне объяснений (ВСЧ VII, 25)¹⁰.

⁹ См.: *Петров В.В.* «Разнотекущие потоки» в «Сне Мелампа» Вячеслава Иванова: интертекстуальный анализ // *Dialettica tra contingenza storica e valore universale in Vjačeslav Ivanov. X convegno internazionale. A cura di Maria Pliukhanova e Andrei Shishkin.* Salerno, 2017. P. 31–33; *Петров В.В.* Телеология, четвертое измерение и обратный ход времени в работах Андрея Белого, Вяч. Иванова и М. Волошина // Вячеслав Иванов: исследования и материалы. Вып. 3 / Сост. С.В. Федотова, А.Б. Шишкин. М., 2018. С. 38.

¹⁰ Ср.: «В 1902 году, летом, однажды я брел по *плато*, переживал события мира: <...> Вдруг голос сказал: “Се, гряди скоро” (Откр 22:20). Тут молнией осенило меня <...>, что II-ое Пришествие уже... *начинается*. Это “*знание*” лежало под спудом десятилетие, безглагольно, безумно; <...> через 12 лет ровно: нашел я ключи объяснения этому знанию — в Кельне, на первой лекции Штейнера, куда я попал: лекция была озаглавлена: “Христос и XX век”. В 1913 году, непосредственно перед летом рождения в “Я”, мне открылись: ключ объяснения к знанию; 1902-ой год открылся во мне после лет духовного одиночества: в Кельне и в Бергене» (ВСЧ <XIV>, 41); «Если бы чувствовать «м и г и», разъединенные друг от друга годами и чрез года объясняющие себя, то мы многое бы поняли; наше грядущее, крадучись Духом к нам

Происшествия перемещения сознания, происходящие со мною повсюду, во мне отдаются, как проникающие лучи странной жизни; то жизнь моя в будущем; вот ее-то подчас переносу я в события этой жизни моей; я порою приписываю себе совершенства, которые принадлежат Человеку (Записки чудака 1922, 81).

Чтобы правильно понять то, о чем говорит здесь Белый, напомним, что, согласно Вильгельму Вундту, в материальном мире господствует механическая причинность, тогда как в мире духовном правит целесообразность, законы телеологии. В интерпретации позднейших толкователей Вундта (К. Дюпреля, Р. Штейнера) телеологическое мировое движение противонаправлено по отношению к движению причинному и происходит «в обратном порядке», из будущего в прошлое, а все реалии духовного (астрального) мира по отношению к нашему миру представляются расположенными «вверх ногами». Белый не только знал учения Вундта и Штейнера, но активно их задействовал¹¹. Таким образом, в приведенном отрывке Белый, по сути, говорит о том, что научился различать законы высшего, духовного мира, а также постулирует наличие «обратной причинности» в духовном мире личности. Более того, если разрушить навязанный материалистами взгляд на действительность, отождествляющий реальность с тем, что можно пощупать руками, можно империально распространиться за хронологические пределы своего земного существования и почувствовать два полета: «первый» полет — случившийся при вхождении души в тело (при рождении), «второй» — при котором душа покидает тело (в экстатических выхождениях):

В себе я подсматриваю: воспоминание о со мной уже бывшем полете; и этот первый полет, — я его узнаю; он — событие первых мигнов сознания: «сон» о полете «ни в чем». Я замечал в этих мигах <...> ощущение полета в *обратном порядке*; и если первый полет в воспоминании мне рисуется «выпадением» из родимой страны, то этот последний — полет возвращающий; [может] <...> рисоваться сознанию <...> «*вверх ногами*» (ВСЧ VII, 25).

Именно последовательность этих особых «мигов», собранных как звенья цепи, образует пунктир духовной жизни, слагается в подлинную историю «Я»:

в душу, свершается еще задолго до срока» (Записки чудака. Т. 1. М., Берлин: Геликон, 1922. С. 56).

¹¹ См. Петров В.В. Телеология, четвертое измерение и обратный ход времени... С. 20–29.

Связи «мигов» слагают **рост жизни души** <...> История связи мигов, подобных описанному, — ведь и есть «*биография*»; но ее вы не встретите в материале обычных биографических фактов <...> **Не история жизни моей**, что родился я на Арбате, где прожил тридцать лет, пять лет странствовал, поселился опять на Арбате, а ныне живу на Садовой; не история вовсе и то, в кого был я влюблен, с кем поссорился и кого называю своими друзьями; не история жизни моей — на меня повлиявшие книги; влияние книг — только зеркало, на которое смотрит поверхность себя отражающей жизни (ВСЧ VIII, 26).

Последняя фраза требует пояснений. Для Белого не чтение книг формирует душу, но, напротив, дух находит и подбирает тексты, которые наиболее полно могут его выразить¹²:

«Он поддался влиянию Ибсена, Ницше, Штирнера...» Одно время так думал и я, но увидел впоследствии: авторов я подбирал, точно буквы для *слова*, которое мне открывалось; и долго еще не умел ничего я сказать: подбирал выражения; выраженья — любимые книги <...> Надо было: читать и читать; <...> из всех выражений и сплавов отлить совершенное слово, в котором я мог бы отчасти лишь выразить истину происшествия, перевернувшего всё: *возвращение первых сознательных мигов, как мигов воспоминания о до-рожденной действительности* (ВСЧ <XI>, 32).

В противоположность событиям духовного плана Белый невысоко ценит факты своей «внешней» биографии. Более того, он выступает против «общепринятого» восприятия мира, которое, как он подчеркивает, детерминировано теми установками, которые с детства навязывает индивиду общество. Истинная реальность отличается от той, которую диктует коллективное сознание¹³:

Я им [взрослым] никогда не сказал о событии жизни моей, мне открытом, как память <...> Лишь позднее, теперь <...> я знаю, что все объяснения жизни, которыми жил я так долго, есть мёртвая кожа действительных объяснений <...> Привычка оценивать мир, вывода все события мира из ложных причин, называемых ложно научными, —

¹² Ср. Макс Фриш. «Назову себя Гантенбайн»: «Человек что-то испытал, теперь он ищет историю того, что испытал».

¹³ О схожем понимании конвенциональной реальности как упрощения и конструкта у Ницше и Бергсона см.: *Петров В.В.* Фридрих Ницше и вечное возвращение. С. 797–808; *Петров В.В.* Индивид и его телесность в истории европейской философии // Тема «живого тела» в истории философии / Отв. ред. И.И. Блауберг. М., СПб., 2016. С. 17–20.

дурная привычка; и она-то внушает нам мысль: в переживаньях младенческих лет видеть смутные переживания идиота; вместо того, чтоб помочь нам расчистить дорогу к воспоминаниям о подлинном начале сознания нашего в дороженной действительности (ВСЧ VII, 24).

Быт всей жизни, <вы>текающие отсюда последствия <...> — еще мне не понятны; <...> да, я знаю: привычки и навыки, воспитание, груды фальшивых, прочитанных некогда книг автоматически заставляют меня называть обстающие происшествия вытверженными и неверными именами (ВСЧ, XVII).

Эти же (извне навязанные) представления заставляют людей считать *автобиографией* то, что таковой не является. Здесь Белый противопоставляет внешнюю канву жизни духовному бытию:

Наученный ложью, <...> привыкаю себя я считать не пришельцем из милой страны <...> [а] подчиненным рабом; <...> события «*биографической жизни мой*» — становятся мне моей жизнью. Внутри же себя ощущаю я редко толчки: пробуждения, припоминания о забытом, о старом; <...> от них осыпается все, чему учат меня <...> Толчки моей жизни <...> образуют иную зависимость: так же точно нам **цель** образует и средства свои; **она — в будущем; в настоящем — даны ее средства** (ВСЧ VII, 25).

Биографию в общеупотребительном смысле Белый отвергает. История его «Я» выходит далеко за пределы обоих концов отрезка физической жизни — в космические пространства до и после земного рождения, границы которого кажутся непроницаемыми только зашоренному восприятию:

[Не принимаю биографию], меня рисующ<ую> ребенком, потом гимназистом, студентом, потом литератором, и выводящую художественные искания моих книг из характера матери, а умственные из устремлений научных отца <...> **Моя биография мне начинается прочно: с переживания космических сфер и пейзажей потусторонней действительности**, одушевлявшей года детской жизни; а те постепенные навыки и приобретения рассудка, которыми создаем мы **искусственно перспективу «биографических» восприятий** — насильственно усвоенное косоглазие, т.е. нечто, уподобляемое привычке, столь свойственной гимназистам: грызть ногти; или — жевать каучук (ВСЧ XV).

«Второй», т.е. вторичной, биографией Белый считает не только жизнеописание внешних происшествий и событий, но даже события обыденного душевного плана (не знающие вторжений из высших сфер

самосознающего духа). Эти редкие и краткие «миги» вторжения духа (иной реальности) не поддаются словесному описанию. Те, кто не переживал подобных духовных миггов, никогда не поднимались выше уровня тела:

Я не стану описывать здесь **второй биографии**: <...> родился, состарился, умер; ел, пил, увлекался; и — написав толстый том, стал известным в литературных кругах; в этой внешней, **второй биографии** есть опять-таки два отдельных <...> мира; мир внешний, определяемый присутствием или отсутствием насморка; и — мир внутренний, определяемый душевными импульсами, интересами, симпатиями <...>; по отношению к этому-то второму, душевному миру господствует убеждение, что он есть сокровенное человеческой личности; и вот странно сказать: я в себе отрицаю тот мир; <...> вижу: эфемерную несущественность [его].

Мир душевный, иль «внутренний», обыкновенной биографической личности определяется прежде всего: количеством и качеством потребляемой пищи; и во-вторых: теми редкими, молниеносными **мигами**, присутствие которых никак вы **не вскрыете словом, событием** биографической жизни. Эти **миги** <...> нам кажутся чем-то, напоминающим событие, происходящее в мысли; <...> события, вкрапленные в мир душевный, откуда-то сверху являются абстрактными точками; действие этих «точек» вы начинаете понимать лишь с годами <...> Сфера души есть зависимая переменная *тела* и *духа*; но *дух* действует редко (молниеносными мигами); есть, уверен я, люди, дожившие до седин и не имевшие ни разу духовного мига в сознании; по отношению этих людей <...> могу твердо высказать: они — тело; душевная пульсация их <...> не бывает пронизана духом; и тело всегда побеждает (ВСЧ XIII, 40).

Белый констатирует, что темы, которыми он владеет профессионально и с которыми его ассоциируют люди, не отвечают его сущностной самоидентификации. От него ждут рассуждений на темы культуры, о «проблемах истории, философии стиля, иль мистики», полагают, что его должны занимать «философия и психология творчества, поэтический ритм, словесная инструментовка, история и теория символизма». Он известен как романист и поэт. По его собственному мнению, в числе его потенциальных профессий могли быть драматургия и естественные науки (биология и химия), но «настоящих» профессий он бежит, объявляет их случайными, выпавшими ему в силу стечения обстоятельств. Ведь был он, по воле случая, резчиком по дереву в Дорнахе и даже играл на турецком барабане, в чем мог бы выразить свою душу «не хуже, чем в повести». Белый использует знаменательную оговорку — «будто

бы»¹⁴: «печатаю книги и заседаю в комиссиях, *будто бы* я — литератор, и *будто бы* литература моя — моя “точка”». Здесь предвосхищаются виртуальные роли и маски, подробно описываемые в литературе много позже (ср. «Назову себя Гантенбайн» Макса Фриша, 1964). Но если уж говорить об искусстве, то, полагает Белый, его подлинное назначение и призвание еще не было им нашупано: в душе его звучат ненаписанные сонаты, живут несозданные живописные полотна.

Белый констатирует, что так и не смог «вскрыть своей подлинной точки». Литературная и профессиональная личина и роль подчинили себе Бориса Бугаева, «тень» поработила человека: «я — стал фикцией, оклеветанной литературною тенью». Белый недоволен таким положением: «Моя жизнь постепенно мне стала писательским материалом»¹⁵. Он хочет отбросить «литературщину» в пользу простоты, «писать, как сапожник»: «Где твоя священная точка? <...> Разорви свою фразу: пиши, как... сапожник. Пишу, как сапожник. О чем пишу? Не понимаю еще». Главное желание Белого — рассказать о произошедшем в его сознании и душе духовном потрясении и перевороте, передать ощущение шока, пережитого экзистенциального кризиса: «Пишу о священном мгновении, перевернувшем навеки все прежние представления о жизни; как будто бы бомба упала в меня; моя прежняя личность — разорвана»¹⁶. Для этого нужен новый язык. Стопы прочитанных книг предоставили ему некогда наработанный язык описания мира и своего существования в нем. В новых реалиях старый язык и старый буквенный шрифт утратили связность и осмысленность. Если прежняя действительность считывалась, как текст, то теперь гранки рассыпаны: «шрифт, при помощи которого я читал книгу жизни, рассыпан... россыпь шрифтов свела с ума Ницше... Я — с ума не сойду»¹⁷. Белый уверен, что ему удастся не сойти с ума, но распознать и прочесть новые письма — «напечатленные событий духовных на жизнь».

Белый свидетельствует: экзистенциальное потрясение «перевернуло во мне представления об истинах жизни». Новый опыт сделал невозможным следование прежним условностям: «устой обычной действительности для меня — ерунда». Напротив, устойчивости грядущего проступают в фантазмагорическом обличье: «как ряд парадоксов, нелепиц, невероятнейших совпадений и — удивительных случаев, которыми осыпает

¹⁴ Ср. трактат «Философия “Как если бы”» (Philosophie des Als Ob, Berlin, 1911) Ганса Файхингера.

¹⁵ *Белый А.* «Я»: Эпопея. Т. 1: Записки чудака. Ч. 1: Возвращение на Родину // Записки мечтателей. Пб., 1919. № 1. С. 40.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же. С. 41.

судьба». Белый заявляет о намерении разорвать узы условностей, чтобы предстать перед окружающими в своем подлинном облике:

Отлагался во мне просто диавольский план: свергнув «тень», появиться пред н и м и в своем собственном» человеческом виде, и удивить их собрание «непочтенностью» своих стремлений, манер, вкусов, стилей, увы, нарушающих традиционное одеяние «*Ледяного*»¹⁸.

Белый признает, что, порывая с условностями поведения, он вначале не мог найти для этого должных форм — «крайняя мера сперва приняла искривленные формы»: он вязывался в полемику «самого низкого сорта», «его видели пьяным». Он мог так и застрять в этой фазе, но тут в жизнь его вошла антропософия, с появлением которой «Леонид Ледяной» — его «писательская личина» и внешнее «я», возмнившее себя реальностью, имеющей объем и независимое существование, — вернулся из «трехмерного состоянья в двухмерное, как подобает приличной и незабывшей себя плоской тени». Ценность его литературного двойника немедленно девальвировалась и для окружающих: «“*Леонид Ледяной*” <...> был объявлен предавшимся бредням и истощившим свое дарование». Сам же Белый сумел разглядеть в своей экзистенции подлинное «я»: «“точка” моя, до которой коснуться не мог я; во мне, человеке, родился теперь Человек», «я — стал “Я” (с большой буквы)»¹⁹.

В контексте рассуждений о самореализации Белый рассуждает о соотношении возможного и осуществленного: «потенциально “я” — всё, и активно — ничто». Это напоминает «миры возможного» Вяч. Иванова и Жюль Делёза (когда Делёз пишет о Лейбнице). Белый замечает:

я не раз с удивлением останавливался перед какою-то точкой в душе, и наблюдал, как из этой нескрытой точки души, точно молнии, мне блистали возможности быть, чем угодно; возможности многообразнейших жизней вставали во мне²⁰.

Таким образом, Белый притязает на то, чтобы проигрывать иные событийные ветки, не реализованные им в жизни: «осуществленная моя жизнь — жизнь писателя — лишь одна из возможностей, такая же, как другие». Писательством Белый не дорожит. Про-живание и пере-живание внутреннего и духовного, *le vécu* («пережитое», как будет это именован французский экзистенциализм в лице Мерло-Понти) для Белого

¹⁸ Там же. С. 46.

¹⁹ Там же. С. 47.

²⁰ Там же. С. 45.

много важнее: «мельчайшие события моей человеческой личности отвлекли надолго меня от долга <...> Годá я провел, не напечатавши ни единого тома, над решением личных задач»²¹. Белый обещает «убрать стилистику» и «писать, как сапожник». В духе Ницше он обещает: «я ухожу от вас — пышные, сильные и богатые мертвецы обреченной на гибель действительности, к новорожденным побегам грядущей Весны» (ср. притчу про гадких утят из его «Весенних мыслей»).

Иногда рассуждения Белого практически неотличимы от таковых у неоплатоников. Например, место, из которого приходит душа, он именуется «родиной», а момент отрывания души от телесного мира уподобляет смерти. Здесь же он повторяет, что как история тела, так и история души равно относятся к «внешнему». «Внутренним» могут считаться только прорывы к духу — серия кратких миггов, озаряющих человеческую жизнь. При этом не тело и не душа должны выйти в сферу духа, но стоящее за ними «нечто», которое представляет собой нашу «самость»²²:

Обыкновенно тот «внутренний мир», о котором так много имеют сказать психологи замечательных личностей, не есть «внутренний мир», но — его порождение, не подчиненное **родине** и потому, с неизбежною силою, подчиняющееся чувственно-телесным аффектам; так **«внешний» и «внутренний» мир биографий — мир внешний**, иль кожа, облекающее **нечто**, не поддающееся учету; это нечто в нас должно вырвать душу из тела и подчинить ее духу; момент отрыванья души от телесного мира сопровождается столь трагичными обстоятельствами внешней жизни, что очень многие, переживающие естественный духовный процесс, уподобляемы **умирающим: просветление души в его первой инстанции и есть подлинно смерть**; <...> в этой стадии развития подлинно *внутреннего*; <...> оно — беззаконнейшая комета, не открываемая телескопами обыкновенных исследователей (ВСЧ XIII, 40).

Начиная с упоминания «нечто», в «Воспоминания странного человека» входят темы Ницше, мотивы из текстов которого появляются в нескольких следующих главках. Человеческое существование представляется Белому полем борьбы тела и духа. Здесь примечательно замечание (навеянное Ницше и хорошо приложимое к греческой трагедии), что «герой» — это «всегда только тело», тогда как «дух» проявляется как

²¹ Там же. С. 46.

²² Уже Шопенгауэр понимал волю как неизменность, «на которой зиждется само тело вместе с сознанием», как «нечто», которое не есть ни тело, ни сознание, но их подоснова. Ницше трансформировал шопенгауэровское «нечто» в «самость», которую отождествил с телесностью (подробнее см.: *Петров В.В.* Индивид и его телесность в истории европейской философии. С. 28, 32–33).

«рок». Победа рока означает смерть «тела», но для избранных она же оказывается «вторым», духовным рождением, началом «пути посвящения»:

Душа схвачена, как клещами, и телом, и духом; если тело господствует, то и трагедии нет; благополучием жизни отмечено существование личности; если дух в человеке сильнее, не уступает он телу; борьба между телом и духом переживается ростом душевных трагедий: «трагическим мирозерцанием личности»: борьбой Героя и рока; «Герой» есть всегда только тело²³, а рок — это неузнанный дух; при победе «рока» над личностью наступает иль смерть, иль подлинное **рождение духа** в сознание человека: **второе рождение**; <...> и только у очень немногих *рождение* лишь начало вступления в жизнь (не в какую-либо потустороннюю жизнь: в *эту* жизнь); дух-младенец становится: *отроком, юношей, мужем*. То — **путь посвящения** (ВСЧ XIII, 40).

При этом сами «миги духовного мира» не тождественны «второму рождению». Они суть толчки и сотрясения, которые предваряют второе рождение, пробуждая в человеке его духовную «самость»:

«Молниеносные миги духовного мира» <...> далеки от **второго рождения**, напоминая движенье зародыша в материнской утробе. Обыкновенно духовная жизнь [находится] **за порогом сознания**, нам данного; ее вздрагиванье одинаково «внутренне» по отношению как к душевному, так и телесному миру; проявляется она, как **«Само»**, **о котором Ницше сказал, что «оно» и есть тело**²⁴; но Ницше ошибся: он прав, полемизируя со всякой душевностью: «Само-» Сердца <?> (иль «Самодух») внедушевно; вероятно, многие «душевные» люди движенье зародыша или «Само» в своем внутреннем мире отметят как приближение сумасшествия иль болезни (ВСЧ XIII, 40).

²³ Примечательно, что в том же номере «Записок мечтателей» (1919. № 1), в котором опубликована первая часть эпопеи «Я», напечатано эссе Вяч. Иванова «Кручи» (С. 101–116), вторая часть которого озаглавлена «Борьба за тело героя». Названия главок «Круч» — «Вихри», «Кризис явления», «Кризис искусства» — перекликаются с названиями и темами работ Белого того периода.

²⁴ «За твоими мыслями и чувствами <...> стоит <...> Самость. В твоём теле живёт он; твоё тело есть он. Больше разума в твоём теле, чем во всей твоей мудрости. <...> Самость смеётся над твоим Я и его гордыми скачками» (*Ницше Ф.* Так говорил Заратустра (1881) // Ницше Ф. Полн. собр. соч. Т. 4. М., 2007. С. 34–35). Ср.: «...в нас есть нечто такое, что <...> пребывает неизменным. <...> Это не сознание, как и не тело, в котором очевидно пребывает сознание. Это скорее то, на чем зиждётся само тело вместе с сознанием, т.е. именно то, что, попадая в поле сознания, предстает как воля» (*Шопенгауэр А.* Мир как воля и представление // Шопенгауэр А. Собр. соч.: В 6 т. Т. 2. М., 2011. С. 414).

Переживание своей принадлежности стране, в которой «Я» обитало прежде рождения в этом мире, является основой «первого мига самосознания». Это **припоминание**, трактуемое как платоновский ἀνάμνησις, Белый сравнивает с другим «мигом», порожденным первым чтением «Упанишад» в переводе Веры Джонстон (ВСЧ IX, 26)²⁵. Потрясение, испытанное от открывшейся индийской мудрости названо «вторым мигом» пробуждения (ВСЧ X, 31).

Весьма подробно мистическая сущность священных мигов описана Белым применительно к экстатическим состояниям, переживавшимся в Серебряном Колодезе:

Останавливаюсь не случайно я на описании этого места; оно мне таинственно связано со **вторую** моей биографией; в продолжение семи лет (от 1899 до 1906 года) то место мне было источником моих знаний о «сокровеннейшем». Здесь научился я всем подступам к духовной науки <...> Здесь был Заратустрою я; между мною и Ницше установились тесные связи <...> Здесь, сам с собой, исходил я, играя с Возлюбленной Вечностью, странными жестами (вы сказали бы, *символическими*) <...> Что делал я во ржи, было строгою тайною; бессознательно «это» был оккультизм моей жизни <...> Жизнь, расступаясь, обнаруживала свою глубину, как бы некий колодезь, в котором «Я» личного не было; мне казалось, что в том месте, где был «я», — теперь было небо <...> Топольки лепетали <...>: «Нет ни общего, ни частного: нет тебя, но и нет ничего, что не “ты”»; “*Ты = Не ты*”, “Ты — Еси”: Ты — возлюбленн<ый> мировой; мировая история заострилась в тебе; это ты ее конус. Ты — Всё; Ты и ветер, и травы, и месяц, и мысли о мире, и мир». Провиденциальный смысл моей личности приподымался какою-то роковою нерассказанной тайной: я — плакал от радости, нежности; одновременно — от ужаса перед тем, что «Единственный» я <...> Казалось мне, что <...> от действий моих в этот миг, <...> зависят всемирные судьбы истории; <...> обливаясь слезами восторга и нежности, [падал] я под топольком над канавою, лобызая травы, цветы и говоря: «Да не будет во имя мое». <...> Переживанием этим обыкновенно мне разрешались переживания о провиденциальности моей личности; я впоследствии понял, что “Ессе homo” написан был Фридрихом Ницше, как нечто действительно происходящее в душах людей, покидающих обычную почву <...> (Я впоследствии, на могиле у Фридриха Ницше²⁶,

²⁵ Джонстон В. Отрывки из Упанишад // Вопросы философии и психологии. 1896, № 1. С. 1–34.

²⁶ «Когда я склонил колени перед могилой его [Ницше], <...> я — вышел из истории в над-историческое <...> Я почувствовал, что <...> история — кончилась; кончились ее понятные времена; мы проросли в непонятное; и стоим у грани колоссальнейших, политических и космических переворотов, долженствующих в 30-х

<...> переживал по-новому эти старинные **миги**: то было под Лейпцигом; здесь, под Лейпцигом, **объясненно** прошли предо мной стародавние «*миги*», пережитые мной в Тульской губернии). В **переживании** «слез» умягчался **экстаз** (иль **мгновения** «**Вечной Гармонии**» **одного из героев «Бесов»**); и я проходил как бы сквозь *врата*, отделявшие мое «я» от «*законечного*» царства покоя (ВСЧ <XIV>, 41).

Типологически указанные переживания совпадают с тем, что зафиксировано в дневниковой и художественной литературе второй половины XIX — начала XX в. Подобный личностный опыт именуется по-разному: в переписке и полемике Романа Роллана и Зигмунда Фрейда, а также у Карла Юнга и Пьера Адо он зовется «океаническим чувством»; индолог Мишель Юлен именует его «дикой мистикой», которая понимается как мистические переживания, не «отформатированные» догматически и конфессионально; Абрахам Маслоу (1908–1970) называет это «пиковыми переживаниями» — термином, который вошел в вокабуляр трансперсональной психологии²⁷.

В ВСЧ (но не в «Записках чудака») понятно, что, упоминая о мгновениях «Вечной Гармонии», Белый имеет в виду фрагмент из романа «Бесы», в котором устами Кириллова Достоевский, скорее всего, описывает собственные экстатические переживания перед эпилептическим припадком:

[Кириллов:] — Есть секунды, их всего зараз приходит пять или шесть, и вы вдруг чувствуете присутствие вечной гармонии, совершенно достигнутой. Это не земное; я не про то, что оно небесное, а про то, что человек в земном виде не может перенести. Надо перемениться физически или умереть. Это чувство ясное и неоспоримое. Как будто вдруг **ощущаете всю природу** и вдруг говорите: да, это правда. Бог,

годах завершиться Вторым Пришествием, которое уже началось в индивидуальных сознаниях отдельных людей (и в моем сознании); в ту минуту, когда я стоял перед гробницей Ницше, молниеносно пронесся во мне ряд мыслей, позднее легших в мои четыре кризиса («*Кризис Жизни*», «*Кризис Мысли*», «*Кризис Культуры*» и «*Кризис Сознания*»); я сам в эту минуту был своим собственным кризисом, ибо конечно, разрушена моя былая жизнь, ее прежние интересы; и вот — я не знаю: чем буду завтра. <...> Посещение гробницы Ницше есть *sui generis* обряд в днях моего посвящения <...> Помнится мне на возвратном пути от могилы огромное, красное, закатывающееся солнце; и опять прозвучало: «<...> История кончилась!»» (*Белый А. Материал к биографии // Литературное наследство. Т. 105: Андрей Белый. Автобиографические своды. Материал к биографии. Ракурс к дневнику. Регистрационные записи. Дневники 1930-х годов / Сост. А.В. Лавров, Дж. Малмстад; науч. ред. М.Л. Спивак; отв. ред. А.Ю. Галушкин, О.А. Коростелев. М., 2016. С. 148–149*).

²⁷ См.: *Петров В.В.* «Океан бытия, жизни и разума» в философской, мистической и психоаналитической традициях // *Мера вещей: Человек в истории европейской мысли / Под общ. ред. Г.В. Вдовиной. М., 2015. С. 191–248.*

когда мир создавал, то в конце каждого дня создания говорил: «Да, это правда, это хорошо». Это... это не умиление, а только так, радость. Вы не прощаете ничего, потому что прощать уже нечего. Вы не то что любите, о — тут выше любви! Всего страшнее, что так ужасно ясно и такая радость. Если более пяти секунд — то душа не выдержит и должна исчезнуть. В эти пять секунд я проживаю жизнь и за них отдаю всю мою жизнь, потому что стоит. Чтобы выдержать десять секунд, надо перемениться физически. Я думаю, человек должен перестать родить. К чему дети, к чему развитие, коли цель достигнута? В Евангелии сказано, что в воскресении не будут родить, а будут как ангелы божи. <...>

[Шатов:] — Мне один epileptik подробно описывал это предварительное ощущение пред припадком, точь-в-точь как вы; пять секунд и он назначал и говорил, что более нельзя вынести. Вспомните Магометов кувшин, не успевший пролиться, пока он облетел на коне своем рай. Кувшин — это те же пять секунд; слишком напоминает вашу гармонию, а Магомет был epileptik. Берегитесь, Кириллов, падающая!²⁸

Чрезвычайно интересно, что Белый ссылается на этот фрагмент в контексте своих рассуждений о Ницше. Дело в том, что Ницше, который читал «Бесов» (1871–72) во французском переводе, в своих черновых набросках 1887–88 гг. цитирует именно эти строки²⁹. (Белому о содержании рабочих записок Ницше, разумеется, не было известно.) Как и Белый, Ницше пережил мистическое озарение, наступившее его в горах Зильс-Мари, где в августе 1881 г. ему открылось знаменитое учение о вечном возвращении. Ницше отдает себе отчет, что пережитое озарение инициировано воздействием на него дикой природы: «Я всегда поражаюсь, находясь на природе, с какой великолепной определенностью всё действует на нас, лес по-своему и гора по-своему, и в нас нет ни смятения, ни невнимательности, ни неуверенности, когда мы это воспринимаем»³⁰. Ницше хорошо сознавал экзистенциальное воздействие природы на человеческий дух, подчеркивая, что, соединяясь с природой, человек *бессознательно* ощущает метафизическое единство всех вещей, покой, вечное постоянство природы, а также «необходимость»³¹. Отнюдь не случайно, что в выписанных Ниц-

²⁸ Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Т. 10. Л., 1974. С. 450–451.

²⁹ Ницше Ф. Полн. собр. соч.: В 13 т. Т. 13 / Пер. с нем. В.М. Бакусева и А.В. Гарраджи. М., 2006. С. 137, 617; Петров В.В. Фридрих Ницше и вечное возвращение. С. 793.

³⁰ Ницше Ф. Полн. собр. соч.: В 13 т. Т. 9 / Пер. с нем. А.А. Карельского и др. М., 2013. С. 497.

³¹ Ср.: «Если вы хотите вести молодого человека по правильному образовательному пути, то остерегайтесь нарушать его наивное, доверчивое, личное и непосредственное отношение к природе, пусть и лес, и скалы, и буря, и коршун, каждый отдельный цветок и мотылек, и лужайка, и горный склон разговаривают с ним на своем языке:

ше строках из Достоевского сказано, что в моменты эстатической интенсификации бытия, превышающего возможности обычного человеческого существования, человек «входит в соприкосновение со всей природой», со всецелым Божиим творением. Видимо, Ницше понимал и разделял это ощущение Достоевского. Те же чувства испытывал и Белый: экстазы, переживавшиеся им в Серебряном Колодезе, были вызваны воздействием природных и ландшафтных факторов. Не случайно Белый неоднократно говорит о *границе*, которую маркировал ряд топольков, отделявших обжитой, замкнутый, вовлеченный в «исторический процесс» участок имения от бескрайних просторов и ширей «внеисторических» полей и плато. На этой границе Белый подолгу простаивал, вглядываясь «отсюда — туда», ее он пересекал в обе стороны, и эти переходы были значимы для его души и сознания (ВСЧ <XIV>, 41). Именно там его мистические переживания достигали особой силы:

По себе знаю я, что в душе человеческой этот миг, разрывающий всё, может явно сказаться <...>: то страхом утери сознания <...>, то восторгом полета <...>; первое переживают ученые; <...> второе переживают все мистики. Те и эти переживают неполно значение странного «мига» (ВСЧ VIII, 25).

Переживания летних закатов во мне отливались: в определенный чин службы; она начиналась с *игры*, продолжалась символиккой странных жестов, ведущих к экстазу; но я проходил сквозь экстаз — в *за-экстатное* состояние радости, что *возлюблен* я кем-то. Кто был этот *Он*, кто был *Я*, им возлюбленный, я не знал: но я знал, что биография моей жизни есть сон, и что «*Я*» — нерожденный от матери. Так продолжались мои полевые вечерние службы в 1901-м и в 1902 году (ВСЧ <XIV>, 41).

Фиксация подобных состояний представляет объективные трудности. Глубина и интенсивность пережитого не может быть адекватно передана средствами обычного нарратива. Белый отдает себе отчет в том, что истина, которую он хочет сообщить окружающим, лежит «вне писательской сферы». Он замечает, что «коснуться» этой истины можно только одним способом: «выбросить из себя *в виде повести* этот странный *дневник моего состоянья сознания*», которое невозможно ото-

в них, как в бесчисленных разбросанных отблесках и отражениях, в пестром потоке сменяющихся явлений, пусть узнает он себя. Таким образом он бессознательно ощутит метафизическое единство всех вещей на великом примере природы и в то же время обретет успокоение перед лицом ее вечного постоянства и необходимости» (*Ницше Ф.* Полн. собр. соч.: В 13 т. 1/2 / Пер. В. Бакусева, В. Неужиной, И. Эбаноидзе и др. М., 2013. С. 401).

бразить обычными средствами писательской техники³². У «дневника» экзистенциальное назначение: «сорвать маску с себя, как с писателя; и — рассказать о себе, человеке, однажды навек потрясенном»³³. Разумеется, перед нами не «дневник» в его обычном понимании. Текст ВСЧ / эпопеи «Я» / ЗЧ создавался в 1918 — начале 1919 гг., но посвящен событиям 1916 г. (с захватом узловых моментов, начиная с 1901 г.). Таким образом, это не дневник в буквальном понимании, т.е. последовательность записей, которые добавляются в календарном порядке и фиксируют события прошедшего дня. Не является текст и привычным мемуарами, поскольку о событиях, случившихся в физическом мире, в нем рассказывается наравне с «состояниями сознания» автора — мистическими переживаниями, галлюцинациями, фобиями, невротами и т.д.

Жанровая неопределенность находит соответствие в авторской практике Белого. Подчас он описывает одно и то же событие дважды: то в виде мемуарной записи, то трансформируя автобиографический опыт в художественный сюжет. Например, духовные переживания Белого в Серебряном Колодезе предстают то в художественной форме во второй и третьей «Симфониях», то в виде мемуарно-исповедальных записей в «Записках странного человека» (они же вошли в эпопею «Я» и «Записки чудака»), а также в воспоминаниях «Начало века». Некоторые автобиографические сюжеты сначала появляются в художественной прозе и лишь позднее, задним числом описаны в интимных дневниках как произошедшие с самим автором. Такова сцена со сновидческим посвящением и бессознательным совершением некоего гадкого поступка из романа «Петербург» (сцена явления Дудкину Шишнарфн³⁴), потом

³² Существо подхода Белый определяет предельно ясно: «описываю материалы сознания» (*Белый А. «Я»*. Эпопея. С. 42).

³³ *Белый А. «Я»*. Эпопея. С. 40.

³⁴ См.: «Александр Иванович видел (не то в сне, не то в засыпании), как его помчали чрез неопишваемое, что можно бы назвать всего проще междупланетным пространством (но что не было им): помчали для свершения некоего, там обыденного, но с точки зрения нашей все же гнусного акта; несомненно это было во сне (между нами — что сон?), но во сне безобразном, повлиявшем на прекращение проповеди; во всем этом самое неприятное было то, что Александр Иванович не помнил, совершил ли он акт, или нет; этот сон впоследствии Александр Иванович отметил, как начало болезни» (*Белый А. Петербург*. Пг., 1916. С. 81–82). Ср.: «С 28-го [декабря 1913] начинается Лейпцигский курс <...> я переживаю каждую лекцию не лекцией, а посвящением в тайны <...> В один из этих дней <...> я видел — не знаю что: сон или продолжение вечерней медитации; <...> появился д-р <...>; он схватил меня и повлек через ряд комнат (это было как бы не во сне); тут наступил перерыв сознания, от которого я очнулся тотчас же; и застал себя как бы перед круглым столом (не то аналоем); на столе-аналое стояла чаша; и я понял, что это — Грааль <...> Доктор отчетливо спросил меня: “Так вы согласны идти на это?” И я застал себя отвечающим: “Да, согласен!” И тут мелькнуло мне, что я отвечаю на какой-то вопрос, связанный с роковой тайною миссии, мне предназначенной; мне показалось, что я отдал свою жизнь делу доктора <...>; я понял, что я, или мое бодрственное “я” во-

воспроизведенная в виде мемуарной записи в «Материале к биографии» (в этом случае оказывается, что она произошла с самим Белым, а посвятителем был Р. Штейнер)³⁵.

Как бы то ни было, не подлежит сомнению, что *дневник сознания* выстроен Белым как история душевных переживаний в кризисный для автора 1916 г. и рассказ о важнейших моментах предшествующих лет, предварявших и задававших, по мнению Белого, специфику состояний его сознания в 1916-м. Таким образом, перед нами не просто биографический нарратив, но и рефлексия относительно этапных моментов истории своей духовной жизни, попытки выстроить и конституировать свое «Я» (схожим образом Пастернак определит книгу как «кубический кусок дымящейся совести»). Белый сознает что текст, который он предлагает читателю, не укладывается в привычный формат и жанры:

Чувствую недоумение читателя; и — подозрительный взгляд, на себя устремленный; главное: не могу ничего возразить: — «Что же это такое вы нам предлагаете?.. Это — ни повесть, ни даже дневник, а какие-то друг с другом не связанные кусочки воспоминаний: и — перепрыги». Всё так... (ВСЧ II, 18^а).

Тем не менее потребность быть понятым диктует необходимость изложения мистического опыта на языке общепонятном, для подобных целей не предназначенном, — в традиционных прозаических формах и жанрах. Это приводит к существенным потерям:

Топика <?> стилия обыкновенно обстругивает «событие внутренней важности»; и от него попадает в сюжет лишь случайный клочок <...> Великие драмы Софокла были вынесены из мистерий; их же центр — «события внутренней важности», происшедшие с потрясенной душой. Но история драмы показывает, как членится первоначальная драма, выветривая сокровенные смыслы свои, и порождая пошлейшие фарсы;

прос д-ра проспало, но высшее “Я” дало положительный ответ. <...> Тут я проснулся: вернее очнулся; и спросил себя: “Что это было? Был ли это сон?” Мне стало ясно: нет, не сон, а подлинное посвящение. <...> Сколько раз потом меня тревожило: “Твое высшее “Я” дало высшему “Я” доктора клятвенный обет: послужить какому-то делу; <...> а ты — проспал твою клятву; и не знаешь, чему ты поклялся <...> Разумеется, я эти странные, невероятные переживания скрыл от всех; но я вернулся с лекции с сознанием, что Св. Дух зачат в моем ветхом “я”; теперь это ветхое “я” будет распадаться, и меня постигнет какая-то странная, священная болезнь» (*Белый А. Материал к биографии. С. 144–146*). Ср.: «Многие “душевные” люди движение зародыша или “Само” в своем внутреннем мире отметят, как приближение сумасшествия или болезни» (ВСЧ XIII, 40).

³⁵ См.: *Петров В.В. “Революция сознания” в работах Андрея Белого 1917–1919 гг. // Перелом 1917 года: революционный контекст русской литературы / Отв. ред. В.В. Полонский. М., 2017. С. 69–70.*

история развития театра от священной трагедии до оперетки. [Точно так же по нисходящей развивается — *В.П.*] история развития любого романа в душе у писателя; если нет у писателя той таинственной точки, откуда, как пар, поднимается лучеиспускание мифа, то он не писатель (ВСЧ XVI).

Автор всегда заключен между Сциллой желания поведать о своем внутреннем душевном опыте (который принципиально неразгласим) и Харибдой подчинения драматургическим законам писательского ремесла:

Если же он закрепит не сюжет, а самую точку рождения в нем сюжета, произвольно положенную в основу сюжета, <...> перед читателем пробегут лишь одни «негодные средства»: обрывки, намеки, потуги, искания; ни отточенной фразы, ни цельности образа не ищите вы в них; косноязычие отпечатается на страницах его дневника; нас займут не предметы живописания, а выражение авторского лица (ВСЧ XVI).

Поскольку прежнее бытие разрушено, Белый признается, что теперь он сам конструирует свою действительность: «я образую действительность в месте, разрушенном взрывами»³⁶. Тем не менее автор дважды оговаривается, что его текст — лишь заготовки для чего-то, еще не очевидного, только леса для постройки, но не сама постройка: «в дневнике своем я предлагаю вниманию “леса для постройки”; “постройки” (романа или повести) нет в нем»³⁷.

Как сказано выше, Белый пытается самоидентифицироваться, на его языке — сделать душу «самосознающей», а это возможно только при посредстве саморефлексии, взгляде на себя со стороны. Поэтому он записывает всё с собой происходящее. Но действительность для него — мистика и духовидца — не ограничивается бытовыми происшествиями. Не менее значимы феномены его духа, эмоциональные состояния, которые, хочешь не хочешь, могут быть схвачены только в виде художественных образов, которые нужно потом истолковать. Так рождаются фантазмагорические, экспрессионистские параграфы эпопеи «Я» (сюжет про шпиков, лондонская главка и пр.). Здесь Белый идет вслед за Гоголем: жизненная правда не укладывается в рамки рационального, эпоха картезианской парадигмы осталась в прошлом.

³⁶ *Белый А.* «Я». Эпопея. С. 42.

³⁷ Там же.

Белый говорит о том, что отказывается от художественного вымысла подчиненного канонам ремесла в пользу подлинного свидетельства о произошедших с ним духовных событиях: «могу до сих пор обмануть я читателя; и — в прежнем стиле преподнести ему утончения контрапунктов из образов и красиво отделанных фраз; но ничего не узнает о подлинно бывшем со мною из этих художественных изделий»³⁸. Но поскольку истина, которую Белый хочет сообщить окружающим, лежит «вне писательской сферы», коснуться ее можно только одним способом: «выбросить из себя *в виде повести* этот странный *дневник моего состояния сознания*», которое невозможно отобразить обычными средствами писательской техники. Понимая это, Белый признает, что вместо «здания повести» предлагает читателю «новизну повести», а вместо искусного «ритма слов» выносит на всеобщее обозрение «кочки моей собственной жизни, которая взорвана». И пусть совершаемый им переход от литератора к «человеку» будет воспринят как профессиональная деградация — для Белого важна не профессиональная, но экзистенциальная составляющая, важнее быть «человеком», чем литератором: «пусть я обыденнейший человек; да, но я — человек; профессиональные литераторы, — часто не люди мы». Размышляя о своем предназначении, Белый приходит к выводу, что самое важное в нем — «человек» как живое и творческое начало, которое самим своим бытием позволяет ему проявлять себя в самых разных профессиях, а в пределе выводит за рамки какой-либо одной из них, указывая на свой исток — «Человека» с большой буквы, Одного и Единственного:

«*Человека*» в себе ощущал я той точкою, из которой порою блистали многообразия человеческих жизней моих (лишь случайно избрал я одну); ощущал я в себе столкновение многих людей; многоголосая стая — мои двойники, тройники! — перекричала во мне специальность поэта, писателя, теоретика; искал я гармонии неосуществленных возможностей; и приходил к представлению «*человека*», которого нет в *человеке*; мы все «*человеки*» (лишь с маленькой буквы) — футляры Его, Одного³⁹.

В обозначенной перспективе намеренного выхода за пределы конечного и ограниченного становятся малозначимыми жанровые формы и каноны, традиционно соотносимые с актами автобиографического письма. В период работы над редакциями сочинения, публиковавшегося под заглавиями «Воспоминания странного человека, Андрея Белого» /

³⁸ Там же. С. 42.

³⁹ Там же.

«“Я”. Эпопея» / «Записки чудака», их автор считал важным не форму, но самовыражение, ощущал необходимость в самоидентификации, потребность в преодолении личностной драмы, в выговаривании, объективации и, стало быть, вытеснении пережитого травматического опыта из плана экзистенциальных переживаний в план языковых актов, манифестирующих невербализуемое, потребность в творческом пересоздании и переопределении себя на новых основаниях⁴⁰. Задачам подобных творческих усилий не могли соответствовать формы традиционного нарратива. Тем не менее, как теперь понятно, результирующий текст — нарушающий все каноны, пропитанный болью, исповедальный, фантазмагоричный — вполне выполнил задачи, которые ставил перед собой Андрей Белый.

Литература

Белый А. Материал к биографии // Литературное наследство. Т. 105: Андрей Белый. Автобиографические своды. Материал к биографии. Ракурс к дневнику. Регистрационные записи. Дневники 1930-х годов / Сост. А.В. Лавров, Дж. Малмстад; науч. ред. М.Л. Спивак; отв. ред. А.Ю. Галушкин, О.А. Коростелев. М.: Наука, 2016. С. 29–328.

Белый А. Воспоминания странного человека / Примеч. и публ. А.В. Лаврова // Миры Андрея Белого / Ред.-сост. К. Ичин, М. Спивак, сост. И. Делекторская, Е. Наседкина. Белград, М., 2011. С. I–LXII.

Вордсворт У. Прелюдия, или Становление сознания поэта. 1805 / Изд. подгот. А.Н. Горбунов, Е.В. Халтрин-Халтурина, Т. Стамова. М.: Наука, Ладомир, 2017. 1032 с. (Литературные памятники).

Переписка Андрея Белого и Вячеслава Иванова (1904–1920) / Вступ. статья, подгот. текста и коммент. Н.А. Богомолова и Дж. Малмстада // Русская литература. 2015. № 2. С. 29–103.

Петров В.В. Ареопагитский корпус как интертекстуальный проект // Философский журнал. 2015. Т. 8. № 2. С. 56–75.

Петров В.В. Индивид и его телесность в истории европейской философии // Тема «живого тела» в истории философии / Отв. ред. И.И. Блауберг. М., СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2016. С. 11–42.

Петров В.В. «Океан бытия, жизни и разума» в философской, мистической и психоаналитической традициях // Мера вещей: Человек в истории европейской мысли / Под общ. ред. Г.В. Вдовиной. М.: Аквилон, 2015. С. 191–248.

Петров В.В. «Разнотекущие потоки» в «Сне Мелампа» Вячеслава Иванова: интертекстуальный анализ // *Dialectica tra contingenza storica e valore universale in Vjačeslav Ivanov*. X convegno internazionale. A cura di Maria Pliukhanova e Andrei Shishkin. Salerno: Edizioni culturali internazionali, 2017. P. 23–54. (Europa Orientalis; 29).

⁴⁰ Схожие задачи решали тексты Ницше, см.: *Петров В.В.* Фридрих Ницше и вечное возвращение. С. 836–837.

Петров В.В. «Революция сознания» в работах Андрея Белого 1917–1919 гг. // Перелом 1917 года: революционный контекст русской литературы. Исследования и материалы / Отв. ред. В.В. Полонский, ред.-составители В.М. Введенская, Е.В. Глухова, М.В. Козьменко. М.: ИМЛИ РАН, 2017. С. 56–76.

Петров В.В. Телеология, четвертое измерение и обратный ход времени в работах Андрея Белого, Вяч. Иванова и М. Волошина // Вячеслав Иванов: исследования и материалы. Вып. 3 / Сост. С.В. Федотова, А.Б. Шишкин. М.: ИМЛИ, 2018. С. 13–61.

Петров В.В. Фридрих Ницше и вечное возвращение // Мера вещей: Человек в истории европейской мысли / Под общ. ред. Г.В. Вдовиной. М.: Аквилон, 2015. С. 773–879.

Bishop J. Wordsworth and the “Spots of Time” // *English Literary History*. 1959. Vol. 26. № 1. P. 45–46.

Davis J.P. “The Spots of Time”: Wordsworth’s Poetic Debt to Coleridge // *Colby Quarterly*. 1992. Vol. 28. № 2. P. 65–84.

Nichols A. The revolutionary “I”: Wordsworth and the politics of self-presentation. London: Macmillan Press Ltd., 1998. 187 с.

Stoddard E.W. The spots of time: Wordsworth’s semiology of the self // *Romanticism Past and Present: An Interdisciplinary Journal*. 1985. Vol. 9. № 2. P. 1–24.

Wheeler H. The Prelude Books I and II by William Wordsworth. London: Macmillan Education, 1988. 96 с.

References

Belyi A. Material k biografii [Biography material]. *Literaturnoe nasledstvo. T. 105: Andrei Belyi. Avtobiograficheskie svody: Material k biografii. Rakurs k dnevniku. Registratsionnye zapisi. Dnevniki 1930-kh godov* [Literary heritage. Vol. 105: Andrei Bely. Autobiographical codes. Biography material. An aspect for the diary. Registration records. 1930s diaries], comp. by A.V. Lavrov, J. Malmstad, ed. by M.L. Spivak. Moscow, Nauka Publ., 2016, pp. 29–328. (In Russ.)

Belyi A. Vospominaniia strannogo cheloveka [Recollections of a strange man], notes and publ. by A.V. Lavrov. *Miry Andreia Belogo* [Worlds of Andrei Bely], ed. by K. Ichin, M. Spivak, comp. by I. Delektorskaya, E. Nasedkina. Belgrad, Moscow, 2011, pp. I–LXII. (In Russ.)

Bishop J. Wordsworth and the “Spots of Time”. *English Literary History*, 1959, vol. 26, no. 1, pp. 45–46.

Davis J.P. “The Spots of Time”: Wordsworth’s Poetic Debt to Coleridge. *Colby Quarterly*, 1992, vol. 28, no. 2, pp. 65–84.

Nichols A. *The revolutionary “I”: Wordsworth and the Politics of Self-Presentation*. London, Macmillan Press Ltd., 1998. 187 p.

Perepiska Andreia Belogo i Viacheslava Ivanova (1904–1920) [Correspondence between Andrei Bely and Vyacheslav Ivanov (1904–1920)], intro., ed. and comment. by N.A. Bogomolov and J. Malmstad. *Russkaia literatura*, 2015, no. 2, pp. 29–103. (In Russ.)

Petrov V.V. Areopagitskii korpus kak intertekstual'nyi proekt [Corpus Areopagiticum as an intertextual project]. *Filosofskii zhurnal*, 2015, vol. 8, no. 2, pp. 56–75. (In Russ.)

Petrov V.V. Fridrikh Nitsse i vechnoe vozvrashhenie [Friedrich Nietzsche and the eternal return]. *Mera veshchei: Chelovek v istorii evropeiskoi mysli* [Measure of things: Human being in the history of European thought], ed. by G.V. Vdovina. Moscow, Akvilon Publ., 2015, pp. 773–879. (In Russ.)

Petrov V.V. Individ i ego telesnost' v istorii evropeiskoi filosofii [The individual and his corporality in the history of European thought]. *Tema "zhivogo tela" v istorii filosofii* [The theme of "living body" in the history of philosophy], ed. by I.I. Blauberg. Moscow, St. Petersburg, Center for Humanitarian Initiatives Publ., 2016, pp. 11–42. (In Russ.)

Petrov V.V. "Okean bytiia, zhizni i razuma" v filosofskoi, misticheskoj i psikhooanaliticheskoj traditsiiakh ["The ocean of being, life and mind" in philosophical, mystical and psychoanalytic traditions]. *Mera veshchei: Chelovek v istorii evropeiskoi mysli* [Measure of things: Human being in the history of European thought], ed. by G.V. Vdovina. Moscow, Akvilon Publ., 2015, pp. 191–248. (In Russ.)

Petrov V.V. "Raznotekushchie potoki" v "Sne Melampa" Viacheslava Ivanova: intertekstual'nyi analiz ["Streams flowing different" in Vyacheslav Ivanov's "Melampus' Dream": intertextual analysis]. *Dialettica tra contingenza storica e valore universale in Vjačeslav Ivanov. X convegno internazionale. A cura di Maria Pliukhanova e Andrei Shishkin*. Salerno, Edizioni culturali internazionali, 2017, pp. 23–54. (Europa Orientalis; 29). (In Russ.)

Petrov V.V. "Revoliutsiia soznaniia" v rabotakh Andreia Belogo 1917–1919 gg. ["Revolution of consciousness" in Andrei Bely's works of 1917–1919]. *Perelom 1917 goda: revoliutsionnyi kontekst russkoi literatury. Issledovaniia i materialy* [The breaking point of 1917: Revolutionary context of Russian literature. Studies and materials], ed. by V.V. Polonsky, comp. by V.M. Vvedenskaia, E.V. Glukhova, M.V. Kozmenko. Moscow, Institute of World Literature Publ., 2017, pp. 56–76. (In Russ.)

Petrov V.V. Teleologiya, chetvertoe izmerenie i obratnyi khod vremeni v rabotakh Andreia Belogo, Viach. Ivanova i M. Voloshina [Teleology, the fourth dimension and the time running backwards in the works of Andrei Bely, Vyach. Ivanov and M. Voloshin]. *Viacheslav Ivanov: issledovaniia i materialy. Vyp. 3* [Vyacheslav Ivanov: studies and materials. Iss. 3], comp. by S.V. Fedotova, A.B. Shishkin. Moscow, Institute of World Literature Publ., 2018, pp. 13–61. (In Russ.)

Stoddard E.W. The spots of time: Wordsworth's semiology of the self. *Romanticism Past and Present: An Interdisciplinary Journal*, 1985, vol. 9, no. 2, pp. 1–24.

Wheeler H. *The Prelude Books I and II by William Wordsworth*. London, Macmillan Education, 1988. 96 p.

Wordsworth W. *Preludiia, ili Stanovlenie soznaniia poeta. 1805* [The Prelude or Growth of a Poet's Mind. 1805], ed. by A.N. Gorbunov, E.V. Haltrin-Halturina, T. Stamova. Moscow, Nauka Publ., Lodomir Publ., 2017. 1032 p. (In Russ.)

“Memories of a Strange Man, Andrei Bely” as a diary of states of consciousness

© 2018, Valery Petroff

Abstract: The article discusses the autobiographical practices of Andrei Bely in the “Memories of a Strange Man” (1918–19) and other publications, later in one form or another included in “Notes of an Eccentric” (1922). It is shown that the works in question differ from “ordinary” autobiographical and memoir texts by the fact that their author deliberately ignores the details of everyday life and focuses on the reconstruction of his spiritual journeys, on tracing and analyzing the ecstatic moments of mystical illuminations that are constitutive for the process of the rise of his self-conscious “I”. At the same time, ego-documents serve as a means of objectifying of “states of consciousness”, repression of traumatic experiences by transferring them from existential plan into speech acts (illocutionary or perlocutionary) that facilitate self-identification, self-reflection and, ultimately, creative recreation of oneself.

Keywords: Andrei Bely, “Memories of a Strange Man, Andrei Bely”, “Notes of an Eccentric”, William Wordsworth, spots of time, Fyodor Dostoevsky, Friedrich Nietzsche, Plato’s anamnesis, peak experience, Abraham Maslow, oceanic feeling, moments of spiritual awakening, teleology, Wilhelm Wundt, Rudolf Steiner, inner and external biography, the actual and the possible, autobiography.

Information about the author: Valery Petroff, Dr.Sc. (in Philosophy), Chief Research Fellow and Director of the Centre for Ancient and Medieval Philosophy and Science at the RAS Institute of Philosophy, Moscow, Russia. E-mail: campas.iph@gmail.com

Citation: Petroff Valery. “Memories of a Strange Man, Andrei Bely” as a diary of states of consciousness. *Literary fact*, 2018, no. 10, pp. 210–235.

DOI 10.22455/2541-8297-2018-10-236-252
УДК 801.61, 821.161.1

Лирическая автобиография: Анализ Андреем Белым собственных стихов по кривой Баранова-Рема

© 2018, Д.О. Торшилов

Аннотация: Лирика русского символизма изначально тяготеет к рефлексивности, которая заключается не только в распространенности философской лирики и в выборе предшественников, но и в понимании поэтического переживания как своего рода познавательного опыта, а также в процессе специфической сортировки и циклизации, а затем объединения циклов в целое рефлексивной лирической автобиографии. Исследуя лирику как форму мышления, Андрей Белый приходит к своей концепции «ритмического жеста» и к практике вычисления «ритмической кривой», которые строит не только для отдельных произведений, но и для целых лирических биографий, включая собственную. Тем не менее построенные Белым ритмические кривые собственных стихотворений ранее не публиковались. Возможно, именно в процессе разбора собственных стихов Белый в середине 1920-х гг. наткнулся на свой будущий аналитический метод «средней линии».

Ключевые слова: русский символизм, медитативная лирика, ритмика, Андрей Белый, кривая Баранова-Рема

Информация об авторе: Дмитрий Олегович Торшилов, к.ф.н., Российский государственный гуманитарный университет, Институт языкознания РАН, Москва, Россия. E-mail: dmitry.torshilov@gmail.com

Цитирование: *Торшилов Д.О.* Лирическая автобиография: Анализ Андреем Белым собственных стихов по кривой Баранова-Рема // Литературный факт. 2018. № 10. С. 236–252.

Лирика, род литературы, который обычно представляют наиболее далеким от рационального и дискурсивного, в эпоху русского символизма не только становится ведущим жанром, но и тяготеет к тому, чтобы стать жанром рефлексивным. Это нисколько не противоречит иррациональному культу неповторимого мгновения, которое должна выражать лирика, и даже прямо вытекает из него. Речь не только о том, что медитативная, философская лирика становится более распространена (особенно у декадентов — З.Н. Гиппиус, Н.М. Минского, А.М. Добролюбова, И.И. Коневского) и что из предшественников, классиков русской поэзии XIX в., поколение символистов выдвигает на первый план тех, кто более склонен к медитативной лирике (Ф.И. Тютчева и Е.А. Боратынского¹, которые для Белого-литературоведа всегда являлись предпочтительными объектами анализа после Пушкина²). Помимо этого, в пределе *любая* лирика начинает рассматриваться как медитативная, как выражение некоего процесса, который нельзя считать чисто эмоциональным. Яркий пример этого — творчество и некоторые декларации И.И. Коневского с их характерным единством устремления к лирическому переживанию мига и к энциклопедизму:

Мои мысли о вмещении всего частного, что было и что есть в жизни личности, в одном миге (преодоление времени вдоль) и перевоплощении личности во всё окружающее (преодоление времени поперек) <...>³.

Мгновение, пишет Коневской, должно стать чем-то вроде энциклопедии, и это долженствование — предмет теоретизирования. Именно тогда, когда поэт описывает переживание мгновения, он уже рефлексивен над ним. Из предисловия Брюсова к сборнику Н.Г. Львовой:

¹ См., например: *Гудзий Н.К.* Тютчев в поэтической культуре русского символизма // *Известия по русскому языку и словесности Академии наук СССР*. Т. 3, № 2. Л., 1930. С. 465–549; *Винокур Г.О.* Баратынский и символисты // К 200-летию Боратынского: Сб. материалов международной научной конференции, состоявшейся 21–23 февраля 2000 г. (Москва — Мураново). М., 2002. С. 28–49.

² Помимо опубликованных разборов в книге «Ритм как диалектика и “Медный всадник” Пушкина» (*Белый А.* Собрание сочинений. Т. XIV: Ритм как диалектика и «Медный всадник»: Исследование / Сост., послесл. и коммент. Д. Торшилова. М., 2014) ср. неопубликованные: РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 49. Л. 84–170 (стихотворения Блока, Брюсова, Боратынского, Пушкина, Тютчева); Там же. Ед. хр. 93 (Боратынский); РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 2. Ед. хр. 5. Л. 1–19, 21 и след. (Блок, Тютчев, Пушкин, Языков, С.Д. Спасский).

³ Письмо к А.Н. Гиппиус, цит. по: *Лавров А.В.* «Чаю и чую». Личность и поэзия Ивана Коневского // Коневской И. Стихотворения и поэмы. СПб.; М., 2008. С. 48.

Умение всю силу своих впечатлений сосредоточить на данном мгновении, воспринять его до конца и живым сохранить в тайнике памяти — вот редкая способность, которую должен выработать или развить в себе поэт. Умение всегда быть наблюдателем, двойником-художником своей души, умение созерцать самого себя в самые слабые и в самые мучительные часы жизни — вот жестокий подвиг, который должен возложить на себя поэт⁴.

Поэт-декадент и символист, понятый таким образом, не только в последний период развития русского символизма, но всегда выполняет ту задачу «автометаописания», о которой говорила З.Г. Минц и на которой она строила периодизацию этого литературного направления⁵.

То, что путь лирического поэта есть *эксперимент в области метафизики*, особенно ясно в простых и лаконичных теоретических суждениях другого московского символиста, Ю. Балтрушайтиса: характеризуя путь Бальмонта-лирика⁶ или свой собственный⁷ как строящееся из этапов целое, Балтрушайтис описывает их как череду ответов на метафизический⁸ вопрос о соотношении «я» и «не-я», личности и мира: «В первых книгах Бальмонта его творчество проникнуто, главным образом, сознанием и чувством непоправимой отдельности человека от мира, одиночеством и тоскою изгнания»⁹; «растворение человека в мире, отождествление человека с миром, является всепроникающим знаком второго душевного уровня в поэзии Бальмонта»¹⁰ и т. д. Для себя Балтрушайтис описал другие, более подробные периоды (их 7, а не 3), они сохранились в пересказе Вячеслава Иванова¹¹. Вопрос, на который они отвечают, тот

⁴ Брюсов В. Предисловие // Львова Н. Старая сказка. М., 1913. С. 5–6.

⁵ Минц З.Г. Об эволюции русского символизма // Минц З.Г. Блок и русский символизм: Избранные труды в 3 кн. Кн. 3: Поэтика русского символизма. СПб., 2004. С. 184; Минц З.Г. К изучению периода кризиса символизма (1907–1910) // Там же. С. 216; Пустыгина Н.Г. К изучению эволюции русского символизма // Тезисы I Всесоюзной (III) конференции «Творчество А.А. Блока и русская культура XX века». Тарту, 1975. С. 143–147.

⁶ Балтрушайтис Ю. О внутреннем пути К. Бальмонта // Заветы. 1914. № 6. Отд. III. С. 62–68.

⁷ Иванов Вяч. Юргис Балтрушайтис как лирический поэт // Русская литература XX века / Под ред. С.А. Венгерова. Т. II. Ч. 2. М., 1917. С. 302 и след. Иванов ссылается на «самоистолкование поэта, доверенное ему дружбою»; «чрезвычайное идейное и стилистическое сходство его описания «семи забвений» с описанием Балтрушайтисом пути Бальмонта говорит в пользу того, что он на самом деле опирался на слова или записи самого Балтрушайтиса.

⁸ О «метафизичности» Балтрушайтиса: Дауэтите-Пакарене В. Метафизика поэзии Юргиса Балтрушайтиса // Балтрушайтис Ю. Ступени и тропа / Сост. Ю. Будрайтис. М., 2005. Кн. 3. С. 103–126.

⁹ Балтрушайтис Ю. О внутреннем пути К. Бальмонта... С. 64.

¹⁰ Там же. С. 65.

¹¹ Иванов Вяч. Юргис Балтрушайтис как лирический поэт // Русская литература XX века / Под ред. С.А. Венгерова. Т. II. Ч. 2. М., 1917. С. 302 и след.

же: как соотносится «я» с миром. Подытоживая описание пути поэта, Балтрушайтис говорит:

Всем своим долгим <...> творчеством он упорно решал и отчасти уже решил коренную и очередную задачу современной души, единственную задачу современного творчества, как она сказала в тяготеении всего искусства наших дней. <...> Как своими заблуждениями, так и своей творческой правдой Бальмонт лихорадочно служил только умножению этого опыта (внутреннего опыта всех людей — Д.Т.) <...>¹²

Это не просто философский путь самопознания: своей жизнью и творчеством поэт *решает очередную задачу современности* и вкладывает результаты в копилку общего *опыта человечества*, т.е. ставит познавательный эксперимент, а литература — его лаборатория для этого эксперимента в области философии жизни, или религиозной философии, или другой области, но вовсе не только в области формы, как впоследствии будут понимать формалисты. Смысл названия знаменитой статьи Белого «Лирика и эксперимент», с которой начинался его путь исследователя, не только в том, что к лирике будет применен метод экспериментальной науки, но и в том, что экспериментом в какой-то степени является она сама. Именно фиксация результатов в стихотворении, в слове делает лирическое переживание экспериментом.

Нетрудно показать, как связана эта особенность символистской поэтики, это обнаружение мысли в лирическом творчестве, с философией языка Потебни, о чем говорили и сами символисты, и их противники. О неизбежном присутствии мысли в самом зародыше слова как минимального поэтического произведения Потебня говорит: «Внутренняя форма слова есть отношение содержания мысли к сознанию; она показывает, как представляется человеку его собственная мысль»¹³. Воплотившись и отразившись в звуке, ставшем от этого словом, мысль становится понятной, а слову придает соразмерность и выразительность произведения искусства. «Находя, что художественное произведение есть <...> средство развития мысли и самосознания, <...> мы заключаем, что и слово есть искусство, и именно поэзия», — цитирует Потебню Белый¹⁴. Лирика — это автобиографическое письмо как способ мышления,

¹² Там же. С. 67–68.

¹³ Потебня А.А. Мысль и язык. Киев, 1993. С. 74.

¹⁴ Белый А. Мысль и язык (Философия языка А.А. Потебни) // Логос: Ежегодник по философии культуры. Кн. II. М., 1910. С. 252–253. Самосознание — понятие, которое станет для Белого ключевым во второй половине его деятельности, — как видим, тоже присутствует уже у Потебни, и не обязательно видеть только его антропософскую генеалогию.

причем совсем не обязательно об автобиографических проблемах или даже совсем не о них.

Когда В. Шкловский в статье «Искусство как прием», нападает на формулировку «искусство — это мышление образами» и критикует теории Потебни, Белого и символистов за следование ей, желая поставить на место «образа» «прием»¹⁵, он как будто не замечает, что для его предшественников и противников ценность формулы вовсе не в «образах», но в «мышлении», которое, конечно, заключается вовсе не в буквальном смысле пересказанных мыслей, если таковые есть, но для Белого обычно и не в образах — о недостаточности образного он говорит неоднократно. Обычно на первое место в выявлении содержания стихотворения, заключенной в нем мысли, он ставит ритм, особенно после изобретения теории «ритмического жеста», т.е. анализа стихотворения по кривой, предложенной Димитрием Ремом (псевдоним А.А. Баранова)¹⁶ и показывающей изменения среднего уровня ритмического разнообразия, которое оказывается нетрудно соотносить с содержанием произведения.

Сформулировав для себя, что суть поэзии в ритме, Белый сразу стал сближать его именно с движением мысли, а не чего-либо другого: «слова и мысли в поэзии в ритме связаны; и коснувшись вопроса о слове, должны мы невольно коснуться вопроса о том, что есть мысль. Но мы видели: мысль — кипение ритмов <...>»¹⁷. В разборах конкретных стихотворений Белый исходит из того, что кривая ритма изображает движение не-словесной мысли, например: «таков чистый смысл. Он — живая динамика ритма; <...> И мысль, взятая в нем, — глубина, подстилающая обычную мысль»¹⁸, а в конце концов прямо называет ритмическую кривую «жестом мысли»¹⁹. Конечно, Белый настаивает на таком понимании мышления (шире логического), которое было в новинку в начале XX в. («мысль, взятая так, условие возможности существования мысли обычной; но она — подстилающая обычную мысль глубина: ее перспектива»²⁰). Философские корни такого понимания, конечно, не в Канте и неокантианстве, на изучение, а потом критику которых Белый потратил столько сил.

¹⁵ Шкловский В.Б. Гамбургский счет. М., 1990. С. 58 и след. (впервые: Сборники по теории поэтического языка. Вып. II. Пг., 1917. С. 3 и след.).

¹⁶ См., например: Белый А. Собрание сочинений. Т. XIV: Ритм как диалектика и «Медный всадник». С. 296.

¹⁷ Белый А. О ритмическом жесте // ОР РГБ. Ф. 25. Оп. 4. Ед. хр. 1. Л. 51. Ср.: «таков чистый смысл. Он — живая динамика ритма; <...> И мысль, взятая в нем, — глубина, подстилающая обычную мысль» (Белый А. Ритм и смысл / Публ. С.С. Гречишкина, А.В. Лаврова // Труды по знаковым системам. Т. 12: Структура и семиотика художественного текста. Тарту, 1981. С. 135).

¹⁸ Андрей Белый. О ритмическом жесте // ОР РГБ. Ф. 25. К. 4. Ед. хр. 1. Л. 58, 67–68.

¹⁹ Там же. Л. 58.

²⁰ Там же. Л. 46.

Отчасти они связаны с ранним знакомством Белого с Шопенгауэром²¹, а затем ложатся в русло философии жизни, феноменологии и других направлений мысли. В исследовательской литературе встречаются сближения Белого с Гуссерлем и Дильтеем²², с философией жизни, что возвращает нас в автобиографический контекст.

Процессы циклизации, которым подвергается в эту эпоху лирика²³, также говорят об интеллектуализации отношения к ней. В самом деле, если первичный декадентско-символистский культ «мгновения» как бы говорит о воинствующе-иррационалистской, антилогической и антисистемной позиции, то сложения переживаний-мгновений в «лирические циклы», переработка их в разделы книг, каковые сами должны восприниматься как архитектурное целое (а каждое частное — именно как часть этого целого) — процесс аналитический и конструктивный, процесс мышления, пусть и не логического.

Построенные таким образом книги лирики одного поэта затем выстраиваются в более сложное целое, как трехтомник Блока, — «трилогия вочеловеченья», как говорил сам Блок, или, по выражению Белого, «трагедия трезвости»²⁴, — или как берлинское издание стихотворений самого Белого, в предисловии к которому он и излагает тезисы о необходимости циклизации для понимания отдельно взятого стихотворения и о ступенчатом складывании лирики всей жизни, всего пути поэта (необязательно, однако, понятого хронологически) в единую «поэму»²⁵, своего рода новую эпопею. В этой книге Белый нарочно переработал всё свое лирическое творчество так, чтобы оно яснее выражало требуемое; с этой же целью он многократно перерабатывал старые стихи, что иногда воспринималось окружающими как мания.

²¹ О своей первой теоретической статье «Формы искусства» Белый писал: «В основу ее ложится эстетика Шопенгауэра» (*Белый А.* Символизм. М., 1910. С. 507).

²² *Cassedy S.* Mathematics, Relationalism, and the Rise of Modern Literary Aesthetics // *Journal of the History of Ideas*. Vol. 49. No. 1. Philadelphia, 1988. P. 109–132; *Deppermann M.* Belyj and Dilthey. Preliminary Notes on an Unknown Relationship // *Andrej Belyj Pro et Contra. Atti del I. Simposio Internazionale Andrej Belyj*. Milano, 1987. S. 61–73. Вообще работы Марии Депперманн особенно существенны для рассмотрения Белого как философа: *Deppermann M.* Andrej Belyjs ästhetische Theorie des schöpferischen Bewußtseins. Symbolisierung und Krise der Kultur um die Jahrhundertwende. München, 1982; *Deppermann M.* Andrej Belyj's Model of the Creative Process: *Pereživanie — Pererabotka — Preobraženie* // Андрей Белый. Мастер слова — искусство — мысли. Bergamo, 1991. S. 173–178.

²³ См., в частности: *Бройтман С.Н., Магомедова Д.М., Приходько И.С., Тамарченко Н.Д.* Жанр и жанровая система в русской литературе конца XIX — начала XX века // *Поэтика русской литературы конца XIX — начала XX века. Динамика жанра. Общие проблемы.* Проза. М., 2009. С. 45 и след.

²⁴ *Белый А.* О Блоке: Воспоминания. Статьи. Дневники. Речи. М., 1997. С. 454.

²⁵ *Белый А.* Стихотворения. Берлин, 1923. С. 3–9.

Нужно сказать, что и в ритмическом анализе Белый всегда видел задачей именно уяснение «мысли, подстилающей обычную мысль», а в перспективе — именно «вычисление» «ритмической кривой» всей жизни поэта, а вовсе не ту картину исторического развития размера, на которую он сразу наткнулся, которая была сразу признана читателями и остается с тех пор его общепризнанным вкладом в науку²⁶. Так было и в самом начале его литературоведческой деятельности, и в конце: уже в 1910 г., в своем «Кружке экспериментальной эстетики», все члены которого были увлечены анализом «морфологическим» и «историческим», а в области выводов не шли далее констатации характерности и нехарактерности той или иной ритмической вариации для того или иного поэта, Белый замечает о Боратынском: «3<-я> стопа, по мере падения других стоп, повышается. Если бы нам увидеть проявление всех этих особенностей у поэтов по годам, — мы нашли бы известную закономерность в соответствии ритма и возраста поэта»²⁷. Почти через 20 лет, опубликовав в «Ритме как диалектике» ритмический анализ пушкинского «Медного всадника», в 1929 г. Белый начинает заниматься ритмом «Кавказского пленника» и, сопоставив его с изученной ранее поэмой, аналогичным образом стремится вывести из ритмического анализа произведений разных лет «кривую судьбы» Пушкина²⁸. В «Мастерстве Гоголя» из формального анализа текстов Гоголя разного времени делаются выводы относительно его биографии и даже близкой и неизбежной смерти. Это особенно ясно в последних главах третьей части книги.

Задача, которую решает такое лирическое целое жизни, какое Белый строил не только для себя и Блока, но и для Пушкина, Гоголя, Боратынского, — столь же интеллектуальная, сколь и автобиографическая. Это личная судьба, прожитая в неподдельности даже необязательно осознаваемых чувств; но чувства, зафиксированные в стихах и рассортированные по циклам и книгам, понимаются как ответ на некую поставленную задачу, как тот ответ, который он смог дать, как *эксперимент* в области философии — хоть бы и *философии жизни*, — осуществляемый поэтом над самим собой и подобный тем экспериментам над собой, которые в то время считались честью для ученого-естественника (ср.: «умение всегда быть наблюдателем, двойником <...> своей души <...> — вот жестокий подвиг, который должен возложить на себя поэт»²⁹).

²⁶ Например: ««Из “Символизма” выросло всё сегодняшнее русское стиховедение» (*Гастаров М.Л.* Белый-стиховед и Белый-стихотворец // Андрей Белый. Проблемы творчества. М., 1988. С. 460).

²⁷ См.: Протоколы заседаний Кружка экспериментальной эстетики при «Мусегете» («Ритмического кружка») // *Белый А.* Собрание сочинений. Т. XIV: Ритм как диалектика и «Медный всадник». С. 232.

²⁸ См.: Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка / Публ., вступ. ст., коммент. А.В. Лаврова и Дж. Малмстада; подгот. текста Т.В. Павловой, А.В. Лаврова, Дж. Малмстада. СПб., 1998. С. 645.

²⁹ *Брюсов В.* Предисловие // Львова Н. Старая сказка. С. 5–6.

Именно с тем, что целью исследований ритма для Белого была интерпретация стихотворения, а затем лирического автобиографического целого, связаны и изменения методики исследований, с которой не согласились или к которой остались равнодушными даже его ученики, — переход к анализу по кривой, предложенной Барановым-Ремом, к теории ритмического жеста. Ритмическая кривая показывает ту мысль, которая является настоящим содержанием стихотворения, но она должна быть возможна и для более крупных лирических циклов, вплоть до целого лирической автобиографии.

Белый построил и тщательную «ритмическую кривую» собственной жизни, экспонируемую ныне в его музее-квартире³⁰; как подготовительные материалы к ней можно рассматривать многие его труды — как тома воспоминаний, так и «Материал биографический, интимный», «Жизнь без Аси», «Ракурс к дневнику»³¹ и др. Во многих из этих «подготовительных материалов» удивляет их *табличная форма*; последние два оформлены не как связный текст, но как таблицы, где по графам расчерчены времена, места и события («Ракурс к дневнику» из-за этого и в силу солидного объема очень напоминает бухгалтерскую книгу), — как будто уже в 1917 г., составляя, а точнее, чертя листик «Жизни без Аси», Белый пытался вывести некую математическую закономерность непрерывных и хаотических переездов, встреч, лекций и занятий. Они составлены таким же табличным способом, как подготовительные расчеты для кривой Рема. Но для ее построения у Белого не было точного метода, и она построена, так сказать, на глазок (как написано на ней самой, по непосредственному ощущению жизненной энергии).

Белый на удивление редко анализировал собственным методом свои стихи, что противоречит многим отзывам современников о его эгоцентризме (ср. например отзыв Ф. Степуна³²). Среди его бумаг во множестве находятся разборы Пушкина, Тютчева, Борогынского, иногда Брюсова, нередко Блока, в том числе не вошедшие в опубликованные работы³³.

³⁰ Оpubл.: *Белый А.* Линия жизни / Сост. М.Л. Спивак, И.Б. Делекторская, Е.В. Наседкина. М., 2010. Ее вариации с комментариями: Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка. С. 481 и след.

³¹ См.: Литературное наследство. Т. 105: Андрей Белый. Автобиографические своды. Материал к биографии. Ракурс к дневнику. Регистрационные записи. Дневники 1930-х годов / Сост. А.В. Лавров и Дж. Малмстад; подгот. текста А.В. Лаврова, Дж. Малмстада, Т.В. Павловой, М.Л. Спивак; статьи и коммент. А.В. Лаврова, Дж. Малмстада, М.Л. Спивак. М., 2016.

³² «В сущности, Белый всю свою творческую жизнь прожил в сосредоточении на своем “я” и только и делал, что описывал “панорамы сознания”. Все люди, о которых он писал, и прежде всего те, против которых он писал, были в конце концов лишь панорамными фигурами в панорамах его сознания <...> свое собственное монадологически в себе самом замкнутое “я”» (*Стенун Ф.А.* Памяти Андрея Белого // Воспоминания об Андрее Белом / Сост. В.М. Пискунова. М., 1995. С. 171–172).

³³ См. выше примеч. 2.

Исключением является сравнительная статистика форм ямба у Блока и у себя, причем именно хронологическая, построенная по периодам, как того требует теория ритмической кривой целого лирической автобиографии; в таком виде Белый мог принять интерес к проблеме эволюции размера самого по себе, которую остальные сочли фокусом его исследований и открытием; мог принять в виде проблемы эволюции размера в творческом пути близких и влиявших друг на друга индивидуальностей. Это обширный документ, датируемый 1924 г. и полностью сохранившийся, но неопубликованный и не изучавшийся³⁴. Говорить о нем сложно, потому что он не содержит совершенно никаких интерпретаций. Расчеты доведены до конца и приведены в порядок, построены и старательно нарисованы итоговые диаграммы по периодам, но весь этот комплекс документов содержит только цифры или максимально сухие описания их соотношения (того-то больше, того-то меньше). Сам Белый, как показывает сравнение опубликованных и неопубликованных разборов, готовыми к публикации считал подсчеты, доведенные до развернутой интерпретации, а вовсе не законченные сами по себе.

Сохранилось около трех десятков построенных кривых собственных стихотворений³⁵. Все они сделаны по берлинскому изданию 1923 г., что оговорено автором (с указанием страниц книги), и лишены всяких пояснений, даже начатков интерпретации (а знакомому с методом «ритмического жеста» ясно, что ценность кривой именно в интерпретации, в соотношении уровня ритмического разнообразия со смыслом).

Наконец, отдельно от них хранятся (по-видимому, отдельно и делались) два отчасти комментированных (сделаны первые шаги интерпретации) разбора Белым собственных стихотворений³⁶. Датировка их точно неизвестна. Это два стихотворения, или, точнее, две сюиты, два лирических миницикла из «Золота в лазури» — «Возврат» и «Старинный друг» (посвященный Э.К. Метнеру)³⁷. Анализируется не текст «Золота в лазури», но, как и в остальных случаях, версии, являющиеся результатом переработки для берлинского собрания стихотворений 1923 г.³⁸,

³⁴ РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 51. Авторский «титულный лист»: «Морфология ямба Блока и Белого (статистика, опись форм). 9378 строк.

⟨1⟩ Блок по трехтомнику “Эпохи” 5793 строки

⟨2⟩ Белый 3585 строк от “Золота в лазури” до “Первого свидания”. 3585 строк

3) статистический лист ямбических особенностей Белого и Блока

4) ряд кривых и фигур⟨,⟩ выражающих материал статистики, а также сравнительные диаграммы употребления тех или иных ходов у Блока и Белого (в 4ом ямбе)» (л. 2).

³⁵ РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 49. Л. 153–170; Оп. 2. Ед. хр. 5. Л. 1–19.

³⁶ РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 51. Л. 166.

³⁷ *Белый А.* Стихотворения и поэмы / Вступ. ст., сост., подгот. текста и примеч. А.В. Лаврова и Дж. Мальмстада. Т. 1. СПб.; М., 2006. С. 137–142.

³⁸ *Белый А.* Собрание стихотворений. Берлин, 1923. С. 60–63, 74–77.

что ясно по количеству частей и строф (текст при кривых не написан). Таким образом, 1923 г. для них — *terminus post quem*, они не могли быть сделаны раньше. Заманчиво было бы, конечно, считать, что они сделаны в процессе переработки стихов для берлинского собрания, в прямом соответствии с тем, что Белый ответил однажды Иванову-Разумнику: «я меняю свои стихи именно в связи с концепцией ритмического жеста» (т.е. говоря технически — чтобы изменилась кривая)³⁹. Но, во-первых, если он в самом деле работал так, то кривых собственных стихов должны быть сотни, а их нет; во-вторых, известно, что бумаги берлинского периода, к сожалению, почти не сохранились, они остались в Берлине⁴⁰ и в архивах Белого не обнаруживаются. По-видимому, эти расчеты сделаны в Москве в середине 1920-х, потому что в конце 1920-х — начале 1930-х гг. оба стихотворения снова были сильно переделаны Белым для «Зовов времен»⁴¹ («Старинный друг» вообще переведен из пятистопного ямба в чередование двух- и трехстопного).

Обе кривые дают не какой-то яркий, наглядный график, который было бы легко интерпретировать, но осциллирующую линию. На кривой «Возврата» (рис. 1) отмечены яркие места, которыми Белый пытался объяснить для себя ее ход, но дальнейшей интерпретационной работы не видно.

Вторая кривая, разбор «Старинного друга» (рис. 2), еще сложнее и запутанней, но интересней.

Рядом с графиком «Старинного друга» приписан разбор:

анализ линии

в 1ой отрывке

антиномия свободы и необходимости, радости и смерти, Христа и гнома (3,5 — 3,5): рядом

2ой — 3,9 На древнем склепе старинные, старинные лазури ликуют сном былых великолепий

3^{ей} 3,8 Ташут нам два гроба. И тот же гном вскричал под катафалком: «смерть — победила это нам — два гроба»

4ой 3,5 И тот же гном трубит в пустые кости

5ой 3,8 гроб распахнулся (я — воскрес)

3,4 Иисус Христос

Антиномия между смертью и воскресением моим выше 3

Пещера и провал 1ый 1,4 2

³⁹ Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка. С. 656.

⁴⁰ Н.Н. Берберова вспоминала, что после отъезда Белого им с В.Ф. Ходасевичем домохозяйка «принесла ворох бумаг, найденный ею в столе “герр профессора”»: он забыл их, уезжая» (Берберова Н.Н. Из книги «Курсив мой» // Воспоминания об Андрее Белом / Сост. В.М. Пискунова. М., 1995. С. 338).

⁴¹ *Белый А.* Стихотворения и поэмы. Т. II. С. 249–252, 256–258.

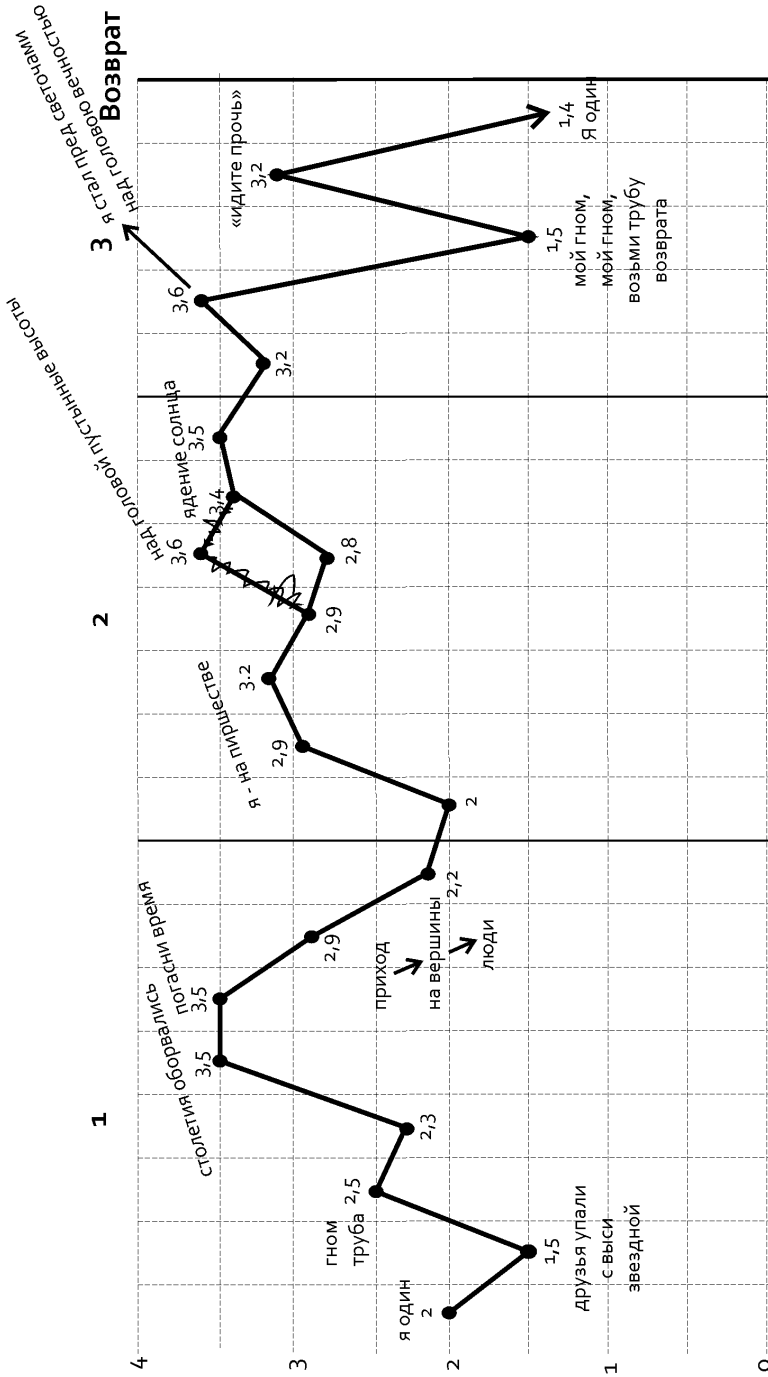

Рис. 1

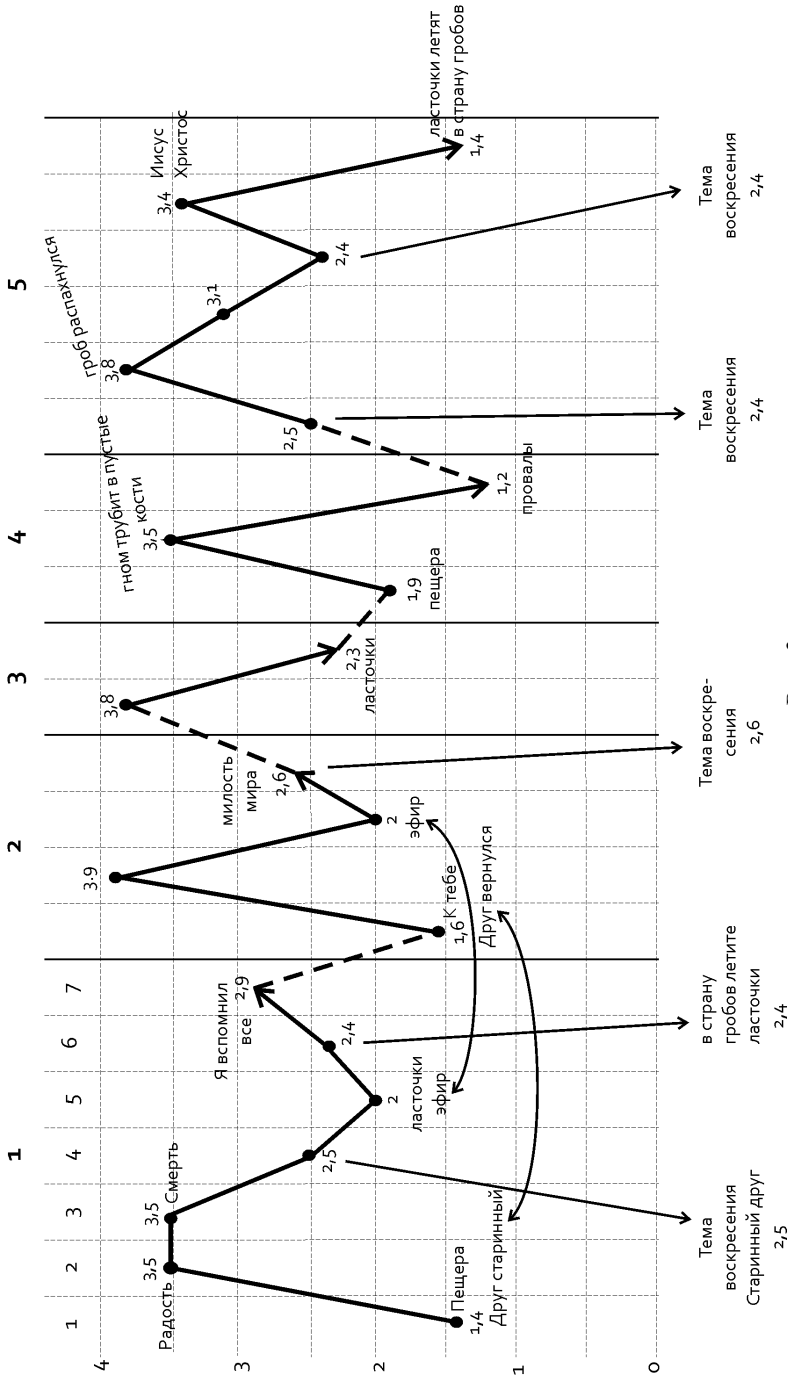

Рис. 2

В комментарии справа Белый собирает вместе пики кривой, места наибольшего ритмического разнообразия; все они оказываются, по его выражению, «антиномиями», что закономерно, поскольку места наибольшего ритмического разнообразия — это места наибольшей неоднородности, неуравновешенности, наибольшего напряжения, и это тоже закономерно. Еще любопытней пометки, которые он сделал внизу, под графиком: он отмечает строфы, лежащие примерно посередине общей ритмической высоты стихотворения, и всё это, оказывается, «тема воскресения».

Дело в том, что на протяжении 1920-х гг. метод Белого изменился: если в работах революционных лет и начала 1920-х гг. это в самом деле метод поиска ритмического, наглядного жеста (подъема, падения, перелома) кривой стихотворения, то в книге «Ритм как диалектика», над которой Белый работал в 1927 г., и в анализе «Кавказского пленника» 1929 г.⁴² главным инструментом анализа часто оказывается не жест кривой, а то, что Белый называет «средней линией»⁴³: поиск строф, лежащих на средней высоте стихотворения и оказывающихся ключевыми для интерпретации. Эксплицитно переход к анализу по «средней линии» Белым заявлен не был, и мы не знаем точно, когда к нему пришла эта идея. Поскольку в графике «Старинного друга» сама средняя линия еще не начерчена (позже Белый ее чертил), но неожиданно успешный и не ожидавшийся заранее момент интерпретации связан именно с ней, мы предполагаем, что перед нами один из следов того, как Белому пришла в голову идея искать именно ось графика, а не вершины и падения.

⁴² РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 2. Ед. хр. 5. Л. 1–24; характеристика Белого: «полная (3^я) редакция счетов». Вторая редакция — видимо, материалы из: РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 53; они больше всего похожи на законченную работу (кроме расчетов и кривых выделены темы, сгруппированы отрывки по темам относительно «средней линии»). Черновая первая редакция: РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 2. Ед. хр. 5. Л. 1–19. Ср. об этом анализе (кроме упомянутого в примеч. 25 письма Иванову-Разумнику): *Бугаева (Васильева) К.Н.* Дневник 1929 года / Предисл. Е.В. Наседкиной, подгот. текста и примеч. Е.В. Наседкиной и Е.Н. Щелоковой // Лица: Биографический альманах. 9. СПб., 2002. С. 182–207.

⁴³ О переходе к «средней линии» см. подробнее: *Белый А.* Собрание сочинений. Т. XIV: Ритм как диалектика и «Медный всадник». С. 314–316.

Литература

Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка / Публ., вступ. ст., коммент. А.В. Лаврова и Дж. Малмстада; подгот. текста Т.В. Павловой, А.В. Лаврова, Дж. Малмстада. СПб.: Atheneum; Феникс, 1998. 736 с.

Белый А. Линия жизни / Сост. М.Л. Спивак, И.Б. Делекторская, Е.В. Наседкина. М.: Гос. музей А.С. Пушкина, 2010. 272 с.

Белый А. О Блоке: Воспоминания. Статьи. Дневники. Речи / Вступ. ст., сост., подгот. текста и коммент. А.В. Лаврова. М.: Автограф, 1997. 607 с.

Белый А. Собрание сочинений. Т. XIV: Ритм как диалектика и «Медный всадник»: Исследование / Сост., послесл. и коммент. Д. Торшилова. М.: Дмитрий Сечин, 2014. 528 с.

Белый А. Стихотворения и поэмы: В 2-х т. / Вступ. ст., сост., подгот. текста и примеч. А.В. Лаврова и Дж. Малмстада. СПб.: Академический проект; М.: Прогресс-Плеяда, 2006. 638, 653 с.

Берберова Н.Н. Из книги «Курсив мой» // Воспоминания об Андрее Белом / Сост. В.М. Пискунова. М.: Республика, 1995. С. 321–345.

Бройтман С.Н., Магомедова Д.М., Приходько И.С., Тамарченко Н.Д. Жанр и жаровая система в русской литературе конца XIX — начала XX века // Поэтика русской литературы конца XIX — начала XX века. Динамика жанра. Общие проблемы. Проза. М.: ИМЛИ РАН, 2009. С. 15–50.

Бугаева (Васильева) К.Н. Дневник 1929 года / Предисл. Е.В. Наседкиной, подгот. текста и примеч. Е.В. Наседкиной и Е.Н. Щелоковой // Лица: Биографический альманах. 9. СПб.: Феникс, 2002. С. 155–221.

Винокур Г.О. Боратынский и символисты // К 200-летию Боратынского: Сб. материалов международной научной конференции, состоявшейся 21–23 февраля 2000 г. (Москва — Мураново). М.: ИМЛИ РАН, 2002. С. 28–49.

Гаспаров М.Л. Белый-стихoved и Белый-стихотворец // Андрей Белый. Проблемы творчества: Статьи. Воспоминания. Публикации. М.: Советский писатель, 1988. С. 444–460.

Дауэтите–Пакарене В. Метафизика поэзии Юргиса Балтрушайтиса // Балтрушайтис Ю. Ступени и тропа / Сост. Ю. Будрайтис. Кн. 3. М.: Новое издательство, 2005. С. 103–126.

Лавров А.В. «Чаю и чую». Личность и поэзия Ивана Коневского // Коневской И. Стихотворения и поэмы / Вступ. ст., сост., подгот. текста и примеч. А.В. Лаврова. СПб.: ДНК; М.: Прогресс-Плеяда, 2008. С. 5–66.

Литературное наследство. Т. 105: Андрей Белый. Автобиографические своды. Материал к биографии. Ракурс к дневнику. Регистрационные записи. Дневники 1930-х годов / Сост. А.В. Лавров, Дж. Малмстад; науч. ред. М.Л. Спивак. М.: Наука, 2016. 1120 с.

Мицн З.Г. Блок и русский символизм: Избранные труды в 3 кн. Кн. 3: Поэтика русского символизма. СПб.: Искусство-СПб, 2004. 478 с.

Пустьгина Н.Г. К изучению эволюции русского символизма // Тезисы I Все-союзной (III) конференции «Творчество А.А. Блока и русская культура XX века». Тарту, 1975. С. 143–147.

Cassedy S. Mathematics, Relationalism, and the Rise of Modern Literary Aesthetics // *Journal of the History of Ideas*. Philadelphia, 1988. Vol. 49. No. 1. P. 109–132.

Deppermann M. Andrej Belyjs ästhetische Theorie des schöpferischen Bewußtseins. Symbolisierung und Krise der Kultur um die Jahrhundertwende. München, 1982.

Deppermann M. Andrej Belyj's Model of the Creative Process: Pereživanie — Pererabotka — Preobraženie // Андрей Белый. Мастер слова — искусства — мысли. Bergamo, 1991. S. 173–178.

Deppermann M. Belyj and Dilthey. Preliminary Notes on an Unknown Relationship // Andrej Belyj Pro et Contra. Atti del I. Simposio Internazionale Andrej Belyj. Milano, 1987. S. 61–73.

References

Andrei Belyi i Ivanov-Razumnik. *Perepiska* [Andrei Bely and Ivanov-Razumnik. Correspondence], publ., intro., comment. by A.V. Lavrov and J. Malmstad, ed. by T.V. Pavlova, A.V. Lavrov, J. Malmstad. St. Petersburg, Atheneum Publ., Feniks Publ., 1998. 736 p. (In Russ.)

Belyi A. *Liniia zhizni* [The line of life], comp. by M.L. Spivak, I.B. Delektorskaia, E.V. Nasedkina. Moscow, Pushkin State Museum Publ., 2010. 272 p. (In Russ.)

Belyi A. *O Bloke: Vospominaniia. Stat'i. Dnevniki. Rechi* [About Block: Memoirs. Articles. Diaries. Speeches], intro., comp., ed. and comment. by A.V. Lavrov. Moscow, Avtograf Publ., 1997. 607 p. (In Russ.)

Belyi A. *Sobranie sochinenii. T. XIV: Ritm kak dialektika i "Mednyi vsadnik"* [Collected works. Vol. XIV: Rhythm as dialectics and "The Bronze Horseman"], comp., afterword and comment. by D. Torshilov. Moscow, Dmitrii Sechin Publ., 2014. 528 p. (In Russ.)

Belyi A. *Stihotvoreniia i poemy: V 2-kh t.* [Lyrics and poems: In 2 vols.], intro., comp., ed. and notes by A.V. Lavrov and J. Malmstad. St. Petersburg, Moscow, Akademicheskii proekt Publ., Progress-Pleiada Publ., 2006. 638, 653 p. (In Russ.)

Berberova N.N. Iz knigi "Kursiv moi" [From the book "The Italics are Mine"]. *Vospominaniia ob Andree Belom* [Memoirs of Andrei Bely], comp. by V.M. Piskunov. Moscow, respublika Publ., 1995, pp. 321–345. (In Russ.)

Broitman S.N., Magomedova D.M., Prihod'ko I.S., Tamarchenko N.D. Zhanr i zhanrovaia sistema v russkoi literature kontsa XIX — nachala XX veka [Genre and genre system in Russian literature of the late 19th — early 20th century]. *Poetika russkoi literatury kontsa XIX — nachala XX veka. Dinamika zhanra. Obshchie problemy. Proza* [Poetics of Russian literature of the late 19th — early 20th century. Dynamics of the genre. Common Problems. Prose]. Moscow, Institute of World Literature Publ., 2009, pp. 15–50. (In Russ.)

Bugaeva (Vasil'eva) K.N. *Dnevnik 1929 goda* [Diary of 1929], intro. by E.V. Nasedkina, ed. and notes by E.V. Nasedkina and E.N. Shchelokova. *Litsa: Biograficheskii al'manakh. 9* [Faces: Biographical almanac. 9]. St. Petersburg, Feniks Publ., 2002, pp. 155–221. (In Russ.)

Cassedy S. Mathematics, Relationalism, and the Rise of Modern Literary Aesthetics. *Journal of the History of Ideas*, Philadelphia, 1988, vol. 49, no. 1, pp. 109–132.

Dauiotite-Pakiarene V. Metafizika poezii Iurgisa Baltrushaitisa [Metaphysics of Jurgis Baltrušaitis' poetry]. Baltrushaitis Iu. *Siupeni i tropa* [Steps and Trail], comp. by J. Budraitis. Vol. 3. Moscow, Novoe izdatel'stvo Publ., 2005, pp. 103–126. (In Russ.)

Deppermann M. *Andrej Belyjs ästhetische Theorie des schöpferischen Bewußtseins. Symbolisierung und Krise der Kultur um die Jahrhundertwende*. München, 1982.

Deppermann M. Andrej Belyj's Model of the Creative Process: Pereživanje — Pererabotka — Preobrazenie. *Andrej Belyi. Master slova — iskusstva — mysli* [Andrej Bely. Master of the word — art — thoughts]. Bergamo, 1991, s. 173–178.

Deppermann M. Belyj and Dilthey. Preliminary Notes on an Unknown Relationship. *Andrej Belyj Pro et Contra. Atti del I. Simposio Internazionale Andrej Belyj*. Milano, 1987, pp. 61–73.

Gasparov M.L. Belyi-stikhoved i Belyi-stikhotvorets [Bely as a poetry scholar and Bely as a poet]. *Andrej Belyi. Problemy tvorčestva: Stat'i. Vospominaniia. Publikatsii* [Andrej Bely. Creative Issues: Articles. Memoirs. Publications]. Moscow, Sovetskii Pisatel' Publ., 1988, pp. 444–460. (In Russ.)

Lavrov A.V. “Chaiu i chuiiu”. Lichnost' i poezii Ivana Konevskogo [“I hope and I feel”. Ivan Konevskoi's personality and poetry]. Konevskoi I. *Stihotvoreniia i poemy* [Lyrics and poems], intro., comp., ed. and notes by A.V. Lavrov. St. Petersburg, DNK Publ., Moscow, Progress-Pleiada Publ., 2008, pp. 5–66. (In Russ.)

Literaturnoe nasledstvo. T. 105: Andrei Belyi. Avtobiograficheskie svody: Material k biografii. Rakurs k dnevniku. Registratsionnye zapisi. Dnevniki 1930-kh godov [Literary heritage. Vol. 105: Andrei Bely. Autobiographical codes. Biography material. An aspect for the diary. Registration records. 1930s diaries], comp. by A.V. Lavrov, J. Malmstad, ed. by M.L. Spivak. Moscow, Nauka Publ., 2016. 1120 p. (In Russ.)

Mints Z.G. *Blok i russkii simvolizm: Izbrannye trudy v 3 kn. Kn. 3: Poetika russkogo simvolizma* [Blok and Russian Symbolism: Selected works in 3 books. Book 3: Poetics of Russian Symbolism]. St. Petersburg, Iskusstvo-SPB Publ., 2004. 478 p. (In Russ.)

Pustygina N.G. K izucheniiu evoliutsii russkogo simvolizma [On the study of the evolution of Russian Symbolism]. *Tezisy I Vsesoiuznoi (III) konferentsii “Tvorčestvo A.A. Bloka i russskaia kul'tura XX veka”* [Proc. I All-Union (III) Conf. “A.A. Blok's works and Russian culture of the 20th century”]. Tartu, 1975, pp. 143–147. (In Russ.)

Vinokur G.O. Boratynskii i simvolisty [Boratynsky and the Symbolists]. *K 200-letiiu Boratynskogo: Sb. materialov mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, sostoiavsheisia 21–23 fevralia 2000 g. (Moskva — Muranovo)* [To the 200th anniversary of Boratynsky: Proc. Int. Sci. Conf., February 21–23, 2000 (Moscow — Muranovo)]. Moscow, Institute of World Literature Publ., 2002, pp. 28–49. (In Russ.)

**Lyrical autobiography:
Andrei Bely's analysis of his poems
by means of the Baranov-Rem curve**

© 2018, Dmitry Torshilov

Abstract: Lyrics of Russian Symbolism initially has a reflexive nature, which consists not only in the prevalence of philosophical lyricism and in the choice of predecessors, but also in understanding poetic feeling as a kind of cognitive experience, as well as in the process of specific sorting and cyclization, and then combining cycles into the whole of reflexive lyric autobiography. Exploring the lyrics as a form of thinking, Andrei Bely comes to his concept of “rhythmic gesture” and to the practice of calculating the “rhythmic curve”, which he builds not only for individual works, but also for whole lyric biographies, including his own. Nevertheless, the rhythmic curves of his own poems, made by Bely, were not previously published. Perhaps it was during the analysis of his own poems that Bely in the mid-1920s stumbled upon its future analytical method — the “middle line” method.

Keywords: Russian Symbolism, meditative lyrics, rhythmicity, Andrei Bely, Baranov-Rem curve.

Information about the author: Dmitry Torshilov, Candidate of Philology, Russian State University for the Humanities, RAS Institute of Linguistics, Moscow, Russia. E-mail: dmitry.torshilov@gmail.com

Citation: Torshilov Dmitry. Lyrical autobiography: Andrei Bely's analysis of his poems by means of the Baranov-Rem curve. *Literary fact*, 2018, no. 10, pp. 236–252.

DOI 10.22455/2541-8297-2018-10-253-266
УДК 812.161.1

«Бог при создании закутал его сердце в темные ткани»: Концепт неоготического в блоковских дневниках и записных книжках

© 2018, Е.Е Чугунова-Полсон

Аннотация: Статья посвящена рассмотрению «автобиографического мифа» Блока в контексте англоязычного литературного мейнстрима — модернизма и неоготики, представленного такими авторами, как Артур Мэкен, Лорд Дансейни, Амброз Бирс, Алджернон Блэквуд, которые заложили основу «литературы ужасов» (она же «хоррор»-литература, или Weird Fiction). Мы сделаем попытку сформулировать главные жанровообразующие принципы, на основании которых блоковская автобиографическая поэтика (в особенности, поэтика «периода антитезы») может быть включена в неоготический дискурс.

Ключевые слова: Александр Блок, эго-документ, неоготика, Артур Мэкен, литература ужасов.

Информация об авторе: Елена Евгеньевна Чугунова-Полсон, к.ф.н., независимый исследователь, Кембридж, Великобритания. E-mail: tch.elena15@gmail.com

Цитирование: Чугунова-Полсон Е.Е. «Бог при создании закутал его сердце в темные ткани»: Концепт неоготического в блоковских дневниках и записных книжках // Литературный факт. 2018. № 10. С. 253–266.

Мне чертовски хотелось бы однажды написать книгу, хотя я, скорее всего, никогда не займу место рядом с Шопенгауэром, Ницше или Бертраном Расселом. Я бы назвал ее «Что есть нечто?», даже несмотря на дешевую броскость заголовка.

Г.Ф. Лавкрафт в письме к Джеймсу Мортону (1930)¹

Интерес к блоковской прозе за последние десятилетия заметно вырос: на это указывает характер существенной части работ, посвященных критическим статьям поэта и его обширной переписке; не оставляют без внимания и эго-документальное наследие поэта — записные книжки

¹ *Joshi S.T.* What is Anything? Memoirs of a life in Lovecraft. NY, 2018. P. 9. Здесь и далее все переводы цитат выполнены автором статьи.

и дневники. Наша задача — рассмотреть специфику «автобиографического мифа» Блока в контексте тогдашнего западноевропейского (прежде всего английского и, частично, тесно связанного с ним американского) литературного мейнстрима — модернизма и неоготики (Артур Мэкен, Лорд Дансени, Амброз Бирс, Алджернон Блэквуд), которые заложили основу пришедшей им на смену «литературы ужасов» (она же «хоррор»-литература, или *Weird Fiction*), и попытаться сформулировать главные жанрообразующие принципы, на основании которых блоковская автобиографическая поэтика может быть туда включена.

Самые общие основания для нашего компаративного исследования — эсхатологический философский дискурс (прежде всего ницшеанство и постницшеанство, интерес к сверхъестественному и гностической философии), декадентская эстетика *fin de siècle*, а также политические процессы, происходившие в Европе и России на рубеже веков, в итоге приведшие к радикальным и драматическим изменениям мирового исторического ландшафта. Особое внимание в этой связи мы постараемся уделить текстуальному анализу нескольких записей из блоковских дневников и записных книжек как раннего периода, так и «периода антитезы», когда, по словам Блока, «вся картина переживаний изменяется существенно, начинается “антитеза”», «изменение облика, которое предчувствовалось уже в самом начале “тезы”»², и когда поэт отчетливо формулирует для себя концепцию «Страшного мира».

Блоковскую автобиографическую прозу — дневники, записные книжки и переписку с разными корреспондентами — принято рассматривать в контексте его поэтической эволюции, от символизма (вернее, младосимволизма) и типичного для Серебряного века декадентства к радикальному самоопределению последних постреволюционных лет. Традиционный паттерн рассмотрения включает в себя, как правило, философские и эстетические ориентиры, заданные еще самими первыми блоковскими биографами и исследователями, — платонизм, соловьевство, немецкую метафизику (Кант, Гегель, Шопенгауэр), немецкий же романтизм (Гете, Гейне, братья Шлегели) и, позже, ницшеанство. Такая практика изучения всего корпуса блоковского наследия, конечно же, конвенциональна, однако и ее непреложность требует некоторого практического расширения.

² Блок А. Собрание сочинений: В 8 т. М.—Л., 1960. Т. 5. С. 428.

В предисловии к классической и по-прежнему актуальной работе «Блок и русский символизм» (1980) З.Г. Минц, говоря о блоковских притяжениях-отталкиваниях к символизму / от символизма — «живом пульсе этого <т.е. блоковского — *Е. Ч.-П.*> пути»³, предлагает четыре основных направления, в соответствии с которыми может изучаться динамика развития творчества Блока по отношению к символизму, а именно:

- 1) Изучение объективной соотнесенности двух идейно-художественных систем: русского символизма и блоковского творчества на разных этапах их эволюции и в связи с историческими обстоятельствами <...>;
- 2) исследование блоковского отношения к символизму и оценок творчества Блока символистами;
- 3) рассмотрение важнейшего вопроса об отходе Блока от символизма <...>;
- 4) раскрытие сложных идейных, творческих и личных отношений Блока с ведущими писателями-символистами, сближений и разрывов с ними⁴.

Позволим себе воспользоваться несколькими (не всеми) пунктами исследования в приложении к нашей концепции поиска неоготического у Блока. Но вначале обратимся к самому определению «неоготический», прежде всего для того, чтобы найти онтологическое сходство между блоковским художественным «я» и эстетикой западноевропейской/американской литературы того же периода. Хотя западноевропейский литературный канон варьирует хронологические рамки, часто отдавая предпочтение определению неоготического в литературе начиная с середины XX в.⁵, многие литературоведческие источники относят к неоготике в широком смысле и всю поздневикторианскую/эдвардианскую англоязычную литературу (а речь в связи с блоковскими эго-документами пойдет именно о ней), несущую в себе черты столкновения с трагическим/сверхъестественным/непостижимым в различных формах. Самыми яркими представителями этого литературного направления являются Артур Мэкен, Лорд Дансени, Алджернон Блэквуд и американский автор Амброз Бирс. К поздневикторианской/эдвардианской готике примыкает и т.н. «макулатурная литература ужасов» (*pulp fiction magazines*), причем не только английская, но и американская, частично пришедшая на смену

³ Минц З.Г. Блок и русский символизм // Литературное наследство. Т. 92. Кн. 1. М., 1980. С. 98–173.

⁴ Там же. С. 99.

⁵ См., например: <http://www.arthistoryarchive.com/arthistory/gothic/Gothic-NeoGothic-Etymology.html>

викторианским бульварным сборникам ужасов “penny dreadfuls”, которая впоследствии, уже в 30-е гг. XX в., трансформируется в полноценный хоррор-жанр, или *Weird Fiction*, в первую очередь представленный американским альманахом “*Weird Tales*” под редакцией Г.Ф. Лавкрафта. Об ужасе как реакции на вызовы истории применительно к творчеству поздневикторианских готиков / авторов *Weird Fiction* пишет и Сунанд Джоши, один из главных исследователей хоррора и неоготики в западно-европейской и американской литературе:

Разве странно, что такие удивительные монстры, как лавкрафтовский Ктулху или песчаные призраки, поднятые Блэквудом из древних глубин Египта, были вызваны к жизни? В любом случае, несомненно, что такие писатели, как Лавкрафт, Блэквуд, Артур Мэкен, Лорд Дансени, Монтегью Джеймс и многие другие, не только озвучили мириады страхов, с которыми столкнулась стремительно меняющаяся англо-американская культура (ужас безлюдной пустыни, ужас оскверненной античности и, наверное, самый сильный ужас вселенской пустоты, внезапно высвободившийся на месте, прежде занятом благожелательным и утешительным Создателем), но и показали, что *Weird Fiction* может стать не только самой чаемой из всех философских теорий, но и превратиться в самый животрепещущий комментарий-ответ на все общественные, культурные и даже политические преобразования⁶.

Главное, что объединяет всех упомянутых писателей-неоготиков / поздних викторианцев из списка,⁷ — деконструкция традиционной художественной парадигмы, в которой реакция на сверхъестественное задана сюжетом и им же легитимируется: *Weird Fiction* экстериоризирует концепты страха и ужасного, выводя их за рамки потенциально постигаемых и познаваемых — того, что впоследствии будет описано Делезом и Гваттари как «становление-интенсивностью, становление-животным, становление-невоспринимаемым»⁸. Каждый из писателей реализует эсхатологический дискурс, исходя из собственных представлений о природе страха и страшного как *Instrumentum Dei*; при этом примечательно, что генезис ужасного у них неразрывно связан с актуальными для конца XIX — начала XX вв. религиозными и философскими поисками модерна — переосмысленной античностью (герметическая философия и теософия у Блэквуда, неоязычество и оккультизм у Мэkena,

⁶ *Joshi S.T. Varieties of the Weird Tale. NY, 2017. P. 17.*

⁷ Лавкрафта пока что вынесем за хронологические скобки: ему будут посвящены наши дальнейшие исследования.

⁸ *Делез Ж., Гваттари Ф. Капитализм и шизофрения: Тысяча плато. Екатеринбург, М., 2010.*

античность и символизм суинберновского толка у Дансени) и провиденциальным абсурдизмом (новеллы с неожиданным финалом — *twisted endings* — у Бирса).

Кратко опишем основные черты поэтики всех заявленных в нашей работе авторов, чтобы определить, возможно ли методологическое соотнесение их авторских «я» с блоковскими эго-документами и, как следствие, возможен ли компаративный анализ на основе этого соотнесения.

Так, по определению писательницы и литературного критика Кейт Мосс, Алджернон Блэквуд

<...> понимал силу неосязаемого и развивал стиль письма, основанный на суггестии. Исходя из того, что любой опыт спиритуален в той или иной степени, он полагал, что понимание законов природы неизбежно приведет к вере и знанию жизни. За годы, предшествовавшие Первой Мировой войне, он создал корпус необычайно ярких и разнообразных оккультных произведений — о простодушных туристах, растянувших палатку на границе измерений («Вендиг»), о психологических изменениях умирающего аристократа («Возрождение лорда Эрни»), о доме, одержимом религиозной нетерпимостью («Проклятые»), о человеке, очарованном лесом («Человек, которого любили деревья»)⁹.

Пожалуй, Блэквуд — один из наиболее ярких примеров британского автора эпохи модерна (или *fin de siècle*), описывающего «не-реальность», или “unreality”, если прибегнуть к терминологии критиков неоготики и *Weird Fiction*: его произведения стали как прототипом для фэнтези и научно-фантастических романов и рассказов в их современном понимании (новелла «Второе поколение», цикл рассказов «Исчезнувшая долина»), так и образцом неоготического / хоррор-жанра, где элемент фантастического тесно связан со спиритуализмом, каббалой и розенкрейцерством («Рассказ женщины-призрака», «Физическое вторжение», «Секретное братство»). Сам Блэквуд также был активным членом английского герметического Ордена розенкрейцеров «Золотая заря», что не могло не повлиять на тематику его творчества. Описывая мистицизм и космизм Блэквуда, Джоши, в частности, говорит о том, что

Блэквуд был мистиком, очарованным Востоком¹⁰; его роман «Кентавр» (1911) составляет существо его духовной автобиографии.¹¹

⁹ Mosse K. Horror in the shadows // The Guardian. 27.10.2007. URL: <https://www.theguardian.com/books/2007/oct/27/featuresreviews.guardianreview32>

¹⁰ Имеется в виду, конечно же, Восток гностиков.

¹¹ An H.P. Lovecraft Encyclopedia by S.T. Joshi and David E. Schultz. NY, 2001. P. 21.

Интересно, что и Артур Мэкен, валлийский или, как его часто называют в западном литературоведении, писатель кельтской традиции, также был членом Ордена «Золотой зари» в одно время с Блэквудом. Мистицизм Мэкана и его приверженность готической традиции были впоследствии высоко оценены Г.Ф. Лавкрафтом: в известной теоретической работе-антологии «Ужас сверхъестественного в литературе»¹² Лавкрафт пишет об этом в связи с сюжетом самого, наверное, известного романа Мэкана «Великий Бог Пан» (позволим себе расширенную цитату):

Мистер Мэкен, с его впечатляющей кельтской родословной, связанной с юношескими воспоминаниями о диких пологих склонах, древних лесах и загадочных руинах Гвента, достиг редкого совершенства в описании воображаемой жизни, ее насыщенности и историзма. <...> Пожалуй, самый известный роман ужасов мистера Мэкана — «Великий Бог Пан» (1894), повествующий об одном-единственном ужасном эксперименте и его последствиях. В результате пересадки клеток мозга, призванной доказать могущество и чудовищность Природы, молодая женщина впадает в слабоумие и умирает меньше чем через год. Несколько лет спустя странное, зловещее дитя с нездешним обликом по имени Хелен Воан оказывается вместе с семьей в заброшенной части Уэльса: там Хелен часами блуждает в глубине валлийских лесов. Маленький мальчик, ее спутник в таинственных прогулках, однажды впадает в безумие; та же участь в конце концов постигает и саму маленькую Хелен. Все эти тайны самым непонятным образом переплетаются с древними латинскими божествами-хранителями этой заповедной местности, чьи скульптурные обломки разбросаны повсюду во множестве.

Проходит еще несколько лет, и в высшем обществе появляется вдруг женщина невероятной и причудливой красоты: она доводит своего мужа до ужаса и смерти; из-за нее художник пишет невообразимые полотна ведьмовского шабаша, которые становятся причиной эпидемии самоубийств среди ее знакомых мужчин; в конце концов, становится известно о регулярных посещениях ею самых гнусных злчных притонов Лондона, кишачих отвратительнейшими грехами, и ее развращенностью шокированы даже отпетые сластолюбцы. Путем различных ухищрений и сопоставлений рассказов о ней людей, которые знали ее в разные периоды жизни, выясняется, что женщина эта — не кто иная, как Хелен Воан, дочь той молодой героини, что умерла в самом начале повествования от пересадки мозговых клеток, дочь, у которой нет отца среди смертных. Она — наследница мерзей-

¹² Название, впрочем, может быть переведено и как «Сверхъестественный хоррор в литературе», если отрефлексировать жанровую специфику хоррора поточнее.

шего из божеств, Пана, и в конце концов она умерщвлена — и всё это после чреды самых ужасных трансформаций, включая изменения пола и происхождения, всё возвращается к изначальным — хтоническим — манифестациям жизненного первопринципа¹³.

Лавкрафт не случайно пишет о Мэкене как о творце шедевров фантастического жанра, чья мощь «почти бесконечна, но с намеком на сугубое безобразие и космические искажения»¹⁴: талант Мэкена, при всех апелляциях к древности и кельтским легендам, очень современен. По сути, Мэкен интуитивно переосмысливает ницшеанскую модель богооставленности и богоборчества и делает это, оставаясь в заданных рамках фантастического романа. Собственно, об этом же — наиболее актуальном — лейтмотиве у Мэкена говорится и в работах современных литературных критиков: так, например, обозреватель “Guardian”, описывая сложный путь Мэкена в литературе (получил блестящее ранее образование, но из-за тяжелого финансового положения не смог поступить в университет: последнее обстоятельство роднит Мэкена с Лавкрафтом, оказавшимся в похожей ситуации), называет его «автором декадентского хоррора»¹⁵.

В той же антологии «Ужаса сверхъестественного в литературе» Лавкрафт посвящает целую главу и Лорду Дансени, еще одной выдающейся фигуре на неоготической сцене английского (точнее, англо-ирландского) модерна. По словам Лавкрафта, успевшего посетить одну из лекций Лорда Дансени во время его американского тура (1919–1920) и неизменно восхищавшегося талантом ирландского аристократа,

Создатель новой мифологии, ткущий удивительный фольклор, Лорд Дансени по-прежнему остается верен необычайному миру фантастической красоты и пребывает в состоянии перманентной войны с грубостью и косностью повседневной реальности. Его взгляд поистине космичен на фоне литературы любой эры. Как и По, чувствительному к особой власти и значению отдельных слов и деталей, <Лорд Дансени> гораздо лучше подготовлен риторически; благодаря изящной лирической простоте, скрытой в прозе Библии Короля Якова, автор необыкновенно щепетилен в обращении со всяким мифом и легендой из канона великой европейской культуры;

¹³ Lovecraft H.P. The Annotated Supernatural Horror in Literature. Ed., with Intro. and Comment., by S.T. Joshi. New York, 2012. P. 82–83.

¹⁴ Там же. С. 84.

¹⁵ Walter D. G. Machen is the forgotten father of weird fiction // The Guardian. 29.09.2009. URL: https://www.theguardian.com/books/booksblog/2009/sep/29/arthur-machen-tartarus-press?fbclid=IwAR1c1Rg_enE1QmRHTP09hn3tWozmXZ7iCaYRtQtCGvR6XIKfAh0IUASdca8

он создает полотно или эклектичные циклы фантазий, в которых восточный колорит, эллинские формы, тевтонская суровость и кельтская задумчивость так безупречно смешаны, что каждый элемент поддерживает и дополняет все остальные, не утрачивая при этом собственной уникальности и цельности¹⁶.

Конечно, рамки одной статьи не позволяют остановиться подробнее на всех этапах развития творчества Дансени, однако главное, на что хотелось бы обратить внимание, — жанровая эволюция его фантастической поэтики, этапность, которую в определенном смысле можно сравнить с блоковской «трилогией вочеловечения». Как отмечает в своих работах, посвященных Дансени, Джоши, наивная фантастичность его ранних сочинений (1904–1908) уступила место более зрелому мастерству «Книги чудес» (1912), в которой автор пародирует высокий стиль своих первых работ¹⁷. При этом, как пишет биограф Дансени Марк Эмори¹⁸, произведения 1904–1908 гг. были написаны под сильным влиянием Ницше, которого Дансени читал в то же время (т.е. в 1904 г.).

В своей монографии “Varieties of the Weird Tale” Джоши также цитирует отрывок из автобиографии Дансени «Солнечные пятна» (1938): автор, увидев в саду зайца, моделирует на основе этой внезапной встречи отчетливо-гностический сюжет с последующей мистической рефлексией:

Если бы я писал когда-нибудь о Пане, помимо того памятного вечера, когда я встретил его, то это, несомненно, было бы воспоминание об этом русаке. Если бы я думал, что я одаренная индивидуальность, чье вдохновение спустилось на землю и проступает сквозь обыденные вещи, я не стал бы писать эту книгу; но верю, что самые смелые полеты фантазии обретут свой дом на матери-Земле¹⁹.

Дансени эмблематичен в той же мере, в которой эмблематичен и эсхатологичен любимый им английский символист Алджернон Суинберн (конечно же, первое, что приходит на ум после чтения отрывка из автобиографии Дансени, — суинберновский «Сад Прозерпины»): тщательно создавая мир и философию своих «Богов Пеганы», Дансени, по словам Джоши, «выражает себя с восхитительно красноречивым, прозо-поэтическим радикализмом»²⁰.

¹⁶ *Lovecraft H.P.* The Annotated Supernatural Horror in Literature. P. 89–90.

¹⁷ См. подробнее: *Joshi S.T.* Lord Dunsany: Master of the Anglo-Irish imagination. Greenwood Publishing Group, 1995.

¹⁸ *Joshi S.T.* Varieties of the Weird Tale. P. 190.

¹⁹ Там же. P. 191.

²⁰ Там же. P. 190.

Имя Амброза Бирса немного отстоит от британского конгломерата писателей, о которых шла речь выше: Бирс был американцем, политическим обозревателем, сатириком и военным, чьи «Истории солдат и гражданских» вошли в золотой фонд американской литературы начала XX в. и впоследствии вдохновляли Эрнеста Хемингуэя, Хорхе Луиса Борхеса и Биой Касареса, но при этом Бирс, как все перечисленные авторы, был в том числе и писателем-неоготиком, прямым наследником традиций Эдгара По, старшим современником поздневикторианских классиков хоррора и *Weird Fiction*, и его таинственное и бесследное исчезновение в 1913 г. во время Мексиканской войны тоже вполне вписывается в позднеготический канон, если распространить его и на реальную, а не только книжную, биографию. Как отмечает Лавкрафт,

Ближе всех к реальному величию был эксцентричный и мрачный журналист Амброз Бирс: родившись в 1842 г., он участвовал в Гражданской войне и выжил, чтобы написать несколько бессмертных историй, а затем бесследно исчез в 1913 г., окутанный тайной, похожей на те, что он изобразил в своих кошмарных фантазиях. <...> Фактически все истории Бирса — истории хоррора, и хотя многие из них описывают физический и психологический ужас при столкновении с природой, все-таки существенная их часть может быть отнесена к литературе сверхъестественного, составляющей особый фонд американской *Weird Fiction*²¹.

Лавкрафт называет фабулу многих историй Бирса «несколько механической», однако при этом относит его новеллы к классике сверхъестественного: мотивы демонической реальности, «темной крови» и кошмаров, пробуждение от которых не менее призрачно, носят в рассказах Бирса циклический характер. Одна из самых показательных в этом смысле новелл, «Смерть Хэлпина Фрейзера», о неупокоенном моряке-мертвце и его провидческих снах, соотносится сразу с несколькими блоковскими поэтическими циклами периода антитезы — «Страшным Миром» и «Жизнью моего приятеля», особенно со стихотворениями «Поздней осенью из гавани...» и «Двойник» («Однажды в октябрьском тумане...»).

И здесь мы, собственно, подошли к главной теме нашей работы: если сопоставить блоковскую поэзию с поэтикой всех упомянутых выше авторов, станет очевидно, что с поправкой на страну и исторические

²¹ *Lovecraft H.P. The Annotated Supernatural Horror in Literature. P. 65–66.*

особенности блоковское творчество вполне возможно рассматривать в контексте неоготического канона. Но как быть с автобиографическими свидетельствами? Чтобы ответить на этот вопрос, мы должны вспомнить, что блоковские дневники, записные книжки и переписка с разными корреспондентами — это безусловное продолжение блоковской мифопоэтической архитектоники, и поэтому исследовать его эго-документальное наследие, как бы оставив за скобками главную (т.е. поэтическую) составляющую, вряд ли возможно. Не будем также забывать, что проза Блока, в том числе и автобиографическая, была по преимуществу символистской и модернистской, а значит, и термин «прозо-поэтический радикализм», употребленный Джоши по отношению к творчеству Дансени, вполне уместен и в отношении современника Дансени Блока.

Отрывок из записи, вынесенный в заголовок нашей работы, очень ярко характеризует начало блоковского прозо-поэтического движения к описанию его отношений со сверхъестественным в различных формах. Блок сделал эту запись 13 августа 1902 г., и вот ее полный текст:

Человек этот был не из простых. Бог при создании закутал его сердце в темные ткани; если бы они спали, он восчувствовал бы слишком ярко и не выдержал бы своей любви. Теперь его звали эгоистом. А ему мерещилось иногда²².

Как нам представляется, здесь очевидна апелляция к демоническому как «ограждающему», «отъединяющему» блоковское «я» от остального мира и описание Бога как сверхсущества, в основе своей двойственного (он наделяет «я» темной природой по своему произволению). Что это, как не готическое (точнее, неоготическое, принимая во внимание время, в которое жил Блок) падение героя в тварный (он же *ужасный*) мир, где он превращается в эгоиста и тоскует о потерянной яркости (т.е. душевной целостности)?

Большая часть блоковских записей в дневнике и записных книжках, даже самых, на первый взгляд, подробных, носит пунктирный характер: если в отрывках названы имена или названия городов или литературных/философских работ, это позволяет с большой точностью последить в них рецепцию определенных идей.

Рассмотрим некоторые из них.

Знаменитую цитату из дневника 1902 г. о том, что

<...> дальше ждет их то великое и непостижное слияние с прежним источником и страданий, и просветлений, которым теперь лишь изредка и бледно тревожат их боги «в пророческих снах»; и все-таки —

²² Блок А. Записные книжки. М., 1965. С. 35.

тревожат — «в предвестие, иль в помощь, иль в награду». Здесь уже всё равно — залетит ли в их «сумрак» «с зеленеющих полей» Психея или сойдет на них божественный «экстаз» Плотина и Соловьева²³

можно теперь трактовать не только с традиционных позиций символистского универсума «Блок и неоплатонизм», «Блок и соловьевство», но и с точки зрения притяжений-отталкиваний по отношению к неоготической природе сверхъестественного и ужасного: мы видим ключевые моменты, связанные со страданием и пророческими снами, которые посредством неоплатонической рецепции все-таки могут трактоваться и как описывающие «не-реальность», или *unreality* (мы говорили о них в связи с Блэквудом), и в которых Блок играет с символистской формой, однако же на выходе получается вполне жанрово определяемый неоготический продукт, а именно — фантазмагория.

Следующий отрывок — о блоковском двойничестве — неразрывно связывается с одноименными стихотворениями поэта, написанными в период «*Ante Lucem*» и «Стихов о Прекрасной Даме», и в то же время может служить яркой иллюстрацией к неоготической «силе неосвязаемого»:

Я раздвоился. И вот жду, сознающий, на опушке, а — другой — совершаю в далеких полях заветное дело. И — ужасный сон! — непостижно начинаю я, ожидающий, тосковать о том, совершающем дело, и о совершенном деле²⁴.

Блоковское растождествление авторского «я» здесь очень напоминает эсхатологический “*horror temporis*”, «время ужасов» из *Weird Tales*, в процессе которого с главным героем происходит ряд подмен, ведущих его к гибели.

Записи Блока «периода антитезы» пронизаны ницшеанством и магистральной для него идеей вечного возвращения²⁵; Блок пишет в записной книжке 8 июля 1909 г.:

Возврат.<...>Возвращается всё, всё. И, конечно, — первое — тьма²⁶.

И ровно через два месяца, 5 сентября 1909 г.:

²³ Блок А. Собрание сочинений. Т. VII. С. 27.

²⁴ Там же. С. 19.

²⁵ Мы посвятили этому несколько статей и диссертационное исследование, основные положения которого требуют пересмотра и уточнений.

²⁶ Записные книжки. С. 153.

Сколько бы Толстой и Достоевский ни громоздили хаоса на хаос — великий хаос я предпочитаю в природе. Хорошим художником я признаю лишь того, кто из данного хаоса (а не в нем и не на нем) (данное: психология — бесконечна, душа — безумна, воздух — черный) творит космос.²⁷

Блоковская адаптация нищезанятия как апологии «Страшного мира» в эго-документальной прозе более позднего периода вполне могла бы быть блэквудовской, мэкенской или принадлежать Дансени, что вполне может характеризовать Блока как русского поэта-символиста, чья мифопоэтика носит отчетливые неоготические черты, свойственные в той или иной степени всем авторам, чья проза включает в себя элементы сверхъестественного и макабрического, пронизана эсхатологическими настроениями и в той или иной степени может быть связана с мистикой поздней античности и нищезанятием.

Тема пока что нами обозначена лишь пунктиром, и рамки одной работы не позволяют развить все ее аспекты, однако исследование, безусловно, должно быть продолжено с привлечением нового материала для компаративного анализа.

Литература

Делез Ж., Гваттари Ф. Капитализм и шизофрения: Тысяча плато. Екатеринбург; Москва: Астрель, 2010. 895 с.

Мицц З.Г. Блок и русский символизм // Литературное наследство. Т. 92: Александр Блок: Новые материалы и исследования. Кн. 1. М.: Наука, 1980. С. 98–173.

An H.P. Lovecraft Encyclopedia, by S.T. Joshi and David E. Schultz. NY: Hippocampus Press, 2001. 339 p.

Joshi S.T. Lord Dunsany: Master of the Anglo-Irish imagination. Santa Barbara: Greenwood Publishing Group, 1995. 230 p.

Joshi S.T. Varieties of the Weird Tale. NY: Hippocampus Press, 2017. 346 p.

Joshi S.T. What is Anything? Memoirs of a life in Lovecraft. NY: Hippocampus Press, 2018. 346 p.

Lovecraft H.P. The Annotated Supernatural Horror in Literature. Ed., with Intro. and Comment., by S.T. Joshi. New York: Hippocampus Press, 2012. 228 p.

Mosse K. Horror in the shadows // The Guardian. 27.10.2007. URL: <https://www.theguardian.com/books/2007/oct/27/featuresreviews.guardianreview32> (дата обращения: 3.09.2018).

Walter D.G. Machen is the forgotten father of weird fiction // The Guardian. 29.09.2009. URL: https://www.theguardian.com/books/booksblog/2009/sep/29/arthur-machen-tartaruspress?fbclid=IwAR1clRg_enE1QmRHTP09hn3tWozmXZ7iCa-YRtQcGvR6XIKfAh0IUASdca8 (дата обращения: 5.09.2018)

²⁷ Там же. С. 160.

References

An H.P. Lovecraft Encyclopedia, by S.T. Joshi and David E. Schultz. NY, Hippocampus Press, 2001. 339 p.

Deleuze G., Guattari F. *Kapitalizm i shizofreniia: Tysiacha plato* [Capitalism and schizofrenia: A thousand plateaus]. Ekaterinburg, Moscow, Astrel' Publ., 2010. 895 p. (In Russ.)

Joshi S.T. *Lord Dunsany: Master of the Anglo-Irish imagination*. Santa Barbara, Greenwood Publishing Group, 1995. 230 p.

Joshi S.T. *Varieties of the Weird Tale*. NY, Hippocampus Press, 2017. 346 p.

Joshi S.T. *What is Anything? Memoirs of a life in Lovecraft*. NY, Hippocampus Press, 2018. 346 p.

Lovecraft H.P. *The Annotated Supernatural Horror in Literature*, Ed., with Intro. and Comment., by S.T. Joshi. New York, Hippocampus Press, 2012. 228 p.

Mints Z.G. Blok i russky simvolizm [Blok and Russian Symbolism]. *Literaturnoe nasledstvo. T. 92: Aleksandr Blok: Novye materialy I issledovaniia. Kn. 1* [Literary heritage. Vol. 92: Alexander Blok: New materials and studies. Book 1]. Moscow, Nauka Publ., 1980, pp. 98–173. (In Russ.)

Mosse K. Horror in the shadows. *The Guardian*, Oct 27, 2007. Available at: <https://www.theguardian.com/books/2007/oct/27/featuresreviews.guardianreview32> (accessed: 3.09.2018).

Walter D.G. Machen is the forgotten father of weird fiction. *The Guardian*, Sep 29, 2009. Available at: https://www.theguardian.com/books/booksblog/2009/sep/29/arthur-machen-tartaruspress?fbclid=IwAR1clRg_enE1QmRHTP09hn3tWozmXZ7iCa-YRtQtCGvR6XIKfAh0IUASdca8 (accessed: 5.09.2018)

“God, when creating, wrapped his heart in dark fabrics”: Neo-Gothic concept in Blok’s diaries and notebooks

© 2018, Elena Tchougounova-Paulson

Abstract: Interest in Blok’s prose has noticeably grown in recent decades. This can be seen by a significant number of academic works dedicated to Blok’s critical essays and his extensive correspondence with a variety of addressees, not to mention his ego-documentary heritage, i.e. his notebooks and diaries. Our main task is to examine the specific character of Blok’s “autobiographical myth” in regard to the Western European (primarily English and also partially American) literary mainstream of the fin de siècle era, i.e. Modernism and Neo-Gothics — specifically with the names of Arthur Machen, Lord Dunsany, Ambrose Bierce, Algernon Blackwood, who

created the first phase of the modern horror genre and became forerunners of Weird Fiction. We will also make an attempt to define the key elements on the basis of which Blok's autobiographical poetics can be regarded as Neo-Gothic itself.

Keywords: Alexander Blok, ego-document, Neo-Gothics, Arthur Machen, horror literature.

Information about the author: Elena Tchougounova-Paulson, PhD, independent scholar, Cambridge, UK. E-mail: tch.elena15@gmail.com

Citation: Thougounova-Paulson Elena. "God, when creating, wrapped his heart in dark fabrics": Neo-Gothic concept in Bloks diaries and notebooks. *Literary fact*, 2018, no. 10, pp. 253–266.

DOI 10.22455/2541-8297-2018-10-267-292
УДК 812.161.1

Медитативный опыт Андрея Белого как ключ к его историософской концепции «Самосознающей души»

© 2018, А.Б. Шмитт

Аннотация: В статье рассматривается взаимосвязь между внутренним эзотерическим опытом Андрея Белого и его поздней историософской концепцией, которую он изложил в «Истории становления самосознающей души». При этом показывается, что его культурфилософская система является не пересказом чужих идей, а вполне самостоятельной разработкой его собственных воззрений на развитие человеческой истории и культуры, основанной на своеобразном понимании антропософских идей и его личном медитативном опыте. Очень кратко очерчивается само понятие самосознающей души и его эзотерические подтексты, даются основные линии историософской концепции Белого. Более подробно рассматриваются генезис и значение формы спирали, которая лежит в основе культурфилософской модели Белого, и предлагается термин «герметический символизм» для обозначения позднего творчества русского символиста.

Ключевые слова: Андрей Белый, Рудольф Штейнер, «История становления самосознающей души», философия культуры, историософия, антропософия, медитация, эзотерика, спираль истории, кривая истории

Информация об авторе: Ангелика Беттина Шмитт, Докторант, Трирский университет, Германия. E-mail: schmittan@uni-trier.de

Цитирование: *Шмитт А.Б.* Медитативный опыт Андрея Белого как ключ к его историософской концепции «Самосознающей души» // Литературный факт. 2018. № 10. С. 267–292.

В объемистом, но незаконченном культурфилософском труде «История становления самосознающей души» (далее ИССД) Андрей Белый излагает свой взгляд на развитие европейской культуры за последние 2000 лет¹. Его историософские воззрения во многом соприкасаются с антропософскими позициями, но и значительно отличаются от изложений Рудольфа Штейнера. С 1912 по 1916 г. Белый провел большую часть времени в окружении австрийского философа и эзотерического учителя, который ввел его в эзотерическую практику антропософии. Белый читал и слушал большое количество докладов Штейнера и изучал его письменные труды. Богатый внутренний опыт, который он приобрел за границей, нашел отражение в разных произведениях более или менее биографического характера².

В данной статье разрабатывается тезис о том, что этот опыт оказал значительное влияние на историософскую концепцию Белого³, которая во многом является индивидуализированным изложением антропософ-

¹ Рукопись ИССД хранится в ОР РГБ (Ф. 25. Карт. 45. Ед. хр. 1, 2). В рамках совместного проекта под руководством Моники Спивак (Мемориальная квартира Андрея Белого, Москва) и Хенрике Шталь (Трирский университет, Германия) готовится научное издание ИССД. Книга под названием «Душа самосознающая», вышедшая в 1999 г. под редакцией Э.И. Чистяковой, содержит только среднюю, самую необработанную часть ИССД, к тому же в варианте, не соответствующем рукописи. Весь труд состоит из трех частей: первая и последняя имеются в переработанном виде, в то время как главная, вторая часть, в которой должна была описываться сама эпоха самосознающей души, осталась в черновике. Первая часть содержит воззрения Белого на античность и средневековье, в третьей дается обзор его историософской концепции в целом.

² См.: *Белый А.* Материал к биографии // Литературное наследство. Т. 105: Андрей Белый. Автобиографические своды. Материал к биографии. Ракурс к дневнику. Регистрационные записи. Дневники 1930-х годов / Сост. А.В. Лавров, Дж. Малмстад; науч. ред. М.Л. Спивак; отв. ред. А.Ю. Галушкин, О.А. Коростелев. М., 2016. С. 29–328; *Белый А.* На перевале. Берлин; М.; СПб., 1923; *Белый А.* Собрание сочинений. Т. 6: Котик Летаев. Крещеный китаец. Записки чудака. М., 1997; *Белый А.* Йог // Собрание сочинений. Т. 3: Серебряный голубь. Рассказы. М., 1995. С. 296–308; *Белый А.* Воспоминания о Штейнере // Собрание сочинений. Т. 7: Рудольф Штейнер и Гете в мировоззрении современности. Воспоминания о Штейнере / Сост. И.Н. Лагутина. М., 2000. С. 255–535.

³ Один аспект этого влияния был разработан Хенрике Шталь (*Шталь Х.* Медитативный опыт Андрея Белого и «История становления самосознающей души» // Автобиографизм и биографические практики / Под ред. К. Кривеллер, М. Спивак. СПб., 2015. С. 80 и сл., 93 и сл.). Она указала на связь между центральным понятием очерка и медитативным опытом Белого, который, как наглядно показывает медитативная запись 1918 г. (ОР РГБ. Ф. 25. Карт. 46. Ед. хр. 28), пережил преобразование души в некую чашу, в которую вливается импульс духа. Однако значение медитативных и эзотерических переживаний Белого имеет намного больше аспектов и является более фундаментальным. О медитативном пути Белого см.: *Шталь Х.* Медитативный опыт А. Белого и «История становления самосознающей души». С. 82–87; *Schmitt A.* Hermetischer Symbolismus: Andrej Belyjs "Istorija stanovlenija samosoznajuščeј duši". Frankfurt a. M.: Peter Lang (в печати). S. 155–159.

ских идей⁴. Фундаментальные различия в культурфилософских моделях Белого и Штейнера касаются, во-первых, центрального для ИССД понятия самосознающей души, во-вторых, хронологической последовательности исторической периодизации и, в-третьих, схематизации хода исторических событий в их связи с оккультными положениями.

В дальнейшем излагаются взаимоотношения между историософской концепцией и эзотерическим опытом Белого на примере указанных трех пунктов, благодаря чему выявляется оригинальность культурфилософских взглядов писателя-мыслителя. При этом медитативный опыт Белого понимается как его внутренняя биография, отражающаяся в его творчестве в целом.

Концепция самосознающей души

Немецкий термин “Bewusstseinsseele” переведен Белым на русский язык как «самосознающая душа». Это выражение восходит к “selbstbewusste Seele” из «Загадок философии» Штейнера⁵, где тот изложил свой взгляд на эволюцию мысли в западной Европе для широкого круга читателей. Историософская концепция Белого многим обязана этому труду учителя⁶. Для обоих “Bewusstseinsseele” или «самосознающая душа» является частью человеческого существа, развитие которой определяет ход исторических событий начиная с Нового Времени. Она связана с рождением высшей духовной инстанции в человеке, которая будет вполне раскрыта только на следующей ступени развития «самодуха» или «манаса» (по-немецки “Geistselbst”)⁷.

⁴ Часто считается, что антропософские труды Белого являются просто репродукцией взглядов Штейнера, но ИССД показывает, что Белый переработал антропософский материал в самостоятельную культурфилософскую систему; ср. оценки Ф.А. Степуна, который обвинял Белого в суфлерстве (*Степун Ф.А. Открытое письмо Андрею Белому по поводу статьи «Круговое движение» // Труды и дни. 1912. № 4–5. С. 86*), Стивена Кэсседи, который говорит о конверсии Белого в антропософскую веру и называет его “devout” и “faithful anthroposophist” (*Cassedy St. Bely the Thinker // Andrey Bely. Spirit of Symbolism. Ithaca, London, 1987. P. 314, 319, 323, 330*), или Елены Шварц, которая восприняла ИССД (речь, очевидно, идет об опубликованной второй части) как «конспекты лекций Штейнера» (*Шварц Е.А. Сочинения Елены Шварц. Т. 5. СПб., 2013. С. 60 и сл.*).

⁵ *Steiner R. Die Rätsel der Philosophie (GA 18). Dornach, 1962. Труды Штейнера приводятся в оригинале. Переводы большинства его трудов и лекций на русский язык доступны на сайте: http://bdn-steiner.ru/modules.php?name=Ga_Rus.*

⁶ См.: *Schmitt A. Hermetischer Symbolismus. S. 232–236.*

⁷ См.: *Steiner R. Die Geheimwissenschaft im Umriss (GA 13). Dornach, 1989. S. 294–298. Об антропологии Штейнера см.: Там же. S. 52–79; Steiner R. Theosophie (GA 9). Dornach, 1987. S. 24–60. О сравнении понятий “Bewusstseinsseele” и «самосознающая душа» см.: *Шмаль Х. Генезис понятия самосознающей души и «История становления самосознающей души» Андрея Белого // Russian Literature. 2011.**

В характеристиках антропософских частей человеческого существа, которые дает Белый, есть тенденция антиципации по отношению к определениям Штейнера, у которого “Bewusstseinsseele” характеризуется амбивалентно: с одной стороны, она отличается холодностью и смертоносностью мысли, а с другой, органичным, живым мышлением, прототипом которого является для Штейнера Гете⁸. Белый приписывает качество механического мышления исключительно душе рассуждающей⁹, а душу самосознающую понимает как преодоление мертвой мысли благодаря совершенно новым способностям, которые он называет «композицией пространства», «темой в вариациях времени» и «символом»¹⁰. Они, соответственно изложениям Белого, раскрываются постепенно в ходе Нового Времени¹¹. Он видит в них отражение тех ступеней, которые следуют за периодами душевного развития. В антропософском идейном космосе они связаны с так называемыми «высшими ступенями познания» — имажинацией, инспирацией и интуицией¹². Белый в этом контексте говорит о «пред-инспирации»:

Процессами переработки самосознающей душой трех пластов своих в дух <пластами здесь обозначаются три переработанные телесные части — А.Ш. >, пласты эти сперва озаряются проблеском духа; «само» начинает работать в астрале; оно изменяется, перерождаясь в имажинативную душу; раскрытие имажинации — «манас»; но до него проблеск раскрытья — в имажинативных концепциях самосознания <...>; переработка астрала печатается уже в теле эфирном; и открывается новая фаза душевности; инспиративной душой мы можем назвать эту фазу; и тут же заметим; она еще — не инспирация: пред-инспирация, так сказать; и наконец дав работу душе ощу-

Vol. 70. Iss. 1–2: Andrej Belyj’s “Istoriija stanovlenija samosoznajuščej duši”. P. 21–37; Schmitt A. Hermetischer Symbolismus. S. 59–124 (особенно 117–124).

⁸ Об амбивалентности понятия “Bewusstseinsseele” см.: Ewertowski J. Die Entdeckung der Bewusstseinsseele. Wegmarken des Geistes. Stuttgart, 2007. S. 64, 73, 119–129; Шталь Х. Генезис понятия самосознающей души и «История становления самосознающей души» Андрея Белого. P. 25.

⁹ Здесь сказывается сильное влияние Ницше, чья концепция сократического человека накладывается на понятие души рассуждающей у Белого.

¹⁰ Шталь выделяет только «композицию пространства» и «тему в вариациях времени» как «формы», характеризующие «фигуративно-подвижное мышление» самосознающей души, хотя и указывает на их связь с основной концепцией символизации познания у Белого: Шталь Х. «Печать самосознающей души»: Символизм как «плюро-дуо-монизм» у позднего Андрея Белого // Symbol w kulturze rosyjskiej / Red. naukowa K. Duda, T. Obolevich. Kraków, 2010. S. 600 и сл.

¹¹ См.: ИССД 2, гл. «Схема композиции», «Душа самосознающая как тема в вариациях», «Символизм», «Антропософия» (Белый А. Душа самосознающая / Сост. и ст. Э.И. Чистяковой. М., 1999. С. 376–391, 408–476); ИССД 3, гл. «Душа самосознающая как композиция» и гл. от «Тема в вариациях: музыка» до «Символизм».

¹² См.: Steiner R. Die Stufen der höheren Erkenntnis (GA 12). Dornach, 1993.

щений, «само», извлекая созвучье меж этой душой и физическим телом, становится интуитивной душой¹³.

Соотнесение этой концепции с ранними теоретическими размышлениями Белого и с описанием его медитативного опыта в дневниках мыслей «На перевале» выявляет, что он понимал эти ступени высшего познания антропософского учения как градационное углубление принципов трансцендентальной эстетики Канта в такой последовательности: познавательным возможностям души рассуждающей соответствуют пространственная и временная формы созерцания, определяемые Кантом в КЧР, в то время как ноуменальная сфера остается за пределами человеческого разума; самосознающая душа отличается познавательными принципами «композиции пространства», «вариации времени» и «символом», которые являются организационными принципами познания и культурной деятельности человека в самом широком смысле; духовным ступеням развития доступны имагинация, инспирация и интуиция, т.е. высшие познавательные способности, достигающие ноуменальной сферы¹⁴. Таким образом, в ходе культурного развития человечества создается ступенчатый путь постепенного углубления познавательных возможностей в оккультные глубины мироздания.

Примечательно, что познавательные принципы самосознающей души — композиция, вариация и символ — Белым не только излагаются, но одновременно используются в качестве изобразительных средств при изложении своей историософской концепции: Смысл его очерка по философии культуры раскрывается не столько на понятийном уровне, сколько на метафорическом, ритмическом и символическом уровнях текстовой структуры¹⁵. Причиной этому является его личная эзотерическая практика, которая раскрыла ему жизнь мыслей как сфера пульсирующих и переливающихся образов, как переходящих друг в друга музыкальных ритмов и как оккультную встречу с центром мирового сознания¹⁶.

¹³ ИССД 3: «Душа и история» (ОР РГБ. Ф. 25. Карт. 45. Ед. хр. 1. Л. 278 об.). Курсив в оригинале.

¹⁴ См.: *Schmitt A. Hermetischer Symbolismus*. S. 178–186.

¹⁵ См.: *Schmitt A. Hermetischer Symbolismus*. S. 301–388.

¹⁶ См. описания медитативных путешествий в «Кризисе культуры» (*Белый А. На перевале* III. Кризис культуры. СПб., 1920. С. 64 и сл.), «Кризисе мысли» (*Белый А. Кризис мысли // На перевале*. Берлин; М.; СПб., 1923. С. 97–99) и в рассказе «Йог» (*Белый А. Собрание сочинений*. Т. 3: Серебряный голубь: Рассказы. М., 1995. С. 300, 304–306). Эта тема рассматривается в: *Schmitt A. Hermetischer Symbolismus*. S. 168–173.

Хронология

В 1927 г. во время летнего отдыха на Кавказе Белый нарисовал разноцветную схему своей историософской концепции в виде системы координат:

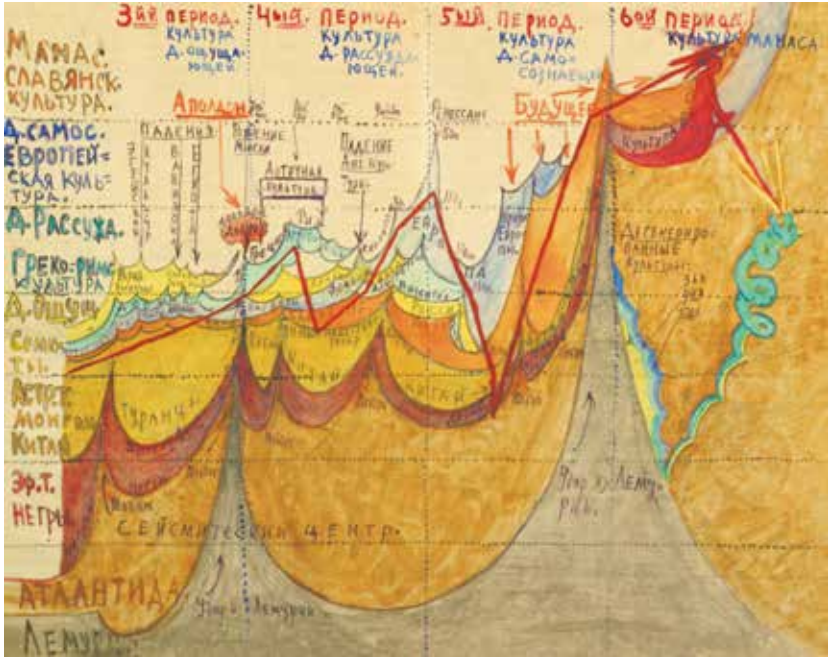

Рис. 1: Историософская схема¹⁷

На горизонтальной оси отражен ход времени, т.е. последовательность так называемых после-атлантических культурных эпох от третьей до шестой. По вертикальной оси расположены части человеческого существа в соответствии с антропософской антропологией — от физического тела, которое представлено Атлантидой, до манаса или самодуха. Каждой части соответствует цветная полоса, доминирующая в определенном промежутке времени¹⁸. Особенно детально в изложении исто-

¹⁷ Рисунок представлен в экспозиции Мемориальной квартиры Андрея Белого (отдел Государственного музея А.С. Пушкина). Публикуется с любезного разрешения М.Л. Спивак.

¹⁸ Более подробно о рисунке и его антропософских контекстах: *Шталь Х.* Спираль или ритмический жест истории: рисунок к «Истории становления самосознующей души» Андрея Белого // *Миры Андрея Белого* / Сост. К. Ичин, М. Спивак. Белград, М., 2011. Особенно с. 623–625; *Stahl H.* Die rhythmische Geste: Symptoma-

рических событий в ИССД можно отслеживать среднюю часть схемы¹⁹. Но хронологические данные в тексте, датирующие ход исторической кривой, т.е. красной линии, не соответствуют изображению. К тому же они сильно отличаются от периодизации, которую дает Штейнер²⁰.

Белый, в отличие от своего учителя, исходит из ускорения исторического времени. Об этом он упоминает во всех трех частях ИССД. О том, что «темп времен вообще ускоряется»²¹, говорят и те данные, которые Белый приводит в тексте при переходах между эпохами. Эпоха души ощущающей длится 3300 лет (4000–700 г. до н.э.)²², эпоха души рассуждающей охватывает 2000 лет (700 г. до н.э. — 1350 г. н.э.)²³, а настоящая эпоха самосознающей души, по предположениям Белого, закончится уже через 200–400 лет²⁴, т.е. имеет длительность менее 1000 лет. Если учитывать эти данные и экстраполировать тенденцию ускорения, заложенную Белым в тексте ИССД, получается следующая кривая:

tiologie und Prognostik in Andrej Belyjs "Geschichte des Werdens der Selbstbewusstseinsseele" // Visionen der Zukunft um 1900. Deutschland, Österreich, Russland. Hrsg. v. S. Taškevov, D. Kemper in Zusammenarbeit mit V. Kantor (Schriftenreihe des Instituts für russisch-deutsche Literatur- und Kulturbeziehungen an der RGGU Moskau, hrsg. v. D. Kemper. Band 10). Paderborn, 2014. Besonders S. 195–200; *Schmitt A.* Hermetischer Symbolismus. S. 217–230. С размышлениями Л.Ф. Кациса по поводу исторической схемы (*Кацис Л.Ф.* Семантика рисунков Андрея Белого, соотносимых с «Историей становления самосознающей души» // *Миры Андрея Белого* / Сост. К. Ичин, М. Спивак. Белград, М., 2011) позволим себе не согласиться.

¹⁹ См.: *Schmitt A.* Hermetischer Symbolismus. S. 230–295.

²⁰ Точные данные всех прошедших послеплатонических культурных эпох Штейнер давал, насколько мне известно, только в одной лекции, и то неправильно, если учитывать, что теоретически каждая эпоха, по его концепции, имеет длительность одного мирового месяца, т.е. 2160 лет. См.: *Steiner R.* Geistige und soziale Wandlungen in der Menschheitsentwicklung (GA 196). Dornach, 1992. S. 59.

²¹ ИССД 3: «Самосознание и дух свободы» (ОР РГБ. Ф. 25. Карт. 45. Ед. хр. 1. Л. 280 об.).

²² См. ИССД 2: «Душа самосознающая» (ОР РГБ. Ф. 25. Карт. 45. Ед. хр. 2. Л. 186); *Белый А.* Душа самосознающая. С. 367: «душевн<ая> истори<я>, в которую вступили мы 6 тысячелетий назад, и в которой мы пребывали вплоть до последнего времени». (Здесь и далее цитируется по рукописи.) Там же (с. 480) в «Тезисах 12-ти лекций» 1921 г. началом «истории душевной культуры» Белый называет «4000 лет до Р.Х.».

²³ См. ИССД 1: «П.13. Разгляд отрезка кривой» (ОР РГБ. Ф. 25. Карт. 45. Ед. хр. 1. Л. 127 об.: «рассуждающая душа <приподымалась> в 7-ом веке до нашей эры». ИССД 2: «Душа самосознающая» (ОР РГБ. Ф. 25. Карт. 45. Ед. хр. 2. Л. 187 об.); *Белый А.* Душа самосознающая. С. 369: «рождение души самосознающей и ее юность, — вторая половина XIV<-го> столетия, пятнадцатый век и начало шестнадцатого».

²⁴ См. ИССД 2: «Душа самосознающая» (ОР РГБ. Ф. 25. Карт. 45. Ед. хр. 2. Л. 189 об.); *Белый А.* Душа самосознающая. С. 372: «весьма вероятно, что эта вторая половина 5-го культурного периода, захватывающая 2-3-4 впереди стоящих столетий, есть рассказ о прыжке из необходимости в царство свободы».

Рис. 2: Спираль истории

У Штейнера культурные эпохи следуют ритму платонического мирового года, соответственно, каждая эпоха имеет продолжительность одного мирового месяца, т.е. 2160 лет²⁵. К тому же Белый и настоящую эпоху подразделяет на семь частей, которые тоже следуют принципу ускорения, т.е. уменьшаются в ходе времени. Здесь у Штейнера не имеется никакой параллели.

Причину этой контракции эволюционных ритмов, о которых сам Штейнер говорил в отдельных местах²⁶, можно увидеть и в эзотерическом опыте Белого. Свое настоящее он переживал как выход из линейного течения времени в некое «надисторическое» пространство, в котором время переживается как круго- или шарообразное²⁷. По мере того как человеческое бытие переходит в сферы по ту сторону душевных пластов, время качественно меняется. Человеческое сознание всё больше и больше погружается во временные условия, радикально отличающиеся от земных. На астральном плане, по свидетельству различных оккультных

²⁵ См.: Steiner R. Gegenwärtiges und Vergangenes im Menschengeste (GA 167). Dornach, 1962. S. 97, 208; Steiner R. Mysterienwahrheiten und Weihnachtspulse. Alte Mythen und ihre Bedeutung (GA 180). Dornach, 1980. S. 209 и сл., 273. Надо отметить, что Белый, тем не менее, знал о концепции мировых месяцев и схематизации культурного развития без ускорения. Об этом свидетельствует письмо от 8 января 1927 г., написанное спустя полгода после окончания наброска очерка в 1926 г. (см.: Белый А. Правда ритмов времени. Письмо от 8го января 1927го г. URL: <http://www.rudolf-steiner.ru/50000016/1448.html>).

²⁶ См. Steiner R. Aus der Akasha-Chronik (GA 11). Dornach, 1986. S. 158 и сл.; Steiner R. Das christliche Mysterium (GA 97). Dornach, 1998. S. 284.

²⁷ См.: Белый А. Материал к биографии. С. 166. См. также: ИССД 2: «Душа самосознающая». ОР РГБ. Ф. 25. Карт. 45. Ед. хр. 2. Л. 185–185 об.; Белый А. Душа самосознающая. С. 365 и сл.

направлений, как и по Флоренскому, время течет в обратном порядке²⁸, а на духовном плане царствует одновременность всех событий. По мере того как земное человеческое бытие переходит в сферу духа или вечности, линейное время теряет свое значение и, соответственно, по отношению к земному потоку времени ускоряется.

Схематизация исторических событий и эволюции вселенной

Следующее различие культурфилософских моделей Белого и Штейнера касается принципа спирали. У Штейнера, как и у Гегеля, чьи историко-философские взгляды значительно повлияли на Штейнера, спираль исторической эволюции человечества мыслится по вертикальной оси, в то время как у Белого спираль разворачивается по горизонтали. Развитие человечества и всего космоса в ИССД мыслится сначала в виде прямой, которая в связи с воплощением и воскресением Христа закручивается в спираль:

Евангелия суть качественное выражение закручиваемых в спираль времен под действием перпендикулярно сходящего к времени импульса, образующего в момент схождения самую воронку Мальстрёма <...>; Христос, изображенный в Евангелиях, и есть эта воронка, ибо Он описан как Логос, сходящий в человека, образующего во времени Мальстрём²⁹.

Схема горизонтально раскручиваемой спирали внутри расширяющегося конуса встречается у Белого довольно часто в связи с его медитативной практикой и культурфилософскими размышлениями, начиная с 1912 г. В эссе «Линия, круг, спираль» осени этого года говорится о конусе и вписанной в него пирамиде, связанной с треугольником душевных сил мысли, чувства и воли³⁰. Эта схема по-разному выполнена в письмах 1914 и 1919 гг., адресованных Флоренскому и Иванову-Разумнику³¹,

²⁸ О потоке времени в обратном порядке см.: *Петров В.В.* Телеология, четвертое измерение и обратный ход времени в работах А. Белого, Вячеслава Иванова и М. Волошина // Вячеслав Иванов: Исследования и материалы. Вып. 3 / Сост. С.В. Федотова, А.Б. Шишкин. М., 2018. С. 13–61; *Силард Л.А.* Герметизм и герменевтика. СПб., 2002. С. 201, 287 и сл.

²⁹ ИССД I: «I.6. Стиль Евангелий» (ОР РГБ. Ф. 25. Карг. 45. Ед. хр. 1. Л. 25).

³⁰ См.: *Белый А.* Линия, круг, спираль — символизма // Труды и дни. 1912. № 4–5. С. 21.

³¹ См.: *Belyj A., Florenskij P.* “...nicht anders als über die Seele des anderen”. Der Briefwechsel. Texte / Ed. F. и S. Mierau. Ostfildern, 1994. S. 69–73; Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка / Публ., вступ. ст., коммент. А.В. Лаврова и Дж. Малмстада; подгот. текста Т.В. Павловой, А.В. Лаврова, Дж. Малмстада. СПб., 1998. С. 189 и сл.

в медитативной записи 1918 г. и в «Кризисе культуры». Из всех этих записей можно заключить, что Штейнер давал Белому медитативную инструкцию воображать душевные силы в виде треугольника, где мысль расположена в голове, чувство в левой руке или области сердца, а воля в правой руке. Именно так нарисовал Белый в письме Иванову-Разумнику от 2 ноября 1919 г., цитируя слова из драм-мистерий Штейнера³², но варьируя их в рисунке:

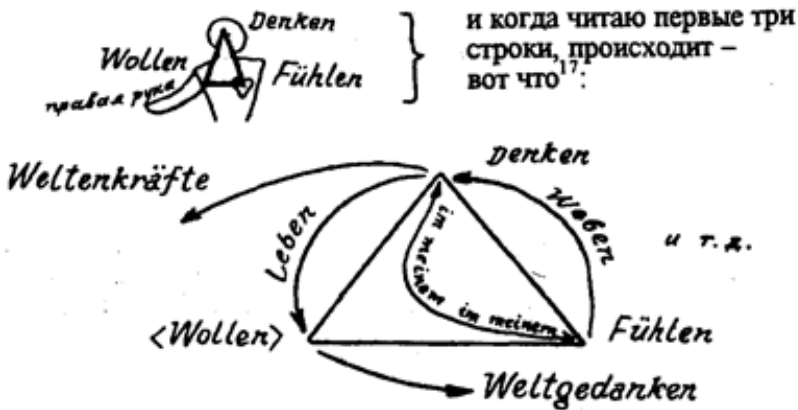

Рис. 3: Треугольник душевных сил³³

Этот треугольник приводился Белым в крутящееся, расширяющееся движение, с помощью которого его сознание могло покидать тело. О том, что под руководством Штейнера он научился выходить из физического тела, не потеряв сознание, и подниматься на высшие уровни бытия, свидетельствуют описания медитативных путешествий в «Кризисах», а также слова в «Материале к биографии»: «я в бодрственном состоянии научился выходить из себя духовно, а не физиологически»³⁴. В письме Иванову-Разумнику Белый начертил в схемах, как благодаря спиралевидному движению он вырывается из телесной оболочки, чтобы улететь в космические пространства:

³² Имеются в виду слова, которые читает Капезий: “In deinem Denken leben Weltgedanken, / In deinem Fühlen weben Weltenkräfte, / In deinem Willen wirken Weltenwesen” и т.д. (Steiner R. Die Prüfung der Seele // Vier Mysteriendramen (GA 14). Dornach, 1998. S. 164 и сл.).

³³ Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка. С. 189.

³⁴ Белый А. Материал к биографии. С. 144.

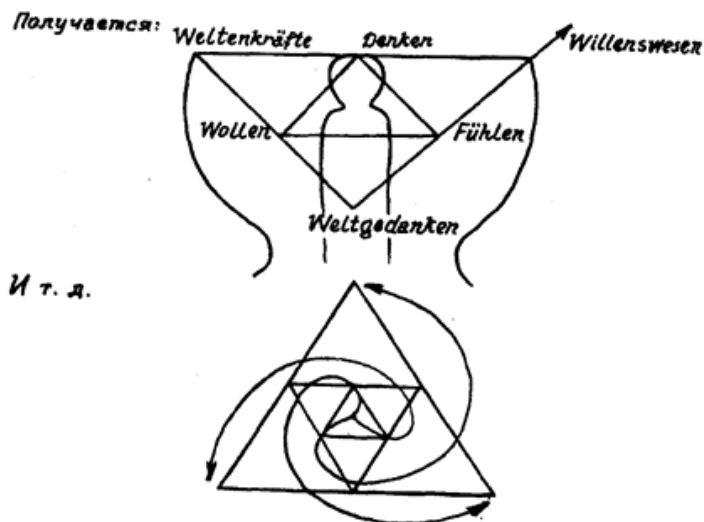

Рис. 4: От треугольников к спиралевидному движению³⁵

Принцип горизонтально раскручивающейся спирали, кроме того, довольно часто встречается на медитативных рисунках дорнахского периода как принцип существования в потустороннем пространстве³⁶. В «Кризисе культуры» схема лежащих внутри расширяющегося конуса треугольников и проходящей по ним спирали прикладывается к культурно-философским размышлениям. Круг или треугольник определяется как выражение «догматизма», а линия — как знаковое соответствие эволюционного мировоззрения. И то и другое по отдельности Белый считает ложным; только приведенные во взаимодействие они отражают в виде спирали истинный ход развития, который Белый здесь называет «символизмом»³⁷. Мимоходом Белый и здесь намекает на то, что и в человека вписан треугольник душевных сил. В медитативной тетради 1918 г. очень подробно излагается, как с помощью этих сил при произнесении мантрических слов происходит процесс расширения сознания. Кроме треугольников и бегущей по ним спирали здесь изображается разверстый череп, высвобождающий обычное я-сознание, в виде чаши и опускающегося в нее голубя³⁸.

³⁵ Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка. С. 190.

³⁶ См.: Andrej Belyj. Symbolismus — Anthroposophie — Ein Weg. Texte, Bilder, Daten / Ed. T. Gut. Dornach, 1997. S. 219–221.

³⁷ См.: Белый А. На перевале III. Кризис культуры. С. 74–81.

³⁸ Шталь указывает на связь этой символики с концепцией самосознающей души в ИССД. (Шталь Х. Медитативный опыт А. Белого. С. 80 и сл., 93 и сл.). Этот

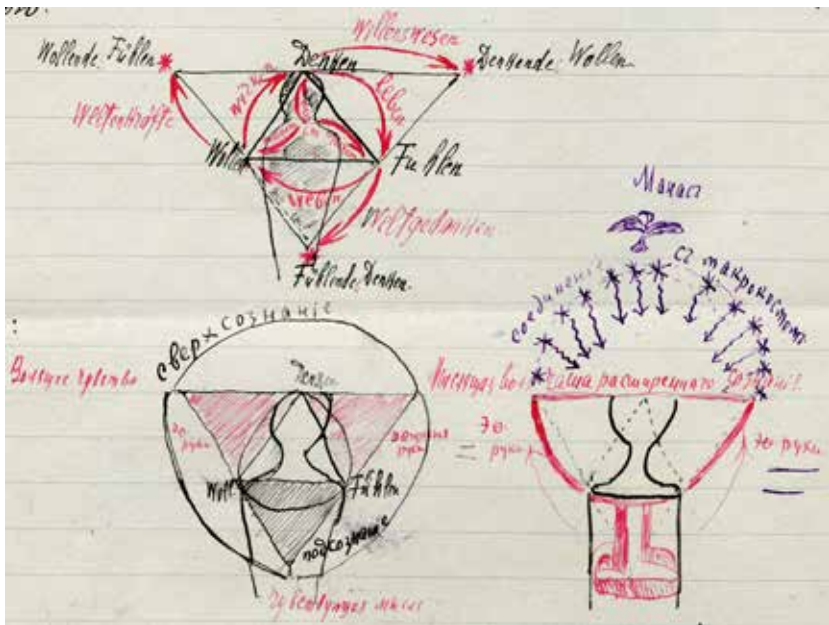

Рис. 5: Медитативная запись³⁹

Слова, с помощью которых осуществляется медитация в тетради 1918 г., являются парафразой из драм-мистерий Штейнера⁴⁰. Белый упоминает о них в «Воспоминаниях о Штейнере»: «одна из мне данных, первых медитаций, — видоизмененный текст одной из “Мистерий”»⁴¹.

же аспект с акцентом на метафорику, связанную в ИССД с ренессансом и стоящим за ней автобиографическим контекстом, разработан в статье: *Schmitt A. Die imaginative Chifferschrift von Andrej Belyjs kulturphilosophischem Spätwerk // Bilderfahrungen im Zwischenraum von Kunst, Philosophie und Pädagogik / Под ред. М. Bunge, А. Wiehl (в печати).* Чаша также намечается в рисунках, приложенных к письму Иванову-Разумнику (см. рис. 4). Об образе Грааля у Белого см. также: *Schmitt A. Hermetischer Symbolismus. S. 318–326.*

³⁹ Белый А. Медитативная запись и схема (ОР РГБ. Ф. 25. Карт. 46. Ед. хр. 28. Л. 4).

⁴⁰ Х. Шталь указывает, что Белый в 1918 и 1919 гг. вел кружок по «Драмам-мистериям» Штейнера в антропософском обществе в Москве и что эта же парафраза использовалась Штейнером в эзотерической школе. См.: *Шталь Х. Медитативный опыт А. Белого. С. 88 и сл.; Steiner R. Aus den Inhalten der esoterischen Stunden. Band II: 1910–1912 (GA 266b). Dornach, 1996. С. 318, 447–471.* На эзотерических уроках с 8 ноября по 17 декабря 1912 г. тема повторяется и относится к розенкрейцерской формуле “Ex Deo nascimur. In Christo morimur. Per Spiritum Sanctum reviviscimus”, которой Белый придавал большое значение (см., например: *Белый А. О смысле познания // Пoesия слова. Chicago: Russian Language Specialities, 1965. (Russian Study Series 51). [Репринт изд.: СПб.: Эпоха, 1922]. С. 51).* Белый, однако, был принят в Эзотерическую школу только в мае 1913 г. (Белый А. Материал к биографии. С. 136).

⁴¹ Белый А. Воспоминания о Штейнере. С. 370. Курсив в оригинале.

Эта парафраза приводится в медитативных записях 1918 г. по-русски во множественном числе: «В наших мыслях живут мировые мысли, / В наших чувствах трепещут мировые силы, / В нашей воле действуют существа воли»⁴², и по-немецки от первого лица в единственном числе: “In meinem Denken leben Weltgedanken / In meinem Fühlen weben Weltenkräfte / In meinem Wollen wirken Willenswesen”⁴³. Эти же слова являются началом одной из мантр Штейнера, которую он давал «одному русскому антропософу» в «1912 г.», как сказано в репринте мантры в собрании сочинений. Приводим полный текст мантры в переводе на русский:

В моих мыслях живут мировые мысли
 В моих чувствах трепещут мировые силы
 В моей воле действуют существа воли

Познать себя хочу я
 В мыслях мировых
 Переживать себя хочу я
 В силах мировых
 Творить себя хочу я
 В существах воли

И не замкнусь я в концах миров
 И в широтах пространства
 А начну себя с концов миров
 И с широт пространства
 И завершусь в себе
 Познавая себя в себе.

Для русского антропософа

1912⁴⁴

Очень вероятно, что этим «русским антропософом» был Андрей Белый, который, однако, использовал в целях медитации только первую часть мантры. В статьях и письмах, однако, он приводил официальную версию из драм-мистерий⁴⁵, которую Штейнер называл «экзотерической», в отличие от приведенной мантры, звучащей от первого лица, которую он характеризовал как «эзотерический» вариант⁴⁶. То, что эти

⁴² Белый А. Медитативная запись и схема (ОР РГБ. Ф. 25. Карт. 46. Ед. хр. 28. Л. 9).

⁴³ Там же. Л. 1–4.

⁴⁴ Steiner R. Mantrische Sprüche. Seelenübungen II. 1903–1925 (GA 268). Dornach, 1999. С. 49. Перевод мой.

⁴⁵ См.: Белый А. Круговое движение // Труды и дни. 1912. № 4–5. С. 72; Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка. С. 189.

⁴⁶ См.: Steiner R. Aus den Inhalten der esoterischen Stunden (GA 266b). С. 447–455.

слова и связанные с ними у Белого символы треугольника и спирали появляются в течение нескольких лет в разных автобиографических источниках, говорит о том, что он поддерживал эту практику по крайней мере в течение семи лет⁴⁷. Как принцип выхода сознания на другие уровни бытия она легла в основу историософской концепции Белого, что вполне последовательно, потому что по антропософскому воззрению развитие человечества является эволюцией на высшие душевно-духовные ступени существования.

При этом в основной схеме культурфилософского развития ИССД отражается весь антропософский идейный космос, который, по собственному свидетельству Белого, стал ему доступен благодаря собственной эзотерической практике. В «Материале к биографии» в записи за сентябрь 1913 г. читаем: «находим <...> в Льяне виллу и усиленно отдаемся медитациям <имеются в виду Белый и Ася Тургенева — А.Ш.;> за этот месяц делаю значительные успехи и космические узнания (о сфере старой луны, солнца, Сатурна <sic>) осеняют меня»⁴⁸. В «Записках чудака» эти же внутренние события даются в поэтической обработке: «в Христиании <...> я из ущелия плоти прошел: в непомерный объем раздававшихся истин до — дальних прозоров о судьбах моих; — и возвысились цели, поднятые к небу (гигантом) в столетиях времени»⁴⁹.

Эти оккультные «прозоры», схваченные и сформулированные Белым с помощью антропософского понятийного аппарата, а также распространенная в культуре Серебряного века эзотерической символикой христианства, являются источником его историософских воззрений и легли в основу общей схемы, стоящей за изложениями в ИССД.

Основную схему составляют круг как символ божественной троицы, четырехугольник как символ земли или Софии, крест как символ человечества и феноменального мира. Последний раскрывается на разных уровнях, от самых тонких до самых грубых феноменальных форм, в категориях пространства и времени. Цветная схема 1927 г. вписана в эту более обширную схему всей историософской концепции ИССД. Категория пространства у Белого относится не только к девяти частям

⁴⁷ Суждение М. Спивак о том, что Белый после возвращения в Россию перестал жить внутренней медитативной жизнью и только внешне остался антропософом, кажется нам поспешным. Рассказ «Йог», в контексте которого Спивак высказывает свое предположение, нам, наоборот, видится описанием собственных оккультных переживаний Белого в связи с событиями вокруг октябрьской революции. См.: *Спивак М.Л.* Рассказ Андрея Белого «Йог»: автобиографический подтекст и эзотерический опыт // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2004. № 2. С. 21; *Спивак М.Л.* Андрей Белый — мистик и советский писатель. М., 2006. С. 202. Наш перевод рассказа на немецкий язык публикуется: Die Drei. 12/2018. S. 17–32.

⁴⁸ *Белый А.* Материал к биографии. С. 138.

⁴⁹ *Белый А.* Записки чудака. С. 434.

человеческого существа, но и к девяти ступеням манифестации космоса, которым содейственны девять космических рангов ангелов. Здесь отражаются древние христианско-эзотерические воззрения, восходящие к Дионисию Ареопагиту. А категории времени соответствуют семь ступеней планетарной эволюции земли, которые, в свою очередь, отражаются в семи периодах земного, в семи эпохах культурного развития и в семи подпериодах эпохи самосознающей души.

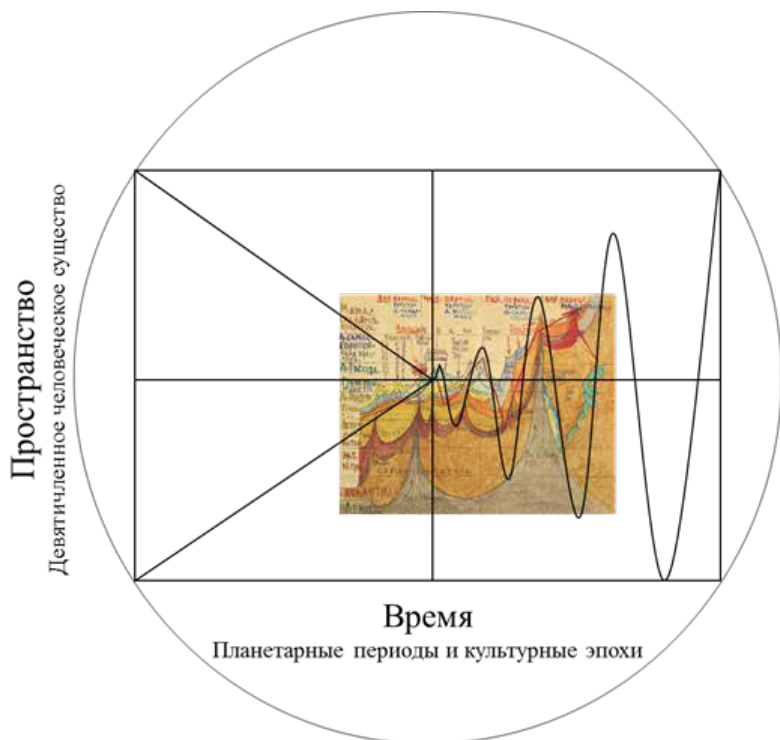

Рис. 6: Схема историософской концепции ИССД⁵⁰

В эту схему вписаны и прямая развития до воплощения Христа — как снисходящая ветка приближения Логоса и как поднимающаяся линия развития вещественных форм — и спираль, которая закручивается после инкорпорации Логоса. Всё более низкие слои бытия и человеческого су-

⁵⁰ Схема воспроизведена на основе различных схем, разбросанных в тексте ИССД. Каркас следует схеме на листе: ОР РГБ. Ф. 25. Карт. 45. Ед. хр. 2. Л. 218 (Белый А. Душа самосознающая. С. 423). Она подтверждается схемами, которые находятся в ОР РГБ и датируются 1912–1916 и 1918 гг. Основные линии этой схемы Белый описывает в ИССД 2 (глава «Душа самосознающая как тема в вариациях»: ОР РГБ. Ф. 25. Карт. 45. Ед. хр. 2. Л. 218–219 об.; Белый А. Душа самосознающая. С. 422–425) и ИССД 3 (глава «От трансформизма к символизму»).

щества перерабатываются и поднимаются по спирали возрастающими оборотами на всё более высокие слои. Развитие, таким образом, происходит внутри многоступенчатого космоса по закону многообразных отражений и повторов и одновременного достижения новых уровней.

Следующий рисунок дает пример того, как Белый воображал связь между развитием человечества и ангельскими иерархиями для послеплатинического периода. В описи фонда Белого в ОР РГБ схема условно датируется дорнахским периодом (1912–1916), что отсылает к записи Белого в «Материале к биографии» от июля 1913 г.: «я усиленно интересуюсь проблемой истории в связи с духовной наукой; составляю таблицы, графические схемы, диаграммы»⁵¹. Примечательно, что уже здесь имеется образ спирали в виде красной линии, закручивающейся после воплощения Логоса или Христа.

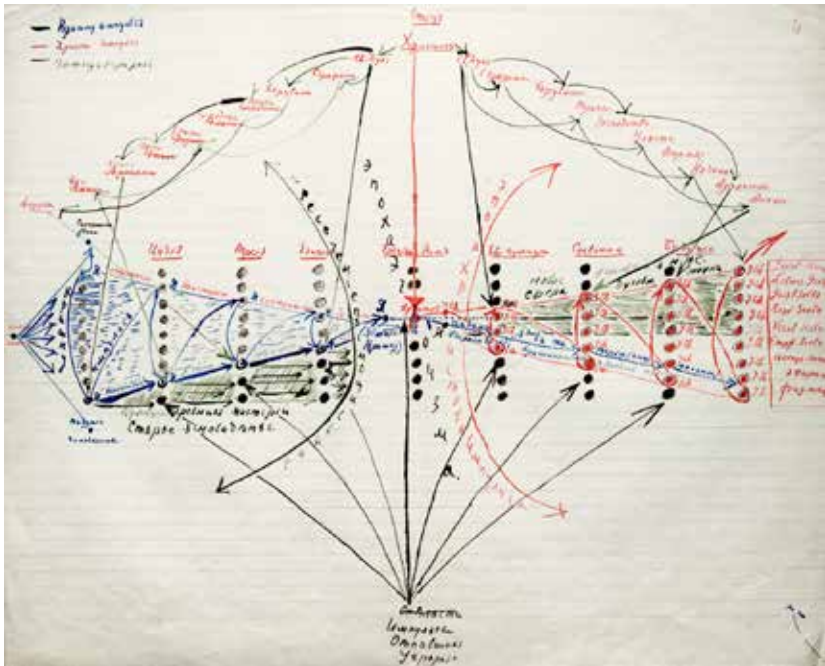

Рис. 7: Импульсы, влияющие на развитие человечества — Кришны (синий), Христа (красный), ангельских иерархий регулярных (зеленый) и отпавших (черный)⁵²

⁵¹ Белый А. Материал к биографии. С. 137.

⁵² ОР РГБ. Ф. 25. Карг. 37. Ед. хр. 1. Л. 18. Вопрос о том, когда именно Белый рисовал эту и ряд других схем из единицы хранения 37, пока остается открытым. Однако не исключено, что датировка верна.

На другом рисунке 1917 г., который служил Белому конспектом для лекции перед антропософской аудиторией, изображены не культурные эпохи, а ступени планетарной эволюции нашей солнечной системы⁵³. Они даются в виде зеленого, оранжевого, синего и красного круга или полукруга, в которые вписаны девять ступеней развития человеческого существа. Цвета относятся к т.н. «старому Сатурну» и к «Вулкану» будущего (зеленый), к «старому Солнцу» и будущей «Венере» (оранжевый), к «старой Луне» и будущему «Юпитеру» (синий), а красный и коричневый цвета в середине соответствуют земле.

Рис. 8: Схема к лекции 1917 г.

В расстановке человеческих фигур прослеживается та же композиция двух прямых и спирали, которая лежит в основе историсофской схемы ИССД, с крестом в центре, который символизирует смерть и воскресение Христа, отражающее, по Белому, судьбу всего человечества. Это показывает рисунок 1918 г., на котором человеческое существо, состоящее, соответственно антропософской антропологии, из трех телесных, трех душевных и трех духовных частей, изображено на всех этих уровнях, т.е. в своих потенциальных и реализованных манифестациях с вписанными туда же двумя линиями и спиралью:

⁵³ Она подробно описана с точки зрения антропософской эзотерики в центральной главе «Очерка тайноведения». См.: Steiner R. Die Geheimwissenschaft im Umriss (GA 13). S. 137–298.

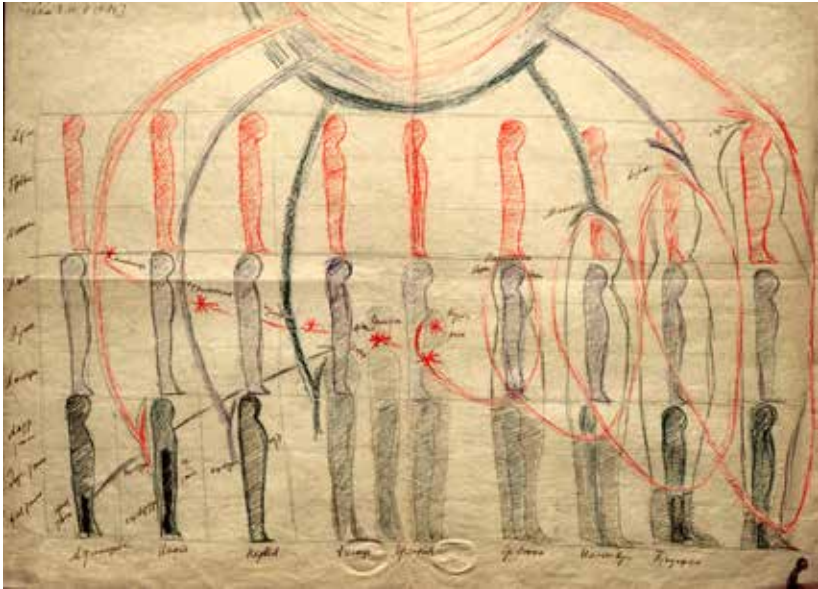

Рис. 9: Схема Андрея Белого 1918 г., перерисовано рукой К.Н. Бугаевой⁵⁴

Идею о том, что культурные эпохи и планетарные периоды совпадают или, по крайней мере, не взаимоисключаются, потому что отражаются друг в друге, Белый высказывает в ИССД. В третьей части, в главе «От трансформизма к символизму» он говорит о «диагонали», которая вписана в нижний левый квадрат четырехугольника (т.е. о прямой восходящей линии эволюции), что она «выявляет всю тему в вариациях (иль дни “сатурна”, дни “солнца”, “луны” и “земли”)⁵⁵».

Надо еще отметить, что на рисунке дорнахского периода, как и на рисунке 1918 г., присутствует мотив, который в ИССД отмечается лишь вскользь: на рис. 9 за спиной средней человеческой фигуры стоит десятая фигура такого же роста с надписью «Кришна», а на рис. 7 всё, что нарисовано синим цветом, относится, как говорит легенда, к «Кришне импульсу»⁵⁶. Циклы лекций о «Бхагавадгите», которые Белого очень впечатлили, Штейнер читал в конце 1912 и в мае 1913 г.⁵⁷

⁵⁴ ОР РГБ. Ф. 25. Карт. 46. Ед. хр. 30. Л. 5.

⁵⁵ ИССД 3: «От трансформизма к символизму» (ОР РГБ. Ф. 25. Карт. 45. Ед. хр. 1. Л. 346 об.).

⁵⁶ В ИССД Белый упоминает Кришну лишь в первой части, где говорится не только о том, что уже в Древней Индии готовилась культура человеческого «я», но и о том, что учение Иисуса превышает то, что было дано Кришной, см.: ИССД 1: «I.9. Христос Иисус» (ОР РГБ. Ф. 25. Карт. 45. Ед. хр. 1. Л. 60 об.).

⁵⁷ См.: Steiner R. Die Bhagavad Gita und die Paulusbriefe (GA 142). Dornach, 1982; Steiner R. Die okkulten Grundlagen der Bhagavad Gita (GA 146). Dornach, 1992.

Другой интересный факт: для обозначения душевных и духовных частей человеческого существа Белый использует на рисунке дорнахского периода немецкие термины, а в 1918 г. уже русские, но душу самосознающую сокращает до «Д. созн.», что может обозначать «Душа сознающая» или «Душа сознательная» (последним термином А.Р. Минцлова переводила немецкое «Bewusstseinsseele»)⁵⁸. Выражение «душа самосознающая» до ИССД встречается у Белого редко⁵⁹. В «Тезисах 12-ти лекций» 1921 г., конспекте историко-философского курса, термин уже используется как устойчивое выражение, связанное с определенными культурными явлениями, во многом совпадающими с историософской концепцией ИССД. О том, что этому труду предшествовала потерянная книга по философии культуры, содержащая как раз то, что в виде тезисов изложено в конспектах 1921 г., свидетельствуют слова Белого в письме Асе Тургеневой от 11 ноября 1921 г.:

<...> с сентября <1920> до января <1921> я написал книгу по философии культуры и черновик *Эпопеи* (1-го тома) работая безумно много, до нервного изнеможенья. Книга по «Философии и Культуре» потеряна (это была лучшая моя книга теоретическая: Антропософское обоснование культуры; не я потерял, но мне потеряли ее — Виноградов, который хотел для меня снять копию)⁶⁰.

Значит, надо исходить из того, что в 1926 и 1931 гг., набрасывая текст ИССД, Белый частично восстанавливал однажды уже написанный, но потерянный текст, а над своей историософской концепцией работал с 1913 г.⁶¹, сначала пытаясь вникать в концепции Штейнера, а потом всё больше индивидуализируя ее. Из данных положений, касающихся развития исторической концепции Белого, можно заключить, что сначала он

⁵⁸ Так Минцлова перевела немецкий термин “Bewusstseinsseele”. См.: *Штейнер Р.* Теософия. Введение в сверхчувственное познание мира и назначение человека / Пер. А.Р. Минцловой. СПб., 1910.

⁵⁹ В 1915 г он использует термин «душа самосознающая» один раз в книге «Рудольф Штейнер и Гете в мировоззрении современности» и в одном месте в «Кризисе культуры» (*Белый А.* Собрание сочинений. Т. 7: Рудольф Штейнер и Гете. С. 86; *Белый А.* На перевале III. Кризис культуры. С. 27).

⁶⁰ Письмо Андрея Белого // Воздушные пути: Альманах. 1967. № 5. С. 306. Курсив в оригинале.

⁶¹ Об истории создания ИССД см.: *Спивак М.Л.* Андрей Белый в работе над трактатом «История становления самосознающей души» // *Russian Literature*. 2011. Vol. 70. Iss. 1–2; Andrej Belyj’s “Istorija stanovlenija samosoznajuščeju duši”. P. 1–19; *Шмаль Х.* Проблемы текстологии «Истории становления самосознающей души» Андрея Белого: датировка и композиция // *Арабески Андрея Белого: Жизненный путь. Духовные искания. Поэтика: сборник статей по материалам научной конференции / Ред.-сост. К. Ичин, М. Спивак. М., Белград, 2017. С. 492–508; *Schmitt A.* Hermetischer Symbolismus. S. 45–58. Первые два исследования не учитывают ни письмо Асе Тургеневой, ни схемы на рис. 7 и 9, которые здесь публикуются впервые.*

построил основную модель исторического развития на основе антропософской антропологии и культурологии, а также своего медитативного опыта, и только потом стал соотносить ее с конкретными фактами культурной жизни. Общая форма хода культурной эволюции, т.е. спираль, была заложена а priori, а конкретные феномены подстраивались Белым под готовую схему. Об этом свидетельствует его собственное удивление и восторг от того, что события и схема спирали действительно совпадают:

<...> входя в детали, я вижу, что попал в какую-то точку ритма истории, что выясняется не столько из общего плана мысли, сколько из мелких штрихов и данных истории; подходя к иным из них, я почти вскрикиваю от изумления, — до чего они становятся транспарирующими и заново говорящими в свете приложения к ним антропософской кривой⁶².

Предположение Х. Шталь о том, что Белый проецировал естественную феноменологию Гете на историю человечества⁶³, этим опровергается, т.к. на первом месте у Белого стоит не феномен, а схема спирали, в которой он уже в юном возрасте увидел наиболее подходящий способ описания культурного развития⁶⁴. Медитативной практикой антропософии подтверждалось его предположение универсальности схемы спирали как инструмента для схематизации эволюционных процессов, целью которых является взаимное проникновение и интеграция материального и духовного бытия.

Заключение

Реконструкция генезиса спирали и культурфилософской концепции позднего Белого наряду с исследованием относящегося к ней материала показывает, что он отнюдь не был ни слепым последователем Штейнера, ни бестолковым идиотом и сумасшедшим, а разработал вполне последовательную систему, построенную на традициях античных мистерий, эзотерического христианства и алхимического герметизма⁶⁵, вплоть до

⁶² Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка. С. 353.

⁶³ См.: Шталь Х. Спираль или ритмический жест истории. С. 619–622; Stahl H. Die rhythmische Geste. С. 190–195. Ср. иную точку зрения: Schmitt A. Hermetischer Symbolismus. S. 160–168.

⁶⁴ См.: «если прямая символизирует безвозвратное прохождение мимо, то круг — вечное возвращение <...>. В спирали совмещение прямой и круга.» (Белый А. Собрание сочинений. Т. 8. М., 2012. С. 180; статья написана в 1903 г.).

⁶⁵ Этот аспект здесь не рассматривается, он заслуживает особого внимания. О метафорическом слое культурфилософской концепции ИССД в этом контексте см.: Schmitt A. Hermetischer Symbolismus. S. 310–318.

учения Штейнера, и личном внутреннем опыте, приобретенном на основе медитативных техник антропософии. Учитывая многочисленное, пока еще частично опубликованное графическое наследие Белого, можно догадываться, что его историософская концепция была чрезвычайно сложна и многогранна и что он успел изложить письменно лишь часть того богатого и динамичного внутреннего космоса, в котором жил и творил. Как было показано, нельзя отделить эзотерическую практику от историософских идей, которые тесно переплетены и освещают друг друга. Исследователю позднего творчества Белого необходимо соотносить его биографическое наследие — которое является отнюдь не передачей непосредственного опыта, но всегда в большей или меньшей степени обработанным и выстроенным на основе сложных теорий материалом, — с графическими схемами и с историософскими и поэтологическими концепциями.

Поскольку творчество Белого после 1912 г. находится под сильным влиянием учения Штейнера, а также его личной эзотерической практики, оно становится герметичным для восприятия за счет многочисленных ссылок на различные, не только антропософские системы. В переплетении личного эзотерического опыта с геометрической схематизацией и философской концептуализацией можно увидеть продолжение традиции европейской герметики. Это побудило нас определить его поздний метод как «герметический символизм»⁶⁶. Этим термином предлагается новая парадигма для обозначения позднего творчества символиста, которая дополняет определения мюнхенского слависта Ааге Ханзен-Лёве. В своей трилогии о русском символизме он назвал первый этап «диаболическим», второй «мифопоэтическим» и третий период, начиная с 1907 г., — «гротескно-карнавальным» символизмом⁶⁷. К этому периоду, который Ханзен-Лёве не успел описать, еще можно причислить «Серебряный голубь» и «Петербург», но к «Котику Летаеву» и другим автобиографическим романам дорнахского и более позднего времени это определение никак не подходит. Думается, что термин «герметический символизм» особенно подходит для обозначения периода после возвращения в Россию, когда писатель, мыслитель и теоретик усиленно продолжал разрабатывать собственную эзотерическую систему, которая легла в основу многогранного позднего творчества.

⁶⁶ Так озаглавлена и наша работа: *Schmitt A. Hermetischer Symbolismus.*

⁶⁷ См.: *Hansen-Löve A.A. Der russische Symbolismus. Bd. 1: Diabolischer Symbolismus; Bd. 2: Mythopoetischer Symbolismus. 1. Kosmische Symbolik; Bd. 3: Mythopoetischer Symbolismus. 2. Lebensmotive. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 1989/1998/2014. В последнем томе см. особенно с. 7 и сл.*

Литература

Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка / Публ., вступ. ст., коммент. А.В. Лаврова и Дж. Малмстада; подгот. текста Т.В. Павловой, А.В. Лаврова, Дж. Малмстада. СПб.: Atheneum; Феникс, 1998. 736 с.

Белый А. Душа самосознающая / Сост. и ст. Э.И. Чистяковой. М.: Канон+, 1999. 560 с.

Белый А. Материал к биографии // Литературное наследство. Т. 105: Андрей Белый. Автобиографические своды. Материал к биографии. Ракурс к дневнику. Регистрационные записи. Дневники 1930-х годов / Сост. А.В. Лавров, Дж. Малмстад; науч. ред. М.Л. Спивак; отв. ред. А.Ю. Галушкин, О.А. Коростелев. М.: Наука, 2016. С. 29–328.

Белый А. Собрание сочинений. Т. 3: Серебряный голубь: Рассказы / Сост., предисл., коммент. В.М. Пискунова. М.: Республика, 1995. 335 с.

Белый А. Собрание сочинений. Т. 6: Котик Летаев. Крещеный китаец. Записки чудака / Общ. ред. и сост. В.М. Пискунова. М.: Республика, 1997. 543 с.

Белый А. Собрание сочинений. Т. 7: Рудольф Штейнер и Гете в мировоззрении современности. Воспоминания о Штейнере / Сост., коммент. и послесл. И.Н. Лагутиной. М.: Республика, 2000. 719 с.

Белый А. Собрание сочинений. Т. 8: Арабески: Кн. статей; Луг зеленый: Кн. статей / Общ. ред., послесл. и коммент. Л.А. Сугай; Сост. А.П. Полякова, П.П. Апрышко. М.: Республика; Дмитрий Сечин, 2012. 590 с.

Кацис Л.Ф. Семантика рисунков Андрея Белого, соотносимых с «Историей становления самосознающей души» // Миры Андрея Белого / Сост. К. Ичин, М. Спивак. Белград, М.: Изд-во филологического факультета Белградского ун-та, 2011. С. 638–656.

Петров В.В. Телеология, четвертое измерение и обратный ход времени в работах А. Белого, Вячеслава Иванова и М. Волошина // Вячеслав Иванов: исследование и материалы. Вып. 3 / Сост. С.В. Федотова, А.Б. Шишкин. М.: ИМЛИ, 2018. С. 13–61.

Силард Л.А. Герметизм и герменевтика. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2002. 328 с.

Спивак М.Л. Андрей Белый в работе над трактатом «История становления самосознающей души» // Russian Literature. 2011. Vol. 70. Iss. 1–2: Andrej Belyj's "Istoriija stanovlenija samosoznajuščej duši". P. 1–19.

Спивак М.Л. Андрей Белый — мистик и советский писатель. М.: РГГУ, 2006. 577 с.

Спивак М.Л. Рассказ Андрея Белого «Йог»: автобиографический подтекст и эзотерический опыт // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2004. № 2. С. 13–22.

Шталь Х. Генезис понятия самосознающей души и «История становления самосознающей души» Андрея Белого // Russian Literature. 2011. Vol. 70. Iss. 1–2: Andrej Belyj's "Istoriija stanovlenija samosoznajuščej duši". P. 21–37.

Шталь Х. Медитативный опыт Андрея Белого и «История становления самосознающей души» // Автобиографизм и биографические практики / Под ред. К. Кривеллер, М.Л. Спивак. СПб.: Нестор-История, 2015. С. 80–101.

Шталь Х. «Печать самосознающей души»: Символизм как «плюро-дуо-монизм» у позднего Андрея Белого // Symbol w kulturze rosyjskiej / Red. naukowa K. Duda, T. Obolevich. Kraków: Ignatianum, 2010. С. 587–603.

Шмаль Х. Проблемы текстологии «Истории становления самосознающей души» Андрея Белого: датировка и композиция // *Арабески Андрея Белого: Жизненный путь. Духовные искания. Поэтика: Сб. статей по материалам научной конференции / Ред.-сост. К. Ичин, М. Спивак. М., Белград: Филологический ф-т Белградского университета, 2017. С. 492–508.*

Шмаль Х. Спираль или ритмический жест истории: рисунок к «Истории становления самосознающей души» Андрея Белого // *Миры Андрея Белого / Сост. К. Ичин, М. Спивак. Белград, М.: Изд-во филологического факультета Белградского ун-та, 2011. С. 618–637.*

Andrej Belyj. Symbolismus — Anthroposophie — Ein Weg. Texte, Bilder, Daten / Ed. T. Gut. Dornach: Rudolf Steiner Verlag, 1997. 363 s.

Belyj A. Der Yogi. Aus dem Russischen von Angelika Schmitt // *die Drei*. 12/2019. S. 17–32.

Belyj A., Florenskij P. “...nicht anders als über die Seele des anderen“. Der Briefwechsel. Texte / Ed. F. und S. Mierau. Ostfildern: Edition Tertium, 1994. 198 s.

Cassedy St. Bely the Thinker // *Andrey Bely. Spirit of Symbolism*. Ithaca, London, 1987. P. 313–335.

Ewertowski J. Die Entdeckung der Bewusstseinsseele: Wegmarken des Geistes. Stuttgart: Freies Geistesleben, 2007. 236 s.

Schmitt A. Die imaginative Chiffrenschrift von Andrej Belyjs kulturphilosophischem Spätwerk // *Bilderfahrten im Zwischenraum von Kunst, Philosophie und Pädagogik / Ed. M. Bunge, A. Wiehl. Wien: Residenz Verlag (в печати).*

Schmitt A. Hermetischer Symbolismus: Andrej Belyjs “Istorija stanovenija samosoznajuščej duši”. Frankfurt a. M.: Peter Lang (в печати).

Stahl H. Die rhythmische Geste: Symptomatologie und Prognostik in Andrej Belyjs “Geschichte des Werdens der Selbstbewusstseinsseele” // *Visionen der Zukunft um 1900. Deutschland, Österreich, Russland. Hrsg. v. S. Taškenov, D. Kemper in Zusammenarbeit mit V. Kantor (Schriftenreihe des Instituts für russisch-deutsche Literatur- und Kulturbeziehungen an der RGGU Moskau, hrsg. v. D. Kemper. Band 10). Paderborn: Fink, 2014. S. 187–221.*

References

Andrei Belyi i Ivanov-Razumnik. Perepiska [Andrei Bely and Ivanov-Razumnik. Correspondence], publ., intro., comment. by A.V. Lavrov and J. Malmstad, ed. by T.V. Pavlova, A.V. Lavrov, J. Malmstad. St. Petersburg, Atheneum Publ., Feniks Publ., 1998. 736 p. (In Russ.)

Andrej Belyj. Symbolismus — Anthroposophie — Ein Weg. Texte, Bilder, Daten, ed. T. Gut. Dornach, Rudolf Steiner Verlag, 1997. 363 s.

Belyi A. *Dusha samosoznaiushchaia* [Self-conscious soul], comp. and article by E.I. Chistiakova. Moscow, Kanon+ Publ., 1999. (In Russ.)

Belyi A. Material k biografii [Biography material]. *Literaturnoe nasledstvo. T. 105: Andrei Belyi. Avtobiograficheskie svody: Material k biografii. Rakurs k dnevniku. Registratsionnye zapisi. Dnevniki 1930-kh godov* [Literary heritage. Vol. 105: Andrei Bely. Autobiographical codes. Biography material. An aspect for the diary. Registration records. 1930s diaries], comp. by A.V. Lavrov, J. Malmstad, ed. by M.L. Spivak. Moscow, Nauka Publ., 2016, pp. 29–328. (In Russ.)

Belyi A. *Sobranie sochinenii. T. 3: Serebrianyi golub': Rasskazy* [Collected works. Vol. 3: The silver dove: Short stories], comp., intro., comment. by V.M. Piskunov. Moscow, Respublika Publ., 1995. 335 p. (In Russ.)

Belyi A. *Sobranie sochinenii. T. 6: Kotik Letaev. Kreshchenyi kitaets. Zapiski chudaka* [Collected works. Vol. 6: Kotik Letaev. The baptized chinaman. Notes of an eccentric], ed. and comp. by V.M. Piskunov. Moscow, Respublika Publ., 1997. 543 p. (In Russ.)

Belyi A. *Sobranie sochinenii. T. 7: Rudol'f Shteiner i Gete v mirovozzrenii sovremenosti. Vospominaniia o Shteinere* [Collected works. Vol. 7: Rudolf Steiner and Goethe in the modern worldview. Memoirs on Steiner], comp., comment. and afterword by I.N. Lagutina. Moscow, Respublika Publ., 2000. 719 p. (In Russ.)

Belyi A. *Sobranie sochinenii. T. 8: Arabeski: Kn. statei; Lug zelenyi: Kn. statei* [Collected works. Vol. 8: Arabesques: Book of articles; Green meadow: Book of articles], ed., afterword and comment. by L.A. Sugai, comp. by A.P. Poliakov, P.P. Apryshko. Moscow, Respublika Publ., Dmitrii Sechin Publ., 2012. 590 p. (In Russ.)

Belyj A. Der Yogi, aus dem Russischen von Angelika Schmitt. *die Drei*, 12/2019, s. 17–32.

Belyj A., Florenskij P. “...nicht anders als über die Seele des anderen“. *Der Briefwechsel. Texte*, ed. F. und S. Mierau. Ostfildern, Edition Tertium, 1994. 198 s.

Cassedy St. Bely the Thinker. *Andrey Bely. Spirit of Symbolism*. Ithaca, London, 1987, pp. 313–335.

Ewertowski J. *Die Entdeckung der Bewusstseinsseele: Wegmarken des Geistes*. Stuttgart, Freies Geistesleben, 2007. 236 s.

Katsis L.F. Semantika risunkov Andreja Belogo, sootnosimyh s “Istoriej stanovlenija samosoznajushhej dushi” [The semantics of Andrei Bely's drawings correlated to “The history of formation of a self-conscious soul”]. *Miry Andreia Belogo* [Worlds of Andrei Bely], comp. by K. Ichin, M. Spivak. Belgrad, Moscow, Belgrad University Philology Department Publ., 2011, pp. 638–656. (In Russ.)

Petrov V.V. Teleologiya, chetvertoe izmerenie i obratnyi khod vremeni v rabotakh Andreia Belogo, Viach. Ivanova i M. Voloshina [Teleology, the fourth dimension and the time running backwards in the works of Andrei Bely, Vyach. Ivanov and M. Voloshin]. *Viacheslav Ivanov: issledovaniia i materialy. Vyp. 3* [Vyacheslav Ivanov: studies and materials. Iss. 3], comp. by S.V. Fedotova, A.B. Shishkin. Moscow, Institute of World Literature Publ., 2018, pp. 13–61. (In Russ.)

Schmitt A. Die imaginative Chiffrenschrift von Andrej Belyjs kulturphilosophischem Spätwerk. *Bilderfahrten im Zwischenraum von Kunst, Philosophie und Pädagogik*, ed. M. Bunge, A. Wiehl. Wien, Residenz Verlag (in print).

Schmitt A. *Hermetischer Symbolismus: Andrej Belyjs “Istorija stanovlenija samosoznajuščeĭ duši”*. Frankfurt a. M., Peter Lang (in print).

Shtal' Kh. “Pechat' samosoznauishchei dushi”: Simvolizm kak “pliuro-duo-monizm” u pozdnego Andreia Belogo [“The seal of a self-conscious soul”: Symbolism as “pluro-duo-monism” in late works of Andrei Bely]. *Symbol w kulturze rosyjskiej*, red. naukowa K. Duda, T. Obolevich. Kraków, Ignatianum, 2010, pp. 587–603. (In Russ.)

Shtal' Kh. Genezis poniatia samosoznauishchei dushi i “Istoriia stanovlenia samosoznauishchei dushi” Andreia Belogo [The genesis of the concept of self-conscious soul and Andrei Bely's “The history of formation of a self-conscious soul”]. *Russian Literature*, 2011, vol. 70, iss. 1–2, Andrej Belyj's “Istorija stanovlenija samosoznajuščeĭ duši”, pp. 21–37. (In Russ.)

Shtal' Kh. Meditativnyi opyt Andreia Belogo i "Istoriia stanovleniia samosoznaiushchei dushi" [Andrei Bely's experience of meditation and "The history of formation of a self-conscious soul"]. *Avtobiografizm i biograficheskie praktiki* [Autobiographism and biographical practices], ed. by K. Kriveller, M.L. Spivak. St. Petersburg, Nestor-Istoriia Publ., 2015, pp. 80–101. (In Russ.)

Shtal' Kh. Problemy tekstologii "Istorii stanovleniia samosoznaiushchei dushi" Andreia Belogo: datirovka i kompozitsiia [Textology issues of Andrei Bely's "The history of formation of a self-conscious soul": dating and composition]. *Arabeski Andreia Belogo: Zhiznennyi put'. Dukhovnye iskaniia. Poetika: Sb. statej po materialam nauchnoj konferencii* [Andrei Bely's arabesques: Path of life. Spiritual searching. Poetics: Proc. Sci. Conf.], ed. and comp. by K. Ichin, M. Spivak. Moscow, Belgrad, Belgrad University Philology Department Publ., 2017, pp. 492–508. (In Russ.)

Shtal' Kh. Spiral' ili ritmicheskii zhest istorii: risunok k "Istorii stanovleniia samosoznajushhej dushi" Andreia Belogo [The spiral or the rythmical gesture of history: the drawing for Andrei Bely's "The history of formation of a self-conscious soul"]. *Miry Andreia Belogo* [Worlds of Andrei Bely], comp. by K. Ichin, M. Spivak. Belgrad, Moscow, Belgrad University Philology Department Publ., 2011, pp. 618–637.

Silard L.A. *Germetizm i germenevtika* [Hermetism and hermeneutics]. St. Petersburg, Ivan Limbakh Publ., 2002. 328 p. (In Russ.)

Spivak M.L. *Andrei Belyi — mistik i sovetskii pisatel'* [Andrei Bely — mystic and Soviet writer]. Moscow, Russian State University for the Humanities Publ., 2006. 577 p. (In Russ.)

Spivak M.L. Andrei Belyi v rabote nad traktatom "Istoriia stanovleniia samosoznaiushchei dushi" [Andrei Bely working on the treatise "The history of formation of a self-conscious soul"]. *Russian Literature*, 2011, vol. 70, iss. 1–2, Andrej Belyj's "Istoriia stanovleniia samosoznajuščeĭ duši", pp. 1–19. (In Russ.)

Spivak M.L. Rasskaz Andreia Belogo "Jog": avtobiograficheskiei podtekst i ezotericheskii opyt [Andrei Bely's short story "The yogi": autobiographical subtext and esoteric experience]. *Izvestiia RAN, seriia literatury i iazyka*, 2004, no. 2, pp. 13–22. (In Russ.)

Stahl H. Die rhythmische Geste: Symptomatologie und Prognostik in Andrej Belyjs "Geschichte des Werdens der Selbstbewusstseinsseele". *Visionen der Zukunft um 1900. Deutschland, Österreich, Russland*, hrsg. v. S. Taškenov, D. Kemper in Zusammenarbeit mit V. Kantor (Schriftenreihe des Instituts für russisch-deutsche Literatur- und Kulturbeziehungen an der RGGU Moskau, hrsg. v. D. Kemper. Band 10). Paderborn, Fink, 2014, s. 187–221.

Andrei Bely's experience of meditation as a key to his historiosophical conception of "self-conscious soul"

© 2018, Angelika Schmitt

Abstract: The article points out the connection between the Russian symbolist Andrei Bely's esoteric experience and his late historiosophical conception, which he wrote down in the unfinished work "The History of Formation of a Self-conscious Soul". It is to be shown, that Bely's philosophy of culture is not just a paraphrase of ideas he borrowed from his esoteric teacher Rudolf Steiner, but is built on his own views on the development of human history and culture, which grounds on his individual understanding of Steinerian ideas and his personal experience with the anthroposophic meditation techniques. The basic term of Bely's historiosophical work, the concept of "self-conscious soul" and its esoteric contexts are only briefly outlined and the baselines of this philosophy of culture are demonstrated. The genesis and signification of the "spiral of history", which underlies Bely's conception, are considered in more details. It is claimed, that an appropriate qualification for the later philosophical, literary and theoretical works of Andrei Bely is the term "hermetic symbolism".

Keywords: Andrei Bely, Rudolf Steiner, "The History of Formation of a Self-conscious Soul", philosophy of culture, historiosophy, anthroposophy, meditation, esotericism, spiral of history, curve of history

Information about the author: Angelika Bettina Schmitt, PhD student, Universität Trier, Germany. E-mail: schmittan@uni-trier.de

Citation: Schmitt Angelika. Andrei Bely's experience of meditation as a key to his historiosophical conception of "self-conscious soul". *Literary fact*, 2018, no. 10, pp. 267–292.

С.Н. ДУРЫЛИН — ИСТОРИК ЛИТЕРАТУРЫ

Художественное и научное наследие С.Н. Дурылина, которое в последнее десятилетие вызывает повышенное внимание¹, многосторонне и в жанровом и тематическом отношении разнообразно даже по меркам творческого универсализма русского Серебряного века. Причем дело не только в продолжительном (полувековом) творческом пути писателя и ученого — многообразие его интересов (стихи и проза, история русской и мировой культуры, духовные и педагогические проблемы, литературное, религиозное, театральное, музыкальное наследие) определилось еще в предреволюционные годы. И если религиозно-философские искания и исследования начиная с 1920-х годов стали «потаенными», то занятия Дурылина Гоголем, Лермонтовым продолжались с конца 1900-х до самой смерти ученого. Оценивая современное состояние изучения наследия Дурылина, Н.А. Богомолов отметил, что «исследователи явно находятся только в начале пути. Малопонятен Дурылин 1910-х годов, аресты и ссылки разбивают его биографию 1920-х, а Дурылин, писавший в 1930–1950-е об официально признанных деятелях русской культуры, мало кому сейчас интересен. И потому даже лежащие на поверхности сведения о его трудах и днях зачастую остаются необследованными»².

Задача исследовательского проекта «С.Н. Дурылин — историк литературы: От “Мусагета” до Академии наук СССР. (Новые материалы)» (поддержан РФФИ, № 18-012-00746) восполнить данный пробел, одновременно показав, что статьи (и неоконченные книги) Дурылина 1930 — начала 1950-х тоже представляют интерес и являются наглядным примером эволюции методологии, стиля, тематического ракурса отечественной науки о литературе первой половины истекшего века.

С.П.

¹ См. жизнеописание в серии «ЖЗЛ»: *Торопова В.* Сергей Дурылин. М.: Молодая гвардия, 2014. Издания: *Дурылин С.* Собр. соч.: В 3 т. / Сост. А. Галкин. М.: Журнал «Москва», 2014; *Дурылин С.Н.* Рассказы, повести, хроники Сергея Раевского / Сост. А.И. Резниченко, Т.Н. Резвых. СПб.: Владимир Даль, 2014; *Дурылин С.Н.* Статьи и исследования 1900–1920 годов / Сост. А.И. Резниченко, Т.Н. Резвых. СПб.: Владимир Даль, 2014. Две части научного изд. «С.Н. Дурылин и его время» под ред. А.И. Резниченко (М.: Модест Колеров, 2010–2011), два выпуска сб. «Творческое наследие С.Н. Дурылина» (сост. А. Галкин. М.: Совпадение, 2013–2016), основанные на материалах конференций, посвященных биографии и творчеству Дурылина.

² *Богомолов Н.А.* Из комментаторских заметок. 4. К публикации статей С.Н. Дурылина о символизме // *Литературный факт.* 2017. № 4. С. 277.

DOI 10.22455/2541-8297-2018-10-294-306
УДК 801.61, 821.161.1

С.Н. Дурылин и Метнеры: К истории творческих взаимоотношений*

© 2018, Г.В. Нефедьев

Аннотация: Многолетнее общение с семейством Метнеров оставило заметный след в биографии и творческом развитии С.Н. Дурылина. Литературные, музыкальные, художественные, философские интересы братьев Метнеров раздвигали горизонты творческих поисков Дурылина в начале 1910-х годов. С издательством «Мусагет», творческими кружками и журналом «Труды и дни», существовавшими при этом издательстве Эмилия Метнера, связаны занятия Дурылина искусством символизма, его статьи о Рихарде Вагнере, Франциске Ассизском и др. Дурылин стал домашним учителем племянника братьев Метнеров – Андрея Сабурова (в статье публикуются обращенные к нему стихи Дурылина), который позже, в 1920–1930-е годы станет помощником и конфиденнтом Дурылина в историко-литературоведческих работах. Статья основана на архивных материалах.

Ключевые слова: С.Н. Дурылин, Метнеры, Сабуровы, «Мусагет», история русской литературы, творческая биография

Информация об авторе: Георгий Владимирович Нефедьев, научный сотрудник МБУК МОК, отдел «Мемориальный Дом-музей С.Н. Дурылина», Москва, Россия

E-mail: gneff@inbox.ru

Цитирование: *Нефедьев Г.В.* С.Н. Дурылин и Метнеры: К истории творческих взаимоотношений // Литературный факт. 2018. № 10. С. 294–306.

* Исследование осуществлено при финансовой поддержке РФФИ, проект «С.Н. Дурылин — историк литературы: От “Мусагета” до Академии наук СССР. (Новые материалы)». № 18-012-00746.

«Раздавались звонки; являлись женатые братья: хорошо одетый остряк, в стиле Диккенса, брат Карл Карлович и молодой Александр Метнер с испуганными голубыми глазами; являлась сестра, Софья Карловна, ее муж, Сабуров, тривиально самоуверенный, немолодой и неглупый художник Штембер, родственник Метнеров; многочисленное семейство внимало "Миле", верховоду и дирижеру. [...] Придешь — все на цыпочках: Карл Петрович, Александра Карловна, братья Александр и Карл, сестра Софья, Сабуров и Штембер:

— Тсс... Миля — работает... Тс... Коля сочиняет», — так, в своей немного шаржированной стилистике, Андрей Белый описал квартиру в Малом Гнезниковском переулке и ее обитателей — членов семьи Метнер¹.

Тема взаимоотношений Сергея Николаевича Дурылина (1886–1954) — писателя, искусствоведа, педагога, историка литературы и театра, с представителями семьи Метнер еще не становилась специальным объектом исследований по истории русской культуры начала XX века². Между тем имена наиболее известных представителей этой семьи, преимущественно Эмилия Карловича и Николая Карловича Метнеров, присутствуют как в переписке Дурылина на протяжении более 40 лет, так и в его мемуарах³.

Семья Метнер — целая плеяда композиторов, художников, философов, органистов, чей вклад в музыкально-художественную культуру и русское искусство в полной мере еще не оценен. В нашу задачу не входит подробное освещение генеалогии семьи Метнер. Тем не менее небольшой экскурс в ее историю необходимо дать, используя имеющиеся источники по данному вопросу⁴.

Фамилия Метнер (Medtner) имеет датское происхождение. Метнеры эмигрировали из Шлезвиг-Голштинии в Россию приблизительно в конце XVIII — начале XIX столетия. Карл Петрович Метнер (1846–1921),

¹ *Белый А.* Начало века. М.: Художественная литература, 1990. С. 95.

² Исключение составляет содержательная статья Т.Н. Резвых, предваряющая публикацию писем С.Н. Дурылина к Э.К. Метнеру и Н.К. Метнеру: «Долго, долго мог бы я беседовать с Вами...» Дурылин, Метнеры и Васильев: годы разговора // Книгоиздательство «Мусaget». История. Мифы. Результаты. Исследования и материалы / Сост., вступит. ст. А. Резниченко. М., 2014. С. 229–252.

³ См.: *Дурылин С.Н.* В своем углу. М.: Молодая гвардия, 2006.

⁴ См.: письмо Э.К. Метнера к П.Д. Эттингеру от 27 сентября 1921 г. // *Метнер Н.К.* Статьи, материалы, воспоминания. / Под ред. З.А. Апетян. М.: Советский композитор, 1981. С. 290–300; *Сабурова М.* Неизвестные портреты из семейного архива (Творчество Минны Гебхард и судьбы Гедике, Метнеров, Сабуровых) // Столицы и усадьбы. 2008. № 1/5. С.111–116; *Сабурова М.* Понсовы, Гедике, Метнеры, Сабуровы // Московский журнал. 2005. № 4. С. 41–49. Далее приводимые сведения о родословных корнях семьи Метнер приводятся в основном по этим публикациям.

отец Эмилия и Николая, директор акционерной компании «Московская кружевная фабрика», был женат на Александре Карловне Гедике (1843–1918) — дочери органиста и композитора Карла Андреевича Гедике (его предки были выходцами из Швеции) и певицы Полины Федоровны Гедике (ур. Гебхард). Ее отец, Фридрих Альберт Гебхард (1769–?), принадлежал к древнейшему немецкому роду органистов из Тюрингии (возможно, связанному с Бахами). «Фридрих Гебхард не последовал своим родителям — органистам в продолжении их призвания и изменил свою судьбу в поисках иной профессии. Будучи пламенной артистической натурой, он отправился с бродячим театром в Россию. Достигнув Риги, он покорила дочь остзейского барона Марию фон Штейн и бежал с ней в Петербург. Обладая артистическими и вокальными дарованиями, они стали артистами двух императорских сцен: драматической немецкой и оперной итальянской. Коронными их ролями считались Отелло и Дездемона, причём они играли по-немецки в драме Шекспира и по-итальянски в опере Россини. Фридрих Гебхард, кроме артистической деятельности, писал стихи и драматические произведения, был широко образованным человеком и находился в переписке с Р. Вагнером и И. Гёте, а также с другими мыслителями своего времени. У четы Гебхардов было пятеро детей: четыре дочери и сын. Они получили отчество по имени, которое закрепилось за Фридрихом в России — Фёдор. Все дети обладали незаурядными дарованиями»⁵.

Одна из дочерей, — Минна (Вильгельминна) Фёдоровна (1809–1888), в молодости была известной миниатюристой. Ее кисти принадлежат многие семейные портреты, автопортрет, а также портреты представителей различных аристократических семей, в том числе Александра II. Еще более известным художником-портретистом был племянник Карла Петровича Метнера — Виктор Карлович Штембер (1863–1921) — член Санкт-Петербургского общества художников и Московского общества любителей художеств⁶. Работая в основном в жанре салонного академизма, он создал удивительные портреты (великой княгини Елизаветы Федоровны, М.К. Морозовой, Шереметьевых, Юсуповых), рисовал обнаженную натуру, пейзажи русской деревни. Сохранились многие его семейные портреты, в том числе Николая Карловича и Эмилия Карловича Метнера⁷.

⁵ См.: *Сабурова М.* Неизвестные портреты из семейного архива. С. 111–112.

⁶ Подробнее о биографии В.К. Штембера см. в кн.: *Литвинов А.* Это было давно... и совсем недавно. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2014. Т. 1.

⁷ Портрет Н.К. Метнера находится в экспозиции Государственного Центрального музея музыкальной культуры им. М.И. Глинки, а портрет Э.К. Метнера в Мемориальном Доме-музее С.Н. Дурылина в Болшеве.

У Александры Карловны Гедике и Карла Петровича Метнера было 6 детей, из которых трое внесли свой неповторимый вклад в русскую и мировую культуру: Николай Карлович Метнер (1880–1951) — пианист и композитор, чье творчество вошло в золотой фонд классики мировой музыкальной культуры; Александр Карлович Метнер (1877–1961) — композитор, скрипач, педагог, главный дирижер Камерного театра (ныне Московский драматический театр имени А.С. Пушкина), и Эмилий Карлович Метнер (1872–1936) — литератор, философ, музыкальный критик, основатель и главный редактор символистского книгоиздательства «Мусажет» и журнала «Труды и дни»⁸.

Скорее всего, личное знакомство Дурылина с Эмилием Метнером произошло именно в «Мусажете», а точнее в кружках «Молодого Мусажета» (1910–1913), являвшегося своеобразным молодежным «филиалом» книгоиздательства. Дурылин наиболее активное участие принимал участие в работе ритмического кружка — по изучению русского стиха, под руководством Андрея Белого, и кружка по изучению французского символизма (впоследствии — «Вагнеровского кружка»), руководимого Эллисом (Л.Л. Кобылинским)⁹. Собрания кружков проходили преимущественно в мастерской скульптора Константина Федоровича Крахта (1868–1919), что дало впоследствии Дурылину право говорить о «Молодом Мусажете» как о «кружке Крахта»¹⁰.

В издательстве «Мусажет» Дурылиным были опубликованы ряд статей и книг: «Рихард Вагнер и Россия. Вагнер о будущих путях искусства» (1913); предисловие к книге «Цветочки святого Франциска Ассизского» (1913); четыре «францисканских сонета» для «Антологии книгоиздательства “Мусажет”» (под псевдонимом «Сергей Раевский», 1911); статьи «Академический Лермонтов и лермонтовская поэтика» («Труды и дни». 1916. Кн. VIII) и ряд др.

Безусловно, Дурылина связывали с Эмилием Метнером не только рабочие вопросы по публикации своих сочинений (о чем свидетельству-

⁸ См. о нем: *Юнгрен М.* Русский Мефистофель. Жизнь и творчество Эмилия Метнера. СПб., 2001; *Лавров А.В.* Метнер Э.К. // Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. М., 1999. Т. 4. С.34–36.

⁹ Подробнее о кружках «Молодого Мусажета» см.: *Нефедьев Г.В.* «Моя душа раскрылась для всего чудесного...» Переписка С.Н. Дурылина и Эллиса (1909–1910 гг.) / Публ., подготовка текста, предисл., коммент. Г.В. Нефедьева // Сергей Дурылин и его время: Исследования. Тексты. Библиография. Кн. I: Исследования / Сост. А.И. Резниченко / Исследования по истории русской мысли. Т. XIV. М.: Модест Колеров, 2010. С.12–121.

¹⁰ О «кружке Крахта» и о самом К.Ф. Крахте см. в работе С.Н. Дурылина «Бодлэр в русском символизме» (*Нефедьев Г.В.* К истории русского символизма: С.Н. Дурылин о Ш. Бодлере // Книгоиздательство «Мусажет». История. Мифы. Результаты. Исследования и материалы / Сост. А.И. Резниченко. М., 2014. С. 284–286).

ют его письма¹¹) или нечастые встречи у Крахта. В первую очередь их объединяла общая идеологическая платформа «Мусагета», основанная на позиционировании ценностей «подлинного» символизма — от эстетики до метафизики и понимания самой общности его сотрудников как некоего идейного братства, объединенного служением «внутреннему канону» искусства и ценностям культуры. Однако едва ли эта платформа или какие-либо моменты, связанные с деятельностью издательства и кружка, могли способствовать тому, что впоследствии Дурылин стал фактически своим в кругу семьи Метнер. Свидетельство тому — его пребывания летом на дачах К.П. Метнера (Перловская; Хлебниково, Изумрудный поселок (Очаково)) или путешествие вместе с М.К. Морозовой, ее сыном Микой и Метнером по «русскому Нилу», в ходе которого они посетили Ярославль, Кострому и Ростов¹². В память этого путешествия Эмилий Метнер сделал Дурылину дарственную надпись на авантитуле своей книги «Размышления о Гете. Разбор взглядов Р. Штейнера в связи с вопросами критицизма, символизма и оккультизма»: «Милому Сергею Николаевичу Дурылину на память о ростовских днях. 14-16/VI. 1914. Э. Метнер»¹³. Дурылин действительно стал в некотором роде своим в семье Метнер: с 1911 г. он становится воспитателем и домашним учителем Андрея Александровича Сабурова (1902–1959) — племянника Э.К. Метнера, сына его сестры Софии Карловны¹⁴.

В это время Дурылин являлся студентом Московского археологического института, на заочное отделение факультета археографии которого он поступил в 1910-м г. За его спиной — богатый опыт работы домашним педагогом, многочисленные статьи на педагогические темы, поездки по Русскому Северу, сотрудничество с издательством «Посредник», «Мусагет», «Путь», первые стихи и первая брошюра — «В школьной тюрьме. Исповедь ученика» (1906).

К этому периоду относится интересное упоминание Дурылина Э.К. Метнером в письме к своей сестре С.К. Сабуровой от 13 сентября 1911 г.: «Об его учителе могу сказать, что он очень талантливый студент и с виду хороший юноша; он бывает в Мусагете; но об его педагогических способностях конечно судить трудно; впрочем, это скоро обнаружится; главное — чтобы была симпатия между учеником и учи-

¹¹ См.: *Резвых Т.Н.* «Долго, долго мог бы я беседовать с Вами...» Дурылин, Метнеры и Васильев: годы разговора.

¹² Там же. С. 229.

¹³ НИОР РГБ. Ф. 872. Карг. 2. Ед. хр. 15.

¹⁴ По позднейшим воспоминаниям Сабурова, с которыми он выступил на вечере памяти своего учителя 12 декабря 1955 г., Дурылин «[...]начал заниматься со мной когда я был девятилетним мальчиком, чтобы приготовить меня в первый класс средней школы» (МБУК МОК, отдел «Мемориальный Дом-музей С.Н. Дурылина». Коллекция А.А. Сабурова. КП-2132/2. Л. 2)

телем. Эллис очень хорошо отзываясь о Дурылине, а он теперь придает большое значение безупречности нравственного поведения»¹⁵. И симпатия между учеником и учителем действительно возникла, чтобы в годах перерасти в настоящую дружбу, дружбу учителя с учеником.

Дурылин обучал Сабурова практически всем гимназическим дисциплинам, кроме математики. Вместе они «издают» журналы («Ручеек», «Светлый журналчик»), помещая в них свои собственные стихотворения, сказки, рисунки. В одну из ученических тетрадей Андрея Сабурова начала 1910-х гг., на ее последних страницах, Дурылин вписывает свое стихотворение, некоторые образы которого чем-то напоминают ранние стихи Андрея Белого:

Колыбельная (Андрюше)

Спи, мальчик мой, спи! За окном
Седой сторожит великан.
Спи! Тихим и ласковым сном
Летает над полем туман.

Спи! В белой одежде своей
Тебя сторожит великан
Со свитой воздушною фей,
Что выются, играя в туман.

Сны тихие феи хранят,
Одежды их снега белей,
О счастье твоём ворожат
В холодных просторах полей.

Спи, мальчик мой, спи! За окном
Не спит за тебя великан!
Спи! Феи на поле пустом
Летая, играют в туман¹⁶.

Через несколько лет, 9 декабря 1915-го г., Сабуров посвящает своему учителю стихотворение, где далеко не случайно, конечно, пишет о «друзьях-учениках»:

¹⁵ МБУК МОК, отдел «Мемориальный Дом-музей С.Н. Дурылина». Коллекция А.А. Сабурова. КП-1625/4. Л. 9.

¹⁶ МБУК МОК, отдел «Мемориальный Дом-музей С.Н. Дурылина». Коллекция А.А. Сабурова. КП-3810/6. Л. 25.

Посвящение

О! Баловень судьбы, о, секретарь
Религиозно-философского собрания,
Единственный в собрание сем звонарь
Бесхитростных поверий и познания,
Не забывай друзей-учеников:
Себя ты через них познаешь с большей силой!
А Вячеслав Иваныч Иванов
Погибнет навсегда с душой своей унылой!¹⁷

Свои книги, очерки Дурылин дарит Сабурову, сопровождая их очень доверительными и теплыми надписями, иногда в стихотворной форме. В Мемориальном Доме-музее С.Н. Дурылина в Болшеве, в коллекции А.А. Сабурова отложились многие инскрипты Дурылина своему ученику и впоследствии другу и коллеге, а также его матери — С.К. Сабуровой¹⁸. Приводим здесь одну из первых дарственных надписей Дурылина Сабурову на его книге «Детские годы В.М. Гаршина. Биографический очерк» (Библиотека Горбунова-Посадова. № 168. М.: Типо-литография Т-ва И.Н. Кушнерев и К^о, 1910): «Милому Андрюше Сабурову — от автора»¹⁹.

Можно смело говорить об определяющем влиянии Дурылина на судьбу своего ученика. Сабуров начинает писать стихи (его первое стихотворение датировано 15-м августа 1911 г.), а впоследствии, как и Дурылин, избирает путь литературоведа и историка литературы. Судя по сохранившейся переписке, Дурылин консультировал Сабурова по многим вопросам, всегда охотно делился с ним своим опытом и знаниями. В своих воспоминаниях об учителе он не переставал удивляться его познаниям: «[...]когда мне приходилось обращаться к нему с вопросом, который не удавалось решить иным путем, он доставал с полки из заднего ряда какой-нибудь справочник, какую-нибудь книгу, о которой и в голову не приходилось подумать, и безошибочно находил ответ на неразрешенный вопрос»²⁰.

В архиве Сабурова сохранился «Отзыв о литературных работах Андрея Александровича Сабурова», написанный Дурылиным 20 августа

¹⁷ МБУК МОК, отдел «Мемориальный Дом-музей С.Н. Дурылина». Коллекция А.А. Сабурова. КП-1658/8. Л. 8.

¹⁸ В основном эти инскрипты были опубликованы. См.: *Сабуров А.А.* Неизвестные инскрипты С.Н. Дурылина из коллекции А.А. Сабурова // Сергей Дурылин и его время: Исследования. Тексты. Библиография. Кн. I. С. 341–345.

¹⁹ МБУК МОК, отдел «Мемориальный Дом-музей С.Н. Дурылина». Коллекция А.А. Сабурова. КП-1575.

²⁰ МБУК МОК, отдел «Мемориальный Дом-музей С.Н. Дурылина». Коллекция А.А. Сабурова. КП-2132/2. Л. 5.

1943 г. для рекомендации принятия Сабурова в члены Литфонда. Приводим ниже этот документ полностью, поскольку в нем кратко упомянуты важнейшие этапы творческой биографии Сабурова.

Я весьма внимательно следил за литературно-исследовательской и писательской деятельностью Андрея Александровича Сабурова, одного из наиболее вдумчивых наших советских литературоведов.

Сабуров обладает весьма солидной научной подготовкой: по окончании Московского университета по философскому отделению (1922 год), а затем и по отделению общественных наук (1925), Сабуров был оставлен, в качестве аспиранта, при Институте Истории РАНИОНа. Закончив аспирантуру в 1929 году, Сабуров перешел на научную работу в Рукописное отделение Всесоюзной библиотеки им. В.И. Ленина. В дальнейшем Сабуров работал в качестве ученого секретаря Литературного музея. В настоящее время Сабуров, ведя научно-литературную работу в Москве, состоит еще доцентом в Государственном Педагогическом Институте в Загорске.

В 1940 году Сабуров блестяще защитил диссертацию на звание кандидата филологических наук в ИФЛИ; диссертация его была одобрена единогласно и признана заслуживавшей опубликования. Диссертация Сабурова написана на тему:

«Жизнь и деятельность Вл. С. Печерина (Биография Печерина. — Печерин-писатель. — Печерин — литературный прототип)».

В своей диссертации, представлявшей объемистое исследование, Сабуров, на основании неизданных рукописных материалов, впервые в советском литературоведении дает изложение жизненной судьбы и литературной деятельности одного из наиболее ярких представителей эпохи Герцена и Белинского. Сабурову принадлежит честь извлечения из архивов материалов, рисующих сложный путь этого писателя и мыслителя, до сих пор бывшего известным лишь по небольшой книге Гершензона, не имевшего доступа к материалам, бывшим в распоряжении Сабурова. В настоящее время ни одна литературоведческая работа из эпохи 1830–1870 годов не обойдется без ссылок на работу Сабурова о Печерине.

Работа Сабурова написана хорошим, четким и правильным литературным языком.

К основной работе Сабурова о Печерине примыкают другие его работы, посвященные этому сложному человеку и писателю, биографически связанному с Гоголем, Герценом, славянофилами, утопическими социалистами 1830-ых годов и т.д.:

1) «Вл.С. Печерин». — «Бюллетени Гос. Литературного музея. Герцен, Огарев и их окружение». 1940 г.

2) «Из биографии В.С. Печерина». — «Литературное наследство». том 41/42, посвященный Герцену. М. 1941.

3) «Печерин и Англия». Печатается в новом томе «Литературного наследства», посвященном русско-английским литературным отношениям (6 печ[атных] листов).

Произведя для работы над Печериным впервые разбор огромного архива Ф.В. Чижова, Сабуров, на основании вновь найденных там документов, написал работу о художнике *А.А. Иванове* (принята к изданию в Трудах Ленинской библиотеки).

Из работ Сабурова, посвященных другим темам, следует назвать:

1) «Дело о возмутительных листках в 1930 г.». — «Каторга и ссылка», 1930, № 4 и 5.

2) «Декабрист Г.С. Батенков». Вступительная статья-монография к книге: «Письма Г.С. Батенкова, И.И. Пущина и Э.Г. Толя». Изд. Всесоюз. библиотеки им. Ленина. М. 1936 (редакция писем Батенкова также принадлежит Сабурову).

3) «Александр Тургенев». — Вступит. статья к книге: «Письма Александра Тургенева к Булгаковым». Редакция и примечания А.А. Сабурова. Изд. Библиотеки им. Ленина. М. 1939.

4) «И.С. Тургенев по неопубликованным материалам печеринского архива». — «И.С. Тургенев. Материалы и исследования». Под ред. проф. Н.Л. Бродского. Орел. 1940.

5) «Петербургские повести Гоголя». Монография и комментарии. 1934.

Во время войны Сабуров принял деятельное участие в больших коллективных работах, предпринятых Литерат[урным] Музеем: «Русские писатели о защите Родины» и «Русские писатели о немцах».

Настоящий, весьма беглый и неполный, обзор работ А.А. Сабурова позволяет прийти к заключению, что Сабуров занимает определенное и прочное место в среде советских литературоведов. Он избирает для своих работ темы, весьма важные для советского литературоведения и обладающие всем интересом новизны и современности. Все без исключения работы Сабурова построены на новом, неизданном материале, извлеченном им из архивов. Сабуров обладает несомненным литературным талантом: его изложение полно интереса, его язык отличается выразительностью и чистотой.

Все это дает право признать в А.А. Сабурове весьма ценного литературоведа и способного интересного писателя.

Член Союза советских писателей и Литфонда
Сергей Николаевич Дурьин

Москва. 20. VIII. 1943²¹.

²¹ МБУК МОК, отдел «Мемориальный Дом-музей С.Н. Дурьина». Коллекция А.А. Сабурова. КП-4194. Л. 1–4.

В конце 1940-х — 1950-х гг. Андрей Александрович Сабуров занимался изучением романа Л.Н. Толстого «Война и мир». Результатом этой работы явилась монография «Война и мир Л.Н.Толстого: Проблематика и поэтика» (1959).

По поводу кончины мамы А.А. Сабурова — Софьи Карловны Дурылин отозвался проникновенным письмом, где в частности сказано: «Мама твоя была одна из тех редких чудесных женщин, которых я встретил не более 5 на своем жизненном пути! “Возвышенная стыдливость страдания” была ее чертою [1 нрзб.] и редкою. Она умела осуществлять самое трудное:

Чему бы жизнь нас не учила,
Но сердце верит в чудеса:
Есть нескудеющая сила,
Есть и нетленная краса.

У нее была прекрасная высокая душа, и из всех братьев своих она была ближе всего к Николаю К[арловичу] — с его музой скорби, величия и чистоты! В его лучших и высших звуках будет жить образ и облик его сестры, — твоей мамы, и моего друга!»²²

Отметим, что из всех членов семьи Метнер, образ и творчество Николая Карловича Метнера было самым дорогим и близким Дурылину, поскольку оно в наибольшей степени соответствовало его «глубокой настоящей привязанности» — Пушкину. Поэтому неслучайно, что он называл Н.К. Метнера «гением чистой красоты». Ему посвящен ряд стихотворений Дурылина: «Бор» (8 сентября 1912 г.), «В тихий нисходишь Аид, о путник путей мусикийских» (9 февраля 1913 года), «Телега» (26 июля 1913 г.), «У земли» (16 августа 1913 г.), а также треть статьи «Тютчев в музыке»²³.

После смерти Сергея Николаевича, Сабуров условился с его вдовой — И.А. Комиссаровой-Дурылиной о разборе части его архива, связанной с Н.К. Метнером. А в письме к своей тете и вдове Николая Метнера — Анне Михайловне Метнер писал: «Хочется передать через тебя низкий поклон дорогой могиле и от Сергея Николаевича, ныне тоже покойного. Он был, особенно последние годы, человеком большой мысли. Ни одного нашего свидания не проходило без того, чтобы он не начинал разговор о дяде Коле, а после его кончины особенно внушал всем, кто дядю Колю знал, чтобы писали о нем мемуары, ставя в пример М[аргариту] К[ирилловну]. У Сергея Николаевича несомненно остались

²² Письмо С.Н. Дурылина к А.А. Сабурову от 9 февраля 1943г. (МБУК МОК, отдел «Мемориальный Дом-музей С.Н. Дурылина». Коллекция А.А. Сабурова. КП-4171, Л. 2об.).

²³ См. подробнее: *Резвых Т.Н.* «Долго, долго мог бы я беседовать с Вами...» Дурылин, Метнеры и Васильев: годы разговора. С. 230-231.

воспоминания о дяде Коле, но его архив настолько обширен, что скоро, разумеется, не найдешь. Вдова С.Н. бережно и умно хранит его наследие и со временем все будет использовано по назначению»²⁴.

Стоит упомянуть еще одного родственника Метнеров — двоюродного брата Эмилия и Николая, композитора и пианиста, основателя советской органной школы — Александра Федоровича Гедике (1877–1957). Дурылин был знаком с ним с 1908-го года, Александр Федорович неоднократно заезжал погостить к Дурылину в Болшево. По случаю его 60-тилетия Дурылин отправил письмо юбиляру, вспомнив, что его дед — Карл Андреевич Гедике, писал романсы на стихи Пушкина: «Больше *ста лет* Ваш род служит русскому искусству, — и давно эта служба превратилась в дружбу с русской поэзией, природой, мыслью. Раньше многих русских по крови Ваш дед откликнулся своими звуками на звуки Пушкина, — а через несколько (много, много!) десятилетий один из его внуков создал свои пушкинские циклы — лучшее из того, чем музыка отозвалась на поэзию великого поэта!»²⁵

Немного перефразируя слова Дурылина и расширяя их контекст, можно сказать, что более столетия семьи Метнеров, Сабуровых, Штемберов, Гебхард и Гедике — композиторы, художники, философы, органисты служили русскому искусству. Осмыслить и оценить это служение во всем его историческом масштабе и многообразии дарований, стало возможно лишь в XX веке. Поэтому можно сказать, что семья Метнер — это осуществленный в жизнях нескольких поколений одной семьи синтез искусств, так чаемый эпохой символизма. И Сергею Николаевичу Дурылину суждено было стать свидетелем и деятельным участником этого служения.

Литература

Дурылин С.Н. В своем углу / Сост. В.Н. Торопова. М.: Молодая гвардия, 2006. 880 с.

Книгоиздательство «Мусaget». История. Мифы. Результаты. Исследования и материалы / Сост. А. Резниченко. М.: РГГУ, 2014. 530 с.

Метнер Н.К. Статьи, материалы, воспоминания / Под ред. З.А. Апетян. М.: Советский композитор, 1981. 350 с.

²⁴ Письмо А.А. Сабурова к А.М. Метнер (лето 1956) (МБУК МОК, отдел «Мемориальный Дом-музей С.Н. Дурылина»). Коллекция А.А. Сабурова. КП-1625/13. Л. 10 об.–11).

²⁵ Письмо С.Н. Дурылина к А.Ф. Гедике от 4 марта 1937 г. (ГЦММК. Ф. 47. № 1144. Л. 1 об.).

Нефедьев Г.В. «Моя душа раскрылась для всего чудесного...» Переписка С.Н. Дурьлина и Эллиса (1909–1910 гг.) / Публ., подготовка текста, предисл., коммент. Г.В. Нефедьева // Сергей Дурьлин и его время: Исследования. Тексты. Библиография. Кн. I: Исследования / Сост., ред. А.И. Резниченко. М.: Модест Колеров, 2010. С.12–121.

Резвых Т.Н. «Долго, долго мог бы я беседовать с Вами...» Дурьлин, Метнеры и Васильев: годы разговора // Книгоиздательство «Мусагет». М.: РГГУ, 2014. С. 229–234.

Сабуров Ал. А. Неизвестные инскрипты С.Н. Дурьлина из коллекции А.А. Сабурова // Сергей Дурьлин и его время: Исследования. Тексты. Библиография. Кн. I: Исследования / Сост., ред. А.И. Резниченко. М.: Модест Колеров, 2010. С. 341–345.

Сабурова М. Неизвестные портреты из семейного архива (Творчество Минны Гебхард и судьбы Гедике, Метнеров, Сабуровых) // Столицы и усадьбы. 2008. № 1/5. С.111–116.

Сабурова М. Понсовы, Гедике, Метнеры, Сабуровы // Московский журнал. 2005. № 4. С. 41–49.

Юнгрен М. Русский Мефистофель. Жизнь и творчество Эмилия Метнера. СПб.: Академический проект, 2001. 288 с.

References

Durylin S.N. *V svoem uglu* [In One's Own Backyard], ed. by V.N. Toropova. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 2006. 880 p. (In Russ)

Knigoizdatel'stvo «Musaget». Istoriya. Mify. Rezul'taty. Issledovaniya i materialy [Publishing House “Musaget”. History. Myths. Results. Studies and Materials], ed. by A. Reznichenko. Moscow, RGGU Publ., 2014. 530 p. (In Russ.)

Metner N.K. *Stat'i, materialy, vospominaniya* [Articles, Materials, Memories], ed. by Z.A. Apetyan. Moscow, Sovetskij kompozitor Publ., 1981. 350 p. (In Russ.)

Nefediev G.V. “Moya dusha raskrylas' dlya vsego chudesnogo...” Perepiska S.N. Durylina i Ellisa (1909–1910 gg.) [“My soul opened for the wonderful...” S.N. Durylin and Ellis: A Correspondence], ed., introd., comm. by G.V. Nefediev. *Sergej Durylin i ego vremena: Issledovaniya. Teksty. Bibliografiya*. [Sergey Durylin and His Time. Studies. Texts. Bibliography]. Book I *Issledovaniya* [Studies], comp., ed. by A.I. Reznichenko. Moscow, Modest Kolerov Publ., 2010, pp. 12–121. (In Russ.)

Rezvyh T.N. “Dolgo, dolgo mog by ya besedovat' s Vami...” Durylin, Metnery i Vasil'ev: gody razgovora [“I could have so long, long conversations with you...” Durylin, the Metners and Vasil'ev: the years of conversations]. *Knigoizdatel'stvo «Musaget»* [Publishing House “Musaget”]. Moscow, RGGU Publ., 2014, pp. 229–234. (In Russ.)

Saburov Al. A. Neizvestnye inskripty S.N. Durylina iz kolekcii A.A. Saburova [Unknown Inscriptions by S.N. Durylin from A.A. Saburov's Collection]. *Sergej Durylin i ego vremena: Issledovaniya. Teksty. Bibliografiya* [Sergey Durylin and His Time. Studies. Texts. Bibliography]. Book I *Issledovaniya* [Studies], comp., ed. by A.I. Reznichenko. Moscow, Modest Kolerov Publ., 2010, pp. 341–345. (In Russ.)

Saburova M. Neizvestnye portrety iz semejnego arhiva (Tvorchestvo Minny Gebhard i sud'by Gedike, Metnerov, Saburovyh) [Unknown portraits from the family archive (Minna Gebhard's creative work and the lives of Gedike, the Metners, the Saburovs)]. *Stolicy i usad'by* [Capitals and Manors], 2008, no 1/5, pp. 111–116. (In Russ.)

Saburova M. Ponsovy, Gedike, Metnery, Saburovy [The Ponsovs, Gedike, the Metners, the Saburovs]. *Moskovskij zhurnal*, 2005, no 4, pp. 41–49. (In Russ.)

Yungren M. *Russkij Mefistofel'. Zhizn' i tvorchestvo Emiliya Metnera* [Russian Mephistopheles. Emiliy Metner: Life and Works]. Saint-Petersburg, Akademicheskij proekt Publ., 2001. 288 p. (In Russ.)

S.N. Durylin and the Metners: Personal and Literary Relations

© 2018, Georgy Nefediev

Abstract: Long-term relations with the Metner family influenced considerably on S.N. Durylin's biography and creative work. Literary, musical, artistic, and philosophical interests of the brothers Metner expanded horizons and enlarged the field of Durylin's creative endeavor in the early 1910s. Durylin's works on Symbolism in literature and art, Richard Wagner, Francis of Assisi are closely connected with Emiliy Metner's publishing house "Musaget", as well as artistic coteries and the journal "Trudy i dni" ("Works and Days") fostered by "Musatget". Durylin was a home teacher of Andrey Saburov, brothers Metner's nephew (Durylin's poems devoted to A. Saburov are published herewith); later in 1920-1930s Andrey Saburov became Durylin's close friend and assistant in Durylin's studies in literary history. The paper is based on archived materials.

Keywords: S.N. Durylin, the Metners, the Saburovs, publishing house "Musaget", Russian literary history, biography

Information about the author: Georgy V. Nefediev, research fellow, Memorial S.N. Durylin House Museum, Moscow, Russia

E-mail: gneff@inbox.ru

Citation: Nefediev Georgy. S.N. Durylin and the Metners: Personal and Literary Relations. *Literary fact*, 2018, no 10, pp. 294–306.

DOI 10.22455/2541-8297-2018-10-307-320

УДК 812.161.1

С.Н. Дурылин о «Шерамуре» Н.С. Лескова*

© 2018, И.В. Мотеюнайте

Аннотация: В статье рассматривается фрагмент работы С.Н. Дурылина «Николай Семенович Лесков. Опыт характеристики и религиозного творчества», касающийся рассказа «Шерамур». Анализируется влияние контекста — самого рассказа, статьи Дурылина «Рихард Вагнер и Россия» (1913), его же повести «Начальник тишины» (1916) — на восприятие противоречивого лесковского героя.

Ключевые слова: С.Н. Дурылин, Н.С. Лесков, «Шерамур», русская литература, художественное восприятие

Информация об авторе: Илона Витаутасовна Мотеюнайте, доктор филол. наук, профессор, Псковский государственный университет, Россия.

E-mail: ilona_motya@mail.ru

Цитирование: *Мотеюнайте И.В.* С.Н. Дурылин о «Шерамуре» Н.С. Лескова // Литературный факт. 2018. № 10. С. 307–320.

* Исследование осуществлено при финансовой поддержке РФФИ, проект «С.Н. Дурылин — историк литературы: От “Мусагета” до Академии наук СССР. (Новые материалы)» № 18-012-00746.

В книге «В своем углу» С.Н. Дурылин неоднократно упоминает свой доклад о Лескове, прочитанный в 1913 г., возможно, в разных аудиториях. Из этого доклада выросла целая лесковиана: рукопись монографии, еще один доклад в ГАХНе в 1925 г., после которого работа над Лесковым не прекратилась. Из опубликованных текстов Дурылина о Лескове¹ следует, что общие его представления оставались достаточно стабильными. В обеих работах — и в докладе, и в монографии — со ссылкой на мемуарные источники говорится о противоречивом характере писателя, в котором Дурылин увидел воплощение национальных особенностей русских. От этой мысли он движется к определению тематики произведений и выявлению специфики творчества Лескова (в современной терминологии — поэтики), последнее более развернуто описано в монографии. Доклад 1913 г. назывался «Николай Семенович Лесков. Опыт характеристики и религиозного творчества» (обращаем внимание на слово «опыт»). Подготовленная к публикации монография должна была называться «Николай Семенович Лесков. Личность. Творчество. Религия». Она четче структурирована и отличается большей филологичностью, если понимать под ней внимание к формально-эстетической стороне художественных текстов, к их организации. Вместе с тем названные работы имеют некоторые различия. В частности, в тексте доклада есть фрагмент о рассказе Лескова «Шерамур», занимающий почти две страницы. В последующую работу (монографию) о Лескове этот фрагмент не вошел. Попытке осознать причины его исключения и посвящена данная статья.

Обсуждая «легенды» Лескова (так Дурылин называет главные темы лесковского творчества, выводя их из особенностей характера писателя), исследователь говорит о нигилистической (самой неудачной) «легенде» на примере Шерамура. Приведем этот фрагмент полностью:

Нигилистическая легенда Лескова обнажила, довела до предела человеческую попытку устроиться без Бога: не желающий Бога, хотящий устроить и успокоить человечество без Бога — тем самым изымается не только от Бога, но и от человечества. Идея безбожия есть, иначе вничеловечия, отпадения от человечества, поставления себя вне человека, утеря человеческого лица. Тот, кто скажет, “Sine Deo sum”, тем самым лишается права сказать “Homo sum”. Знаменитая формула “Der Mensch ist was er isst” приобретает страшный смысл: ей соответствует образ лишенного человеческого лица Навуходоносора,

¹ Дурылин С.Н. Николай Семенович Лесков. Опыт характеристики и религиозного творчества // Дурылин С.Н. Статьи и исследования 1900–1920 годов / Сост., вступ. ст. и коммент. А.И. Резниченко, Т.Н. Резвых. СПб., 2014. С. 334–362; Дурылин С.Н. Николай Семенович Лесков. Личность. Творчество. Религия // Там же. С. 363–451. В дальнейшем ссылки на это издание даются в тексте с указанием номеров страниц.

пасущегося на лугу и поедающего траву. У Лескова ей соответствует замечательный образ Шерамура, «чрева ради юродивого». В Шерамуре лесковская легенда упростила, довела до последней простоты, но и до последней ясности идею человека, освободившегося от Бога. Шерамур — циник от нигилизма, эмигрант, замешанный в политические дела. Это — циник от нигилизма, дошедший до всяческого опрошения. У него нет речи, есть только отдельные слова, нет мыслей, чувств, есть одно чувство:

— Вы роман пишете? — спрашивает он.

— Теперь ничего не пишу.

— Вот как! Значит — сыты.

Другая сцена:

— Это что?

— Одеколон.

— Зачем нужен?

— Обтираюсь им.

— Зачем же такая низость?

— Кому же это вредно?

— Еще спрашиваете: лучше бы само пожрали, да другого накормили.

Третья:

— Сколько, по вашему, рубашек нужно человеку?

— Одну.

— И будто у вас всего одна?

— Нет, у меня ни одной.

Четвертая:

— Что же в институте вы больше *учились* или больше читали?

— Больше всего жрать было нечего, а иногда и читали.

Для Шерамура нет вопроса о Боге, как для нигилистов Достоевского, у нет вражды к Богу, как не может быть у того, кто реализовал бы в себе нигилистическую формулу “Der Mensch ist was er isst”. Богу просто не осталось никакого места ни в человеке, ни в природе, ни где. Шерамур возвращается к миру, над которым не было еще шестого дня творения. Он вне истории, вне культуры. Он вполне свободен от бытия человеческого. Потому у него нет к Богу ни человеческой любви, ни человеческой же вражды.

Он даже благосклонен к Евангелию:

— Всё прочитали?

— Всё.

— Что же понравилось Вам?

— Разумеется, мистики много, а то бы ничего. Почеркать бы надо по местам: — «ничего», должно быть, потому что и там есть кое-что про жратву.

Он — эмигрант, замешанный в каком-то политическом деле, но ему что до революции — это ведь дело человеческое, а он ушел от лика человеческого. То — человеческое сложно и мучительно, а ему нужно простого, первичного.

— Вы революционер? — Ну, вот еще? Жрать всем надо, вот революция. В революцию хорошо, — кто большого роста. — Это почему? — Потому что маленького никто не послушает. Для революции, по Шерамуру, нужно уметь «ругаться» — то есть опять таки проявлять нечто от человека.

— А вы разве этого не можете?

— Нет, не могу.

— А жрать?

— Могу.

Он даже может выть, подражая голодному волку; ведь ему так легка и понятна эта *волчья* несложность и нёсуть. В этом весь его «бунт». Накормили — и нет уже ничего, полное nihil. Шерамур кончает тем, что делается проприетером, женясь на французенке-рестораторше: «Он сидит grand manger'ом и жрет всегда хорошо». Нет ни бунта, ни Бога, ни человека, ничего, nihil, меньше, чем зоологический вид “*Номо sapiens*” (350–352).

Прежде всего обратим внимание на то, что, описывая героя, Дурылин приводит авторский подзаголовок рассказа: «Чрева ради юродивый». Это указывает на точный источник его знакомства с текстом: 12-томное собрание сочинений Лескова. Рассказ «Шерамур» был написан в 1879 г. и опубликован в «Новом времени», а затем помещен в сборник «Три праведника и один Шерамур» (1880). В обеих публикациях подзаголовка не было. Только в 1889 г., работая над своим собранием сочинений, Лесков вставляет этот рассказ во 2-й том, в основе которого «Праведнический цикл», и дает ему подзаголовок. Шерамур — очень своеобразный герой, трудность его понимания оговорена автором в конце рассказа; помещение его в ряд праведников должно было несколько помочь читателю.

Дурылину, видимо, не помогло. Он делает героя иллюстрацией нигилистического отпадения от Бога и, доказывая свою мысль, пересказывает несколько эпизодов и приводит цитаты из лесковского текста с существенными искажениями.

Например, следующему фрагменту дурылинского пересказа:

— Вы роман пишете? — спрашивает он.

— Теперь ничего не пишу.

— Вот как! Значит — сыты.

соответствует такой у Лескова:

- Нет ли у вас работы?
- Работы!
- Да, нет ли у вас какой работы?
- Да какая же у меня работа?
- Разве я знаю, какая?
- Вы мастеровой?
- Нет, не мастеровой, а мне говорили, что вы романы пишете.
- Это правда.
- Так я — переписывать.
- Но теперь я ничего не пишу.
- Вот как! Значит — сыты².

Другой случай искажения аналогичен. У Дурьлина:

- Это что?
- Одеколон.
- Зачем нужен?
- Обтираюсь им.
- Зачем же такая низость?
- Кому же это вредно?

У Лескова:

- Это что?
- Одеколон.
- Зачем нужен?
- Обтираюсь им.
- Гм! Обтираетесь. Разве прелое место есть?
- Нет; прелого места нет.
- Так зачем же такая низость!
- Кому же это вредно? (359)

То же самое и в третьем эпизоде. У Дурьлина:

- Сколько, по вашему, рубашек нужно человеку?
- Одну.
- И будто у вас всего одна?
- Нет, у меня ни одной.

² Лесков Н.С. Собр. соч.: В 12 т. М.: Правда, 1989. Т. 2. С. 356. В дальнейшем ссылки на это издание даются в тексте с указанием номера страницы.

У Лескова:

Другой раз он застаёт на комодe белье, принесенное прачкою, и опять тычет пальцем:

— Чьи рубашки?

— Разумеется, мои.

— Сколько тут?

— Кажется, четыре.

— Зачем столько?

— А по-вашему, сколько рубашек можно иметь человеку?

— Одну.

— И будто у вас всего одна?

— Нет; у меня ни одной.

— Без шуток, ни одной?

— Какие шутки, мы не такие друзья, чтобы шутить шутки.

С этим он расстегнул блузу и показал нагое тело.

— Вот вам и шутки.

— Возьмите у меня рубашку.

— Могу. (359–360)

Как видим, в пересказе каждой сцены Дурылин использует простейший прием: опускает реплики. Такое редуцирование текста нацелено на то, чтобы свести все чувства героя к голоду. Показывая «низменность» Шерамура, он вместе с тем формирует представление и о его совершенной неразумности, а также сглаживает возможное прочтение героя как предельно аскетичного человека.

Между тем слово «жрать», ставшее лейтмотивом героя у Лескова, привлекло его не ядром значения, а периферией, включающей стилевой и экспрессивный элементы. «Жрать» в его тексте передает силу, настойчивость, навязчивость желания еды, а не только грубость поглощения пищи. Шерамур умерен в еде, что неоднократно показано в тексте: каждый раз по насыщению он завершает трапезу словом «буде». Он даже по-своему аскетичен, поскольку ест дешевую и простую пищу. Кроме того, просторечие передает социальный статус героя. О таком неприкажном, совершенно асоциальном, простодушном до убогости человеке странно было бы говорить в ином регистре.

Важен и еще один аспект образа. У Лескова *idée fixe* Шерамура объяснена биографией, вобравшей несправедливость, насилие и голод. (Для сегодняшних психотерапевтов это был бы отличный материал.) Переживание этой травмы выражено в лесковском тексте с помощью волчьего воя, о котором упоминает Дурылин: «Он даже может выть, подражая голодному волку; ведь ему так легка и понятна эта *волчья* не-

сложность и нёсыть» (выделено автором — *И.М.*). Однако в рассказе Лескова вой героя переходит в Песню убогого странника из некрасовских «Коробейников»:

Он опять опустил на корточки и еще раз завыл, но гораздо протяжнее, и в этот раз в этом все я разобрал слова:

Холодно, странничек, холодно;

Голодно, родименький, голодно!

И мне стало жутко и больно, а он стал рассказывать, как им бывало холодно и как голодно... (363)

Это эстетическое оформление Дурьлин в своем пересказе игнорирует. В духе эстетики своей эпохи он предпочитает бытийные проблемы социальным. Акцентируя низменную страсть Шерамура к еде, отчуждающую человека от идеального образа подобия Богу, Дурьлин в данном случае остался глух к потребности человека в пище как к первичной телесной потребности. Вместе с тем другой аспект телесности — межполовые отношения, осмысленные близким ему В.В. Розановым и многими другими современниками и возведенные в ранг «проклятых вопросов», — Дурьлину в работе над Лесковым оказался близок. К теме чувственности самого Лескова он обращается и в докладе, и в монографии. Решение же этого вопроса в «Шерамуре» он игнорирует, видимо, в силу его нечеловечности: герой совершенно бесстрастен. Лесков дарует ему неожиданный семейный уют (о котором сам всю жизнь мечтал и проговаривался в творчестве, не обретя в реальности), но заставляет видеть в соответствующих супружеских обязанностях «сакрифис», которую он платит за возможность кормить нищих.

Игнорирование социальной проблематики, острой у Лескова вообще и в данном рассказе в частности, сужает для Дурьлина образ Шерамура. Своим «героем брюха» писатель умудрился осмеять различные явления: писательство и живопись, самовлюбленную благотворительность и лакейский цинизм, богатство и воровство, поведенческие нормы и политику, революцию и войну, светских дам и дипломатов³. Но не человека. Автор говорит о нем так: «Шерамур — *герой брюха*; его девиз — *жрать*, его идеал — *кормить других*» (354; выделено автором — *И.М.*). И как раз последнее оставлено Дурьлиным без внимания. В частности, о службе Шерамура в рассказе говорится: «Сам только “хлёбово” ел, а свою порцию котлет солдатам дробил, выбирая, который ему казался “заморен-

³ Сатирический аспект этого лесковского рассказа неоднократно привлекал лесковедов. Наиболее объемно он рассмотрен в диссертации И.В. Столяровой «Н.С. Лесков и русское литературно-общественное движение 1880–1890-х годов» (СПб., 1992).

ней». Начальство, «сестры» — все им были довольны, а солдатики цены не слагали его «добродетели»» (399).

Искажения текста в пересказе Дурылина объясняются еще и тем, что он, выстраивая свою концепцию, ставит Шерамура в ряд нигилистов, дважды упоминая, что он политический эмигрант, правда, открещивающийся от революции. У Лескова такое определение героя носит проходной характер, поскольку опровергается повествованием: ссылка Шерамура — случайность и результат недобросовестности и бесчеловечности российской власти. Резко отрицательное отношение Дурылина к этому герою может объясняться биографическими обстоятельствами, о которых мы, конечно, можем говорить только предположительно. В частности, интригует фраза автора, приведенная комментаторами при публикации доклада: «...он никогда не будет окончен и никогда не выйдет из стен моей комнаты»⁴. Кажется, она вызвана какой-то особой личной (болезненной) причастностью пишущего к предмету разговора. Помимо общей симпатии Дурылина к Лескову, применительно к собственному рассказу «Шерамур» рискнем высказать одно предположение. Дурылин в ранней молодости, увлекшись народническими идеями, был вовлечен в нелегальную деятельность. Последующее идейное разочарование совпало с потрясением от гибели друга, Михаила Языкова, убитого жандармами в 1906 г. В течение десятилетий он будет вспоминать об этой прерванной дружбе. Вполне возможно, что осмысление собственной революционной активности как ошибки и очень тяжелое переживание потери повлияли и на восприятие героя лесковского рассказа: не случайно Дурылин обратил внимание на то, что Шерамур — «ссылный революционер». Кроме того, в сознании Дурылина он как эмигрант мог поневоле связываться (отдаленно, конечно) и с эмигрировавшим А.С. Буткевичем, вовлекшим когда-то совсем юных Дурылина с товарищами в народническую деятельность. Повзрослевший Дурылин впоследствии осознал неправоту «отцов» в этом отношении. Таким образом, сформировавшийся в его сознании общий негативный фрейм по отношению к народничеству / революционности / эмиграции мог отразиться и на восприятии конкретного текста.

Как бы то ни было, описывая Шерамура, он выбирает именно этот, нигилистически-революционный аспект его образа. Между тем арсенал определений этого героя в лесковском тексте предлагает читателю широкий выбор контекстов. Среди них и животное-природный ряд: этот «герой брюха» сравнивается в тексте с обезьяной, «зачикнутым в яйце цыпленком», котом и поросенчком; в нем очевиден и контекст социального

⁴ Дурылин С.Н. Статьи и исследования 1900–1920 годов. С. 853.

угнетения: «горький человек», «что-то цыганами обрonnenное», «затерть, потерявшая признаки чекана», «бедная, жалкая изморина», «заморух», бандит. В нем видится приказный старых времен, сельский «ледашенький» и даже «человек без вида, содержания и нравственного облика». Но на первый план в Шерамуре автор выдвигает его странность. С одной стороны, это «лицо, не имевшее никакой последовательности и не укладывающееся ни в какую форму», «редкий экземпляр», «презабавное существо», чудак, сумасшедший, «личность узкая и однообразная», «загадочная картинка». С другой — разноплановые культурные аллюзии (Лазарь, Черномор, Спиноза, Каинов сын, преподобный Моисей Мурин, Герцен, Бакунин, Дон Кихот) призваны «приподнять» его образ. Трудно понимаемый в начале, он, однако, в финале становится для рассказчика носителем национальной специфики: «это видовая, а не родовая особенность: он сын своего родителя, и мне в нем видны крупные родственные черты, сближающие его даже с обращавшею его в христианство графинею» (405), — и воплощает божественную сущность: «это <...> принесено отсюда, откуда дух дышит, но никто его не узнает» (405). Эта оценка, принятая повествователем, вложена в уста няни, единственной носительницы народной культуры в тексте лесковского рассказа⁵.

Проблематика «русскости» и «народности» связывает дурьлинский доклад о Лескове с очерковой повестью «Начальник тишины» (1916). В последней главной темой стало противопоставление народа и интеллигенции. На уровне лексики это противопоставление отражается в традиции двойного именованья страны: «В нашем восприятии родина всегда двойится — до противоположности, до несоединимости, — на *Россию* и *Русь*» (курсив автора — И.М.)⁶. Эти топонимы для автора различаются не только и не столько исторически, сколько социально: Россия — для интеллигентов, Русь — для народа. Особенно важной темой в разворачивании этого противопоставления стала тема слова: «Не то говорят, не о том говорят и не так говорят»⁷. В частности, обращают на себя внимание сравнения в описаниях человеческой речи: так, слова паломников на Светлояре сравниваются с крышкой с бездонного колодца и с золотом, а интеллигентские слова («наши») — с ассигнациями. В результате Россия для Дурьлина — это интеллигентский концепт, сформированный прежде всего литературой: «...большинству писателей и читателей наших Россия всегда представлялась только Гоголевской Россией, населенной городничими, помещиками, мужиками Глеба Успенского,

⁵ Подробно об этом см.: Мотеюнайте И.В. «Чрева ради юридивый» Н.С. Лескова (Традиции юродства в рассказе «Шерамур») // Северо-Запад: Историко-культурный региональный вестник. Вып. III. Череповец, 2000. С. 88–99.

⁶ Дурьлин С.Н. Русь прикровенная. М.: Паломникъ, 2000. С. 291.

⁷ Там же. С. 301.

чиновниками Щедрина, интеллигентами Чехова...»⁸ Неполнота подобного представления о родине, по мысли автора, заключается в том, что такая Россия — это Русь без храма: «После Гоголя так у всех, кроме Достоевского и Лескова: у Гончарова храм и Россию около храма стали загораживать Обломовы, у Тургенева — лишние люди (только Лиза да «Живые мощи» — исключение), у Островского — самодуры “темного царства”, у Чехова — бесконечные интеллигенты, о Щедрина — и говорить нечего»⁹.

В том же значении топонимы «Россия» и «Русь» функционируют и в докладе о Лескове: «Не поверить тут Лескову — значит прийти к невероятному заключению, что вся Россия исчерпалась чиновниками, героями Щедрина и мужиками Успенского, значит признать ложью тютчевскую Русь, — Русь преподобного Серафима, Русь старца Зосимы, и признать единой истинной Российской империю городничих, Чичиковых и Держиморды. Встреча с этой тютчевской Русью совершилась у Лескова в храме — молитвой и верой. Детская молитва Лескова — молитва всей крепостной Руси» (337).

В «Начальнике Тишины», написанном в связи с событиями Первой мировой войны, почвенническая идея Дурылина наиболее заострена и концептуализирована; в докладе о Лескове она еще зреет, ищутся и оттачиваются для нее формулировки. Первая часть доклада представляет собой довольно обширное публицистическое вступление, в котором многословно разворачивается мысль о том, что этот писатель вобрал в себя особенности национального склада: «Он крепок, и он болен, как Россия» (335); «И когда говоришь о Лескове, часто теряешься, забываешь, о ком говоришь: ... о Лескове или о России»¹⁰. Никогда больше Дурылин с такой настойчивостью не обсуждал Россию и «русскость», как в этот период. Лесков оказался ему интересен именно этой стороной: национальной укорененностью, которая отражена противоречивостью характера. Для ее определения он нашел особенные слова: «жесточь» и «простыня», обозначая ими крайности характера, обуреваемого «жаждой всего — грешного или святого — трепета жизни»¹¹.

Стремясь к соединению этих крайностей, Дурылин обращается к мифу, естественно отражающему антиномии бытия в их нерасчлененности. Эта мысль развивается им в брошюре «Рихард Вагнер и Россия. Вагнер о будущих путях искусства» (1913), самым ранним из рассматриваемых текстов. В ней славянофильские идеи (как и в более позднем

⁸ Там же. С. 292.

⁹ Там же. С. 293.

¹⁰ Там же. С. 335, 336.

¹¹ Там же. С. 338.

«Начальнике тишины», где как близкие автору названы Хомяков, Киреевский, Самарины, Аксаковы, а также Тютчев и Достоевский) сочетаются с эстетической проблематикой. Вслед за Ницше, ставшим другом-врагом Вагнера, Дурьлин призывал к формированию религиозного искусства на основе мифо-мышления, вдохновляясь примером великого немецкого композитора: «он пошел к праздно черни, бесстыдной и назойливой, чтоб очищением искусства извлечь из нее молчаливо внимающий народ»¹². Проблематика национальной специфичности и народа, который нужно «извлекать» из черни, выросла тоже из литературной традиции (пушкинское «Поэт и толпа» цитируется в «Вагнере») и существует для Дурьлина в ее же пределах. Монография о Лескове, выросшая из доклада, заканчивается очень верным и, к сожалению, неразвернутым наблюдением: «Лесков никогда не был и не мог быть, по свойствам своего таланта, писателем, направляющим свое художественное внимание на духовную и душевную жизнь интеллигенции. Эта особенность заслуживает более подробного рассмотрения...» (447).

Именно мифическое мышление с его безаналитичностью обещает целостность восприятия жизни и примиряет с ее противоречиями. «Параллельно со своими куда более знаменитыми современниками — к примеру, Андреем Белым и Вяч. Ивановым и куда раньше А.Ф. Лосева — С.Н. Дурьлин пришел к выводам о необходимости (и даже неизбежности) синтеза смысла и образа, об *онтологической природе мифа*»¹³, — пишут публикаторы его статей. Характерно, что своего «Лескова» Дурьлин планировал публиковать в томе «Искусство»¹⁴ вместе с работой «Рихард Вагнер и Россия. Вагнер о будущих путях искусства».

Отталкивание от формальной «литературности» и стремление к целостности мировосприятия — главная проблема для Дурьлина в этот период. Поэтому и у Лескова он акцентирует совмещение противоположностей: неумность характера («нетерпячесть») и способность отразить максималистский идеал православия, т.е. крайности. Занятый мировоззренческими и общеэстетическими проблемами в целом, Дурьлин обращается к Лескову как к подходящему примеру, иллюстрирующему искомый идеал художника. Эти принципиальные размышления и заставили его в докладе сосредоточиться на личном складе и общей характеристике творчества Лескова, на взаимосвязи между ними. Собственно «литературная» сторона его наследия, например приемы по-

¹² Дурьлин С.Н. Рихард Вагнер и Россия. Вагнер о будущих путях искусства // Дурьлин С.Н. Статьи и исследования 1900–1920 годов. С. 71.

¹³ Резниченко А.И., Резвых Т.Н. Метафизическая проза С.Н. Дурьлина. Истоки и параллели // Дурьлин С.Н. Рассказы, повести и хроники. С. 9.

¹⁴ Резниченко А.И., Резвых Т.Н. От составителей // Дурьлин С.Н. Статьи и исследования 1900–1920 годов. С. 8.

вестования, которые и составили новаторство Лескова, Дурылину тогда были менее интересны.

Через некоторое время приоритеты если не изменились, то сдвинулись. Сам Лесков всячески открещивался от «литературности», избирал свою поэтику, чтобы правдиво передать «естественную жизнь». К анализу лесковского повествования, к выявлению специфики его творчества Дурылин обратился во второй части монографии, помеченной январем 1917 г. Подробно рассматривая ее, он заметил, в частности, стремление Лескова «прятаться» за чужим рассказыванием, обращаясь к «воспоминаниям» или «исповедям». Он «постоянно ищет этой формы повествования от чужого лица» (438–439), — справедливо пишет Дурылин в монографии. Естественный вывод из этого по отношению к произведениям Лескова — необходимость следить за сюжетом, который раскрывается в собственно рассказывании, через него. Дурылин не сформулировал этого, но, безусловно, почувствовал. В «Шерамуре» ведь тоже есть эта сложная игра с читателем, своеобразный внутренний сюжет: один человек — повествователь — старается разгадать суть другого — Шерамура. Композиция рассказа в целом, т.е. рассказа о Шерамуре, совпадает с композиционной схемой рассказа самого героя о своей жизни (центральные главы — исповедь Шерамура). Она сформулирована следующим образом: «начал волчьим вытьем, а кончил божеством». Акцентированные рассказчиком в начале животные ассоциации (голодный блеск глаз и буйная растительность, сравнение с поросеночком и т.д.) сменяются включением в повествование культурных и политических аллюзий (выпад против Аксакова и Кокорева), появлением таких выражений, как «духом возмутился», «бедный рассудок», «натура», «настоящее призвание», а в заключительной главе и рассуждением о святости. Знаменательно и изменение эмоционального тона повествования: от иронии по отношению к герою к самоиронии и легкому вызову читателям.

При написании доклада Дурылин этой сложности не заметил. Он опирался на воспоминания о Лескове и был сосредоточен на выстраивании общей концепции его творчества в русле онтологии. Пристальное же вглядывание в структуру лесковских текстов, отличающее монографию, видимо, заставило автора отказаться от описания Шерамура, ни образ которого, ни авторская оценка не укладывались в сложившиеся концепты «России», «нигилизма» и «народа».

Итак, в развернутой монографии о Лескове Дурылин ничего не пишет о «Шерамуре», уделяет меньше внимания «нигилистической легенде» Лескова вообще и обсуждает ее на примерах куда более убедительных — романах «На ножах» и «Некуда». Можно, конечно, предположить, что к моменту работы над докладом он просто еще не прочел эти

объемные и художественно малоудачные произведения Лескова; однако совсем обойти эту тему его творчества, к тому же испортившую писателью жизнь, было бы исторически некорректно, и Дурьлин использовал наиболее близкое из прочитанного и запомненного по этой теме — «Шерамур» и «Овцебык», обычно не упоминавшиеся в интересующем его контексте. Выбор оказался неудачным, и он понял это впоследствии. Представляется, что немалую роль в таком понимании сыграло пристальное внимание Дурьлина к поэтике Лескова.

Литература

Дурьлин С.Н. Русь прикровенная. М.: Паломник, 2000. 335 с.

Дурьлин С.Н. Статьи и исследования 1900–1920 годов / Сост., вступ. ст. и коммент. А.И. Резниченко, Т.Н. Резвых. СПб.: Владимир Даль, 2014. 895 с.

Мотеюнайте И.В. «Чрева ради юродивый» Н.С. Лескова (Традиции юродства в рассказе «Шерамур») // Северо-Запад: Историко-культурный региональный вестник. Вып. III. Череповец, 2000. С. 88–99.

References

Durylin S.N. *Rus' prikrovennaia* [Russia concealed]. Moscow, Palomnik Publ., 2000. 335 p. (In Russ.)

Durylin S.N. *Stat'i i issledovaniia 1900–1920 godov* [Articles and studies of 1900–1920], comp., intro. and comment. by A.I. Reznichenko, T.N. Rezvykh. St. Petersburg, Vladimir Dal' Publ., 2014. 895 p. (In Russ.)

Moteiunaite I.V. “Chreva radi iurodivyi” N.S. Leskova (Traditsii iurodstva v rasskaze “Sheramur”) [N.V. Leskov’s “holy fool for womb’s sake” (Traditions of foolishness for Christ in a short story “Sheramur”)]. *Severo-Zapad: Istoriko-kul'turnyi regional'nyi vestnik. Vyp. III* [North-West: Historical and cultural regional bulletin. Issue 3]. Cherepovets, 2000, pp. 88–99. (In Russ.)

Sergey Durylin on Nikolay Leskov's "Sheramur"

© 2018, Ilona Motejunaite

Abstract: The report makes comments on a fragment about Leskov's story "Sheramur" from the work "Nikolai Semenovich Leskov. Experience of Characteristics and Religious Creativity" by S.N. Durylin. The author considers the context (Leskov's story, Durylin's article "Richard Wagner and Russia" (1913), his essay "The Chief of Silence" (1916), etc.), determining its influence on the perception of the ambiguous Leskov's hero.

Keywords: S.N. Durylin, N.S. Leskov, "Sheramur", Russian literature, perception.

Information about the author: Ilona Motejunaite, Doctor of Philology, Professor, Pskov State University, Russia. E-mail: ilona_motya@mail.ru

Citation: Motejunaite Ilona. Sergey Durylin on Nikolay Leskov's "Sheramur". *Literary fact*, 2018, no. 10, pp. 307–320.

DOI 10.22455/2541-8297-2018-10-321-354

УДК 812.161.1

Неизданная статья С.Н. Дурылина о стихотворении П.А. Вяземского «Орфографическое замечание»*

© 2018, С.И. Панов

Аннотация: В публикации рассматривается неизданная статья С.Н. Дурылина, посвященная стихотворению П.А. Вяземского. Редакции ее текста и история работы над ней позволяют отчасти реконструировать исследовательские методы Дурылина-литературоведа: внимание к историческому и биографическому контексту в сочетании с пристальным анализом художественного текста. Тот факт, что эта написанная в 1929 году статья осталась неизданной, свидетельствует об определившихся в 1930–1950-е приоритетах публикационной политики советских научных и историко-культурных изданий.

Ключевые слова: С.Н. Дурылин, П.А. Вяземский, А.О. Смирнова (Россет), история русской литературы, научное наследие, архивные публикации

Информация об авторе: Сергей Игоревич Панов, канд. филол. наук, ст. научн. сотрудник ИМЛИ РАН, Россия

E-mail: litfact@gmail.com

Цитирование: *Панов С.И.* Неизданная статья С.Н. Дурылина о стихотворении П.А. Вяземского «Орфографическое замечание» // Литературный факт. 2018. № 10. С. 321–354

* Работа выполнена в рамках проекта «С.Н. Дурылин – историк литературы: От “Мусгета” до Академии наук СССР. (Новые материалы)», поддержанного РФФИ (проект № 18-012-00746).

Двухлетнее пребывание С.Н. Дурылина в Москве (1925–1927) между двумя ссылками было творчески насыщенным. Он ближе сходитя с людьми чисто научного круга, активно участвует в работе ГАХН, где делает более полутора десятков докладов¹, в меру возможности работает в библиотеке и рукописном отделении Румянцевского музея. Реализуя в докладах и статьях ряд своих прежних замыслов (о поэзии символизма и русских символистах, Гоголе и др.), он пишет и цикл статей о Достоевском (тоже были прочитаны в ГАХН, но из трех работ опубликована лишь одна), а также увлекается, по всей видимости, новой для себя фигурой — Петром Андреевичем Вяземским². Впрочем, применительно к Дурылину говорить о его выходе на «новые» темы можно лишь весьма условно: феноменальная память позволяла ему годами и десятилетиями накапливать прочитанное, осмысляя и систематизируя «про себя». В молодости Дурылину, поклоннику Лермонтова, поэзия Вяземского вряд ли была близка, и требовался какой-то толчок, импульс для сближения.

С большой долей уверенности можно предположить, что таким толчком стало проживание бесприютного в эти московские годы Дурылина в Мураново у Тютчевых. В 1924 г. внук поэта Н.И. Тютчев был назначен хранителем и директором учрежденного в усадьбе музея, где и приютил Дурылина, взявшего себя за домашнего учителя тютчевских племянников Пигаревых³. В богатой усадебной библиотеке Дурылин с увлечением читает тома 12-томного «Полного собрания сочинений кн. П.А. Вяземского». О произведенном впечатлении говорит тот факт, что уже из томской ссылки, намечая круг чтения для своей близкой приятельницы Е.В. Гениевой, которая на лето 1928 г. сняла комнаты у Тютчевых в Мураново, Дурылин особо выделяет стихи Вяземского и его «Старую записную книжку» (оговаривая: «в собр[ании] соч[инений], к[оторо]го нигде не достанете»)⁴. Дурылин стал и основным участником предпринятого Н.И. Тютчевым на базе музея научного историко-литературного издания — «Мурановских сборников», для единственного вышедшего он подготовил три материала, в том числе связанные с Вяземским. Кроме того, в семейном архиве Тютчевых нашелся любопытный автограф

¹ См.: *Богомолов Н.А.* Из комментаторских заметок. 4. К публикации статей С.Н. Дурылина о символизме // *Литературный факт.* 2017. № 4. С. 278.

² Вяземского Дурылин не раз будет вспоминать и в тетрадах «В своем углу»; см.: *Мотейюнайте И.В.* Поэты «Арзамаса» в осмыслении С.Н. Дурылина: В.А. Жуковский, К.Н. Батюшков, П.А. Вяземский как литераторы // *Литературное общество «Арзамас»: история и современность.* Арзамас; Нижний Новгород: Растр, 2015. С. 368–376.

³ См.: *Гончарова Т.П.* С.Н. Дурылин в Мураново // С.Н. Дурылин и его время: Исследования. Тексты. Библиография. Кн. I: Исследования / Сост., ред. А.И. Резниченко. М.: Модест Колеров, 2010. С. 84–100.

⁴ «Я никому так не пишу, как Вам...»: Переписка С.Н. Дурылина и Е.В. Гениевой. М.: Центр книги Рудомино, 2010. С. 218.

Вяземского — стихотворение «Орфографическое замечание», которого не было в собрании сочинений. Его комментирование тоже взял на себя Дурылин — для следующего сборника.

Замысел подготовить публикацию стихов Вяземского едва не перечеркнул арест Дурылина летом 1927 г. — по обвинению в контрреволюционной пропаганде («пропагандировал некоторые моменты из учения Розанова»). В конце года он был сослан в Томск под гласный надзор ОГПУ. Стихи Вяземского остались в Мураново, Дурылин не успел даже списать их. Но Н.И. Тютчев, выпустив в начале 1928 г. первый сборник (уже в верстке имя Дурылина пришлось обозначить лишь инициалами: С.Д.), сразу же приступил к составлению второго, рассчитывая и на публикации Дурылина. По предварительной договоренности, Дурылин брался приготовить развернутый обзор «Тютчев в музыке», а также комментированную публикацию стихотворения Вяземского.

Точную копию текста стихотворения для него подготовил Кирилл Пигарев в феврале 1928⁵, а 24 марта Тютчев сообщал «легенду» этого автографа: «Автограф стихотворения Вяземского, вероятно, принадлежал моей бабушке С.Л. Путяте, т.к. я нашел его среди других бумаг С.Л., после смерти моей матери. У Н.В. Путяты с Вяз[емским] и Смирновой близких отношений не было — у С.Л. до ее замужества могли быть с В[яземским] более близкие отношения через Боратынского, или С.Л. могла его получить от Бор[атынского]. Вот все, что я могу Вам по этому поводу сказать»⁶.

Той же весной, подступаясь к комментированию стихов Вяземского, Дурылин наводит контрольные справки и обращается к И.Н. Розанову, знатоку поэзии XIX века («вероятно, только Вы во всей России можете мне помочь»): «Дело вот в чем: в бумагах С.Л. Энгельгардт (свояченицы Боратынского) удалось обнаружить ст[ихотворен]ие Вяземского “Орфографическое замечание”, обращенное к А.О. Россетти. [...] Всего 8 строф. Сколько я помню, в Собр. сочин. Вяземского НЕТ этого стихотворения, и я его — опять же, сколько помнится, — не встречал и в альманахах пушкинской поры. (Дата его ясна: оно не может быть позднее 1832 г. — года выхода Россетти за Смирнова.) Но все-таки берет сомнение: “а ну, как оно было уже в печати?”»⁷

Но в течение года — с весны 1928 по весну 1929-го — приоритетным научным занятием Дурылина был иной сюжет, связанный с Вяземским: он писал большую работу об общественной позиции поэта, его связях

⁵ См. письма Н.И. Тютчева Дурылину от 21 января и 24 февраля 1928: РГАЛИ. Ф. 2980. Оп. 1. Ед.хр. 845. Л. 7–7 об., 8–8 об.

⁶ Там же. Л. 10–10 об.

⁷ РГБ. Ф. 653. Карг. 37. Ед.хр. 20. Л. 12.

с декабристской и около декабристской средой. Удача: в томской библиотеке, куда ссыльный Дурылин даже пытался определиться на службу, оказались издания переписки Вяземского и тома его собрания сочинений (которого «нигде не достать»), причем цензурные экземпляры, в том числе уникальный 9-й том первого набора, из которого цензором были исключены «фрондерские» пассажи. Такая находка и стала толчком к большой работе о политической позиции Вяземского. Первый ее вариант был послан Н.И. Тютчеву весной 1929 г., а спустя три года статья вышла (под псевдонимом) в ленинградском сборнике⁸. После завершения «Декабриста без декабря» Дурылин быстро дооформил свое исследование о стихотворении Вяземского. Предполагавшийся комментарий к публикации стихов вырос в пространную статью.

29 июня 1929 г. Н.И. Тютчев делился впечатлениями от полученной статьи: «Дорогой Сергей Николаевич, на днях отправил Вам открытку, чтобы известить Вас о получении рукописи. — Теперь же хочу Вас поблагодарить за превосходную статью, которую мне хочется даже назвать блестящей. Она интересна, *элегантна* и оригинальна, т.к. это совершенно новая форма, в которую Вы облекли комментарий к стихотворению Вяземского. Конечно, она не заслужит со стороны Переверзева такой рецензии, какой удостоилась Ваша книга о Гоголе, — но тем хуже для него (т.е. Перев[ерзева]). Если Вы мне разрешите, то я Вам сделаю маленькое замечание (решаюсь это сделать, т.к. все читавшие Вашу статью и очень ее одобрявшие, находят то же, что и я): не слишком ли часто Вы повторяете такие *замечательно удачные* выражения, как напр. “верному даннику”, “единоверие” — от такого частого повторения несколько ослабевает впечатление, произведенное этими удачными выражениями. Если Вы со мной согласитесь, то Вы всегда успеете в корректуре заменить их кое-где другими выражениями»⁹.

Мнение одного из первых читателей этой работы и сейчас кажется во многом точным. Отмеченное изящество формы изложения, вероятно, определялось тем стремлением Дурылина больше писать о «стихах», чем об «идеях», которое он в это же время так сформулировал в письме к своей confidentке Е.В. Гениевой от 23 февраля 1928 г.: «Вот отчего я предпочитаю теперь говорить чистое и честное слово о слове — о поэтике Пушкина, Лерм[онтова], о новом стихотворении Вяземского (Тют-

⁸ Кутанов Николай [= Дурылин С.Н.]. Декабрист без декабря // Декабристы и их время. Л.: Общество политкаторжан, 1932. Т. 2. С. 201–290.

⁹ РГАЛИ. Ф. 2980. Оп. 1. Ед.хр. 845. Л. 21–21 об. Речь идет о рецензии В.Ф. Переверзева (Печать и революция. 1929. № 4. С. 122) на подготовленную Дурылиным книгу: Из семейной хроники Гоголя. Переписка В.А. и М.И. Гоголь-Яновских. Письма М.И. Гоголь к Аксаковым. М.: ГАХН, 1928. 111 с. В письмах родителей, по мнению рецензента, отражался социальный генезис Гоголя-художника.

чевы прислали мне сюда для комментирования новооткрытое чудесное ст[ихотворен]ие В[яземско]го к Россетти), а о Ф[ёдорове] и Т[олстом] говорить бы не стал. Истина, в конце концов, самый нелюбопытный и редкий объект слова в наши дни»¹⁰. Конечно, тут с горечью говорится и о «подцензурности» возможных в советских условиях работ, но все же чувствуется и искренняя увлеченность чисто литературным сюжетом.

В статье о стихотворении Вяземского Дурьлин демонстрирует уже определившийся к тому времени свой подход к анализу литературных произведений. В самом общем виде он может быть определен как стремление истолковать текст (и отдельные его элементы) в соотношении с бытовой и (что важнее) психологической ситуацией автора, проследить эволюцию определенных художественных мотивов, образов и приемов в различных произведениях писателя. Причем конкретная ситуация и связанная с ней психологическая мотивировка, по мнению Дурьлина, находят непосредственное отражение в художественном тексте — можно сказать, он «верит» тексту, склонен порой даже чересчур буквально принимать слова писателя.

Эти особенности исследовательской манеры отчетливо видны в предшествующей большой работе Дурьлина — о Достоевском, статье «Монастырь старца Зосимы. (К вопросу о творческой истории I, II и IV книг “Братьев Карамазовых” Достоевского)» (1927)¹¹. Изучение эволюции тем и образов романов помещено Дурьлиным в плотный контекст жизненных обстоятельств Достоевского, с биографическими уточнениями и «открытиями», первоначальная задача комментария конкретного художественного топоса вырастает в подробный очерк отношения Достоевского к Оптиной пустыни и ее старцам. В тексте романа Дурьлин пытается увидеть почти «фотографическое» отражение оптинских реалий, вплоть до мелких деталей. В собственном письме он использует тот же прием последовательного повтора выразительных формул, за злоупотребление которым в статье о стихах Вяземского Дурьлину выговаривал Н.И. Тютчев.

Важной особенностью работы Дурьлина является настойчивое стремление охватить по возможности весь круг необходимых источников, исчерпывающе собрать фактический материал. «Эlegantная» по стилю изложения статья строится академически скрупулезно. Дурьлин в совершенстве владеет библиографической эвристикой, умеет находить нужные данные в старых журналах, в редких изданиях. Кроме планомерно накапливаемых подготовительных материалов его выручала даже

¹⁰ «Я никому так не пишу, как Вам...» С. 160.

¹¹ РГАЛИ. Ф. 2980. Оп. 1. Ед.хр. 29. Эта неизданная статья С.Н. Дурьлина в настоящее время подготовлена к печати нами с И.В. Мотенойтке.

в сложных условиях жизни ссыльно-поселенца феноменальная память. Из Томска и Киржача он может свободно слать коллегам указания, где посмотреть документы, письма и мемуары по интересующим их темам, в каких московских музеях и частных коллекциях найти иллюстративный материал. Эти способности в полной мере проявились при подготовке Дурылиным в 1931–1932 гг. огромного по объему и сверхнасыщенного материалом исследования «Русские писатели у Гете в Веймаре»¹².

Знакомство с новыми материалами заставляло Дурылина дважды возвращаться к тексту статьи об «Орфографическом замечании» Вяземского, внося в вариант 1929 г. существенные уточнения. Первая большая правка была вызвана выходом нового издания мемуарных текстов героини стихов и статьи — А.О. Смирновой-Россет. Л.В. Крестова, приготовившая в 1929 г. переиздание ее «Записок» по книге, выпущенной дочерью мемуаристки Ольгой Смирновой в 1894 г., обнаружила автографы воспоминаний, представляющие собой совершенно иное произведение. На их основе Л.В. Крестова вскоре составила новую книгу Смирновой-Россет, озаглавив ее «Автобиография. (Неизданные материалы)» (1931)¹³. На склоне лет мемуаристка описывает свои беседы с Н.Д. Киселевым («Баденский роман»), полные воспоминаний о ее молодости, о поклонниках, посвящавших ей стихи; одно из главных мест в ее беллетризованных воспоминаниях занимает Вяземский. Эти материалы, не меняя концепции и общего построения статьи Дурылина, были им учтены в целом ряде вставок, иногда занимавших до двух страниц.

Вторая находка, не потребовав столь обширного цитирования и пересказа, заставила внести существенные содержательные исправления в статью. Первоначально Дурылин склонен был датировать стихотворение Вяземского близко к верхней границе возможного — 1831 г., и строил на этом ряд хронологических выкладок и рассуждений. Обнаружение письма П.А. Плетнева 1829 г. с упоминанием о стихотворении перевернуло картину. Одновременно пришлось провести дополнительную ревизию датировки стихов А.С. Хомякова, уточнив биографический контекст. С самого начала не доверяя установившейся (на основании письма отца Хомякова от начала 1832 г.) дате «1832», теперь Дурылин сдвигает ее не на год, а на три назад¹⁴. При этом стихотворную переключку Вяземского

¹² Литературное наследство. М., 1932. Т. 4-6. С. 81–504.

¹³ См. подготовленное С.В. Житомирской новое издание части этого рукописного комплекса в серии «Литературные памятники»: *Смирнова-Россет А.О.* Дневник. Воспоминания. М.: Наука, 1989.

¹⁴ Вне зависимости от аргументов Дурылина традиционная дата не вызывает доверия, хотя до сих пор принята в научных изданиях (см.: *Хомяков А.С.* Стихотворения и драмы / Под ред. Б.Ф. Егорова. Л., 1969) и не оспаривается биографами поэта (см. подробно: *Кошелев В.А.* Алексей Степанович Хомяков. М.: НЛЮ, 2000. С. 150 и др.). Единственный известный нам случай отказа от этой датировки:

и Хомякова он трактует слишком буквально — вряд ли этот аспект его статьи убедителен.

Промежуточный вариант работы Дурылин предложил в новое историко-литературное издание — сборники «Звенья», с редактором которых В.Д. Бонч-Бруевичем у него наладилось тесное сотрудничество. 2 февраля 1933 г. Дурылин писал ему: «Жду от Вас решения судьбы моих “Тютчева и Гете” и “Вяземского и Смирновой”. Пожалуйста, уведомьте меня о Вашем решении: попадут ли они в 5 сборник?»¹⁵ (л. 4) В редакции «Звеньев» рукопись залежалась на три года, только 23 ноября 1936 г. Бонч-Бруевич сообщал: «...сегодня заказной бандеролью мы высылаем Вашу статью “Стихи П.А. Вяземского к А.О. Россет” на просмотр: сделайте нужные дополнения, а также было бы хорошо, если бы Вы несколько сократили ее». Дурылин приступил к окончательной переработке статьи, но не спешил, и редактор спустя полгода торопил его: «Также Вы упорно не отвечаете на мои запросы по поводу Вашей статьи “Стихи Вяземского к Россет” — в каком она у Вас положении?» (21 мая 1937)¹⁶. Промедление оказалось для судьбы публикации фатальным: выход сборников «Звенья» на полтора десятилетия (1936–1950) прекратился; в послевоенные выпуски 8, 9 статья Дурылина не вошла, не значится она и в содержании невышедшего до войны сборника 7 (неполная верстка которого хранится в Рукописном отделе Гослитмузея).

Когда в 1949–1950 гг. «Литературное наследство» задумывает новый пушкинский том (вышел как «сборный» т. 58: «Пушкин. Лермонтов. Гоголь», 1952), Дурылин посылает свою старую статью И.С. Зильберштейну. 25 июля 1951 г. тот сообщает: «Если у Вас готово сообщение “Из забытых свидетельств о Пушкине”, очень прошу Вас прислать для ознакомления. “Современница Пушкина” и послание Вяземского к Россет, боюсь, не подойдут для этого тома»¹⁷. В этом томе Дурылин так и не принял участие (лишь как рецензент и консультант), хотя предлагал Зильберштейну ряд материалов по Гоголю и пушкинской эпохе. Упомянутая в письме статья «Современница Пушкина» — это, вероятно, исследование о Елизавете Кульман; характерно, что идея данной работы возникла у Дурылина почти одновременно с первыми подступами к исследованию стихотворения Вяземского к А.О. Россет — в Томске в 1928 г. (о чем свидетельствуют его письма к И.Н. Розанову).

Смирнова И.А. А.О. Смирнова-Россет в русской культуре XIX века. М.: РГГУ, 2004. С. 506 — исследовательница независимо от Дурылина руководствуется первым вариантом его умозаключений, склоняясь к 1831 г., до помолвки А.О. Россет.

¹⁵ РГБ. Ф. 369. Карт. 267. Ед.хр. 42. Л. 4.

¹⁶ РГБ. Ф. 369. Карт. 145. Ед.хр. 54. Л. 25, 26.

¹⁷ РГАЛИ. Ф. 2980. Оп. 2. Ед.хр. 534. Л. 49.

Неизвестно, посылал ли Дурылин на просмотр Зильберштейну вариант статьи из «Звеньев» или текст был заново перепечатан. Послевоенная машинопись, если она и была изготовлена, нами не выявлена: в фонде С.Н. Дурылина в РГАЛИ хронологически последний вариант это тот, что был возвращен Бонч-Бруевичем в ноябре 1936 г., с вписанными и подклеенными вставками. В НИОР РГБ в фонде Дурылина хранится машинопись первой редакции статьи, в которой еще отсутствуют коррективы в связи с передатировкой стихотворения; в рукописном собрании Дома-музея С.Н. Дурылина в Болшево, как нам любезно сообщила А.И. Резниченко, текста данной статьи нет.

Само стихотворение Вяземского, справедливо высоко оцененное Дурылиным по своим художественным достоинствам, странным образом ускользнуло от внимания не только издателей его 12-томного собрания сочинений, но и последующих исследователей творчества поэта. Хотя автограф из собрания Тютчевых (судьба его нам не известна) не является уникальным источником текста. Стихотворение сохранилось и в архиве самого Вяземского¹⁸ — почти в той же редакции, которая имелась и у Дурылина.

Текст статьи С.Н. Дурылина печатается по машинописи с учетом вставок и авторской правки 1930-х гг.¹⁹ Отдельные авторские купюры приводятся в примечаниях, в нескольких случаях сохранены вычеркнутые Дурылиным слова (обозначены как *зачеркнутые*). В авторских библиографических ссылках проведена минимальная модернизация, уточнены номера журналов, томов и страниц, тексты цитат.

¹⁸ РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. Ед.хр. 919. Л. 6 — черновой автограф (под заглавием «Орфографическое замечание»). Л. 7 — список с поправками Вяземского.

¹⁹ РГАЛИ. Ф. 2980. Оп. 1. Ед.хр. 50. Л. 36–83. Тут же, л. 1–34 — первоначальный автограф в школьных тетрадах. Ед.хр. 51 — подготовительные материалы к статье (цитаты, конспекты, наброски).

Сергей Дурьлин

Стихи кн. П.А. Вяземского к А.О. Россет (Смирновой)**Орфографическое замечание**

Нет, ни Росети, ни Розети
Росетти попросту она:
Опасны умничанья сети
Где в блеске истина видна.

В счастливом имени прекрасной
К чему тут роза и роса?
Генеалогии напрасной
Ея чуждается краса.

И в утро первое вселенной
Подобных роз не разцвело,
Чтобы земли новорожденной
Венчать прелестное чело.

В стесненьи чувств непобедимом
Восторга, иль любви слезой
Увлажится-ль прозрачным дымом
Очей ея блестящий зной?

Слеза ея свежей и чище
Чем утра перваго роса,
Когда земля, духов жилище
Пила другия небеса.

На языке земнаго знанья
На языке земной мечты
Нет звуков, нет именованья
Для выраженья красоты.

Нет, разве трепетом невольным
Слезой, улыбкой, искрой глаз
Промолвим чувством безглагольным
Мы то, чему нет слов у нас.

Не мудрствуя скажи Россетти
И знай жив дух, а речь мертва:
Так в простоте сердечной дети
Лепечут имя Божества.

I.

Это неизданное стихотворение кн. П.А. Вяземского (1792–1878) печатается с его своеручного подлинника. Стихотворение писано на клочке бумаги без водяных знаков. Рукопись хранит следы работы поэта над стихотворением, которому тут же придана окончательная форма. В первой строфе Вяземский тщательно добивался надлежащего начертания фамилии Россетти, на котором построена вся игра стихотворения. Слова *Росети* и *Розети* переправлены в 1 стихе из *Росетти* и *Розетти*; во втором стихе *Россетти* выправлено из *Россети*. 3-й стих 1-ой строфы начинался зачеркнутым: некстати. Варианты 3-ей строфы значительны: 1 стих — «И в праздник юнаго творенья», с предшествующим: «И в юный празд.»; 3 стих начат был первоначально: «чтоб увенчать...»; 4 стих читался сперва: «Земли младенческой чело»; в окончательной редакции «прелестным челом» заменено «прекрасное чело». В строфе 6, в стихе 3-м, после «нет» отменен слог «не», начинавший какое-то слово (быть может, «нежных звуков»). После 6 строфы первоначально следовал иной набросок следующей строфы:

Уподобленья будут бедны
Слова иль
И всякий список отблеск бледный
Того

Строфы 2, 4, 5, 7, 8 писаны без помарок и отмен. На оборотной стороне листка — счеты, записанные не рукой Вяземского.

* * *

Листок со стихотворением Вяземского сохранился в бумагах О.Н. Тютчевой. К ней перешел он от матери ее, Софьи Львовны Путята, урожденной Энгельгардт (1811–1884), свояченицы и близкого друга Е.А. Боратынского¹. Не легко сходившийся с людьми, Боратынский был близок с кн. П.А. Вяземским; ему посвятил он свой сборник «Сумерки» (1842 г.). О близости Боратынского к Вяземскому свидетельствует многое — между прочим, следующие строки из письма первого к Н.В. Путя-

¹ [В автографе статьи далее вычеркнута фраза: «Своеручный подлинник Вяземского находится в тетради стихов, среди коих есть писанные рукою творца “Эдды”». Из этого замечания следует, что в семье Тютчевых литературные реликвии были объединены в тетрадь, содержание которой, к сожалению, нам неизвестно.]

те (мужу Софьи Львовны, приятелю и свояку Боратынского): «В одном письме Вяземского к Тургеневу помещено несколько строк для меня особенно благоволительных. Скажи ему при случае, что я был ими очень тронут и что они сохраняются в том чувстве, которое так хорошо назвали сердечной памятью»². Трижды воспетая Боратынским С.Л. Путята (р. Энгельгардт) была предана поэзии. Боратынский посвящал ее в свой творческий труд (см. его письмо к ней в 1-м выпуске «Мурановского сборника», 1928 г., изданное мною, стр. 30–32), знакомил со своими новыми созданиями, в их числе — и с «Посланием к кн. Вяземскому» (1831; там же)³. «Орфографическое замечание» Вяземского дошло до Софьи Львовны, почти бесспорно, через Боратынского, получившего листок от автора. Впрочем, свояченица Боратынского и жена знакомого Вяземского, Н.В. Путяты, она могла получить стихи и непосредственно от сочинителя.

* * *

«Орфографическое замечание» — неожиданный и прекрасный вклад в ту маленькую, но драгоценную антологию, которую сплели вокруг имени Александры Осиповны Россет (Смирновой) (1809–1882) русские поэты: Жуковский, Плетнев, Пушкин, Соболевский, В. Туманский, Хомяков, Мятлев, Лермонтов, И. Аксаков, гр. Е. Ростопчина и др. Вяземский был прилежнейшим из вкладчиков в эту антологию. С именем Россет у Пушкина связано 4 стихотворения, у Жуковского — 2-3 стихотворных шуточки, у Хомякова — 3 стихотворения, у остальных поэтов — по одному⁴. Вкладов Вяземского доселе было известно шесть: 1) 1828 г. — «Черные очи»; 2) 1830 г. — «К А.О. Росетти» («И молча бы легко вы умницей прослыли...»), «Литературная газета», 1830 г. № 14; 3) 1830 г. — «К А.О. Росетти» («Красою смуглою румянца»), «Северные Цветы» 1831 г.; 4) 1833 г. — «Прощание» (А.О. Смирновой), «Новоселье», 1833 г.; 5) 1844 г. — «А.О. Смирновой» («Что делает ваш скучный кашель»), Собрание соч. Вяземского, т. IV. СПб. 1880 г. [с. 273]. — О *шестом* стихотворении надо говорить подробнее.

В 1874 г., в ряду страниц «Из старой записной книжки», престарелый Вяземский поместил в «Русском Архиве» (кн. 5, стб. 1337–1340) очерк «Donna Sol». Отрывки «Из старой записной книжки» Вяземский печатал

² Русский архив. 1867. Стб. 291. [Январь 1844. Париж.]

³ [Публикация С.Н. Дурьлина «Письмо Е.А. Боратынского к С.Л. Энгельгардт» (Мурановский сборник. М., 1928. Вып. I. С. 30-32).]

⁴ [Существенно больше шуточных стихотворений обращено к Смирновой И.П. Мятлевым. Три из них были опубл. в «Русском вестнике». 1889. № 11, еще ряд остаются неизданными: хранятся в фонде Смирновой в НИОР РГБ.]

безыменно⁵, а очерк «Donna Sol» включал в себя, сверх того, целый ряд «безыменностей». Безыменен был автор очерка; не было названо имя той, кто скрывается под «Donna Sol»; автор этого прозвища тоже был утаён: «Кто-то из нас прозвал смуглую, южную, черноокою девицу Donna Sol» (стб. 1337). К очерку было прибавлено стихотворение:

Вы — Донна Соль, подчас и Донна Перец!

Оно тоже было безыменно: оно соединялось с прозаическим очерком, который сам по себе был стихотворением в прозе, лаконической фразой: «Вот шуточные стихи, которые были ей поднесены». Вся эта цепь безвестностей вскоре начала раскрываться. Последнее звено ее теперь нужно считать раскрытым. В 1883 г. «Donna Sol» вошла в VIII том сочинений *кн. Вяземского*. Инкогнито автора прозвища, данного красавице, тоже может считаться раскрытым: «кто-то» был сам *Вяземский*⁶.

«Donna Sol» была А.О. Россет. Но кто был автором превосходного безыменного мадригала, заканчивавшего очерк? Мы не найдем его в томах «Полного собрания сочинений *кн. Вяземского*», отданных его стихам, но напрасно бы мы искали его также в собраниях стихов других поэтов Пушкинской поры. Его *безвестность* — такого же порядка, как все раскрытые уже безыменности очерка «Donna Sol». В текст стихотворений Вяземского оно не вошло так же, как и другие его стихотворные шутки, приведенные уже им на страницах «Записной книжки». Литературное предание издавна и единогласно усвоят стихотворение «Вы — Донна Соль» Вяземскому. Во всей литературе, старой и новой, о поэтах пушкинского созвездия нет ни единого противопоставления. Если сопоставить стихотворную шутку о Донна Соль с тем, что Вяземский говорит о ней в очерке, шутка окажется лишь стихотворным *resumé* сказанного в прозе. Стихотворение написано, вероятно, в 1830 г., во всяком случае — не позже июля 1831 г., когда был официально объявлен «счастливцем», который «надежный путь проложил» к «сердцу» «Донны Перец»: Н.М. Смирнов.

Итак, это — 6-ое стихотворение Вяземского, посвященное Россет.

⁵ Как раз к очерку «Donna Sol» издатель «Русского Архива» сделал такое примечание: «читатели в праве требовать, чтобы названо было наконец имя автора Записной книжки; но мы не можем до сих пор удовлетворить законному их любопытству». Против этого «удовлетворения» был автор, и Бартевев, по его настоянию, поддерживал легенду, что отрывки доставляет в «Русский Архив» некто из Саратова, и печатая «Donna Sol», заявлял: «Не знаем, как и благодарить Саратовского доставителя этих очерков, заметок и рассказов».

⁶ См. Сочинения Вяземского. СПб., 1884. Т. VIII. С. 128; «Остафьевский Архив». СПб., 1899. Т. III. С. 590, прим.; предисловие О.Н. Смирновой к ее «Запискам А.О. Смирновой». СПб., 1895.

Этими шестью стихотворениями не исчерпывалась стихотворная дань, принесенная Вяземским А.О. Россет. В своей автобиографии она рассказывала Н.Д. Киселеву: «Вяземский находил мой голос очень увлекательным и прислал мне в Павловск стихи:

И голос ее
Слаще Торкватовых октав,

больше ничего не помню, и потом другие, которые начинаются

Не для меня, так для кого же
И платье красное при черной бахроме»⁷.

Кроме этих осколков, уцелевших в памяти А.О. Смирновой, ничего не сохранилось от этих двух стихотворений Вяземского.

Из круга сохранившейся его поэтической «Россетианы» «Орфографическое замечание» является *седьмым*. Оно займет едва ли не *первое* место в антологии Вяземского и одно из первых — в общей антологии, посвященной Россет. Это — один из самых блестящих *мадригалов* пушкинской эпохи и одно из счастливых вдохновений Вяземского.

Время написания этих стихов и их место в жизни и поэзии Вяземского лучше всего определяется из краткого очерка отношений кн. П.А. Вяземского к А.О. Смирновой.

II.

В 1828 г. А.О. Россет была назначена фрейлиной ко двору императрицы Александры Федоровны. Фрейлина того же двора, С.Н. Карамзина, дочь историографа, ввела ее в салон своей мачехи, Е.А. Карамзиной, в этот «приют тихий беседе посвященный», по выражению гр. Е.П. Ростопчиной, где собирались Жуковский, Пушкин, Плетнев, Виельгорский, Хомяков и др., а впоследствии — Лермонтов, Тютчев, Ю. Самарин и др. Россет (ей было тогда 19 лет) сделалась украшением салона Карамзиных и, для многих, его притягательным центром. Кн. П.А. Вяземский был родственник, постоянный посетитель Карамзиных: Е.А. Карамзина приходилась ему однокровной сестрой. Здесь он и встретился с Россет. Вскоре после первого знакомства Вяземский уже посвятил ей стихотворение «Черные очи»:

⁷ А.О. Смирнова-Россет. Автобиография. (Неизданные материалы). Подготовила к печати Л.В. Крестова. С предисловием Д.Д. Благого. М., 1931. С. 252. [Смирнова-Россет 1989: 443]

Южные звезды! черные очи!
 Неба чужого огни!
 Вас ли встречают взоры мои
 На небе хладном бледной полночи?
 Юга созвездье! Сердца зенит!
 Сердце, любяся вами,
 Южною негой, южными снами
 Бьется, томится, кипит.

Это стихотворение — первый цветок, которым начат венок, сплетенный русскими поэтами «северной деве с южными очами». Примечательно, что венок начат Вяземским. Вяземский же и докончил его плетенье, старческой рукой вплетая в него последний цветок — свою «Donna Sol».

Пушкин отвечал на «Черные очи» известным мадригалом «Ее глаза», посвященным сравнению «южных звезд» Россет с «глазами Олениной».

Стихотворение Вяземского открыло гирлянду его вдохновений, выражавших чувства, вызванные в нем Россет. В гирлянду вплетались в разное время и чувство, определенное Пушкиным как «благоговенье перед святыней красоты», и тонкое восхищение обаянием женственности, ума и характера, и крепкая, нерушимая годами, мыслительная близость и приязнь, и длительная приверженность дружбы, и — на недолгий срок — более яркое чувство изящного увлечения, — «любви легкой», как говорили в старину.

Пушкин, В.Туманский, Хомяков воспевали звездящиеся «черные очи» Россет, но только один Вяземский пронес ее образ до конца жизни, как лучшее достояние молодости. Никого из приближавшихся к Россет поэтов обаяние ее не захватывало сильнее и длительней, чем Вяземского: «благоговенье перед святыней красоты», легкая, изящная влюбленность перешла, с годами, в прочное дружество, в трогательную и чистую приверженность, сквозящую всюду в его стихах и письмах.

Чем была для Вяземского Россет в три года (1828–1831) частых встреч у Карамзиных, в трехлетье, к коему относятся 5 из 7 стихотворений, посвященных им Россет-Смирновой, он не скрыл на старости своей и ее, напечатав в 1874 г. (ему было тогда 82, ей — 63 года) свою «Донну Соль». «В то время, — признается здесь поэт, — расцвела в Петербурге одна девица, и все мы, более или менее, были военнопленными красавицы; кто более или менее уязвленный, но все были задеты и тронуты»⁸. «**Все**» — повторяет Вяземский — стало быть, не исключает и себя, но

⁸ То же самое Вяземский говорит в стихах:
 Вы — Донна Соль, подчас и Донна Перец!
 Но все нам сладостно и лакомо от вас,
 И каждый мыслями и чувствами из нас
 Ваш верноподанный и ваш единоведец.

оставляет на произвол читателя определять, кого же отнести к «более» и кого к «менее» «уязвленным», кого признать «более» и кого «менее» длительным «военнопленным» красавицы. Если «военный плен» поэтов измеряется количеством стихов, восславляющих этот плен, то Вяземский выдал себя с головою: семь раз, а считая «Донну Соль» и два недошедших до нас стихотворения, даже десять раз, восхвалил он свой плен. У других поэтов и прославлений меньше, и сила хвалы в них не та.

У Пушкина «Ее глаза» — мадригал полемический, направленный *против* «черноокой» и во славу «Олениной моей». «В тревоге пестрой и бесплодной» — прямой мадригал, но мадригал не красоте, не «пленению красавицей», а похвала благородному характеру, «простому сердцу», «свободному уму», вышучивающему придворную толпу со «злостью самой черной». В «Экспромте» («Полюбуйтесь же вы дети») — только шутивное констатирование (как сказали бы теперь и как не говорили тогда) факта:

Черноокая Россетти
В самовластной красоте
Все сердца пленила эти,
Те, те, те и те, те, те.

«От вас узнал я плен Варшавы» — три сопроводительных строки, не более, и Пушкин тут же обещал Смирновой: «Когда найду еще два стиха, то пришлю их вам», но он так их и не нашел: учтивая любезность не сложилась даже в законченный мадригал. Легкий обзор стихов Пушкина, связанных с именем Смирновой, показывает, что это имя не могло войти в его «Дон-Жуанский список». Биография Пушкина подтверждает, что он не был в числе «военнопленных».

В числе, если не «овеннопленных», то «военнообязанных» был Хомяков:

О, дева-роза! для чего
Мне грудь волнуешь ты
Порывной бурей страстей,
Желанья и мечты?

В другом стихотворении он отдавался «чудной грезе встревоженной души»:

Кто вольный, гордый и высокий

Эти строки — одно из доказательств принадлежности Вяземскому стихотворения «Вы — Донна Соль».

Твоей плененный красотой,
С душою девы одинокой
Сольется пламенной душой?

Но уже в 1831 г. Но в третьем тот же Хомяков писал о ней, как о чуждой «Иностранке»:

И тщетно луч живого света
Из черных падает очей, —
Ей гордая душа поэта
Не посвятит любви своей.
И не посвятила.

Жуковский узнал Россет прежде Вяземского и Пушкина, еще в 1826 г. Он ласково звал ее «Девушкой-Черनावушкой», называл «милая из милых, умная из умных, прелестная из прелестных», и, как передает Тургенев, «у него мелькала даже мысль жениться на ней, но это было мимолетное мечтанье»⁹. «Мечтанье» это было столь «мимолетно», что не вызвало у поэта ни одного «мечтательного» стихотворения, обращенного к Россет. Поэзия верно отразила действительность: дружеские шуточные записочки в стихах — вот чем отвечала «небесному дьяволенку» Муза Жуковского. «Военнопленным» он был на миг и знал это:

Россети страшно как мила...
А я не потерял свободы
И вместо пламенные оды
На блеск живых ее очей,
Без всяких нежных комплиментов
Даю, как добрый, без процентов
Взаимы ей тысячу рублей.

Дар — не «военнопленного», а доброго дядюшки или отчима.

«Все были задеты и тронуты», по словам Вяземского, «самовластной красотой» Россет, все — «более или менее». Место Вяземского, вместе с А.И. Кошелевым, в числе «более» тронутых. Выше нам пришлось уже переменить, в его рассказе о Россет, «кто-то» на «Вяземский». Так нужно поступать и дальше, читая его очерк: не «кто-то», а сам Вяземский «хвалил ее черные глаза, иногда улыбающиеся, иногда огнестрельные», — и не только в стихах хвалил. Однажды он спрашивал в письме приятеля

⁹ Предисловие к письмам Смирновой к Жуковскому. «Русский Архив». 1902. Вып. 5. С. 95.

своего Муханова: «Что черные глаза? что глаза голубые, синие, красные, белые, пегие, карие, сивые?»¹⁰. Все «глаза» взяты Вяземским за одну скобку усмешливого безразличья, все — за исключением «черных»: о них первый вопрос и особый. И дальше: не «кто-то», а сам Вяземский хвалил «стройное и маленькое ушко, эту аристократическую женскую приметку, как ручка и ножка»; не «кто-то», а Вяземский «любовался ее красивою и своеобразною миловидностью». Не «иной», а поэт Вяземский «готов был, глядя на нее, вспомнить старые, вовсе незвучные стихи Востокова и воскликнуть:

О, какая гармония
В редкий сей ансамбль влита!»¹¹

«Она любила русскую поэзию и обладала тонким и верным поэтическим чутьем. Она угадывала (более того, она верно понимала) и все высокое и все смешное... Наша красавица умела постигать Рафаэля, но не отворачивалась от Теньера, ни от карикатуры Гогарта, и даже Кома. Вообще увлекала она всех живостью своею, чуткостью впечатлений, остроумием, нередко поэтическим настроением. Прибавьте к этому, в противоположность, не лишенную прелести, какую-то южную ленивость, усталость. В ней было что-то Севильской женственности. Вдруг эта мнимая бесстрастность расшевелится или теплым сочувствием всему прекрасному, доброму возвышенному, или ошетинится скептическим и язвительным отзывом на жизнь и людей. Она была смесь противоречий, но эти противоречия были, как музыкальные разнозвучия, которые под рукою художника сливаются в какое-то странное, но увлекательное созвучие». На этой миниатюре на слоновой кости умещена с прекрасной ясностью Россет пушкинской эпохи — умная красавица, блистательная художница *causegic*, фрейлина большого двора, вдохновительница и чаровательница больших и малых поэтов. У этой Россет Вяземский был преданнейшим из «верноподанных». «Единоверие» его могло быть названо другим словом.

Колючий Вигель занес в свои «Записки» о Вяземском: «С ними (женщинами) только был он жив и любезен, как француз прежних времен; с мужчинами холоден, как англичанин; в кругу молодых друзей был он русский гуляка»¹². Пушкин был не недруг, а друг Вяземского, но, подобно Вигелю, отмечал в Вяземском изящный, старо-французский дар

¹⁰ Сборник старинных бумаг, хранящихся в музее П.И. Щукина. Вып. IX. М., 1901. С. 196.

¹¹ [Измененная цитата из стихотворения А.Х. Востокова «Услаждение зимнего вечера» (1803).]

¹² Записки Ф.Ф. Вигеля. Издание «Русского архива». М., 1892. Ч. IV. С. 123.

живой и тонкой беседы с женщинами. Недаром с беседы Татьяны с Вяземским начинается в «Онегине» восхождение ее звезды на московском небосклоне:

У скучной тетки Таню встрета,
К ней как-то Вяземский подсел
И душу ей занять успел;
И близ него ее заметя,
Об ней, поправя свой парик,
Осведомляется старик.

Вяземский оценил Татьяну лучше, чем любомудрствующие «архивные юноши». Поверим наблюдению Пушкина и на место Татьяны подставим А.О. Россет: она была ровесницей Татьяны. В салоне Карамзиной

К ней как-то Вяземский подсел
И душу ей занять успел.

Еще более «она заняла его душу». Если беседа Вяземского с женщинами, даже на недружелюбный взгляд Вигеля, была «жива и любезна, как у француза прежних лет», то в Россет он встретил такой блеск и ум ответной беседы, что, автор книги о Фонвизине, он не усомнился удочерить ее славному остроумцу и сатирику, прозвав «Александрой Денисовной Фонвизиной», а попросту — «матушкой Фонвизиншей»¹³.

В стихах то же самое звучало: «Вы — Донна Соль, подчас и Донна Перец». Россет была донна Соль — настоящая, острая, тонкая аттическая соль, но она же была в то время для Вяземского настоящею донной Соль из испанской романтической драмы В.Гюго: «в ней было что-то от Севильской женственности»¹⁴.

1830 г. — был первый, когда Вяземский больше был склонен ценить в Россет не аттическую соль, не «придворную Sévigné», а романтиче-

¹³ [Характеристики, о которых А.О. Смирнова вспоминает в своих записках: Смирнова-Россет 1989: 360. Подобные сравнения есть и в письмах Вяземского; см.: Там же. С. 692.]

¹⁴ К своему очерку он взял эпиграфом стихи Гюго о подлинной Донне Соль: Oh! Je voudrais savoir, ange au Ciel réservé, Où vous avez marché, pour baiser le pavé. (О, ангел, предоставленный небу, — желал бы я знать, где ты ходила, чтобы целовать ту землю). [В.С. Нечаева предполагает, что аллюзия на юную героиню «Эрнани», невесту престарелого герцога, имела биографический контекст: «Прозвище, вероятно, связано с предполагавшимся в это время [1830], но несостоявшимся браком Россет с богатым и близким [императору] Николаю кн. С. М. Голицыным, бывшим на 35 лет старше нее»: *Вяземский П.А.* Записные книжки (1813–1848). М., 1963. С. 427.]

скую «черноокою и желтоланитною» (его выражение) Донну Соль, едва не из Севильи.

Недавно найденная Л.В. Крестовой автобиография А.О. Смирновой открыла тайну, которую и сама Александра Осиповна, и ее дочери тщательно скрывали, — тайну ее любви к Н.Д. Киселеву, единственной ее любви-страсти, давшей ей и счастье и горе и едва не разрушившей ее положение в обществе и при дворе. Значительнейшая часть автобиографии написана в форме диалога с Киселевым: Смирнова отвечает на расспросы любимого человека, знакомя его со своим прошлым. Однажды они «писали, сидя очень близко друг от друга. Его щека, — рассказывает Смирнова, — касалась моей. Я вдыхала его чистое и сладостное дыхание». И вдруг Киселев спросил ее: «Повидимому, Вяземский писал вам больше стихов, чем другие?» Это был вопрос ревности к прошлому. Смирнова ответила умно и тонко, почти так, как писал сам Вяземский в «Donna Sol»: — Да, это великий мастер английского флёрта. Флёрт значит кокетство или, лучше сказать, это значит: речи о любви, а мы сделали из этого слова глагол «флертим». — «А вы флертуете со мной?» — прервал ее Киселев, ставя знак равенства между собой и Вяземским. — «Я боюсь, что ничего другого я и не делаю», отвечала Александра Осиповна. — «Я и за это благодарен до нельзя». Она рассказала ему далее о стихах, сочиненных ей Вяземским:

Не для тебя, так для кого же
И платье красное при черной бахrome?

И, чтоб успокоить Киселева, примолвила: «Вяземский написал эти стихи, я их дала Катрин Мещерской, и они затерялись». Но Киселев, не без ревности, спросил: «Вяземский, вероятно, не очень был польщен этой небрежностью?» И Александра Осиповна сочла нужным усилить успокоение: «Какое это имело для меня значение? Я пренебрегала еще многими стихами». Эта великолепно записанная сцена ревности — к прошлому, и одна единственная в автобиографии: Киселев ревновал Александру Осиповну только к Вяземскому. Имя его мелькает в их разговорах. «Знаешь ли, Николай, — обмолвилась однажды Смирнова, — что сказал мне Вяземский: когда любишь, то восхитительнее всего то, что предшествует формальному объяснению. Ну, так вы мне еще не объяснились, но я знаю, что вы меня любите, я угадываю это». Незаметно для себя самой, Смирнова провела здесь параллель между Вяземским и Киселевым. В другой раз это сделал Киселев. Смирнова прочла ему стихи, посвященные ей Вяземским. В них были строки:

Не знаю, что сказать, не знаю, не умею
 Мысль наскоро одеть, убрать и расцветить,
 Дать образ таинству, которым тихо зрею...

Киселев выслушал до конца и повторил: «Дать образ таинству, которым тихо зрею», это так хорошо выражает мое чувство, не таю ли я в глубине души то, что вы не позволяете выражать...»¹⁵.

Чувство Киселева было любовь. Чувство Вяземского было каким-то соседним, если не таким же: по крайней мере, слова, преисполненные этим чувством, годились для выражения чувства Киселева. Памятниками этого чувства были не только стихи (их было так много, что Киселев по ним одним догадался о чувстве Вяземского), но и письма. Они до нас не дошли. Перед замужеством А.О. Россет Вяземский писал Пушкину (24 августа 1831 г., из Остафьева): «...ты, кажется, ревнуешь и к Голенькой (Е.М. Хитрово. — С.Д.). Я поздравлю ее и скажу, что ты часто пишешь мне о каком-то Mornaу. Впрочем, не беспокойся и не верь клевете: это, верно, Dona Sol смутила тебя, она и меня хотела поссорить с нею. Кстати о ревности, попроси ее, то есть Dona Sol, сжечь до замужества своего всю мою поэзию и мою прозу, а что они у нее залежались, знаю я потому, что она для смеха их кому-то показывала». Отвечая Вяземскому, Пушкин обронил фразу, вскрывающую не один, а несколько конвертов этой переписки. «У Доны Sol был я вчера; писем твоих у ней здесь нет; она не намерена их сжечь et vous accuse de fatuité». Вяземский смутился своих писем к Россет как чересчур «верноподданнических», и как свидетельство этих именно чувств пожелала их сохранить Россет, — «дело в том, — комментировал Пушкин ее отказ, — что она чрезвычайно мила, умна...»¹⁶. Александре Осиповне не в первый раз было дразнить Вяземского его чувством к ней.

28 июля 1830 г., в Ревеле, Вяземский записал в дневнике: «шалунья Россети писала: “exploitez Wiasemski, il est aimable quand il ne le veut pas trop”. Дам же я ей за это»¹⁷. Это — фраза из-под пера «Донны Перец», уверенной в покорности «верноподданного».

Как раз в этом году «единоверец» писал ей:

И молча бы легко вы умницей прослыли.
 Дар слова, острота — все это роскошь в вас:

¹⁵ А.О. Смирнова-Россет. Автобиография. С. 251–253, 146, 196–197.

¹⁶ Сочинения Пушкина. Переписка. Под ред. В.И. Саитова. Изд. Академии наук. СПб., 1908. Т. II. С. 311, 318. [Перевод: и обвиняет тебя в фатовстве (франц.).]

¹⁷ Сочинения Вяземского. СПб., 1884. Т. IX. С. 134. [Перевод: Используйте Вяземского, он может быть любезным, если сам не слишком к тому стремится (франц.). В подлиннике записной книжки есть указание, что Россет писала это некоей Marie Cluet (?): *Вяземский П.А.* Записные книжки (1813–1848). С. 189.]

В глаза посмотришь вам и разглядишь как раз,
Что с неба звезды вы схватили.

Можно ли решительней и ярче предпочесть «севильскую женственность» остроумию Фонвизинши? В этом же году, — отмеченном Пушкиным как год, когда Россети

Все сердца пленяет эти,
Те, те, те и те, те, те, —

Вяземский написал и другое стихотворение «К Россети» («Красою смуглою румянца»), а вероятно, и третье — «Вы Донна-Соль».

Когда же написано было «Орфографическое замечание» — самое яркое, горячее, пространное и вместе прямое изъяснение его «верноподданничества» «самовластной красоте» Россет?

Первым, кто из круга Пушкина узнал Россет, был Плетнев: она училась у него русской словесности в институте. Он сохранил к своей ученице особое чувство — и однажды открыл его Пушкину: «Поблаговари Россети за ее ко мне дружбу. Ее беспокойство о моей судьбе трогает меня не на шутку... Если бы она была мужчиной, да стариком еще, то, кажется, в ней бы я нашел для себя другого Молчанова (близкий друг Плетнева, перед тем умерший. — С.Д.). В ней так много человеко-прекрасного, так много предупредяющего и столько душевной делимости, что, право, об ней нельзя говорить просто, как о других»¹⁸. Этот-то учитель и друг «черноокой Россети» писал 29 июня 1829 г. Вяземскому, из Петербурга: «Незнакомая красавица ваша уехала на нынешнее лето в милую вашу Ревель.

Орфографического вашего замечания не только она, но и я не знаю еще. Итак прошу при верной оказии (т.е. по первой почте) доставить его сюда для передачи, куда следует»¹⁹.

Письмо Плетнева, вызывающегося быть посредником между Россет, уехавшей в Ревель на купанья, и Вяземским, проводившим лето в подмосковной, дает таким образом хорошую хронологическую веху для нашего стихотворения: оно написано в конце весны — в начале лета 1829 г., в разгар «верноподданничества».

III.

Все стихотворение построено на изящной, во вкусе французской «легкой поэзии» XVIII в., игре корнесловием фамилии «Россети». Где корень прозвания красавицы — в *rose* или в *розе* — и соответственно

¹⁸ Пушкин. Переписка. Т. II. С. 283. Письмо от 19 июля 1831 г.

¹⁹ Старина и новизна. СПб., 1902. Кн. V. С. 64.

корню, как подобает писать: «Рос-ети» или «Роз-ети»?²⁰ «Верноподданный» превращается здесь в строгого «единоверца» и догмат его «единоверия» гласит: такое корнесловие есть ересь:

В счастливом имени прекрасной
К чему тут роза и роса?

Нужно, не мудрствуя, исповедовать, как святыню, имя Божества:

Не мудрствуя, скажи: Россети. —
И знай: жив дух, а речь мертва:
Так в простоте сердечной дети
Лепечут имя Божества.

Прелестный мадригал Вяземского — литературный сгусток той поэтической изустной словесности, которую сопровождали поэты каждый шаг «Александры Денисовны» в ее кружке. Некоторые из поэтических титулов Россет приведены выше. Вот дополнительный, далеко не полный их перечень: «царскосельский академик» (Вяземский), «южная ласточка» (Пушкин), «смуглорумяная красота» (он же), «черненькая» (Вяземский), «героиня, прелесть» (Жуковский), «другиня» (он же), «милая подруга» (он же), «муха в молоке» (он же), «обворожительница» (кн. А.Мещерский) и т.д. Люди не пушкинской державы, а иной, более суровой, гоголевской страны, сделались впоследствии не менее прилежными вкладчиками в поэтический титул Смирновой: «перл всех русских женщин» (Гоголь), «светлый ум» (С. Аксаков), «*Une dame de qualité*» (Белинский), «чудесная, превосходная женщина» (он же), «южная красота, вся оживленная блеском острой мысли» (И. Аксаков), «свободный ум» (он же) и др.

Мадригальное корнесловие фамилии «Россети» Вяземский не сам измыслил: он выразил в «Орфографическом замечании» то, что было, очевидно, достоянием и преданием поэтов вокруг Россет. И был в этом кружке молодой поэт особенно склонный к влюбленно-поэтическому корнесловию «росы» и «розы». Это был А.С. Хомяков.

Один из пламенных «единоверцев», который, по собственному признанию, «страстно влюбился в Россет», А.И. Кошелев вспоминал: «Во

²⁰ Друзья Александры Осиповны писали ее фамилию по-разному. Если у Плетнева мы только что прочли «Россети», то Гоголь, наоборот, предпочитал розовое корнесловие: «для Розетти» (1831 г. Письма Гоголя, под ред. В.И. Шенрока. Т. I. С. 188), «ласточка Розетти» (там же. С. 194). Всего курьезнее, что фамилию брата Александры Осиповны Аркадия Гоголь лишил «розового корнесловия» и писал: «через А.О. Россета» (Т. IV. С. 294) и «Россети» (Сочинения. 10-е изд. Т. II. С. 340).

время моего пребывания в Петербурге, с 1827-го по 1831 г., Хомяков часто жил там, и тогда почти ежедневно мы виделись или у князя Одоевского, или у Е.А. Карамзиной. У Карамзиной... из женщин особенно нас очаровывала и красотой и умом девица Россет»²¹. «Очарование» Хомякова несомненно, но своеобразно. К трем его стихотворениям к Россет шли бы эпиграфом слова Катулла: «*Odi et amo*»²². У Хомякова была своеобразная, связанная с его мировоззрением, «любовь-вражда» к Россет. Она отражена в его стихах, вероятная последовательность коих такова: 1) «О, дева-роза, для чего», 2) «Она лукаво улыбалась», 3) «Иностранке». О замыкающем этот круг стихотворении друг Хомякова, Кошелев сообщает: «Хомякову она (Россет) внушила стихи “Иностранке”, но когда она их узнала от П.А. Муханова, то осталась ими очень недоволенной и некоторое время относилась к Хомякову весьма холодно» (там же). В первом стихотворении, где больше просто-«любви», чем «любви-ненависти», поэт обращается к Россет:

О, дева-роза! для чего
Мне грудь волнуешь ты
Порывной бурей страстей,
Желанья и мечты?

Во втором стихотворении, где больше «любви-вражды», — тот же образ, но осложненный: роза в неволе:

И думал я: «О, дева-роза!
Печален, жалок жребий твой.
За душною стеной темницы²³
Тебе чужда краса лугов,
Роса ночей, лучи денницы
И ласки вольных ветерков.

Титул «дева-роза» дает Россет только Хомяков. Пушкин, В.Туманский, Вяземский, Жуковский — они все — звездопоклонники, вернее, очепоклонники Россет. Для Вяземского Россет — не «дева-роза», а южная «живая ласточка», севильский «желтый померанец». Хомяков разделяет это звездное очепоклонство, но его первенствующий образ Россет — «дева-роза». В третьем стихотворении, «Иностранке», его «любовь-вражда» нашла столь сильное выражение, что «иностранка»

²¹ Сочинения А.С. Хомякова. М., 1900. Т. VIII. С. 125.

²² Перевод: Ненавижу и люблю (*лат.*).

²³ «Темница» — дворец Николая I, где жила фрейлина Россет.

осталась очень недовольна своим певцом. В нем, утверждая по-прежнему «святыню» ее «красоты» и только резко отстраняясь от нее как от «святыни» чужой, поэт по-прежнему же остается верен и своему образу «дева-роза». Он усиливает свой образ, прибегая к прежнему влюбленному корнесловию:

Вокруг нее очарованье,
 Вся роскошь юга дышит в ней,
От роз ей прелесть и названиее.

Через много лет, когда разворачивались страницы ее баденского романа с Киселевым, Смирнова, на его вопрос о Хомякове: «А тебе он писал стихи?» — ответила: «Написал, но я их не помню, он тоже коверкал мое имя и начинает так: ‘От роз ее название’, далее не помню»²⁴.

Вяземский был дружески расположен к Хомякову. В 1833 г., поручая А. Веневитинову передать Вяземскому экземпляр своей, только что вышедшей трагедии, Хомяков писал: «Если увидишь кн. Вяземского, скажи ему, что я более всех ему должен был прислать Самозванца, потому что никогда не могу забыть его дружеской благосклонности... Это не фраза, а чистая истина; его прием много мне тогда сердце отогрел». И тепло отозвавшись о дружбе Вяземского, Хомяков тут же вспомнил ту, которой один из них слал признание: «Амо», а другой «Odi et amo», вспомнил о Россет, ставшей Смирновой: «Ей скажи, что... что хочешь! Voilà du tendre, j'espère»²⁵.

На стихи близкого приятеля и «единоверца», на поэтическое корнесловие его прощального «odi et amo», кажется, и сделал Вяземский свое «Орфографическое замечание».

Для Хомякова, в приведенном трехстишии, истинное прозвание «Иностранки» есть *Розети*: «от роз ей... и названиее». Вяземский возражает:

Нет, ни Росети, ни Розети,
 Россетти попросту она.

²⁴ А.О. Смирнова-Россет. Автобиография. С. 173.

²⁵ Письмо от 19 февраля 1833 г. Сочинения Хомякова. Т. VIII. С. 35. «Ей» подчеркнуто и далее многоточие поставлено самим Хомяковым. [Предположение, что «ей» относится к Смирновой («вероятно»), высказано в примечании П.И. Баргенева к данному письму.] С годами эта «любовь-вражда» обернулась «дружбой», которою Хомяков «гордился» — его подлинные слова в письме к А.О. Смирновой от 1848 г. (Сочинения. Т. VIII. С. 414). [Перевод: Вот и будет нежность (*франц.*)]

С *росой* не сравнивал Россетти в стихах никто; с *розой*, как выше сказано, — сравнивал один Хомяков. Один он перенес в стихи и розовое корнесловие: Роза — Розети. К нему одному поэтому может относиться и дружеское увещание:

Не мудрствуя, скажи: Россетти
И знай...

Стихи Вяземского, исправляющие «орфографическую ошибку» полувлюбленной лирики Хомякова, должны быть написаны *после* нее. Этому противоречат как будто даты, принятые Собранием сочинений Хомякова. Его редактор, П.И. Бартенев, относит «К. А.О. Россети» («О, дева-роза, для чего...») и «Иностранке» к 1832 году, и лишь третье стихотворение: «Она лукаво улыбалась», оставляя без даты, помещает в отдел «стихотворений ранних»²⁶. Эта датировка — 1832 г. — невозможна: последний срок всех стихотворных изъяснений в любви или в любви-ненависти к *Россет* — это 26 июля 1831 года, когда, по словам Пушкина, императрица «позволила фрейлине Россети выйти замуж за Смирнова» и она стала его объявленной невестой²⁷. В январе 1832 г. она была уже его женой. Кошелев, близкий друг Хомякова, рассказывая, что «с 1827-го года по 1831 г.» Хомяков «часто живал» в Петербурге и встречался с Россет у Карамзиных, отмежевывает точные границы времени, когда была написана хомяковская «россетиана». В 1828 г. Хомяков отправился на войну, но как раз в начале 1829 г. (год написания стихотворения Вяземского) он был в отпуске в России: в марте-апреле жил в Москве и летом возвратился в армию²⁸. Очень возможно, что в этот отпуск он побывал и в Петербурге. Таким образом, вполне допустимо, что все стихи Хомякова к Россет (одно из них и сам Бартенев считает «ранним») написаны *ранее* начала лета 1829 г. — когда написано «Орфографическое замечание». Самое же *содержание* этого стихотворения, оспаривающего розовое корнесловие фамилии Россет, подтверждает это допущение: такое корнесловие находим у одного Хомякова: оно было у него в стихах так ясно, что его запомнила навсегда и сама Россет-Смирнова.

«Любовью легкою играя», Вяземский писал мадригал *Россет*. К *Смирновой* у него осталось прочное, теплое дружеское чувство и нелицемерная, неколебимая приверженность. Скоро предстояло ей испытание. В октябре 1832 г. Смирнова чуть не умерла от родов. Вяземский

²⁶ См.: Сочинения А.С. Хомякова. М., 1900. Т. IV. [С. 209–210, 409].

²⁷ Записки А.С. Пушкина. Собр. соч., изд. «Красной нивы». М., 1930. Т. V. С. 491.

²⁸ См.: *Барсуков Н.* Жизнь и труды М.П. Погодина. СПб., 1889. Кн. 2. С. 311.

писал А.И. Тургеневу: «А мы здесь сколько настрадались. Голубушка Смирниха напугала нас ужасно. Роды ее были самые бедственные... Теперь она спасена, и ей лучше. По крайней мере, жизнь спасена, а со здоровьем, Бог знает, что будет... Голубушка выдержала все мучения, все истязания с ангельским терпением и с геройским мужеством. Доктора говорят, что никогда не видали они ничего подобного, и что спасена она твердостью своею и присутствием духа. Не могу выразить тебе, каким умилением и благоговением был я исполнен к ней во всю эту эпоху ожиданий, страха и надежды! Удивительно, как во все это предпоследнее время возмужала она умом и укротилась нравом»²⁹. Тем же высоким чувством преисполнено письмо Вяземского к Жуковскому: «Ты верно знаешь о бедственном приключении нашей милой Смирнихи... Удивительно, как в этой малютке созрели ум и характер в это время испытаний и мучений. Точно, нельзя мыслить о ней без благоговения и умиления»³⁰. Это — прочувствованный, сердобольный голос живой дружбы-любви. Жуковский, питавший (подобно Гоголю) такое же чувство к Смирновой, точно выразил его в обращениях к ней: «любезнейшая другиня» (письмо от 9/VII 1843 г.), «милая подруга» (от 27/VIII того же года)³¹. Этим же чувством проникнуто стихотворение Вяземского «Прощание», написанное в самом начале 1833 г., на отъезд Смирновой, после болезни, за границу. Это уже не изящный, сверкающий мадригал, это, по верному определению самого поэта, — «грустный стих и задушевный вздох»:

Мне грустно, больно мне, мне душно на груди,
И сердце налилось слезами, будто чаша,
При мысли, что для нас уж завтра вы не наша,
Что долгая нас ждет разлука впереди.
Вот если эту скорбь глубокую, живую
Хотите вы назвать поэзией: будь так,
Примите вы ее, как сердца дань немую
И преданных вам чувств простой и верный знак.

Это — обращение к сердечно-чтимой «*другине*», а не к «самовластной» Донне-Соль. Но Вяземский искренен и, клеветца на себя, как на поэта, будто

В экспромтах никогда я не был парень ловкий, —
он говорит правду, когда признается:

²⁹ Остафьевский Архив. СПб., 1899. Т. III. С. 211–212.

³⁰ Русский Архив. 1900. Кн. 3. С. 365.

³¹ А.О. Смирнова. Записки, дневник, воспоминания, письма. Со статьями и примеч. Л.В. Крестовой. М. 1929, стр. 343–344.

Влюблялся иногда экспромтом, — спора нет —

И, кажется, вы в том дать можете ответ.

Смирнова не возражала на эту память сердца, донесшую отголосок того чувства, которое заставило Вяземского написать «Орфографическое замечание».

Вяземский и во второй половине 30-х, и в 40-х, и в 50-х годах остается верен своей «другине». Когда они оба в Петербурге, он — непременный посетитель ее дома, прилежный собеседник. Когда она или он в отъезде, они в деятельной переписке, и письма их исполнены сердечной шутливости и участливой приверженности. Она постоянно следит за новыми созданиями Вяземского: стихами, статьями, воспоминаниями; она ставит высоко его талант и ум; на старости она вспомнит его дружеское имя среди великих имен: «Что за люди были когда-то. — Пушкин, Жуковский, Лермонтов, Вяземский, Тургенев! А теперь какой-нибудь Пыпин или Стасюлевич. Такая дрянь, что только плюнь да отвернись». Приверженная дружба ее тем сильнее, что она не слепа: она не мешает ей записать в 1845 г. в дневник: «Обедала семейно по-старому у Карамзиных. Вечный спор о католиках и нашем духовенстве. Вяземский умный человек, но у него нет двух связанных мыслей в голове»³². И этому замечанию нельзя отказать в тонкой проницательности: Вяземский — человек мыслей, а не мысли. Вяземский, в свою очередь, следит за «трусами и днями» ее жизни семейной и общественной, за ее мыслью и умственными влечениями, и в этом сказывается не холодно-умное любопытство, так свойственное Вяземскому, а прямое дружеское участие. Оно также не делает его пристрастным к ней. Он не боится маленьких мыслительных ссор и противоборств ей. Иногда (письмо из Петербурга в Париж от 2/III 1837 г.) он журит Смирнову: «Не будь я так печален и в таком упадке духа, каким памфлетом разразился бы я против всего, что вы мне пишете по поводу сообщества с Скрибом. Умная женщина (точь в точь, как она о нем — «умный человек»)! — С.Д.), а какой вздор говорит, и все оттого, что ум засорился предубеждениями. Вам хочется, чтобы я судил о вещах и людях по комедии Скриба: это все то же, что судить о человечестве по Пурсоньяку»³³. Но не пристрастный к ней, он никогда не знал и безучастья. Он постоянно сообщает о Смирновой своему прилежному сописменнику, А.И. Тургеневу. Однажды он в шутливом тоне делится худо скрытой тревогой за нее: «Наша черненькая опять принялась за старое и ходит с брюшком. Дай Бог ей в добрый час!»³⁴. В другой раз, делясь

³² А.О. Смирнова. Записки, дневник, воспоминания, письма. С. 155, 274. [Оценка Пыпина и Стасюлевича вычеркнута С.Н. Дурьлиным в машинописи.]

³³ Русский Архив. 1888. Кн. 2. Вып. 7. С. 301.

³⁴ Остафьевский Архив. Т. III. С. 254.

своим чувством неизменного участия к ней, он проговаривается о том, как много получает он сам от ее дружбы: «Смирнушка и ее два котеночка здравствуют. Она щебечет обо всем с прежнею прелестью и часто кормит меня и поит материально и умственно»³⁵.

Гр. Е.П. Ростопчина выразилась однажды о Смирновой:

Нет! не на сборищах людских
И не в нарядах дорогих
Она сама собой бывает:
Кто хочет знать всю цену ей,
Тот изучай страданье в ней,
Когда душа ее страдает³⁶.

Эти дни и месяцы, с годами все более и более частые, «когда душа ее страдает», Вяземский постигал чутко и верно, а, следовательно, знал Смирнову больше, чем знали ее другие (исключая, конечно, Гоголя). В свой черед, и она знала у блестящего и едкого causeur'a Вяземского эти часы и дни тоски сердечной и мыслительного уныния, невидимые для других. Если Вяземский, зная о глубокой тоске, пережитой Смирновой в Петербурге, участливо пишет ей в Берлин: «Очень рад, что ваше здоровье и настроение стали лучше, но боюсь за вас Берлина. Это в миниатюре Петербург» — то и она шлет ему оттуда такое письмо по поводу смерти его дочери, что он отвечает: «Из глубины сердечной благодарю вас за чувства, выраженные в ваших письмах. Меня глубоко трогает участие, которое вы мне оказываете». Вместе и единоскорбно, хотя и разделенные тысячами верст, переживают они общее горе — смерть Пушкина. Посылая Смирновой свое письмо с описаниями его дуэли и смерти, Вяземский поручает ей опровергать слухи, распространяемые недругами Пушкина³⁷.

Смирнова знает, как много значит для Вяземского ее дружеское участие, ее умная и теплая женственная помощь в нелегких «трудах и днях» жизни. В 1837 г. она пишет из Парижа Жуковскому: «Вяземский меня опечалил своим последним письмом; он, как говорят, *decouragé*, не в кураже; пора мне с ним свидеться и преобразить его. Я послала ему много вербальных нежностей чрез Киселева»³⁸. Вяземский высоко ценит эти «вербальные нежности» умной и верной «другини» и только шутивно

³⁵ Там же. С. 261. Смирнова родила 18 июня 1834 г. двух близнецов-дочерей, одной из коих была О.Н. Смирнова.

³⁶ [Измененный (по памяти?) вариант посвящения А.О. Смирновой («Нет, вы не знаете ее...», 1839).]

³⁷ Русский Архив. 1888. Кн. 2. Вып. 7. С. 295, 294, 304.

³⁸ Русский Архив. 1902. Кн. 2. Вып. 5. С. 98–99.

пеняет ей: «Как вам не совестно завладеть бедным Андреем. В Париже он видит только вас. Это вы захотели подразнить меня для того, чтобы возбудить во мне ревность»³⁹.

В 40-х годах у Вяземского отношения со Смирновой неизменно те же, что и во второй половине 30-х. Вот два примера — помельче и покрупнее.

Вяземскому так близко все, что относится к Смирновой, что Ф.И. Тютчев, новый добрый знакомец обоих, пишет жене (13/IX 1846 г.), прилагая известное стихотворение И.С. Аксакова, обращенное к Смирновой: «Вот кн. Вяземскому для развлечения стихи молодого Аксакова, того, что у Смирновой. По-видимому, они написаны после бурного спора»⁴⁰.

1 января 1845 г. Вяземский писал Карамзиным: «Смирнушка ужасно кашляет, и я на днях писал ей: “Что делает ваш скучный кашель”. Эти стихи ее ужасно растрогали, и она просила продолжения. Но я отказался за неспособностью и обещал ей просить Омира Андреевича докончить начатое мною»⁴¹.

Достаточно прочесть это маленькое стихотворение (последнее из посвященных Вяземским Смирновой), чтобы понять, почему эти стихи «ее ужасно растрогали»:

Что делает ваш скучный кашель?
Его я на душе ношу,
И как у сердца ни спрошу:
О чем грустишь ты? не о Саше ль?
Оно в ответ мне: точно так!
И зарыдаешь как дурак.

В стихах этих Вяземский, по-прежнему, блестящий мастер мадригала, но это уже не безоблачный, легко-влюбленный, весело слетающий с уст, мадригал Пушкинской поры, это — дружеский, сердечно-шутливый сквозь слезы, привет иной, более грустной поры — Лермонтовской поры; он и обращен не к скользкой по жизни, придворной «Донне Соль», а к узнавшей немало горя «Саше», у коей и Пушкин отметил «простое сердце».

³⁹ Русский Архив. 1888. Кн. 2. Вып. 7. С. 302. Андрей — А.Н. Карамзин (1814—854), сын историографа, племянник Вяземского, влюбленный тогда в Смирнову.

⁴⁰ Русский Архив. 1898. Кн. 3. Вып. 12. С. 558.

⁴¹ Сочинения Вяземского. Т. IV. С. VIII примечаний. «Омира» — Жуковского, переведившего тогда «Одиссею» Гомера.

Как напоминает этот привет по тону, по грусти и нежности, конец лермонтовского письма к другой, также испытавшей много горя, женщине:

Теперь прощайте: — если вас
 Мой безыскусственный рассказ
 Развеселит, займет хоть малость,
 Я буду счастлив. А не так? —
 Простите мне его как шалость
 И тихо молвите: чудак!

Донне Соль мадригалы льстили, Сашу — этот «матригал» «ужасно растрогал». Матригал, выйдя за порог Пушкинской поры, перестал быть мадригалом: он стал словом дружеской грусти, тихой ласковой шутки в слезах, как у Лермонтова. Так в стихах своих к Смирновой Вяземский, «звезда разрозненной плеяды», вышел за пределы пушкинской поры.

За порог этой поры перенес он и свое прекрасное чувство к бывшей Донне Соль, давно уже ставшей лицом не Пушкинской, *дневной*, а гоголевской, *сумрачной*, поры. От блеска мадригалов салона Карамзиных, от «царскосельской академии» Пушкина и Жуковского с ее изящным «россетством» мысли и разговора, она ушла в сумрачную келью, в мыслительный и творческий затвор Гоголя, она не миновала грустящего мятежа Лермонтова, не обошла семейственного «домостроя» Аксаковых, будничной гражданственности Ю.Самарина, не была безучастна ко всемирно-историческим мечтаниям и построениям Тютчева. Она начала как бы вторую свою биографию. Участниками первой — биографии фрейлины Россет — были Плетнев, Пушкин, В.Туманский, молодой Хомяков, Мятлев, Виельгорский; участниками второй — биографии А.О. Смирновой — стали Гоголь, Аксаковы, Самарин, Тютчев, А.Иванов — люди иного мыслительного строя и другого жизненного склада. Вошло в обычай говорить о биографии Россет, вдохновительницы Пушкина, — с сочувствием и даже с восхищением, а о жизнеописании Смирновой, собеседницы Гоголя, — с гримасой неудовольствия и насмешки. Дело будущего биографа-мыслителя и художника дать *единую* биографию Россет-Смирновой⁴². Вяземский, вместе с Жуковским, был в числе немногих участников этой *единой* биографии. В *гоголевский* пе-

⁴² Добросовестный очерк Л.В. Крестовой при «Записках» А.О. Смирновой (изд. 1929 г.) не решает этой задачи: это — первая наброска материалов (далеко не всех), сделанная на живую нитку. Сложные отношения Гоголя и Смирновой в очерке едва затронуты. Еще менее удовлетворителен очерк Н. Александрова: «А.О. Смирнова. Об ее жизни и характере» (Историко-литерат. сборник, посвящ. В.И. Срезневскому. Л.: Изд. Академии наук, 1924. С. 297–334).

риод Смирновой он перенес из *пушкинского* ее периода то же чувство приверженности к ней, то же сознание значительности ее личности, то же внимание к ее жизненному пути и ту же дружбу. Для него гоголевская «губернаторша Смирнова» не подменяла собою пушкинскую «фрейлину Россет», как это считало и считает большинство пишущих о ней, по тургеневскому почину⁴³. Вяземский и в Россет умел видеть то, что стало явно в Смирновой и что не заметили наблюдатели менее зоркие и менее сочувственные. Он писал уже о донне Соль, когда не было еще Смирновой: «Она выходила иногда в приемную комнату, где ожидали ее светские посетители, после урока греческого языка... Прямо от беседы с Григорием Назианзином или Иоанном Златоустом влетала она в свой салон и говорила о делах парижских с старым дипломатом или обменивалась с одним из своих поклонников загадочными полусловами, т.е. по английски *flirtation* или *отношениями* (курсив Вяземского. — С.Д.), как говорилось в то время в нашем кружке»⁴⁴. Точно так же и в Смирновой 60-х годов, уже давно похоронившей и Гоголя и вступившей в третью эпоху русской культуры, Вяземский, ~~вопреки другим и в соответствии с истиной~~, продолжал видеть все ту же «г-жу Фонвизину», ту же умную, мыслительно-тонкую Россет. В июле 1869 г., когда ему было 77, а ей 60 лет, он, живя в Ильинском, под Москвой, отметил в Записной книжке: «Был у ... Соболевского, от него узнал, что в Москве Смирнова. К ней поехал. Постарела, поседела, почернела, пожелтела, поюжнела, полимонела, но кажется сохранила всю свою умственную живость и бойкость»⁴⁵.

Эта запись — по языку и тону — точно из Пушкинской поры. И как видна сквозь нее та самая Россет, которую, тридцать восемь лет назад, в 1831 г., называл он «черненькой» и «желтоланитной», про которую полюбленно утверждал:

Красою смуглою румянца,
Смотрите, как она южна;
Она *желтее* померанца,
Живее ласточки она.

В его старческое впечатление от старой Смирновой вошло все то же, что воспринимал он и от юной Россет: и чернота глаз и волос, и желтизна

⁴³ [Вероятно, имеется в виду негативный отзыв о «смирновщине» Тургенева в письме к П.В. Анненкову 6 октября 1853 г., повторенный и в «Отцах и детях».]

⁴⁴ [Вся эта цитата вычеркнута С.Н. Дурьлиным в машинописи.]

⁴⁵ Сочинения Вяземского. СПб., 1886. Т. X. С. 269. Примечательно, что Л. Крестова не приводит вовсе этого важнейшего свидетельства для суждения о Смирновой 60-х гг., хотя из 157 стр. своего очерка посвящает целых две страницы (151–153) описанию жизни Смирновой в Москве именно в 1869 г.

ланит, и померанец, и юг в лице и взорах — только все это «постарело», но «живость ласточки» осталась: она и в старости «сохранила всю свою умственную живость и бойкость».

В 1874 г. в последний раз воздал Вяземский печатно дружескую хвалу Россет-Смирновой, не называя ее и себя, в очерке «*Donna Sol*». Ему было 82 года.

Лета к холодной прозе клонят.

Хвала была в прозе, но проза была не «холодная», а теплая и гармоническая, как стансы Пушкинской поры.

Так в течение почти полвека (1828–1874) Вяземский остался певцом женщины — свидетельницы и участницы золотого века русской литературы. С напечатанием «Орфографического замечания» воскресает из столетнего забвенья одна из лучших, если не лучшая из песен певца Россет⁴⁶.

Когда-то Я.П. Полонский, знавший ее в 50-х гг., писал: «Кто такая эта Смирнова — об этом в России не знают только люди или безграмотные, или совсем равнодушные к литературе и к истории русского общества в тот период его развития, когда в наших великосветских гостиных появлялись Карамзин, Пушкин, Жуковский, Одоевский, Вяземский, Кольцов, Лермонтов»⁴⁷. Слова Полонского останутся справедливы навсегда: Смирнову будут не знать лишь те, кто не знает или не хочет знать великую русскую литературу.

Литература

Богомолов Н.А. Из комментаторских заметок. 4. К публикации статей С.Н. Дурьлина о символизме // Литературный факт. 2017. № 4. 277–290.

Вяземский П.А. Записные книжки (1813–1848) / Изд. подготовила В.С. Нечаева. М.: Издательство АН СССР, 1963. 508 с. («Литературные памятники»)

Гончарова Т.П. С.Н. Дурьлин в Мураново // С.Н. Дурьлин и его время: Исследования. Тексты. Библиография. Кн. I: Исследования / Сост., ред. А.И. Резниченко. М.: Модест Колеров, 2010. С. 84–100.

Дурьлин С.Н. Статьи и исследования 1900–1920 годов / Сост. А.И. Резниченко, Т.Н. Резвых. СПб.: Владимир Даль, 2014. 895 с.

⁴⁶ [Далее вычеркнута фраза (а потом зачеркнут и весь заключительный абзац): «Ее воскресение совпало с появлением сборника, впервые объединившего и сделавшего доступными для рядового читателя записки, дневник и малое число писем А.О. Смирновой (Россет)».

⁴⁷ «Рассказы А.О. Смирновой в записи Я.П. Полонского» // Голос Минувшего. 1917. № 11-12. С. 143.

Кошелев В.А. А.С. Хомяков, жизнеописание в документах, в рассуждениях и разысканиях. М.: НЛЮ, 2000. 512 с.

Кутанов Николай [= Дурьлин С.Н.]. Декабрист без декабря // Декабристы и их время. Л.: Общество политкаторжан, 1932. Т. 2. С. 201–290.

Мотейуняйте И.В. Поэты «Арзамаса» в осмыслении С.Н. Дурьлина: В.А. Жуковский, К.Н. Батюшков, П.А. Вяземский как литераторы // Литературное общество «Арзамас»: история и современность. Арзамас; Нижний Новгород: Растр, 2015. С. 368–376.

Смирнова И.А. А.О. Смирнова-Россет в русской культуре XIX века. М.: РГГУ, 2004. 556 с.

Смирнова-Россет А.О. Дневник. Воспоминания / Изд. подготовила С.В. Житомирская. М.: Наука, 1989. 790 с. («Литературные памятники»)

«Я никому так не пишу, как Вам...»: Переписка С.Н. Дурьлина и Е.В. Гениевой. М.: Центр книги Рудомино, 2010. 544 с.

References

Bogomolov N. Iz kommentatorskih zametok. 4. K publikacii statej S.N. Durylina o simvolizme [From the notes of a Commentator 4. About S.N. Durylin's Works on Symbolism]. *Literaturnyj fact*, 2014, no 4, pp. 277–290.

Durylin S.N. *Stat'i i issledovaniya 1900–1920 godov* [Articles and studies of 1900–1920], comp., introd. and comment. by A.I. Reznichenko, T.N. Rezvykh. St. Petersburg, Vladimir Dal' Publ., 2014. 895 p. (In Russ.)

Goncharova T. S.N. Durylin v Muranovo [S.N. Durylin in Muranovo]. *Sergej Durylin i ego vremya: Issledovaniya. Teksty. Bibliografiya*. [Sergey Durylin and His Time. Studies. Texts. Bibliography]. Book I Issledovaniya [Studies], comp., ed. by A.I. Reznichenko. Moscow, Modest Kolerov Publ., 2010, pp. 84–100. (In Russ.)

Koshelev V. A.S. *Khomiakov, zhizneopisanie v documentakh, v rassuzhdeniakh i razyskaniakh* [A.S. Khomiakov, Life in Documents, Reasoning, and Research]. Moscow, NLO Publ., 2000. 512 p. (In Russ.)

Kutanov N. Durylin S.N. Dekabrist bez dekabrya [Durylin S.N. Decembrist without December]. *Dekabristy i ih vremya* [Decembrists and Their Time]. Leningrad, Obshchestvo politkatorzhan Publ., 1932, vol. 2, pp. 201–290. (In Russ.)

Moteyunajte I. Poety «Arzamas» v osmyslenii S.N. Durylina: V.A. Zhukovskij, K.N. Batyushkov, P.A. Vyazemskij kak literatory [Poets of the Arzamas Society Interpreted by S.N. Durylin: V.A. Zhukovsky, K.N. Batyushkov, P.A. Vyazemsky as Men of Letters]. *Literaturnoe obshchestvo «Arzamas»: istoriya i sovremennost'* [Literary Society "Arzamas": History and Modernity]. Arzamas, Nizhni Novgorod, Rastr Publ., 2015, pp. 368–376. (In Russ.)

Smirnova I. A.O. *Smirnova-Rosset v russkoj kul'ture XIX veka* [A.O. Smirnova-Rosset in the XIX Century Russian Culture]. Moscow, RGGU Publ., 2004. 556 p. (In Russ.)

Smirnova-Rosset A. *Dnevnik. Vospominaniya* [Diaries. Memories], ed. by S. Zhitomirskaya. Moscow, Nauka Publ., 1989. 790 p. Literaturnye pamyatniki Series [Literary Heritage Series]. (In Russ.)

Vyazemsky P. *Zapisnye knizhki (1813–1848)* [Notebooks, 1813–1848], ed. by V. Nechaev. Moscow, AN SSSR Publ., 1963. 508 p. Series “Literaturnye pamyatniki” [Literary Heritage series]. (In Russ.)

“*Ya nikomu tak ne pishu, kak Vam...*”: *Perepiska S.N. Durylina i E.V. Genievoj* [“I Write to No One the Way I Write to You...” S.N. Durylin and E.V. Genieva Correspondence]. Moscow, Rudomino Book Centre Publ., 2010, 544 p. (In Russ.)

S.N. Durylin’s Unpublished Article about P.A. Vyazemsky’s Poem “A Remark on Orthography”

© 2018, Sergey Panov

Abstract: Durylin’s article published herewith is devoted to P.A. Vyazemsky’s poem. The paper considers various versions of the article which help to reconstruct the methods of research that Durylin as a historian of literature used to apply in his studies: the main attention was paid to the historical and biographical context combined with the close analysis of the literary text. The fact that the article finished in 1929 remained unpublished, gives an idea of the situation in the Soviet editorial policy of the 1930–1950s in the field of scholarly editions on cultural history.

Keywords: S.N. Durylin, P.A. Vyazemsky, A.O. Smirnova (Rosset), Russian literary history, scholarly heritage, publication of archived materials

Information about the author: Sergey I. Panov, PhD, senior research fellow, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

E-mail: litfact@gmail.com

Citation: Panov Sergey. S.N. Durylin’s Unpublished Article about P.A. Vyazemsky’s Poem “A Remark on Orthography”. *Literary fact*, 2018, no 10, pp. 321–354.

СТАТЬИ. ЗАМЕТКИ. СООБЩЕНИЯ

DOI 10.22455/2541-8297-2018-10-355-367

УДК 812.161.1

Человек будущего, устрица и гермафродит: Две заметки к истории декадентства

© 2018, Ю.А. Рыкунина

Аннотация: В статье речь идет о незамеченных подтекстах в одном из самых известных произведений Д.С. Мережковского «Л. Толстой и Достоевский». Впервые публикуются архивные материалы из истории раннего русского литературного модернизма, соотносящиеся с его базисной идеологической проблематикой.

Ключевые слова: Дмитрий Мережковский, Лев Толстой, Макс Нордау, декаданс, Владимир Гиппиус.

Информация об авторе: Юлия Абдуллаевна Рыкунина, к.ф.н., независимый исследователь, Москва. E-mail: rykuninay@mail.ru

Цитирование: *Рыкунина Ю.А.* Человек будущего, устрица и гермафродит: Две заметки к истории декадентства // Литературный факт. 2018. № 10. С. 355–367.

1. Эволюция и Лев Толстой

В своем масштабном исследовании «Л. Толстой и Достоевский» (1900–1902) Д.С. Мережковский, характеризуя некоторые художественные открытия Толстого, в частности, писал:

Не только древние греки и римляне, но, по всей вероятности, даже люди XVIII века не поняли бы, что значит «прозрачный» звук лошадиных копыт или как может «запах жженой пробки смешиваться с чувством поцелуя», или кушанья — «отзываться» выражением человеческого лица — приятною улыбкою, или «что-то круглое быть в запахе человека». Если бы критики наши, неумолимые судьи нового, так называемого «декадентского» искусства, были до конца искренни и последовательны, не пришлось бы им и Л. Толстого обвинять в «болезненной извращенности»? Но в том-то и дело, что определять незыблемые границы здорового и болезненного в искусстве гораздо труднее, чем это кажется хранителям классических заветов. Не есть ли предполагаемая ими «извращенность» только *изошренность*, естественное и неизбежное развитие, утончение, углубление

здоровой чувственности? Может быть, дети наши со своею свежою, новою впечатлительностью, поняли бы непонятое нашим критикам и оправдали бы Л. Толстого, ибо дети уже знают то, что еще не снилось их отцам, — знают, между прочим, что различные области так называемых «пяти чувств» вовсе не так резко отделены одна от другой, что эти области на самом деле сливаются, переплетаются, покрывают и захватывают одна другую, так что звуки могут казаться яркими, цветными («яркий голос соловья» у Пушкина), сочетание движений, красок или даже запахов могут производить впечатление музыки (так называемая «евритимия» — *благозвучие* движений, *гармония* красок в живописи). Обыкновенно думают, что телесная чувствительность людей, в противоположность духовной, — величина постоянная во времени, в историческом развитии человечества. На самом деле, первая точно так же изменяется, как вторая. Мы видим и слышим то, чего предки наши не видели и не слышали. Сколько бы ни жаловались перевозчики классической древности на телесный упадок современного человечества, едва ли можно сомневаться в том, что мы — существа более зрячие, чуткие, телесно прозрачные, чем герои «Илиады» и «Одиссеи». Не предполагает ли и наука, что известные ощущения, например, последние цвета спектра, сделались общим достоянием людей только за сравнительно недавнее, историческое время их жизни и что, может быть, еще Гомер смешивал зеленый цвет с голубым в одном наименовании цвета морской воды «зелено-лазурный» — *γλαυκός*? Не произошло ли и не происходит ли подобное естественное приращение, изощрение и в других областях человеческой чувственности? Не увидят ли и не услышат ли дети детей наших то, чего и мы еще не видим и не слышим? Не откроется ли им неведомое, не снившееся не только нашим отцам, нашим критикам, людям устаревшей впечатлительности, но и самым смелым и новым из нас? И тогда, в свою очередь, не будет ли казаться наша современная «декадентская» утонченность, которая так пугает теперешних староверов в искусстве, первобытным гомерическим здоровьем и даже грубостью? В этом неудержимом развитии, движении, течении, где неподвижная мера для отделения законного от незаконного, здорового от болезненного, естественного от извращенного? Что было вчерашним исключением, не становится ли сегодняшним правилом? И кто дерзнет сказать живой плоти, живому духу: «Здесь остановитесь — нельзя идти далее»? Толстой первым выразил новую область «нашей утончающейся телесно-духовной чувствительности; и в этом смысле можно сказать, что он дал нам новое тело, как бы новый сосуд для нового вина¹.

¹ *Мережковский Д.С.* Л. Толстой и Достоевский / Изд. подгот. Е.А. Андрущенко. М., 2000. С. 102–103.

Мы привели этот большой фрагмент целиком, т.к., на наш взгляд, в нем отразились достаточные важные моменты для данного периода творчества Мережковского и — в целом — для интеллектуальной жизни эпохи.

Как известно, одной из основных проблем, волновавших Д.С. Мережковского и З.Н. Гиппиус (как и Владимира Соловьева и других деятелей *fin de siècle*) на рубеже веков, была проблема человека будущего или «нового человека»². Мережковского, разрабатывавшего эту тему в русле философии Ф. Ницше³, чрезвычайно увлекала мысль о возможности качественной метаморфозы человеческого существа, своего рода антропологической революции (точнее — эволюции), которая позволила бы сделать шаг к сверхчеловеку. Эта тема занимала его в романе «Воскрешшие боги (Леонардо да Винчи)» (1901) с его ключевым образом крылатого человека — ср., например, реплику Леонардо: «Будут, — прошептал он, — будут крылья! Не я, так другой, всё равно — человек полетит. Дух не солгал: познавшие, крылатые, будут как боги!»⁴ Хотя речь идет об изобретении летательной машины, эти слова вписываются в ницшеанский, «сверхчеловеческий» контекст романа.

В этой связи в том же трактате «Л. Толстой и Достоевский» Мережковский уделяет особое внимание Кириллову из «Бесов», его своеобразной теории «нового человека» (имеющей поразительное сходство с ницшеанской) и его словам о том, что «человек должен перемениться физически»: «В своем самом первом чувственном зародыше идея о физической перемене человека у Кириллова, так же как у Ницше, связана с современными научными идеями о космическом развитии, о животной метаморфозе, о естественном подборе и превращении видов»⁵.

Рассмотрим некоторые отсылки из приведенной цитаты о Толстом. Слова Мережковского о Гомере, по-видимому, отчасти опираются на эволюционистскую теорию британского политика Уильяма Гладстона о цветовой восприимчивости древних, отличающемся от современного; это предположение было им впервые высказано в работе «Исследования о Гомере и его веке» (1858) — и вызвало достаточно сильный резонанс в научном

² О жизнетворческих стратегиях Гиппиус в этой связи см.: *Матич О.* Эротическая утопия: Новое религиозное сознание и *fin de siècle* в России. М., 2008. С. 170–225.

³ См.: *Розенталь Б.* Мережковский и Ницше (к истории заимствований) // Д.С. Мережковский: мысль и слово. М., 1999. С. 119–135.

⁴ *Мережковский Д.С.* Полное собрание сочинений: В 24 т. М., 1914. Т. 3. С. 90.

⁵ *Мережковский Д.С.* Л. Толстой и Достоевский. С. 431. Научные идеи, о которых идет речь, широко обсуждались в печати; кроме того, нельзя не вспомнить, что старший брат Мережковского, Константин Сергеевич, был зоологом. О нем см.: *Золотоносов М.Н.* Братья Мережковские. Кн. первая: Отщепенis Серебряного века. М., 2003.

мире. Именно Гладстон доказывал, что древние в силу биологических особенностей не способны были видеть некоторые цвета — например, синий и зеленый. Свои выводы исследователь, в частности, строит на том, что море у Гомера имеет винный цвет («винноцветное») и ни разу не названо синим. Возможно, подтекстом Мережковскому служит фрагмент из книги Ницше «Утренняя заря: Размышления о нравственных понятиях» (1881), также, в свою очередь, опирающийся на теорию Гладстона: «Если греки, как предполагают, действительно не видели ни голубого, ни зеленого цвета <...> в их глазах природа должна была рисоваться совсем другой, чем в наших»⁶. Как видим, Мережковский либо ошибается, неточно передавая смысл теории, либо не разделяет радикализм Гладстона, однако важно, что и с его точки зрения способность к цветовосприятию со временем эволюционирует.

В приведенной цитате о приемах Толстого речь также идет о синестезии, ставшей одним из основных принципов модернизма. Этот пассаж, как и отсылающие к Дарвину слова Мережковского о Кириллове, апеллирует к науке и прогрессу. Декаденты — и сближающийся с ними по некоторым приемам Толстой — вопреки установившемуся мнению, по Мережковскому, демонстрируют лишь «естественное углубление здоровой чувственности», которая в дальнейшем, в результате естественнонаучной эволюции, будет утончаться и обостряться. Как кажется, этот фрагмент отсылает к рассуждениям главного критика декаданса, Макса Нордау, в своем трактате «Вырождение» опиравшегося на «здоровое» научное знание и объявившего декадентство телесной и душевной болезнью. Мережковский полемизирует со знаменитым фрагментом о синестезии, уже привлекавшимся исследователями русского модернизма, в том числе в качестве подтекста⁷; но рассуждения Мережковского ими, насколько нам известно, в этой связи не рассматривались. Между тем в «Вырождении» Нордау — в главе, посвященной символистам, — мы имеем своего рода зеркальный antecedent к мыслям Мережковского. Ср. у Нордау:

⁶ Ницше Ф. Утренняя заря: размышления о нравственных понятиях / Пер. с нем. Е.Г. М., 1901. С. 293. О теории Гладстона и ее рецепции, в том числе у Ницше, см., например: Пастуро М. Зеленый. История цвета / Пер. с фр. Н. Кулиш. М., 2018. С. 14–15.

⁷ См., например: Vroon R. Max Nordau and the origins of Russian decadence: some preliminary observations // Sine arte, nihil: Сб. научных трудов в дар профессору Милюеву Йовановичу / Сост. К. Ичин. Белград; М., 2002. С. 85–100; Цивьян Ю. На подступах к карпалитике: Движение и жест в литературе, искусстве и кино. М., 2010. С. 44; Тименчик Р.Д. Устрицы Ахматовой и Анненского // Подземные классики: Иннокентий Анненский, Николай Гумилев. М.; Иерусалим, 2017. С. 67.

Мы знаем, например, что хоботок камнеточца, сокращающийся более или менее сильно и быстро при всяком раздражении, восприимчив ко всем внешним впечатлениям: к свету, шуму, прикосновению, запаху и т. д. Этот моллюск, следовательно, видит, слышит, осязает, обоняет одною частью тела: хоботок служит ему одновременно и ухом, и глазом, и носом, и пальцем. У высших организмов протоплазма дифференцируется; образуются нервы, ганглии, мозг, органы чувств. Тут уже движение в природе воспринимается различно. Единство явления перелагается органами чувств в многообразие восприятия. <...> Во всяком случае, отречение сознания от преимуществ дифференцированного восприятия явлений и смешение разных чувств несомненно служит доказательством ненормальной и ослабленной мозговой деятельности. Они означают сильнейший регресс в органическом развитии, возвращение человека к тому состоянию, в каком находится камнеточец. Возводить смешение и замену зрительных и слуховых восприятий в эстетический закон, видеть в них основание для искусства будущего — значит признавать возвращение человека к жизни устрицы прогрессом⁸.

Вадим Беспровзванный в статье о литературных устрицах приводил отрывок из романа Мережковского «Смерть богов (Юлиан Отступник)» (1895), посвященный этим моллюскам, где, как пишет исследователь, «соположение звуковых и обонятельных впечатлений складывается в единый сингармонический образ»⁹. Что не было отмечено и что кажется нам очень вероятным — эти сингармонические устрицы отсылают к М. Нордау.

Таким образом, «цветной слух» Рембо (речь у Нордау идет о его «Гласных») и «соответствия» Бодлера оказываются признаком крайней деградации, возвращением к недифференцированному восприятию моллюсков. О. Матич писала о восприятии Нордау в России: его идеи нашли сочувствие не только у критиков-народников, но и, например, у А. Вольнского, а некоторые положения перекликаются с положениями Толстого. Заметим, что Толстой, высмеивавший декадентов, для Нордау одна из основных фигур вырождения, его взглядам в трактате посвящена отдельная глава, однако о его синестетическом восприятии Нордау не пишет¹⁰.

⁸ *Нордау М.* Вырождение / Пер. с нем. под ред. и с предисл. Р.И. Сементковско-го. СПб., 1896. С. 146–147.

⁹ *Беспровзванный В.* Литературные устрицы, или Еще раз о теме устриц. URL: http://sites.utoronto.ca/tsq/36/tsq36_besprozvany.pdf (дата обращения: 20.11.2018).

¹⁰ В связи с толстовской синестезией ср. рассказ К. Бальмонта о посещении им Толстого: «Великий старик добрым, незабываемо-ласковым голосом говорил, подтрунивая: “А вы всё декадентские стихи пишете? Нехорошо, нехорошо!” И по-

О специфике восприятия цветов, являющемся для Мережковского одним из признаков новой чувственности, Нордау писал в главе «Диагноз болезни»: он утверждал, что истеричные страдают «нечувствительностью некоторых частей сетчатки», некоторые вообще склонны к ахроматопсии, а художники-неврастеники, когда пишут картины, пользуются тусклыми цветами, соответствующими их внутреннему настроению, обусловленному нервным расстройством¹¹.

Рассуждения о синестезии, эволюции цветовосприятия и утончающейся чувствительности, так же как и проблематизация слов Кириллова о физической перемене человека, вписываются в концепцию «нового человека», как она сложилась у Мережковского на рубеже веков. Интересно при этом, что, как и Нордау, Мережковский апеллирует к научному знанию («Не предполагает ли и наука...»), только осторожно, как бы исподволь. Вероятнее всего, ему было известно о гладстоновской теории цветовосприятия, но ни Нордау, ни Гладстон в данном случае им не называются. Обнаружение отголосков других, быть может, менее известных научных теорий в текстах Мережковского — задача для будущего исследования.

2. «Неэстетическая элегия» Владимира Гиппиуса

Мережковский, защищавший от критиков новое, на первый взгляд болезненное, а на самом деле здоровое чувственное восприятие, был в то же время и критиком эстетизма. Как он считал, после Рафаэля начинается спад, искусство теряет связь с религией, само становится религией, что является признаком вырождения, «декадентством». Уже «александрийский эстетизм», в противоположность эллинизму, был явлением бесплодным, искусством для искусства¹². Новыми фигурами возрождения (первое «не выгорело») виделись ему Толстой и Достоевский.

Появляющееся здесь понятие «эстетизм» исключительно важно и для Мережковского, и для «мережковских», чаще всего оно обозначает нечто чуждое им — ср., например, название статьи Д.В. Философова «Уединенный эстетизм» (1912), полемический ответ на статью А.А. Блока «Искусство и газета». «Во взгляде эстетов на красоту есть нечто недо-

просил меня что-нибудь прочесть. Я ему прочел “Аромат Солнца” а он, тихонько покачиваясь в кресле, беззвучно посмеивался и приговаривал: “Ах, какой вздор! Аромат Солнца! Ах, какой вздор!” Я ему с почтительной иронией напомнил, что в его собственных картинах весеннего леса и утра звуки перемешиваются с ароматами и цветами. Он несколько принял мой аргумент и попросил меня прочесть еще что-нибудь» (цит. по: *Гусев Н.Н.* Летопись жизни и творчества Льва Николаевича Толстого. М., 1960. С. 395).

¹¹ Нордау М. Вырождение. С. 31–33.

¹² Мережковский Д.С. Л. Толстой и Достоевский. С. 182–183.

статочно стыдливое и недостаточно гордое»¹³, — писал Мережковский в том же трактате «Л. Толстой и Достоевский», напечатанном, напомним, в журнале «Мир искусства», фламане эстетизма.

Приведем отрывок из письма А. Бенуа к В. Нувелю, в котором речь идет о Мережковских (обсуждается отход Д. Filosofova от «Мира искусства» в 1905 г.): «Я сознаю, что он слишком умен для них, и сознаю, что он ушел от нас только потому, что не мог быть всецело принят нами, что ему недоступна была вся сфера мистической красоты, то, что они так пошло называют “эстетизмом”»¹⁴.

Уже в 1890-х З. Гиппиус, борющаяся с декадентством, стремилась, по-видимому, дистанцироваться и от эстетизма. В ее повести «Златоцвет» (1896) упоминается эссе О. Уайльда «Упадок искусства лжи»¹⁵ — ему посвящен реферат эстета и декадента Звягина, адепта уайльдовской теории, прототипом которого был Н. Минский. По Уайльду, колорит картин художников-импрессионистов с их коричневыми туманами прямо способствовал изменению климата Лондона. Звягину возражает, отрицая такой крайний эстетизм, московский профессор, философ Кириллов (его прототип — А. Вольтинский, посвятивший уайльдовскому эссе рецензию в «Северном вестнике») ¹⁶.

О панэстетизме как отличительном признаке всего русского литературного модернизма (важная его черта в этой связи — обращение к античности) писала З.Г. Минц, приводя соответствующие места из творчества Гиппиус, Мережковского, Сологуба, Бальмонта, Анненского и других. Панэстетизм характерен, по мнению исследовательницы,

¹³ Там же. С. 182.

¹⁴ *Соболев А.Л.* Переписка З.Н. Гиппиус с Д.В. Filosofovym (в печати).

¹⁵ В «Вырождении», в главе об эстетях, Нордау писал о том же тексте Уайльда: «Нет, он серьезно утверждает, что живописцы изменили климат Англии, что в Лондоне за последние десять лет так много туманов потому, что импрессионисты изображают туман. “Чрезвычайные перемены, происшедшие за последние десять лет в лондонском климате, — говорит он буквально, — должны быть приписаны этой особенной художественной школе... Кому, как не импрессионистам, обязаны мы чудесным бурным туманом, ползущим по нашим улицам, скрывающим свет газовых рожков и превращающим дома в чудовищные тени”. Наконец, Уайльд еще учит: “Эстетическое стоит выше нравственного. Оно принадлежит сфере более одухотворенной. Познать красоту данного предмета — самая возвышенная ступень, до которой мы только можем добраться. Даже восприимчивость к цветам важнее для развития индивида, чем чувство правды и неправды”» (*Нордау М.* Вырождение. С. 342–343). Нордау, естественно, спорит с этими утверждениями, поклонников этой теории он называет «антиобщественными существами» и «грязной накипью цивилизации».

¹⁶ О присутствии Уайльда в «Златоцвете» см.: *Павлова Т.В.* Оскар Уайльд в русской литературе (конец XIX — начало XX в.) // На рубеже XIX и XX веков. Из истории международных связей русской литературы: Сб/ научных трудов. Л., 1991. С. 84–85; *Берштейн Е.* Русский миф об Оскаре Уайльде // Эротизм без берегов: Сб. статей и материалов. М., 2004. С. 35.

и для декадентов, и для мистиков-соловьевцев, и для Мережковского с Розановым (эстетизация земного, «святая плоть»); в этом же ряду рассматриваются и антиэстетические выпады символистов («эпатирующее утверждение безобразного как поэтического идеала»)¹⁷.

Принадлежавший к кругу Мережковских поэт и критик Владимир Гиппиус во многом находился под их влиянием. Он не раз будет резко критически отзываться об эстетизме, неприятие у него вызовут акмеисты и их декларации¹⁸, негативную оценку получит журнал «Аполлон». Но, что интересно, еще в середине 1890-х он выступил с антиэстетическим заявлением, при этом, как кажется, оставаясь в рамках декадентского дискурса (характерна приведенная ниже формула «тончайшее отвращение к красоте»). С другой стороны, влияние на молодого поэта мог оказать и толстовский бунт против искусства. 27 июня 1895 г. он писал Я.И. Эрлиху:

Переменяю (почему-то) почерк! Не удивляйтесь: этот — отвращеннее и некрасивее: у меня в последнее время тончайшее отвращение к внешней красоте. Исходя из настроения, которое оделось в такого рода образ: «Отвращение к внешней красоте», я пишу целый ряд «проз» под наименованием: «Не эстетические элегии». В некоторых из них, мне кажется, кое-что есть. Мое единственное желание при писании выразить свою *боль по настоящему*, отвергнув фразу и искусство, не имею вовсе в виду, к прозе ли или к поэзии будет написанное относиться¹⁹.

В это время Гиппиус создал ряд прозаических миниатюр (возможно, под влиянием «стихотворений в прозе» Бодлера), часть из которых вошла в его сборник «Песни» (1897). «Неэстетические <у Гиппиуса «Не эстетические». — Ю.Р.> элегии», однако, в книгу не вошли. Одну из них нам удалось обнаружить в его личном фонде:

Из Не эстетических элегий

Я хочу быть откровенен до дна, до наготы.
Я хочу быть откровенен, чтобы увидеть свою
наготу и в болзненной судороге отшатнуться
от нее, презреть себя, проклясть и уподобить пыли

¹⁷ Минц З.Г. Александр Блок и русские писатели. СПб., 2000. С. 459–471.

¹⁸ См., например: Гиппиус Вл. Душа реакции // Речь. 1913. № 60, 3 марта. С. 3. См. также: Рыкунина Ю.А. Владимир Гиппиус об акмеистах: «Учителя и ученики» // Литературный факт. 2017. № 5. С. 207–225.

¹⁹ ИРЛИ. Ф. 77. Ед. хр. 207. Л. 11 об.–12.

Я хочу смеяться холодно и жестко, как смеется отец,
похоронивший двенадцать человек детей и хоронящий
тринадцатого, обезумевая

от боли и заострения.

Я хочу иметь жало и яд, чтобы в тот день
когда я обессилею от своей собственной лжи,
когда я с отвращением сорву с себя ее
засаленные лоскутья и с бессмертным плачем
растопчу их, — убить себя своим ядом.

Я хочу быть откровенен. Вперед желанья, помыслы, слезы,
все стебли прозябающей души!

Вперед! в воздух мыльные пузыри!

Я хочу быть гермафродитом,

Чтобы никого не любить и никем не быть
любимым, чтобы, уйдя в свою келейку,
гордо и уединенно оплодотворять самого себя.

Ложь, торжествуй! Ты еще сильна! Ты

Еще топчешь меня... Твои лоскутья вокруг
моей шеи.

Вперед, вперед пузыри!

Владимир Гиппиус

16/VII 1895 г.²⁰

Эти стихи, инспирированные, вероятно, личной драмой, интересны и как типично декадентский текст, своими эпатажными декларациями отчасти предвосхищающий поэтические заявления футуристов²¹. Мотив гордого уединения, идущий от «подпольных» героев Достоевского (его Гиппиус считал родоначальником нового периода в литературе), сочетается здесь с демонстративным отрицанием привычных форм любви через образ гермафродита. Трудно сказать, повлияла ли на Гиппиуса актуальная для модернизма теория андрогинизма²² (впрочем, Владимир Соловьев вкладывал в нее другие смыслы), подразумевающая единство мужского и женского, достижение человечеством своего идеала и отказ от продолжения рода, — или он заимствовал понятие из научного языка; важно, что его мысли в данном случае типологически соотносятся с размышлениями представителей эпохи *fin de siècle* о «новом теле».

²⁰ ИРЛИ. Ф. 77. Ед. хр. 182. Л. 3.

²¹ См.: *Кобринский А.А.* Вл. Гиппиус: Правда и поза // Вячеслав Иванов. Исследования и материалы. Вып. 1 / Отв. ред. К.Ю. Лапо-Данилевский, А.Б. Шишкин. СПб., 2010. С. 549–551.

²² О важности образа андрогина в культуре декаданса см.: *Матич О.* Указ. соч.

Был ли этот «протест против внешней красоты» мимолетным эпизодом в биографии начинающего поэта? Протестуя против внешней красоты, Гиппиус не отрицал красоту как таковую, отводя ей — в духе позднейших символистов — философское значение. Уже в статье 1896 г. «Золотой век. Из писем к иностранцу» он — подобно символистам — углубляет это понятие, говоря, в частности, о поэзии Фета: «Весь конкретный мир представлялся ему символом единой, вечно и единственно-сущей *красоты*, сама душа — мгновенным отблеском той же единой красоты, незапятнанное стремление к которой всю жизнь было для Фета противодействием всякому дыханию, всякому прикосновению, отрицающему красоту»²³. В позднейшей автобиографической заметке он скажет, что в его эстетизме «было нечто иное, именно декадентское — шедшее от Достоевского (“красота спасет мир”))»²⁴.

Таким образом, этот несколько курьезный пример шокирующего и парадоксального антиэстетического бунта согласуется с некоторыми заявлениями Мережковских, с антропологическими теориями конца века — и в то же время становится обратной стороной общемодернистского панэстетизма.

Литература

Берштейн Е. Русский миф об Оскаре Уайльде // Эротизм без берегов: Сб. статей и материалов. М.: Новое литературное обозрение, 2004. С. 26–50.

Гиппиус Вл. Золотой век. Из писем к иностранцу. Вступ. статья, подгот. текста и коммент. Ю.А. Рыкуниной // Русская литература. 2018. № 1. С. 99–127.

Гиппиус Вл. О самом себе. Публ. Евг. Биневица // Петрополь-96. Литературная панорама 1993–1996. СПб., 1996. № 6. С. 119–131.

Золотоносов М.Н. Братья Мережковские. Кн. первая: Отщепенis Серебряного века. М.: Ладомир, 2003. 1030 с.

Кобринский А.А. Вл. Гиппиус: Правда и поза // Вячеслав Иванов. Исследования и материалы. Вып. 1 / Отв. ред. К.Ю. Лаппо-Данилевский, А.Б. Шишкин. СПб.: Издательство Пушкинского Дома, 2010. С. 549–561.

Матич О. Эротическая утопия: Новое религиозное сознание и fin de siècle в России. М.: Новое литературное обозрение, 2008. 400 с.

Мережковский Д.С. Л. Толстой и Достоевский / Изд. подгот. Е.А. Андрущенко. М.: Наука, 2000. 587 с.

²³ *Гиппиус Вл.* Золотой век. Из писем к иностранцу. Вступ. статья, подгот. текста и коммент. Ю.А. Рыкуниной // Русская литература. 2018. № 1. С. 115.

²⁴ *Гиппиус Вл.* О самом себе. Публ. Евг. Биневица // Петрополь-96. Литературная панорама 1993–1996. СПб., 1996. № 6. С. 126. О том, что эта фраза повлияла на символистский панэстетизм, писала З.Г. Минц, см.: *Минц З.Г.* Александр Блок и русские писатели. С. 460.

Мицц З.Г. Александр Блок и русские писатели. СПб.: Искусство-СПб, 2000. 782 с.

Павлова Т.В. Оскар Уайльд в русской литературе (конец XIX — начало XX в.) // На рубеже XIX и XX веков. Из истории международных связей русской литературы: Сб. научных трудов. Л.: Наука, 1991. С. 77–129.

Пастуро М. Зеленый. История цвета / Пер. с фр. Н. Кулиш. М.: Новое литературное обозрение, 2018. 164 с.

Розенталь Б. Мережковский и Ницше (к истории заимствований) // Д.С. Мережковский: мысль и слово. М.: Наследие, 1999. С. 119–135.

Рыкунина Ю.А. Владимир Гиппиус об акмеистах: «Учителя и ученики» // Литературный факт. 2017. № 5. С. 207–225.

Ти́менчик Р.Д. Устрицы Ахматовой и Анненского // Подземные классики: Иннокентий Анненский, Николай Гумилев. М.: Мосты культуры; Иерусалим: Гешарим, 2017. 772 с.

Цивьян Ю. На подступах к карпалистике: движение и жест в литературе, искусстве и кино. М.: Новое литературное обозрение, 2010. 327 с.

Vroon R. Max Nordau and the origins of Russian decadence: some preliminary observations // *Sine arte, nihil*: Сб. научных трудов в дар профессору Миливое Йовановичу / Сост. К. Ичин. Белград; М.: Пятая страна, 2002. С. 85–100.

References

Bershtein E. Russkii mif ob Oskare Uail'de [Russian myth about Oscar Wilde]. *Erotizm bez beregov: Sb. statei i materialov* [Eroticism without shores: A collection of articles and materials]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2004, pp. 26–50. (In Russ.)

Gippius Vl. O samom sebe [About myself], publ. by Evg. Binevich. *Petropol'-96. Literaturnaia panorama 1993–1996* [Petropol-96. Literary panorama 1993–1996]. St. Petersburg, 1996, no. 6, pp. 119–131. (In Russ.)

Gippius Vl. Zolotoi vek. Iz pisem k inostrantsu [Golden age. From letters to a foreigner], intro., ed. and comment. by Iu.A. Rykunina. *Russkaia literatura*, 2018, no. 1, pp. 99–127. (In Russ.)

Kobrinskii A.A. Vl. Gippius: Pravda i poza [Vl. Gippius: Truth and pose]. *Viacheslav Ivanov. Issledovaniia i materialy. Vyp. 1* [Vyacheslav Ivanov: Studies and materials. Issue 1], ed. by K.Iu. Lappo-Danilevskii, A.B. Shishkin. St. Petersburg, Pushkin House Publ., 2010, pp. 549–561. (In Russ.)

Matich O. *Eroticheskaia utopiia: Novoe religioznoe soznanie i fin de siècle v Rossii* [Erotic Utopia: New religious consciousness and Fin de Siècle in Russia]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ, 2008. 400 p. (In Russ.)

Merezhkovskii D.S. *L. Tolstoi i Dostoevskii* [L. Tolstoy and Dostoevsky], ed. by E.A. Andrushchenko. Moscow, Nauka Publ, 2000. 587 p. (In Russ.)

Mints Z.G. *Aleksandr Blok i russkie pisateli* [Alexander Blok and Russian writers]. St. Petersburg, Iskusstvo-SPb Publ., 2000. 782 p. (In Russ.)

Pastoureau M. *Zelenyi. Istoriia tsveta* [Green. History of the color], transl. by N. Kulish. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2018. 164 p. (In Russ.)

Pavlova T.V. Oskar Uail'd v russkoi literature (konets XIX — nachalo XX v.) [Oscar Wilde in Russian literature (late 19th — early 20th century)]. *Na rubezhe XIX i XX vekov. Iz istorii mezhdunarodnykh svyazei russkoi literatury: Sb. nauchnykh trudov* [At the turn of the 20th century: From the history of international connections of Russian literature: Proc.]. Leningrad, Nauka Publ., 1991, pp. 77–129. (In Russ.)

Rozental' B. Merezhkovskii i Nitsche (k istorii zaimstvovani) [Merezhkovsky and Nietzsche (on the history of borrowings)]. *D.S. Merezhkovskii: mysl' i slovo* [D.S. Merezhkovsky: thought and word]. Moscow, Nasledie Publ., 1999, pp. 119–135. (In Russ.)

Rykunina Iu.A. Vladimir Gippius ob akmeistakh: “Uchitelia i ucheniki” [Vladimir Gippius on Acmeists: “Masters and disciples”]. *Literary fact*, 2017, no. 5, pp. 207–225. (In Russ.)

Timenchik R.D. Ustritsy Akhmatovoi i Annenskogo [Oysters of Akhmatova and Annensky]. *Podzemnye klassiki: Innokentii Annenskii, Nikolai Gumilev* [Underground classics: Innokenty Annensky, Nikolay Gumilev]. Moscow, Mosty kul'tury Publ., Jerusalem, Gesharim Publ., 2017. 772 p. (In Russ.)

Tsiv'ian Iu. *Na podstupakh k karpalistiche: dvizhenie i zhest v literature, iskusstve i kino* [Approaching carpalistics: motion and gesture in literature, art and cinema]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2010. 327 p. (In Russ.)

Vroon R. Max Nordau and the origins of Russian decadence: some preliminary observations. *Sine arte, nihil: Sb. nauchnykh trudov v dar professoru Milivoje Jovanovichu* [Sine arte, nihil: A collection of scientific works as a gift to professor Milivoje Jovanović], comp. by K. Ichin. Belgrad, Moscow, Piataia strana Publ., 2002, pp. 85–100.

Zolotonosov M.N. *Brat'ia Merezhkovskie. Kn. pervai: Otshchepenis Serebriano veka* [The brothers Merezhkovsky. Book 1: Otshchepenis of the Silver Age]. Moscow, Ladomir Publ., 2003. 1030 p. (In Russ.)

Man of the future, oyster and hermaphrodite: Two notes on the history of Decadence

© 2018, Yulia Rykunina

Abstract: The paper suggests some unnoticed contexts of the well-known study “L. Tolstoy and Dostoevsky” by Dmitry Merezhkovsky. Also it represents archival materials on the history of early Russian modernism, that deal with basic ideological themes of modernist culture.

Keywords: Dmitry Merezhkovsky, Leo Tolstoy, Max Nordau, Decadence, Vladimir Gippius.

Information about the author: Yulia Rykunina, PhD, independent researcher, Moscow. E-mail: rykuninay@mail.ru

Citation: Rykunina Yulia. Man of the future, oyster and hermaphrodite: Two notes on the history of Decadence. *Literary fact*, 2018, no. 10, pp. 355–367.

DOI 10.22455/2541-8297-2018-10-368-384
УДК 801.61, 821.161.1

Заметки комментатора

7. К иконографии Осипа Манделъштама

© 2018, Р.Д. Тименчик

Аннотация: Публикуются выдержки из писем художницы Э.Я. Зандер-Радловой в пору создания ею карандашного портрета П.О. Богдановой-Бельской и О.Э. Манделъштама ранней осенью 1917 г.

Ключевые слова: О.Э.Манделъштам, П.О. Богданова-Бельская, Н.Э. Радлов, С.Н. Андроникова, commedia dell' arte, литературный Крым.

Информация об авторе: Роман Давидович Тименчик, проф. Еврейского университета, Иерусалим, Израиль. E-mail: suzirom@gmail.com

Цитирование: *Тименчик Р.Д.* Заметки комментатора. 7. К иконографии Осипа Манделъштама // Литературный факт. 2018. № 10. С. 368–384.

Недавно в своем блоге в социальной сети Instagram правнучка легендарной Паллады Олимповны Гросс (1885–1968)¹ выложила сделанный Эльзой Зандер-Радловой (монограмма «ЭР») рисунок с натуры «Паллада и Манделъштам», датируемый по семейной легенде 1920–21 гг. Мы полагаем, что датировкой может быть август-сентябрь 1917 г., время, по слову Манделъштама в «Египетской марке», «перед концом, когда температура эпохи вскочила на тридцать семь и три...». Для автора рисунка доносящиеся в Крым из Петрограда отголоски русско-немецкой войны и первые предвестия будущей гражданской войны мешались с наметившимся обрушением ее личной жизни посреди лихорадочного амурного карнавала последнего года свободной России.

¹ Ахматова о ней: «Она была знаменита. Браслеты на ногах, гомерический блуд» (*Чуковская Л.К.* Записки об Анне Ахматовой. Т. 1. М., 1989. С. 23). См. нашу заметку о ней: *Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь. Т. 1: А – Г. М., 1989. С. 299.* См. также: *Тименчик Р.* Что вдруг: Статьи о русской литературе прошлого века. Иерусалим; Москва, 2008. С. 235–238; *Тименчик Р.* «Записные книжки» Анны Ахматовой. Из «именного указателя» // Эткиндовские чтения. II–III. СПб., 2006. С. 225–227. Из новейшей литературы о ней см. чрезвычайно содержательную главу: *Аметистовая свинка: новые материалы к биографии П.О. Гросс // Соболев А.Л.* Тургенев и тигры: Из архивных разысканий о русской литературе первой половины XX века. М., 2017. С. 88–140.

Биография Эльзы Яковлевны Зандер (1887–1924) еще не прописана. По сути дела, единственным печатным источником о ее месте в искусстве является беглая спешная заметка в городской газете:

Скончалась от скарлатины художница Эльза Радлова, выставившая свои работы (главным образом, акварели и наброски) на выставках «Современное искусство», «Новое общество художников» и «Мир искусства». Покойная была также художником-декоратором. Театр Народного дома понес в ее лице незаменимую утрату².

Возможно, текст заметки был надиктован бывшим мужем художницы Николаем Эрнестовичем Радловым (1889–1942), известным графиком, художественным критиком, петербургским законодателем вкуса. Его развод с Э.Я. Зандер был оформлен 9 сентября 1924 г., три дня спу-

² [Б.л.] Э.Я. Радлова // Вечерняя Красная газета. 1924. № 273 (663), 29 нояб. С. 3. Она была преданной ученицей Я.Ф. Ционглинского в Академии Художеств в 1908–13 гг., среди выставившихся ею пейзажей были «Савойя» (1913), «Сиверская» (1918), «Алушта» (Художники народов СССР: Библиографический словарь: В 6 т. Т. 4, Кн. 1: Елева — Кадышев. М., 1983. С. 214).

стя он зарегистрировал брак с художницей Надеждой Константиновной Шведе (1895–1944), известной, в числе прочего, портретом Гумилева.

«Живая, как огонь»³ Эльза Зандер проявляла свой темперамент⁴ в нижеприведенных выдержках из ее писем к мужу, зафиксирован он и в мадригале Сергея Рафаловича:

...Неугасим в ней пламень ргутный,
Бурлит в нем дьявольская смесь.

...Кружится смерч противоречий
И неожиданных затей,
И спешный плеск ее речей
Похож на резкий треск картечи!⁵

Свою будущую модель художница впервые разглядела пристально в Алуште в августе 1916 г.:

Чем дальше, тем мне больше нравится Паллада. Как сильно преувеличивает молва ее особенности. Она гораздо более обыкновенна в конце концов, а в связи с этим и более симпатична, чем издали кажется. <...> А в смысле позирования это такой клад, что я готова на что угодно, лишь бы удержать для себя эту возможность впредь. Интересно, понравится ли она тебе, если придется тебе как-нибудь познакомиться. Во всяком случае, я очень рада, что судьба свела меня с Палладой⁶.

³ *Берберова Н.Н.* Курсив мой: Автобиография / Вступ. ст. Е.В. Витковского; Коммент. В.П. Кочетова, Г.И. Мосешвили. М., 1999. С. 172. Запись в дневнике К.И. Чуковского от 25 января 1926 г. публикаторы относят к ней, хотя вероятнее отнести ее к Н.К. Шведе-Радловой: «Вчера был у Николая Эрнестовича Радлова. Когда я с ним познакомился, это был эстет из “Аполлона”, необыкновенно опроборенный и тонкий. Несколько вялый, но изящный писатель. Потом “в незабываемые годы” это был муж стареющей и развратной, пьяной, крикливой и доброй жены, которая никак не подходила к нему — и нарушала всё его эстетство» (*Чуковский К.* Собрание сочинений: В 15 т. Т. 12: Дневник. 1922–1935. М., 2013. С. 258, 637; аллюзия на стихотворение Игоря Северянина «В блестящей тьме»: «в шик опроборенные, великосветские олухи»).

⁴ В одном из писем она писала: «во мне родится вепрь при одном упоминании о некоторых вещах» (РГАЛИ. Ф. 2786. Оп. 1. Ед. хр. 46. Л. 19).

⁵ РГАЛИ. Ф. 2786. Оп. 1. Ед. хр. 108. Л. 1. Незадолго до отбытия в эмиграцию в ней нашел свою музу Николай Оцуп, автографы его стихотворений: Там же. Л. 5–13; некоторые из этих текстов см.: *Оцуп Н.* Океан времени: Стихотворения; Дневник в стихах; Статьи и воспоминания / Сост., вступ. ст. Л. Аллена; коммент. Р. Тименчика. СПб.: Logos, Дюссельдорф: Голубой всадник, 1993. С. 55 («Когда необходимой суетой...»), 65–70 («Дон Жуан»); мы видим отражение ее речей в стихотворении «Я не люблю, когда любовь немая...» (Там же. С. 62–63): «В Алуште жил художник-итальянец».

⁶ Здесь и далее письма Э.Я. Зандер-Радловой мужу цитируются по оригиналам: РГАЛИ. Ф. 2786 (Радлов Н.Э.). Оп. 1. Ед. хр. 44–47. Позднее она писала о своей модели: «Сейчас есть у нее написанный рассказ, роман длинный. Сейчас я ей

Зимой того же года в жизни четы Радловых, в отсутствие Эльзы, пребывавшей в санатории в Финляндии, произошли события, о которых рассказывала шесть десятков лет спустя Саломея Андроникова⁷:

В шестнадцатом году я влюбилась в художника Николая Радлова и послала в Париж телеграмму Рафаловичу: «Я тебе изменила». Тогда мы были очень романтичны, честны и испытывали необходимость сообщать своим любимым правду сию же минуту. Шла война. Мой дядя Ваня работал в цензуре, и подруга радловской жены тоже там работала. Им в руки попала эта телеграмма. Все вокруг узнали. Рафалович тут же приехал, начались сердечные мучения, это уже в семнадцатом, тут и февральская революция, и мои страдания. На лето Рафалович увез меня с дочкой в Крым под Алушту, и я больше никогда не видела Николая Радлова⁸.

Рафалович, который был с Саломеей четвертый год⁹, действительно реагировал, нарушая все правила светской сдержанности¹⁰, и Николай

его переписываю, т.к. ее почерка никто не поймет; большая очень работа. По-моему, это вещь безвкусная и что еще хуже — безграмотная. Но, может быть, я строга; просто мне такие литературы противны. <...> В поэзии она сделала большой успех это лето, колоссальный; вообще научилась писать стихи» (РГАЛИ. Ф. 2786. Оп. 1. Ед. хр. 47. Л. 14). Поэтому письмо от 5 августа неизвестного года, в котором Паллада сообщала: «Написала новый роман: Путь и мир. Все здешние критики (напр., Чудовский) находят во мне громадный талант. Впрочем, я это знаю» (*Соболев А.Л.* Тургенев и тигры. С. 119), можно отнести к 1917 г.

⁷ О Саломее Николаевне Андроникашвили (Андрониковой, Андреевой, Гальперн; 1888–1982) см. статью С.Ф. Даниловой: Мандельштамовская энциклопедия: В 2 т. Т. 1. М.: Политическая энциклопедия, 2017. С. 74–75). Утверждение комментатора о том, что она является блоковской «Незнакомкой» («Радуюсь людям и хорошим книгам» (Письма Екатерины Лившиц Александру Дейчу и Евгении Дейч-Малкиной). Публ. и примеч. П. Нерлера // Вопросы литературы. 2018. № 5. С. 325), основано на сущем недоразумении.

⁸ *Васильева Л.* Собрание сочинений. Тайна времени. М., 2001. С. 348; «А мои любовники были маленькие, большей частью евреи. Один красивый был, художник Николай Радлов. У меня был с ним роман, очень короткий и очень бурный» (Там же. С. 374).

⁹ См.: «...я уехала в Париж, где встретила поэта Сергея Рафаловича, и семь лет мы прожили с ним как муж и жена, правда, на европейский лад: я больше в Петербурге, он больше в Париже. Очень удобно, ненадоедливо» (Там же. С. 347). Из новейшей литературы о Сергее Львовиче Рафаловиче (1875–1944) см.: *Никольская Т.Л.* Рафалович С.Л. // Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь. Т. 5. М., 2007. С. 264–266; *Рафалович С.* Пленная Воля / Изд. подгот. В. Кудрявцев и С. Ковнер. Рудня-Смоленск: Мнемозина, 2011; *Куранда Е.Л.* Рафалович С.Л. // Мандельштамовская энциклопедия: В 2 т. Т. 1. М., 2017. С. 412.

¹⁰ Ситуация нашла отражение в пародийной комедии брата Н. Радлова, Сергея, о Лепорелло, под видом Дон Жуана овладевшем Донной Инезильей, женой Дона Ральфа. Дон Ральф говорил там: «Отмщение и кровь, кровь и отмщенье — / Других отныне я не знаю слов» (*Радлов С.* Обманутая обманщица // Аргус. 1917. № 9–10. С. 34).

Радлов в названной выше «честной» манере сообщал жене 27 апреля 1917 г.:

Рафалович на границе сумасшествия и самоубийства. Вчера я заходил к Соломке, которая больна и недвижима, и с того момента, днем, до сегодняшнего утра он валялся в ногах у меня, плакал и безумствовал. Он не может винить меня физически, не может слышать ни о тебе, ни обо мне. Он то обещает уйти и порвать с ней, то умоляет не убивать его. Я не ждал таких результатов. Исход отсюда, конечно, ясный и единственный. Но он несколько трагичен для Соломки, ибо я убедился, что она его не любит так, как он ее и (подозреваю по некоторым определенным признакам), физически он ей неприятен даже. Для меня этот исход менее трагичен, но тоже болезнен по причинам, о которых говорил. Думаю, что и для него этот исход не решает дела хорошо, и рано или поздно, теперь или осенью, все равно, насколько я знаю психологию событий, разрыв между ними неизбежен¹¹.

Как следствие апрельских объяснений было выдвинуто условие неприезда Н. Радлова тем летом к Алушту¹², по каковой причине до нас дошли отчеты об алуштинских делах, регулярно посылавшиеся ему женой из Крыма.

В конце июня, приехав на несколько дней в Алушту из Бахчисарая, она поселилась у Натальи Шумковой-Гвоздевой¹³, чьи рассказы о местных нравах и пересказывала в письмах. Рассказчица была выведена как петроградская девственница (Вирджиния) в коллективной пьесе «Кофейня разбитых сердец, или Савонарола в Тавриде», живописавшей разгулье страстей, которое окружило девушку¹⁴, ролевое поведение, которому так легко было оборотиться комедией положений в «Кофейне» и которое, заметим, представляло фон одного из эпизодов жизни великого поэта.

¹¹ РГАЛИ. Ф. 2786. Оп. 1. Ед. хр. 21. Л. 47об.

¹² Записанный Ахматовой в 1964 г. рассказ В. М. Жирмунского потому содержит неточность: «О. М.<андельштам> жил в Крыму <в> 1916–17 г. не только в Коктебеле, но и в Алуште у Магденко. Там в это время были Мочульский, Недоброво, Смирнов, братья> Радловы, Жирмунский (1916–17 гг.), Саломея с Рафаловичем. Чудовские» (Ахматова А. Записные книжки. М.-Торин, 1996. С. 554) — из братьев Радловых там жил только Сергей.

¹³ Наталья Владимировна Шумкова (в первом браке Гвоздева, во втором Султанова; 1895–1976) — впоследствии искусствовед.

¹⁴ См.: Кофейня разбитых сердец: Коллективная шуточная пьеса в стихах при участии О.Э. Мандельштама / Публ. Т.Л. Никольской, Р.Д. Тименчика и А.Г. Меца, под общ. ред. Р.Д. Тименчика. Stanford, 1997. (Stanford Slavic studies. Vol. 12); Тименчик Р. Что вдруг: Статьи о русской литературе прошлого века. Иерусалим; М., 2008. С. 440–508.

4 июля отправлено сообщение о брате и невестке Николая Эрнестовича — поэте и будущем театральном режиссере Сергее Радлове¹⁵ и его жене Анне Дмитриевне Радловой (урожденной Дармолатовой), поэтессе и переводчице, которая на некоторое время стала confidentкой Николая Эрнестовича:

Нюра и Сережа сдружились с Шухаевыми¹⁶ и внесли новый дурной тон в жизнь магденцов¹⁷. Их сторонятся хорошие, как Наташа. Нюра купается голая с Шухаевым в обнимку. Ходит, открыв груди перед мужчинами, перекачивая боками и «играет в богему». На вечеринках с вином ложатся по парам и целуются взасос, конечно, не муж с женой, а с другими. Наташа хотела уезжать даже. Наши милые попойки и флирты с Романтиками были такие красивые и художест. <1 слово нрзб>. А вот завтра именины Сергея. Они придумали быть голыми с фиговым листком. Нюра только и делает, что оголяется, считая себя красивой, толстая, с висячими грудями на коротких ногах, это ужасная порнография. Что сказали бы родители. А считали неприличным мой костюм у Саломки! Когда, как все именно отмечают, мерзка не столько голизна, сколько подкладка ее у Нюры. Все предлоги, чтобы вынуть грудь из платья или поднять юбку, оголив ногу до предела. Это всё из желания ненасытного играть роль. И сравнивают, какая разница с Палладой, у которой это и большее значительно приличнее. Кроме того, Нюра рассказывает посторонним (Саломее, Ане¹⁸) интимные вещи

¹⁵ Из новейшей литературы см.: *Сальман М.Г.* О Сергее Радлове и Осипе Мандельштаме (по архивным источникам) // *Slavica Revalensia*. Vol. V. Tallinn, 2018. С. 133–208.

¹⁶ Художник Василий Иванович Шухаев (1887–1973) и его жена Вера Федоровна Гвоздева (1896–1979), которая училась на романо-германском отделении, впоследствии художница. 30 сентября 1917 г. Э.Я. Радлова писала мужу: «Напиши твое мнение о портрете Саломочки у Шухаева. Он, нахал, хочет за него 700 р. Теперь, вероятно, спекулирует Шурочку <Гальперна>. Предупреди последнего, что *не* в интересах Саломочки будет, если бы он его приобрел».

¹⁷ Обитателей дачи Магденко, принадлежавшей теще А.А. Смирнова.

¹⁸ Анна Михайловна Зельманова (в первом браке Чудовская, во втором Белокопытова; 1891–1952) среди прочего внесла свою лепту в визуализацию Алушты — «Гора Демерджи» 1916 г. (Художники народов СССР: Биобиблиографический словарь: В 6 т. Т. 4, Кн. 1: Елева — Кадышев. М., 1983. С. 293). Ахматова писала о ней в перечислении влюбленностей Мандельштама: «Первая на моей памяти была красавица Анна Михайловна Зельманова-Чудовская, к которой не относится ни одно его стихотворение, на что он сам горько мне жаловался. Она была художницей и сделала портрет Мандельштама в 1914 г.» (*Ахматова А.* Листы из дневника // РГАЛИ. Ф. 3145 (Харджиев Н.И.). Оп. 1. Ед. хр. 450. Л. 2; в машинописи первого варианта воспоминаний слово «красавица» надписано сверху карандашом под влиянием приводимой ею дальше цитаты о «красавицах тогдашних», «тех европейках нежных»; в последующих вариантах текст слегка отредактирован). Из новейшей литературы о ней см.: *Куранда Е.Л.* «Знаю я теперь, что такое артиллерийские позиции»: Письма А.М. Зельмановой к Н.Э. Казанской // *Осип Мандельштам и XXI век: Материалы международного симпозиума*. Москва. 1–3 ноября 2016 г. М., 2016. С. 80–96. См.

про нашу Наташу и Бориса¹⁹ и говорит о них с иронией. Она дрянь, у нее нет никакой дружбы ни к кому. Как тебе она может подсмеиваться над Чудовским²⁰, так над нашей Наташей и Борисом. Она также несомненно не найдет нужным скрывать твоих чувств и настроений от других, Чудовского и т.п.

Осуждение ятрови усугублялось приближением ко второй, оказавшейся долговременной, поездке Э.Я. Зандер в Алушту. 14 августа она писала со слов алуштинской дачницы, захвавшей в Новый Симеиз:

Наташа Гвоздева рассказывала много про Алушту. Там написана пьеса «Саванаролла <sic!> в Алуште». Это — Аннушка. Она читает нотации и указывает всем, как жить. Продернуты гениально все. Гениальное произведение, судя по отрывкам, прочитанным мне Котей²¹. О Нюре Наташа отзывается очень осуждающе. Она всегда с Чудовским, не скрывает про их поцелуи, а Сережа никогда с ними не бывает, имеет вид растерянный и гуляет один. Наташа говорит, что все относятся вообще очень осуждающе к ньюриному поведению. Теперь она говорит кому-то, не помню, кажется Наташе же, что очень интересуется лесбийской любовью, а потому лезет к Палладе. Паллада сказала Наташе, что хотя Нюра ей очень неинтересна, но если она будет насканивать, то ей ничего не стоит посвятить ее. Наташа говорит, что, конечно, и дружба новая Нюры нужна только для того, чтобы говорить, как она это и делала, что ты очень с ней дружен и часто пишешь. Она готова тебе сообщать свои секреты ради того, чтобы получать твои или заинтересовать собой. Ведь она всем уши прожужжала рассказами, как в нее влюбился Валерьян.

также публикацию ее нью-йоркского письма 1949 г.: «Мой дорогой, старинный, но вечно молодой друг, Давид Бурлюк!»: Письма художников к Д.Д. Бурлюку / Вступ. ст. и примеч. В. Полякова. М., 2018. С. 153–155. См. о ней статьи А.Д. Сарабьянова при участии И.И. Арской (Энциклопедия русского авангарда. Изобразительное искусство. Архитектура: В 3 т. / Авт.-сост. В.И. Ракин, А.Д. Сарабьянов. Т. 1. М., 2013. С. 358–359) и О.А. Лекманова (Мандельштамовская энциклопедия: В 2 т. Т. 1. М., 2017. С. 253–254).

¹⁹ Сестра адресата, актриса Наталья Эрнестовна Радлова-Казанская (1887–1938) и ее муж, филолог Борис Васильевич Казанский (1889–1962).

²⁰ Валериан Адольфович Чудовский (1882–1937) — критик, сотрудник журнала «Аполлон». Выдержки из писем В. Чудовского Анне Радловой впервые опубликованы В.Н. Сажиним (Первое сентября. 1993, 2 и 5 янв.); см. о нем статью Е.Л. Куранды: Мандельштамовская энциклопедия: В 2 т. Т. 1. М., 2017. С. 532–533); о пародии О. Мандельштама на стихи А.Д. Радловой, намекающей на В. Чудовского, см. статью С.В. Друговой-Должанской «Радлова А.Д.»: Там же. С. 409–410.

²¹ Филолог Константин Васильевич Мочульский (1892–1948), как и его друг филолог Виктор Максимович Жирмунский (1891–1971), наряду с С.Я. Радловым и, может быть, О.Э. Мандельштамом, был автором «Кофейни».

20 августа, на четвертый день пребывания в Алуште, Эльза Яковлевна отвечает на догнавшее ее, пересланное из Симеиза, письмо Николая Эрнестовича:

А то приходилось только облизываться на письма, получаемые Паллашкой, которые она частью держит от меня в тайне, а частью должна давать расшифровывать; это меня веселит. Способность думать и говорить о себе и своих близких более глубоко — новое в тебе, результат пережитого. Это тебя сильно меняет и делает похожим почти на меня, всегда пытающейся <sic!> разобраться в себе и позволяющей <sic!> своим друзьям разбирать себя. Эта новая черта, я думаю, выработана в тебе дружбой с Палладой, у которой это выражается в мании. Паллада — очень хорошая и безусловно честная, но я всегда боюсь ее слишком большой откровенности, позволяющей мне думать, что и близкое может оказаться доступным другим <sic!>, как принадлежащее другим через нее мне. А еще имей в виду, что несмотря на несомненную чуткость Паллады, она очень односторонняя может быть, говорит, как чувствует, всегда метафорично ужасно, гораздо же больше моего. Это я говорю предисловием к мыслям о Саломочке. Несомненно, ты в бесконечном заблуждении, если допускаешь мысль, что «она пошла на поругание того, что было дорого» или на «предательство». Как бы я ни хотела твоего успокоения, конца вашему роману, если можно мне так выразиться, конца его, ради покоя дорогого мне тебя, дорогой Саломочки и менее дорогого Рафаловича, — как бы я этого ни хотела, я не могу допустить, чтобы этот конец был достигнут ценой очерненной Саломочки. Если это не почти ложь Паллады из дружбы к тебе, то во всяком случае — большая ошибка. Конечно, на прозрачные намеки и откровенные вопросы Паллады — Саломочка может отвечать только так, как она отвечает, прежде всего зная болтливость Паллады. Да и согласишься, что она не имеет права перед Рафаловичем дать понять кому-нибудь (даже самому неболтливому человеку), что она не вполне честна с Рафаловичем, что она не забыла тебя. У нас всегда гораздо больше обязательств по отношению к тому, кого мы обделяем. Быть может, всё, что от нее не зависит — принадлежит тебе, а потому всё, что зависит от нее, должно принадлежать ему, во имя какой-нибудь хоть справедливости. Вот у тебя же, кажется, нет данных за то, кроме предположений Паллаши; ты ошибся, я худо написала, если ты это понял в такой мере из моих писем. Правда, я была в раздражении тогда на то, что Саломка допускает распространение разных предположений о тебе и мне через Рафаловича, но ей должно прощать это, хотя этого я и сейчас не отрицаю. Но она не доказывает ее внутренней перемены к тебе, а всё то же, о чем я сказала. Понятно, что

интересы Рафаловича ей ближе моих; за это я не должна сердиться, хотя не всегда ведь следуешь за разумным сознанием; поэтому не будет непоследовательностью, если я когда-нибудь вдруг рассержусь. Но нужно мне помнить, что я богаче Рафаловича.

Эльза Радлова досадует на интерпретаторскую активность своей модели, всеобщей поверенной и разносторонней передатчицы, и анализирует пересечения любовных полигонов, как представляется, в манере романа любимого поэта супругов Радловых Михаила Кузмина «Плавающие-путешествующие», где действует и Паллада Олимповна под именем Полины Аркадьевны. И вот на фоне этих психологических кружев 21 августа 1917 г. в письме появляется приписка второго персонажа курортного рисунка:

Сидящие на поплавке шлют приветствия:

Николайка, родной, тебе послала письмо сегодня. <...> Паллада.
О. Мандельштам (homme de l'èttre) <sic!>²²

Мандельштам появится и в письме от 23 августа:

Палаша хорошая, тебя и меня любит. Липнет к Сереже, но не вполне удачно, а только отчасти. Всегда восклицает «Ах, далеко Вам до Николайки!» и т.п., впрочем, чаще говорит ему «ты», чем «Вь». Саломочка сказала мне, что ей сказал Саша Смирнов²³, что ему сказала Паллада, что ты в нее влюбился, но она «в категорической форме» не хотела, чтобы между вами что-нибудь было. Мне это напоминает игру в телефон. На котором месте кто напутал — неизвестно. Теперь о Сереже и Нюре. Сережа, чем больше я его вижу и чувствую, тем больше вызывает мое восхищение. Нюра *никогда* не бывает с ним. Я не знаю, какие между ними отношения и не считаю возможным судить, зная на себе, как глупо ошибаются во взаимоотношениях людей. Но буду говорить о видимом. Нюра *всегда* с Чудовским. По вечерам уходят вдвоем до 2, 3 ч. ночи, всегда под руку, иногда обнявшись. Вечером на днях Шура²⁴ встретила их, он вел Нюру, обняв

²² Зафиксируем местонахождение автографа поэта: РГАЛИ. Ф. 2786. Оп. 1. Ед. хр. 46. Л. 2об.

²³ О крымском лете 1917 г. поэта и филолога Александра Александровича Смирнова (1883–1962) см.: *Каганович Б.* Александр Александрович Смирнов. 1883–1962, СПб.: Европейский Дом, 2018. С. 59–61.

²⁴ См. об этой подруге Эльзы Зандер в блоге Александра Рашковского «История Вятского края». Из материалов по делу уволенного сотрудника Вятской публичной библиотеки им. А.И. Герцена Александры Георгиевны Ашариной (1929): «вела разговоры в такой плоскости, что лучше бы вы из комсомола вышли, чем зря терять время на собрания, и занялись бы библиотечной практикой. Сама Ашарина не отри-

ее своим плащом, говорят, это обычно. Сережа *никогда* не бывает третьим; с общих прогулок всей компанией они возвращаются вдвоем, а Сережа, если не с другими, то один. Когда приглашают ее куда-нибудь, например, вчера к князю Эристову²⁵, она просто говорит «Без Валериана я же не пойду», как говорят о муже. Утром на море, если нет его, Нюра идет за ним на дачу и входит в море только с ним. Я бы не имела права осуждать ее по своим взглядам, если бы Сережа не был так отстранен, никогда вместе. Насколько я доверяю своему чутью — Сережа очень страдает. Он худ, как чахоточный (он потерял 14 фунтов). Он также, как ты, стал старше за эту зиму, в нем идет большой духовный рост (знаешь, как дети, когда растут — худеют). У него совсем другое выражение лица стало, он бесконечно похоршел, а глаза из веселых звезд стали такими большими трагическими. По-видимому, он страшно растет сейчас духовно. Он говорил Саломочке и Аннушке, что Нюра боится, что Чудовский застрелится, потому его не оставляет (посмотри же, как похожи люди, вы — мужчины, за то же самое цепляетесь); но что он-то, Сережа, наверно знает, что Чудовский *не* застрелится. Это версия Саломочки, которая единственная в передачах не передергивает. По-видимому, дружба Сережи с Чудовским подорвана сильно.

И вот, мой Колик, глядя на Сережу, я пришла к сознанию такому бесконечно счастливому, что как есть единственно подлинное искусство — Блока, Римского-Корсакова, так есть и подлинное благородство Радловых. Какое счастье! Смотрю на Сережу и счастлива, что приобщилась к этой семье. Как мне везет, с кем я могу себя сравнить?!

Еще скажу несколько слов о здешних жителях. С Костей я очень дружна, он очень мил. Много вместе шутим и любим быть вместе. Жирмунский пытается влюбиться то в одну женщину, то в другую. Предсказывается ему еще влюбление в Полю <?>, потом в Полину Ивановну и, наконец, нашу няню. Сейчас тужится чувствовать себя

цает того, что она приводила в пример знакомого мальчика, который вышел из комсомола и чувствует себя очень хорошо, оттого, что не посещает собрания. Ашарина говорила, что в пасху можно было хоть поесть хорошо, а в первомайскую демонстрацию только грязь топчешь. Ашарина говорила, что на демонстрацию все идут из-под палки»; В.В. Нурминская: «Во время моей агитации за вступление в МОПР (Международную организацию помощи революционерам) Ашарина заявила, что не чувствует этой организации»; М.Е. Рязанцева: «Ашарина была балованная девица, всегда гуляла с собакой и цветами. В отношении работников библиотеки она говорила, что чем иметь дело с такими людишками, лучше иметь дело с собаками и кошками» (Государственный архив Кировской области. Ф. Р-2483. Оп. 1. Д. 306. Л. 2–5).

²⁵ Георгий Дмитриевич Сидамон-Эристов (1865–1953) — один из покровителей «Бродячей собаки», в 1917 г. начальник Временного управления по делам общественной полиции и обеспечению имущественной безопасности граждан.

влюбленным в Палладу. Это видеть довольно противно. Мы с Котей сошлись на одинаковом взгляде, что это — порнография.

Мандельштам — тоже ищет предмета для любви и тоже безуспешно. Еще больше его, впрочем, интересует, как бы перехватить у кого-нибудь пять рублей, а еще лучше просто дать заплатить за себя на поправке или в магазине.

Аннушка — прелестна. Очень полна, золотиста (телом так же, как головой), беременна, способна думать только о своем животе. Но видит ежедневно эротические сны (и какие!), рассказывая которые распаривается...

Вот, кажется, вся компания. Да, еще Костычев²⁶, который очень мил и мне симпатичен.

Теперь о житье-бытье. Когда я приехала сюда, то попала в разгар репетиций комедии Де Ларте (так ли я пишу), которая ставилась на сцене в пользу чего-то как одно из отделений вечера. Участв<овали> Сережа, Котя, Паллада. Это — импровизация на заданную публикой тему, обязательно из итальянской жизни, так что костюмы были намечены заранее, так же, как найдены разные типы для изображения. Накануне спектакля в 2 часа ночи было решено необходимым привлечь меня, и вот ночью на поляне мы репетировали. А на другой день я <1 слово нрзб> выступала в качестве служанки Паллады²⁷. Теперь решено устраивать еще спектакли. Мы приглашены в театр за плату. Вообрази, какой веселый номер!

У князя Эривова мы были и кутили старым вином в качестве местных артистов. Это всё, конечно, интересно. Как я счастлива, что приехала сюда.

²⁶ Сергей Павлович Костычев (1887–1931) — микробиолог, впоследствии академик, один из персонажей «Кофейни разбитых сердец» — профессор из Македонии, «волосатости угрюмой образец, могучий Костоглы, почти шестипудовый». Помимо прочего известен тем, что мальчиком позировал для гимназиста на полотне «Не ждали» (Репина В. Репин в кругу своих // Сегодня. (Рига). 1930. № 275, 5 окт. С. 4; автор заметки позировала для девочки на той же картине).

²⁷ Об этом представлении см.: «В августе 1917 года мною был поставлен спектакль в г. Алуште на началах словесной импровизации, в котором одна из участниц, М.Ф. Гвоздева, выступала с акробатическим номером. Свидетели этого спектакля имеются в Петрограде» (Радлов С. Несколько хронологических данных (Письмо в редакцию) // Жизнь искусства. 1920, 20 апр.). Ср. в письме С. Радлова Н.Э. Радловой-Казанской от 22 августа 1917 г.: «Я объединился с Мочульским, специалистом по итальянской импровизированной комедии, и читаю с ним итал<анские> сценарии в обмен на лат<инскую> комедию, которую я ему перевожу. Но были и практические результаты. Мы попробовали с ним, как-то сидя со всеми на балконе, импровизировать самим в духе итальянской комедии (следов<ательно>, немного в роде Мольера и Шекспира по стилю). Нам понравилось, и в результате мы сыграли на большом благотворительном вечере целую комедию на заданную тему к большому недоумению одесситов и восторгу Магдейцев. Мне это дало необычайно много, ибо я почувствовал, что могу свободно и театрально говорить на сцене, совершенно не затрудняясь подбором слов» (Сальман М.Г. О Сергее Радлове и Осипе Мандельштаме. С. 155–156).

И дальнейшие дополнения к трудам и дням Мандельштама.

1 сентября:

Сейчас от меня ушли Паллада, Витя и Мандельштам. Сегодня вечером при большой аудитории Паллада читала свой рассказ, очень хороший по мысли, многими оцененный.

15 сентября:

Господи! Как чудно бы мы жили зиму у себя дома, если бы не сволочи. Коленька! Не так быстро кончилась революция, как ты подумал. <...> На днях ходила на Демерджи. Опять испытала великую радость. Мы были 6 человек, но, как всегда, я ушла наверх вперед и мне было необыкновенно. Потом много бродили вместе и лазали и приветствовали орлов и пели «Боже, Царя храни».

Из известных тебе были Котя и Мандель. Мандель — ужасен. Он на гору лезет на четвереньках и вообще ничего не может. Боится собак, коров, мальчишек. Трус, каким может быть только жид (не читай при Тедди²⁸ последнего). Со мной считает себя дружным, но пока удалось денег в долг не давать.

Пришла Паллада и села тебе писать письмо. Напиши ей, что она подлая: мне не позирует почти совсем. Это окончательно роняет во мне пыл к работе. Впрочем, наверно, Сережа сказал тебе, что никаких альбомов я так и не получила.

Аннушка сделала с меня очень красивый и похожий портрет в 2 сеанса. Она теперь толстая и беременная.

18 сентября:

Проси Шуру рассказать тебе про всех здесь, про наше житье-бытье; про Котю, Манделя, Палашку, Аннушку. Палашка, я убедилась, увы, приходится верить, — врет неестественно много. Хорошо, что ей не принято верить. А то могла бы многих пооссорить.

21 сентября. 12 часов ночи:

Сегодня был вечер, где Мандель читал стихи перед Алуштинской публикой, волновался и в 3-х местах останавливался: перед

²⁸ Федор (Теодор) Артурович Фиельструп (1889–1933) — сын датчанина и англичанки, этнограф, выпускник романо-германского отделения Петербургского университета, замучен ОГПУ во время следствия по делу Российской Национальной Партии. В 1910-е гг. жил на квартире Радловых.

«Какая горькая нелепость» и «На стороне врагов законы»²⁹ и еще в чем-то. В 1-м случае подсказал Сережа, следующ^{ую} строчку — я, и в 2 случ^{аях} — никто не вспомнил. Как я сокрушалась, что тебя не было.

22 сентября:

Еще не разошлись последние гости в моей затерханной и заплеванной бедной комнате, где, как тебе уже известно, функционирует «притон бр. Мочульских и К^о». Сегодня было прощанье отъезжающих завтра: Костычева, Манделя и Шуры Мочульского. Повезут тебе письмо мое, 1 бутылку портвейна для моего папы³⁰ (старый долг мой очаковский) и 10 фунтов пшенной крупы, которые сохрани себе, пурик, дав разве мой маме — фунта 3 <...> Адрес Манделя: Каменноостровск^{ий} 24 (тел^{ефон} в книге) в случае, если он утаит что-нибудь из посылаемого мною: вино и крупа.

27 сентября:

Дело в том, что я отправила тебе длинное письмо с Серг^{еем} Павл^{овичем} Костычевым, который поехал в субботу 23-го в Питер. Подоспела железно^{орожная} забастовка и Серг^{ей} Павл^{ович} просидел 3 дня в Симферополе, вчера вечером вернулся сюда вместе с письмом³¹.

4 октября:

Мапик³² выглядит так хорошо, что душа радуется. Растет, умнеет. Сегодня сказала великолепную вещь: «Мама! У тебя не одета брошка?» — «Нет». — «Навельно Мадлинстам увез». — Это имело большой успех у всех. Особенно оценила Аннушка.

10 октября:

Мапик интересуется рифмой, окраской гор на горизонте, выдумыванием песен и сказок <...> Ах, а на днях она была совершенно гениальна: спрашивает «А тебя не одета брошка?» — «Нет»,

²⁹ Из стих. «Кинематограф» и «Домби и сын».

³⁰ Генерал-лейтенант Яков-Иоган (Евгений Яковлевич) Зандер.

³¹ В письме от 30 сентября сообщается, что 1 октября поедут К.В. Мочульский, А.А. Смирнов, С.П. Костычев («я посылаю бутылку вина папе, а больше никому ничего, увы!»). Мандельштам не упомянут. По-видимому, в начале октября 1917 г. он появился в Феодосии (*Мец А.Г.* Летопись жизни и творчества О.Э. Мандельштама. Изд. 3-е, испр. и доп. СПб.: Интернет-издание, 2019. С. 121).

³² Лидия Николаевна Радлова (1913–1999) — астроном и популяризатор астрономии. См. о ней: *Докучаева О.Д., Еремеева А.И., Пономарева Г.А., Шамаев В.Г.* Лидия Николаевна Радлова // Земля и Вселенная. 2015. № 2. С. 40–49.

говору. — Задумчиво и печально: «Наверно, Мандлинстам увез!». Это, пупик, гениально, правда? Впрочем, ты, может быть, не знаешь хорошо Манделя, а потому не оценишь вполне этой Мапиной гениальности.

Кончилось зафиксированное пляжным рисунком Эльзы Зандер последнее лето старой России. Спустя 14 лет Мандельштам вспоминал:

Чуя грядущие казни, от рева событий мятежных
Я убежал к nereидам на Черное море,
И от красавиц тогдашних — от тех европейок нежных —
Сколько я принял смущенья, насады и горя!

Литература

Данилова С.Ф. Андроникова Саломея Николаевна // Мандельштамовская энциклопедия: В 2 т. Т. 1. М.: Политическая энциклопедия, 2017. С. 74–75.

Докучаева О.Д., Еремеева А.И., Пономарева Г.А., Шамаев В.Г. Лидия Николаевна Радлова // Земля и Вселенная. 2015. № 2. С. 40–49.

Друговейко-Должанская С.В. Радлова Анна Дмитриевна // Мандельштамовская энциклопедия: В 2 т. Т. 1. М.: Политическая энциклопедия, 2017. С. 409–410.

Каганович Б. Александр Александрович Смирнов. 1883–1962. СПб.: Европейский Дом, 2018. 240 с.

Кофейня разбитых сердец: Коллективная шуточная пьеса в стихах при участии О.Э. Мандельштама / Публ. Т.Л. Никольской, Р.Д. Тименчика и А.Г. Меца, под общ. ред. Р.Д. Тименчика. Stanford: Department of Slavic Languages and Literatures Stanford University, 1997. 91 с. (Stanford Slavic Studies. Vol. 12).

Куранда Е.Л. «Знаю я теперь, что такое артиллерийские позиции»: Письма А.М. Зельмановой к Н.Э. Казанской // Осип Мандельштам и XXI век: Материалы международного симпозиума. Москва. 1–3 ноября 2016 г. М.: ООО «Армполиграф», 2016. С. 80–96.

Куранда Е.Л. Рафалович Сергей Львович // Мандельштамовская энциклопедия: В 2 т. Т. 1. М.: Политическая энциклопедия, 2017. С. 412.

Куранда Е.Л. Чудовский Валериан Адольфович // Мандельштамовская энциклопедия: В 2 т. Т. 1. М.: Политическая энциклопедия, 2017. С. 532–533.

Лекманов О.А. Зельманова Анна Михайловна // Мандельштамовская энциклопедия: В 2 т. Т. 1. М.: Политическая энциклопедия, 2017. С. 253–254.

Мец А.Г. Летопись жизни и творчества О.Э. Мандельштама. Изд. 3-е, испр. и доп. СПб., 2019. 512 с.

«Мой дорогой, старинный, но вечно молодой друг, Давид Бурлюк!»: Письма художников к Д.Д. Бурлюку / Вступ. ст. и примеч. В. Полякова. М.: Grundrisse, 2018. 215 с.

Никольская Т.Л. Рафалович Сергей Львович // Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь. Т. 5. М.: Большая Российская энциклопедия, 2007. С. 264–266.

Оцун Н. Океан времени: Стихотворения; Дневник в стихах; Статьи и воспоминания / Сост., вступ. ст. Л. Аллена; коммент. Р. Тименчика. СПб.: Logos; Дюссельдорф: Голубой всадник, 1993. 616 с.

«Радуюсь людям и хорошим книгам» (Письма Екатерины Лившиц Александру Дейчу и Евгении Дейч-Малкиной). Публ. и примеч. П. Нерлера // Вопросы литературы. 2018. № 5. С. 298–377.

Сальман М.Г. О Сергее Радлове и Осипе Мандельштаме (по архивным источникам) // Slavica Revalensia. Vol. V. Tallinn, 2018. С. 133–208.

Сарабьянов А.Д. Зельманова Анна Михайловна // Энциклопедия русского авангарда. Изобразительное искусство. Архитектура: В 3 т. Т. 1 / Авт.-сост. В.И. Ракитин, А.Д. Сарабьянов. М.: Глобал Эксперт энд Сервис Тим, 2013. С. 358–359.

Соболев А.Л. Тургенев и тигры: Из архивных разысканий о русской литературе первой половины XX века. М.: Трутень, 2017. 743 с.

Тименчик Р.Д. Гросс Паллада Олимповна // Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь. Т. 1. М.: Советская энциклопедия, 1989. С. 299.

Тименчик Р. «Записные книжки» Анны Ахматовой. Из «именного указателя» // Эткиндовские чтения. II–III. СПб.: Изд-во ЕУСПб, 2006. С. 214–276.

Тименчик Р. Что вдруг: Статьи о русской литературе прошлого века. Иерусалим: Гешарим; М.: Мосты культуры, 2008. 686 с.

References

Danilova S.F. Andronikova Salomeia Nikolaevna. *Mandel'shtamovskaia entsiklopediia: V 2 t. T. 1* [Mandelstam encyclopedia, in 2 vols. Vol. 1]. Moscow, Politicheskaiia entsiklopediia Publ., 2017, pp. 74–75. (In Russ.)

Dokuchaeva O.D., Eremeeva A.I., Ponomareva G.A., Shamaev V.G. Lidiia Nikolaevna Radlova. *Zemlia i Vselennaia*, 2015, no. 2, pp. 40–49. (In Russ.)

Drugoveiko-Dolzhangskaia S.V. Radlova Anna Dmitrievna. *Mandel'shtamovskaia entsiklopediia: V 2 t. T. 1* [Mandelstam encyclopedia, in 2 vols. Vol. 1]. Moscow, Politicheskaiia entsiklopediia Publ., 2017, pp. 409–410. (In Russ.)

Kaganovich B. *Aleksandr Aleksandrovich Smirnov. 1883–1962*. St. Petersburg, Evropeiskii Dom Publ., 2018. 240 p. (In Russ.)

Kofeina razbitykh serdets: Kollektivnaia shutochnaia p'esa v stikhakh pri uchastii O.E. Mandel'shtama [Coffeehouse of Broken Hearts: Collective comic play in verse

with contributions from O.E. Mandelstam], publ. by T.L. Nikol'skaia, R.D. Timenchik i A.G. Mets, ed. by R.D. Timenchik. Stanford, Department of Slavic Languages and Literatures Stanford University, 1997. 91 p. (Stanford Slavic Studies. Vol. 12). (In Russ.)

Kuranda E.L. “Znai ia teper', chto takoe artilleriiskie pozitsii”: Pis'ma A.M. Zel'manovi k N.E. Kazanskoi [“I now know what artillery positions are”]: A.M. Zelmanova's letters to N.E. Kazanskaya]. *Osip Mandel'shtam i XXI vek: Materialy mezhdunarodnogo simpoziuma. Moskva. 1–3 noiabria 2016 g.* [Osip Mandelstam and the 21st century: Proc. Int. Symp. Moscow, November 1–3, 2016]. Moscow, OOO “Armpoligraf” Publ., 2016, pp. 80–96. (In Russ.)

Kuranda E.L. Rafalovich Sergei L'vovich. *Mandel'shtamovskaia entsiklopediia: V 2 t. T. 1* [Mandelstam encyclopedia, in 2 vols. Vol. 1]. Moscow, Politicheskaia entsiklopediia Publ., 2017, pp. 412. (In Russ.)

Kuranda E.L. Chudovskii Valerian Adol'fovich. *Mandel'shtamovskaia entsiklopediia: V 2 t. T. 1* [Mandelstam encyclopedia, in 2 vols. Vol. 1]. Moscow, Politicheskaia entsiklopediia Publ., 2017, pp. 532–533. (In Russ.)

Lekmanov O.A. Zel'manova Anna Mikhailovna. *Mandel'shtamovskaia entsiklopediia: V 2 t. T. 1* [Mandelstam encyclopedia, in 2 vols. Vol. 1]. Moscow, Politicheskaia entsiklopediia Publ., 2017, pp. 253–254. (In Russ.)

Mets A.G. *Letopis' zhizni i tvorchestva O.E. Mandel'shtama. Izd. 3-e, ispr. i dop.* [Chronicle of O.E. Mandelstam's life and work. 3d ed.] St. Petersburg, 2019. 512 p. (In Russ.)

“Moi dorogoi, starinnyi, no vechno molodoi drug, David Burliuk!”: Pis'ma khudozhnikov k D.D. Burliuku [“My dear, old, but eternally young friend, David Burliuk!”: Letters to D.D. Burliuk from artists], intro. and notes by V. Poliakov. Moscow, Grundrisse Publ., 2018. 215 p. (In Russ.)

Nicol'skaia T.L. Rafalovich Sergei L'vovich. *Russkie pisateli. 1800–1917: Biograficheskii slovar'. T. 5* [Russian writers. 1800–1917: Biographical dictionary. Vol. 5]. Moscow, Bol'shaia Rossiiskaia entsiklopediia Publ., 2007, pp. 264–266. (In Russ.)

Otsup N. *Okean vremeni: Stikhotvoreniia; Dnevnik v stikhakh; Stat'i i vospomianiia* [The Ocean of time: Poems; Diary in verse; Articles and Memoirs], comp., intro. by L. Allain, comment. by R. Timenchik. St. Petersburg, Logos Publ., Düsseldorf, Goluboi vsadnik Publ., 1993. 616 p. (In Russ.)

“Raduius' liudiam i khoroshim knigam” (Pis'ma Ekateriny Livshits Aleksandru Deichu i Evgenii Deich-Malkinoi) [“I rejoice at people and good books”]: Ekaterina Livshits' letters to Alexander Deitsch and Evgenia Deitsch-Malkina], publ. and notes by P. Nerler. *Voprosy literatury*, 2018, no. 5, pp. 298–377. (In Russ.)

Sal'man M.G. O Sergee Radlove i Osipe Mandel'shtame (po arkhivnym istochnikam) [On Sergei Radlov and Osip Mandelstam (based on archival sources)]. *Slavica Revalensia*, vol. V. Tallinn, 2018, pp. 133–208. (In Russ.)

Sarab'ianov A.D. Zel'manova Anna Mikhailovna. *Entsiklopediia russkogo avangarda. Izobrazitel'noe iskusstvo. Arkhitektura: V 3 t. Vol. 1* [Encyclopedia of the Russian avant-garde. Visual art. Architecture, in 3 vols.], comp. by V.I. Rakitin, A.D. Sarab'ianov. Moscow, Global Ekspert end Servis Tim Publ., 2013, pp. 358–359. (In Russ.)

Sobolev A.L. *Turgenev i tigry: Iz arkhivnykh razyskaniy o russkoi literature pervoi poloviny XX veka* [Turgenev and tigers: From archival research on Russian literature of the first half of the 20th century]. Moscow, Truten' Publ., 2017. 743 p. (In Russ.)

Timenchik R.D. Gross Pallada Olimpovna. *Russkie pisateli. 1800–1917: Biograficheskii slovar'. T. I* [Russian writers. 1800–1917: Biographical dictionary. Vol. 1]. Moscow, Sovetskaia entsiklopediia Publ., 1989, p. 299. (In Russ.)

Timenchik R. “Zapisnye knizhki” Anny Akhmatovoi. Iz “imennogo ukazatelia” [Anna Akhmatova’s “Notebooks”. From the “index of names”]. *Etkindovskie chteniia. II–III* [Etkind Proc. II–III]. St. Petersburg, European university at St. Petersburg Publ., 2006, pp. 214–276. (In Russ.)

Timenchik R. *Chto vdrug: Stat'i o russkoi literature proshlogo veka* [What’s all about: Essays on Russian literature of the last century]. Jerusalem, Gesharim Publ., Moscow, Mosty kul'tury Publ., 2008. 686 p. (In Russ.)

Notes of a commentator

7. On Osip Mandelstam’s iconography

© 2018, Roman Timenchik

Abstract: The article presents extracts from Elza Zander-Radlova’s letters written while she was working at the graphic portrait of Pallada Bogdanova-Belskaya and Osip Mandelstam in early autumn 1917.

Keywords: O. Mandelstam, P. Bogdanova-Belskaya, N.E. Radlov, S.N. Andronikova, commedia dell’arte, literary Crimea..

Information about the author: Roman Timenchik, prof. of Hebrew University, Jerusalem, Israel. E-mail: suzirom@gmail.com

Citation: Timenchik Roman. Notes of a commentator. 7. On Osip Mandelstam’s iconography. *Literary fact*, 2018, no. 10, pp. 368–384.

DOI 10.22455/2541-8297-2018-10-385-392
УДК 812.161.1

Письмо В. Набокова к Е. Малоземовой

© 2018, А.А. Бабилов

Аннотация: В статье впервые публикуется письмо Владимира Набокова к литературоведу и мемуаристу Елизавете Малоземовой — важное звено для понимания сложной эволюции его отношения к Ивану Бунину.

Ключевые слова: Владимир Набоков, Иван Бунин, история литературы русской эмиграции.

Информация об авторе: Андрей Александрович Бабилов, независимый исследователь, Москва. E-mail: andreybabikov1@gmail.com

Цитирование: *Бабилов А.А.* Письмо В. Набокова к Е. Малоземовой // Литературный факт. 2018. № 10. С. 385–392.

Елизавета Андреевна Малоземова (1881–1974), уроженка Санкт-Петербурга, с 1920 г. жила в США, преподавала русский язык в университете Беркли, публиковалась в литературно-художественном ежемесячнике «Дело» (Сан-Франциско); автор воспоминаний «Русская женщина в эмиграции» (изданы «Литературно-художественным кружком в Калифорнии» в 1970 г.). Состояла в переписке с И.А. Буниным, А.М. Ремизовым, А.А. Оцупом (Сергеем Горным), Н.О. Лосским, Д.И. Кленовским и другими. Владимира Набокова Малоземова охарактеризовала в своей диссертации так: «Один из самых талантливых русских писателей-эмигрантов, “надежда русской эмигрантской литературы”, молодой человек <...>, которого Бунин считает своим последователем, полагая, что “без него не было бы Сирина” <...>»¹.

Как указал М. Шраер в своем исследовании отношений двух писателей, Бунин в письме к Малоземовой обратил ее внимание на Набокова: «Я думаю, что я повлиял на многих. Но как это доказать, как определить? Я думаю, что не будь меня, не было бы и Сирина (хотя на первый взгляд

¹ *Malozemoff Elizabeth.* Ivan Bunin, as a Writer of Prose. Ph.D. in Slavic Languages. University of California. Berkeley, 1938 (May). P. 256.

он кажется таким оригинальным)»². Это замечание послужило источником вопросов Малоземовой к Набокову, ответ на которые предлагается вниманию читателей.

Высокое мнение Набокова о Бунине-прозаике начало меняться в конце 1930-х гг. и окончательно было пересмотрено после публикации рассказов из «Темных аллей» в «Новом журнале» в 1942 г. 28 января 1951 г. только что вернувшийся из Франции М.А. Алданов написал Набокову:

Дорогой Владимир Владимирович,

<...> Попал я с корабля на бал и не на очень веселый бал. <...> Дело идет о сборе денег в пользу Бунина. Вы<,> верно<,> знаете, что у него от Нобелевской премии 1933 года давно не осталось ни гроша. Живет он теперь главным образом тем, что для него собирают его друзья. Так вот, опытными людьми признано здесь необходимым: для успеха производимого частным образом сбора н е о б х о д и - м о устроить в Нью Йорке вечер. Вейнбаум будет председательствовать, будет прочтен рассказ самого Ивана Алексеевича, будет доклад о нем, будет и мое небольшое слово. Я<,> однако<,> сделал оговорку. Я приехал сюда с острейшим конъюнктивитом, и сейчас мой глаз в таком состоянии, что я выступить теперь просто не мог бы. Если эта болезнь <...> к тому времени не пройдет, то я свое слово напишу и его кто-либо на вечере прочтет. Но главное, по общему (и моему) мнению, это — ВАШЕ выступление (хотя бы десятиминутное). Все Вас умоляют приехать для этого в Нью Йорк. Устраивает вечер Лит<ературный> Фонд, образовавший особую комиссию. Он должен состояться во второй половине февраля, — о дне Фонд мог бы с Вами сговориться. Если только есть какая-либо возможность, очень, очень прошу Вас не отказываться. Бунину — 81 год, он очень тяжело болен, и едва ли Вы его когда-либо еще увидите. Вам же будет приятно сознание, что Вы ему эту большую услугу оказали.

Буду ждать Вашего ответа. Был бы чрезвычайно рад, если бы при этом случае Вы написали и о себе. Что пишете? Довольны ли работой? Не слишком ли много времени у Вас отнимает кафедра?

Мы оба шлем Вам, Вере Евсеевне и Вашему сыну самый сердечный привет, самые лучшие пожелания.

<Ваш М. Алданов>³

Набоков ответил так (2 февраля 1951 г.):

² *Шраер М.Д.* Бунин и Набоков. История соперничества. 2-е изд. М., 2015. С. 134.

³ Columbia University. The Rare Book and Manuscript Library. Bakhmeteff Archive of Russian and East European Culture. Mark Alexandrovich Aldanov papers. Машинописная копия с рукописными вставками.

Дорогой Марк Александрович,

Как-то теплее на душе, когда знаешь, что Вы в Америке. Хорошо бы<, > если бы Вы могли и физически повлиять на погоду. Тут у нас деревья стоят в отвратительных алмазах от замерзающих дождевых капель.

Дорогой друг, Вы меня ставите в очень затруднительное положение. Как Вы знаете, я не большой поклонник И<вана> А<лексеевича>. Очень ценю его стихи — но проза... или воспоминание в аллее... Откровенно Вам скажу, что его заметки о Блоке показались мне оскорбительной пошлятиной. Он вставил «ре» в свое имя⁴. Вы мне говорите, что ему 80 лет, что он болен и беден. Вы гораздо добрее и снисходительнее меня — но войдите и в мое положение: как это мне говорить перед кучкой более или менее общих знакомых юбилейное, т.е. сплошь золотое, слово о человеке, который по всему складу своему мне чужд, и о прозаике, которого ставлю ниже Тургенева? Скажу еще<, > что в книге моей, выходящей 14-го февраля⁵ (в главе из нее, только что напечатанной в «Партизане») <, > я выразил мое откровенное мнение о его творчестве и т.д.

Если<, > однако<, > Вы считаете, что несколько технических слов о его прелестных стихах достаточно юбилееобразны, то теоретически я был бы готов м'эгзекюте⁶; фактически же... Зимой, в буран, по горам, 250 миль проехать на автомобиле, да 250 назад, чтобы поспеть на очередную лекцию в университете, трудноато, а железнодорожный билет стоит 25 долларов, которых у меня нет.

Вместо того чтобы спокойно заниматься своим делом, я принужден вот уже десятый год отваливать глыбы времени и здоровья университетам, которые платят мне меньше, чем получает околоточный или брандмайор. Если же фонд решил бы финансировать мой приезд, то всё равно не приеду, потому что эти деньги гораздо лучше переслать Бунину.

Когда Вам будет 80 лет, я из Африки приеду Вас чествовать.

Очень был рад Вашему письму, но грустно было узнать о Вашей глазной болезни. <...>

Мы оба шлем Вам обоим привет.

Дружески ваш

<подпись: В. Набоков-Сурин>⁷

⁴ Набоков имеет в виду критика, публициста и поэта-сатирика В.П. Буренина (1841–1926). Буренин нередко позволял себе бесцеремонные и резко-обидные высказывания в адрес писателей и поэтов.

⁵ Мемуары Набокова “Conclusive Evidence. A Memoir” (New York: Harper & Brothers, 1951), затем в русском переводе: «Другие берега» (Нью-Йорк: Изд-во имени Чехова, 1954).

⁶ Т.е. “m'exécute” — покориться, выполнить.

⁷ Columbia University. The Rare Book and Manuscript Library. Bakhmeteff Archive of Russian and East European Culture. Mark Alexandrovich Aldanov papers. Машинопись.

Письмо В. Набокова к Е. Малоземовой сохранилось в виде машинописной копии (5 стр.) с рукописными вставками английских слов и выражений⁸. Слова, набранные разрядкой, выделяются курсивом. Дата указана Малоземовой в ее диссертации⁹. Набоковы жили в Ментоне с середины октября 1937 г. до начала июля 1938 г., в то время, пока в Париже в нескольких номерах «Современных записок» печатался самый значительный русский роман Набокова «Дар»¹⁰. В это же время Набоков написал пьесу «Событие», иронично отразив некоторые черты Бунина в образе «Известного писателя Петра Николаевича» («он стар, львист, говорит слегка в нос, медленно и веско, не без выигрышных прочищений горла позади слов, одет в смокинг»)¹¹.

В. Набоков [Письмо к Е.А. Малоземовой]*

Ментона

<22 января 1938 г.>

Многоуважаемая Госпожа Малоземова,

Отвечаю Вам на Ваши вопросы в беспорядке, но на иные из них ответов не знаю, так как с Буниным познакомился только в эмиграции (а в России был гимназистом), по другим же мысль невольно разбредается:

Из русских писателей Толстой и Чехов — наиболее очевидные предшественники Бунина. Из иностранных писателей — Конрад (славянин, впрочем) чем-то был ему родственен. По незнанию иностранных языков Бунин далек от западной литературы. Знаменитый перевод его Лонгфелловского «Гайаваты» был сделан им по подстрочному переводу — и, кстати сказать, во много раз превосходит подлинник.

Вообще: с середины прошлого века началось прозрение русской литературы, вышло солнце, появилось чувство краски: Фет в поэзии, Толстой в прозе. Толстой был первый писатель, увидевший в природе лиловый цвет (о котором, скажем, Пушкин так ни разу и не упоминает: известно, что синий и лиловый оттенки воспринимаются по мере возмужания литературы — римские поэты, например, синевы не видели): лиловые облака, лиловый чернозем¹². Эту же лиловизну Бунин увидел еще

* © The Estate of Vladimir Nabokov, 2018

⁸ The New York Public Library. Berg Collection. Vladimir Nabokov papers. [On Bunin].

⁹ *Malozemoff Elizabeth*. Ivan Bunin, as a Writer of Prose. P. 26

¹⁰ *Бойд Б.* Владимир Набоков. Русские годы. Биография. СПб., 2010. С. 564.

¹¹ *Набоков В.* Трагедия господина Морна: Пьесы. Лекции о драме / Сост., примеч. А. Бабилова. СПб., 2008. С. 392.

¹² Позднее, в английском эссе «Мираж Лермонтова», Набоков по поводу следующего места из «Героя нашего времени»: «Полюбовавшись несколько времени из окна на голубое небо, усеянное разорванными облачками, на дальний берег Крыма,

острее: как крайнюю степень густоты в синеве неба и моря; эта лиловость есть “purple” английской поэзии (фиолетовый оттенок!), который отнюдь не следует смешивать с русским «пурпуром» (багряно-красный оттенок). Какая-то пелена спала с глаз русской музы, и Бунин является в этом смысле особенно мощным цветовидцем. О его палитре можно было бы написать целый трактат.

Среди советских писателей некоторая ядреность слога и дурного тона точность сходит, кажется, за «влияние Бунина». Я к советской литературе равнодушен, и на мой вкус низость ее общего уровня (Леонов, Федин, Шолохов, даже Олеша — всё это как-никак второй сорт) лишает интереса вопрос о наличии каких-либо влияний¹³. На эмигрантских писателей: я лично с ранней юности любил писания Бунина (особенно его стихи, которые ценно выше его прозы), но о прямом влиянии на меня не может быть и речи. Я сам по себе, как Вы правильно замечаете. Телесная красочность слога, свойственная в различной степени и Бунину, и мне, и Толстому, и Гоголю, зависит главным образом от остроты зрительных и других чувственных восприятий — это есть свойство именно физиологическое (организм Бунина — хрусталик, ноздри, гортань — несомненно лучше устроен, чем, например, организм Достоевского), а не историко-литературное; метод же применения этой природной силы у каждого из названных писателей другой. Кровь и нервы Бунина, вероятно, чем-то похожи на мои, но отсюда *far cry*¹⁴ до литературного влияния. Что же касается бунинского влияния на *Зурова* и *Кузнецову*¹⁵, то, разумеется, оно весьма сильно (и *incidentally*¹⁶ пагубно отразилось на развитии их таланта, как всякое непосредственное, дружески-литературное воздействие) и определяется личной близостью Бунина с ними. Ритм фразы, добротность эпитетов, описания природы, искусно чередуемые с действиями героя (он вышел в сад — описание сада; спустилась ночь — описание ночных эффектов; встал утром — опять параграф, посвященный природе: так проходит или, вернее, — уходит книга), постоянная оглядка на ложно-первобытную лжестихийность пейзажа и сладострастная игра жизни на гробовом бархатном фоне торжественной смерти — всё это целиком взято ими у Бунина и давит, давит... На *Поплавского* же Бунин никак не повлиял.

который тянется лиловой полосой и кончается утесом <...>» заметил, что «это, пожалуй, самый первый случай, когда русский писатель увидел этот цвет» (*Nabokov V. The Lermontov Mirage // The Russian Review. 1941. Vol. I, № 1. P. 37*). Перевод мой. — А.Б.

¹³ Позднее, в американской лекции «Советский рассказ», Набоков даст Ю. Олеше исключительно высокую оценку.

¹⁴ Здесь: очень далеко (*англ.*).

¹⁵ Набоков выделяет имена авторов, которые, очевидно, были упомянуты в при- сланных Малоземовой вопросах.

¹⁶ Между прочим (*англ.*).

Эмигрантская писательская молодежь, особенно поэты, относились и относятся к Бунину вполне равнодушно, а когда в эмиграции появилось собрание его стихов, то кое-кто из молоденьких критиков побойчее обрушился на них, так что пишущий эти строки даже выступил со статьей в защиту бунинской поэзии, в которой этим бойким, но малограмотным молодым людям досталось по заслугам¹⁷. Ибо нет никакого сомнения, что из здравствующих поэтов Бунин и Ходасевич — лучшие, далеко превосходящие всех прочих.

После получения Буниным Нобелевской премии наметилось некоторое оживление в эмигрантской критике о нем.

Термины «символисты» или «реалисты» просто ничего не значат, забудьте их, они только путают. Это были искусственные группировки более или менее талантливых писателей, причем с таким же успехом можно было бы их сочетать по месту издательства или по цвету волос. Время посмеялось над этими «школами», уже *теперь* разделив писателей начала нашего века по другому, более прочному признаку, по признаку дарования: так — Блок, Бунин, Анненский (и, пожалуй, Гумилев) оказались вместе, а — скажем — Бальмонт, Горький, Брюсов попали навек в группу малых талантов; да и в дружную семью бездарностей из всех этих школ набралось немало — от Чирикова до Анатолия Каменского. Другими словами, интересно посмотреть, как школы, эти собирательные фикции, обратились в прах и как выжили (и тем самым соединились, как соединяются самые различные люди на плоту после кораблекрушения) только те писатели, чей талант был талант настоящий. Посему «требования законченности формы и отказ от банальных выражений» — отнюдь не программный пункт какой-либо «школы», а требование, ставимое самому себе всяким честным сочинителем — от Горация до Бунина.

Первый раз слышу, что Сологуб считается первым стилистом русской литературы. Как прозаик, он бездарен, а как поэт — *minor poet*¹⁸. Никакого следа на большой дороге русской литературы он не оставил¹⁹. Но и Бунина первым русским стилистом тоже нельзя назвать. Первыми русскими стилистами были Державин, Карамзин, Пушкин.

¹⁷ Набоков имеет в виду статью «На красных лапках» (Руль. 1930, 29 янв. С. 2–3), в которой он защищал Бунина-поэта от критических нападок А.В. Эйснера в его статье «Прозаические стихи» (Воля России. 1929. № 12. С. 75–88).

¹⁸ Незначительный поэт (англ.).

¹⁹ Ср. в письме Набокова к М.М. Карповичу от 12 октября 1951 г. относительно его гарвардского курса русской литературы: «Я не собираюсь посвящать отдельной лекции Бунину и проч., но расскажу о них в предваряющей лекции. Из новых авторов я рассмотрю Блока, Ходасевича, Белого. Я не стану касаться Сологуба, Ремизова, Бальмонта, Брюсова, хотя, возможно, упомяну их в предваряющей лекции *cum grano salis* — из моей собственной соляной пещеры» (Набоков В. Переписка с Михаилом Карповичем (1933–1959) / Вступ. ст., сост., примеч. А. Бабилова. М., 2018. С. 104).

Не терпя в литературе фальши, а особенно фальши мистической (хотя у него самого в последние годы наметилась опасная склонность к «мудрости», к «Будде»), неудивительно, что Бунин зло отзывается о своих покойных или полупокойных коллегах. Что ж, он прав: у Блока наряду с гениальными прорывами вдохновения была тьма пошлейших безвкусиц, а о Брюсове или бедном Бальмонте нечего и говорить.

Вряд ли к Бунину обращаются за литературными советами, но несомненно обращались бы, живи он в России, причем спрашивали бы не только, как писать, но и «как жить», — а Бунин бы им отвечал: «Любите природу и читайте меня», — т.е. единственно правильное и искреннее, что может и должен ответить уважающий себя писатель.

Почему он не отзывается о нынешних? Хотя бы потому, что в тесной клетке парижской эмигрантской жизни всякое откровенное суждение о брате-писателе воспринимается братом-писателем как кровная обида, а так как с большинством наших литераторов Бунин находится в добрых отношениях, то он и отмалчивается.

По тем же соображениям покорнейше Вас прошу со всем мною сообщенным обходиться строго конфиденциально.

Гонорар прошу Вас выслать на имя моего друга И.И. Фондаминского, так как мне вскоре придется отлучиться из Ментоны.

Прошу Вас принять уверение в моем совершенном уважении.

<Подпись: *В. Набоков*>

Литература

Бойд Б. Владимир Набоков. Русские годы. Биография / Авториз. пер. с англ. Г. Лапиной. СПб.: Симпозиум, 2010. 695 с.

Набоков В. Переписка с Михаилом Карповичем (1933–1959) / Вступ. ст., сост., примеч. А. Бабилова. М.: Литфакт, 2018. 160 с.

Набоков В. Трагедия господина Морна. Пьесы. Лекции о драме / Сост., вступ. ст., подгот. текста, примеч. А. Бабилова. СПб.: Азбука-классика, 2008. 639 с.

Шраер М.Д. Бунин и Набоков. История соперничества. 2-е изд. М.: Альпина нон-фикшн, 2015. 222 с.

References

Boyd B. *Vladimir Nabokov. Russkie gody. Biografiia* [Vladimir Nabokov. Russian years. Biography], transl. from Eng. by G. Lapina. St. Petersburg, Simpozium Publ., 2010. 695 p. (In Russ.)

Nabokov V. *Perepiska s Mikhailom Karpovichem (1933–1959)* [Correspondence with Mikhail Karpovich (1933–1959)], intro., comp., notes by A. Babikov. Moscow, Lit-fakt Publ., 2018. 160 p. (In Russ.)

Nabokov V. *Tragediia gospodina Morna. P'esy. Lektsii o drame* [The Tragedy of Mr. Morn. Plays. Lectures on drama], comp., intro., ed. and notes by A. Babikov. St. Petersburg, Azbuka-klassika Publ., 2008. 639 p. (In Russ.)

Shraer M.D. *Bunin i Nabokov. Istoriia sopernichestva. 2-e izd.* [Bunin and Nabokov. History of rivalry. 2nd ed.]. Moscow, Al'pina non-fikshn Publ., 2015. 222 p. (In Russ.)

Vladimir Nabokov's letter to Elizaveta Malozemova

© 2018, Andrei Babikov

Abstract: The article presents Vladimir Nabokov's letter to a literary critic and memoirist Elizaveta Malozemova, — a crucial element for the understanding of the Nabokov ambivalent attitude towards Ivan Bunin.

Keywords: Vladimir Nabokov, Ivan Bunin, history of Russian émigré literature.

Information about the author: Andrei Babikov, independent researcher, Moscow. E-mail: andreybabikov1@gmail.com

Citation: Babikov Andrei. Vladimir Nabokov's letter to Elizaveta Malozemova. *Literary fact*, 2018, no. 10, pp. 385–392.

ВОПРОСЫ ТЕКСТОЛОГИИ

DOI 10.22455/2541-8297-2018-10-393-427
УДК 812.161.1

Новые датировки пятидесяти писем Н.В. Гоголя

© 2018, И.А. Виноградов

Аннотация: Статья посвящена воссозданию объективной картины гоголевской переписки и биографии. Исправлены датировки пятидесяти писем Гоголя к разным адресатам. Представлены исключительно существенные случаи ошибочных датировок, допускающие неверное соотнесение послания от месяцев до нескольких лет. В статье не рассматриваются те случаи, когда разница в датировках заключается в одном-двух днях, когда Гоголь при составлении письма датирует его одним днем, а отправляет на следующий день или через день. Новое, соответствующее реальности хронологическое приурочение получили письма всех периодов биографии и творчества Гоголя: семь писем 1840 г., по шесть писем 1849 и 1850 гг., пять писем 1839 г., четыре — 1851, три — 1837, по два письма 1838, 1841, 1844, 1845, 1848 и 1852 гг., по одному письму 1822, 1836, 1840–1841, 1842, 1843 и (одно) 1848 или 1851 гг. В аргументации использованы многочисленные историко-архивные материалы, биографические сведения, мемуарные и эпистолярные источники и пр.

Ключевые слова: Гоголь, биография, творчество, эпистолярное наследие, датировки, адресаты

Информация об авторе: Игорь Алексеевич Виноградов, доктор филологических наук, главный научный сотрудник, ИМЛИ РАН, Москва.

E-mail: info@imli.ru

Цитирование: *Виноградов И.А.* Новые датировки пятидесяти писем Н.В. Гоголя // Литературный факт. 2018. № 10. С. 393–427.

В академическом издании сочинений Н.В. Гоголя 1937–1952 гг. десятки писем датированы неверно. В настоящей статье не рассматриваются те случаи, когда разница в датировках заключается в одном-двух днях. Порой Гоголь при составлении письма датирует его одним днем, а отправляет на следующий день или через день. Таких случаев довольно много, но предметом исключительного внимания в данной работе являются лишь очень существенные ошибки в датировках. Таких немаловажных промахов, искажающих общую картину гоголевской переписки и биографии, оказалось ровно пятьдесят. Это касается как ранних писем Гоголя, так и позднейших. Наиболее значительное число ошибок встречается в т. 11 академического издания, включающем письма 1836–1841 гг. В комментировании этого тома было занято одиннадцать ученых, так что вышло вполне по пословице: «У семи няnek дитя без глаза». Исправления и уточнения датировок располагаются в хронологическом порядке.

1

Годом позже, сравнительно с прежним хронологическим приурочением, следует датировать письмо юного Гоголя к родителям из Нежина, которое В.И. Шенрок¹ и вслед за ним В.В. Каллаш² и С.Н. Дурылин³ относили к декабрю 1821 г. Новая дата — декабрь 1822 г. — предложена на основании уточненной датировки записей классных надзирателей Гоголя и анализа содержания его переписки 1821–1823 гг.

В письме Гоголь сообщает родителям: «Третьего дни я был у Ивана Семеновича, и он говорил, ежели я буду хорошо вести себе, то он отпустит меня домой на праздник». Речь идет о директоре Нежинской гимназии И.С. Орлае. Письмо может относиться только к 1822 г., так как в декабре 1821 г., согласно надзирательским замечаниям (точная датировка которых устанавливается впервые), Гоголь характеризовался неудовлетворительным поведением, что не соответствует его желанию хорошо себя вести (чтобы быть отпущенным домой), которое он, согласно тексту письма, высказал Орлаю. В 1821 г. Гоголь был наказан за плохое поведение четырежды: в первой половине декабря, 17, 19 и 20

¹ <Гоголь Н.В.> Письма Н.В. Гоголя. Ред. В.И. Шенрока. СПб., <1901>. Т. 1. С. 12.

² Каллаш В. Письмо в редакцию // Русская Мысль. 1902. № 10. <Отд. 2>. С. 192–193.

³ Гоголь Н.В. Полн. собр. соч.: В 14 т. <Л.>, 1940. Т. 10 / Тексты и коммент. подгот. И.Я. Айзеншток, Г.А. Бялый, Г.С. Виноградов, Ц.С. Вольпе, В.В. Гиппиус, Б.П. Городецкий, А.И. Грушкин, А.Г. Дементьев, С.Н. Дурылин, А.И. Комаров, Л.В. Крестова, А.Н. Михайлова, Л.Б. Модзалевский, Н.И. Мордовченко, А.А. Назаревский, Л.А. Плоткин, И.Г. Ямпольский. С. 391.

декабря. А 23 декабря гимназисты уже были отпущены на каникулы, тогда как Гоголь, вероятно, именно вследствие неудовлетворительного поведения, поездки домой был лишен и провел Рождественские каникулы в стенах нежинского пансиона⁴. Учтя отрицательный опыт 1821 г., Гоголь на следующий год, в декабре 1822 г., постарался вести себя лучше (хотя и на этот раз домой он все-таки не попал; родители за ним тогда не приехали). Исключенное из числа писем 1821 г., письмо не может быть приурочено и к 1823 г., так как к декабрю этого года относятся сразу два гоголевских письма с аналогичной просьбой к родителям взять его домой на каникулы: от ноября — начала декабря и от 11 декабря 1823 г. Маловероятно, чтобы комментируемое письмо было еще одним — третьим — посланием 1823 г. с такой же просьбой.

2

Очевидным недосмотром исследователей объясняется датировка общего письма Гоголя к матери и сестре Марии с упоминанием о географических картах, прислать которые обещала ему сестра: «...Она писала мне о картах, которые где-то видела. Если там есть карты Галиции, Буковины, Кроации, Венгрии, Богемии, Трансильвании, Померании и вообще западных славянских земель и Австрии, то пусть приобретет». Речь, несомненно, идет о тех картах, за намерение прислать которые Гоголь благодарил сестру в письме от 10 ноября 1835 г.: «Благодарю тебя за усердие, с которым ты стараешься наделить меня старинными картами...» Между тем, вслед за П.А. Кулишом⁵, все исследователи⁶ допускали ошибку, относя комментируемое письмо к апрелю 1834 г., т.е. считая его написанным двумя годами ранее. С.Н. Дурылиным были даже приведены малозначительные аргументы в пользу такой датировки. Основанием для отнесения письма к 1834 г. служило лишь то, что «в письме говорится о “прекрасной погоде, совершенном лете” на пасхальной неделе (пасха была 22 апреля); это было именно в 1834 г. (следует ссылка на письмо Гоголя к матери от 20 апреля 1834 г. — *И.В.*)»⁷. Между тем такая же «летняя» погода стояла в Петербурге и на Пасху 1836 г. — 29 марта. В письме к матери от 12 мая 1836 г. Гоголь сообщал: «В середине апреля

⁴ См.: Виноградов И.А. Летопись жизни и творчества Н.В. Гоголя (1809–1852). С родословной летописью (1405–1808). Научное издание: В 7 т. Т. 1: 1405–1808; 1809–1828. М., 2017. С. 342–345.

⁵ <Гоголь Н.В.> Соч. и письма Н.В. Гоголя. <В 6 т.> Изд. П.А. Кулиша. СПб., 1857. Т. 5. С. 209–210.

⁶ В.Б. <Бирюкович В.В.> Письма Н.В. Гоголя // Вестник Европы. 1896. № 6. С. 736–737; Письма Н.В. Гоголя. Ред. В.И. Шенрока. Т. 1. С. 294–295.

⁷ Гоголь Н.В. Полн. собр. соч.: В 14 т. Т. 10. С. 478.

было так тепло, как летом...» Кроме того, датировать письмо апрелем 1834 г. не позволяет то обстоятельство, что перерыва в письмах матери к Гоголю в тот период не было⁸, тогда как в комментируемом письме Гоголь замечает: «Вы что-то давно⁹ уж не пишете ко мне». Последнему замечанию вполне соответствуют слова Гоголя в еще более позднем письме к матери 1836 г. — от 12 мая: «Я получил письмо ваше после долгого молчания...»

Что особенно важно в датированном по-новому письме Гоголя (от конца марта — начала апреля 1836 г.) — в нем упоминаются предпасхальные хлопоты: «...Хотел-было к празднику прислать вам и сестре красных яичек, но так был захлопотан, что никак не успел». Скорее всего, это были хлопоты по постановке комедии «Ревизор» в Александринском театре, премьера которой состоялась 19 апреля.

3

Уточнены датировка и литературный замысел письма Гоголя к П.А. Плетневу, помеченного самим писателем: «Рим. 2 ноября 1837 г.», — но на самом деле отправленного из Рима почти месяц спустя, 30 ноября (н. ст.) 1837 г. Письмо предназначалось для публикации в журнале «Современник» и даже имеет дату цензурного разрешения, подписанного цензором А.В. Никитенко, — 28 марта 1838 г. Это обстоятельство не позволяет печатать указанное письмо (как это делалось ранее) в ряду других гоголевских посланий, а заставляет отнести его в ряд *литературных* произведений Гоголя эпистолярного жанра¹⁰.

4

Такая же датировка — новая сравнительно с традиционно принятой — предложена для письма Гоголя к В.А. Жуковскому, помеченного: «Октября 30. Рим. 1837». В действительности это письмо было так же, как и письмо к Плетневу, отправлено адресату из Рима 30 ноября (н. ст.) 1837 г.

⁸ См.: *Виноградов И.А.* Летопись жизни и творчества Н.В. Гоголя (1809–1852). Т. 2. С. 303–305.

⁹ С февраля 1836 г. (см.: *Виноградов И.А.* Летопись жизни и творчества Н.В. Гоголя (1809–1852). Т. 2. С. 486).

¹⁰ См.: *Гоголь Н.В.* <Письмо из Рима к редактору журнала «Современник» П.А. Плетневу> // *Гоголь Н.В.* Полн. собр. соч. и писем: В 17 т. Сост., подгот. текстов и коммент. И.А. Виноградова, В.А. Воропаева. М.; Киев, 2009. Т. 7. С. 525–526, 760–763; *Виноградов И.А.* Неузнанное произведение Гоголя // *Духовная традиция в русской литературе. Сб. научных статей / Науч. ред., сост. Г.В. Мосалева.* Ижевск, 2013. С. 236–248.

Гоголь вернулся в Рим лишь в конце ноября (н. ст.) 1837 г.¹¹ Он датирует свое письмо октябрём (а не ноябрём), возможно, по ошибке, но скорее всего — во избежание недоразумений, которые могли бы возникнуть у Жуковского и его окружения при последующей публикации гоголевского <Письма из Рима к редактору журнала «Современник» П.А. Плетневу> (условно датированного Гоголем временем получения в Женеве денежной помощи от Государя — «2 ноября 1837 г.»). В настоящем письме (так же, как в <Письме из Рима к редактору журнала «Современник» П.А. Плетневу>) Гоголь умалчивает, что посланные Государем деньги он получил не в Риме, а в Женеве¹².

5

К той же дате — 30 ноября (н. ст.) 1837 г., — по-видимому, относится и недатированное письмо Гоголя к Н.Я. Прокоповичу¹³, которое ранее считалось написанным в Риме 2 ноября (н. ст.) 1837 г.¹⁴ Как уже указывалось, в Рим Гоголь прибыл только в конце ноября (н. ст.) 1837 г.

6

Месяцем ранее следует датировать письмо Гоголя к матери из Генуи 1838 г. Сам Гоголь сопроводил его пометой: «Генуя. Октября 13/1. 1838». В самом послании он сообщал: «Я пишу к вам на дороге, возвращаясь в Рим, куда надеюсь быть через четыре дня...» В обозначении месяца на письме Гоголь, судя по всему, ошибся, как это часто с ним случалось (см., в частности, ниже обоснование датировки письма Гоголя к матери от 26 августа (н. ст.) 1839 г.). Вместо ноября он написал октябрь, тогда как почти весь октябрь он определенно жил в Париже, а 28 октября (н. ст.) 1838 г. — на возвратном пути из Франции в Италию — был проездом в Лионе¹⁵. Исходя из этих соображений, письмо следует датировать 1/13 ноября 1838 г.

Ошибка с обозначением месяца периодически появляется в заграничных письмах Гоголя вследствие часто возникавшей перед ним не-

¹¹ Виноградов И.А. Летопись жизни и творчества Н.В. Гоголя (1809–1852). Т. 3. С. 71.

¹² См.: Гоголь Н.В. Полн. собр. соч. и писем: В 17 т. Т. 11. С. 404.

¹³ См. там же.

¹⁴ Гоголь Н.В. Полн. собр. соч.: В 14 т. <Л.>, 1952. Т. 11 / Тексты и коммент. подгот. М.К. Азадовский, Ц.С. Вольпе, В.В. Гиппиус, Б.П. Городецкий, А.Г. Дементьев, С.Н. Дурьлин, Л.В. Крестова, Н.Г. Машковцев, Н.И. Мордовченко, А.А. Назаревский, М.А. Панченко. С. 115, 389 (коммент. А.А. Назаревского).

¹⁵ Виноградов И.А. Летопись жизни и творчества Н.В. Гоголя (1809–1852). Т. 3. С. 143.

обходимости перевода стилей — с русского на европейский и обратно. Живя «в двух измерениях», Гоголь порой сопровождает число «нового» стиля тем месяцем, который соответствует русскому календарю. При этом то и дело возникает путаница, поскольку в некоторых случаях (как в настоящем письме) Гоголь, помимо числа по западному летоисчислению, указывает еще и число русского стиля.

7

Аналогичную ошибку Гоголь допустил в письме к сестрам, написанном по прибытии в Рим осенью 1838 г. Так же, как в письме к матери из Генуи, Гоголь вместо ноября написал октябрь: «Рим. 15 октября». Наиболее вероятно, что письмо было написано в самый день приезда Гоголя в Рим 15 ноября (н. ст.) 1838 г. Примечательно, что ответ на письмо матери, — полученное так же, как письмо от сестер, сразу по приезде в Рим осенью 1838 г., — Гоголь помечает *ноябрем*: «Рим. Ноябрь, 1838», — по-видимому, уже разобравшись в своей ошибке. Именно к ноябрю относится первое свидетельство о пребывании Гоголя в Риме осенью 1838 г., принадлежащее графу Мих. Ю. Виельгорскому. Последний в письме к В.А. Жуковскому от 20 ноября (н. ст.) 1838 г. сообщал: «Видел я Гоголя, которого можно назвать *римским Гоголем*. Он помолодел, об тебе много спрашивал и с нетерпением ожидает»¹⁶.

8

В новой точной датировке — 10 марта (н. ст.) 1839 г. (вместо прежней приблизительной: январь — май 1839 г.¹⁷) — нуждается недатированное письмо Гоголя к П.Н. Демидову. Послание датируется на основании дневниковой записи М.П. Погодина от 10 марта (н. ст.) 1839 г.: «Письмо Демидова к Гоголю»¹⁸.

9

Впервые окончательно уточняется прежняя приблизительная датировка (май 1839 г.)¹⁹ письма Гоголя к С.П. Шевыреву из Рима в Париж.

¹⁶ Там же. С. 157.

¹⁷ См.: *Гоголь Н.В.* Полн. собр. соч.: В 14 т. Т. 11. С. 231.

¹⁸ См.: *Гоголь Н.В.* Полн. собр. соч. и писем: В 17 т. Т. 11. С. 210–211, 428; Виноградов И.А. Летопись жизни и творчества Н.В. Гоголя (1809–1852). Т. 3. С. 198, 244.

¹⁹ <*Гоголь Н.В.*> Соч. и письма Н.В. Гоголя. Изд. П.А. Кулиша. Т. 5. С. 371–372; <*Гоголь Н.В.*> Письма Н.В. Гоголя. Ред. В.И. Шенрока. Т. 1. С. 603–604; *Гоголь Н.В.* Полн. собр. соч.: В 14 т. Т. 11. С. 233–234, 413–414 (коммент. А.Г. Дементьева).

Письмо было начато накануне визита Гоголя к жене Шевырева, Софье Борисовне (которая с трехлетним сыном Борисом²⁰ жила в Риме), и завершено после посещения Шевыревой, которая 20 мая (н. ст.) 1839 г. записала в дневнике: «20 сего месяца. Продолжаю писать, начиная с 15-го числа. <...> Четверг, 16 <мая (н. ст.)>. На Вознесение сходила на мессу... <...> Утром получила письмо от мужа... <...> Вечером, когда я одевалась к ужину, пришел Гоголь. Из-за его визита Борис начал капризничать, и мне пришлось его даже отшлепать»²¹.

Вероятно, 3/15 мая 1839 г. — накануне праздника Вознесения Господня 4/16 мая — письмо от Шевырева из Парижа, с припиской М.П. Погодина, получил и Гоголь. Одновременно, в тот же день, Гоголем было получено и парижское послание А.С. Данилевского, с которым Шевырев и Погодин встречались в Париже.

На следующий день, накануне вечернего визита к Шевыревой, Гоголь стал писать ответные письма Данилевскому («Рим. Мая 16-го. Вчера я получил твое письмо...») и Шевыреву: «Благодарю тебя мильон раз за твое милое письмо...» Предварительно закончив — и даже подписав письмо к Шевыреву: «Прощай, мой милый и добрый. Твой Гоголь», — Гоголь, однако, прежде чем отправить письма, решил тогда же навестить Софью Борисовну, чтобы поделиться с ней известиями о ее муже и, в свою очередь, сообщить ему сведения о ней.

После визита к Шевыревой Гоголь вновь обратился к письму к Шевыреву и дописал: «Письмо твое я получил только вчера. Четыре дня я не видал Софьи Борисовны... <...> София Борисовна, я нахожу, поправилась. Воздух здешней весны для нее, видно, очень хорош».

10

Тем же числом, 16 мая (н. ст.) 1839 г., следует датировать и письмо Гоголя к М.П. Погодину в Париж (прежняя приблизительная датировка: май-июнь 1839 г.²²). Гоголь отвечает в этом письме на ту приписку, которую Погодин сделал в письме Шевырева (получено Гоголем в Риме 15 мая (н. ст.) 1839 г.).

²⁰ «Шевырев, Борис Степанович, полковник, р<одился> 28 февраля 1836 † 29 декабря 1888 (Казанское военное кладбище в Царском Селе)» (*Великий Князь Николай Михайлович, Саитов В.И.* Петербургский некрополь. СПб., 1912. Т. 4. С. 522).

²¹ Дневник Софьи Борисовны Шевыревой. Подгот. к публ. и коммент. А.А. Горохова, пер. с фр. М.О. Ноздренко // Историческое образование. 2014. № 4. С. 180.

²² <Гоголь Н.В.> Соч. и письма Н.В. Гоголя. Изд. П.А. Кулиша. СПб., 1857. Т. 5. С. 376–377; <Гоголь Н.В.> Письма Н.В. Гоголя. Ред. В.И. Шенрока. Т. 1. С. 610–611; *Гоголь Н.В.* Полн. собр. соч.: В 14 т. Т. 11. С. 237–238, 414–415 (коммент. Б.П. Городецкого).

11

Предлагается новая датировка двух писем Гоголя к матери 1839 г. Одно из этих писем сам Гоголь пометил: «Триест. 26 сентября», — однако написано оно было, очевидно, в Вене месяцем ранее, 26 августа (н. ст.) 1839 г. Вопреки реальному пребыванию в Вене Гоголь в письме матери сообщает: «Завтра отправлюсь в Вену...» Согласно письму Гоголя к С.П. Шевыреву от 25 августа (н. ст.) 1839 г., в Вену Гоголь прибыл уже 24 августа (н. ст.). До этого, а именно до 15 августа (н. ст.) 1839 г., Гоголь жил в Мариенбаде и, по его словам в письме к М.П. Погодину от того же числа, намеревался остаться там «еще недели на полторы», т.е. примерно до 25 августа. Если опираться на слова Гоголя в комментируемом письме к матери, что он «отправляется в Вену», то следует предположить, что вместо этого Гоголь поехал тогда в Триест, откуда и написал письмо, что маловероятно (сомнения подтверждает поддельный почтовый штемпель — «тонко нарисованный», по наблюдению С.Н. Дурылина, самим Гоголем²³). Думается, письмо было написано уже по прибытии Гоголя из Мариенбада в Вену. Вместо августа Гоголь ошибочно написал сентябрь, так же как позднее считал сентябрь 1839 г. *октябрем*, чем, по-видимому, даже ввел в заблуждение Погодина, в свою очередь пометившего в дневнике сентябрьские события 1839 г. *октябрем*²⁴. (Аналогичные случаи см. в обосновании датировок писем Гоголя к матери от 13 ноября (н. ст.) 1838 г. и от 22–24 сентября (н. ст.) 1839 г. В письме к С.П. Шевыреву от 10 сентября (н. ст.) 1839 г. Гоголь, напротив, вместо сентября пишет август: «Вена. 10 августа».)

Следующее письмо Гоголя к матери, от 27 августа (н. ст.) 1839 г., обозначено уже реальным местом отправления: «Вена. 1839, августа 28». Новым письмом Гоголь как бы ставил мать в известность, что он уже находится там, куда недавно обещал отправиться. При этом Гоголь исправляет ошибку в обозначении месяца (датирует новое письмо августом) и прибавляет для убедительности один день (датируя письмо 28-м числом, вместо действительного 27-го, что явствует из почтового штемпеля), чтобы время его выдуманного переезда из Триеста в Вену выглядело более реальным, т.е. не казалось слишком скорым. Причины, по которым Гоголь прибегнул к этим ухищрениям, остаются недостаточно ясными. В.И. Шенрок, полагавший (ошибочно), что письмо было написано 26 сентября (ст. ст.) 1839 г. в Москве, высказал мнение, будто

²³ См. коммент. в изд.: *Гоголь Н.В.* Полн. собр. соч.: В 14 т. <Л.>, 1952. Т. 11. С. 420.

²⁴ См.: Гоголь в воспоминаниях, дневниках, переписке современников. Полный систематический свод документальных свидетельств. Научно-критическое изд. / Изд. подгот. И.А. Виноградов. В 3 т. М., 2012. Т. 2. С. 462–463.

Гоголь опасался, чтобы его мать, «сильно жаждавшая повидаться с ним, не приехала слишком рано к Погодину, тогда как Гоголю и без того неловко было помещать на долгое время у него всю семью»²⁵. Можно допустить, что эта мысль стала беспокоить Гоголя еще в Вене, где он в течение месяца ожидал встречи с Погодиным, чтобы вернуться вместе с ним в Россию. (Расставшись 8 августа (н. ст.) 1839 г. в Мариенбаде, Гоголь и Погодин условились встретиться в Вене; встреча произошла 19 сентября (н. ст.) 1839 г.) В последующих письмах к матери — от 22–24 сентября (н. ст.) и от 26 сентября (н. ст.) 1839 г. — Гоголь также как бы «оттягивает» время своего возвращения в Россию: будучи уже в дороге, сообщает матери, что он только выезжает из Вены. Возможно, это в свою очередь связано с опасением Гоголя, чтобы мать не приехала в Москву раньше срока — до того, как он заберет сестер из Петербурга. «...Я не хочу вас льстить напрасною надеждою, — замечает Гоголь в письме. — Может быть, увидимся нынешнюю зиму, может быть нет. Если ж увидимся, то не пеняйте, что на короткое время». Далее он добавляет: «...не примите опять этого адреса в том смысле, чтобы я был скоро в Москве...»

12

Второе письмо Гоголя к матери 1839 г., нуждающееся в новой датировке, было начато 22 сентября (н. ст.) 1839 г. в Вене и отправлено 24 сентября (н. ст.) из Ольмюца. Сам Гоголь ошибочно датировал письмо октябрем: «Октябрь 24. Вена».

Встретившись с М.П. Погодиным в Вене вечером 19 сентября (н. ст.) 1839 г., Гоголь пробыл с ним там до 22 сентября (н. ст.), после чего они выехали в Краков. В Кракове они пробыли два дня — 25 и 26 сентября (н. ст.) 1839 г.²⁶ Таким образом, 24 сентября (н. ст.) 1839 г. Гоголя и Погодина уже не было в Вене — они находились проездом в Ольмюце. По-видимому, там Гоголь и отправил свое письмо к матери, начатое в Вене.

Примечательно, что в дневнике Погодина все эти дни ошибочно помечены не сентябрем, а *октябрем* 1839 г.: «Возвратный путь. <...> Октябрь 12/24 — ноябрь 20 <старого> с<тиля>»²⁷. По-видимому, именно Гоголь, порой ошибочно обозначавший месяца и числа в датах отправления своих писем, ввел Погодина в заблуждение (см. выше), а также неверно датировал свое сентябрьское письмо к матери октябрем.

²⁵ <Гоголь Н.В.> Письма Н.В. Гоголя. Ред. В.И. Шенрока. Т. 2. С. 10.

²⁶ Виноградов И.А. Летопись жизни и творчества Н.В. Гоголя (1809–1852). Т. 3. С. 290–294.

²⁷ <Погодин М.П.> Год в чужих краях. Дорожный дневник М. Погодина. М., 1844. Ч. 4. С. 222.

13

В эпистолярном наследии Гоголя долгое время оставалась неизученной история одной короткой записки, точнее, визитки с надписью: «Визит отдадите в Риме № 126, Via Felice». Предложенная в 1952 г. Г.М. Фридлиндером датировка охватывает период около шести лет — с октября 1837 по апрель 1843 г.²⁸ На протяжении этого времени Гоголь жил в Риме по указанному на визитке адресу: улица Феличе, дом 126.

Как выясняется, записка была адресована московскому знакомому Гоголя с 1835 г., путешественнику и литератору Николаю Петровичу Боткину. Перед отъездом за границу весной 1840 г. Гоголь искал попутчика, о чем дал объявление, напечатанное трижды, 6, 10 и 17 апреля 1840 г., в «Московских Ведомостях»: «Некто, не имеющий собственного экипажа, ищет попутчика до Вены, имеющего собственный экипаж...» Хотя в дорогу Гоголь отправился тогда с В.А. Пановым (изъявившим желание быть спутником Гоголя 13 апреля 1840 г.), однако именно Н.П. Боткин оказался позднее с Гоголем в Вене во второй половине — конце августа (н. ст.) 1840 г., во время тяжелой болезни писателя (в то время как Панов 11 июля (н. ст.) 1840 г. выехал из Вены в Мюнхен, условившись с Гоголем встретиться вновь в Венеции). 2 сентября (н. ст.) 1840 г. Н.П. Боткин приехал вместе с Гоголем в Венецию, а затем с Гоголем и Пановым прибыл 25 сентября (н. ст.) в Рим.

Судя по всему, Н.П. Боткин, получив в Москве в середине мая 1840 г. (до 18 числа²⁹) гоголевскую записку, решил отдать визит Гоголю *не в Риме*, а догнать его еще по дороге в Италию. О намерении Гоголя остановиться по пути в Рим в Вене Н.П. Боткин мог знать как от самого писателя, так и из упомянутого газетного объявления или от общих знакомых. О своих планах задержаться в Вене Гоголь, в частности, сообщал в 1840 г. в письмах из Москвы к В.А. Жуковскому от 3 мая и к матери от 17 мая, а также в письмах из Варшавы в Москву к М.П. Погодину от конца мая — начала июня (н. ст.) и к С.Т. Аксакову от 10 июня (н. ст.). 28 июня (н. ст.) 1840 г. Гоголь писал в Москву из самой Вены А.П. Елагинной: «Кто вздумает писать ко мне, тот да адресует в Вену в *poste restante*. Я здесь пробуду месяца полтора — пью воды. В сентябре же месяце адрес мой в Рим тоже *poste restante*».

Гоголевскую записку Н.П. Боткин перед отъездом из Москвы подарил своему брату, Василию Петровичу Боткину, который осенью того же

²⁸ См.: Гоголь Н.В. Полн. собр. соч.: В 14 т. <Л.>, 1952. Т. 12 / Тексты и коммент. подгот. Р.Б. Заборова, А.Н. Михайлова, А.А. Назаревский, Г.М. Фридлиндер. С. 624.

²⁹ День отъезда Гоголя из Москвы.

1840 г. побывал в Харькове и показывал ее там харьковскому писателю и переводчику А.Я. Кульчицкому³⁰.

14

Целым годом позже следует датировать шутивное письмо Гоголя Е.Г. Чертковой из Вены в Москву. Письмо имеет помету без указания года: «Вена. Июня 22». Впервые оно было напечатано П.И. Бартеневым без уточнения датировки³¹. Впоследствии В.И. Шенроком письмо было оставлено недатированным, однако включено в ряд писем 1839 г.³² (что равносильно датировке письма 1839 г.). Вслед за Шенроком М.А. Панченко также ошибочно отнес письмо к 1839 г.³³ Между тем 22 июня 1839 г. Гоголя в Вене не было, он был тогда в Марселе (куда прибыл из Рима). В 1839 г. в Вену Гоголь приехал лишь 24 августа (н. ст.). Письмо, очевидно, относится к следующему, 1840 г., когда Гоголь провел в Вене почти всё лето, с 17 июня (н. ст.) до конца августа (н. ст.), прибыв сюда из Москвы, где, в числе других знакомых, общался с Чертковой.

15

Исправляется датировка письма Гоголя к сестре Елисавете от 7 июля (н. ст.) 1840 г. из Вены, в котором он упрекает ее в мнительности, «когда дело идет» об ее здоровье. Ранее ошибочно считалось, что это письмо было написано в Москве в период с 10 по 18 мая 1840 г.³⁴ Между тем письмо, безусловно, было отправлено из Вены, где до этого Гоголь ожидал письма от сестры (см. письмо к ней от 25 июня (н. ст.) 1840 г.). 5 июля (н. ст.) 1840 г. он наконец получил послание из Москвы от С.Т. Аксакова с вложением письма от сестры (последнее письмо не сохранилось). Аксаков сообщал Гоголю: «Лиза ваша здорова, начинает привыкать к новому своему житью-бытью и хорошо улаживается. <...> Она гостит у нас другой день... <...> Лиза сама пишет». Месяц спустя, в письме к матери

³⁰ См. подробнее: *Виноградов И.А.* Гоголь на пути в Рим в 1840 г. Из истории общения писателя с современниками // Гоголезнавчі студії. Гоголеведческие студии. Ніжин, 2014. Вып. 4 (21). С. 12–18; *Виноградов И.А.* «Хаос» в Ватикане. К истории одного из путешествий Гоголя // Восток и Запад в русской литературе путешествий XI–XX вв. М.: ИМЛИ РАН (в печати).

³¹ <Бартенев П.И.> Шуточное письмо Н.В. Гоголя к одной русской даме. Вена, Июня 22 // Русский Архив. 1867. Стб. 473–475.

³² <Гоголь Н.В.> Письма Н.В. Гоголя. Ред. В.И. Шенрока. Т. 1. С. 617–618.

³³ См.: <Гоголь Н.В.> Полн. собр. соч.: В 14 т. Т. 11. С. 414.

³⁴ См.: <Гоголь Н.В.> Соч. и письма Н.В. Гоголя. Изд. П.А. Кулиша. Т. 5. С. 396–397; <Гоголь Н.В.> Письма Н.В. Гоголя. Ред. В.И. Шенрока. Т. 2. С. 42–43; <Гоголь Н.В.> Полн. собр. соч.: В 14 т. Т. 11. С. 285, 433 (коммент. А.А. Назаревского).

от 7 августа (н. ст.) 1840 г. из Вены, Гоголь упоминал о письмах, которые получает от сестры из Москвы. Там же Гоголь говорил о сообщении сестры (в ее письме к матери) о болезни, случившейся с Елисаветой после прощания с Гоголем 18 мая 1840 г.: «...Она по безрассудности своей в ту же минуту написала письмо, а к этому присоединила и грудную боль, что натурально ложь. Потому что от Аксакова я сию минуту получил письмо, что она потолстела. Да и сама она ко мне пишет, что несмотря на свое горе толстеет и боится чрезвычайно сделаться Щепкиным и все платья нужно было ей переправлять. Вот какого рода ее грудная боль!» (По-видимому, приводя в письме «свидетельство» Аксакова, что сестра «потолстела», Гоголь таким образом «пересказывает» краткое аксаковское сообщение о том, что «Лиза <...> здорова»). Таким образом, письмо от сестры, очевидно, было получено Гоголем 5 июля (н. ст.) 1840 г. вместе с письмом С.Т. Аксакова, а ответ, в свою очередь, по-видимому, был приложен к ответному письму Аксакову от 7 июля (н. ст.) 1840 г.

16

Из писем 1840 г. уточнения датировок требуют еще четыре послания Гоголя из Венеции. Во-первых, это еще одно письмо к сестре Елисавете. Год и место отправления, выставленные на письме: «Венеция 1840. Август 10». Это указание свидетельствует, что письмо могло быть написано только в период пребывания Гоголя в Венеции с 2-го по начало двадцатых чисел сентября (н. ст.) 1840 г. Августом это сентябрьское письмо помечено Гоголем ошибочно; подобная ошибка часто встречается в его корреспонденции и связана с неверным осмыслением календаря при пересчете разницы между европейским и русским стилями летоисчисления (см., в частности, выше обоснование датировки письма Гоголя к матери от 26 августа (н. ст.) 1839 г.). Датировка указанного письма сентябрем (10 числа н. ст.), а не августом, как у Гоголя, была справедливо предложена в свое время А.И. Кирпичниковым³⁵. Аргументы А.Г. Дементьева, не соглашавшегося с этой датировкой³⁶, представляются нам неубедительными. Намерение быть в Риме «в конце этого месяца», сообщаемое в конце настоящего письма к сестре, в точности исполняется (если опираться на предложенную датировку) с приездом Гоголя в Рим 25 сентября (н. ст.) 1840 г. Сообщение Гоголя в этом же письме о своем здоровье: «Оно точно было плохо, и я захворал было не на шутку», — соответ-

³⁵ См.: Кирпичников А.И. Сомнения и противоречия в биографии Гоголя. (Комментарий к биографической канве его) // Известия Отделения Русского языка и словесности Императорской Академии наук. 1900. Т. 5. № 4. С. 1212–1235.

³⁶ См. коммент. в изд.: Гоголь Н.В. Полн. собр. соч.: В 14 т. Т. 11. С. 437.

ствует данным о его болезни в Вене, откуда он уехал в конце августа (н. ст.) 1840 г. Средством исцеления от недуга послужил тогда Гоголю, по его собственному свидетельству, именно переезд — из Вены в Триест (неподалеку от Венеции) и далее в Венецию и Рим: «Я велел себя посадить в дилижанс и везти в Италию. Добравшись до Триэста, я себя почувствовал лучше. Дорога, мое единственное лекарство, оказала и на этот раз свое действие» (письмо к М.П. Погодину от 29 октября (н. ст.) 1840 г. из Рима). Всё это противоречит попыткам отнести написанное Гоголем в Венеции письмо ко времени его пребывания в Вене, тем более что тогда к «вопросу, почему Гоголь вместо Вены указал Венецию, трудно привести убедительные соображения»³⁷.

17

Изложенные аргументы полностью применимы и к письму Гоголя М.П. и Е.В. Погодиным с аналогичной пометой: «Август 10. Венеция». Письмо было отправлено из Венеции 10 сентября (н. ст.) 1840 г.

18

Это же относится к посланию Гоголя к О.Сем. Аксаковой с пометой: «Венеция. Август 10». К этому письму было приложено упомянутое выше гоголевское послание к сестре от 10 сентября (н. ст.) 1840 г. с аналогичным указанием: «Венеция 1840. Август 10». Гоголь сообщал Аксаковой: «Отправьте прилагаемое при сем письмо к Лизе и вручите Михаилу Семеновичу прилагаемое при сем действие переведенной для него комедии» (речь идет о переводе комедии Дж. Жиро «Дядька в затруднительном положении»).

19

Согласно приведенным выше строкам из письма Гоголя к Аксаковой, к 10 сентября (н. ст.) 1840 г. следует отнести и недатированное письмо к М.С. Щепкину, в котором Гоголь отправил актеру перевод комедии Дж. Жиро. Традиционно это письмо также ошибочно датировали 10 августа (н. ст.) 1840 г. — временем пребывания Гоголя в Вене³⁸.

³⁷ Там же. С. 437.

³⁸ См.: <Гоголь Н.В.> Соч. и письма Н.В. Гоголя. Изд. П.А. Кулиша. Т. 5. С. 409–412; <Гоголь Н.В.> Письма Н.В. Гоголя. Ред. В.И. Шенрока. Т. 2. С. 61; *Гоголь Н.В.* Полн. собр. соч.: В 14 т. Т. 11. С. 304.

20

Январем-апрелем 1841 г. неточно датировалась до настоящего времени римская записка Гоголя, адресованная А.А. Иванову, в которой он приглашает художника, вместе с Н.П. Боткиным, В.А. Пановым и Ф.И. Иорданом, к себе в гости³⁹. Поскольку с февраля (н. ст.) 1841 г. Панов переехал на квартиру Гоголя⁴⁰, звать его к себе в то время Гоголь уже не мог. Таким образом, записку следует датировать периодом с 25 сентября (н. ст.) 1840 г. (время приезда в Рим Гоголя, Боткина и Панова) до января (н. ст.) 1841 г.

21

Требует существенного уточнения датировка еще одного письма Гоголя к сестре Елисавете, в котором содержится поручение купить для него и «изрубить в куски» 3 фунта (т.е. около полутора килограмм) сахару, а также приобрести 2 фунта (около килограмма) свечей и фунт (почти полкилограмма) кофе. Следуя датировке П.А. Кулиша⁴¹, Шенрок отнес это письмо к последней неделе пребывания Гоголя в Москве в 1840 г. — «к промежутку от 10 до 17 мая 1840 г., когда Гоголь был на отъезде (он выехал 18 мая) и уже поместил сестру у Раевской, что было 10 мая»⁴². Между тем Гоголю вряд ли могли понадобиться столь существенные запасы всего на несколько дней перед отъездом. С другой стороны, хозяйственное поручение Гоголя предполагает известную самостоятельность сестры, каковой она, учитывая шестнадцатилетний возраст и вынесенную из института крайнюю застенчивость⁴³, точно не могла иметь в 1840 г. Вероятнее всего, записка Гоголя к сестре была написана в середине ноября 1841 г. — после полутора лет проживания Елисаветы Васильевны в Москве, когда осенью этого года она принялась за переписку последних восьми глав цензурного экземпляра «Мертвых душ»⁴⁴.

³⁹ См.: *Гоголь Н.В.* Полн. собр. соч.: В 14 т. Т. 11. С. 338 (коммент. Н.Г. Машковцева). Впервые записка была опубликована, без датировки, П.А. Кулишом: *Кулиш П.А.* Переписка Н.В. Гоголя с А.А. Ивановым. (Посвящается Федору Ивановичу Иордану) // Современник. 1858. № 11. С. 128.

⁴⁰ *Виноградов И.А.* Летопись жизни и творчества Н.В. Гоголя (1809–1852). Т. 3. С. 495.

⁴¹ <Гоголь Н.В.> Соч. и письма Н.В. Гоголя. Изд. П.А. Кулиша. Т. 5. С. 396.

⁴² См.: <Гоголь Н.В.> Письма Н.В. Гоголя. Ред. В.И. Шенрока. Т. 2. С. 42.

⁴³ См.: *Виноградов И.А.* Летопись жизни и творчества Н.В. Гоголя (1809–1852). Т. 3. С. 354.

⁴⁴ См.: Там же. С. 607–608.

22

Весьма широким — тоже шестилетним — периодом, с 1837 по 1843 г., была датирована Г.М. Фридлендером в 1952 г. следующая записка Гоголя к неустановленному лицу: «Нельзя ли отправить это письмецо к Розенштрему [вместе с деньгами] с тем, чтобы оно было включено в пакет вместе с векселем к Валентини»⁴⁵.

Основанием для крайней даты записки (1843 г.) послужило то, что упоминаемый в ней римский банкир Д. фон Валентини умер весной-летом 1842 г. (о его кончине С.Т. Аксаков известил Гоголя в письме от 6 июля 1842 г.⁴⁶; сам Гоголь упоминает о смерти банкира в письме к А.А. Иванову от 30 августа (н. ст.) 1842 г.). Еще раз о Валентини Гоголь пишет в послании к С.П. Шевыреву, отправленном из Рима от 28 февраля (н. ст.) 1843 г.: «...Если набрались деньги, то высылай их немедленно на имя Валентини, piazza Apostoli, palazzo Valentini...» (Возможно, речь в данном письме шла уже о наследнике Д. фон Валентини.)

Упоминание в записке Розенштрема, еще одного банкира — московского, позволяет существенно сократить временной промежуток, в который Гоголь мог набросать записку. Вероятно, непосредственное к ней отношение имеет предваряющая гоголевская заметка для памяти, сделанная в записной книжке 1841–1845 гг.: «К Розенштрему».

Основанием для еще более точной датировки служит то, что посылаемые в Рим деньги предназначались для А.А. Иванова⁴⁷, который и получил их 7–11 февраля 1842 г. от банкира Д. фон Валентини⁴⁸. Таким образом, комментируемая записка, несомненно, относится к концу декабря 1841 г. Дополнительным подтверждением этой датировки служит письмо Гоголя к Иванову, традиционно приурочиваемое к этому времени — концу декабря 1841 г. По всей вероятности, это то самое «письмецо», о котором Гоголь упоминает в записке к неизвестному («Нельзя ли отправить это письмецо к Розенштрему [вместе с деньгами]...»). (О том, что за письмо имеет в виду Гоголь в записке, в комментарии Г.М. Фридлендера не сообщается.) В «письмеце» Гоголь сообщает Иванову: «Вот вам деньги для расплаты моих долгов». (Лицом, которого Гоголь просил доставить Розенштрему письмо к Иванову, мог быть либо М.П. Погодин, либо С.П. Шевырев.)

⁴⁵ Гоголь Н.В. Полн. собр. соч.: В 14 т. <Л.>, 1952. Т. 12 / Тексты и коммент. подгот. Р.Б. Заборова, А.Н. Михайлова, А.А. Назаревский, Г.М. Фридлендер. С. 635 (коммент. Г.М. Фридлендера).

⁴⁶ Виноградов И.А. Летопись жизни и творчества Н.В. Гоголя (1809–1852). Т. 4. С. 146.

⁴⁷ Там же. Т. 3. С. 600, 616–617.

⁴⁸ Там же. Т. 4. С. 20–21.

23

Случай, во многом аналогичный ошибочной датировке письма Гоголя к сестре Елисавете от середины ноября 1841 г. (см. выше), представляет собой неверное временное приурочение еще одной записки к ней, в которой Гоголь сообщает: «В воскресенье приезжай ко мне. А до того вряд ли мне удастся быть у вас. Я вчера у Аксаковых в силу мог двигаться».

В.И. Шенрок, следуя опять-таки датировке П.А. Кулиша⁴⁹, в свою очередь относил эту записку «к промежутку от 10 до 17 мая 1840 г., когда Гоголь был на отъезде (он выехал 18 мая) и уже поместил сестру у Раевской, что было 10 мая»⁵⁰. Однако если бы такая догадка была верна, то упоминаемое в записке воскресенье («В воскресенье приезжай ко мне») должно приходиться точно на 12 мая 1840 г. Поскольку Гоголь перевез сестру к П.И. Раевской 10 мая, то единственно возможной датой отправления письма становится, таким образом, 11 мая 1840 г. Последнее невозможно по двум причинам. Во-первых, приглашая сестру в гости на следующий день, Гоголь, скорее всего, написал бы: «Завтра приезжай ко мне» (а не — «В воскресенье приезжай ко мне»). Во-вторых, сообщение в письме: «Я вчера у Аксаковых в силу мог двигаться», — отсылает (если принять датировку 11 мая) к тому дню, когда Гоголь отвез сестру к Раевской, т.е. к 10 мая. Но известно, что вечер этого дня Гоголь провел не у Аксаковых, а у Свербеевых⁵¹. Таким образом, единственно возможным представляется датировать записку Гоголя не 1840 г., а 1841–1842 гг., а именно, периодом следующего совместного пребывания Гоголя и его сестры в Москве с 17 октября 1841 по 23 мая 1842 г. В этот период обострение болезненного состояния Гоголя определенно приходилось на январь 1842 г. Так, в письме к князю В.Ф. Одоевскому между 2 и 7 января 1842 г. он замечал: «...Я очень болен и в силу двигаюсь» (ср. в записке к сестре: «Я вчера <...> в силу мог двигаться»); в письме к Н.Я. Прокоповичу между 22 и 27 января 1842 г. вновь сообщал: «Так устал от писем и всяких тревог душевных и телесных и, от болезни моей, которой припадки были теперь сильнее, нежели когда-нибудь, что руки не поднимаются». Таким образом, записку следует датировать первой половиной января 1842 г.

⁴⁹ <Гоголь Н.В.> Соч. и письма Н.В. Гоголя. Изд. П.А. Кулиша. Т. 5. С. 396.

⁵⁰ <Гоголь Н.В.> Письма Н.В. Гоголя. Ред. В.И. Шенрока. Т. 2. С. 42. См. также: Гоголь Н.В. Полн. собр. соч.: В 14 т. Т. 11. С. 285, 433 (коммент. А.А. Назаревского).

⁵¹ См.: Виноградов И.А. Летопись жизни и творчества Н.В. Гоголя (1809–1852). Т. 3. С. 433.

24

Написанным полутора годами позже следует считать письмо Гоголя к А.П. Елагиной, начинающееся словами: «Передаю вам в ваши руки Языкова», — которое М.А. Панченко в издании 1952 г. ошибочно отнес к концу 1841 г. — времени пребывания Гоголя в Москве⁵².

Послание к Елагиной, безусловно, написано 8 июля (н. ст.) 1843 г. в Баден-Бадене. Это то самое послание, о котором упоминает Гоголь в письме к Н.М. Языкову от 8 июля (н. ст.) 1843 г., отправленном в Дрезден: «Это маленькое письмецо отдай Елагиной». Комментируя эти строки, Г.М. Фридлиндер ошибочно полагал: «Письмецо Гоголя к А.П. Елагиной неизвестно»⁵³.

В записке Гоголь поручал отправлявшегося в Россию больного Языкова заботам Елагиной — и просьбу к ней об этом вложил в письмо к самому Языкову. В письме к нему Гоголь замечал: «Из письма твоего ко мне в Эмс⁵⁴ вижу, что ты решительно хочешь ехать домой⁵⁵. Если так, то да благословит тебя Бог». «Передавая» Языкова «в руки» Елагиной, Гоголь писал: «Отыщите для него квартиру сами, не менее пяти или, по крайней мере, четырех комнат. Две из них чтобы были большие» и пр. Согласно почтовому штемпелю на послании к Языкову⁵⁶, оба письма были отправлены из Баден-Бадена в Дрезден на следующий день, 9 июля (н. ст.) 1843 г.

25

2 февраля (н. ст.) 1844 г. ошибочно датировано письмо Гоголя к С.П. Шевыреву в Москву, имеющее авторскую помету: «Ниц<ц>а. Февраль 2 1844». (Послание является ответом на письмо Шевырева от 27 октября 1843 г.) Ошибка комментатора, Г.М. Фридлиндера⁵⁷, заключается в том, что самим Гоголем дата приведена не по новому, а по старому стилю. Между тем письмо имеет почтовый штемпель: «Nizza 14 Fev»⁵⁸, следовательно, написано оно было 2/14 февраля. Допущенная невни-

⁵² Гоголь Н.В. Полн. собр. соч.: В 14 т. Т. 11. С. 356, 454.

⁵³ Там же. Т. 12. С. 629.

⁵⁴ Письмо не сохранилось.

⁵⁵ См.: Виноградов И.А. Летопись жизни и творчества Н.В. Гоголя (1809–1852). Т. 4. С. 289–291. Языков приехал на жительство в Москву 31 июля 1843 г. (Там же. С. 391).

⁵⁶ См.: Городецкий Б.П. Описание автографов Н.В. Гоголя в собрании Института Литературы Академии Наук СССР // Литературный архив. Материалы по истории литературы и общественного движения. 1938. Т. 1. С. 471.

⁵⁷ Гоголь Н.В. Полн. собр. соч.: В 14 т. Т. 12. С. 250.

⁵⁸ Городецкий Б.П. Описание автографов Н.В. Гоголя в собрании Института Литературы Академии Наук СССР. С. 467.

мательность тем более досадна, что на 2 февраля приходится праздник Сретения Господня, так что, поставив дату по старому стилю, Гоголь, по-видимому, желал обратить внимание адресата на праздничный день отправления письма. Об этом свидетельствует отправление Гоголем в тот же день еще двух важных писем к его московским друзьям (см. ниже).

26

В упомянутом праздничном послании к С.П. Шевыреву от 2/14 февраля 1844 г. Гоголь писал: «...Вы все, то есть и ты, и Погодин, и Аксаков, терпите часто душевные беспокойства и тревоги. <...> Я посылаю вам одно средство, уже мною испытанное, которое верно вам поможет уходить чаще в себя, а с тем вместе противиться всем душевным беспокойствам. При письме этом я прилагаю письмо ко всем вам. Ты прочитай его теперь же (прежде один) и купи немедленно во французской лавке четыре миниатюрные экземпляр<ч>ика Подражания Христу⁵⁹, для тебя, Погодина, С.Т. Аксакова и Языкова».

Приложенное Гоголем к этому посланию общее письмо к С.Т. Аксакову, М.П. Погодину и С.П. Шевыреву имеет помету: «Генварь, 1844-го г. Ниц<ц>а». С этой авторской пометой оно и было напечатано в академическом издании 1952 г.⁶⁰ Очевидно, однако, что его датировку также следует уточнить, приурочив его к периоду между январем и 14 февраля (н. ст.) 1844 г. В общем послании Гоголь писал: «...Вы часто бываете беспокойны духом. <...> Я посылаю вам Подражание Христу...»

Еще одно письмо, отправленное Гоголем из Ниццы в Москву в праздничный день Сретения Господня, 14 февраля (н. ст.) 1844 г., — послание к М.П. Погодину (в нем Гоголь тоже призывает друга читать «Подражание Иисусу Христу»). Самим Гоголем письмо к Погодину не датировано, но тоже имеет почтовый штампель «Nizza 14 Fev»⁶¹. На этом основании Г.М. Фридлендер справедливо отнес письмо к этому числу⁶². Однако в целом в издании 1952 г. письма, написанные в один день — объединенные единым замыслом (закрывающие в себе вразумления друзей

⁵⁹ Позднее книгу «Подражание Иисусу Христу» (приписываемую обычно Фоме Кемпийскому) Гоголь подарил также А.А. Иванову (см. письмо художника к Гоголю от сентября (н. ст.) 1846 г.), рекомендовал А.О. Смирновой (см. письмо к ней от 9 января (н. ст.) — 15 марта (н. ст.) 1845 г.) и графу А.П. Толстому (см. письмо Толстого к Гоголю от 12 декабря (н. ст.) 1844 г.). На «Imitation de Jésus Christ» Гоголь ссылался и в письме к П.А. Плетневу от первой половины декабря (н. ст.) 1844 г.

⁶⁰ Гоголь Н.В. Полн. собр. соч.: В 14 т. Т. 12. С. 249.

⁶¹ Гоголь Н.В. Полн. собр. соч.: В 14 т. Т. 12. С. 249. Описание автографов Н.В. Гоголя в собрании Института Литературы Академии Наук СССР. С. 462.

⁶² Гоголь Н.В. Полн. собр. соч.: В 14 т. Т. 12. С. 257.

на праздник Сретения Господня), оказались произвольно оторванными друг от друга.

27

Ошибочно предложенное в 1952 г. А.Н. Михайловой указание на место и дату отправления письма Гоголя к графине С.М. Соллогуб в Петербург 1845 г.: «Лето — октябрь 1845. Рим»⁶³. На самом деле письмо отправлено Гоголем из Парижа в период проживания его там с 14 января (н. ст.) до 1 марта (н. ст.) 1845 г. В то время Гоголь встречался в Париже с графинями Л.К. и Анной М. Виельгорскими⁶⁴ — матерью и сестрой Соллогуб (урожд. графини Виельгорской). На это общение он указывает в письме к Соллогуб, имея в виду исполнение корреспонденткой добрых дел по его наставлениям⁶⁵: «Правда ли то, что вы уже несколько раз бросили копейку нищему? Мне по крайней мере так сказала Анна Миха<й>ловна».

Кроме того, в письме есть также строки, которые позволяют датировать послание еще более точно. Вероятно, оно было отправлено 24 февраля (н. ст.) 1845 г. — одновременно с письмом в Петербург к А.О. Смирновой, которая, в свою очередь, упоминается в послании: «Помогите особенно Александре Осиповне, когда увидите ее в хандре».

С предложенной датировкой вполне согласуется ответное письмо Гоголю графини Соллогуб, которое та отправила ему из Петербурга в день Пасхи 15/27 апреля 1845 г.⁶⁶

28

Требует уточнения датировка новогоднего поздравления Гоголя Н.Н. Шереметевой, которое В.И. Шенроком было ошибочно отнесено ко второй половине декабря 1847 г. — времени проживания Гоголя в Неаполе⁶⁷. В действительности поздравление написано двумя годами ранее, 27 декабря 1845 г., в Риме. Основанием для новой датировки служит *ответное* письмо Шереметевой к Гоголю от 30 января 1846 г., в котором та сообщает

⁶³ Там же. С. 533, 685.

⁶⁴ Виноградов И.А. Летопись жизни и творчества Н.В. Гоголя (1809–1852). Т. 5. С. 8–9, 14, 23, 29, 31, 34–35, 38–39.

⁶⁵ См., в частности, письмо Гоголя к графине С.М. Соллогуб от 24 сентября (н. ст.) 1844 г.

⁶⁶ Виноградов И.А. Летопись жизни и творчества Н.В. Гоголя (1809–1852). Т. 5. С. 87.

⁶⁷ См.: <Гоголь Н.В.> Письма Н.В. Гоголя. Ред. В.И. Шенрока. Т. 4. С. 133–134. См. также: Гоголь Н.В. Полн. собр. соч.: В 14 т. <Л.>, 1952. Т. 13 / Тексты и коммент. подгот. А.Н. Михайлова, Г.М. Фридлиндер. С. 420, 533 (коммент. А.Н. Михайловой).

о получении его письма через Н.М. Языкова. В свою очередь, Языков в послании к Гоголю из Москвы от 27 января 1846 г. замечал: «Н.Н. Шереметева <...> поправляется; письмо твое послал я к ней в Рузу». Кроме того, неполный адрес на письме («Надежде Николаевне Шереметьевой») указывает, что гоголевское поздравление Шереметевой с новым годом было вложено в другое письмо. Таким письмом, по-видимому, и было послание Гоголя к Языкову из Рима в Москву от 27 декабря 1845 / 8 января (н. ст.) 1846 г., в котором Гоголь также передавал приятелю новогоднее поздравление. (Согласно почтовому штемпелю на послании к Языкову: «Roma 10 gen. 46»⁶⁸, оба письма были отправлены через день, 10 января (н. ст.) 1846 г.)

29

Датированная ранее двухмесячным периодом — от середины октября до середины декабря 1848 г. — записка Гоголя к его земляку А-ру Мих. Марковичу⁶⁹ определенно относится к 11 ноября 1848 г. Она связана с торжественным (в честь приезда Гоголя) празднованием дня рождения М.П. Погодина. Именно на этот «раут» 11 ноября 1848 г. Гоголь и пригласил Марковича, чтобы осмотреть погодинское «Древлехранилище» и увидеть «почти всех замечательных московских литераторов и ученых».

30

Тремя годами ранее следует датировать письмо Гоголя к протоиерею Матфею Константиновскому, начинающееся словами: «Граф А<лександр> П<етрович> Толстой передал мне ваш поклон и рассказал мне о своем душеусладном пребывании у вас во Ржеве». Послание имеет помету Гоголя: «28 ноября. Москва». П.А. Кулиш⁷⁰ и вслед за ним В.И. Шенрок⁷¹ (а также А.Н. Михайлова⁷²) без объяснений датировали письмо 1851 г. Между тем есть достаточные основания отнести его к 1848 г.

Согласно письму О.Сем. Аксаковой к сыну Ивану в Одессу, отправленному в тот же день, 28 ноября 1848 г., граф А.П. Толстой появился в Москве именно в это время (он приехал из Петербурга в Москву, очевидно, через Ржев). Именно тогда Гоголь с ним встречался, догово-

⁶⁸ Городецкий Б.П. Описание автографов Н.В. Гоголя в собрании Института Литературы Академии Наук СССР. С. 474.

⁶⁹ Гоголь Н.В. Полн. собр. соч.: В 14 т. <Л.>, 1952. Т. 14 / Тексты и коммент. подгот. А.Н. Михайлова. С. 100, 386.

⁷⁰ <Гоголь Н.В.> Соч. и письма Н.В. Гоголя. Изд. П.А. Кулиша. Т. 6. С. 546

⁷¹ <Гоголь Н.В.> Письма Н.В. Гоголя. Ред. В.И. Шенрока. Т. 4. С. 412.

⁷² См.: Гоголь Н.В. Полн. собр. соч.: В 14 т. Т. 14. С. 259, 436.

рившись о переезде от М.П. Погодина в дом графа⁷³. «Гоголь <...> переезжает жить к Толстому...» — сообщала Аксакова сыну⁷⁴.

Признание Гоголя в комментируемом послании к о. Матфею, что он «перечитывает» два его «последние» письма, перекликается со строками письма Гоголя к священнику от 12 сентября 1848 г.: «Покуда я читаю и перечитываю ваши письма...» Речь в обоих гоголевских посланиях шла, по-видимому, о письмах к нему о. Матфея по поводу «Выбранных мест из переписки с друзьями»: одно из них было получено Гоголем в начале января (н. ст.) 1848 г. в Неаполе⁷⁵, другое — на Пасху 1848 г. в Константинополе⁷⁶. (До этого, в 1847 г., Гоголь получил от о. Матфея еще два письма, непосредственно касающиеся «Выбранных мест...»; эти письма были вручены ему в Неаполе 8 мая (н. ст.) 1847 г.⁷⁷ и в Остенде 24 сентября (н. ст.) 1847 г.⁷⁸)

Позднее, в 1851 г., повода для подобных писем у о. Матфея, вероятно, не было; по крайней мере, сведения о таких письмах священника к Гоголю 1851 г. до нас не дошли.

Начальные строки комментируемого письма Гоголя: «Граф А<лександр> П<етрович> Толстой передал мне ваш поклон...», по-видимому, связаны с просьбой Гоголя к о. Матфею, высказанной в письме от 9 ноября 1848 г.: «...Скажите мне какое-нибудь слово... <...> Адресуйте <...> <...> Шевыреву, в Москве...» — Вместо письма о. Матфеем передал Гоголю через графа Толстого только поклон. (Ср. также строки письма Гоголя к о. Матфею от 28 декабря 1848 г., свидетельствующие, что в этот период о. Матфеем некоторое время не писал Гоголю: «Не знаю, как благодарить вас, добрейший Матвей Александрович, за ваш поклон мне в письме к графу Александру Петровичу...») Перечисленные факты позволяют отнести письмо Гоголя к протоиерею Матфею Константиновскому (с упоминанием о пребывании у него во Ржеве графа Толстого) к 28 ноября 1848 г.

31

К одному из двух посещений Гоголем святителя Филарета в конце 1848 г.⁷⁹ и в первой половине сентября 1851 г.⁸⁰ относится недатирован-

⁷³ Виноградов И.А. Летопись жизни и творчества Н.В. Гоголя (1809–1852). Т. 6. С. 214.

⁷⁴ Там же. С. 207.

⁷⁵ Там же. Т. 5. С. 874, 877.

⁷⁶ Там же. Т. 6. С. 53.

⁷⁷ Там же. Т. 5. С. 686.

⁷⁸ Там же. С. 834.

⁷⁹ Там же. Т. 6. С. 227–228.

⁸⁰ Там же. Т. 7. С. 135.

ная записка Гоголя к С.П. Шевыреву, неточно отнесенная П.А. Кулишом⁸¹, В.И. Шенроком⁸² и А.Н. Михайловой⁸³ к концу 1851 г.

32

Еще одна ошибочная датировка гоголевского письма связана с неудачным визитом А-ра Мих. Марковича к Гоголю, в дом графа А.П. Толстого. После того как Марковича не приняли, Гоголь отправил ему записку с просьбой навестить его: «Вашу фамилию мне переврали. Я сижу больной и не могу видеть многих, но вас бы принял и с удовольствием побеседовал бы». В.И. Шенрок⁸⁴ и вслед за ним А.Н. Михайлова⁸⁵ без объяснений отнесли записку к 1850 г. Между тем Маркович приехал в Москву в ноябре 1848 г. (см. выше), а уже в начале апреля 1849 г. покинул ее (см. письмо Гоголя к Марковичу от 1 июля 1849 г. в с. Сварково Черниговской губернии, а также предложенное ниже обоснование даты отправления прощального письма Гоголя к Марковичу от 3 апреля 1849 г.). Записка, вероятно, относится к январю 1849 г., поскольку в письме Гоголя к А.С. Данилевскому от января того же года (переданного тогда Марковичу для отправления на родину⁸⁶) писатель тоже жалуется на здоровье: «Начинаю кое-как свыкаться с климатом, хотя не без простуд и насморков». Позднее, 25 февраля 1849 г., Гоголь сообщал Данилевскому: «Прости меня, я, кажется, огорчил тебя моим прежним письмом. <...> ...Может быть, болезнь, в которой я находился тогда (от которой еще не вполне освободился и теперь), ожесточила мои строки...»

33

Для короткой записки Гоголя к графу В.А. Соллогубу были предложены две даты: «На масленице 1849 или 1850 г.» (В.И. Шенрок)⁸⁷; «Четверг, 10 февраля 1849 или 2 марта 1850. Москва» (А.Н. Михайлова)⁸⁸. Текст записки гласит: «Завтра, т.е. в пятницу, около 5 часов, гр<аф> Толстой ждет вас к блинам. А с ним вместе и я». Основанием для уточнения датировки — 10 февраля 1849 г. — служит то, что Соллогуб был в Москве именно в феврале этого года⁸⁹.

⁸¹ <Гоголь Н.В.> Соч. и письма Н.В. Гоголя. Изд. П.А. Кулиша. Т. 6. С. 550–551.

⁸² <Гоголь Н.В.> Письма Н.В. Гоголя. Ред. В.И. Шенрока. Т. 4. С. 419.

⁸³ Гоголь Н.В. Полн. собр. соч.: В 14 т. Т. 14. С. 265, 438.

⁸⁴ <Гоголь Н.В.> Письма Н.В. Гоголя. Ред. В.И. Шенрока. Т. 4. С. 315.

⁸⁵ См.: Гоголь Н.В. Полн. собр. соч.: В 14 т. Т. 14. С. 165, 407.

⁸⁶ Виноградов И.А. Летопись жизни и творчества Н.В. Гоголя (1809–1852). Т. 6. С. 241–242, 246.

⁸⁷ <Гоголь Н.В.> Письма Н.В. Гоголя. Ред. В.И. Шенрока. Т. 4. С. 235.

⁸⁸ Гоголь Н.В. Полн. собр. соч.: В 14 т. Т. 14. С. 172, 408.

⁸⁹ Виноградов И.А. Летопись жизни и творчества Н.В. Гоголя (1809–1852). Т. 6. С. 248–249, 267.

34

Апрелем 1849 или 1850 г. А.Н. Михайловой датировано пасхальное поздравление Гоголя, адресованное А-ру Мих. Марковичу⁹⁰. Однако послание не может быть отнесено к 1850 г., поскольку, как уже отмечалось, в этом году Марковича в Москве не было. По-видимому, письмо относится ко дню Пасхи 3 апреля 1849 г. (в этот день Гоголь отправил еще несколько пасхальных поздравлений: к матери и сестрам, к В.А. Жуковскому, к П.А. Плетневу) и связано с близким отъездом Марковича из Москвы на родину. В конце записки Гоголь замечает: «Впрочем, надеюсь если не сегодня, так завтра с вами повидаться».

35

Весной 1850 г. датировано В.И. Шенроком⁹¹ (и вслед за ним А.Н. Михайловой⁹²) объяснительное письмо Гоголя к графине Анне М. Виельгорской в Павлино по поводу его визита туда же 17 сентября 1848 г. Однако письмо определенно относится к весне 1849 г., т.е. написано в непродолжительное время после посещения Павлино (а не полтора года спустя).

Дата ответного письма Виельгорской неизвестна (письмо до нас не дошло), но сохранившийся ответ Гоголя имеет точное приурочение — он помечен 3 июня 1849 г. С учетом обычного времени обращения тогда писем между Москвой и Петербургом (и Павлино) это в целом позволяет предположительно датировать первое («объяснительное») письмо Гоголя к Виельгорской 24 мая 1849 г.: именно в этот день Гоголь написал в Павлино еще одно письмо — к сестре Анны Михайловны Виельгорской, графине С.М. Соллогуб (в тот же день он написал в Петербург и письмо к П.А. Плетневу). Содержание письма к Соллогуб определенно перекликается с содержанием послания к Виельгорской: «Скажу вам, что не один раз в это время я молил заочно и мысленно Анну Миха<й>ловну и вас молиться за меня крепко и крепко. <...> Одна небольшая весточка о том, что вы делаете теперь все в Павлине, одно описание дня вашего принесет мне много, много утешенья. Если бы вы знали, как вы все до единого стали теперь ближе моему сердцу, чем когда-либо прежде...»⁹³

36

В зависимости от датировки письма Н.Н. Шереметевой к Гоголю находится его ответная записка 1849 г.⁹⁴ следующего содержания: «Когда

⁹⁰ См.: *Гоголь Н.В.* Полн. собр. соч.: В 14 т. Т. 14. С. 176, 410.

⁹¹ <Гоголь Н.В.> Письма Н.В. Гоголя. Ред. В.И. Шенрока. Т. 4. С. 309–311.

⁹² См.: *Гоголь Н.В.* Полн. собр. соч.: В 14 т. Т. 14. С. 187, 413–414.

⁹³ Подробнее о цели визита Гоголя в Павлино 17 сентября 1848 г. см.: Виноградов И.А. Летопись жизни и творчества Н.В. Гоголя (1809–1852). Т. 6. С. 152–160.

⁹⁴ Гоголь Н.В. Полн. собр. соч.: В 14 т. Т. 14. С. 159, 405.

вам угодно. Мне всегда приятно на вас взглянуть. Берегите только свое здоровье и не выезжайте, когда погода дурна». Вероятно, ответ Гоголя вызван сообщением Шереметевой о намерении с ним встретиться: «Приезд внука⁹⁵ меня тут задержал. 8<-го> поеду в деревню, и не хочется оставить Москву, не взглянувши еще раз на вас». Записка Шереметевой помечена: «Воскресенье. Ноября 6». Хотя год отправления в послании не указан, однако на 6 ноября воскресный день приходился в 1849 г. Кроме того, как явствует из письма Шереметевой от 20 ноября 1848 г. (в ответ на письмо Гоголя от 26 октября 1848 г.), в ноябре 1848 г. ее в Москве не было. По-видимому, записку Гоголя следует приурочить к тому же числу — 6 ноября 1849 г.

37

Ко времени отъезда Шереметевой из Москвы, 8 ноября 1849 г. (см. выше), вероятно, относится еще одна записка к ней Гоголя, приблизительно датированная А.Н. Михайловой этим годом («1849. Москва»)⁹⁶: «Очень сожалею, что не видал вас. Когда вы были у меня, тогда я был у обедни, не думая, что вы приедете в такое время. <...> Прощайте. Не забывайте меня по-прежнему ни дружескими письмами, ни молитвами»⁹⁷. Однако в то же время можно предположить, что это послание относится к концу марта — апрелю того же года, времени еще одного пребывания Шереметевой в Москве в 1849 г.⁹⁸

38

Недатированная записка Гоголя к С.П. Шевыреву, в которой он общается, что давно не видел приятеля и «в это время сильно расхворался» («да и теперь еще не совсем оправился»), отнесена П.А. Кулишом⁹⁹, а вслед за ним В.И. Шенроком¹⁰⁰ (а затем и А.Н. Михайловой¹⁰¹) к концу 1851 г. Однако более вероятно, что послание было написано в период болезни Гоголя после 3 февраля — не позднее 13 февраля 1850 г.¹⁰²

⁹⁵ Е.И. Якушкин. См. также письмо Шереметевой к Гоголю из с. Покровское Рузского уезда от 12 сентября 1848 г. (*Виноградов И.А.* Летопись жизни и творчества Н.В. Гоголя (1809–1852). Т. 6. С. 148–149).

⁹⁶ *Гоголь Н.В.* Полн. собр. соч.: В 14 т. Т. 14. С. 159, 405.

⁹⁷ См.: *Виноградов И.А.* Летопись жизни и творчества Н.В. Гоголя (1809–1852). Т. 6. С. 395.

⁹⁸ Там же. С. 262, 301.

⁹⁹ <*Гоголь Н.В.*> Соч. и письма Н.В. Гоголя. Изд. П.А. Кулиша. Т. 6. С. 550.

¹⁰⁰ <*Гоголь Н.В.*> Письма Н.В. Гоголя. Ред. В.И. Шенрока. Т. 4. С. 417.

¹⁰¹ *Гоголь Н.В.* Полн. собр. соч.: В 14 т. Т. 14. С. 265, 438.

¹⁰² *Виноградов И.А.* Летопись жизни и творчества Н.В. Гоголя (1809–1852). Т. 6. С. 436–437.

39

Довольно приблизительно и опять-таки ошибочно датирована связанная с предыдущей записка Гоголя к С.П. Шевыреву, где он вновь упоминает о своей болезни: «Как ни хочется тебя видеть, но лучше побережись. По вечерам особенно мне нехорошо выезжать. Раз было попробовал, но простудился опять. Теперь хоть и лучше, но всё еще не пришел в обыкновенное состояние». Записка помечена: «Четверг». А.Н. Михайлова сопроводила записку указанием: «Зима 1848/49 или 1851/52. Москва»¹⁰³.

Однако ни к зиме 1848/49, ни к зиме 1851/52 г. записка не относится. Судя по всему, она представляет собой ответ Гоголя на приглашение Шевырева на вечер 24 февраля 1850 г., на котором А.Н. Островский читал свою комедию «Банкрот» («Свои люди — сочтемся»)¹⁰⁴. (Ранее, 3 декабря 1849 г., Гоголь уже слушал эту комедию на вечере у М.П. Погодина¹⁰⁵.) Гоголь извещает Шевырева, что «простудился опять», вероятно, подразумевая под этим свою болезнь в первой половине февраля 1850 г., о которой он тогда же писал Шевыреву (см. выше). Сообщает также, что теперь ему «лучше» («но всё еще не пришел в обыкновенное состояние»). Об этом же на следующий день, в пятницу 24 февраля 1850 г., С.Т. Аксаков сообщал сыну Ивану: «Гоголь <...> опять занемог... <...> вчера ему стало лучше»¹⁰⁶. Следовательно, записку следует датировать *четвергом* 23 февраля 1850 г.

40

К весне 1849 г. В.И. Шенрок¹⁰⁷ и вслед за ним А.Н. Михайлова¹⁰⁸ ошибочно отнесли письмо Гоголя к матери, начинающееся словами: «Я получил ваше большое и весьма обстоятельное письмо, почтеннейшая и добрейшая матушка». П.А. Кулишом это письмо было, однако, датировано 1850 г.¹⁰⁹ Датировка Кулиша более соответствует содержанию письма. Показательно, что в другом письме к родным того времени, от середины апреля 1850 г. (см. ниже), Гоголь благодарит сестру Анну за исполнение просьбы о насаждении садовых деревьев, изложенную

¹⁰³ Гоголь Н.В. Полн. собр. соч.: В 14 т. Т. 14. С. 272.

¹⁰⁴ Виноградов И.А. Летопись жизни и творчества Н.В. Гоголя (1809–1852). Т. 6. С. 450.

¹⁰⁵ Там же. С. 403–408.

¹⁰⁶ Виноградов И.А. Летопись жизни и творчества Н.В. Гоголя (1809–1852). Т. 6. С. 450.

¹⁰⁷ <Гоголь Н.В.> Письма Н.В. Гоголя. Ред. В.И. Шенрока. Т. 4. С. 253.

¹⁰⁸ Гоголь Н.В. Полн. собр. соч.: В 14 т. Т. 14. С. 129, 395.

¹⁰⁹ <Гоголь Н.В.> Соч. и письма Н.В. Гоголя. Изд. П.А. Кулиша. Т. 6. С. 521.

в настоящем письме. Содержащееся тут же обещание прислать сестре «семян огородных овощей» Гоголь тоже выполнил во второй половине апреля 1850 г. (см. его письмо к сестрам Анне и Ольге от середины апреля и письмо к матери и сестрам около 23 апреля 1850 г.). О работах сестры Анны в саду «вместе с племянником» Гоголь, в свою очередь, упоминает в тех же апрельских письмах 1850 г. (О привлечении племянника Н.П. Трушковского к садовым занятиям Гоголь впервые упомянул в письме к матери от 4 июля 1849 г., что тоже не позволяет отнести комментируемое письмо к весне 1849 г.) Письмо следует датировать первой половиной марта 1850 г.

41

Так же ошибочно отнесено к весне 1849 г.¹¹⁰ короткое послание Гоголя к матери, в котором он извещает, что «семена» для огорода вскоре доставит ей И.О. Петрашевский. Послание это находится в тесной связи с предшествующим письмом, где сообщалось о предполагаемой присылке «семян огородных овощей». Его следует датировать серединой марта 1850 г.

42

Общей ошибкой П.А. Кулиша¹¹¹, В.И. Шенрока¹¹², А.Н. Михайловой¹¹³ является датировка письма Гоголя к матери и сестрам Анне и Ольге, начинающегося пасхальным приветствием: «Христос Воскресе! Наконец получил от вас письма». Письмо было ошибочно отнесено исследователями к 1849 г. Имеются основания датировать его годом позже.

В письме говорится о тяжелом материальном положении Васильевки, о котором Гоголь только что узнал из полученных от родных писем. По-видимому, именно это известие вскоре, во второй половине апреля 1850 г. (между 23 и 27 числами), побудило Гоголя обратиться к П.А. Плетневу с просьбой прислать из Петербурга оставшиеся у того деньги: «Дела матери моей и сестер от неурожаев и голодов пришли в такое расстройство, <...> что я принужден собрать всё, какое у меня еще осталось имущество, и спешить сам к ним на помощь. Потрудись взять из ломбарда последний оставш<ийся> мой билет на 1168 руб<лей> серебром...»

¹¹⁰ Гоголь Н.В. Полн. собр. соч.: В 14 т. Т. 14. С. 131, 395.

¹¹¹ <Гоголь Н.В.> Соч. и письма Н.В. Гоголя. Изд. П.А. Кулиша. Т. 6. С. 483.

¹¹² <Гоголь Н.В.> Письма Н.В. Гоголя. Ред. В.И. Шенрока. Т. 4. С. 246.

¹¹³ Гоголь Н.В. Полн. собр. соч.: В 14 т. Т. 14. С. 113, 390.

Кроме того, в письме в Васильевку Гоголь вновь упоминает о работах в саду старшей сестры Анны и племянника Коли (см. выше обоснование датировки письма Гоголя к матери от первой половины марта 1850 г.).

Послание следует датировать серединой апреля 1850 г.

43

К марту-апрелю 1850 г. А.Н. Михайлова¹¹⁴ отнесла письмо Гоголя к сестре Елисавете, в котором он просит и ее (как ранее сестру Анну) принять участие в работах на огороде: «Хоть ты и пишешь, милая сестра Елисавета, что у тебя, куча занятий, но все-таки будет недурно, если ты сверх этой кучи возьмешь на себя хоть одну грядочку...» Кроме того, Гоголь упоминает в письме о неудаче «насчет помещенья» в сиротский институт воспитанницы Гоголей Эмилии Ващенко¹¹⁵, об устройстве которой в это петербургское заведение он хлопотал в течение года, с февраля 1849 по февраль 1850 г.¹¹⁶ По-видимому, письмо к сестре Елисавете было отправлено одновременно с письмом к матери и сестрам Анне и Ольге в середине апреля 1850 г.

44

Особого внимания заслуживает новая датировка письма Гоголя из Одессы в Москву к цензору В.Н. Лешкову по поводу переиздания своих сочинений в четырех томах. А.Н. Михайлова ошибочно полагала, что послание было написано в Москве летом 1851 г.¹¹⁷ Этому предположению определенно противоречат данные о службе Лешкова. Профессор Московского университета Василий Николаевич Лешков (1810–1881) исполнял должность цензора Московского цензурного комитета с 21 января 1847 г. до 17 ноября 1850 г.¹¹⁸ (в частности, был цензором «Москвитянина»). 28 ноября 1850 г. С.П. Шевырев, отвечая на предложение Гоголя в письме от 7 ноября 1850 г. отдать экземпляр собрания сочинений 1842 г. Лешкову, сообщал: «С будущего года новые цензоры. Лешков из цензоров выходит, потому что, по новому уставу, профессор цензором

¹¹⁴ Там же. С. 175, 410. См. также: <Гоголь Н.В.> Письма Гоголя. Примеч. В. Гиппиуса, Л. Пономарева, С. Дурьлина и Г. Залкинда // *Н.В. Гоголь*. Материалы и исследования. Под ред. В.В. Гиппиуса. М.; Л., 1936. Т. 1. С. 119 (коммент. В.В. Гиппиуса).

¹¹⁵ *Виноградов И.А.* Летопись жизни и творчества Н.В. Гоголя (1809–1852). Т. 5. С. 230.

¹¹⁶ Там же. Т. 6. С. 246, 377, 401, 438.

¹¹⁷ *Гоголь Н.В.* Полн. собр. соч.: В 14 т. Т. 14. С. 244, 430.

¹¹⁸ *Гринченко Н.А., Патрушева Н.Г.* Цензоры Москвы, 1804–1917 (аннотированный список) // Новое литературное обозрение. 2000. № 44. С. 425.

быть не может». Ответ на это письмо Шевырева Гоголь отправил 15 декабря 1850 г. Извещенный о том, что Лешков «из цензоров выходит», он в то время уже не стал бы обращаться к этому цензору. Поэтому его письмо к Лешкову следует датировать «одесским» периодом после 7 ноября до начала декабря 1850 г.

45

Второй половиной 1851 г. было приблизительно датировано А.Н. Михайловой¹¹⁹ письмо Гоголя в Рим к А.А. Иванову (ответ на письмо художника от 8/20 мая 1851 г.). Уточнить датировку позволяет упоминание в начале письма о Н.П. Боткине, с которым Гоголь передает письмо: «Николай Петрович Ботки<н> передаст вам мой поцелуй, многолюбимый мною Александр Андре<ев>ич». Боткин отправлялся из Москвы в Рим через Петербург, где 18 августа 1851 г. соответствующее письмо к Иванову в Рим передал ему также Ф.И. Иордан¹²⁰. На этом основании гоголевское письмо к Иванову следует отнести к концу июля — началу августа 1851 г.

46

Приблизительно к концу 1851 г. А.Н. Михайлова¹²¹ отнесла, вслед за П.А. Кулишом¹²² и В.И. Шенроком¹²³, следующую недатированную записку Гоголя к С.Т. Аксакову: «Поздравляю вас от всей души, что же до меня, то хотя и не могу похвалить<ся> тем же, но если Бог будет милостив и пошлет несколько деньков, подобных тем, какие иногда удаются, то, может быть, и я как-нибудь управлюсь».

Свидетельства Аксаковых позволяют точно датировать записку Гоголя. По-видимому, послание написано 7 ноября 1851 г. В этот день Гоголь побывал на «новоселье» О.Сем., И.С., В.С. и Н.С. Аксаковых, снявших флигель в доме П.А. Серединской на Арбате, в Николо-Песковском переулке. На следующий день, 8 ноября 1851 г., В.С. Аксакова сообщала М.Г. Карташевской: «Вчера перебивали у нас все родные и знакомые. Кошелева и Гоголь сидели вечер... <...> Отесенька очень прилежно занимается своими записками¹²⁴ и подстрекает Гоголя»¹²⁵.

¹¹⁹ Гоголь Н.В. Полн. собр. соч.: В 14 т. Т. 14. С. 263, 437.

¹²⁰ См.: Виноградов И.А. Летопись жизни и творчества Н.В. Гоголя (1809–1852). Т. 7. С. 121.

¹²¹ Гоголь Н.В. Полн. собр. соч.: В 14 т. Т. 14. С. 264, 438.

¹²² <Гоголь Н.В.> Соч. и письма Н.В. Гоголя. Изд. П.А. Кулиша. Т. 6. С. 550.

¹²³ <Гоголь Н.В.> Письма Н.В. Гоголя. Ред. В.И. Шенрока. Т. 4. С. 417.

¹²⁴ Имеются в виду «Записки ружейного охотника Оренбургской губернии».

¹²⁵ Виноградов И.А. Летопись жизни и творчества Н.В. Гоголя (1809–1852). Т. 7. С. 187.

Поскольку отец Аксаковой, Сергей Тимофеевич, находился в то время в подмосковном имении Радонежье (Абрамцево), то, очевидно, Вера Сергеевна имела в виду одно из тогдашних несохранившихся писем ее отца к Гоголю. На одно из таких писем С.Т. Аксакова Гоголь отвечал около 17 октября 1851 г. Однако в письме от 8 ноября 1851 г. В.С. Аксакова, по-видимому, имеет в виду другое письмо ее отца, на которое и откликнулся тогда Гоголь. (Вскоре, 9 ноября, О.Сем. и В.С. Аксаковы уехали из Москвы в Радонежье и, вероятно, тогда же привезли С.Т. Аксакову ответную записку Гоголя.)

Племянник Гоголя Н.П. Трушковский, издатель посмертного собрания его сочинений, впервые опубликовавший в 1855 г. записку Гоголя¹²⁶, полагал, что она написана «незадолго уже до кончины»¹²⁷ писателя. Однако, поясняя письмо, Трушковский, который познакомился с В.С. Аксаковой в декабре 1854 г.¹²⁸ (а также общался с нею в марте 1855 г.¹²⁹), почти повторяет выражения приведенного выше ее письма к Карташевской от 8 ноября 1851 г.: «Для объяснения этой записки <Гоголя>, надобно сказать, что Гоголь и С.Т. Аксаков сделали между собою условие, чтобы Гоголь приготовил осенью 1851 года к печати 2-й том “Мертвых душ”, а Г<н> А<ксаков> — свои “Записки Ружейного Охотника”, и чтобы зимою вместе начать их печатание. Г<н> А<ксаков> кончил свою работу¹³⁰ и, желая подстрекнуть Гоголя, уведомил его об этом немедленно и получил в ответ вышеприведенную записку»¹³¹. (Ср. выше в письме Аксаковой: «Отесенька очень прилежно занимается своими записками и *подстрекает* Гоголя».)

Предложенная датировка записки Гоголя подтверждается также свидетельствами С.Т. Аксакова. Хотя на подлиннике письма имеется его помета: «Конец 1851», — однако в своих мемуарах Аксаков относил письмо Гоголя к осени 1851 г. 12 июня 1852 г. он писал матери Гоголя

¹²⁶ Трушковский Н. От издателя // <Гоголь Н.В.> Сочинения Николая Васильевича Гоголя, найденные после его смерти / Похождения Чичикова, или Мертвые души. Поэма Н.В. Гоголя. Том второй (5 глав). М., 1855. С. VI.

¹²⁷ Там же. С. V–VI.

¹²⁸ Виноградов И.А. Летопись жизни и творчества Н.В. Гоголя (1809–1852). Т. 6. С. 367.

¹²⁹ См.: Кулиш П.А. Листи до М.Д. Білозерського. Упорядкування, вступна стаття й коментарі О. Федорука. Львів; Нью-Йорк, 1997. С. 201; Виноградов И.А. Первый биограф Гоголя // Кулиш П.А. Записки о жизни Николая Васильевича Гоголя, составленные из воспоминаний его друзей и знакомых и из его собственных писем / Изд. подгот. И.А. Виноградов. М., 2003. С. 41.

¹³⁰ Несколько месяцев спустя, 9 января 1852 г., Аксаков даже сообщал Гоголю, что отправил первую половину «Записок ружейного охотника...» в Москву, «чтобы цензуровать и печатать», обещая прислать через неделю «остальную половину» (см.: Виноградов И.А. Летопись жизни и творчества Н.В. Гоголя (1809–1852). Т. 7. С. 227).

¹³¹ Трушковский Н. От издателя. С. VI.

в Васильевку: «Гоголь хотел непременно еще осенью побывать у нас¹³²; [но уже не собрался] но не вдруг собрался, а потом захватила осенняя погода. Между тем бодрость к нему воротилась и он писал ко мне, что работает успешно (имеется в виду письмо Гоголя к С.Т. Аксакову от октября 1851 г. — *И.В.*). В одном письме (подразумевается комментируемое письмо. — *И.В.*) даже говорит, что если б Бог дал ему еще таких денька два-три, то второй том был бы готов. Мы переписывались довольно часто. Я подстрекал его тем, что мои *Записки ружейного охотника* скоро будут готовы: Гоголь отвечал весело, что от меня не отстанет (имеется в виду письмо Гоголя к С.Т. Аксакову от 20 сентября 1851 г. — *И.В.*). — Но это продолжалось недолго»¹³³.

В 1854 г. С.Т. Аксаков в адресованном П.А. Кулишу «Продолжении кратких сведений и выписок из писем для биографии Гоголя» повторял: «В продолжение октября и ноября Гоголь, вероятно, чувствовал себя лучше и мог успешно работать, что доказывается несколькими его записками. В одной из них (от октября 1851 г. — *И.В.*), между прочим, он писал: “Слава Богу за все. Дело кое-как идет. Может быть, оно и лучше, если мы прочитаем друг другу зимой, а не теперь. Теперь время еще какого-то беспорядка, как всегда бывает осенью, когда человек возится и выбирает место, как усесться, а еще не уселся...” Следующие слова из другой записки показывают, что Гоголь был доволен своей работой: “...Если Бог будет милостив и пошлет несколько деньков, подобных тем, какие иногда удаются, то, может быть, я как-нибудь управлюсь”»¹³⁴.

47

К концу октября — началу ноября 1850 г., т.е. ко времени проживания Гоголя в Одессе, ошибочно отнесено В.В. Гиппиусом¹³⁵ (а затем А.Н. Михайловой¹³⁶) гоголевское письмо к сестре Анне, в котором он пеняет ей на непослушание: «Я не сержусь на тебя и даже не удивляюсь твоему отъезду, потому что ты еще ни одного разу меня не послушалась».

Вопреки предположениям исследователей письмо следует датировать целым годом позднее, а именно 8 ноября 1851 г., когда Гоголь отправил из Москвы в Кагорлык (Киевской губернии) письмо, адресо-

¹³² В Радонежье (Абрамцево).

¹³³ *Аксаков С.Т.* Выписка слово в слово из моих кратких заметок <о Гоголе>. <Письмо к М.И. Гоголь-Яновской>. 12 июня 1852 года // *Виноградов И.А.* Гоголь в воспоминаниях, дневниках, переписке современников. Т. 2. С. 626.

¹³⁴ *Аксаков С.Т.* Продолжение кратких сведений и выписок из писем для биографии Гоголя. <1845–1852 гг.> <Письмо к П.А. Кулишу> <Июль-октябрь 1854> // *Виноградов И.А.* Гоголь в воспоминаниях, дневниках, переписке современников. Т. 2. С. 654.

¹³⁵ <*Гоголь Н.В.*> Письма Гоголя. С. 121.

¹³⁶ *Гоголь Н.В.* Полн. собр. соч.: В 14 т. Т. 14. С. 207, 420–421.

ванное только что вышедшей тогда замуж сестре Елисавете и ее мужу В.И. Быкову. В отправленном одновременно с этим посланием письме к сестре Анне Гоголь выговаривает ей на неисполнение его пожелания, которое он высказал за месяц перед тем, в письме от 3 октября 1851 г., — остаться с матерью в Васильевке (а не ехать с сестрой в Кагорлык): «А ты, милая сестра моя Анна, не поскучай своим пребыванием с матушкой в деревне» (письмо от 3 октября). Младшая сестра Гоголя Ольга, вспоминая об отъезде из Васильевки сестры Елисаветы с мужем, также замечала: «...Они уехали, и Аннет с ними, несмотря на то, что брат писал матери, чтобы никто из нас не ездил к ним; пусть они вдвоем хоть год проживут. Но Лиза просила Аннет ехать с ними, потому что еще не успела к мужу привыкнуть»¹³⁷. (В конце декабря 1851 г. в Кагорлык к молодым отправилась и сама М.И. Гоголь с дочерью Ольгой¹³⁸.)

48

Сентябрем 1851 г. традиционно датируется рекомендательная записка к М.П. Погодину, написанная Гоголем для П.В. Анненкова¹³⁹. В то время Анненков приступил к собиранию материалов к пушкинской биографии¹⁴⁰ и искал встречи с Погодиным. Автограф письма не датирован¹⁴¹. Н.П. Барсуков, впервые опубликовавший эту записку в 1897 г., отнес ее предположительно (без всяких объяснений) к сентябрю 1851 г.: «В сентябре 1851 года Гоголь писал Погодину...»¹⁴² Между тем еще в 1855 г., т. е. за сорок лет до Барсукова, сам Анненков в «Материалах для биографии А.С. Пушкина» сообщал, что его встреча с Гоголем, во время которой они разговаривали о Пушкине, произошла около конца ноября 1851 г.: «...Таково было обаяние личности поэта нашего <А.С. Пушкина>, что когда за три месяца до смерти Гоголя (т.е. в конце ноября 1851 г. — *И.В.*) составитель этих материалов напомнил ему о Пушкине, то мог видеть, как переменялась, просветлела и оживилась его физиономия...»¹⁴³ На этом основании записку Гоголя следует датировать концом ноября 1851 г.

¹³⁷ Виноградов И.А. Летопись жизни и творчества Н.В. Гоголя (1809–1852). Т. 7. С. 155.

¹³⁸ Там же. С. 211, 222, 260.

¹³⁹ Гоголь Н.В. Полн. собр. соч.: В 14 т. Т. 14. С. 253.

¹⁴⁰ «Материалы для биографии А.С. Пушкина» П.В. Анненкова составили первый том подготовленного им издания сочинений поэта (СПб., 1855–1857. Т. 1–7).

¹⁴¹ См.: РГАЛИ. Ф. 2819. Оп. 1. Ед. хр. 122. 2 л.

¹⁴² Барсуков Н.П. Жизнь и труды М.П. Погодина. В 22 кн. СПб., 1897. Кн. 11. С. 311.

¹⁴³ Анненков П.В. Материалы для биографии А.С. Пушкина // Виноградов И.А. Гоголь в воспоминаниях, дневниках, переписке современников. Т. 3. С. 417.

49

Временем «около 10 февраля» 1852 г. неточно датировано В.В. Гиппиусом¹⁴⁴ и А.Н. Михайловой¹⁴⁵ ответное письмо Гоголя к матери, вероятно, адресованное в Кагорлык, куда Мария Ивановна на время приезжала к вышедшей замуж дочери Елисавете (см. выше обоснование датировки письма Гоголя к сестре Анне 8 ноября 1851 г.). На то, что послание следует датировать 1852 г., указывает упоминание здесь о болезни матери (ее «воспалительностях в крови»), о предполагаемом «весеннем лечении травами», а также пожелание Гоголя матери «посоветоваться с хорошим доктором». По-видимому, не рассчитывая на то, что в Кагорлыке будут получены его письма к матери и к сестре Ольге, отправленные в Васильевку 22 декабря 1851 г. (письма эти действительно были получены М.И. Гоголь и ее младшей дочерью лишь по возвращении их вместе со старшей дочерью Анной из Кагорлыка¹⁴⁶), Гоголь в комментируемом письме повторяет пожелания в письме к младшей сестре от 22 декабря: «Я полагаю, что матушке полезно было весеннее лечение для перечистки крови и уменьшенья ее воспалительности. <...> Посоветуйся и спроси у какого-нибудь умного доктора» (письмо от 22 декабря). Далее, в письме от 2 февраля 1852 г. Гоголь писал, что давно уже не получал известий из дома. Следовательно, письмо, которое является ответом на послание матери, не могло быть написано ранее 2 февраля. С другой стороны, письмо, по-видимому, не могло быть отправлено и позднее 11 февраля 1852 г. (начало Великого Поста в 1852 г.: Гоголь упоминает о нем в письме). Датировать письмо следует, вероятно, 3–4 февраля 1852 г. Начиная с 5-го числа, когда Гоголь проводил о. Матфея Константиновского, гостившего в доме графа А.П. Толстого, настроение его меняется — он уже не думает о «трудах» и «обычных делах», упоминаемых в письме к матери¹⁴⁷.

50

Широким временным промежутком — с конца 1848 до начала 1852 г. — датирована А.Н. Михайловой¹⁴⁸ следующая записка Гоголя к С.Т. Аксакову: «Обнимаю вас заочно и очень жалею, что не могу об-

¹⁴⁴ <Гоголь Н.В.> Письма Гоголя. С. 123–124.

¹⁴⁵ Гоголь Н.В. Полн. собр. соч.: В 14 т. Т. 14. С. 271, 442.

¹⁴⁶ Свидетельство О.В. Гоголь-Головни (см.: *Виноградов И.А.* Летопись жизни и творчества Н.В. Гоголя (1809–1852). Т. 7. С. 222).

¹⁴⁷ *Виноградов И.А.* Летопись жизни и творчества Н.В. Гоголя (1809–1852). Т. 7. С. 269–272.

¹⁴⁸ Гоголь Н.В. Полн. собр. соч.: В 14 т. Т. 14. С. 272, 442.

нять лично. Напишите о себе иногда строчку». Можно предположить, что записка представляет собой прямой ответ Гоголя на столь же краткое письмо Аксакова из Радонежья (Абрамцево) от 11 февраля 1852 г.: «Зачем же вы хвораете, друг мой? Я третий день опять болен и начал лечиться земляничным корнем. Константин (старший сын Аксакова. — *И.В.*) уехал с тем, чтоб побывать у вас. Крепко вас обнимаю». «Заочные» объятия друзей стали последними.

Кроме перечисленных уточнений дополнительно отметим ошибочное указание места отправления одного из писем Гоголя. Имеется в виду письмо к К.М. Базили, генеральному консулу в Сирии и Палестине, сопровождаемое писателем пометой: «5 июня 1849 г.». А.Н. Михайлова добавила к этому авторскому указанию неверное уточнение: «Москва»¹⁴⁹. На самом деле письмо было написано не в Москве, а во время пребывания Гоголя в тот день вместе с М.П. Погодиным в Остафьево, подмосковном имении князя П.А. Вяземского. Тогда же — и там же — оно, видимо, и было передано Вяземскому, отправлявшемуся в то время в Константинополь¹⁵⁰.

Таким образом, соответствующее хронологическое приурочение получили следующие, по годам, пятьдесят писем Гоголя: по одному письму 1822, 1836, 1840–1841, 1842, 1843 и (одно) 1848 или 1851 гг., по два письма — 1838, 1841, 1844, 1845, 1848 и 1852 гг., три письма — 1837 г., четыре — 1851, пять — 1839, по шесть писем — 1849 и 1850 гг., семь писем — 1840 г.

¹⁴⁹ Там же. С. 133.

¹⁵⁰ Виноградов И.А. Летопись жизни и творчества Н.В. Гоголя (1809–1852). Т. 6. С. 310–311.

Литература

Виноградов И.А. Гоголь в воспоминаниях, дневниках, переписке современников. Полный систематический свод документальных свидетельств: В 3 т. М.: ИМЛИ РАН, 2011–2013. 904, 1031, 1168 с.

Виноградов И.А. Гоголь на пути в Рим в 1840 г. Из истории общения писателя с современниками // Гоголезнавчі студії. Вып. 4 (21). Ніжин, 2014. С. 12–18.

Виноградов И.А. Летопись жизни и творчества Н.В. Гоголя (1809–1852). С родословной летописью (1405–1808): В 7 т. М.: ИМЛИ РАН, 2017–2018. 736, 672, 672, 704, 928, 656, 640 с.

Виноградов И.А. Неузнанное произведение Гоголя // Духовная традиция в русской литературе: Сб. научных статей / Науч. ред., сост. Г.В. Мосалевой. Ижевск: Изд-во Удмуртского ун-та, 2013. С. 236–248.

Виноградов И.А. Первый биограф Гоголя // Кулиш П.А. Записки о жизни Николая Васильевича Гоголя, составленные из воспоминаний его друзей и знакомых и из его собственных писем / Изд. подгот. И.А. Виноградов. М.: ИМЛИ РАН, 2003. С. 3–81.

Гоголь Н.В. Полн. собр. соч. и писем: В 17 т. (15 кн.) / Сост., подгот. текстов и коммент. И.А. Виноградова, В.А. Воропаева. М.; Киев: Изд-во Московской Патриархии, 2009–2010. 664, 688, 680, 744, 816, 720, 968, 392, 488, 704, 592, 608, 624, 816, 936 с.

Гринченко Н.А., Патрушева Н.Г. Цензоры Москвы, 1804–1917 (аннотированный список) // Новое литературное обозрение. 2000. № 44. С. 409–433.

Дневник Софьи Борисовны Шевыревой. Подгот. к публ. и коммент. А.А. Горохова, пер. с фр. М.О. Ноздренко // Историческое образование. 2014. № 4. С. 177–191.

Кулиш П.А. Листи до М.Д. Білозерського. Упорядкування, вступна стаття й коментарі О. Федорука. Львів; Нью-Йорк, 1997. 224 с.

References

Dnevnik Sof'i Borisovny Shevyrevoi [Sophia Borisovna Shevyreva's diary], ed. and comment. by A.A. Gorokhov, transl. from French by M.O. Nozdrenko. *Istoricheskoe obrazovanie*, 2014, no. 4, pp. 177–191. (In Russ.)

Gogol' N.V. *Poln. sobr. soch. i pisem: V 17 t. (15 kn.)* [Complete works and letters in 17 vols. (15 books)], comp., ed. and comment. by I.A. Vinogradov, V.A. Voropaev. Moscow, Kiev, Moscow Patriarchy Publ., 664, 688, 680, 744, 816, 720, 968, 392, 488, 704, 592, 608, 624, 816, 936 p. (In Russ.)

Grinchenko N.A., Patrusheva N.G. Tsenzory Moskyvy, 1804–1917 (annotirovannyi spisok) [Moscow censors, 1804–1917 (annotated list)]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, 2000, no. 44, pp. 409–433. (In Russ.)

Kulish P.A. *Lysty do M.D. Bilozerskogo* [Letters to M.D. Bilozersky], comp., intro. and comment. by O. Fedoruk. Lviv, New York, 1997. 224 p. (In Russ., in Ukr.)

Vinogradov I.A. Gogol' na puti v Rim v 1840 g. Iz istorii obshcheniia pisatel'ia s sovremennikami [Gogol on his way to Rome in 1840. From the history of writer's

interaction with his contemporaries]. *Gogoleznavchi studii* [Studies on Gogol], iss. 4 (21). Nizhyn, 2014, pp. 12–18. (In Russ.)

Vinogradov I.A. *Gogol' v vospominaniakh, dnevnikakh, perepiske sovremennikov. Polnyi sistematicheskii svod dokumental'nykh svidetel'stv: V 3 t.* [Gogol in his contemporaries' memoirs, diaries and correspondence. Complete systematic set of documentary evidence, in 3 vols.]. Moscow, Institute of World Literature Publ., 2011–2013. 904, 1031, 1168 p. (In Russ.)

Vinogradov I.A. *Letopis' zhizni i tvorchestva N.V. Gogolia (1809–1852). S rodoslovnoi letopis'iu (1405–1808): V 7 t.* [Chronicle of life and work of N.V. Gogol (1809–1852). With the genealogic chronicle (1405–1808), in 7 vols.]. Moscow, Institute of World Literature Publ., 2017–2018. 736, 672, 672, 704, 928, 656, 640 p. (In Russ.)

Vinogradov I.A. Neuznannoe proizvedenie Gogolia [Unidentified work by Gogol]. *Dukhovnaia traditsiia v russkoi literature: Sb. nauchnykh statei* [The spiritual tradition in Russian literature: A collection of scholarly articles], ed., comp. by G.V. Mosaleva. Izhevsk: Udmurt University Publ., 2013, pp. 236–248. (In Russ.)

Vinogradov I.A. Pervyi biograf Gogolia [The first biographer of Gogol]. Kulish P.A. *Zapiski o zhizni Nikolaiia Vasil'evicha Gogolia, sostavlennye iz vospominanii ego druzei i znakomykh i iz ego sobstvennykh pisem* [Notes on the life of Nikolai Vasilyevich Gogol compiled from memoirs of his friends and acquaintances and from his letters], comp. by I.A. Vinogradov. Moscow, Institute of World Literature Publ., 2003, pp. 3–81. (In Russ.)

New dating of N.V. Gogol's fifty letters

© 2018, Igor Vinogradov

Abstract: The article is devoted to the objective reconstruction of Gogol's correspondence and biography. Dating of Gogol's fifty letters to different correspondents are corrected. Exceptionally significant cases of erroneous dating, from some months to several years, are presented. The article does not consider those cases when the dating differs on one or two days, when Gogol sends a letter the next or the second day after it is written. Letters from all periods of Gogol's life and creative work: seven letters of 1840, six of 1849 and 1850, five of 1839, four of 1851, three of 1837, two of 1838, 1841, 1844, 1845, 1848 and 1852, one of 1822, 1836, 1840–1841, 1842, 1843 and one of 1848 or 1851 received a new dating corresponding to reality. Numerous historical and archival materials, biographical information, memoirs and epistolary sources etc. are used for argumentation.

Keywords: Gogol, biography, creative work, epistolary heritage, dating, correspondents

Information about the author: Igor Vinogradov, Doctor Hab. of Philology, Chief Researcher, Gorky Institute of World Literature of Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia. E-mail: info@imli.ru

Citation: Vinogradov Igor. New dating of N.V. Gogol's fifty letters. *Literary fact*, 2018, no. 10, pp. 393–427

ИЗ ИСТОРИИ НАУЧНОЙ ЖИЗНИ

DOI 10.22455/2541-8297-2018-10-428-438

УДК 812.161.1

**«Тема Петербурга-Ленинграда для меня жизненная»:
Письма В.Н. Топорова к А.М. Конечному**

© 2018, А.М. Конечный

Аннотация: В работе приводятся письма Владимира Николаевича Топорова (1928–2005) к автору публикации. Они освещают отдельные эпизоды исследований «петербургского текста» русской культуры, начатых В.Н. Топоровым в 1970-е гг. Работы Топорова во многом воскресили и поставили на новое основание традицию изучения Петербурга в историко-культурном и литературном контексте. В письмах и комментариях говорится и о родоначальнике традиции Н.П. Анциферове.

Ключевые слова: История филологической науки, В.Н. Топоров, научный эпистолярный, «петербургский текст» русской культуры

Информация об авторе: Альбин Михайлович Конечный, старший научный сотрудник, Российский институт истории искусств, Санкт-Петербург, Россия. E-mail: ya.albin1935@yandex.ru

Цитирование: *Конечный А.М.* «Тема Петербурга-Ленинграда для меня жизненная»: Письма В.Н. Топорова к А.М. Конечному // Литературный факт. 2018. № 10. С. 428–438.

В процессе работы над статьей «Наблюдения над топографией “Преступления и наказания”» я прочел с огромным интересом публикацию (изящное исследование) В.Н. Топорова «О структуре романа Достоевского в связи с архаическими схемами мифологического мышления (Преступление и наказание)»¹ и ее тезисный вариант под заглавием «Поэтика Достоевского и архаические схемы мифологического мышления (“Преступление и наказание”)»².

Меня сразу заинтересовала личность автора. С вопросами обратился к москвичу Сергею Георгиевичу Бочарову (1929–2017), с которым по-

¹ Structure of texts and semiotics of Culture. Mouton: The Hague-Paris. 1973. P. 225–302.

² Проблемы поэтики и истории литературы (Сборник статей). Саранск, 1973. С. 91–109.

знакомился и сблизился в 1975 г. Оказалось, что Бочаров давно знаком с Владимиром Николаевичем и разделяет с ним особое отношение к Петербургу. От Бочарова узнал, что дома у Топорова висит план Петербурга, что Владимир Николаевич довольно часто приезжает в северную столицу, один бродит по избранным местам, читает и собирает все работы, связанные с городом.

Вероятно, от Бочарова я узнал адрес В.Н. и отправил ему второй выпуск «Этнография Петербурга-Ленинграда» (письмо от 7. XI. 88).

В 1989 г. мы получили разрешение выехать к сестре-близнецу Ксении Кумпан в Иерусалим. Лететь надо было из Москвы, и мы остановились в квартире Елеазара Моисеевича Мелетинского (1918–2005), который был женат на старшей сестре Ксаны — Елене Кумпан (1938–2013).

Накануне вылета (13 марта 1989 г.) я позвонил из квартиры Мелетинского Владимиру Николаевичу, долго говорил с ним и получил приглашение навестить его дома. Но у меня не хватило смелости и решительности познакомиться лично, мне казалось, что я еще не готов для серьезного разговора. О чем теперь очень жалею.

В письмах Владимир Николаевич отвечал на мои «мучительные вопросы»: о «понятии “Петербургского текста”», о происхождении термина «Северная Пальмира» и др.; по просьбе Ксении Кумпан, которая в это время занималась Жуковским, дарил свои публикации о поэте.

Возможно, у меня сохранились не все письма Владимира Николаевича, но после 1995 г. наша переписка прекратилась. Много позже я узнал, что Владимир Николаевич передал с моим приятелем письмо, в котором он благодарил меня за помощь в поиске могилы Федора Сологуба на Смоленском кладбище. Приятель письмо потерял и слишком поздно признался в этом, а я не смог ответить вовремя Владимиру Николаевичу, проявив тем самым свою необязательность и бестактность. За что, вероятно, и был наказан молчанием.

Довелось нам и своеобразно встретиться в любимой Италии (как-то В.Н. даже предлагал поехать на конференцию в Венецию). Мы вместе участвовали в издании «Быт Старого Петербурга», выпущенном итальянским журналом “Europa Orientalis” (1997. № 1-2). Владимир Николаевич выступил со статьей «Проза будней и поэзия праздника (“Петербургские шарманщики” Григоровича)», где сослался на мою работу «Петербургские общедоступные увеселительные сады в XIX веке», напечатанную годом ранее³. А я опубликовал материалы к библиографии «Быт и зрелищная культура Санкт-Петербурга — Петрограда XVIII — начало XX века».

³ Europa Orientalis. 1996. № 1. P. 37–50.

24 июня — 25 июля 2010 г. в Пушкинском Доме прошла выставка «Пространство города и слова. Петербургский текст Владимира Николаевича Топорова: история сотворения», «по материалам личного архива ученого, предоставленным наследниками В.Н. Топорова Т.В. и А.В. Топоровыми». И я увидел в витрине выставки мой злополучный план фрагмента Смоленского кладбища с указанием могилы Федора Сологуба (а найти ее тогда было не просто).

В буклете выставки помещены фотография Владимира Николаевича на Крестовском мосту, его высказывание о Петербургском тексте, а также отклики друзей-коллег:

«“Роман” Владимира Николаевича с Петербургом начался в 1951 г.[...] Петербург и был для В.Н. основным текстом, и он в буквальном смысле переписывал его, создавая *текст* города» (Т.В. Цивьян).

Владимир Николаевич «сотворил и выстроил собственный петербургский текст в большом цикле работ, запечатлевших то, что он сам назвал своим полувековым петербургским “романом” — исследовательским и душевным» (С.Г. Бочаров).

Потом был фуршет в башне Пушкинского Дома, и мы с Сергеем Бочаровым долго гуляли по крыше купола, всматриваясь в круговую панораму Петербурга белых ночей, предаваясь воспоминаниям, и так случилось, что это стало последней моей встречей с Бочаровым.

Как отметил Владимир Николаевич: «При обзоре авторов, чей вклад в создание Петербургского текста наиболее весом, бросаются в глаза две особенности: исключительная роль писателей — уроженцев Москвы (Пушкин, Лермонтов, Достоевский, Григорьев, Ремизов, Андрей Белый и др.) и — шире — не-петербуржцев по рождению (Гоголь, Гончаров, чей вклад в Петербургский текст пока не оценен по достоинству, Бутков, Вс. Крестовский, Г.П. Федотов и др.; строго говоря, не-петербуржцами по рождению были и Мандельштам и Ахматова), во-первых, и отсутствие в первом ряду писателей-петербуржцев вплоть до заключительного этапа (Блок, Мандельштам, Вагинов), во-вторых»⁴.

Однако, несомненно, особый вклад в формирование «Петербургского текста» принадлежит самому Владимиру Николаевичу.

«При всем желании быть сдержанным не могу не сказать, что тема Петербурга-Ленинграда для меня жизненная, т.е. несоизмеримо более важная, чем научно исследовательское занятие. И, как всё самое дорогое, она по разным причинам находит наименее адекватное выражение вовне. Но ее власть надо мной слишком велика» (письмо от 7. XI. 88).

⁴ Топоров В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического: Избранное. М, 1995. С. 277.

В.Н. Топоров. Фото из буклета выставки «Пространство города и слова. Петербургский текст Владимира Николаевича Топорова: история сотворения», 2010.

1.

7. XI. 88

Многоуважаемый Альбин Михайлович,

мне было очень приятно получить сборник «Этнография Петербурга-Ленинграда»-2¹ и потому что приобрести издание этого типа очень трудно, и потому что он интересен, и потому что этот Ваш любезный дар означает наше непосредственное, хотя и по-прежнему заочное знакомство.

При всем желании быть сдержанным не могу не сказать, что тема Петербурга-Ленинграда для меня жизненная, т.е. несоизмеримо более важная, чем научно исследовательское занятие. И, как всё самое дорогое, она по разным причинам находит наименее адекватное выражение вовне. Но ее власть надо мной слишком велика.

Уже поэтому я не мог пройти мимо работ, написанных Вами и Вашим соавтором К.А. Кумпан². Я их высоко ценю, и они близки мне по духу. Поэтому я уже и ранее всегда думал, что, если какой-нибудь вопрос по петербургской теме «замучает» меня до предела, у меня будет хотя бы теоретическая возможность обратиться к Вам. Из всего сказанного Вы поймете, почему Ваш шаг навстречу так важен для меня.

Я с интересом прочитал Вашу статью о Царском Селе. Из всех «около-петербургских» тем царскосельская мне наиболее близка, и я даже связал себя обязательством написать некий текст на эту тему для конференции о царскосельских поэтах, которая состоится в Дартмуте (США) осенью 1989 г. Слышали ли Вы о ней и хотели ли бы Вы участвовать в ней? Кажется, для этого есть возможности.

В связи с Царским Селом у меня к Вам есть один вопрос. Если он затруднителен для Вас, пренебрегите им. Вопрос связан с царскосельским поэтом В.А. Комаровским. Он умер 8 сентября 1914 г. (дата недокументирована) в психиатрической лечебнице. Я, к сожалению, никак не могу установить, хотя внимательно просматривал «Царскосельское дело» за 1914 г., где похоронен Комаровский (я предполагал, что на Казанском кладбище, но никаких подтверждений, как и опровержений, найти не смог), где могла быть эта психиатрическая лечебница³, почему «Царскосельское дело» никак не откликнулось на эту смерть, Если Вы что-нибудь знаете по этой теме, не откажите в любезности сообщить мне известное Вам.

С добрыми пожеланиями

В. Топоров

¹ Выпуск 2. Л., 1988, где опубликована моя статья «Общественные развлечения и городские зрелища в Царском Селе (XVIII — начало XX в.)» (см. ниже).

² Зная от самого Владимира Николаевича, что он читал все работы, связанные с Петербургом, можно предполагать, что речь идет о наших следующих совместных публикациях:

Наблюдения над топографией «Преступления и наказания» // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1976. № 2. С. 180–190; Александр Блок в воспоминаниях современников: В 2 т. М., 1980 (совместно с В.Н. Орловым); Письма Михаила Достоевского к отцу // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 1980. Л., 1981. С. 69–86; Александр Блок во Введенской гимназии // Александр Блок. Новые материалы и исследования. Литературное наследство. М., 1987. Т. 92. Кн. 4. С. 597–619.

Петербургской теме посвящены также мои статьи: Блок и театрально-литературные беседы («среды») Н.В. Дризена // Мир А. Блока. Блоковский сборник. [V]. Тарту. 1985. С. 74–87; Общество «Старый Петербург — Новый Ленинград». 1921–1938: По материалам Государственной публичной библиотеки им. М.Е. Салтыкова-Щедрина // Музей 7. М., 1987. С. 249–252.

³ Я многократно ездил в Пушкин (Царское Село), искал могилу В.А. Комаровского на Казанском кладбище (даже составил план захоронений писателей и поэтов), следы психиатрической лечебницы, но безрезультатно. В процессе работы над упомянутой выше статьей о Царском Селе просмотрел насквозь все номера «Царскосельского дела» с 1906 по 1914 гг., но не помню, чтобы там упоминался В.А. Комаровский.

2.

22. XI. 88

Дорогой Альбин Михайлович,

большое спасибо за письмо, за «Листки из дневника», за ахматовский план Царского Села¹ и первый выпуск «Этнографии Петербурга–Ленинграда»². Очень тронут Вашим вниманием ко мне и Вашей обязательностью. Рад буду оказаться полезным для Вас.

Что касается Дартмута, то этот вопрос, конечно, должны решить Вы сами. Судя по опыту последних двух-трех месяцев, *таким* и именно *туда* поездкам сейчас покровительствуют особо. Самый недавний пример — поездка всей группой, составляющей «ностратический семинар» (человек 10–12), в Америку³, подготовленная в кратчайший срок и без каких-либо ограничений или исключений. Во всяком случае, сейчас именно такая тенденция прослеживается отчетливо. Ссылку же на отсутствие у Вас «сюжета для выступления» отношу в основном на счет Вашей скромности, в этом случае, хочется думать, чрезмерной.

Понятие «петербургского текста»⁴, имплицитно присутствующее в работе «О структуре романа Достоевского в связи с архаическими схемами мифологического мышления» (в сб.: Structure of texts and semiotics of Culture. The Hague-Paris, 1973), явным образом присутствует в работе, которая тогда же, вдогонку предыдущей, была послана в издательство «Mouton» с тем, чтобы ею заменить первую. Эта работа называлась «Петербургский текст русской литературы...» и что-то связанное с Достоевским. Она была существенно полней той, что напечатана. Но, потерпев финансовый крах, «Mouton» не смог ее опубликовать и передал какому-то венгерскому издательству, где она и пролежала много лет, после чего была возвращена мне

примерно в то же время, когда была напечатана моя «петербургская» статья в Тарту. Кроме того, между 1972 и 1975 (?) годами где-то (установить пока не смог) были опубликованы мои тезисы с краткой мотивировкой понятия «Петербургского текста». Свою работу о «Петербургском тексте» после этого я не пытался где-либо опубликовать. Материал собран очень большой, и книгу надо писать, конечно, заново и более пространно. Но для этого нужны внешние возможности, во 1-ых, и полгода свободного времени, во 2-ых. Ни того, ни другого пока нет, хотя отказаться от этого замысла не хотелось бы.

Всего доброго Вашей жене (к сожалению, я не знаю ее отчество) и Вам.

Ваш — В. Топоров

¹ В Отделе рукописей ГПБ (ныне РНБ) по просьбе Владимира Николаевича я сделал выписки о Мандельштаме и Царском Селе из «Листков дневника» А. Ахматовой и скопировал план Царского Села.

² Первый выпуск (Л., 1987) сериального издания, основанного на материалах конференций в Институте этнографии АН, регулярно проводившихся с 1974 г.

³ Ностратические языки — макросемья языков, включающая ряд языковых семей Европы, Азии, Африки. Неформальный ностратический семинар работал при Институтах языкознания и востоковедения АН СССР (С.А. Старостин и др.); поездка группы советских ученых на конгресс в Мичиганский университет состоялась осенью 1988 г. (см. о ностратике тех лет: *Алпатов В.М.* Языковеды, востоковеды, историки. М., 2012, глава «Дойти до языка Адама»). — *Ред.*

⁴ Ответ на мой вопрос, в какой работе В.Н. Топоров впервые сформулировал понятие «петербургского текста». Вопрос вызван примечанием В.Н. в статье «Петербург и петербургский текст русской литературы (Введение в тему)» (в сб.: Семитика города и городской культуры. Петербург. Труды по знаковым системам XVIII. Тарту, 1984. С. 4–29): «Понятие “Петербургского текста” введено в более ранних работах автора (там же названы важнейшие элементы П. текста)» (С. 4). В переизданиях этой статьи Владимир Николаевич продолжает отсылать к своим «ранним работам»; ср. последнюю прижизненную (расширенную и дополненную; с датировкой 1971, 1993) публикацию в книге: *Топоров В.Н.* Миф. Ритуал. Символ. Образ. М., 1995. С. 259–366. Эту книгу мы получили с дарственной надписью: «Ксении Андреевне Кумпан и Альбину Михайловичу Конечному с глубоким уважением и добрыми пожеланиями. 1. IV. 95. В. Топоров».

3.

16. II. 90

Многоуважаемый Альбин Михайлович,

большое спасибо Вам за «Петербург и губернию» и за план Иерусалима¹. И то и другое очень порадовало меня. «Забвена буди десница моя, аще забуду тебе, Иерусалиме»². И город мне дорог в разных отношениях, и читал о нем всё, что мог достать, и — странная вещь — во мне нет того образа города, который был бы убедителен для меня самого, и дело здесь не только в том, что я не видел города лично (в других случаях это не мешает). Поэтому с планом, Вами присланным, я связываю многое.

Был бы рад оказаться полезным Вам.
Всего доброго Вам и Вашей жене.
Мой поклон Наталии Васильевне³.

Ваш — В. Топоров.

¹ Речь идет о сборнике: Петербург и губерния: Историко-этнографические исследования. Л.: Наука, 1989, в котором помещены мои работы: Петербургские народные гулянья на масленой и пасхальной неделях. С. 21–52; Н.П. Анциферов — исследователь Петербурга. С. 154–161 (приложение: Библиография работ Н.П. Анциферова по Петербургу, градоведению и краеведению). — План Иерусалима я привез Владимиру Николаевичу в 1989 г. из поездки в Израиль.

² Пс. 136, 5.

³ Наталия Васильевна Юхнёва (1930–2013) — в эти годы главный научный сотрудник Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера); организатор ежегодных научных чтений, см. примеч. 2 к п. 2.

4.

11. I. 91

Многоуважаемый Альбин Михайлович,
большое спасибо за письмо и за «Ленинградскую топонимику»¹. Благодарю Вас также за «петербургско-итальянские» материалы². Не находя okazji, решаюсь все-таки послать свои работы, связанные с Жуковским³. Прошу Вас только вернуть, когда Вам будет это удобно, оттиск из «Slavica Hierosolymitana»⁴, так как это единственный из оставшихся у меня материалов. Из цикла работ о Жуковском у меня в полуготовом состоянии есть три работы — о Теоне и Эскине, Материалы к словарю Жуковского и о некоторых неопубликованных записях Жуковского из Рукописного отдела Публичной библиотеки⁵.

Статья о Сандуе опубликована в ежегоднике «Этимология 1985». М., 1988⁶.

Что касается «Северной Пальмиры», то удовлетворительного ответа на Ваш вопрос пока дать не могу⁷. По моим представлениям пик употреблений начинается в начале XX века, что совпадало бы с знакомством русской публики с «Южной Пальмирой» (ср. ряд публикаций в русской периодике).

Всего доброго Ксении Андреевне и Вам.

Ваш В. Топоров

¹ Городские имена сегодня и вчера: Ленинградская топонимика. — Л., 1990.

² У меня случайно сохранилась машинописная копия письма к В.Н. Топорову (12. XII. 90), в котором я благодарю В.Н. за присылку сборника тезисов симпозиума, посвященного профессору слависту Ettore Lo Gatto (1890–1983), «Италия и славянский мир» (М., 1990), где помещена публикация В.Н. «Италия в Петербурге» (С. 49–81). В ответ я отправляю В.Н. «маленький штрих к вечной теме “Италия–Петербург”», цитируя отрывок из письма Н.П. Анциферова к его ученику и другу Г.А. Штерну В этом письме (2. VI. 1956; хранится в домашнем архиве моего друга

Алексея Штерна) Анциферов делится впечатлениями от встреч с Альберто Моравиа и Этторе Ло Гатто: «После Москвы Моравиа съездил в Ленинград и от иностранной комиссии потребовал, чтобы ему во что бы то ни стало у букинистов достали “Петербург Достоевского” и “Душу Петербурга”. Достать не смогли. Обратились ко мне, и Министерство Культуры разрешило отдать дублетный экземпляр Музея Достоевского (в Москве. — А.К.). Позавчера Моравиа приехал к нам в Музей Достоевского и сказал, что не находит слов, чтобы высказать мне благодарность, что с моей книгой обошел Ленинград и что я ему открыл новый творческий метод Достоевского. Я отдал ему и рабочий экземпляр “Души Петербурга” и написал: “L’amore ke move соль e алтре стелле” (“Любовь, которая движет солнцем и другими созвездиями”. Заключительные слова “Божественной комедии” Данте), а под этим: “Душа человеческая стоит целого созвездия”. *Достоевский*. Моравиа задал мне трудный вопрос: “Почему такие книги не переиздаются?”. Директор Музея Достоевского напелся: “Они будут скоро переизданы!” Ложь во спасение. Очень интересна была встреча с профессором Римского университета Легато (так. — А.К.). Он сказал мне, что увидеть меня в Москве было его мечтой, что среди любимых книг его библиотеки “Душа Петербурга” и “Быль и миф”. Как это всё могло произойти?! Итак, “На мой закат печальный блеснула... (Слава) улыбкою прошальной”. На случай, если письмо мое будет читать тебе Алёша — цитату из Данте написал русскими буквами... Моравиа сказал, что “Петербург Достоевского” он везет в Рим, чтобы его перевести на итальянский язык и издать».

³ Владимир Николаевич прислал нам отски, подписанные автором, трех своих статей: К рецепции поэзии Жуковского в начале XX века. Блок — Жуковский: Проблема реминисценции // *Russian Literature*. 1977. Vol. IV. P. 339–372; «Сельское кладбище» Жуковского: К истокам русской поэзии // *Russian Literature*. 1981. Vol. X. P. 207–305; Младой певец и работное время (К истории одного образа в русской поэзии первой трети XIX века) // *Russian Poetics*. Columbus. 1983. P. 409–438.

⁴ Речь идет о статье В.Н. Топорова «Из исследований в области поэтики Жуковского» (*Slavica Hierosolymitana*. Jerusalem, [1977]. Vol. 1. P. 33–101).

⁵ В Вене скоро выходит моя книга «Пушкин и Голдсмит», где много внимания уделено переводу Жуковским «Опустевшей деревни» Голдсмита и отчасти Жуковскому и Пушкину в 1817 г. (Примеч. *В.Н. Топорова*). Работа «Пушкин и Голдсмит в контексте русской Goldsmithiana’ы (К постановке вопроса)»: *Wiener Slavistischer Almanach*. Wien, 1992. Sonderband 29. — 222 S.

⁶ Владимир Николаевич подарил нам отск (с инскриптом) своей публикации «К происхождению Сандуй» (Этимология 1985. М., 1988. С. 86–110). В этой статье автор аргументировано обосновывает, что «из возможных местоположений Сандуя нужно считать своего рода трехчленный “архипелаг” — Каменный, Елагин, Крестовский» (С. 95). От себя замечу, что в 1830-х годах три острова, составляющие своеобразное единство — Каменный, Елагин и Крестовский, получили имя собственное — Острова.

⁷ В письме к Владимиру Николаевичу (12. XII. 90) я спрашивал: «Меня давно мучает “Северная Пальмира”. Когда (и в связи с чем?) возникает этот термин и кто впервые ввел его в русскую литературу?»

5.

20. VII. 94

Многоуважаемый Альбин Михайлович,

большое спасибо за очередной выпуск «Этнографии Петербурга»¹. Я дорожу этим изданием, и то, что благодаря Вам у меня пока есть все, что

вышло, и радует меня и заставляет чувствовать себя должником. Мог ли бы я оказать Вам в чем-либо полезным?

Если я правильно понял, что Вас интересует, где напечатана моя статья о Мейстере Экардте, то могу сообщить название сборника — «Палеобалканистика и античность» М., 1989.

Всего доброго Ксении Андреевне и Вам.

В. Топоров

¹ Выпуск 3 (Л., 1994) с моей публикацией: К истории Гуманитарного отдела Петроградского научно-исследовательского экскурсионного института (1921–1924) (Приложение: Список докладов, обсужденных на заседаниях Гуманитарного отдела в 1921–1924 гг.). С. 50–63.

Литература

Конечный А. Быт и зрелищная культура Санкт-Петербурга — Петрограда XVIII — начало XX века: Материалы к библиографии // *Europa Orientalis*. 1997. № 1. P. 9–149.

Топоров В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического: Избранное. М.: Прогресс-Культура, 1995. 624 с.

Топоров В.Н. Петербургский текст русской литературы: Избранные труды. СПб.: Искусство–СПб., 2003. 616 с.

References

Konechnyi A. Byt i zrelischnaia kul'tura Sankt-Peterburga — Petrograda XVIII — nachalo XX veka: Materialy k bibliografii [Everyday life and the culture of performing art in St. Petersburg — Petrograd, 18th — early 20th centuries: Materials for a bibliography]. *Europa Orientalis*, 1997, no. 1, pp. 9–149. (In Russ.)

Toporov V.N. *Mif. Ritual. Simvol. Obraz: Issledovaniia v oblasti mifopoehticheskogo: Izbrannoe* [Myth. Ritual. Symbol: Mythopoetic studies: Selected works]. Moscow, Progress-Kul'tura Publ., 1995. 624 p. (In Russ.)

Toporov V.N. *Peterburgskii tekst russkoj literatury: Izbrannye trudy* [Petersburg text of Russian culture: Selected works]. St. Petersburg, Iskusstvo–SPb. Publ., 2003. 616 p. (In Russ.)

**“Petersburg-Leningrad is a vital topic for me”:
V.N. Toporov’s letters to A.M. Konechny**

© 2018, Albin Konechny

Abstract: Published herewith Vladimir Nikolaevich Toporov’s letters (1928–2005) to the author of the present paper, shed light on certain aspects of the studies devoted to the “Petersburg text” of Russian culture, undertaken by V.N. Toporov in the 1970s. Toporov’s works recreated the tradition of studying Petersburg against historical-cultural and literary context, and laid a new basis for it. The letters and comments mention the founder of the tradition — N.P. Antsiferov.

Keywords: History of philology., V.N. Toporov, scholarly correspondence, “Petersburg text” of Russian culture

Information about the author: Albin Konechny, senior research fellow, Russian Institute of Art History, St. Petersburg, Russia. E-mail: ya.albin1935@yandex.ru

Citation: Konechny Albin. “Petersburg-Leningrad is a vital topic for me”: V.N. Toporov’s letters to A.M. Konechny. *Literary fact*, 2018, no. 10, pp. 428–438

ЛИТЕРАТУРНЫЕ СПРАВОЧНИКИ И СЛОВАРИ

DOI 10.22455/2541-8297-2018-10-439-463
УДК 812.161.1

Факты жизни — факты литературы?

Обсуждаем «Летопись жизни и творчества
Александра Сергеевича Грибоедова. 1790–1829».
Сост. Н.А. Тархова. М.: Минувшее, 2017. 608 с.

Сост. М.В. Строганов

Аннотация: Коллективная работа посвящена обсуждению проблем биографии А.С. Грибоедова, выдвинутых новой летописью его жизни и творчества. Особое внимание привлекает проблема года рождения писателя и обусловленного этим его социального статуса (законнорожденность/незаконнорожденность), а также вытекающего из этого психологического состояния Грибоедова. В связи с обсуждением летописи авторы поднимают вопросы ее жанровой природы и структуры, что придает данному материалу общезначимый характер.

Ключевые слова: А.С. Грибоедов, биография, летопись жизни и творчества, незаконнорожденные дети в XIX в.

Информация об авторах: Марк Григорьевич Альтшуллер, кандидат филологических наук, почетный профессор, Питтсбургский университет, США. E-mail: altshul@pitt.edu

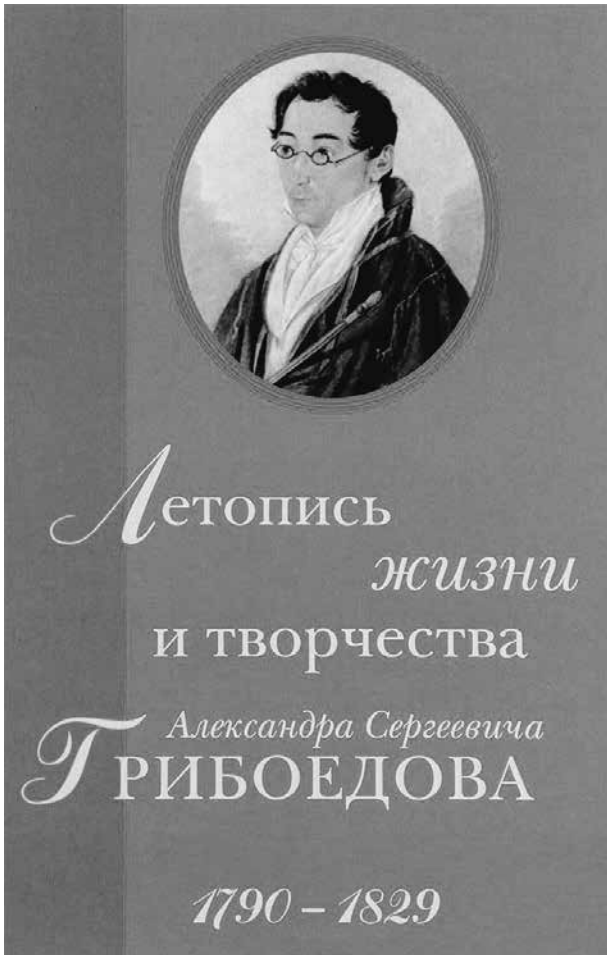
Сергей Николаевич Дмитриев, кандидат исторических наук, заслуженный работник культуры РФ, Москва, Россия. E-mail: sdmitriev07@bk.ru

Михаил Викторович Строганов, доктор филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН, Москва, Россия. E-mail: mvstroganov@gmail.com

Надежда Александровна Тархова, независимый исследователь, Москва, Россия. E-mail: speranza09@yandex.ru

Альбина Александровна Филиппова, кандидат филологических наук, заместитель генерального директора по научной работе, Государственный историко-культурный и природный музей-заповедник А.С. Грибоедова «Хмелита», Смоленская область, Россия. E-mail: alla.nauka@bk.ru

Цитирование: Факты жизни — факты литературы? Обсуждаем «Летопись жизни и творчества Александра Сергеевича Грибоедова. 1790–1829». Сост. Н.А. Тархова. М.: Минувшее, 2017. 608 с. // Литературный факт. 2018. № 10. С. 439–463

М.Г. Альтшуллер

Почтенный литературоведческий жанр «Летопись жизни и творчества имя рек» существует в русской культуре уже более столетия. Книги этого жанра являются незаменимыми пособиями для любой работы о деятельности и творчестве писателя. И отечественное литературоведение, к счастью, обладает летописями очень и очень многих писателей. Однако даже и на этом фоне, среди книг, созданных на высоком профессиональном уровне многими замечательными литературоведами, рассматриваемое издание отличается некоторыми важными особенностями.

Летопись как строго документальный жанр обычно ограничивается сообщением факта и указанием на источники, откуда этот факт получен. В Летописи Грибоедова многие события его биографии сопровождаются выделенными жирным шрифтом пространными комментариями составителя. Эти комментарии превращают сухое перечисление фактов в живой и увлекательный, строго документированный рассказ о жизни драматурга. Подробный авторский комментарий начинается уже с первой страницы. И в данном случае, как и в других, он абсолютно необходим.

Летопись в большинстве случаев начинается с четко фиксированной даты: тогда-то (год, месяц, число) родился имя рек. Не то с Грибоедовым. О дате его рождения уже не одно десятилетие спорят исследователи. Мне кажется, что Летопись Н.А. Тарховой ставит точку (или почти точку) в этом многолетнем споре. И дата, принятая в рассматриваемой книге, позволяет по-новому взглянуть на короткую и трагическую жизнь А.С. Грибоедова. Думается, что беглые заметки по этому поводу во вступлении «От составителя» и комментариев к первой дате могли бы быть более развернутыми. Автору вместо скромной ссылки на свои статьи следовало бы, пусть кратко, изложить всю аргументацию.

Я позволю себе прокомментировать точку зрения Н.А. Тарховой и факты биографии Грибоедова, связанные с датой его рождения.

Традиционно (по-видимому, по семейному преданию) считается, что Александр Грибоедов родился 4 января 1795 г. Так и писалось во всех документах до 1818 г. После этого сам Александр Сергеевич во всех послужных списках обозначал годом рождения 1790-й. Почему? Разумное объяснение этой странной путаницы Н.А. Тархова впервые дала в работах, предшествовавших появлению Летописи.

Настасья Федоровна и Сергей Иванович Грибоедовы (однофамильцы, принадлежавшие к разным ветвям фамилии) поженились в 1791 г. Следовательно, если их сын Александр родился в 1790-м, он был незаконнорожденным (бастардом). Таких незаконных отпрысков в России было довольно много. Положение их было тяжким. Как справедливо пишет автор Летописи, «при рождении незаконные дети приписывались либо к крепостным крестьянам отца, либо зачислялись в податное сословие (т.е. в свободные крестьяне или мещане, платившие подушную подать <...> подвергавшиеся телесным наказаниям)» (с. 9)¹.

Иногда знатные отцы проявляли о них некоторую заботу, оставляя им частички своих фамилий: Бецкий — Трубецкой, Пнин — Репнин, Остенек, знаменитый филолог Востоков, — Остен-Сакен, — давая образование (заквавшегося Остенека поместили в Академию художеств, полагая, что живописцу разговаривать не нужно). Самым знаменитым русским бастардом был В.А. Жуковский, и мы теперь знаем, каких трудов, обманов, денежных затрат стоило домашним добыть мальчику-полутурку приличный социальный статус².

Незаконное происхождение не было для окружающих тайной, а отцы за свои любовные похождения обществом не порицались. Матери же имели

¹ Здесь и далее указание на страницу Летописи дается в скобках в тексте.

² См.: *Глаголева О.Е., Фомин Н.К.* Незаконнорожденные дети в XVIII в.: новые материалы о получении В.А. Жуковским дворянского статуса // Отечественная история. 2002. № 6. С. 163–175.

обычно невысокое социальное положение и никого не интересовали. Случай Грибоедова (если мы принимаем гипотезу о его незаконном рождении) был совершенно иным. Его матерью была Анастасия Федоровна Грибоедова, знатная, богатая, родовитая. Рождение внебрачного ребенка у такой знатной девицы было невероятным скандалом. Естественно, его постарались тщательно скрыть скорым замужеством. Только так мог состояться в 1791 г., не будь на то особых причин, брак 23-летней (по тому времени почти старой девы) Анастасии с «человеком,— как справедливо пишет автор Летописи, — с репутацией и с состоянием Сергея Ивановича Грибоедова» (с. 9). Отец будущего драматурга (мы, конечно, никогда не узнаем, действительно ли Сергей Иванович был отцом Александра Сергеевича) был профессиональным картежником, без состояния и с отвратительной репутацией (с. 21).

Как уже говорилось, незаконные дети не скрывали свое происхождение. Все знали, что мать Жуковского была пленная турчанка Сальха. Пнин в защиту незаконнорожденных детей написал трактат «Вопль невинности, отвергаемой законами». Тайна рождения Грибоедова, ставившая под угрозу репутацию властной и влиятельной дамы, была известна, по всей вероятности, лишь близким друзьям.

В 1828 г. В.С. Миклашевич, хорошо знакомая и дружившая с Грибоедовым, жена его ближайшего друга А.А. Жандра, начала писать роман «Село Михайловское»³. Прототипом одного из главных героев этого романа, Валерия Рузина, стал вскоре погибший Грибоедов. Валерий Рузин — незаконный сын главного антагониста романа, вельможи Пенина, и год его рождения изменен матерью: «Матушка мне считает восемнадцать лет, но я не верю женской хронологии, я думаю, что *мне гораздо больше*» (курсив мой. — М.А.)⁴. Естественно полагать, что властная и энергичная Настасья Федоровна более всего была заинтересована в сокрытии года рождения своего незаконного сына.

Кстати, именно в 1795 г. «генваря 13 <...> у Сергея Ивановича Грибоедова родился сын Павел». Младенец, видимо, вскоре умер (Летопись, с. 23–24). Не назвала ли Настасья Федоровна 1795-й годом рождения Александра потому, что ее беременность в 1794 г. была очевидна и известна?

Сходную операцию проделал А.В. Виноградский, муж А.П. Керн. У них до свадьбы (28 апреля 1839 г.) родился сын Александр. Официальное бракосочетание родителей состоялось 25 июля 1842 г. После этого Виноградский подделал документы, и его сын родился на три года позже: 22 сентября 1842 г.⁵

Пушкин не принадлежал к близким друзьям Грибоедова, но какие-то слухи, наверное, до него доходили. В знаменитом некрологе («Путешествие в Арзрум») он пишет намеренно туманно, явно недоговаривая, о каких-то «сетях мелочных нужд и неизвестности», о жизни Грибоедова, «затемненной некоторыми облаками: следствие пылких страстей и *могучих обстоя-*

³ См.: *Фомичев С.* Грибоедов: Энциклопедия. СПб., 2007. С. 150–154; *Вацуро В.Э.* Грибоедов в романе В.С. Миклашевич «Село Михайловское» // А.С. Грибоедов. Творчество. Биография. Традиции. Л., 1977. С. 235–256.

⁴ Цит. по: *Вацуро В.Э.* Грибоедов в романе В.С. Миклашевич «Село Михайловское». С. 248.

⁵ *Строганов М.В.* Литературный быт как литературный факт. Дневник А.В. Маркова-Виноградского // Литературный факт. 2017. № 6. С. 33.

тельств» (курсив мой. — М.А.). Можно предположить, что имеется в виду именно тайна грибоедовского рождения.

Трагическая ситуация отложила отпечаток на всю жизнь Грибоедова, сформировала его сложный, скрытный, необщительный нрав. Пушкин говорит о его «меланхолическом характере и озлобленном уме». Спустя почти сто лет, читая комедию Грибоедова, зная о впечатлениях современников, другой гениальный поэт увидит в Грибоедове «неласкового человека с лицом холодным и тонким, ядовитого насмешника и скептика»⁶.

В значительной степени все служебные метания молодого Грибоедова (понукаемого нетерпеливой матерью) объясняются стремлением получить чин, дающий право на потомственное дворянство⁷. Летопись отмечает, как, оборвав учебу в Университетском благородном пансионе, юноша (в 1805 г. ему было не 10, а 15 лет!) поступает в Московский университет, который с 1804 г. давал возможность получать выпускникам чины от 12 до 8 класса — от губернского секретаря до коллежского асессора; обладатель последнего чина, который давала докторская степень, становился потомственным дворянином (с. 34).

Попутно в Летописи уточняется дата (1808) очень важного документа — первого известного письма (записки) Грибоедова, в котором он приглашает к себе на ужин нескольких друзей. Такое письмо, как справедливо отмечает автор Летописи,⁸ вряд ли мог написать 13-летний мальчик (другое дело — 18-летний юноша).

В июне 1808 г. Грибоедов получил звание кандидата словесности и вместе с ним чин губернского секретаря, 12-й класс. Чин был невелик, всего на две ступеньки выше самого младшего, 14-го класса, который имел станционный смотритель, «коллежский регистратор / Почтовой станции диктатор», «суший мучник четырнадцатого класса, огражденный своим чином токмо от побоев, и то не всегда» («Станционный смотритель», эпитафия из Вяземского). Всё же включение в Табель о рангах давало право на личное дворянство: первый шаг в привилегированное сословие был сделан.

Когда-то, еще в школе, нам рассказывали о двенадцатилетнем мальчике, получавшем одну за другой ученые степени кандидата словесности, кандидата прав, готовившегося к получению степени по математике⁹. Эти восторженные домыслы давно опровергнуты в специальной литературе, а теперь в Летописи мы можем проследить, как одаренный, прекрасно образованный юноша слушает разные лекции на различных факультетах, видимо, готовя себя к научной карьере, к получению докторской степени.

Начавшаяся война меняет планы: общее воодушевление захватывает и Грибоедова (возможно, он посчитал, что военное поприще открывает более быстрые перспективы), и он поступает на военную службу. Зачисление

⁶ Блок А.А. Собрание сочинений: В 8 т. М.: Л., 1962. Т. 5. С. 168.

⁷ Подобные проблемы спустя несколько десятилетий возникли и у А.А. Фета. Его усилия оказались менее успешными — планка получения потомственного дворянства всё время поднималась и оказалась практически недостижимой.

⁸ Тархова Н. К проблеме изучения биографии Грибоедова сегодня // Вопросы литературы. 2013. № 4. С. 130–150.

⁹ Ср., например: «...за шесть с половиной лет прошел курсы трех факультетов <...> и в 1812 году готовился к экзаменам на получение ученой степени доктора юридических наук» (Орлов Вл. Грибоедов: очерк жизни и творчества. 2-е изд., доп. М., 1954. С. 20–21).

в нерегулярный полк дает возможность получить офицерский чин сразу, без прохождения юнкерской стажировки (с. 62). Правда, стал он только корнетом (подпоручиком), хотя 12-й класс давал право на чин поручика.

Военная служба, однако, не задалась. В боевых действиях молодой корнет не участвовал и покинул армию, несмотря на все старания и просьбы о повышении (см. подробный рассказ: Летопись, с. 76, 78), тем же чином 12-го класса (с. 78). В этом же чине губернского секретаря 9 июня 1817 г. Грибоедов был принят на службу в Коллегию иностранных дел. Тогда же в июне были приняты на службу в Коллегию выпускники Царскосельского лицея А.С. Пушкин (коллежским секретарем, 10 класс) и в будущем ближайший друг Грибоедова В.К. Кюхельбекер (титularным советником, 9 класс). Оба были существенно моложе Грибоедова и уже выше чином. Карьера явно не удавалась. До потомственного дворянства было далеко. И становится понятным настойчивое стремление как можно скорее сделать служебную карьеру.

В этом отношении показательно известное письмо от 15 апреля 1818 г. к одному из самых близких друзей С.Н. Бегичеву. Грибоедов подробно рассказывает, как он соглашался поехать в Персию, только если ему дадут «два чина при назначении»¹⁰, т.е. повысят с 12 класса до 9-го, дадут чин титулярного советника (11 класс — корабельный секретарь — практически не существовал). Этот чин Грибоедов и получил 17 июля 1818 г. (с. 97). Однако самая главная фраза находится в конце письма. Из нее явствует, что получение титулярного советника есть лишь предпоследняя ступень к достижению важнейшей цели его жизни — потомственный дворянин или *ничто*: «...я решил быть коллежским ассессором или ничем» — и заканчивает письмо обращением к ближайшему другу, который, наверное, знает его тайну: «Степан, милый мой <...> как ты об этом судишь?»

Не может умный, талантливый человек делать целью своей жизни достижение, в сущности, невысокой ступеньки в бюрократической иерархии: или я майор, или никто. Все-таки Грибоедов не поручик Пирогов и не коллежский ассессор Ковалев, чтобы видеть смысл существования в Табели о рангах. Мы понимаем, *что* вызвало такое отчаянное признание, что значило для гениального бастарда занять, наконец, нормальное, устойчивое положение в той культурной среде, в которой он жил с самого своего рождения.

Видимо, Грибоедов считал, что после получения 9 класса — 8-й, вожденный, уже недалеко. И начиная с 17 июля он уже всегда указывает свой истинный возраст, что относит его рождение к 1790 г. (Летопись, с. 97–98). Однако желаемое совершилось не столь быстро: коллежского ассессора Грибоедов получил по ходатайству А.П. Ермолова только в январе 1822 г. (Летопись, с. 158, 159).

Ему было 32 года. Характер «меланхолический», ум скептический и достаточно «озлобленный» окончательно сложился. Известный консервативный писатель и дипломат А.С. Стурдза встретался с Грибоедовым в Министерстве иностранных дел в 1818 г. Он писал: «Светлый ум, *крутой нрав* (курсив мой. — М.А.) и сметливая физиономия Грибоедова полюбились мне»¹¹. Нрав действительно был «крутой». «Куруров не уступать ни под

¹⁰ Грибоедов А.С. Полное собрание сочинений: В 3 т. СПб., 2006. Т. III. С. 16–17.

¹¹ А.С. Грибоедов в воспоминаниях современников. М., 1980. С. 344.

каким видом», — пишет он И.Ф. Паскевичу 3 декабря 1828 г. и добавляет: «...я поставил себя здесь на такую ногу, что меня бояться и уважают. Дружбы ни с кем не имею и не хочу ее, уважение к России и ее требованиям — вот мне что нужно»¹². Думается, что этот «крутой нрав» сыграл свою роль в последовавшей через два месяца трагедии в Тегеране. Тогда же проявилась его «холодная и блестящая храбрость» и настигла смерть, «мгновенная и прекрасная» (Пушкин).

Я не буду рассматривать другие аспекты биографии Грибоедова, его общественные связи и культурные интересы, этапы его творчества (всё это тщательно зафиксировано в рассматриваемой книге) и позволю себе перейти к нескольким мелким замечаниям.

Фундаментальная работа подобного рода, естественно, не может избежать мелких неточностей и ошибок. Дело доброжелательного рецензента указать то, что он заметил. Итак.

С. 168, 190. Письмо В.И. Туманского к Кюхельбекеру. Очень важное упоминание Грибоедова: «злой дух в виде Грибоедова». Это письмо не Туманского, а Пушкина (!) и Туманского. Открытие сделано Ю.Н. Тыняновым. И как совместное письмо включено в академическое Полное собрание сочинений Пушкина. Непонятно, почему не вошло в «Переписку Пушкина» (М., 1982).

С. 192, 198. «Мнемозина» не журнал, а альманах (вышло 4 книги).

С. 198. Стихотворение «Давид» не открывает первую книгу альманаха «Мнемозина», а стоит на третьем месте, после повести В.Ф. Одоевского «Старики, или остров Панхаи» и отрывка из «Записок» Д.В. Давыдова.

С. 287. Второе издание «песнотворения» Семена Боброва вышло под названием «Херсонида» не в 1824, а в 1805 г.

С. 296–297. «Загородная поездка» упоминается с вопросительным знаком: «?». Но, кажется, уже не существует сомнений в ее принадлежности Грибоедову. Во всяком случае, в Полное собрание сочинений (1999. Т. II) она включена в основной текст (не Dubia!) и комментируется без сомнений в ее авторстве.

С. 353. Надпись под портретом «Грибоедов, списанный за два года до смерти, 32-х лет» указывает на 1795 год рождения. Нужно бы объяснить, чья подпись. Почему эта дата?

С. 412. Речь в письме Кюхельбекера к Пушкину идет, скорее всего, не об «Ижорском», которого Кюхельбекер предпочитал называть мистерией, а о поэме «Давид» (1826–1829). Комментируя это письмо, И.Б. Мушина ссылалась на публикацию отрывка из «драматической поэмы “Ижорский”» в «Сыне отечества» (1827)¹³. Непонятно, зачем нужно обращаться к С.Н. Бегичеву, чтобы прочесть опубликованный текст. Кюхельбекер просит Грибоедова («Если желаешь, друг, прочесть отрывки из моей поэмы, пиши к С. Бегичеву: я на днях переслал ему их несколько») обратиться к близкому человеку, чтобы прочесть рукопись поэмы «Давид», тем более что стихотворение самого Грибоедова под тем же названием он напечатал в первом томе «Мнемозины».

¹² Грибоедов А.С. Полное собрание сочинений. Т. III. С. 177.

¹³ Переписка А.С. Пушкина: В 2 т. М., 1982. Т. 2. С. 240.

С. 451–452. Записка «Разные рассуждения и толки между короткими друзьями Грибоедова» приписана М.Я. Фон-Фоку. Однако она написана Булгариним и только переписана Фон-Фоком. См.: *Видок Фиглярин*. Письма и агентурные записки Ф.В. Булгарина в Ш отделение / Изд. подгот. А.И. Рейтблат. М.: Новое литературное обозрение, 1998. С. 362–364.

Таковы несколько мелких замечаний к добротной книге Н.А. Тарховой. Их можно будет учесть во втором издании.

А я хочу в заключение поздравить себя и своих коллег: мы получили прекрасное, незаменимое пособие для наших занятий литературой XIX в.

А.А. Филиппова

В 1987 г. С.А. Фомичев писал: «...что бы ни говорили о роковой “загадочности”, о непроницаемой тайне судьбы Грибоедова некоторые современные авторы, основные вехи его биографии, и в особенности последние годы его жизни, к настоящему времени прояснены относительно неплохо»; «Само собой разумеется, необходимо дальнейшее обогащение источниковедческой базы грибоедовских исследований, в частности широкое обследование архивных фондов <...>. Особенно это касается раннего периода биографии Грибоедова, его детства, университетских лет, его военной службы — именно здесь много белых пятен, вплоть до неясности вопроса о годе его рождения»¹⁴. В последние годы появилось значительное количество публикаций и изданий, в которых вновь подняты вопросы о времени рождения Грибоедова, о его законно-/незаконнорожденности, статусе дворянина, гербе Грибоедовых и пр.

«Ключевым вопросом биографии писателя» назвала Н.А. Тархова в 2015 г. вопрос о рождении писателя¹⁵. Здесь уместно опять процитировать С.А. Фомичева: «Разноречие о годе рождения Грибоедова опирается на дискуссию, вспыхнувшую в научной литературе в последние годы, хотя она не нова и продолжается практически с 30-х гг. прошлого века»¹⁶. В комментариях к статье М.В. Строганова он отметил основные аргументы, которые позволяют выдвигать в качестве даты рождения Грибоедова тот или иной год с 1790 по 1795. Заметим, что тогда же М.В. Строганов убедительно обосновал дату рождения писателя как 1795 г.¹⁷, а С.А. Фомичев предлагал «поверить взрослому Грибоедову, считавшему, что он родился в 1790 году»¹⁸. В 2007 г. С.А. Фомичев в своей Грибоедовской энциклопедии назвал годом рождения Грибоедова 1794-й¹⁹. Как оказалось, для этого появились серьезные основания, но о них немного позже.

¹⁴ [Фомичев С.А.] Предисловие // А.С. Грибоедов. Материалы к биографии. Л., 1989. С. 4, 9.

¹⁵ Тархова Н.А. Почему у Грибоедова был герб (к проблеме биографии) // Хмельницкий сборник. Вып. 17. Вязьма, 2016. С. 115.

¹⁶ [Фомичев С.А.] От редактора // А.С. Грибоедов. Материалы к биографии. С. 16.

¹⁷ Строганов М.В. Год рождения Грибоедова, или «полпути жизни» // А.С. Грибоедов. Материалы к биографии. С. 10–16.

¹⁸ [Фомичев С.А.] От редактора. С. 19.

¹⁹ Фомичев С. Грибоедов: Энциклопедия. СПб., 2007. С. 11, 45.

Как нам кажется, при отсутствии метрических документов логичным выглядит мнение о том, что никто из нас более чем через двести лет, не имея на руках документа о дате рождения Грибоедова, не может знать истину точнее, чем его родители. Именно поэтому нас несколько смущают споры длинной более века, в то время как на надгробном памятнике Грибоедова, установленном после долгих хлопот его вдовой, указан 1795 г. Напомним, что «по вопросу о дате рождения она переписывалась с матерью и сестрой Грибоедова, которые, понятно, лучше всех знали его год рождения»²⁰. Еще более странным выглядит факт кратковременного изменения этой даты на 1791 г. в начале XX в.

Известно, что в XVIII—XIX вв. (и даже в XX в., например в послевоенные годы) человек не всегда точно знал число, месяц и год своего рождения и имел подтверждающие документы. Такого рода бумаги требовались в исключительных обстоятельствах, тогда обращались либо в приходские церкви, где велись метрические записи (первичный документ), либо в духовную консисторию, где на основе тех самых метрических книг составлялись ежегодные сводные ведомости (документ вторичный). Эти ведомости и явились источником, в котором грибоедовисты последние сто лет ищут сведения о рождении драматурга.

Запись о том, что у «Сергея Ивановича Грибоедова родился сын Павел» в 1795 г., была в свое время обнаружена именно в консисторском списке, так как сами метрические книги церкви Успения на Остоженке сгорели в 1812 г. при пожаре Москвы. Тщательный анализ ведомости обнаружил и более серьезные неточности в отношении других лиц, что явилось серьезным поводом для утверждения П.С. Краснова: «Запись о рождении Павла на самом деле относится к рождению будущего автора бессмертной комедии “Горе от ума”».²¹ Следовательно, имя Павел могло быть либо ошибкой дьячка, либо следствием того, что во все времена были довольно распространены двойные имена: первый владелец Хмелиты из рода Грибоедовых стрелецкий полковник Семен назывался также и Иваном. 1795 год рождения Грибоедова неоднократно подтверждается документами вплоть до 1810 г.: исповедные книги церкви Девяти мучеников свидетельствуют, что в 1805 г. Александру Грибоедову было 10 лет, в 1807 — 12 лет, в 1808 — 13 лет, в 1810 — 15 лет²².

В начале XXI в. на предмет года рождения писателя были исследованы документы Владимирского архива. Архивные поиски не подтверждают пребывания семьи Грибоедовых с лета 1795 до лета 1802 г. в Москве, но во Владимирской губернии в 1799 г. имя малолетнего Грибоедова появляется в документах о продаже имения Сушнево²³. Кроме того, в исповедных ведомостях села Синеборья Владимирского уезда за 1800 г. в списке прихожан на исповеди значится «майор Сергей Иванов сын Грибоедов — 39 лет, жена его Настасья Федорова — 38 лет. Дети их: Александр — 6 лет, Марья — 8

²⁰ [Фомичев С.А.] От редактора. С. 16.

²¹ Краснов П.С. Еще раз о дате рождения А.С. Грибоедова // Русская литература. 1975. № 4. С. 153.

²² [Фомичев С.А.] От редактора. С. 16–19; Государственный историко-культурный и природный музей-заповедник А.С. Грибоедова. Фонд П.С. Краснова. КП-2427.

²³ Овчинников Г.Д. О детских годах Александра Грибоедова. По архивным документам // Хмелитский сборник. Вып. 9. Смоленск, 2008. С. 7.

лет»²⁴. Наконец, в ведомости, представленной 27 февраля 1801 г. гражданскому губернатору П.С. Руничу по поводу открытия во Владимире военного училища, под № 13 указано: «У секунд-майора Сергея Иванова Грибоедова сын Александр — 7 лет»²⁵. Как видим, здесь впервые в детские годы Грибоедова назван 1794 г., который позднее фигурирует в документах о службе Грибоедова за 1814, 1815 гг. и его «паспорте», выданном в 1816 г.

1794 как год рождения писателя, следующий из документов Владимирской губернии, противоречит московским исповедным росписям, но все-таки круг поисков очерчен вполне определенно: либо 1794, либо 1795. За 1794 г. до С.А. Фомичева высказывались М.И. Семевский, А.И. Ревякин и др.²⁶ Таким образом, 1792 и 1793 гг. как даты рождения писателя, которые не подтверждаются архивными документам, а опираются на свидетельства Ф.В. Булгарина и Н.И. Греча, не могут рассматриваться в качестве предполагаемых.

Мы считаем, что рассматривать 1790 г. как дату рождения Грибоедова представляется неэтичным хотя бы потому, что духовная ведомость церкви Николая Чудотворца на Песках (Пречистенского сорока) свидетельствует, что в 1790 г. в числе исповедовавшихся членов семьи вдовы Марии Ивановны Грибоедовой была и ее дочь Анастасия, «девица 22 лет»²⁷. Вероятнее всего, 1790-й год, впервые появившийся в послужных списках Грибоедова в 1818 г., — приписка, часто встречающееся явление, преследующее определенные цели. Вполне ясное и логичное объяснение в отношении документов писателя представил М.В. Строганов: «В это время его отправляли в составе русской миссии в Персию, и Грибоедов не хотел ехать, поэтому выдвинул условие двойного повышения в чине, т.е. перевод с чина коллежского секретаря в чин коллежского асессора. Грибоедов рассчитывал, что его просьбу не удовлетворят, а если и удовлетворят, то вместе с новым чином повысят и жалование. Для получения же этого чина требовался соответствующий возраст, тогда он и проставил в списках дату 1790 г., которая закрепились там автоматически»²⁸.

Известно множество фактов аналогичного характера. Небольшие погрешности в месяцах и числах рождения наблюдаем в тех случаях, когда записи о рождении и крещении были сделаны в разных церквях и в разных местностях. Например, А.А. Шаховской родился 24 апреля 1777 г. в усадьбе своей бабки и матери Беззаботы Ельнинского уезда. Эту дату рождения опубликовал Р.М. Зотов, который, как считал А.А. Ярцев, пользовался документальными источниками. Однако князь Долгорукий относит день рождения Шаховского к 24 февраля. А.А. Ярцев пытался разыскать метрики о рождении, предполагая, что Шаховского крестили в церкви села Иволина. Но крещение могло пройти и в других ближайших церквях: в приходской церкви села Нежода, к которой был приписан иволинский домовый храм, или в других окрестных сельских храмах, так как все они принадлежали

²⁴ Государственный историко-культурный и природный музей-заповедник А.С. Грибоедова. Фонд П.С. Краснова. КП-2427; *Овчинников Г.Д.* О детских годах Александра Грибоедова. С. 8.

²⁵ *Овчинников Г.Д.* О детских годах Александра Грибоедова. С. 7.

²⁶ [Фомичев С.А.] От редактора. С. 16–17.

²⁷ *Краснов П.С.* Еще раз о дате рождения А.С. Грибоедова. С. 153.

²⁸ *Строганов М.В.* Год рождения Грибоедова, или «полпути жизни». С. 15–16.

деду и бабке А.А. Шаховского по материнской линии. Таким образом, эта разница в два месяца может быть объяснена рождением в сельце Беззаботы и крещением в церкви одного из близлежащего сел²⁹.

Заведомо неправильное указание возраста в различных документах было для того времени обычным делом. Так, долгое время годом рождения И.И. Лажечникова считали 1792, но на самом деле он родился в 1790 г. Как считают исследователи, Лажечников убавил себе два года, когда женился на девушке намного моложе себя³⁰. Таким же образом поступил в свое время и А.А. Алябьев, когда венчался с Екатериной Офросимовой. По данным метрической книги в записи о венчании жених на несколько лет моложе своего истинного возраста³¹. У биографов нет согласия по поводу того, когда родился Д.И. Фонвизин: называют 1745 и 1744 г.; второе, как считают многие, точнее по отношению к возрасту его сестер и братьев³².

Поэтому, пока не найдены документальные источники, безусловно подтверждающие дату рождения Грибоедова, год рождения должно обозначать следующим образом: 1795 (по другим данным — 1794).

Считается, что отсутствие дворянского происхождения определяло стремление Грибоедова добиться чина коллежского асессора для получения потомственного дворянства. Однако по сведениям, обнаруженным Г.Д. Овчинниковым в архиве Владимирской области, 9 января 1802 г. Владимирский гражданский губернатор П.С. Рунич предписал уездному предводителю дворянства В.М. Танееву доставить ему к 1 марта «Ведомость благородных дворянских детей мужеска пола от 7 до 15 лет, находящихся во Владимирской округе при отцах и матерях своих и в службу еще не записанных». В ведомости, представленной губернатором 27 февраля, под № 13 значится: «у секунд-майора Сергея Иванова Грибоедова сын — 7 лет»³³.

Если же допустить, что Грибоедов все-таки добивался чина, дающего право на потомственное дворянство, то ему не нужно было ожидать повышения в чине на гражданской службе, так как уже в годы Отечественной войны 1812 г. он служил в звании корнета, которое давало право называться потомственным дворянином³⁴.

Из-за недостатка доказательств фамилия Грибоедовых не была записана в VI часть дворянской родословной книги, а герб не был опубликован в «Общем гербовнике» (1798). Но род Грибоедовых был внесен в дворянские списки Владимирской и Смоленской губерний, дворянские привилегии для их представителей никто не отменял, и Грибоедов пользовался ими, поэтому данный вопрос в отношении автора «Горя от ума» тоже следует считать закрытым. Одной из привилегий, доступной исключительно потомственным

²⁹ Филиппова А.А. Усадебный мир детства Александра Шаховского: к биографии драматурга // Вестник Брянского государственного университета. 2016. № 3. С. 101–106.

³⁰ И.И. Лажечников. URL: <https://town-kolomna.chat.ru/PIPLES/lagech> (дата обращения: 15.10.2018).

³¹ Чусова М.А. Александр Алябьев в последние годы жизни (новые факты из биографии композитора). URL: <https://moskva-yug.ucoz.ru/publ/4-1-0-83> (дата обращения: 15.10.2018).

³² Лукьянова И. Из прерусских русский // Русский мир. 2014, дек. С. 41–44.

³³ Овчинников Г.Д. О детских годах Александра Грибоедова. С. 7.

³⁴ Табель о рангах Российской империи. URL: <https://istoriarusi.ru/car/tabel-o-rangah.html> (дата обращения: 15.10.2018).

дворянам, было право иметь родовой герб. Герб Грибоедовых описан и зарисован в книге А.Б. Лакиера «Русская геральдика» (гл. 17, № 78)³⁵. Изучение интереса автора «Горя от ума» к преданиям, фактам и доказательствам его принадлежности к «древним, благородным дворянским родам» необходимо продолжить, но не следует связывать эту проблему с незаконнорожденностью писателя.

Теперь одно частное уточнение.

Совершенно справедливо замечание Н.А. Тарховой, что создание Летописи Грибоедова «в силу малой и очень неравномерной документированности его жизни» отличается от работы над другими Летописями. Бывает, что «сведения о жизни Грибоедова приходится буквально “выковыривать” из напластований вполне посторонних сведений»³⁶. В качестве примера в статье рассказывается о работе с перепиской А.А. Волковой и В.И. Ланской. С помощью этого источника Н.А. Тархова определяет, например, время свадьбы кузины А.С. Грибоедова Елизаветы Алексеевны и И.Ф. Паскевича — «в начале лета 1817 года». Но точная дата женитьбы Паскевича давно подтверждена документально. В Государственном архиве Смоленской области сохранилась запись о том, что венчание этой пары состоялось в Казанской церкви села Хмелита 21 ноября 1817 г.³⁷ Таким образом, в переписке московских барышень сообщаются только сведения о подготовке к событию. Не был ли и Грибоедов на этой свадьбе?

С.Н. Дмитриев

Выход в свет в 2017 г. в издательстве «Минувшее» «Летописи жизни и творчества Александра Сергеевича Грибоедова. 1790–1829», составленной Н.А. Тарховой, является, безусловно, заметным событием в грибоедоведении последних лет, демонстрируя очевидное возвращение интереса к фигуре автора «Горя от ума». Появление самого полного на сегодняшний день свода биографических сведений о жизни Грибоедова, намного более объемного, чем труд Н.К. Пиксанова, будет способствовать новым исследованиям, облегчая ориентацию в море материалов о жизненном пути и творчестве поэта.

Безусловным плюсом исследования Н.А. Тарховой является привлечение максимально возможного материала, в том числе введенного в оборот в последние несколько десятилетий, а также новых сведений о городской жизни и театральном репертуаре изучаемой эпохи, ранее не использовавшихся. Украшением книги являются обширные указатели: Библиография (более 200 наименований), Произведения Грибоедова, Именной (более 1000 имен!!!), Географических названий (более 200 мест), которые лучше всего демонстрируют масштаб проделанной работы.

³⁵ Симакина Г.Ф., Филиппова А.А. Биография и творчество А.С. Грибоедова: научная работа в музее-заповеднике «Хмелита» // Хмелитский сборник. Вып. 16. Вязьма, 2014. С. 120–127.

³⁶ Тархова Н.А. Реконструкция событийного ряда жизни Грибоедова по современным ему источникам (к работе над Летописью) // Хмелитский сборник. Вып. 16. С. 164.

³⁷ Государственный архив Смоленской области. Ф. 48. Оп. 1. Ед. хр. 65.

Достоинства книги можно было бы перечислять долго, но хотелось бы высказать и замечания, которые можно было учесть при подготовке переиздания этой фундаментальной книги.

Несмотря на риск увеличения объема книги, в ней следовало бы вместо пересказов материалов более активно цитировать самые важные и яркие документы, письма, воспоминания и т.д., чтобы облегчить читателям и исследователям пользование ими, ведь многие из них содержатся в достаточно редких и почти недоступных источниках.

Неудачным кажется использование в книге сокращения имени Грибоедова как неличеприятно звучащего *Грб*. Проще было использовать традиционное *Г*.

На мой взгляд, сам жанр Летописи как свода документальных свидетельств не предполагает однозначной трактовки автором той или иной точки зрения без подробного освещения доводов ее противников. Это касается в первую очередь довольно спорного утверждения автора о рождении Грибоедова именно в 1790 г., которое влечет за собой еще более спорные и принципиально важные трактовки жизненного пути поэта как бастарда, вынужденного всю жизнь добиваться карьерного роста и подтверждения своего дворянского статуса. Получается, что, хотел этого составитель Летописи или нет, он поддерживает довольно уничижительную трактовку Грибоедова как карьериста, которую высказывали и Д.В. Давыдов, и Н.Н. Муравьев-Карский, и Ю.Н. Тынянов. Пресловутая тайна рождения поэта с мифически появляющимся и исчезающим безо всяких следов братом Павлом требует особого, глубокого и всестороннего исследования. И жанр Летописи не должен давать однозначную трактовку такой загадки без привлечения доводов и аргументов сторонников иной точки зрения, чего в книге сделано не было. Надеюсь, что одна из ключевых тайн биографии Грибоедова будет рассмотрена при переиздании Летописи более взвешенно и не так безапелляционно.

Самый главный вопрос грибоедоведения — это вопрос о соотношении в его судьбе двух главных ипостасей: поэтической и дипломатической, и следует отметить, что Н.А. Тархова сделала важный шаг в сторону более объективной и взвешенной оценки дипломатической деятельности нашего героя. Однако в этом направлении следует сделать еще немало, показав, что дипломатический и воинский подвиг Грибоедова не менее важен и ценен, чем его поэтический дар, что с него давно пора смыть позорный ярлык дипломата, не справившегося с проблемами и виновного в тегеранской трагедии, что его усилия остались не напрасными и что в геополитическую ситуацию, которая установилась на стыке России и Азии с 1820-х гг., важный вклад был сделан именно поэтом-дипломатом.

В этой связи хотелось бы, чтобы в Летописи были более выпукло представлены геополитические реалии и приметы эпохи войн 1820-х гг.: ирано-турецкая война 1821–1823, персидско-русская война 1826–1828, русско-турецкая война 1828–1829 гг., — так как все они имели непосредственное отношение к Грибоедову и его трагедии.

Особое сожаление вызывает то, что в Летописи недостаточно места заняло освещение самого последнего периода деятельности Грибоедова в Тебризе и Тегеране, закончившегося трагедией. Многие важные детали, раскрывающие суть дела, просто опущены. Достаточно сказать, что опи-

сание разгрома посольства — важнейшего момента в жизни поэта-дипломата — занимает в книге не более одной страницы. Это как-то обедняет картину жизненного подвига Грибоедова.

Более подробного освещения достоин и период с момента гибели поэта до его отпевания в Сионском соборе Тифлиса, ведь именно в этот период развязывались все те узлы, которые не были развязаны при его жизни. Мог бы выйти такой же хорошо документированный раздел книги, как и все предыдущие.

В целом всем нам в оценке Грибоедова следует продолжать избавляться от одностороннего литературоцентричного взгляда на его фигуру, насыщая палитру его жизненного пути историческими и дипломатическими красками. И это особенно важно в связи с приближением 225-летия со дня рождения Грибоедова, хотя Н.А. Тархова и не принимает эту дату. Ее труд достоин того, чтобы его дополнить и доработать во славу человека, до сих пор освещающего историю русской литературы, как комета, летящая к бессмертию и подвигу гения, оставившего после себя не только нетленные строки «Горя от ума», но и основы российско-азиатского сосуществования, длящиеся уже около 200 лет.

Н.А. Тархова

Начать хочу с благодарности редакции журнала «Литературный факт», предоставившей страницы журнала для обсуждения «Летописи жизни и творчества А.С. Грибоедова», и рецензентам книги, не пожалевшим времени и трудов, чтобы прочитать книгу и высказать свое мнение.

Знакомство с представленными рецензиями, самое значительное место в которых отдано обсуждениям времени рождения писателя, свидетельствует о том, что сложности, стоявшие передо мною на подступах к работе над Летописью, оказываются актуальными и при чтении книги, при восприятии ее структуры и принципов отбора материала. По-видимому, попытка обратить внимание читателей на эти аспекты во вступительной статье оказалась недостаточно четкой и потому не всегда понятной.

Во вступительной статье объяснена сложность работы именно над грибоевской летописью, в отличие от десятков других книг этого жанра. Она определяется малой, а порой минимальной документированностью целых периодов жизни писателя (в основном первых ее десятилетий), а также нерешенностью *проблемы возраста* писателя и вытекающим отсюда сосуществованием в научном обиходе двух дат его рождения, каждая из которых, при принятии ее за исходную точку биографии, определяет свою перспективу жизненных событий. И между собой эти биографические ряды вступают зачастую в очень существенные противоречия.

Прежде чем приступить к созданию собственно Летописи, необходимо было проделать немалую работу с целью определить или избрать (что, наверное, точнее) как отправную точку в работе дату рождения писателя, полемика о которой ведется уже много десятилетий. В нашем случае ее нужно было выбрать из двух дат, названных самим Грибоедовым в разные периоды жизни: 1795 или 1794 и 1790 гг.; все остальные соображения о его рождении в 1791, 1793 или даже в 1796 гг., высказанные разными исследо-

вателями в ходе полемики, суть произвольные предположения. Для решения этого ключевого для начала работы над Летописью вопроса все известные сегодня биографические документы были проанализированы с точки зрения соответствия и логической непротиворечивости событий, составляющих хронологию жизненного ряда.

1790 г. оказался предпочтительнее, так как все некогда «загадочные», необъяснимые или легендарные события жизни писателя находили в контексте этой даты реальное и содержательное объяснение. Однако принятие 1790 г. временем рождения Грибоедова неизменно выводило на первый план новую и достаточно взрывную проблему — проблему незаконного рождения (ведь родители поженились в 1791 г., поэтому даже если отцом писателя был Сергей Иванович Грибоедов, сын, родившийся за год до свадьбы, всё равно получал статус незаконного). Собственно, именно это обстоятельство и заставляет нас *выбирать* одну дату из двух, ведь каждая из них знаменует начало жизни, разительно отличающейся от другой. Иначе не существовало бы необходимости разделения этих дат и можно было бы обозначить время рождения в интервале: 1790–1795, что не только невероятно облегчило бы работу над Летописью, но и не затемняло бы биографию Грибоедова.

Уже не однажды приходилось убеждаться, что именно факт этого рокового события в жизни нашего героя не позволяет многим считать 1790 г. временем его рождения, хотя логически он оказывается предпочтительнее. В частности, А.А. Филиппова считает принятие этой даты *неэтичным* по отношению к Настасье Федоровне Грибоедовой. Но являются ли подобные соображения аргументом в научном споре? О Настасье Федоровне двести с лишним лет назад могли судить родственники или судачить соседи, но нам сегодня важно, что же происходило в реальности с ее сыном, Александром Сергеевичем Грибоедовым, для которого рождение в 1790 г. было, несомненно, источником трагического самоощущения, определившего и его характер, и отношение к жизни и людям.

А как же пришлось поступить с бытующей в его биографии второй датой рождения — 1795 или 1794? Она не забыта, и в Летописи ей уделено значительное место, но не в хронологии жизни писателя, а в примечаниях к ней. И смею уверить, что не пропущено ни одно событие, документ или толкование, являющееся серьезной альтернативой 1790 г. В этом может убедиться каждый, внимательно читающий Летопись.

Теперь, после этой преамбулы, обращаюсь к откликам на Летопись, представленным вниманию читателей. Все авторы не прошли мимо важнейшей особенности книги, связанной с тем, что начало жизни Грибоедова отсчитывается в ней от 1790 г., хотя эта дата рождения и названа в тексте не бесспорной, а «наиболее вероятной» (с. 20).

М.Г. Альтшуллер, принимающий 1790 г. датой рождения писателя, находит недостаточной ее обоснование именно в предисловии. Его рецензия посвящена в основном восполнению этого недочета материалами и аргументами из статей составителя и литературы, посвященной судьбам незаконных детей в России. Незаконные дети, бастарды, обречены были на жалкое существование: либо в деревню, в крестьяне, либо в податное сословие, либо жизнь воспитанником в собственном семействе (как Жуковский), лишенным имени, состояния, прав, какими пользовались другие дети в семье. Института усыновления в России не существовало до конца

XIX в., и даже императрица не дала своему сыну фамилию отца — Орлова, он так и жил под именем графа Бобринского (по имени дарованного ему имения). Я очень благодарна М.Г. Альтшуллеру за этот свод материалов, дополняющих необходимые в Летописи комментарии. На этом фоне многолетние усилия Н.Ф. Грибоедовой скрыть истинный возраст сына и тем уберечь его от участи незаконного ребенка вызывают огромное уважение и даже восхищение. Что бы ни писали о ее характере и нраве, она, как умела, боролась за лучшую участь для своего сына.

В рецензии М.Г. Альтшуллера есть ряд тонких догадок, с неожиданной стороны освещающих основную тему. Обратившись к записи в метрической книге церкви Успения на Остоженке о рождении 13 января 1795 г. брата Грибоедова Павла (с. 23), который, надо полагать, умер младенцем, М.Г. Альтшуллер предполагает, что очевидная всем беременность Настасьи Федоровны в 1794 г. дала возможность супругам Грибоедовым избрать и объявлять на протяжении многих лет январь 1795 г. временем рождения Александра, и приводит сведения об аналогичных случаях с незаконными детьми в других семьях.

Анализируя письмо Грибоедова к С.Н. Бегичеву от 15 апреля 1818 г.: «...я решился быть коллежским ассессором или ничем», — М.Г. Альтшуллер с очевидностью показывает, что без очень серьезной причины умный человек подобной жизненной цели ставить не будет, но получение этого чина (8-й класс по Табели о рангах) давало право на потомственное дворянство, что было актуально только для недворян по рождению.

Рецензия С.Н. Дмитриева содержит очень интересные и дельные замечания, но они относятся в большинстве своем не столько к Летописи, сколько к будущей биографии Грибоедова.

Летопись — это документально-биографический справочник, предполагающий определенную форму подачи материала: дата, название и краткое описание события, подтвержденного документом, архивные и библиографические ссылки и примечания. Поэтому в хронологическом ряду самостоятельное значение и самостоятельную статью имеют только события документированные, в остальных случаях указано на их предполагаемый характер. Например, учеба Грибоедова в Благородном пансионе ни у кого не вызывает сомнений, но подтверждено только его пребывание там в первый год обучения, про остальные годы мы можем говорить лишь гадательно. Два с половиной года службы в армии занимают в тексте очень мало места, потому что мы почти ничего о ней не знаем. Так же ограничены сведения о жизни Грибоедова в Персии в 1819 и 1820–1821 гг., о жизни его в Тифлисе. То же с театром: по-видимому, это было наиболее часто посещаемое место, но в Летописи названы только те спектакли, посещение которых подтверждено документально. Всё, что не документировано, но предполагается или следует из косвенных данных, находится в примечаниях. Потому-то примечания занимают такое значительное место в книге.

Откликаясь на проблему времени рождения Грибоедова, С.Н. Дмитриев упрекает составителя в том, что другая точка зрения (1795 г.) не изложена в книге подробно. Но подробное изложение невозможно в Летописи. Другой упрек в русле полемики о возрасте заключается в том, что, принимая 1790 г. временем рождения писателя, составитель как бы поддерживает мнение Д.В. Давыдова, Н.Н. Муравьева и Ю.Н. Тынянова о карьеризме Грибоедова.

Но ведь Летопись не дает оценок действий и персонажей, она только фиксирует факты и события.

Летопись не может перечислить все проблемы жизни и деятельности Грибоедова, которые С.Н. Дмитриев хотел бы видеть решенными при ее переиздании: эти проблемы биографии, творчества и государственной деятельности Грибоедова требуют специальных исследований. И ни в одной книге невозможно разрешить их все разом, тем более в книге справочной. Факты, отраженные в документах, в Летописи представлены, интерпретация их дается в специальной литературе. Например, тот факт, что Грибоедов составлял прокламации для горских народов с целью привлечения их на сторону русских, в Летописи отражен, а о значении этого факта для истории племен и исхода войны в целом надо читать в специальной литературе, названной в библиографических ссылках.

Отзыв А.А. Филипповой написан в защиту «другой» точки зрения на возраст Грибоедова и его рождение в 1795 г. Свои аргументы против этой даты я изложила в статье «К проблеме изучения биографии Грибоедова сегодня» (Вопросы литературы. 2013. № 4. С. 130–150), поэтому ограничусь здесь общими соображениями и отвечу лишь на некоторые положения рецензента, имеющие отношение к Летописи.

Для доказательства собственной точки зрения на возраст Грибоедова все мы располагаем одним и тем же набором документов, и их слишком мало для того, чтобы выстроить документированную биографию и аргументированно доказать свою позицию. Иначе у нас уже давно была бы научная биография Грибоедова и мы точно знали бы его возраст, и ломать копыя по поводу года рождения не было бы нужды.

Я остановлюсь только на нескольких эпизодах. Так, запись в метрической книге о рождении Павла Грибоедова всегда упоминается в статьях о возрасте Грибоедова. П.С. Краснов подверг сомнению обозначенное в ней имя младенца на основании того, что и в других записях той же книги он обнаружил ошибки. Но объявлять на этом основании документ недостоверным нельзя: для этого нет никаких конкретных данных.

А.А. Филиппова считает запись в послужном списке Грибоедова от 17 июля 1818 г. «титularный советник Александр Грибоедов сын Грибоедов от роду имеет 28 лет» позднейшей припиской. Однако документ сохранился, и очевидно, что в этом месте нет приписок. Исправление есть в дате производства Грибоедова в чин титулярного советника: 1818 исправлено на 1819. Отвергая 1790 как год рождения, А.А. Филиппова не упоминает, что во всех послужных списках последних десяти лет службы Грибоедова, которые сохранились в архиве МИДа, возраст отсчитывается от 1790 г. И на следствии по делу декабристов в 1826 г. Грибоедов тоже назвал годом своего рождения 1790-й.

А.А. Филиппова сожалеет, что в Летописи отсутствует дата свадьбы Паскевича и Елизаветы Алексеевны Грибоедовой, которая состоялась в Хмелите 21 ноября 1817 г., и предполагает, что Грибоедов на этой свадьбе был. Но дата свадьбы не попала в текст потому, что Грибоедов на ней не был, поскольку с середины ноября 1817 г. состоял под следствием по поводу дуэли четырех (12 ноября). По документам архива МИДа мы знаем, что 19 ноября он был привлечен к допросу по этому делу. А о свадьбе Паскевича в Летописи сказано в примечании: «Паскевич... женился на Е.А. Грибоедовой в 1817 г.» (с. 206).

В заключение напомним о двух документах, которые бесспорно свидетельствуют в пользу 1790 года рождения. Прежде всего это купчая на село Сушнёво, которое Грибоедов получил в подарок от бабушки Прасковьи Васильевны Грибоедовой и в 1809 г. продал полковнику Поливанову. Это документ юридический, и личная подпись Грибоедова, заверяющая продажу имения, свидетельствует, что в 1809 г. ему было больше 17 лет, иначе он, по закону, не мог бы сам продать имение и подписать купчую. Следовательно, этот документ прямо опровергает 1795 или 1794 г. как время рождения писателя.

Второй документ — свидетельство о дворянстве, полученное, по-видимому, в апреле 1828 г., — не сохранился до наших дней, но Грибоедов упоминает о нем в письме от 12 июня 1828 г. к Ф.В. Булгарину. Свидетельство ничего не говорит о возрасте Грибоедова, но знаменует важную веху в жизни каждого человека, его получающего. Патент на потомственное дворянство получали люди недворянского происхождения, когда дослуживались до чина, дающего на то права. Получение свидетельства о дворянстве и присвоение герба к нему — чрезвычайно важный аргумент в пользу незаконного происхождения Грибоедова и, следовательно, рождения в 1790 г.

Свидетельство о дворянстве предполагало и присвоение герба. А.А. Филиппова утверждает, что у Грибоедовых (семья Настасьи Федоровны) был свой герб, и ссылается на его воспроизведение в книге А.Б. Лакиера «Русская геральдика». Но у смоленских и владимирских Грибоедовых герба не было, их фамилии не были внесены в Родословную книгу русских дворян, а у Грибоедова его и не могло быть, потому что герб не наследовался по женской линии. В книге А.Б. Лакиера «Русская геральдика» (СПб., 1855. С. 427, № 78) помещено описание не герба Грибоедовых, а старинного рыцарского герба, который в 1331 г. был пожалован воину Флориану Сарнушу королем Владиславом. Перечисляя изобразительные элементы этого герба, А.Б. Лакиер называет российские фамилии, в гербах которых встречаются эти элементы, в том числе и фамилию Грибоедовых (с. 428). Изображения герба Грибоедовых в книге тоже нет, но есть изображение «дворянского жалованного герба» (табл. XII), присваиваемого выслужившимся в потомственные дворяне. И по конфигурации и элементам он напоминает герб, полученный Грибоедовым в апреле 1828 г.

В заключение еще раз благодарю всех участников круглого стола. Мне было очень интересно и полезно узнать и понять, как воспринимается Летопись.

От составителя

Летопись жизни и творчества Грибоедова вызвала волнения в кругу специалистов. Большие волнения в узком кругу: специалистов по Грибоедову мало, и даже если добавить к ним гораздо более многочисленный круг пушкинистов, всё равно он получится не такой уж большой. Но волнения большие. Волнения, заслуживающие внимания гораздо более широких кругов историков литературы и культуры. Именно поэтому редакция ЛФ решила обсудить эту книгу с пристрастием.

Пока ЛФ воздерживается от постоянного рецензионного отдела. Рецензия — жанр провокативный. По-настоящему хорошо пишется либо по поводу книги, либо в разгром книги. Хвалебная рецензия хорошей не получается. Поэтому мы решили, что предстоящее обсуждение целесообразно построить не в форме рецензии (пускай не одной), а в форме заочного круглого стола, за которым нашлось бы место и автору книги. Мы решили, что автор имеет право ответить своим критикам. А кто кого пересилит — это определит читатель.

Все основные вопросы Летописи затронули критики и отвечавший им автор. Составителю остается лишь напомнить, что это не первая летопись Грибоедова. Первой была книга, подготовленная Н.К. Пиксановым еще в 1944 г., но опубликованная значительно позднее³⁸. Однако Пиксанов завершил свою летопись задолго до 1944 г. Помещая в 1917 г. в третьем томе Полного собрания Грибоедова «Избранные хронологические даты к биографии А.С. Грибоедова», Пиксанов писал, что «полная “летопись жизни” Грибоедова печатается в особом издании»³⁹ (издание не состоялось). Фактически пиксановская Летопись Грибоедова должна была стать одной из первых работ в этом жанре. Ей предшествовала только летопись жизни и творчества Пушкина, подготовленная Н.О. Лернером⁴⁰.

Все летописи классического периода (1930–1950-е гг.)⁴¹ строги, точны и скучны. Отголоски их докатываются до наших дней в виде многотомных изданий (очень хорошие и нужные летописи И.С. Тургенева, А.И. Герцена, Н.А. Некрасова, Ф.И. Тютчева, Н.В. Гоголя и некоторые другие). Они дают выверенные факты, малейший шаг в сторону от которых на самом деле карался в свое время законом.

Только с 1990-х гг. могли появиться такие постмодернистские проекты, как Летопись Боратынского, подготовленная А.М. Песковым, в которую были впервые включены все известные письма поэта⁴². Новая Летопись Грибоедова, подготовленная Н.А. Тарховой, — новый шаг вперед по тому же постмодернистскому пути. Только здесь новизна состоит не в насыщении летописи необычным для нее материалом, а в изменении самой жанровой конструкции летописи.

Вообще Н.А. Тархова хорошо известна своими работами в пушкиноведении и грибоедоведении. В последнем собрании сочинений Грибоедова

³⁸ Пиксанов Н.К. Летопись жизни и творчества А.С. Грибоедова. 1791–1829 / Примеч. П.С. Краснова; отв. ред. А.Л. Гришунин. М., 2000. 239 с.

³⁹ Полное собрание сочинений А.С. Грибоедова / Под ред. и с примеч. Н.К. Пиксанова. Пг., 1917. Т. 3. С. 366.

⁴⁰ А.С. Пушкин. Труды и дни: Хронологические данные, собранные Николаем Лернером. М., 1903. 144 с.; Лернер Н.О. Труды и дни Пушкина. Изд. 2-е, испр. и доп. СПб., 1910. 577 с.

⁴¹ См. о них написанные в том же духе статьи: Скорыходов М.В. Становление жанра Летописи жизни и творчества писателя (1930-е годы) // Культурная жизнь Юга России. 2008. № 3 (28). С. 92–94; Скорыходов М.В. Источники летописи жизни и творчества писателя // Культурная жизнь Юга России. 2009. № 3 (32). С. 77–78.

⁴² Летопись жизни и творчества Е.А. Боратынского. 1800–1844 / Сост. А.М. Песков; Текст подгот. Е.Э. Лямина и А.М. Песков. М., 1998. 488 с.

она подготовила путевые записки по Крыму⁴³ и служебные записки⁴⁴. Но самый значительный ее проект — Летопись Пушкина⁴⁵.

Подготовленная Н.А. Тарховой летопись Пушкина была спокойной работой классического типа. Тематические новации не затрагивали существа жанра. Появившаяся почти двадцать лет спустя Летопись Грибоедова открыто взрывает жанр изнутри. Как мы помним, А.М. Песков заменил написание имени поэта (Баратынский на Боратынский, и это, кажется, привилось в научном сообществе) и добавил к своей летописи все известные его письма. При отсутствии собрания сочинений Боратынского эта летопись — незаменимое до сих пор издание. Н.А. Тархова лукаво утверждает, что ее Летопись, как и полагается жанру, дает только факты и не претендует на концепцию. Вместе с тем она сама пишет (не буду цитировать только что прочитанный текст), что выбор той или иной даты рождения Грибоедова определяет как концепцию его жизни, так и концепцию Летописи его жизни. Получается, что новая Летопись Грибоедова — это не описательный позитивистский жанр, это концептуальный нарратив, рядящийся в одежды невинного фактографического жанра.

Напомню, что для летописи не важно, кто ее составил, поэтому имя составителя/-ей пишется после названия. Так же оформлено и библиографическое описание Летописи Грибоедова, хотя по сути это стройная и жесткая авторская концепция, которой придан внешний вид несколько безличной академической «объективки». Читатель распознал затею автора не столько разумом, сколько чувством. Вот почему поднялись эти волнения.

И теперь несколько слов по сути самих волнений.

Составитель настоящего раздела в свое время сам участвовал в полемике о годе рождения Грибоедова⁴⁶. Тридцать лет назад мне всё казалось проще: я полагал, что надо доказать дату рождения с точки зрения Грибоедова, и этого достаточно. По прошествии времени оказалось, что этого явно недостаточно. Разные годы рождения Грибоедова называли не только он сам, но и его мать, а также некоторые родственники и близкие знакомые. То есть мало мотивировать обманы самого Грибоедова, надо еще мотивировать как минимум обманы его матери и совместить эти две мотивировки. Кроме того, неплохо бы учесть еще и мотивировки отца. Ведь если Сергей Иванович Грибоедов, игрок и просто беспутный человек (так, во всяком случае, его аттестуют), не был отцом Александра, то как могла рассчитывать на его порядочное молчание Настасья Федоровна? Но если он всё же был отцом, то почему никто не занимается его родом? — ведь фамилия в русской традиции переходила к сыну не от матери, а от отца. Следующий вопрос: если мать родила Александра вне (до) брака — то ли от нелюбимого будущего мужа, то ли от постороннего мужчины, — какой

⁴³ *Грибоедов А.С.* Полное собрание сочинений: В 3 т. / Гл. ред. С.А. Фомичев. Т. 2: Драматические сочинения. Стихотворения. Статьи. Путевые заметки. СПб., 1999. С. 322–334.

⁴⁴ *Грибоедов А.С.* Полное собрание сочинений: В 3 т. / Гл. ред. С.А. Фомичев. Т. 3: Письма. Документы. Служебные бумаги. СПб., 2006. С. 307–344.

⁴⁵ Летопись жизни и творчества А.С. Пушкина: В 4 т. М., 1999. Т. 1: 1799–1824 / Сост. М.А. Цявловский. 592 с.; Т. 2: 1825–1828 / Сост. М.А. Цявловский, Н.А. Тархова. 542 с.; Т. 3: 1829–1832 / Сост. Н.А. Тархова. 624 с.; Т. 4: 1833–1837 / Сост. Н.А. Тархова. 750 с.

⁴⁶ *Строганов М.В.* Год рождения Грибоедова, или «полпути жизни». С. 10–16.

ей был смысл ставить об этом в известность своего сына? А если она не сообщила сыну об этом (что вполне логично и нормально), откуда Александр узнал о грехопадении своей матери? (И я не ставлю слово *грехопадение* в кавычки: для женщины первой половины XIX в. рождение ребенка вне брака было ненормативным.) И если узнал, то когда? и как он перенес это? То, что мы знаем о материальной и моральной зависимости Грибоедова от своей матери, плохо вяжется со знанием сына о материнской вине — перед Богом, людьми и перед ним самим. Но ни защитники 1790-го, ни апологеты 1795-го никак не занимаются всеми этими и подобными им мотивировками поведения персонажей Летописи.

Вторая огромная неясность заключается в том, что и сам Грибоедов, и одни и те же лица из его окружения называют то одну, то другую дату рождения. Казалось бы, уж если начали врать про 1795 г., то и врите последовательно дальше: ведь называя вместо 1795-го — 1790-й, вы ставите под сомнение достоверность и предыдущей информации. Ну, еще можно объяснить, что мальчика пяти лет могли выдавать за годовалого, а двенадцатилетнего — за семилетнего (каких трудов это стоило — другой разговор). Но зачем потребовалось в 1826 г., во время следствия над декабристами, мужчине 31-го года выдавать себя за 36-летнего? И зачем потребовалось матери после смерти сына сообщать его 17-летней вдове ложный возраст сына? Сама же девушка в 15 лет едва ли могла почувствовать в день брака и позднее разницу между мужчиной 38-ми и 33-х лет. И никакой логики во всем этом поведении ни самого Грибоедова, ни его матери не наблюдается. Однако ни сторонники 1795-го, ни борцы за 1790-й не свели концы с концами и не пытались выявить какую-то логику в поведении тех людей, на кого они ссылались. Никто не сделал главнейшую работу для данной темы: не составил свод упоминаний тех или иных годов рождения и не соединил его с теми или иными годами жизни.

Короче говоря, к настоящему времени еще никто из историков русской культуры не пытался построить логически непротиворечивое изложение позиций всех участников этого заговора против историков русской культуры. Разумеется, такое изложение не может быть задачей Летописи и поэтому не может быть основанием для упреков ее автору. Но пока никто этого не делает, приходится довольствоваться следующей позицией.

По сути, нам совершенно всё равно, сколько лет было Грибоедову, когда он задумал и завершил «Горе от ума». Задумать мог и 30-летний, и 25-летний человек, завершить мог и 34-летний, и 29-летний. На содержании и построении комедии это никак не могло отразиться, и из текста комедии мы не можем вычислить возраст автора. Точно так же нам совершенно всё равно, сколько лет было Грибоедову в момент заключения Туркманчайского мирного договора (31 и 36 лет) и в самые последние дни его жизни (33 и 38 лет): разница в пять лет для мужчины в этом возрасте практически незаметна. Эта разница в пять лет была важна в юном возрасте, но от этого юного возраста осталось так мало документов, что мы не можем реконструировать на их основе самочувствие молодого Грибоедова. И точно так же не можем — у нас нет никаких оснований — считать, что Грибоедов знал о своем внебрачном происхождении, поскольку нигде и никогда он ни одним словом не обмолвился об этом: то ли водит нас за нос, то ли сам не знает, как нам это интересно.

Нам безразлично только одно. Если бы Грибоедов был только дипломатом, жизнь его едва ли была столь интересна современным носителям русской культуры. Пускай даже мы согласимся, что современная геополитическая ситуация на стыке России и Азии установилась в 1820-е гг. благодаря активному участию поэта-дипломата, — это еще не основание для особого почитания Грибоедова (не говоря уже о том, правильная ли сложилась в итоге геополитическая ситуация). Для особого почитания Грибоедова оказалось достаточно «Горя от ума» и небольшого шлейфа из других произведений. Грибоедова никто и никогда не называет дипломатом-поэтом, только поэтом-дипломатом.

Все эти разговоры спровоцировала книга Н.А. Тарховой. Едва ли автор Летописи хотела всего этого и намеренно предполагала сделать это. Но — вольно или невольно — она всё же сделала это: перетряхнула устоявшийся жанровый канон и наши чопорные, почти викторианские нравы. Книга пока еще плохо прочитана научной общественностью. Что из нее войдет в научный оборот: только фактический материал, или новая концепция жизни Грибоедова, или даже новая концепция жанра летописи — всё это покажет время.

Редакция ЛФ сожалеет, что среди участников данного обсуждения мы не видим С.А. Фомичева, главного редактора Полного собрания сочинений Грибоедова, автора Грибоедовской энциклопедии, составителя свода «Грибоедов в воспоминаниях современников» и многих других грибоедовских проектов. Без участия этого автора обсуждение как бы не совсем полно. По не зависящим от самого С.А. Фомичева причинам он не смог написать свой текст. Вместе с тем редакция рассчитывает, что со временем он выскажет свое мнение по данным вопросам.

Литература

А.С. Грибоедов в воспоминаниях современников / Вступ. статья, сост. и подгот. текста С.А. Фомичева; Коммент. П.С. Краснова, С.А. Фомичева. М.: Художественная литература, 1980. 448 с.

А.С. Грибоедов. Материалы к биографии: Сб. науч. трудов / Отв. ред. С. Фомичев. Л.: Наука, 1989. 287 с.

Глаголева О.Е., Фомин Н.К. Незаконнорожденные дети в XVIII в.: новые материалы о получении В.А. Жуковским дворянского статуса // Отечественная история. 2002. № 6. С. 163–175.

Летопись жизни и творчества А.С. Пушкина: В 4 т. / Сост. М.А. Цявловский, Н.А. Тархова. М.: Слово/SLOVO, 1999. 592, 542, 624, 750 с.

Летопись жизни и творчества Е.А. Боратынского. 1800–1844 / Сост. А.М. Песков; Текст подгот. Е.Э. Лямина и А.М. Песков. М.: Новое литературное обозрение, 1998. 488 с.

Овчинников Г.Д. О детских годах Александра Грибоедова. По архивным документам // Хмелитский сборник. Вып. 9. Смоленск, 2008. С. 6–10.

Симакина Г.Ф., Филитова А.А. Биография и творчество А.С. Грибоедова: научная работа в музее-заповеднике «Хмелита» // Хмелитский сборник. Вып. 16. Вязьма, 2014. С. 120–127.

Скорыходов М.В. Становление жанра Летописи жизни и творчества писателя (1930-е годы) // Культурная жизнь Юга России. 2008. № 3 (28). С. 92–94.

Скорыходов М.В. Источники летописи жизни и творчества писателя // Культурная жизнь Юга России. 2009. № 3 (32). С. 77–78.

Строганов М.В. Год рождения Грибоедова, или «Полпути жизни» // А.С. Грибоедов. Материалы к биографии. Л.: Наука, 1989. С. 10–16.

Строганов М.В. Литературный быт как литературный факт. Дневник А.В. Маркова-Виноградского // Литературный факт. 2017. № 6. С. 30–47.

Тархова Н. К проблеме изучения биографии Грибоедова сегодня // Вопросы литературы. 2013. № 4. С. 130–150.

Тархова Н.А. Реконструкция событийного ряда жизни Грибоедова по современным ему источникам (к работе над Летописью) // Хмелитский сборник. Вып. 16. Вязьма, 2014. С. 160–174.

Тархова Н.А. Почему у Грибоедова был герб (к проблеме биографии) // Хмелитский сборник. Вып. 17. Вязьма, 2016. С. 108–115.

Филиппова А.А. Усадебный мир детства Александра Шаховского: к биографии драматурга // Вестник Брянского государственного университета. 2016. № 3. С. 101–106.

Фомичев С. Грибоедов: Энциклопедия. СПб.: Нестор-История, 2007. 394 с.

References

A.S. Griboedov. Materialy k biografii: Sb. nauch. trudov [A.S. Griboedov. Materials for biography: Sci. Proc.], ed. by S. Fomichev. Leningrad, Nauka Publ., 1989. 287 p. (In Russ.)

A.S. Griboedov v vospominaniikh sovremennikov [A.S. Griboedov in memoirs of his contemporaries], intro., comp. and ed. by S.A. Fomichev, comment. by P.S. Krasnov, S.A. Fomichev. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1980. 448 p. (In Russ.)

Filippova A.A. Usadebnyi mir detstva Aleksandra Shakhovskogo: k biografii dramaturga [The manor house world of Alexander Shakhovskoy's childhood: on the playwright's biography]. *Vestnik Brianskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2016, no. 3, pp. 101–106. (In Russ.)

Fomichev S. *Griboedov: Entsiklopediia* [Griboedov: Encyclopedia]. St. Petersburg, Nestor-Istoriia Publ., 2007. 394 p. (In Russ.)

Glagoleva O.E., Fomin N.K. Nezakonnorozhdennye deti v XVIII v.: novye materialy o poluchenii V.A. Zhukovskim dvorianskogo statusa [Illegitimate children in the 18th century.: New materials on V.A. Zhukovsky's nobility]. *Otechestvennaia istoriia*, 2002, no. 6, pp. 163–175. (In Russ.)

Letopis' zhizni i tvorchestva A.S. Pushkina: V 4 t. [Chronicle of A.S. Pushkin's life and work, in 4 vols.], comp. by M.A. Tsiavlovskii, N.A. Tarkhova. Moscow, Slovo Publ., 1999. 592, 542, 624, 750 p. (In Russ.)

Letopis' zhizni i tvorchestva E.A. Boratynskogo. 1800–1844 [Chronicle of E.A. Boratynsky's life and work. 1800–1844], comp. by A.M. Peskov, ed. by E.E. Liamina and A.M. Peskov. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 1998. 488 p. (In Russ.)

Ovchinnikov G.D. O detskikh godakh Aleksandra Griboedova. Po arkhivnym dokumentam [On Alexander Griboedov's childhood. Based on archival documents]. *Khmelitskii sbornik. Vyp. 9* [Khmelita collection. Iss. 9]. Smolensk, 2008, pp. 6–10. (In Russ.)

Simakina G.F., Filippova A.A. Biografiia i tvorchestvo A.S. Griboedova: nauchnaia rabota v muzee-zapovednike "Khmelita" [A.S. Griboedov's biography and work: scientific work in the Khmelita museum-reserve]. *Khmelitskii sbornik. Vyp. 16* [Khmelita collection. Iss. 16]. Viaz'ma, 2014, pp. 120–127. (In Russ.)

Skorokhodov M.V. Istochniki letopisi zhizni i tvorchestva pisatel'ia [Sources for a chronicle of writer's life and work]. *Kul'turnaia zhizn' Iuga Rossii*, 2009, no. 3 (32), pp. 77–78. (In Russ.)

Skorokhodov M.V. Stanovlenie zhanra Letopisi zhizni i tvorchestva pisatel'ia (1930-e gody) [Formation of chronicle of writer's life and work as a genre (1930s)]. *Kul'turnaia zhizn' Iuga Rossii*, 2008, no. 3 (28), pp. 92–94. (In Russ.)

Stroganov M.V. God rozhdeniia Griboedova, ili "Polputi zhizni" [Birth year of Griboedov, or "Life's halfway"]. *A.S. Griboedov. Materialy k biografii* [A.S. Griboedov. Materials for biography]. Leningrad, Nauka Publ., 1989, pp. 10–16. (In Russ.)

Stroganov M.V. Literaturnyi byt kak literaturnyi fakt. Dnevnik A.V. Markov-Vinogradskogo [Literary life as a literary fact. A.V. Markov-Vinogradsky's diary]. *Literaturnyi fakt*, 2017, no. 6, pp. 30–47. (In Russ.)

Tarkhova N. K probleme izucheniia biografii Griboedova segodnia [On the problem of studying Griboedov's biography today]. *Voprosy literatury*, 2013, no. 4, pp. 130–150. (In Russ.)

Tarkhova N.A. Pochemu u Griboedova byl gerb (k probleme biografii) [Why Griboedov had a coat of arms (on the problem of biography)]. *Khmelitskii sbornik. Vyp. 17* [Khmelita collection. Iss. 17]. Viaz'ma, 2016, pp. 108–115. (In Russ.)

Tarkhova N.A. Rekonstruktsiia sobytiinogo riada zhizni Griboedova po sovremennym emu istochnikam (k rabote nad Letopis'iu) [Reconstruction of the event line of Griboedov's life according to the sources of his time (working on the Chronicle)]. *Khmelitskii sbornik. Vyp. 16* [Khmelita collection. Iss. 16]. Viaz'ma, 2014, pp. 160–174. (In Russ.)

Facts of life — facts of literature?

Discussing “Chronicle of A.S. Griboyedov’s Life and Work. 1790–1829”.

Comp. by N.A. Tarkhova. Moscow, Minuvshee Publ., 2017. 608 p.

Comp. by M.V. Stroganov

Abstract: The discussion is devoted to the problems of A.S. Griboyedov’s biography, actualized by a new chronicle of his life and work. Particular attention is attracted by the problem of the writer’s birth year and his social status (legal birth / illegitimacy), as well as Griboyedov’s psychological state resulting from it. The authors raise questions of genre nature and structure of a chronicle, which gives the discussion a universally significant character.

Keywords: A.S. Griboedov, biography, chronicle of life and work, illegitimate children in the 19th century.

Information about the authors: Mark Altshuller, Cand. Sc. (Philology), Prof. Emeritus, University of Pittsburgh, USA. E-mail: altshul@pitt.edu

Sergey Dmitriev, Cand. Sc. (History), Honored Worker of Culture of the Russian Federation, Moscow, Russia. E-mail: sdmitriev07@bk.ru

Mikhail Stroganov, DLitt, Professor, Leading Research Associate, Gorky Institute of World Literature, Moscow, Russia. E-mail: mvstroganov@gmail.com

Nadezhda Tarkhova, independent researcher, Moscow, Russia. E-mail: speranza09@yandex.ru

Albina Filippova, Cand. Sc. (Philology), General Director Deputy for Scientific Work, State Historical, Cultural and Natural Museum-Reserve of A.S. Griboyedov “Khmelita”, Smolensk Oblast, Russia. E-mail: alla.nauka@bk.ru

Citation: Facts of life — facts of literature? Discussing “Chronicle of A.S. Griboyedov’s Life and Work. 1790–1829”. Comp. by N.A. Tarkhova. Moscow, Minuvshee Publ., 2017. 608 p. *Literary fact*, 2018, no. 10, pp. 439–463.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ФАКТ
Научный журнал

2018 № 10

Основан в 2016 г.
Выходит 4 номера в год

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере
связи и массовых коммуникаций
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77 – 67296 от 30 сентября 2016 г.
Подписной индекс по каталогу «Роспечать» 80039
ISSN 2541-8297

Адрес редакции: Институт мировой литературы им. А.М. Горького
Российской академии наук. 121069, Москва, ул. Поварская, д. 25а
Телефон: +7 (495) 690-50-30
Сайт: www.litfact.ru

Дизайн обложки А.В. Белоусова
Компьютерная верстка Н.Э. Чайковская
Подписано в печать 08.11.2018
Формат 60×90 1/16
Усл.-печ. л. 29,0
Тираж 500 экз.

Отпечатано в ППП «Типография «Наука»
121099, Москва, Шубинский пер., 6
Заказ №

